

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Сборник научных трудов

2010

Нестор-История
Санкт-Петербург
2010

УДК 316.014
ББК 60.504/506
П 29

*Печатается по решению
Ученого совета Социологического института РАН*

Редколлегия:

И.И. Елисеева, чл.-корр. РАН, д.э.н., профессор,
засл. деятель науки РФ; *А.А. Клецин*, к.соц.н.; *Г.В. Еремичева*, к.ф.н.;
А.Г. Щелкин, д.ф.н., профессор; *А.В. Дука*, к.полит.н.

П 29 **Петербургская социология сегодня.** Сборник научных трудов
Социологического института РАН. — СПб. : Нестор-История,
2010. — 512 с.

ISBN 978-5-98187-641-7

В сборнике представлены результаты основных направлений исследований сотрудников Социологического института РАН в области методологии и истории социологии, трансформации российской семьи, изучения взаимосвязей траектории жизни человека и общества, социального неравенства и девиантологических аспектов потребления и алкоголизации общества.

Для социологов, историков, экономистов и методологов науки.

УДК 316.014
ББК 60.504/506

ISBN 978-5-98187-641-7

9 785981 876417

© Социологический институт РАН, 2010
© Издательство «Нестор-История», 2010

ВВЕДЕНИЕ

Очередной сборник научных трудов Социологического института РАН содержит статьи, отражающие результаты исследований по плановой тематике НИР и грантам.

Результаты фундаментальных исследований по проблемам цивилизации, которые ведутся в секторе истории российской социологии, получили отражение в статье Р.Г. Браславского. Автор поставил перед собой сложную задачу реконструировать исторический контекст идеологических дискуссий о постсоветской России, отталкиваясь от теории модернизации. Одной из реконструируемых моделей российской модернизации выступает модель конвергенции, основанная на идее сближения России с Западом. Заметим, что европейская идентичность России не так однозначна, как считают сторонники этой модели, недооценивающие азиатское начало в российской государственности и в российском обществе. Способность россиян адаптироваться к изменяющимся условиям сочетается с тяготением к архаичным формам организации и взаимодействия. Противоречия между целями модернизации и консервативными социальными средствами сохраняется.

Статья Б.Е. Винера стоит особняком по отношению к другим статьям сборника. Но эта обособленность оправдана. Статья посвящена исследованиям метапроблем социологической науки, что всегда интересно специалистам, тем более что речь идет о когнитивной структуре социологии. Автором проанализировано примерно две тысячи статей из ведущих американских социологических журналов за пять лет (2001–2006) и проведена их кластеризация. Анализировались не только содержание статей, но и CV авторов. Наличие профессионального социологического образования или ученой степени, полученной за социологические исследования, служило критерием разграничения «социологических» и «не социологических» публикаций. Использован метод цитирования. Проведенное Б.Е. Винером исследование позволило сделать вывод о частичном соответствии когнитивной

структуры институциональной структуре социологии. В данном случае под институциональной структурой понимались социологические специальности или секции, существующие в американской социологической ассоциации. Множество выделенных кластеров (75) отражает полифоничность американской социологии, ее «незацикленность» на каких-то магистральных темах.

Методологическую тему продолжает статья А.Э. Гегера, в которой обсуждается способ несмещенной оценки ценностей, основанной на самостоятельной рефлексии людей. Это исследование, безусловно, вносит вклад в достижение объективности социологического знания.

Методологические новации можно найти и в статьях Н.Л. Русиновой, Л.В. Пановой и Н.Р. Корнева.

В сборнике нашла отражение традиционная для Социологического института проблематика семьи, гендерных и сексуальных отношений (статьи С.И. Голода, И.И. Елисеевой, А.А. Клецина, О.Н. Бурмыкиной). Поднимаются проблемы демографии и социологии в контексте урбанистики, констатируется очевидность тех тенденций в изменении состава и роли семьи, которые в советское время связывали с буржуазным миром. Авторы отмечают то, что все они зародились в России еще в советский период, но только теперь, в последние двадцать лет, стали осмысливаться и изучаться. Причем такие тенденции, как снижение рождаемости, нуклеаризация семей, распространение неполной и материнской семей, рост доли одиночек, не могут пролонгироваться на сколь угодно длительный период. Этим тенденциям противостоит влияние миграции — как прибытия, так и выбытия из крупных городов. Особый режим воспроизводства мигрантов, традиций межпоколенных связей, поддержание этнических связей и создание национальных анклавов в современных российских городах, а также занятие представителями какой-либо национальности определенных профессий являются реалиями сегодняшнего дня и, по-видимому, будущего. Влияние миграции носит кумулятивный характер. Так, миграционное сальдо для Санкт-Петербурга составляет примерно 32 000 человек в год. Это меньше 1% от численности населения города. Но это происходит из года в год, и, скажем, за десять лет доля мигрантов уже составит около 8%. Состав семьи, ее роль, ее функции не остаются постоянными, они изменились и продолжают изменяться. Используя официальную российскую статистику, трудно получить многомерный портрет городской семьи. Как известно, в нашей стране нет городской статистики, официальная статистика

имеется только по двум городам — Москве и Санкт-Петербургу как самостоятельным субъектам Российской Федерации. Данные по всем другим городам объединяются с данными поселков городского типа и сельских поселений в рамках соответствующего субъекта РФ. Это весьма странно, ведь в нашей стране уже с 1950-х годов городских жителей больше, чем сельских, а в последние годы 73% населения России являются жителями городов. Соединение в официальных данных сведений о сельских и городских жителях не позволяет охарактеризовать тот фон, на котором протекают изучаемые процессы, в частности, сохраняющий актуальность процесс алкоголизации населения (см. статью З.Л. Бодановской, И.И. Гурвича, М.М. Русаковой).

Проблема социального неравенства, столь популярная в современной России, получила развитие в статьях сотрудников сектора исследования социальной структуры (статьи Г.В. Еремичевой и Е.П. Евдокимовой, С.Н. Игнатовой и Е.М. Порецкиной, Н.Р. Корнева). Все статьи подготовлены по результатам международного проекта EUREQUAL «Социальное неравенство и что оно означает для экономического и демократического развития Европы и ее граждан. Посткоммунистическая Центральная и Восточная Европа в сравнительной перспективе». Статья Н.Р. Корнева выделяется своей многоуровневостью: исследуются эффекты трансформации на уровне стран, социальных групп и личности. Применяя количественные методы, автор статьи делает впечатляющий вывод о том, что от перехода к рыночной экономике выиграли все социальные группы, хотя, конечно же, в разной степени. Этот вывод внушает оптимизм, веру в социальную устойчивость социумов и возможности дальнейшего развития.

Исследователи биографического фонда представили статьи об исследовании жизненного мира, применении теории «практик» и биографическом контексте социально-культурных изменений (статьи К.Ю. Дивисенко, О.Б. Божкова, Н.Н. Цветаевой).

Охватившая российское общество идея модернизации развивается в трех статьях сотрудников сектора социологии науки и инноваций. В основу исследований, ведущихся Б.Г. Тукумцевым, положен кросс-культуральный подход. Переход на грантовое финансирование составляет одну из примет современности. Исследуя развитие этого института и обращение к нему ученых, Е.А. Иванова делает вывод об активном использовании этой новой для российских ученых формы, интерпретируя грантовую систему как механизм дифференциальной поддержки исследовательских грантов.

Результаты девиантологических исследований, традиционно занимающих важное место в тематике СИ РАН, представлены в трех статьях, две из которых базируются на эмпирических исследованиях. Особый интерес представляет статья В.В. Гольберга, К.Ю. Белоусова и Я.В. Костюковского, несущая заряд новых идей в исследовании девиантологических проявлений общества потребления.

В сборник не вошли результаты исследований сектора социологии власти и гражданского общества, которые ежегодно публикуются отдельным изданием.

Редколлегия

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Р.Г. БРАСЛАВСКИЙ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ОТ ГЛОБАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ К ГЛОБАЛЬНОЙ МОДЕРНОСТИ¹

Аннотация: В статье предлагается логическая реконструкция теоретического контекста социологических дискуссий о постсоветской России. В качестве отправной точки анализа берется теория модернизации, которая рассматривается как составная часть более широкой теоретической формации, включающей также теории институциональной дивергенции, локальных цивилизаций и капиталистической миросистемы. Далее показывается переход от данной теоретической формации через радикальную постмодернистскую социальную теорию к новой теоретической формации глобальной модерности, представленной трансформационной, диверсификационной и плюралистической моделями.

Ключевые слова: постсоветское российское общество, модернизация, глобализация, модерность, когерентность, контингентность

Введение

Центральная проблема современной российской социологии заключается в объяснении посткоммунистических институциональных изменений. На революционные события 1989–1991 гг. российская социология ответила ревитализацией теорий модернизации и конвергенции, доминировавших в западной социологии в 1950–1960-е гг.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-03-00840а.

В последующие два десятилетия эти теории были подвергнуты более или менее радикальной критике со стороны исторической социологии революций, мир-системной теории, цивилизационного анализа, а также постмодернистской социальной теории. Однако в 1990-е гг. теории модернизации и конвергенции вновь вышли на авансцену в мировой социологии. Оппозицию теориям «посткоммунистического транзита», неомодернизации и неоконвергенции составили модифицированные версии также восходящих к классикам социологии теорий азиатского способа производства и патримониализма. С конца 1980-х гг. эти теории стали открыто применяться для характеристики советского общества, а позже и социетальной системы посткоммунистической России. Помимо вышеназванных институциональных теорий распространение получили культурологические объяснения российского общества в русле теории локальных цивилизаций. Новые теоретические подходы, возникшие в мировой социологии с конца 1980-х гг., ассоциируются главным образом с понятиями «модерность» и «глобализация».

Модернизация, глобализация, модерность

В одной из своих теоретических интерпретаций понятие глобализации оказалось тесно связанным с теорией модернизации. После 1989 г., когда завершение холодной войны обрело свое символическое воплощение в разрушении Берлинской стены, широко распространилось убеждение в том, что западный идеологический и институциональный проект современного общества доказал свой исключительный универсализм и теперь должен получить повсеместное распространение в мире — своеобразная неолиберальная эсхатология, возвестившая о «конце истории». Модернизацию, как процесс выработки и кристаллизации институциональных форм современного общества на Западе, сменяет глобализация, как процесс распространения и присвоения этих форм по всему миру. Следствием глобализации, понимаемой как неолиберальная трансформация глобального капитализма, должно было бы стать завершение процесса модернизации в посткоммунистических обществах. Модернизация и глобализация понимались, по сути, как «вестернизация» и «американизация» и сливались во всеобъемлющей концептуальной схеме в единый последовательный процесс социального изменения.

Трудности, возникшие на пути реализации западного современного институционального проекта, вызвали среди разных «идеологических групп» российских интеллектуалов неодинаковую реакцию. Среди либералов возникло разочарование в возможностях институциональной либерально-демократической и рыночной модернизации российского общества, что заставило их внести коррективы или полностью пересмотреть исходную схему «линейной» глобальной модернизации. Консерваторы от коммунистов до «неоевразийцев» и «православных фундаменталистов» еще раз убедились в ущербности и непригодности для России западного проекта современного общества. «Умеренная», либерально-консервативная реакция состояла в замещении вестернизационного проекта модернизации проектом «постмодернизации», предполагающего объединение национальных культурных традиций и современных экономических и политических институтов.

На этой волне в социологии на смену оптимистичным теориям неомодернизации, неоконвергенции, «посткоммунистического транзита» пришла гораздо более сдержанная в отношении современного будущего российского общества концепция «трансформации». В теоретическом контексте российской социологии термин «трансформация» приобрел значение диагноза российской действительности, обнаружившей неадекватность субстанциальных, содержательных, качественных определений российского общества как «модернизирующегося» или «транзитного». Свой основной смысл концепция российской трансформации получает не от соотношения с эмпирической реальностью, а от теоретического контекста, в котором она возникла как отступление от теории модернизации. Понятие трансформации указывает на структурный характер происходящих в обществе изменений, но ничего не говорит об их качественной определенности, кроме того, что эти изменения не соответствуют «классической» модели модернизации. Так, выражая сомнение в правомерности называть модернизацией «управляемое сверху создание капиталистического производства на чуждой ему основе», В.А. Ядов утверждает, что «наша страна претерпевает социетальную трансформацию, но не модернизацию в принятом понимании термина»². Понятие трансформации характерно для позиции «осторожного скептицизма»: как в отношении модернизационной направленности происходящих изменений,

² Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций. СПб.: Интерсоцис, 2006. С. 71.

так интерпретационных возможностей социологии определить формирующийся в ходе этих изменений тип социетальной системы.

Понятия «трансформация» и «глобализация», получившие распространение в социологическом дискурсе в последние два десятилетия, задают некоторые рамки и ориентиры эмпирическому исследованию и теоретическому анализу процессов, происходящих в российском обществе. Но интерпретационные возможности этих концептов ограничены. Они указывают на формальные характеристики процессов, в них содержится указание на глубину и масштаб происходящих социальных изменений, но остаются неясными их направленность, механизмы, последствия, очертания складывающейся социетальной конфигурации. Например, возникает вопрос, означает ли термин «трансформация» в применении к нынешнему российскому обществу процесс структурирования, реструктурирования или деструктурирования социетальной системы? В то же время концепция модернизации дает вполне определенный ответ на этот вопрос, отсылая к содержательным характеристикам «модерного общества». Термин «глобализация» за относительно короткий период своего интеллектуального обращения претерпел значительные смысловые изменения. Как прежде понятие модернизации в трудах исторических социологов, так сегодня концепт «глобализация» фрагментировался, диверсифицировался и плюрализировался. Во-первых, он стал использоваться в отношении не только переживаемой фазы мировой истории, но и ее более отдаленных, в том числе докапиталистических периодов. Процессы глобализации стали рассматриваться как имеющие «долгую историю». Во-вторых, возникло представление о контекстности глобализации, о многих и даже «альтернативных» глобализациях³. Глобализация более не рассматривается как линейная функция «линейной модернизации». Таким образом, можно констатировать, что понятие глобализации постигла та же участь, что и все более ранние понятия — такие как *прогресс*, *цивилизация*, *эволюция*, *модернизация*, *модерность* — изначально выдвигавшиеся с целью преодолеть эмпирическое многообразие мира в универсалистской и, по сути, телеологической и финалистской репрезентации истории как движения к гомогенному и когерентному состоянию современности. Последующая критика этих схем приводила

³ Бергер П. Введение. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация: культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 8–24.

на терминологическом уровне к тому, что те понятия, которые поначалу играли в этих схемах ключевую роль и использовались в единственном числе, приобретали множественную форму словоупотребления: история понятия цивилизации в данном случае задает парадигму для всех других вышеперечисленных терминов этого уровня.

В настоящее время «глобализация» из универсальной интерпретационной схемы превратилась не только в основной социологический факт современности, требующий своего объяснения, но и стала главным «фреймом» современного социологического анализа. Фрейм «глобализации» заменил доминировавший в социологии фрейм «самодостаточного общества», в качестве эмпирического референта которого выступало «национальное государство». Национальное государство как социальный феномен никуда не исчезло, но социологический анализ уже не может ограничиваться его рамками, рассматривать социальные взаимодействия и процессы как происходящие исключительно внутри национальных государств или между национальными государствами. Влияние этого образа общества было весьма заметно даже в некоторых, «классических» версиях цивилизационного и мир-системного анализа, в каждом из которых выделяемые базовые социо-исторические единицы принципиально отличались от национальных государств. Но при этом национальные государства рассматривались в качестве основных строительных блоков как отдельных цивилизаций (от Н.Я. Данилевского до С. Хантингтона), так и модерной, капиталистической миросистемы (И. Валлерстайн).

Модернизационный подход ограничен фреймом национального государства, и в этом заключается его основной методологический порок. В социальных науках сложилось разделение труда, при котором социология в основном сосредоточилась на интрасоциетальных связях и «внутренней» политики современных государств, в то время как интерсоциетальные связи и «внешняя» политика национальных государств разрабатывались теорией международных отношений. В социологии национальное государство выступало эмпирическим референтом (денотатом) абстрактного понятия общества, интерпретируемого как «социальная система». Теория модернизации, исходящая из структурно-функционалистских представлений, описывала внутрисистемные институциональные отношения, игнорируя то, что находится по другую сторону системной границы «внутреннее/внешнее». При этом социологическое теоретизирование на языке системной теории затемняло тот факт, что в реальности границы социальной

системы конституируются в социальном взаимодействии и представляют собой социальное отношение. Иначе говоря, граница социальной системы означает не прерывание социального взаимодействия, а лишь его структурирование. Подчеркивалась относительная автономия социальной системы от внешней среды, последняя включала в себя также социальные общности, с которыми данная социальная система находилась во взаимодействии. Любое государство представляет собой социальную структуру и институциональную формацию, которая возникает в рамках определенной социальной сети, но никогда полностью ее не охватывает. Взаимодействие национального государства с внешним социальным окружением строится на основе отношений «включение/исключение».

Теория модернизации была склонна признавать одностороннее «благодетельное» влияние, которое современные общества оказывают на «развивающиеся» общества, стимулируя их развитие. Предполагалась огромная важность контактов с западными обществами для осуществления модернизации «отсталых» стран. Теория модернизации рассматривала взаимодействие Запада с остальным миром с точки зрения диффузии западных институтов и ценностей, и в этом проявилась ее идеологическая зашоренность. Роль взаимодействия с незападными странами для модернизации самих западных обществ не акцентировалась. Осуществляемые Западом экспансия, завоевание, колонизация рассматривались как следствие эндогенного по своей природе процесса модернизации европейских обществ. Могла ли сформироваться институциональная структура современных обществ Запада без принуждения, подкрепляемого в случае необходимости военной силой, использования природных и трудовых ресурсов, экономической эксплуатации незападных обществ? В какой мере институционализация в западных обществах ценностей свободы и равенства связана с осуществляемыми данными обществами открытым и структурным насилием, принуждением, эксплуатацией, доминированием по отношению к своей «внешней социальной среде»? Было бы чрезмерным упрощением говорить, что необходимой предпосылкой «внутренней свободы» современных национальных государств является «внешняя не-свобода» отсталых традиционных и развивающихся обществ, но то, что национальное государство как политическая форма современного общества конституируется отношениями «включение/исключение» вполне очевидно. При этом отношения «включения/исключения» часто неотделимы от отношений социального неравенства со всеми

присущими ему проявлениями доминирования, неэквивалентного обмена, неравного распределения власти, ресурсов, жизненных шансов. Национальные государства обеспечивают правами и благами, прежде всего, своих граждан и исключают из непосредственного участия в распределении ресурсов других, всех тех, кто не является гражданами данного государства. Социология традиционно уделяла огромное внимание социальной структуре обществ и существующему внутри них социальному неравенству. Однако интрасоциетальные иерархические деления на высшие и низшие, привилегированные и непривилегированные, правящие и управляемые, доминирующие и доминируемые социальные слои и группы вторичны, по крайней мере, в логическом отношении, по сравнению с интерсоциетальными делениями, основанными на критериях принадлежности, членства, «включения/исключения». Несмотря на внутреннюю социальную стратификацию, национальные государства в глобальном контексте стремятся конституироваться и конституируются как статусные социетальные группы — национально-культурные общности. Отсюда забота национального государства о национальной культуре, национальных традициях, национальном языке, национальных символах.

Теория модернизации задает слишком узкую рамку для понимания современных обществ, причем не только отсталых или модернизирующихся обществ, находящихся за пределами Запада, но и самих модернизированных западных обществ. Теория модернизации редуцирует транссоциетальное состояние модерности к характеристикам «модерного общества», реализованного в странах Западной Европы, Северной Америки. Но «модерность» всегда была больше «модернизации», в том числе модернизации самого Запада. Сводить модерность только лишь к социальным процессам и структурам «внутри» западных обществ представляется ошибочным. Процессы модернизации в западных обществах являются частью процессов глобализации. Мир-системная теория показала, что обратной стороной модернизованности западных государств является зависимость и отсталость незападных обществ. Капиталистическая миросистема — это образ ставшей глобальной модерности, которая не сводится к процессам модернизации, рационализации и цивилизации в государствах «ядра», но включает в себя страны периферии и полупериферии, которые, с точки зрения модернизационной теории, находятся за пределами модерности или только входят в нее. Основанная на капиталистическом способе производства «модерная мир-система»

(И. Валлерстайн) не может существовать без эксплуатируемой и зависимой периферии, и, в действительности, она создает и воспроизводит ее как необходимый компонент своей структуры, как неотъемлемую часть своей конституции. Немодернизированные или полумодернизированные страны периферии являются не внешней средой и условием функционирования современной капиталистической миросистемы, а входят в саму ее конституцию. Модернизация неотделима от капиталистической экспансии, и последняя не является лишь следствием первой. Процессы социетальной трансформации неотделимы от процессов интер- и транссоциетальных взаимодействий, предельным случаем масштабов и интенсивности которых является глобализация. Даже если согласиться с тем, что о глобализации имеет смысл говорить применительно только лишь к сдвигам последних нескольких десятилетий, то последствием использования понятия глобализации должен стать пересмотр концептуальной схемы в отношении всей истории модерности, а в действительности — и в отношении докапиталистической истории человечества, как это показывают новые, основанные на сетевом подходе, сравнительно-исторические исследования в мир-системном, цивилизационном, геополитическом анализе. «Модернизацию» и «глобализацию» следует рассматривать как два взаимосвязанных процесса, как две стороны формирования единой, но сложной, гетерогенной и противоречивой реальности модерности, многообразие институциональных и культурных форм которой не может быть сведено к сверхобобщенной и унифицированной модели «модерного (модернизированного) общества».

Модели и особенности российской модернизации

Теории модернизации соответствует представление о современном обществе как определенном наборе институтов и модернизации как определенном порядке и способе осуществления институциональных изменений. Возникший в 1950-е гг. применительно к развивающимся странам третьего мира термин «модернизация» позже приобрел более широкое значение фундаментального социетального сдвига от традиционного общества к современному обществу, впервые начавшего осуществляться в странах Западной Европы в Новое время. В результате возникло представление о «первичной» и «вторичной» модернизациях. С пуристской точки зрения, странами классической «органической» модернизации могут считаться лишь Англия и Франция,

родины сыгравших ключевую роль в формировании модерности двух революций — промышленной и политической. Даже модернизация Германии считается не соответствующей в полной мере классической модели «органической» модернизации, не говоря уже о странах Восточной Европы, Латинской Америки, Азии и Африки.

Классическая модель модернизации выступает идеальным типом, на фоне которого выявляется историческое своеобразие процессов социального развития российского общества. Выявление отклонений реальных путей исторического развития тех или иных обществ от классической модели модернизации часто ведет не к отказу от модернизационной перспективы, а к спецификации определения модернизации. Например, В.Г. Федотова выделяет пять типов модернизации: колонизацию, вестернизацию, догоняющую модернизацию, развитие на основе собственной идентичности (постмодернизацию) и разнородное развитие обществ, определяемое их внутренним выбором при глобальной функции капитала⁴. Российская модернизация описывается как «догоняющая», «консервативная», «инструментальная», «имперская», «рецидивирующая», «зависимая», «отстающая», «мнимая», «фрагментарная», «мобилизационная», «периферийная». Перечень может быть продолжен. Тем не менее, такое терминологическое разнообразие может быть сведено в несколько основных концептуальных моделей российской модернизации, различающихся между собой интерпретациями предпосылок (стартовых или постоянных условий), процесса (механизма осуществления) и результатов (складывающейся социетальной конфигурации) модернизационного процесса в России. Основанием для выделения данных моделей служит сравнение с моделью «классической» модернизации, обобщающей исторический опыт модернизации западных обществ.

Итак, можно выделить три модели российской модернизации.

1. *Модель «догоняющей модернизации».* Эта модель устанавливает принципиальное сходство внутренних (социогенетических) предпосылок, процесса и результатов модернизации в России и на Западе. Россия движется по тому же пути, что и Запад, но она оказалась задержанной в своем развитии неблагоприятными внешними (природными, геокультурными — удаленность от античных центров цивилизации, падение Византии) и геополитическими обстоятельствами.

⁴ Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 27.

Россия — не «отсталое», а «задержанное» неблагоприятными внешними условиями в своем развитии общество, проходящее в своей истории те же самые стадии, что и Запад, только с опозданием. По выражению Б.Н. Миронова, Россия является «страной другого часового пояса». Она развивается столь же быстро, как и другие европейские страны, но асинхронно с ними. Модернизация в России, как и в любой другой европейской стране, имела свои национальные особенности, но они носят количественный характер и не дают повода говорить об иной, отличной от европейской/западной цивилизационной идентичности России⁵. Важно то, что здесь подчеркивается тождественность эндогенных предпосылок модернизации в России и в странах Западной Европы, а существующие между ними различия в исторической динамике относятся на счет внешних условий, способных лишь ускорить или замедлить, облегчить или затруднить раскрытие эволюционного потенциала обществ, но не изменить траекторию их развития. Эта точка зрения на специфику исторического развития России была отчетливо выражена русскими историками в XIX в. Так, С.М. Соловьев подчеркивал, что «надо внимательно отличать отсталость, происходящую от внутренней слабости при равенстве внешних условий, и задержку, происходящую от различия, неблагоприятности внешних условий при равенстве внутренних». Если «отсталость» является характеристикой неподвижных обществ Востока, то специфика России — это специфика «задержанного» в развитии европейского по своей природе общества⁶. В этом смысле о России говорят как о «второй Европе».

2. *Модель «конвергенции»*. Имея иные, чем на Западе, внутренние и внешние исходные предпосылки развития, решая другие и другими способами исторические задачи, Россия, тем не менее, движется по пути все большего сближения с Западом. Предпосылки («стартовые условия») и способы осуществления модернизации в России и на Западе разные, но достигаемые при этом результаты идентичны. Как и предыдущая трактовка, эта позиция получила отчетливое выражение в XIX в. К.Д. Кавелин утверждал, что в истории России и Западной

⁵ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): в 2 т. / 3-е изд., испр. и доп. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. Т. II. С. 303.

⁶ *Соловьев С.М.* Петровские чтения // С.М. Соловьев. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. С. 427.

Европы «нет ни одной черты сходной, зато много противоположных»⁷. Тем не менее, европейская идентичность России у нашего историка не вызвала сомнений, т. к. русский народ, по его мнению, способен к совершенствованию и развивается, в отличие от неподвижных государств Востока. По мнению К.Д. Кавелина, Россия к началу XVIII в. вышла совершенно другим путем к одной с Европой цели, и с этого времени все различие между ними заключается «только в предыдущих исторических данных, но... дальнейший путь один»⁸. Россия, при всей специфике своего развития, во всех сферах общественной жизни достигает, тем не менее, тех же результатов, что и Запад.

3. *Модель «рецидивирующей модернизации»*. Согласно этой модели, не только предпосылки и способы осуществления, но и результаты модернизации в России иные, чем на Западе. Понятие «модернизирующееся общество» превратилось из характеристики временного, переходного состояния в обозначение особого социетального типа, равным образом отличного как от «традиционного», так и «модерного» общества. В социокультурной динамике такого общества модернизационные тенденции сопровождаются реверсивными процессами «традиционализации» и «архаизации»⁹. Н.Ф. Наумовой данный тип социетального изменения был назван «рецидивирующей модернизацией»¹⁰.

Во всех трех моделях в той или иной степени подчеркиваются некоторые главные, наиболее часто отмечаемые исследователями, особенности российской модернизации. Во-первых, утверждается, что *российская модернизация имела характер мобилизационного развития, имела экзогенные, а не эндогенные источники и инициировалась государством, а не обществом*. Российская модернизация была «вторичной» по отношению к западноевропейской модернизации, явилась ответом на ее вызов и носила догоняющий характер, что нарушало «естественность» и «органичность» социального развития России¹¹. Многие историки сходятся в том, что примерно до XIV в. русское

⁷ Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России [1847] // К.Д. Кавелин Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. С. 12.

⁸ Кавелин К.Д. Указ. соч. С. 66.

⁹ Ахиезер А.С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 1. С. 89–100; Там же.

¹⁰ Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России как форма развития цивилизации // Социологический журнал. 1996. № 3/4. С. 5–28.

¹¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2 т. Т. II. С. 298.

общество развивалось по тому же пути, что и западноевропейское. При этом чаще всего ссылаются на торговые республики Новгорода и Пскова. Однако в XV в. «новгородский» органический путь развития был прерван, и возобладала «московская» мобилизационная модель развития. Историки отмечали существенные отличия процессов возвышения центральной власти и формирования соответственно абсолютизма в странах Западной Европы и самодержавия в России. Западноевропейский абсолютизм возник на основе внутреннего экономического роста общества, развития городов, товарного производства, денежной экономики. В западноевропейских государствах центральная власть поддерживала плюрализм и баланс сил между различными группами интересов¹². Российское самодержавие имело внешнеполитические предпосылки, связанные с постоянной необходимостью ведения войны на разных направлениях, возникло на скудном экономическом базисе и сопровождалось закрепощением всех сословий¹³. В российской модернизации экзогенные факторы преобладали над эндогенными источниками. Согласно распространенной точке зрения, в России в деле модернизации первенствовало государство, ему принадлежала исключительная роль в инициировании, определении направленности и осуществлении модернизационного процесса на всех его стадиях¹⁴. Главным субъектом российских модернизаций «выступала верховная власть (князь, царь, император, генсек правящей партии), которая использовала в качестве инструмента модернизации управленческий класс — административно-политическую бюрократию»¹⁵. Процесс модернизации в России изображается как цепь «революций сверху».

Во-вторых, практически единодушно подчеркивается *незавершенность и противоречивость российской модернизации*. Форсированная модернизация не смогла преодолеть отставание России от западных стран. Согласно В.А. Мельянцеву, в России за три столетия ее экономической и социально-культурной модернизации так и не был создан механизм

¹² Элиас Н. О процессе цивилизации // Социогенетические и психогенетические исследования. В 2-х т. М., СПб.: Университетская книга, 2001. Т. II.

¹³ См., например: Хлебников Н.И. О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1869.

¹⁴ Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России: К обсуждению гипотезы // Полис. 1998. № 2. С. 39–51.

¹⁵ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: веки исторической эволюции. М.: Интеллект, 1998. С. 95.

интенсивного экономического роста, отличающий современные развитые и быстроразвивающиеся страны. Имперская Россия не смогла начать процесс догоняющего развития по отношению к Западу. В советский период разрыв с развитыми странами в целом не изменился, а с 1970-х гг. обозначилось реальное отставание практически по всем направлениям. Таким образом, применительно к России речь должна идти, скорее, об *отстающей*, чем догоняющей модернизации¹⁶. Важная особенность российской модернизации состоит в том, что «в России традиционное общество с его сословиями, общинным укладом и основанная на автократии политическая система, а также адекватный всему этому ценностный строй были разрушены, но дальнейшая эволюция так и не привела к образованию политического, экономического и социокультурного порядка, которые бы соответствовали парадигме современного общества»¹⁷.

В то же время некоторые исследователи российского общества, работающие в русле теории модернизации, казалось бы, готовы признать главным итогом советской модернизации вхождение России в число современных обществ. Согласно Б.Н. Миронову, если «ввиду незавершенности модернизации русское общество в начале XX в. не достигло полной социальной зрелости», то Советская Россия по многим критериям «стала принадлежать к пространству модернистской культуры, а не развивающихся стран»¹⁸. К такому же выводу приходит и А.Г. Вишневский. По его словам, «в начале XX в. по всем основным параметрам — отраслевой структуре экономики, типам собственности, социальному составу, соотношению городского и сельского населения, уровню образования или гигиены, семейному и демографическому поведению и т.п. — Россия кардинально отличалась от своих европейских соседей», это были «разные миры», но «сейчас этого разрыва нет, есть только остаточные различия, свидетельствующие о незавершенности у нас процесса “вестернизации”». То, что «по фундаментальным характеристикам Россия — это общество “западного” типа, что линия развития у нас одна и та же», это у цитируемого автора сомнения не вызывает¹⁹.

¹⁶ Мельянецов В.А. Россия за три века: экономический рост в мировом контексте // Общественные науки и современность. 2003. № 5. С. 84–95.

¹⁷ Пантин В.И., Лапкин В.В. Указ. соч. С. 39.

¹⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2 т. Т. II. С. 332, 333.

¹⁹ Вишневский А.Г. Историческая эволюция России: догоняющее развитие или особый путь // Мир России. 2002. № 3. С. 21.

Однако эти же исследователи отмечают противоречивый характер российской/советской модернизации: «инструментальные достижения модернизации сочетались с сохранением социальной архаики»²⁰; «формула советской модернизации сводилась к технологическому и материальному прогрессу на основе традиционных социальных институтов»²¹. Так, «жизнь в Советской России, как в деревне, так и в городе, стала строиться на принципах, характерных для дореволюционной русской перedelной общины, вследствие чего в национальном масштабе во многих отношениях был воспроизведен социальный строй общины»²². А.Г. Вишневский выражает широко распространенную точку зрения, когда пишет, что консервативная модернизация «позволила СССР воспринять, а отчасти даже и развить многие инструментальные достижения западных обществ (современные технологии, внешние формы жизни, науку, образование и пр.), но не смогла создать адекватных социальных механизмов их саморазвития (рыночной экономики, современной социальной структуры, современных институтов гражданского общества, политической демократии и т.д.)»²³. В конечном счете, это противоречие между модернизационными инструментальными целями и консервативными социальными средствами ввергло советскую систему в кризис и потребовало ее полного реформирования. С этой точки зрения, посткоммунистический период в истории России должен был бы рассматриваться как завершение институциональной модернизации общества, для которой сложились на предыдущих этапах модернизации необходимые структурные и культурные предпосылки.

В-третьих, отмечается *инверсионный, циклический, а не линейно-поступательный процесс российской модернизации*. Российская модернизация осуществляется через циклы реформ—контрреформ. При этом «каждый цикл реформ—контрреформ отнюдь не возвращает общество и государство в исходное состояние, а все-таки продвигает их по пути модернизации, хотя и односторонней»²⁴. Переход от реформ к контр-

²⁰ Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 385.

²¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2 т. Т. II. С. 333.

²² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2 т. Т. II. С. 334.

²³ Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. С. 418.

²⁴ Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России: К обсуждению гипотезы. С. 47.

реформам трактуется не как отказ от модернизации, а как смена способа ее осуществления. Контрреформы в России — это не «реформы со знаком минус», а «продолжение уже начатой волны модернизации государственно-административной, военной и хозяйственной систем, но другими средствами, которые по обыкновению присущи жестким авторитарным или тоталитарным режимам»²⁵.

В-четвертых, делается вывод о *социетальной, социальной и территориальной асимметричности российской модернизации*. Существовала крайне выраженная неравномерность развития разных институциональных сфер общественной жизни — политической, социальной, экономической, культурной. Более того, особенность модернизационного процесса в России состояла в расхождении, «периодически выражающейся разнонаправленности процессов *модернизации государства и модернизации общества*»²⁶. Наряду с институциональной асимметрией исследователи отмечают вызванный модернизацией социальный и культурный раскол российского общества, которое постепенно фрагментировалось, начиная с петровских реформ, и уже к концу XVIII в. оказалось расколотым на две части в соответствии с местом жительства (город—деревня) и сословной принадлежностью²⁷. Существовала также ярко выраженная территориальная асимметрия в модернизации страны по линии центр—периферия, а также между западными и восточными провинциями империи.

Альтернативы теории модернизации

На примере российской модернизации заметны ограничения теории модернизации и предлагаемые пути их преодоления, движение по которым выводит за рамки теории модернизации к прямо противоположным концептуальным схемам. Одна стратегия связана с подчеркиванием «резистентности» (от англ. *resistance* — «сопротивляемость», «устойчивость») социальных институтов, другая — формативной роли и статичности культуры, третья — влияния «внешних факторов», социетального окружения и включенности обществ в транс- и интерсоциетальные системы и сети. Наиболее полно эти стратегии отступления

²⁵ Пантин В.И., Лапкин В.В. Указ. соч.

²⁶ Там же. С. 42.

²⁷ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2 т. Т. II. С. 291, 292.

от идеального типа модернизации реализуются соответственно в моделях (1) институциональной дивергенции, (2) дискретных цивилизаций и (3) капиталистической миросистемы.

Модель институциональной дивергенции. Мобилизационная модель развития, которая выделяется в качестве ключевой характеристики догоняющей модернизации, сформировалась в истории России раньше, чем в ней начались собственно процессы модернизации²⁸. Индустриализация, которая рассматривается как стержневой среди процессов модернизации, осуществлялась в рамках этой модели. Понятие мобилизационного способа развития по содержанию и в эмпирическом отношении оказывается шире понятия «догоняющая модернизация». С этой точки зрения логичным выглядит переход от однолинейной перспективы модернизационной теории к билинейной перспективе социальной эволюции, в которой базовыми категориями оказываются «восточный» и «западный» типы обществ и соответствующие им пути цивилизационного развития.

В теории модернизации формирование современного общества, которое рассматривается как выражение сущности настоящего, означает радикальный разрыв с прошлым. Этот разрыв находит свое высшее воплощение в революциях, как специфически современной форме социальных изменений, которых не знало традиционное общество. Теория модернизации рассматривает западные общества в сравнительной перспективе их собственной истории, соотнося их настоящее с их прошлым. И в этой линейно-исторической перспективе опыт революции оказывается определяющим для самопонимания Запада.

Но если Запад осознавал себя как современное общество, совершившее радикальный разрыв с прошлым, то при этом первобытные и традиционные общества не принадлежали всецело прошлому, а окружали Запад в настоящем. И Запад взаимодействовал с ними — он их покорял, подчинял, завоевывал, эксплуатировал, колонизировал. Современный современный Запад осознавал себя не только по отношению к собственному прошлому, но и по отношению к своему настоящему социальному окружению — Востоку, который с точки зрения Запада никогда не был современным. Присущий Западу опыт внутренней радикальной, революционной трансформации и последующего динамичного развития дополнялся опытом внешнего превосходства, домини-

²⁸ Фонотов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М.: Наука, 1993.

рования над незападными обществами. И этот опыт превосходства стал важнейшим источником формирования современного самообраза Запада и, в частности, характерных для модернизационной теории представлений о цивилизаторской миссии Запада, заключающейся в распространении современных институтов и ценностей в остальном мире и выражающей идею не только экономического, технологического, политического, военного доминирования, но и культурного, социального и морального превосходства Запада над Востоком.

Здесь опять-таки выявляется ограниченность модернизационной теории, сводящей модернность к «набору институтов» и «системе современных обществ»²⁹. Не только современные западные общества формировались в процессе их взаимодействия с незападными обществами. Однако практика и опыт модерности — это не только практика и опыт доминирующих западных обществ, но и практика и опыт доминируемых, покоряемых, колонизируемых, эксплуатируемых незападных обществ — практика и опыт их подчинения и сопротивления, заимствований и отрицания, открытости и автаркии, поражений и побед. И этот опыт также подвергался осмыслению и находил свое воплощение в разнообразном и противоречивом самопонимании модерности. Внутри одних и тех же обществ возникали различные интерпретации сложного опыта модерности, и эти интерпретации соотносились друг с другом, образуя общую транссоциетальную дискурсивную формацию модерности.

Европоцентризм, или ориентализм, был одной из интерпретаций опыта модерности — характерного для современных западных обществ восприятия и осознания своего превосходства над незападными обществами. Восток и Запад наделялись прямо противоположными чертами. И здесь в самопонимании Запада на первый план выходила не идея радикального исторического разрыва своего «модерного» настоящего со своим «традиционным» прошлым, идея революционного изменения и фундаментальной социетальной трансформации, а идея длительной западной исторической традиции как истории непрерывного, последовательного движения к модерности, начиная с возникновения древнегреческих полисов. Древняя Греция, Древний Рим, Средневековая Европа, Запад Нового времени выстраивались в преемственную линию исторического развития особой западной цивилизации, противопоставляемой восточной традиции. В рамках дивергентной модели

²⁹ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.

социальной эволюции «Запад» и «Восток» воспринимались как знаки двух абстрактных противоположных социетальных типов, вполне соотносимых по своим характеристикам с идеальными типами «традиционного» и «модерного» общества в теории модернизации и конвергенции.

Осмысление опыта «двойного превосходства» современного Запада — превосходства над собственным историческим прошлым и над своим социетальным окружением — привело к разным парадигмам мировой истории. Несмотря на все свои очевидные различия, теории модернизации и ориенталистские теории, в действительности, произрастают из одного корня и являются столь же односторонними, сколь и комплементарными по отношению друг к другу. Теория модернизации объясняла причины особого динамизма Запада, ориенталистские теории объясняли причины стагнации Востока. При этом и те, и другие игнорировали культурное и институциональное разнообразие самих западных и восточных обществ, а также их взаимодействие друг с другом.

Российское общество является объектом приложения не только модернизационных, но и ориенталистских теорий. Теории «многолинейного институционализма» восходят к марксистской идее азиатского способа производства и веберовской концепции патримониального типа господства, позже дополненных моделью редистрибутивной экономики К. Поланьи. В центре анализа при этом подходе оказывается конфигурация отношений между институтами собственности и власти и соответствующий им тип социальной стратификации. В современной российской социологии трудности посткоммунистической модернизации России объясняются принадлежностью ее исторически сформировавшейся институциональной структуры к незападной, азиатской линии социетальной эволюции с характерными для нее феноменами «власти—собственности», «государственного» или «политарного» способа производства, «патримониального государства», «раздаточной экономики», «коммунальной материально-технологической среды». В данном случае речь идет не о национальных особенностях российской модернизации, которая все-таки идет в направлении конвергенции с западными современными обществами, а о существовании, по меньшей мере, двух принципиально различных типов институциональной организации обществ и соответствующих им направлений цивилизационного развития (социетальной эволюции). Модель институциональной дивергенции накладывает существенные ограничения на возможности социетальной трансформации и модернизации российского общества.

Модернизация незападных по своей институциональной конституции обществ всегда будет частичной, фрагментированной и незавершенной, не затрагивающей базовые экономические и политические институты и основания социальной стратификации. Модернизационные усилия политических элит и контр-элит не ведут к институциональной трансформации, изменению «институциональной матрицы» данного общества. В последние два десятилетия эта идея применительно к современному российскому обществу наиболее обстоятельно развита в работах О.И. Шкаратана, Р.М. Нуреева, Ю.И. Семенова, С.Г. Кирдиной, О.Э. Бессоновой³⁰.

Модель дискретных (локальных) цивилизаций. Одной из тенденций в развитии исследований российской модернизации является постепенное смещение центра внимания к проблемам социокультурной модернизации³¹. Именно в культуре, системе ценностей все большее число социологов начинают усматривать главный источник трудностей, основную причину торможения институциональной модернизации российского общества. Культура рассматривается как тормоз и ограничитель модернизации. При этом происходит важный методологический сдвиг в исследованиях модернизации: «все чаще звучит предположение о первичном характере социокультурной модернизации по отношению к состоянию таких сфер жизни общества, как экономика и политика»³². Это означает, что культура из консервативной, инерционной, пассивной силы как «тормоза» и «ограничителя» модернизации превращается в активный фактор, оказывающий формирующие воздействие на институциональную структуру общества. Свое крайнее выражение тенденции, обнаруживаемые в теории социокультурной модернизации, находят в теории дискретных (локальных) цивилизаций, методологический профиль которой складывается из комплекса

³⁰ См., например: *Шкаратан О.И.* Этакратизм и российская социетальная система // *Общественные науки и современность.* 2004. № 4. С. 49–62; *Нуреев Р.М., Руннов А.Б.* Россия: неизбежна ли деприватизация? (Феномен власти–собственности в исторической перспективе) // *Вопросы экономики.* 2002. № 6. С. 10–31; *Семенов Ю.И.* Россия: что с ней случилось в двадцатом веке // *Российский этнограф.* 1993. № 20. С. 5–105; *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000; *Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006.

³¹ *Тихонова Н.Е.* Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Статья 1 // *Общественные науки и современность.* 2008. № 2. С. 5.

³² *Тихонова Н.Е.* Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Статья 1. С. 5–6.

представлений об уникальности, статичности, гомогенности и формативной роли культуры (культурного кода). Многими историками, философами, политологами, культурологами российское общество рассматривается как носитель особой цивилизации, которая определяется по-разному: как «православная», «славянская», «евразийская», или собственно «российская»³³. Многие исследователи, работающие в русле мультицивилизационной парадигмы, отмечают полиморфизм, антиномичность и разорванность российской цивилизации, сталкиваясь с теми же самыми методологическими трудностями, что и сторонники модернизационной парадигмы. При этом общим для представителей альтернативных теоретических перспектив является этатистский образ российской социетальной системы. «Несистемность» русской культуры создавала условия, при которых именно государство выступало как носитель наиболее универсального принципа, объединяющего разноликий конгломерат культурных и социальных структур³⁴.

Мир-системная модель. Теория модернизации и рассмотренные выше ее институционально-дивергентная и дискретно-культурная теоретические альтернативы придерживаются эндогенных моделей развития. Интерсоциетальное взаимодействие, культурные заимствования и институциональный перенос в них в той или иной степени учитывались и признавались, но в целом им отводилась роль вторичных или случайных факторов. На выработку базовых социетальных типов, институциональных и культурных форм, которые могли в той или иной степени заимствоваться периферийными обществами, влияние внешнего социетального окружения не оказывало. Уже при объяснении исторических предпосылок и особенностей российской модернизации влиянием внешнеполитических факторов заметен значительный отход от чисто эволюционно-генетической модели развития. Однако радикальному пересмотру соотношение внутренних и внешних источников развития обществ подверглось в мир-системной теории.

С точки зрения мир-системной теории, «уникальность» России объясняется не «загадочной славянской душой» и не отставанием от «передового Запада», а специфическим положением, которое наша

³³ См., например: *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.; *Ерасов Б.С.* Цивилизации: Универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002.

³⁴ *Ерасов Б.С.* Цивилизации: Универсалии и самобытность. С. 428.

страна занимала в мировой экономической системе»³⁵. В ракурсе мир-системного подхода Россия предстает как типический пример государства, относящегося к «полупериферии» капиталистической мир-системы³⁶.

К теоретической формации «модерности»

Несмотря на всю свою противоположность, классические версии теории модернизации и ее трех вышеперечисленных альтернатив объединяет приверженность к построению в высшей степени когерентных, детерминистских и редукционистских моделей социальных формаций, которые изображаются как внутренне непротиворечивые системы, состоящие из жестко взаимосвязанных элементов. Это в первую очередь имеет отношение к теоретическим конструкциям «традиционное/модерное общество», «восточная/западная институциональная (цивилизационная) матрица», «локальная цивилизация», но также в большой мере касается и понятия «капиталистической мир-системы» в классической трактовке И. Валлерстайна (что послужило в дальнейшем основанием для размежевания внутри самого мир-системного анализа).

Теоретические модели, задающие каждому типу общества или цивилизации жесткий, в высшей степени когерентный или гомогенный структурный профиль, институциональную матрицу или культурный код, оказываются аисторичными, неспособными репрезентировать процессы социальных изменений в разнообразии и противоречивом единстве их культурных и институциональных характеристик. Применение данных теоретических конструкций предполагает описание актуального состояния российского общества как приближающегося в большей или меньшей степени к тому или иному идеальному типу. Следствием данной методологии являются либо односторонние образы российского общества, игнорирующие как временные, случайные, переходные, остаточные или несущественные те стороны российской действительности, которые не вписываются в ту или иную теоретическую модель; либо эклектичные образы российского общества,

³⁵ *Кагарлицкий Б.Ю.* Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Алгоритм, Эксмо, 2009. С. 10.

³⁶ *Валлерстайн И.* Россия и капиталистическая мир-экономика // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 30–42.

изображающие его как «разорванное», «расколотое», «промежуточное». В результате российское общество предстает как сочетание взаимоисключающих характеристик, приписываемых противоположным социальным типам: традиционному и модерному, восточному и западному, самобытному и инокультурному.

Сама жесткость, статичность, монолитность исходных теоретических моделей служит, по мере накопления в ходе конкретного историко-эмпирических исследований отклонений от заданных схем, предпосылкой для перехода от одной концептуальной конструкции к другой. В целом, эти четыре теоретические перспективы обращены друг на друга и образуют единую взаимосвязанную теоретическую формацию. Жесткость и когерентность этой формации соответствует жесткости и когерентности вырабатываемых в ее рамках теоретических моделей.

Одним из ответов на данную теоретико-методологическую ситуацию явилось возникновение, начиная с 1960-х гг., более гибких сравнительно-исторических подходов, предлагающих новые интерпретации ключевых проблем и концептов модернизационной, полиэволюционной, мультицивилизационной и мир-системной теорий и подвергающих критике их догматические версии. В числе этих новых подходов выделяются историческая социология модернизаций (Р. Бендикс, Б. Мур, С. Роккан, Ч. Тилли, Т. Скокпол), новая сравнительная политическая экономия, сравнительно-исторический мир-системный анализ (А.Г. Франк, Б. Джиллс, К. Чейз-Данн, Т. Холл, Дж. Абу-Луход, Д. Уилкинсон), историко-социологический цивилизационный анализ (Б. Нельсон, Ш. Эйзенштадт, Р. Коллинз).

Однако, помимо этой общей ревизионистской «сравнительно-исторической» тенденции, сохраняющей в каждом случае большую или меньшую степень преемственности с фундаментальными предпосылками и концептуальными схемами четырех вышеупомянутых теоретических перспектив, в социальной теории возникло радикальное течение постмодернизма. Постмодернизм подверг радикальной критике и отрицанию макросоциологические и макроисторические подходы.

Наконец, все эти тенденции привели к формированию с конца 1980-х гг. новой теоретической формации, представленной теориями, более чувствительными к контингентности и разнообразию институциональных и культурных форм глобальной модерности, чем теория модернизации. Новую теоретическую формацию образуют трансформационная, диверсификационная и плюралистическая модели

глобальной модерности. Трансформационная модель представлена теориями, в которых выделяются разные фазы, последовательные типы модерности — традиционная «организованная» модерность индустриального общества трансформируется в «радикальную», «рефлексивную», «текучую» «вторую модерность» (У. Бек, Э. Гидденс, З. Бауман). Культур-центристская плюралистическая модель модерности представлена теорией множественных модерностей³⁷, наследующей социологической традиции цивилизационного анализа. Институциональная диверсификационная модель модерности разрабатывается в теории разновидностей модерности, продолжающей теорию разновидностей капитализма в новой политической экономике³⁸. Именно те теории, в которых модерность изображается как глобальная, но неоднородная, изменяющаяся, вариативная социоисторическая реальность, выраженная в разнообразных культурных и институциональных формах, представляются наиболее перспективной рамкой для формирования социологических образов современного российского общества. Но это уже тема для следующей статьи.

³⁷ См., например: *Arnason J.P.* Communism and Modernity // *Daedalus*. 2000. № 1. P. 61–90; *Eisenstadt S.N.* Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. № 1. P. 1–29; *Idem.* Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Vol. 2. Boston: Brill, 2003; *Wagner P.* Modernity as Experience and Interpretation: A New Sociology of Modernity. Cambridge: Polity, 2008; *Idem.* Multiple Trajectories of Modernity: Why Social Theory Needs Historical Sociology // *Thesis Eleven*. Vol. 100. February 2010. P. 53–60; *Wittrock B.* Modernity: One, None, or Many? European Origins and Modernity as a Global Condition // *Daedalus*. 2000. № 1. P. 31–60; *Idem.* Social Theory and Global History: The Three Cultural Crystallizations // *Thesis Eleven*. Vol. 65. May 2001. P. 27–50; *Comparing modernities: pluralism versus homogeneity* / Ed. by Eliezer Ben-Rafael and Yitzhak Sternberg. Leiden: Brill, 2005.

³⁸ См., например: *Evans P., Stefans J.D.* Studying development since the sixties: The emergence of a new comparative political economy // *Theory and Society*. 1988. Vol. 17. P. 713–745; *Schmidt V.H.* Multiple Modernities or Varieties of Modernity? // *Current Sociology*. 2006. Vol. 54. P. 77–97.

А. Г. ЩЕЛКИН

ТЕОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ОТ СИНГУЛЯРНОЙ МОДЕЛИ В ПОСТМОДЕРНИЗМЕ К ПОИСКАМ «НОВОГО СИНТЕЗА»

Аннотация. Идея «множественности цивилизаций», казалось бы с самого начала означала простой факт, что «цивилизационное» присутствие в мире человеческого социума выражается не только в «европейском формате», но и в самых разнообразных воплощениях. Особенно сильно «цивилизационный плюрализм» в последние годы артикулировали постмодернистские авторы. Однако эта постмодернистская парадигма приняла явно утрированную и непродуктивную форму «Все есть цивилизация!» Отказ от «качественного» критерия в пользу «количественного» ведет к негативным социальным последствиям — к терпимости к тому, что с точки зрения именно Цивилизации терпимо быть не может.

В статье, основываясь на идеях К. Ясперса и Д. Белла, предлагается взгляд на формирующийся *тип современной цивилизации*, который (тип) возникает сегодня через механизм цивилизационной *перцепции и перекombинации*.

Ключевые слова: постмодернизм; принцип «множественности цивилизаций»; неадекватность постмодернистской модели цивилизации; «цивилизационный» оппортунизм и потворство; опыт формирования современного типа цивилизации; «осевое время» по К. Ясперсу и «осевой принцип» построения современного общества у Д. Белла.

Исследователь, приступающий сегодня к анализу феномена цивилизации в современном мире, сразу же оказывается в довольно щекотливом, даже в затруднительном положении.

Первая трудность состоит в том, что приходится иметь дело с двумя прямо противоположными подходами к трактовке природы и смысла цивилизации. Одна научная и философская традиция, идущая от эпохи Просвещения, рассматривает цивилизацию как фазу в развитии общества, которая принципиально отличается от доцивилизационной эпохи человеческой истории, проще говоря, от варварства. В этом случае *понятие и реальность цивилизации* означают не что иное, как более достойный человека уровень его развития и существования. Собственно так и трактуется сегодня *содержание* понятия «цивилизация» как «идеальное состояние человеческой культуры, характеризующееся полным отсутствием варварства и нерационального поведения»¹. Именно этот

¹ Определение взято из словаря Вебстера. Цит. по: Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Введение / сост. Б.С. Ерасов. М., 1998 С. 13.

критерий обычно и служит/должен служить инструментом идентификации социального феномена, именуемого «цивилизация».

Однако вскоре выяснилось, что этот *качественный* критерий цивилизации перестал быть ориентиром для исторической и общественной мысли. В цивилизационной проблематике возобладал интерес не к «качеству», а к «количеству». Отчасти это было закономерной реакцией на прямолинейный пафос Просвещения, трактовавшего развитие всемирной истории по «единому», «универсальному» и «рациональному» сценарию, исключающему фактически историческое, национальное и прочее разнообразие цивилизационного прогресса.

Критика Просвещения по этому сюжету началась уже в первой трети XIX в. в работах немецких романтиков (Г. Гердер), а затем и историков (Г. Рюккерт), в России эти идеи развивал Данилевский. По-настоящему интерес к многообразию и множественности цивилизаций, как известно, начался в XX в.: Шпенглер, Тойнби, Сорокин. Собственно настоящий взлет этой линии мы наблюдаем во второй половине прошлого столетия в эпоху расцвета британской компаративистики и французского структурализма в культурной антропологии и французской школы «Анналов» — когда на вооружение был прочно взят принцип *локальных цивилизаций*. Сегодня на макросоциологическом уровне этот стиль цивилизационного мышления представлен в работах С. Хантингтона, Эйзенштадта.

Однако признаки кризиса парадигмы «множественности цивилизаций», похоже, не заставили себя ждать. По мере того как мир стал все более обременяться проблемами «глобального», «одновременного», «мгновенного» (instant) существования, все настойчивее стала возникать нужда в новой цивилизационной парадигме. Существенным, а может быть, единственно важным становится не вопрос, чем отличается данная цивилизация от других и в чем ее самобытность, а вопрос: является ли данный феномен «цивилизацией». Характерный пример: Самуэль Хантингтон, опиравшийся на принцип различия цивилизаций, завершил свою интеллектуальную карьеру книгой «Столкновение цивилизаций», где вполне серьезно рассматривал возможность конфликта в виде ядерной войны. Мало кто заметил в этом порок, если не полный кризис доведенной до абсурда теории множественности и независимости «цивилизационных миров». Почему можно воспринимать это именно так? Ответ может быть сформулирован одним предложением: цивилизации между собой не воюют, тем более до полного уничтожения, а если воюют,

то мы имеем дело не с цивилизациями, а с чем-то другим. На той же «методологии» подскользнулся в свое время, например, и Г. Уэллс в своем знаменитом романе «Война миров» (1897).

В российской науке, изучающей теорию цивилизаций, уже начинают обращать внимание на растущую неадекватность, которой грозит обернуться неумеренное пользование принципом «различия цивилизаций» для понимания мировой реальности и ориентации в ней. Хотя идея «мультицивилизованного мира» действительно сегодня популярна, «в том числе под давлением позиций постмодернистских течений»², однако все говорит об условности выделения локальных цивилизаций по самым разным и не всегда главным критериям — например, по географическим или культурным особенностям. Принципиально то, что здесь «отсутствует основание, обеспечивающее возможность определения их именно как цивилизаций»³.

Но дело в том, что авторы концепций «множественности цивилизаций» остаются в плену этой множественности. Их главный пафос — это вполне понятный и справедливый мотив борьбы против «европоцентризма» за толерантность к другим цивилизациям, культурам, этносам. Но принцип «равнозначности», принцип «все есть цивилизация», как и все благое, чреват последствиями, которые могут вымостить дорогу совсем не в том направлении, о котором думалось авторам этих благих намерений.

Выясняется, например, что если не отдавать отчета в уровне и качестве цивилизованности государства, региона, народа на данный момент его развития, то «толерантность» на деле может означать равнодушие и эгоизм «цивилизационного сообщества» перед лицом драмы или катастрофы этого исторического субъекта.

Вот один из примеров в новейшей истории — Индия на рубеже XX в. Индустриальное отставание становится все более драматичным и отчаянным. Крик души двух подлинных сынов Индии — Дж. Неру и Вивекананды. Первый: «Находясь в состоянии духовного паралича и физической усталости, Индия деградировала и осталась омертвевшей и неподвижной в то время, когда другие страны продвигались вперед»⁴. Второй: «Мы так долго умилялись, что стали кипами хлопка...

² Сайко Э.В. Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М., 2003. С. 16.

³ Сайко Э.В. Указ. соч. С. 19.

⁴ Неру Дж. Открытие Индии. Книга первая. М., 1989. С. 79.

Почему нами, трехсотмиллионным народом, управляет какая-то горстка иностранцев?.. Потому что мы в себя не верим... Отбросьте ваш расслабляющий яд и будьте сильными!»⁵.

Перед нами, таким образом, яркий пример самооценки «качества» собственной цивилизованности с стороны людей, которых едва ли можно заподозрить в некомпетентности. Странники «равнозначности цивилизаций» едва ли увидели бы проблему Индии так, как ее отрефлексовали Дж. Неру и Вивекананда. Странники «цивилизационного плюрализма» сказали бы что-нибудь в таком духе, что это де всего-навсего «уникальность» и «сингулярность» индийской цивилизации.

Доктрина «множественности цивилизаций» в обстановке постмодернистской (дез)ориентации часто оборачивается принципом невмешательства именно там, где ситуация требует как раз «принуждения к цивилизации», конкретно — к миру. Примеров, к сожалению, не счесть. Этнический геноцид в суданской провинции Дарфур в 2004–2007 гг., когда погибло около 0,5 миллиона человек, 2,5 миллиона испытали на себе трагедию беженцев. Может быть, скажем, что это тоже специфика локальной африканской «цивилизации»? К счастью, мировое сообщество реагирует на подобные вещи не как на внутренние дела и «примордиальную неповторимость» региона. Международный уголовный суд в Гааге выдал в марте 2009 г. ордер на арест суданского президента Омара аль-Башира за военные преступления в Дарфуре.

Все это говорится нами не в опровержение принципа «локальных цивилизаций» и их «различий», а только с целью показать, что принцип «множества цивилизаций» не должен доводиться до полного релятивизма, при котором утрачивает смысл сам сущностный вопрос о «качестве» той или иной цивилизации, ее «нормальности», *насколько и в какой степени «эта» цивилизация не только уникальна, но и универсальна*, то есть вообще соответствует природе цивилизационного феномена.

Остается сделать первый и предварительный вывод: без понимания этой методологической осторожности при использовании «качественного» и «количественного» подходов к цивилизации как состоянию и процессу трудно построить адекватную цивилизационную модель для сегодняшнего глобального, а точнее, глобально-сетевых мира.

⁵ *Ролан Р.* Жизнь Рамакришны. Жизнь Вивекананды. М., 1999. С. 290–292.

* * *

У «сингулярного» подхода, ориентированного на «принцип самобытности» каждой цивилизации, есть и еще один подводный камень, который не «тематизирован», то есть остается вне поля внимания у многих сторонников вышеназванного направления.

Дело в том, что если делать главный и в какой-то степени единственный акцент на неповторимости и непохожести цивилизаций друг на друга, то трудно объяснить наблюдаемый факт рецепции со стороны одного цивилизационного мира элементов другого мира. А между тем именно в результате этой (взаимо)рецепции сегодняшней планетарный «космос» представляет собой совсем не картину параллельных и самодовлеющих цивилизаций-монад (как это должно бы случиться с точки зрения теории «множественности цивилизаций»), а скорее некое устройство, в котором побеждает/лидирует матрица, наиболее оптимально сочетающая в себе удачные элементы и опыты цивилизации, прошедшие апробацию Истории и Современности. Собственно эта матрица и тиражирует реальность, которую многие исследователи называют *типом* современной цивилизации. О контексте, в котором идет производство сегодняшней «глобальной» цивилизации (тиражировании найденной матрицы) сказано уже цитированным автором: «Сформировалось новое состояние социальности в целом, и поэтому все формы и уровни, все так называемые локальные цивилизации и культурно-исторические типы осуществляются в структурно новом потоке движения Социума, в исторически новом пространстве, где тенденция движения определяется структурно-сущностными характеристиками цивилизации (подчеркнуто мной. — А. Ш.)»⁶.

Сегодня можно говорить об этом процессе и в более предметных социологических терминах. Существенным подспорьем для этого могла бы служить концепция современного общества, представленная в работе известного американского социолога Д. Белла «Культурные противоречия капитализма».

Но прежде чем обратиться к эвристическим возможностям данного сочинения, следует напомнить, что сегодня ученые все с большим основанием понимают под цивилизацией не только и не столько сферу культуры, но и остальные «сектора» социума — социальную и технико-экономическую области. Как пример приведем определение цивилизации А. Ничифоро: «Цивилизация — это совокупность спо-

⁶ Сайко Э.В. *Цивилизация. Восхождение и слом...* С. 25.

совов бытия и способов деятельности группы людей, выражающихся в: 1) материальной жизни, 2) интеллектуальной жизни, 3) моральной жизни, 4) политической и социальной организации рассматриваемой группы»⁷. Обратимся к концепции Д. Белла с учетом этого «системного» подхода к сущности цивилизации.

Дело в том, что Д. Белл в отличие от бытующей социологической традиции рассматривать общество как взаимосвязь и взаимодействующую *экономику, политику и культуру*, считает, что *сегодняшнее, постиндустриальное* общество как раз и не представляет собой такую «органику», такую «системность». В частности, он утверждает: «Тезис, проводимый в этой книге, состоит в следующем: три области — экономика, политика и культура — управляются неодинаковыми осевыми принципами. Для экономики это эффективность, для политики — равенство, для культуры — самореализация (самоудовлетворение)»⁸. Если это действительно так, то мы получаем новый ключ к цивилизационной картине мира.

Оказывается, границы «сингулярности», самобытности и неповторимости каждой из присутствующих в современности цивилизаций перестают быть непроницаемыми. И вот почему. Какая из современной «множественности» цивилизаций не хотела бы иметь *экономику и технологию*, построенную по критерию эффективности? Скорее всего, это вопрос из риторических. Относительно *политической* сферы. Сегодняшний *Zeitgeist* (дух времени) всех политических лозунгов и программ социального дизайна — это «демократия» и «парламентаризм». Несмотря на периодические признаки «демократической рецессии», политика «социального равенства» не имеет сегодня серьезной альтернативы. Демократическим фасадом готовы прикрываться даже диктаторские и авторитарные режимы.

Отдельное и принципиально иное отношение — к *культуре*. Все критерии (экономики, политики и культуры) Д. Белл берет из практики западного постиндустриального общества. Так вот, если в сфере технологии, экономики и политического управления мы наблюдаем повальную рецепцию (понятно, с локальным привкусом) западной схемы, то в области культуры многие регионы совсем не разделяют

⁷ *Niciforo A.* Les indices numériques de la Civilization et du progrès. P., 1922. P. 114. Цит. по: Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Введение / сост. Б.С. Ерасов М., 1998. С. 13.

⁸ *Bell D.* The cultural contradictions of capitalism. N.Y., 1976. P. XII.

принцип организации европейской культуры — принцип «самореализации», «самоудовлетворения», как его определяет Д. Белл. Сам американский социолог в шоке от пути, по которому развивается культура западного, особенно американского общества. «Самореализация» приняла форму «гедонизма» и «нарциссизма». Разрушительные последствия такой «новой чувствительности» очевидны. Поэтому-то Д. Белл и назвал свою книгу «Культурные противоречия капитализма». Ясно, что рецепция «такой» культуры была бы саморазрушительной для любого реципиента. Таковой «гедонистическая культура» является, по вторым основную мысль Д. Белла, и для донора.

Какую картину мирового цивилизационного ландшафта мы наблюдаем с этих позиций?

Если три блока развитого, современного общества (технология/экономика, политика и культура) управляются каждый по своей «оси», то это создает опасность дезинтеграции социума. Д. Белл так и пишет: «Нынешнее общество, я бы сказал, не интегрально, а дизъюнктивно. Различные сферы общества отвечают на различные нормы и имеют различный ритм изменений»⁹. Цивилизационная ситуация в глобальном масштабе спасается, если можно так выразиться, через наблюдаемую тенденцию к *перекомбинации* блоков.

Идет процесс восприятия западных технологий, рыночно-государственного управления, парламентаризма и элементов демократии практически во всех регионах с незападной «цивилизационной историей». Есть, конечно, и масса случаев, когда дело ограничивается только «технологической» рецепцией, то есть ориентацией на хай-тек при сохранении экономического этатизма. Но восприятия западной, особенно современной культуры, мы не наблюдаем нигде. Одиозности американской поп-культуры сопротивляются даже сами атлантические партнеры США. В результате вышеназванной перекомбинации мы имеем на Востоке (Дальнем Востоке в отличие от Ближнего) пример, который может нести смысл назидательного урока цивилизационного прорыва.

Есть ли у западной культуры энергия и потенциал для того чтобы быть, как прежде, идеологией технологических инноваций и социальной демократии, а не сворачивать современное общество «психоделией нарциссизма», «конгруентностью постмодернизма» и приятной неизбежностью «гламурного капитализма»? Известно, что западная

⁹ Bell D. Op. cit. P.10.

цивилизация выросла на серьезной основе, где «протестантская этика» была не единственным ферментом.

Большая надежда западной цивилизации состоит в простом факте: все мировые культуры в основе своей «аксиоматики» идентичны — трудолюбие, солидарность, почитание порядка (как санкционированного свыше и из лучших источников), благоговение перед Космосом, осуждение преступных замыслов и деяний, ответственность за себя и перед будущим и так далее. Эти и подобные ценности, как считает К. Ясперс¹⁰, сформировались почти одновременно во всех очагах мировых цивилизаций и в период «осевого времени» где-то с V по II вв. до н. э. Лежат эти ценности культуры, с такой точки зрения, и в христианско-европейской традиции. «Этика нигилизма» и «гедонизма» вызвала на Западе сильнейшую волну «неоконсерватизма», который, хотя и исправил в определенной степени ситуацию, но адекватным средством все того же цивилизационного прорыва не является.

¹⁰ Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. / Мыслители XX в. М.: Политиздат, 1991.

Б.Е. ВИНЕР

КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА АМЕРИКАНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ПО ДАННЫМ ДЕСЯТИ АМЕРИКАНСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ ЗА 2002–2006 ГГ.

Введение

Внутреннее членение собственной научной дисциплины на суб-дисциплины, исследовательские области, школы, направления и т. д. представляет большой интерес для исследователей, принадлежащих к любой науке, в том числе и для социологов. Специальные работы, связанные с изучением этой проблематики, появляются в США, по крайней мере, еще с конца 1960-х гг.¹ Практически сразу они начали переводиться на русский язык², однако, судя по всему, в то время эти сюжеты советских науковедов интересовали больше, чем социологов³. К сожалению, с тех пор отечественные социологи не очень

¹ Так, D. Crane смогла выделить несколько групп исследователей, связанных взаимным цитированием, внутри такой исследовательской специальности, как сельская социология [rural sociology] (*Crane D. Social structure in a group of scientists: a test of the "invisible college" hypothesis // American Sociological Review. 1969. Vol. 34. №3. P. 335–352.* [Русский перевод: *Крейн Д. Социальная структура группы ученых: проверка гипотезы о «невидимом колледже» // Коммуникация в современной науке: сб. науч. ст. М.: Прогресс, 1976. С. 183–218*]). К сожалению, в этой работе Crane не дает названий выделенным ею группам и не указывает имен их лидеров. Обзор состояния социологии на рубеже 1960–1970-х гг. дан в статье J. Curtis (*Curtis J.E. The sociology of sociology: some lines of inquiry in the study of the discipline // The Sociological Quarterly. 1979. Vol. 13. №2. P. 197–209.*

² См., например: *Крейн Д. Социальная структура группы ученых: проверка гипотезы о «невидимом колледже»; Маллинз Н. Модель развития теоретических групп в социологии // Научная деятельность: структура и институты: сб. науч. ст. М.: Прогресс, 1980. С. 257–282.*

³ Мы полагаем, что не случайно Э.М. Мирский, Э.Г. Юдин, В.Н. Садовский, чьей заслугой является появление сборников переводов, где были помещены статьи Крейн (*Крейн Д. Социальная структура группы ученых: проверка гипотезы о «невидимом колледже»*) и Маллинза (*Маллинз Н. Модель развития теоретических групп в социологии*), в свое время оказались сотрудниками не в Институте конкретных социальных исследований, а в Институте истории естествознания и техники. Сектор социологии науки также с тех пор входит в состав именно этого учреждения (См.: *Винклер Р.-Л., Келле В.Ж. Социология науки // Социология в России: сб. науч. ст. М.: «На Воробьевых» совместно с Институтом социологии РАН, 1996. С. 383–385.*

далеко продвинулись в изучении структуры советской и российской социологии⁴.

Британский социолог науки Р. Уитли в отношении структуры научных дисциплин утверждает, что социальная и когнитивная структуры научной специальности не только коррелируют между собой, но также могут повлиять на развитие новых структур⁵. Уитли допускает существование расхождений между социальной и когнитивной структурами: «Существующая на уровне специальности институционализируемая когнитивная структура не обязательно предполагает наличие сплоченной социальной структуры на этом же уровне, поскольку области исследования могут формироваться и сектантскими группами, которые сходятся во мнениях, скажем, относительно основных ограничений, накладываемых некоторой теорией наблюдения, но расходятся в вопросе о границах применимости этой теории»⁶.

Сравнивая организационную структуру социологической науки в США и современной России, любой исследователь не может не заметить разницу между американской и российской системой организации социологической науки. В США университеты автономны, университетские департаменты социологии обычно не имеют внутреннего деления по специальностям⁷, а координация деятельности социологов осуществляется главным образом через научные журна-

⁴ Заслуживает внимания описание Л. Гудковым некоторых аспектов взаимосвязи между социологическими институтами и теоретическими ориентациями в современной российской социологии (Гудков Л. О положении социальных наук в России // Новое литературное обозрение. 2006. № 1. С. 314–339), а также попытка применения М. Соколовым экономических подходов для обсуждения институциональной динамики социологии в Санкт-Петербурге (Соколов М. М. Проблема консолидации академического авторитета в постсоветской науке // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 8–31; Соколов М. Российская социология после 1991 года: интеллектуальная и институциональная динамика «бедной науки» // Laboratorium. 2009. №1. С. 20–57). Помимо этого, стоит обратить внимание на то, что в настоящее время в составе Института социологии РАН существует сектор социологии науки, который заявляет предметом своих исследований «российские социальные науки 1990–2000 гг.». (URL: <http://www.isras.ru/ssn.html>)

⁵ Уитли Р. Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Научная деятельность: структура и институты: сб. науч. ст. М.: Прогресс, 1980. С. 218.

⁶ Уитли Р. Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования. С. 222.

⁷ Под социологической специальностью в США в согласно С. Cappell и Т. Guterbock понимается секция ACA (Cappell C.L., Guterbock T.M. Visible colleges: the social and

лы, Американскую социологическую ассоциацию (далее — АСА), региональные социологические ассоциации и междисциплинарные научные ассоциации. Научные степени докторов и магистров присуждаются советами (committees), каждый раз создаваемыми департаментами заново для рассмотрения конкретной диссертации. Присвоенная таким советом степень не требует утверждения каким-либо вышестоящим органом.

В России социологическая наука связана в основном с двумя структурами — государственными университетами и Российской академией наук⁸. Все государственные университеты подчиняются распоряжениям Министерства образования и науки, утверждающего стандарты образования, в том числе социологического, и контролирующего практически все аспекты их деятельности. Подавляющее большинство государственных университетов не имеют автономии, а те, которые формально являются автономными, тем не менее, обязаны следовать стандартам, утвержденным этим министерством. Факультеты социологии включают в себя кафедры и отделения, которые в значительной степени изолированы друг от друга, причем специализация кафедр и отделений на разных факультетах может сильно различаться.

В состав РАН входят несколько социологических институтов, а помимо этого имеются социологические подразделения и в составе других институтов. Институты состоят из отделов и секторов/лабораторий. Условия работы институтов и подразделений помимо собственно институтских уставов в значительной степени регламентируются Уставом РАН и решениями Президиума РАН и Отделения общественных наук РАН. Таким образом, и институты РАН не обладают подлинной автономией.

Ситуация еще больше усложняется тем, что ни государственные университеты, ни институты РАН не имеют права самостоятельно присваивать ученые степени. Диссертационные советы в этих учреждениях создаются по приказу Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации. ВАК регламентирует деятельность этих советов, а также утверждает степени

conceptual structure of sociology specialties // American Sociological Review. 1992. Vol. 57. №2. P. 266–273).

⁸ Существуют также негосударственные университеты, где преподается социология, и независимые социологические организации. Однако пока их роль несопоставима с государственными организациями.

кандидатов наук, присвоенные соискателям научных степеней диссертационными советами, и присваивает степени докторов наук. Помимо этого, ВАК определяет, в каких научных журналах соискатель степени должен иметь обязательные публикации для того чтобы претендовать на присуждение степени по той или иной научной специальности.

Наибольший объем информации о социальной структуре научных организаций можно получить посредством изучения документации соответствующих учреждений, в том числе в последнее десятилетие-полтора — через их сайты в Интернете. Сложнее обстоит дело с когнитивной организацией научных дисциплин. Судя по всему, наиболее распространенный способ изучения последней — это историография дисциплин, написанная их представителями, а также обзоры состояния различных научных направлений внутри дисциплин и субдисциплин. Однако эти способы в значительной степени отражают субъективные предпочтения использующих их исследователей. Поэтому неудивительно, что структура социологической науки заметно различается в описаниях разных специалистов. Достаточно привести для примера работы R.A. Wallace и A. Wolf, M. Waters и G. Ritzer, которые выделяют в социологии соответственно восемь теоретических перспектив, пять подходов или три парадигмы. Примечательно, что эти авторы не только различают в социологии неодинаковое количество «подразделений», но и используют разные термины — перспектива, подход, парадигма — для обозначения того, что мы здесь обозначали как подразделение⁹.

Существуют также способы выявления когнитивных группирований ученых внутри отдельных наук, когда субъективное влияние исследователя на полученные выводы в значительной степени ослаблено.

⁹ Wallace и Wolf описывают восемь теоретических перспектив: функционализм, конфликтную теорию (включающую марксизм и веберизм), символический интеракционизм, феноменологию, куда входят этнометодология и теория социального конструирования реальности Бергера и Лукмана, теорию рационального выбора, структурализм, теорию структуризации и социобиологию (Wallace R.A., Wolf A. *Contemporary Sociological Theory: Continuing the Classical Tradition*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1981. Waters выделяет пять подходов: конструкционизм, функционализм, утилитаризм, критический структурализм и феминизм (Waters M. *Modern Sociological Theory*. London: Sage Publications, 1994). Ritzer говорит о трех парадигмах: социальных фактов с тремя школами, или теоретическими подходами, (структурный функционализм, неофункционализм и конфликтная теория Дарендорфа), social-definition с пятью школами (action theory, символический интеракционизм, феноменология, этнометодология, экзистенциализм) и социально-поведенческую с двумя школами (бихевиористская социология и теория обмена) (Ritzer G. *Sociological Theory*. 4th ed. New York: The McGraw-Hill Companies Inc., 1996. P. 641).

Мы имеем в виду так называемые unobtrusive methods, что можно перевести приблизительно как осторожные, осмотрительные, умеренные методы. Применяя их, исследователь в отличие, скажем, от процедур, имеющих место в условиях массового опроса или качественного интервью, никак, ни прямо, ни косвенно (например, через составленный им опросный лист, который использует интервьюер) не может повлиять на те данные, с которыми ему приходится работать. Именно к этой категории относятся методы, используемые в наукометрических (библиометрических) исследованиях.

В качестве примеров наукометрических методов могут выступать анализ соавторства, анализ коцитирования (или социтирования). Так, N. Mullins в приложении к своей книге описывает, как ему удалось, используя информацию о соавторстве наряду со справочниками о членах Американской социологической ассоциации, а также анализ журнальных статей и монографий и мнения экспертов, идентифицировать целый ряд теоретических групп в американской социологической науке¹⁰. Теоретическими группами, функционировавшими во время проведения этого исследования и написания книги, были социальное прогнозирование, этнометодология, новая каузальная теория, структурализм¹¹ и радикально-критическая теория. Им предшествовали стандартная американская социология, символический интеракционизм и теория малых групп¹². К сожалению, в современных российских условиях метод изучения соавторства малопродуктивен хотя бы из-за отсутствия достаточного количества справочников, издаваемых научными ассоциациями, а также из-за различий в культуре соавторства между американской и российской наукой.

Наоборот, анализ коцитирования нам вполне доступен. Коцитирования можно рассматривать как «меру ассоциации между парами часто цитируемых документов. Сила коцитирования определяется как число раз, когда два документа цитируются вместе: она дает понятный количественный способ сгруппировать или связать цитируемые

¹⁰ Mullins N.C. *Theory and Theory Groups in Contemporary American Sociology*. NY: Harper and Row, 1973. P. 316–323.

¹¹ Основателем этой группы, к которой Mullins причисляет и самого себя, является Н.С. White, вождь «гарвардской революции» в изучении социальных сетей, учитель многих американских социологов, в том числе Mullins и M. Granovetter.

¹² Mullins N.C. *Theory and Theory Groups in Contemporary American Sociology*.

документы»¹³. Этот метод успешно применялся зарубежными и отечественными авторами, например, для сопоставления паттернов цитирования в естественных и социальных науках¹⁴, сравнения вклада российских и зарубежных ученых в мировую науку¹⁵, выявления кластеров коцитирования, соответствующих основным подразделениям науки об управлении (organization studies)¹⁶, создания глобальной карты науки¹⁷.

Наибольший интерес для нас представляло бы применение анализа коцитирования в целях описания когнитивной структуры социальных наук¹⁸ и, в частности, социологии в современной России. Однако есть два обстоятельства, препятствующих решению этой задачи в данный момент. Во-первых, пока не существует полноценной базы данных российских научных публикаций, равноценной базам, принадлежащим Thomson Reuters и Scopus. В настоящее время Научная электронная библиотека проводит большую работу по накоплению

¹³ *Small H., Griffith B.C.* The structure of scientific literatures I: Identifying and graphing specialties // *Science Studies*. 1974. Vol. 4. №1. P. 19.

¹⁴ *Small H.G., Crane D.* Specialties and disciplines in science and social science: an examination of their structure using citation indexes // *Scientometrics*. 1979. Vol. 1. № 5–6. P. 445–461.

¹⁵ *Маршакова-Шайкевич И.В.* Вклад России в развитие науки: библиометрический анализ. М.: ТОО «Янус», 1995.

¹⁶ *Gmür M.* Co-citation analysis and the search for invisible colleges: A methodological evaluation // *Scientometrics*. 2003. Vol. 57. №1. P. 34.

¹⁷ *Saka A., Igami M., Kuwahara T.* Science Map 2006: Study on Hot Research Areas (2001–2006) by Bibliometric Method // *Nistep Report*. June 2008. №110. URL: <http://www.nistep.go.jp/achiev/ftx/eng/rep110e/rep110e.pdf>

¹⁸ Уитли не дает достаточно четкого определения того, что он понимает под когнитивными структурами в науке: «В отличие от Куна, который считает, что в “зрелой” науке существует единая и полностью сформулированная “парадигма”, и от попперианцев, которые рассматривают науку как ряд конкурирующих и полностью разработанных теорий, в науке присутствует некоторое разнообразие когнитивных структур с различной степенью замкнутости, когерентности, формализации, и что эти характеристики структур оказывают определенное влияние на их развитие. Более того, в науке существуют различные уровни когнитивной структуры, которые также подвержены изменениям» (*Уитли Р.* Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования. С. 220). Из этой фразы видно, что к когнитивным структурам Уитли относит куновские парадигмы, теории, а также структуры более низкого порядка. Руководствуясь этим указанием, можно сделать вывод, что к когнитивным структурам в науке относятся объекты разного уровня иерархии, даже если эти объекты изучаются исследователями, принадлежащими к конкурирующим теоретическим или методологическим группам. В данной статье в качестве таких объектов выступают кластеры, полученные в ходе библиометрического анализа журнальных публикаций.

материалов (оглавления журналов, резюме статей, полные тексты статей, пристатейная библиография и т. д.), которая, как мы надеемся, позволит вскоре с большой степенью надежности рассчитывать различные библиографические показатели. Во-вторых, прежде чем приступить к работе с российскими данными, целесообразно было бы апробировать инструментарий на англоязычных базах, поскольку в социологии уже накоплен некоторый опыт работы с ними. Кроме того, наша культура цитирования, видимо, отличается от принятой у западных социологов: складывается впечатление, что в русскоязычной статье меньше ссылок, чем в англоязычной. К тому же русскоязычные журнальные статьи по социологии в своей массе меньше по размеру, чем англоязычные.

Авторы предыдущих публикаций вполне успешно справились с задачей применения коцитирования для анализа данных из англоязычных баз. Однако специально исследованием когнитивной структуры социологической науки западные авторы не занимались, если не считать статей Small и Griffith¹⁹ (Small, 1974) и Small и Crane²⁰, в которых решались в основном иные задачи.

В настоящей работе представлены результаты исследования, выявляющего структуру коцитирования в десяти ведущих американских общесоциологических журналах, которая отражает теоретическое членение сегодняшней американской социологии, в свою очередь в значительной степени коррелирующее с социальной структурой (институциональной организацией) данной дисциплины.

Данные и методы

Выборка. На сегодняшний день в мире существуют две онлайн-овые электронные базы данных, охватывающие большинство издающихся в мире научных журналов, в том числе по социальным наукам — “ISI Web of Knowledge”, принадлежащая компании Thomson Reuters, и Scopus, база Издательского дома “Elsevier”. Обе базы позволяют скачивать в различных форматах списки литературы к хранящимся у них электронным копиям журнальных статей.

¹⁹ Small H., Griffith B.C. The structure of scientific literatures I: Identifying and graphing specialties.

²⁰ Small H.G., Crane D. Specialties and disciplines in science and social science: an examination of their structure using citation indexes.

Публикация “Journal Citation Report”²¹, представленная базой “ISI Web of Knowledge”, на запрос перечня журналов по социологии предложила список из 93 журналов за 2008 г. Из них, по нашим подсчетам, лишь семь были неанглоязычными изданиями. Первоначально мы планировали проанализировать структуру всей социологии, представленной на английском, французском и немецком языках. Но после знакомства с этим списком стало понятно, во-первых, что число публикаций на французском и немецком языках будет во много раз меньше, чем на английском. Во-вторых, первые же несколько дней, потраченные на скачивание статей из самых престижных журналов, показали, что нам предстоит огромный объем работы, даже если мы ограничимся лишь частью англоязычных журналов²².

Не имея никаких теоретических ориентиров для определения объема выборки цитирующих статей и принадлежащих им ссылок, мы решили воспользоваться опытом специалиста по менеджменту М. Gmür, который проделал библиометрический анализ журнальных публикаций в области organization studies. Его выборка охватывала пять ведущих журналов в этой области за 1986–2000 гг. До введения минимального порога в 42 цитирования база данных Gmür включала 2114 статей и 139400 библиографических ссылок к ним²³. Следовательно, наша выборка должна была бы включать ориентировочно две тысячи статей.

В отличие от Гмюра, мы полагаем, что пятнадцать лет — слишком большой срок для анализа подобного рода. За это время могут распасться старые и сформироваться новые группирования ученых. Поэтому мы решили ограничиться пятью годами — 2002–2006. При этом мы хотели максимально приблизить анализируемый период к моменту сбора информации. Но вместе с тем мы опасались, что может существовать задержка в сканировании журналов и выводе дан-

²¹ Journal Summary List: 2003 JSL Social Science Edition. URL: <http://admin-apps.isiknowledge.com/JSL/JSL>

²² Лишь в июле 2009 г., посетив семинар, организованный Thomson Reuters и Национальным Электронно-Информационным Консорциумом (НЭИКОН) в СПбГУ, мы узнали, что материалы обеих электронных баз можно приобрести. В любом случае в 2009 г. мы не располагали денежными средствами, делающими возможным такую покупку. В результате нам пришлось тратить по несколько часов почти ежедневно на скачивание необходимого материала на протяжении более шести месяцев с одного из компьютеров, входящего в сеть СПбГУ.

²³ Gmür M. Co-citation analysis and the search for invisible colleges: A methodological evaluation // *Scientometrics*. 2003. Vol. 57. № 1. P. 34.

ных в Интернет. Отсюда некоторый зазор между датами последнего года выхода журналов и временем сбора информации. Сокращение же числа журнальных публикаций за счет охвата более короткого периода можно было бы в случае необходимости компенсировать с помощью увеличения числа названий журналов.

Первым делом мы включили в свою выборку “American Journal of Sociology”, “Annual Sociological Review” и “Social Forces”. S. Baldi, a principal research scientist at the American Institutes for Research, прямо называет их главными социологическими журналами²⁴, а вышедший на пенсию профессор социологии М. Oromaner характеризует их как центральные общие журналы (core general journals)²⁵. Вообще говоря, в американской социологии ведущая роль этих журналов является общеизвестной, поскольку публикация аспиранта в одном из них в значительной степени решает вопрос о его приеме на работу престижным университетским социологическим департаментом.

Затем мы сопоставили ранжирование социологических журналов, представленное в ряде публикаций²⁶, и обнаружили, что, помимо трех вышеназванных журналов, весьма высоки еще и позиции журнала “Social Problems”, который во всех этих рейтингах занимает следующую после трех первых журналов позицию среди всех неспециализированных американских социологических журналов. Кроме того, несмотря на отсутствие в двух из названных публикаций²⁷, мы решили включить в нашу выборку “Annual Review of Sociology”. В последнем ранжировании М.Р. Allen²⁸ этот ежегодник занял третье место после “American Journal of Sociology” и “American Soci-

²⁴ Baldi S. (1994). Changes in the stratification structure of sociology, 1964–1992 // The American Sociologist. 1994. Vol. 25. № 4. P. 33.

²⁵ Oromaner M. Intellectual integration and articles in core sociology journals, 1960–2000 // American Sociologist. 2008. Vol. 39. № 4. P. 280.

²⁶ Nelson T.M., Buss A.R., Katzko M. Rating of scholarly journals by chairpersons in the social sciences // Research in Higher Education. 1983. Vol. 19. № 4; Allen M.P. The “quality” of journals in sociology reconsidered: objective measures of journal influence // Footnotes. 1990. Vol. 18. № 9. P. 4–5; Allen M.P. The “core” influence of journals in sociology revisited // Footnotes. 2003. December. P. 469–497. URL: <http://www.asanet.org/footnotes/dec03/fn11.html>

Таблицы к этой статье в файле <http://www.asanet.org/footnotes/dec03/journalinftable.pdf> Journal Summary List: 2003 JSL Social Science Edition.

²⁷ Nelson T.M., Buss A.R., Katzko M. Rating of scholarly journals by chairpersons in the social sciences; Allen M.P. The “quality” of journals in sociology reconsidered: objective measures of journal influence.

²⁸ Allen M. P. The “core” influence of journals in sociology revisited.

ologica Review”, в “Journal Citation Report”²⁹ он оказался на первом, опережая все социологические журналы, а по числу цитирований уступает только двум названным журналам и междисциплинарному “Journal of Marriage and the Family”. Общее количество статей в “American Journal of Sociology”, “American Sociological Review”, “Social Forces”, “Annual Review of Sociology” и “Social Problems” составило 934.

Перед нами встал вопрос: за счет каких журналов можно довести число цитирующих статей примерно до двух тысяч? Несмотря на довольно высокие рейтинги у британских “British Journal of Sociology” и “Sociology” и скандинавского “Acta Sociologica”, мы не включаем их в выборку, так как допускаем, что внутренняя организация социологической науки и связанные с ней модели цитирования в этих странах существенно отличаются от американской. Мы также не нашли возможным включить в выборку американские специализированные журналы, например такие, как “Journal of Marriage and the Family”, “Sociological Methods & Research”, “Sociology of Education” и т. д. На это решение повлиял тот факт, что в свое время Small и Crane, используя выборку из всех журналов, включенных в Social Science Citation Index за 1972–1974 гг., обнаружили в социологии лишь один кластер, а в междисциплинарной социологии, где цитируется гораздо больше несоциологических работ, 34 кластера. Причем, говоря о междисциплинарной социологии, эти авторы отмечают, что все кластеры в ней объединены в одну сеть, где можно выделить три большие группы кластеров и одну малую. Что касается собственно социологического кластера, то Смолл и Крейн вообще ничего не говорят о том, какие исследовательские области он включает³⁰. По-видимому, включение большого числа междисциплинарных журналов (судя по всему, это в своем большинстве как раз отраслевые журналы) наряду с примененными этими авторами методами анализа (определение минимального числа цитирований для анализа и т. п.) повлияли на результаты Small и Crane.

В итоге в выборку были добавлены неспециализированные журналы, являющиеся главными печатными органами региональных социологических ассоциаций, входящих в ACA: Sociological Forum,

²⁹ Journal Summary List: 2003 JSL Social Science Edition.

³⁰ *Small H.G., Crane D.* Specialties and disciplines in science and social science: an examination of their structure using citation indexes. P. 449–454.

Sociological Perspectives, Sociological Quarterly, Sociological Spectrum, Social Science Quarterly. Число статей, вошедших в выборку, составило 1783.

Подготовка данных для анализа. Данные из базы Scopus мы скачали постатейно в формате Excel. То есть мы получили 1783 таблицы, которые предстояло объединить в одну таблицу, где в столбцах были бы представлены статьи из выборки, а в строках — источники³¹. Причем следует иметь в виду, что в списках литературы к разным статьям один и тот же источник может быть записан по-разному, в зависимости от стиля цитирований того или иного журнала, ошибок, допущенных автором статьи при составлении списка литературы, и других причин. Поэтому после слияния скачанных таблиц в общую таблицу пришлось редактировать эти записи для придания им однообразной формы. В противном случае один источник мог быть ошибочно принят за несколько. Процесс редактирования занял примерно четыре месяца ежедневной работы.

После завершения процесса редактирования предстояло сложить строки таблицы, содержащие названия одного и того же источника, в формате Excel. Для этих целей по нашему заказу кандидатом технических наук С.А. Четвертаковым была написана специальная программа.

Анализ данных. Для объединения процитированных в нашей выборке источников в осмысленные группы, т. е. для их классификации, целесообразно обратиться к одной из процедур кластерного анализа³². «Цель кластерного анализа заключается в поиске существующих структур. В то же время его действие состоит в привнесении структуры в анализируемые данные, т. е. методы кластеризации необходимы для обнаружения структуры в данных, которую нелегко найти при визуальном обследовании или с помощью экспертов»³³.

Данные, используемые при изучении социотирований, являются бинарными, или дихотомическими. То есть они указывают либо на наличие цитирования одного и того же источника двумя статьями,

³¹ В данной статье мы различаем цитирующие документы, или статьи, и цитируемые документы, или источники. Как мы уже сообщили выше, списки литературы к статьям получены нами из базы Scopus. Книги, статьи и прочие документы из этих списков мы называем источниками.

³² См., например: *Олдендерфер М.С., Блэшифилд Р.К.* Кластерный анализ // Факторный, дискриминантный и кластерный анализ. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 139 и 141.

³³ *Олдендерфер М.С., Блэшифилд Р.К.* Кластерный анализ. С. 149.

либо на его отсутствие. Если исследователь заранее не может предположить, в какое количество кластеров могут быть сгруппированы его данные, рекомендуется прибегать к иерархическим техникам анализа³⁴. Автор многих работ по кластерному анализу F. Arabie и его коллеги рекомендуют в случае, когда при применении иерархических техник число единиц наблюдения в выборке больше ста, использовать дивизивные алгоритмы³⁵.

Обработку данных с помощью пакета SAS³⁶ проводил кандидат биологических наук В.Б. Нечаев. SAS в случае подобного анализа предлагает исследователю выбрать между методом главных компонент и центроидным методом. Протестировав оба метода на подвыборке в 510 источников из нашей выборки, мы пришли к выводу, что лишь центроидный метод дает их приемлемые группирования. Таким образом, мы приняли решение применить иерархический дивизивный метод кластерного анализа бинарных данных с помощью центроидного метода.

С целью избавиться от «случайных» цитирований мы ввели минимальный порог в семь цитирований. При этом мы учитывали опыт Small и Crane, у которых порог составлял 10–15 цитирований³⁷. Всего в нашей выборке оказалось 112921 цитирований (статьи, книги и иные издания), на которые сделаны ссылки в 1783 статьях. После введения минимального порога в данных, подвергнутых кластерному анализу, оказалось 1644 источника, которые были процитированы в общей совокупности 21331 раз.

Идентификация кластеров. В начале процедуры дивизивного кластерного анализа статистический пакет принимает всю анализируемую совокупность за один кластер и на каждом последующем шаге разбивает крупный кластер на два более мелких до тех пор, пока возможна процедура дробления. В результате большинство кластеров на последнем шаге дробления включало в себя 1–2 источника. Семь кластеров включали 3 источника, четыре — 3 источника, один — 7 источников и один — 10 источников.

³⁴ См., например: *Kaufman L., Rousseeuw P.J.* Finding Groups in Data: An Introduction to Cluster Analysis. New York: John Wiley & Sons Inc., 1990. P. 44.

³⁵ *Arabie P., Hubert L.J., Carroll J.D.* Clustering // K. Kempf-Leonard (ed.), *Encyclopedia of Social Measurement*. Vol. 1. Amsterdam: Elsevier, 2005. P. 318.

³⁶ В наиболее часто используемом социологами пакете SPSS отсутствует возможность проведения иерархического дивизивного кластерного анализа.

³⁷ *Small H.G., Crane D.* Specialties and disciplines in science and social science: an examination of their structure using citation indexes. P. 447.

Arabie с коллегами полагают, что уместное число кластеров при иерархическом кластерном анализе можно определить лишь с помощью эвристических подходов³⁸, т. е. эмпирически определяя, насколько тот или иной кластер соответствует исследуемым феноменам.

Вначале мы провели грубую идентификацию кластеров путем простого прочтения названий входящих в них источников. Таким образом было выявлено примерно 90 кластеров. После уточняющей идентификации мы насчитали 83 идентифицированных кластера. Еще один кластер не удалось идентифицировать ни в ходе грубой, ни в ходе последующей уточняющей идентификации. Дело в том, что источники в нем были настолько разнообразны, что удалось установить лишь то, что авторами большинства из них являются социологи, и оказалось невозможным присвоить этому кластеру какое-либо название.

Процедура уточняющей идентификации производилась следующим образом. Первым делом мы определяли дисциплинарную специализацию автора или авторов источника. Для этого нам надо было выяснить, по каким дисциплинам они получили степени доктора или магистра, и на каких департаментах они преподают. В большинстве случаев эта задача легко решалась при поиске в Интернете с помощью поисковой системы Google при одновременном вводе в нее имени автора и слов “cv” и “professor”. Однако часто поиск требовал дополнительных усилий. В этом случае могло помочь введение в поисковую машину информации об университетах, где автор защищал диссертацию или работал. Это можно было выяснить, например, с помощью таких инструментов как EBSCO, Wikipedia, Googlebooks, Gigapedia, а также благодаря доступу к различным электронным журнальным базам через библиотеку им. Горького СПбГУ. Если хотя бы один из авторов источника имел степень Ph.D. или по крайней мере магистра по социологии или был профессором социологии³⁹, то источник считался социологическим.

Из CV автора источника или информации департамента о нем брались сведения об областях его специализации (научных интересах).

³⁸ Arabie P., Hubert L.J., Carroll J.D. Clustering. P. 318–319.

³⁹ В очень небольшом числе случаев мы относили к социологам также тех, кто не был профессором социологии и не имел научной степени по социологии, но хорошо известен своими заслугами в социологии, например, Карла Маркса. Wikipedia называет Маркса не только политэкономом и философом, но также историком, политическим теоретиком и социологом.

После этого прочитывались названия всех источников и областях специализации авторов. Это позволяло выделить наиболее частые слова вместе с их синонимами, а также наиболее частые словосочетания и близкие им по смыслу выражения. По мере необходимости полученная информация уточнялась с помощью названных выше инструментов для работы в Интернете. В результате мы приходили к решению, каким образом обозначить тот или иной кластер. Наша процедура идентификации кластеров несколько отличается от описанной И.В. Маршаковой-Шайкевич: «названия кластеров даются набором ключевых слов, наиболее часто встречающихся в названиях публикаций, образующих этот кластер»⁴⁰. Дело в том, что терминология в общественных науках, судя по всему, более расплывчата, чем в естественных. К тому же, по нашим впечатлениям, названия научных публикаций в общественных науках менее строги. Поэтому какой-то один термин в наших кластерах может встречаться лишь в небольшой доле источников. В результате процедура идентификации кластеров получилась менее формальной и более трудоемкой, более творческой.

В качестве примера рассмотрим процедуру идентификации кластера, которому пакет SAS в ходе кластерного анализа присвоил номер 0220 (табл. 1).

Таблица 1

Кластер 0220. Этническое предпринимательство,
самозанятость и анклавная экономика
(Ethnic Entrepreneurship, Self-Employment, & Enclave Economics)

Alba R.D., Nee V. <i>Remaking the American Mainstream: Assimilation and Contemporary Immigration</i> . Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003 Professor of Sociology. Nee — Professor of Sociology	11
Aldrich H.E., Waldinger R. <i>Ethnicity and Entrepreneurship</i> . <i>Annual Review of Sociology</i> , 1990.16, 111, 135 Aldrich — Ph.D. in sociology. Professor of Sociology. Areas of specialization: Evolutionary Social Science; Entrepreneurship; Organizations, Occupations, and Work; Economic Sociology; Inequality	9

⁴⁰ Маршакова-Шайкевич И.В. Вклад России в развитие науки: библиометрический анализ. М.: ТОО «Янус», 1995. С. 213.

Таблица 1 (продолжение)

Bailey T., Waldinger R. Primary, Secondary, and <i>Enclave Labor Markets: A Training Systems Approach</i> . American Sociological Review, 1991. 56,4,,432,445 Bailey — Professor of economics. Waldinger — Ph.D. in sociology. Professor of Sociology. Areas of specialization: international migration; race and ethnicity	7
Bonacich E. A Theory of <i>Middleman Minorities</i> . American Sociological Review, 1973. 38,5,,583,594. Professor of Sociology.	9
Duncan O.D. A socioeconomic index for all occupations. Occupations and Social Status, 1961. ,,,,109,138,,251 Professor of Sociology.	10
Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. 1995 Ph.D. in government. Professor of International Political Economy.	7
Jasso G., Rosenzweig M.R. The New Chosen People: Immigrants in the United States. 1990. 116 Jasso — Professor of Sociology. Areas of specialization: basic sociobehavioral theory, distributive justice, status, international migration, inequality, probability distributions, mathematical methods for theory building, and factorial survey methods for empirical analysis	7
Light I., Bonacich E. <i>Immigrant Entrepreneurs: Koreans in Los Angeles, 1965–1982</i> . 1988. 173 Light — Professor of Sociology Bonacich — Professor of Sociology	12
Light I., Gold S.J. <i>ETHNIC ECONOMIES</i> . 2000 Light — Professor of Sociology	10
Light I., Rosenstein C., <i>RACE, ETHNICITY, AND ENTREPRENEURSHIP IN URBAN AMERICA</i> . 1995 Light — Professor of Sociology	7
Light I., <i>Ethnic Enterprise in America</i> . 1972. 222 Light — Professor of Sociology	10
Logan J.R., Alba R.D., McNulty T.L. <i>Ethnic economies</i> in metropolitan regions: Miami and beyond. Social Forces, 1994. 72, 3,,691,724,,68 Logan — Professor of Sociology Alba — Professor of Sociology	8
Ogbu J.U. Minority Education and Caste: The American System in Cross-cultural Perspective. 1978. 294 Professor of Sociology	14
Park R.E., Burgess E.W. Introduction to the Science of Sociology. 1921. 222. Park — Professor of Sociology. Burges — Professor of Sociology.	10

Таблица 1 (продолжение)

Portes A., Bach R.L. LATIN JOURNEY: CUBAN AND MEXICAN IMMIGRANTS IN THE UNITED STATES. 1985. Есть глава о кубинском анклав в Майами. Portes — Professor of Sociology	21
Portes A., Rumbaut R.G. Immigrant America: A Portrait. Berkeley, CA: University of California Press, 1996 Portes — Professor of Sociology	45
Portes A., Stepick A., City on the Edge: The Social Transformation of Miami. 1993. 1 Есть глава об анклав. Portes — Professor of Sociology Stepick — Professor of Sociology and Anthropology	11
Portes A., Zhou M. <i>Self-employment</i> and the earnings of immigrants. American Sociological Review. 1996. 61,2,,219,230,,60 Portes — Professor of Sociology	8
Rajjman R., Tienda M. Immigrants' pathways to business ownership: A comparative ethnic perspective. International Migration Review. 2000. 34,3,,682,706,,25 <i>Этническое предпринимательство</i> Rajjman — Professor of Sociology. Areas of specialization: International Migration, Social Stratification, Labor Markets, Ethnic Entrepreneurship, Gender, Research Methods. Tienda — Ph.D. in sociology. Professor in Demographic Studies & Professor of Sociology.	7
Ruggles S., Sobek M. "Integrated Public Use Microdata Series: Version 2.0". 1997. 343	20
Sanders J.M., Nee V. <i>Immigrant self-employment</i> : The family as social capital and the value of human capital. American Sociological Review, 1996. 61,2,,231,249,,124 Nee — Professor of Sociology	8
Sanders J.M., Nee V. Limits of Ethnic Solidarity in the <i>Enclave Economy</i> . American Sociological Review. 1987. 52,6,,745,767 Sander — Professor of Sociology Nee — Professor of Sociology	8
Waldinger R., Lichter M. How the Other Half Works: Immigration and the Social Organization of Labor. 2003. 68 Waldinger — Ph.D. in sociology. Professor of Sociology.	11
Waldinger R. STILL THE PROMISED CITY? AFRICAN-AMERICANS AND NEW IMMIGRANTS IN POSTINDUSTRIAL NEW YORK. 1996. <i>Есть главы об этническом разделении труда, этнических нишах и в роде бы об этническом предпринимательстве.</i> Ph.D. in sociology. Professor of Sociology.	17

В таблице курсивом выделены слова и словосочетания, которые мы считаем ключевыми: *ethnicity & entrepreneurship*; *enclave labor markets*; *middleman minorities*; *immigrant entrepreneurs*; *ethnic economies* *ethnic enterprise*; кубинский анклав; анклав; *self-employment of immigrants*; этническое предпринимательство; *immigrant self-employment*; этническое разделение труда; этнические ниши. В некоторых случаях нам было сложно из названия понять точную тематику источника. В этом случае мы пытались просмотреть его оглавление или текст. Именно таким образом мы поступили в случае с первой работой Portes, статьей Rajman & Tienda и последней работой Waldinger. Здесь примечания после выходных данных источника сделаны нами. Что касается статьи Bonacich, то она посвящена этническим меньшинствам, которые выступали посредниками в экономической деятельности, и ее содержание было известно нам задолго до начала работы над данным проектом. Следует сказать, что идентификация данного кластера не представляла для нас никакой сложности, но во многих других случаях нам за двенадцатичасовой рабочий день удавалось идентифицировать лишь один-два кластера.

Анализ выделенных словосочетаний позволил нам приписать данному кластеру название «Этническое предпринимательство, самозанятость и анклавная экономика». Вслед за этим мы выявили следующие пропорции: 1) Количество источников с ключевыми словами/Общее количество источников в кластере = 14/24; 2) Количество цитирований с ключевыми словами/Общее количество цитирований в кластере — 152/287. В обеих пропорциях соотношение превышает пятьдесят процентов. Мы решили, что при такой и более высокой доле соответствия ключевых слов названию кластера можно считать, что кластер идентифицирован достаточно точно.

Результаты

Результаты идентификации полученных кластеров представлены в первом столбце таблицы 2.

Таблица 2

Сравнительная таблица полученных кластеров с другими классификациями социальной организации социологии (предварительные результаты анализа)

Идентифицированные кластеры	Секции АСА	Areas of Sociological Interest	Научные общества	Англоязычные научные журналы
1	2	3	4	5
		Application and Practice		
		A1. Applied Sociology/ Evaluation Research		
Sociology of Communication [12/24], [125/232]	Communication and Information Technologies	A2. Communication and Information Technologies		<i>Journal of Information Technology & Politics</i> . [Published by Taylor & Francis for the Information Technology and Politics Section of the American Political Science Association].
		A3. Policy Analysis		
Social Policy & Welfare [12/14], [93/158]	Sociological Practice and Public Sociology	A4. Social Welfare/ Social Work		<i>The Journal of Poverty and Social Justice</i> (formerly known as Benefits) [Published by Polity Press]. ^a
Social Policy [13/23], [177/275]	Sociological Practice and Public Sociology			<i>The International Journal of Sociology and Social Policy</i> . [Emerald]

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
<p>Non-profit Sector (interdisciplinary cluster) [9/19(12/19)], [74/195(126/195)]</p>			<p>Voluntary Sector Studies Network. It is multidisciplinary, seeking to engage economists, historians, political scientists, sociologists, policy analysts and others. Организация изучает в основном Великобританию</p>	<p><i>Voluntary Sector Review</i>. The journal is published in association with the Voluntary Sector Studies Network. [The Policy Press].^b</p>
	<p>Sociological Practice and Public Sociology</p>	<p>A5. Sociological Practice</p>	<p>Association for Applied and Clinical Sociology (AACS). The AACS Executive Office is located at the Department of Sociology, Anthropology, and Criminology, Eastern Michigan University</p>	<p><i>The Journal of Applied Social Science</i> is the official, peer-refereed journal of the Association for Applied and Clinical Sociology (AACS). [Published by Paradigm Publishers]</p>
	<p>Teaching and Learning</p>	<p>A6. Teaching and Learning in Sociology</p>		<p>Teaching Sociology [ASA]</p>

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
	Comparative and Historical Sociology	Comparative and Historical Approaches		
	Comparative and Historical Sociology	B1. Comparative Sociology/Historical Sociology	Social Science History Association is an interdisciplinary group of scholars that shares interests in social life and theory; historiography, and historical and social-scientific methodologies	<i>Comparative Studies in Society and History</i> . Междисциплинарный журнал. [Cambridge University Press on behalf of the Society for Comparative Study of Society and History]. <i>Social Science History</i> [Duke University Press for Social Science History Association]
		B2. Development		
Globalization [8/10], [80/127]	Comparative and Historical Sociology	B3. Globalization and Transnational Sociology		<i>Globality Studies Journal</i> . Электронный междисциплинарный журнал. [Published by the Center for Global & Local History at Stony Brook University]
Cross-country (cross-national) comparisons [5/7], [41/60]				
		Family, Life Course, and Society		

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
	Aging and the Life Course	C1. Aging/Social Gerontology		
	Animals and Society	C2. Animals and Society		
	Children and Youth	C3. Children and Youth		<p><i>Youth & Society.</i> Междисциплинарный журнал [Published by Sage].</p>
<p>Marriage & Family [8/11], [83/115]</p>	Family	C4. Family	<p>The National Council on Family Relations. Междисциплинарная организация</p>	<p><i>The Journal of Marriage and Family</i> [Published by Wiley-Blackwell for the National Council on Family Relations]</p> <p><i>Family Relations: Interdisciplinary Journal of Applied Family Studies.</i> [Published by Wiley-Blackwell for the National Council on Family Relations]</p>
<p>Gender Roles in the Family [20/35], [263/475]</p>	Family		<p>The National Council on Family Relations. Междисциплинарная организация</p>	<p><i>The Journal of Marriage and Family</i> [Published by Wiley-Blackwell for the National Council on Family Relations]</p> <p><i>Family Relations: Interdisciplinary Journal of Applied Family Studies.</i> [Published by Wiley-Blackwell for the National Council on Family Relations]</p>

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
		Gender and Sexuality		
	Sex and Gender	D1. Sex and Gender		<p>1. <i>Gender, Work and Organization</i> [Published by Wiley-Blackwell]</p> <p>2. <i>Duke Journal of Gender Law & Policy</i>. Междисциплинарный журнал [Duke University School of Law]</p>
	Sexualities	D2. Sexualities		
	Body and Embodiment	D3. Body and Embodiment		<i>Body & Society</i> . Междисциплинарный журнал [Sage]
		Inequalities and Stratification		
		E1. Disabilities		
Sociology of Education [12/23], [143/284]	Sociology of Education	E2. Education	The Sociology of Education Association is an informal group of scholars and educators from both the fields of sociology and education, who meet annually to engage in discussion of issues at the intersection of sociology and education	<i>Sociology of Education</i> [Published by Sage for ASA]

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
Production of Educational Inequalities [8/10], [79/108]	Sociology of Education	E2. Education		Sociology of Education [Published by Sage for ASA]
Feminist Gender Sociology [10/18], [152/239]	Race, Gender and Class	E3. Race, Class and Gender	Sociologists for Women in Society	<i>Gender & Society</i> . Междисциплинарный журнал [Published by Sage for Sociologists for Women in Society]
Gender Segregation & Gender Inequality in Labor Markets [19/31], [278/424]	Race, Gender and Class	E3. Race, Class and Gender		
Gender Discrimination in Work Organizations [16/32], [216/426]	Race, Gender and Class	E3. Race, Class and Gender		
Classes [5/9], [52/88]		E4. Stratification/Mobility		
Determinants of Socio-economic Status [10/17], [93/158]				
Determinants of Social Inequalities [28/37], [342/455]				
Income Inequality (interdisciplinary cluster) [8/18(12/18)], [75/239(126/239)]				

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
		Medicine and Health		
	Alcohol, Drugs, and Tobacco	F1. Alcohol and Drugs		
	Medical Sociology	F2. Medical Sociology		<i>The Journal of Health and Social Behavior</i> [Published by Sage for ASA]
Social Stress, Distress, & Mental Health [14/24], [150/270]	Mental Health	F3. Mental Health		<i>The Journal of Health and Social Behavior</i> [Published by Sage for ASA]
		Place and Environment		
		G1. Community		
		G2. Environmental Sociology		
		G3. Rural Sociology		
		G4. Urban Sociology		
Neighborhood & Disorder [9/15], [156/231]	Community and Urban Sociology			<i>City & Community</i> . [Published by Wiley-Blackwell for the Community and Urban Sociology Section of ASA]
Neighborhood Effect on Residents [11/12], [126/143]	Community and Urban Sociology			<i>City & Community</i> . [Published by Wiley-Blackwell for the Community and Urban Sociology Section of ASA]

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
Causes for Preservation of Urban Poverty [4/6], [32/48]	Community and Urban Sociology			<i>City & Community</i> . [Published by Wiley-Blackwell for the Community and Urban Sociology Section of ASA] <i>The Journal of Poverty and Social Justice</i> (formerly known as <i>Benefits</i>) [Published by Polity Press]. ^a
African-American Community & Inner-city [7/9], [86/123]	Community and Urban Sociology			<i>City & Community</i> . [Published by Wiley-Blackwell for the Community and Urban Sociology Section of ASA] <i>Journal of Black Studies</i> . Interdisciplinary journal [Published by Sage]
Frames in Social Movements [20/26], [461/662]	Collective Behavior & Social Movements	Politics and Social Change		<i>Mobilization</i> . The journal publishes research and academic reviews of books concerned mainly with sociological research on protests, social movements, and collective behavior. [Department of Sociology, San Diego State University] <i>Social Movement Studies: Journal of Social, Cultural and Political Protest</i> . Междисциплинарный журнал. Из 5 членов редакции 4 работают в Великобритании, 1 — в США [Published by Taylor & Francis]

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
<p>Gay Movement [5/10], [55/107]</p>	<p>Collective Behavior & Social Movements</p>	<p>HI. Collective Behavior/ Social Movements</p>		<p><i>Mobilization.</i> The journal publishes research and academic reviews of books concerned mainly with sociological research on protests, social movements, and collective behavior. [Department of Sociology, San Diego State University] <i>Social Movement Studies: Journal of Social, Cultural and Political Protest.</i> Междисциплинарный журнал. Из 5 членов редакции 4 работают в Великобритании, 1 — в США [Published by Taylor & Francis]</p>
<p>Protest Actions [11/15], [192/248]</p>	<p>Collective Behavior & Social Movements</p>	<p>HI. Collective Behavior/ Social Movements</p>		<p><i>Mobilization.</i> The journal publishes research and academic reviews of books concerned mainly with sociological research on protests, social movements, and collective behavior [Department of Sociology, San Diego State University] <i>Social Movement Studies: Journal of Social, Cultural and Political Protest.</i> Междисциплинарный журнал. Из 5 членов редакции 4 работают в Великобритании, 1 — в США [Published by Taylor & Francis]</p>

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
<p>Social Behavior and Social Action [10/15], [138/195]</p>	<p>Collective Behavior & Social Movements</p>	<p>HI. Collective Behavior/ Social Movements</p>		<p><i>Mobilization</i>. The journal publishes research and academic reviews of books concerned mainly with sociological research on protests, social movements, and collective behavior. [Department of Sociology, San Diego State University] <i>Social Movement Studies: Journal of Social, Cultural and Political Protest</i>. Междисциплинарный журнал. Из 5 членов редакции 4 работают в Великобритании, 1 — в США [Published by Taylor & Francis]</p>
<p>Theories of Social Movements [10/10], [94/94]</p>	<p>Collective Behavior & Social Movements</p>	<p>HI. Collective Behavior/ Social Movements</p>		<p><i>Mobilization</i>. The journal publishes research and academic reviews of books concerned mainly with sociological research on protests, social movements and collective behavior. [Department of Sociology, San Diego State University] <i>Social Movement Studies: Journal of Social, Cultural and Political Protest</i>. Междисциплинарный журнал. Из 5 членов редакции 4 работают в Великобритании, 1 — в США [Published by Taylor & Francis]</p>

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
<p>Political Opportunity Structure (Political Process Theory) [13/23], [259/430]</p>	<p>Collective Behavior & Social Movements</p>	<p>HI. Collective Behavior/ Social Movements</p>		<p>Mobilization. The journal publishes research and academic reviews of books concerned mainly with sociological research on protests, social movements and collective behavior [Department of Sociology, San Diego State University] <i>Social Movement Studies: Journal of Social, Cultural and Political Protest.</i> Междисциплинарный журнал. Из 5 членов редакции 4 работают в Великобритании, 1 – в США [Published by Taylor & Francis]</p>
<p>Resource Mobilization [5/8], [133/214]</p>	<p>Collective Behavior & Social Movements</p>	<p>HI. Collective Behavior/ Social Movements</p>		<p>Mobilization. The journal publishes research and academic reviews of books concerned mainly with sociological research on protests, social movements and collective behavior [Department of Sociology, San Diego State University] <i>Social Movement Studies: Journal of Social, Cultural and Political Protest.</i> Междисциплинарный журнал. Из 5 членов редакции 4 работают в Великобритании, 1 – в США [Published by Taylor & Francis]</p>

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
Identity in Social Movements [17/27], [193/312]	Collective Behavior & Social Movements	H1. Collective Behavior/ Social Movements		<p><i>Mobilization</i>. The journal publishes research and academic reviews of books concerned mainly with sociological research on protests, social movements and collective behavior [Department of Sociology, San Diego State University]</p> <p><i>Social Movement Studies: Journal of Social, Cultural and Political Protest</i>. Междисциплинарный журнал. Из 5 членов редакции 4 работают в Великобритании, 1 — в США [Published by Taylor & Francis]</p>
Social Networks in Social Movements [10/16], [124/210]	Collective Behavior & Social Movements	H1. Collective Behavior/ Social Movements		<p><i>Mobilization</i>. The journal publishes research and academic reviews of books concerned mainly with sociological research on protests, social movements and collective behavior. [Department of Sociology, San Diego State University].</p> <p><i>Social Movement Studies: Journal of Social, Cultural and Political Protest</i>. Междисциплинарный журнал. Из 5 членов редакции 4 работают в Великобритании, 1 — в США [Published by Taylor & Francis]</p>

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
<p>Consequences of Social Movements [14/25], [208/367]</p>	<p>Collective Behavior & Social Movements</p>	<p>HI. Collective Behavior/ Social Movements</p>		<p><i>Mobilization</i>. The journal publishes research and academic reviews of books concerned mainly with sociological research on protests, social movements and collective behavior. [Department of Sociology, San Diego State University] <i>Social Movement Studies: Journal of Social, Cultural and Political Protest</i>. Междисциплинарный журнал. Из 5 членов редакции 4 работают в Великобритании, 1 — в США [Published by Taylor & Francis]</p>
<p>Political Process in Mass Media [4/6], [57/71]</p>	<p>Collective Behavior & Social Movements</p>	<p>HI. Collective Behavior/ Social Movements</p>		<p><i>Mobilization</i>. The journal publishes research and academic reviews of books concerned mainly with sociological research on protests, social movements and collective behavior [Department of Sociology, San Diego State University]. <i>Social Movement Studies: Journal of Social, Cultural and Political Protest</i>. Междисциплинарный журнал. Из 5 членов редакции 4 работают в Великобритании, 1 — в США [Published by Taylor & Francis]</p>

Таблица 2 (продолжение)

1		2	3	4	5
	Marxist Sociology	H2. Marxist Sociology			<i>Critical Sociology</i> . The journal has been committed to publishing scholarship from a Marxist, post-Marxist, Feminist and other critical perspectives [Published by Sage].
Political Economy of the World-System [7/12], [79/145]	Political Economy of the World-System				<i>Journal of World-Systems Research</i> . Электронный журнал [Published by the Political Economy of the World-System Section of the American Sociological Association with a support and assistance provided by the Institute for Research on World-Systems, North Carolina State University and the University of Utah]
		H3. Military Sociology			
	Peace War, and Social Conflict	H4. Peace, War, World Conflict and Conflict Resolution			

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
Political Economy [7/12], [70/124]	Economic Sociology	H5. Political Economy		<p><i>The Review of International Political Economy</i>. Междисциплинарный журнал [Published by Taylor & Francis]</p> <p><i>International Organization</i>. Subject areas include: foreign policies, international relations, international and comparative political economy, security policies, environmental disputes and resolutions, European integration, alliance patterns and war, bargaining and conflict resolution, economic development and adjustment and international capital movements [Published by Cambridge University Press for the International Organization Foundation]</p>
				<p>3. <i>Critical Sociology</i>. The journal has been committed to publishing scholarship from a Marxist, post-Marxist, Feminist and other critical perspectives [Published by Sage]</p> <p>4. <i>The American Journal of Economics and Sociology</i> [Published by Wiley-Blackwell]</p>

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
	Political Sociology	<i>H6. Political Sociology</i>		
Public Policy (interdisciplinary cluster) [6/19(13/19)], [76/240(146/240)]		<i>H7. Public Policy</i>		
		<i>H8. Social Change</i>		
Transition to Market in Eastern Europe & China [14/16], [175/202]				
Changes of Social Stratification in Eastern Europe & China [7/14], [84/123]				
	Human Rights	<i>H9. Human Rights</i>		
		Population and Ecology		
	Evolution, Biology and Society	<i>I1. Biosociology</i>		

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
Social Demography [16/22], [155/230]	Population	12. Demography	The Population Association of America. PAA members include demographers, sociologists, economists, public health professionals and other individuals interested in research and education in the population field	<i>Demography</i> [Published by the Population Association of America] <i>Ethnic and Racial Studies</i> . Междисциплинарный журнал [Taylor & Francis]
		13. Human Ecology		
	Evolution, Biology and Society	14. Evolution and Society		
Environmental Justice (interdisciplinary cluster) [9/19(16/19)], [102/219(167/219)]	Environment and Technology			
Environmental Sociology [17/24], [189/262]	Environment and Technology			
		Race and Ethnicity		

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
	Asia and Asian America	J1. Asians/Asian-Americans		
	Latino/a Sociology	J2. Latina/o Sociology		
Immigrants & Immigration Policy [5/8], [39/64]	International Migration	J3. Migration/Immigration	The Center for Migration Studies of New York	<i>International Migration Review</i> . Междисциплинарный журнал. [Published by Wiley-Blackwell for the Center for Migration Studies]
International Migration & Transnationalism [10/16], [128/196]	International Migration	J3. Migration/Immigration	The Center for Migration Studies of New York.	<i>International Migration Review</i> . Междисциплинарный журнал. [Published by Wiley-Blackwell for the Center for Migration Studies]
Ethnic & Racial Identity in the U.S. [16/25], [217/333]	Racial and Ethnic Minorities	J4. Racial and Ethnic Relations		<i>Ethnic and Racial Studies</i> . Междисциплинарный журнал [Taylor & Francis]
Ethnic & Immigrant Groups in the United States & Their Assimilation [13/22], [226/356]	Racial and Ethnic Minorities	J4. Racial and Ethnic Relations		<i>Ethnic and Racial Studies</i> . Междисциплинарный журнал [Taylor & Francis]
Racial Prejudices, Racial Attitudes & Racism [24/39], [322/599]	Racial and Ethnic Minorities	J4. Racial and Ethnic Relations		<i>Ethnic and Racial Studies</i> . Междисциплинарный журнал [Taylor & Francis]

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
Ethnic Entrepreneurship, Self-Employment & Enclave Economics [14/24], [152/287]	Racial and Ethnic Minorities	J4. Racial and Ethnic Relations		<i>Ethnic and Racial Studies.</i> Междисциплинарный журнал [Taylor & Francis]
Racial Residential Segregation [15/21], [159/224]	Racial and Ethnic Minorities	J4. Racial and Ethnic Relations		<i>Ethnic and Racial Studies.</i> Междисциплинарный журнал [Taylor & Francis]
Sociology of African-Americans [14/19], [431/480]	Racial and Ethnic Minorities	J4. Racial and Ethnic Relations		<i>Ethnic and Racial Studies.</i> Междисциплинарный журнал [Taylor & Francis]
Social Demography [16/22], [155/230]	Population	J4. Racial and Ethnic Relations	The Population Association of America. PAA members include demographers, sociologists, economists, public health professionals and other individuals interested in research and education in the population field	<i>Journal of Black Studies.</i> Interdisciplinary journal [Published by Sage]. <i>Demography</i> [Published by the Population Association of America] <i>Ethnic and Racial Studies.</i> Междисциплинарный журнал [Taylor & Francis]
		Social Control, Law, Crime, and Deviance		

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
		<i>K1. Criminal Justice</i>		
Sociology of Crime & Deviancy [31/39], [459/554]	Crime, Law, and Deviance	<i>K2. Criminology/ Delinquency</i>		
Sociology of Crime & Deviancy [31/39], [459/554]	Crime, Law and Deviance	<i>K3. Deviant Behavior/Social Disorganization</i>		
	Crime, Law and Deviance	<i>K4. Law and Society</i>	The Law and Society Association. Междисциплинарная организация. The LSA's executive office is located in the University of Massachusetts Amherst	<i>The Law and Society Review. Междисциплинарный журнал [Published by Wiley-Blackwell for the Law and Society Association]</i>
		<i>K5. Penology/Corrections</i>		
Social Control [14/22], [156/240]	Crime, Law and Deviance	<i>K6. Social Control</i>		
Sociology of violence and «culture of violence» [12/17], [181/245]	Crime, Law, and Deviance			

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
Crime & neighborhood [7/14], [176/227]	Crime, Law and Deviance			
Neighborhood & Disorder [9/15], [156/231]	Crime, Law and Deviance			<i>City & Community</i> [Published by Wiley-Blackwell for the Community and Urban Sociology Section of ASA]
		Social Psychology and Interaction		
	Emotions	<i>L1. Emotions</i>		
		<i>L2. Small Groups</i>		
Social Psychology (interdisciplinary cluster) [18/35 (24/35)], [140/307 (202/307)]	Social Psychology	<i>L3. Social Psychology</i>		<i>Social Psychology Quarterly</i> [Published by ASA sage Sage]
Social Identification & Social Categorization [15/25], [180/298]	Social Psychology	<i>L3. Social Psychology</i>		<i>Social Psychology Quarterly</i> [Published by ASA sage Sage]
Status Processes [7/7], [62/62]	Social Psychology	<i>L3. Social Psychology</i>		<i>Social Psychology Quarterly</i> [Published by ASA sage Sage]

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
		<i>L4. Socialization</i>		
	Altruism and Social Solidarity	<i>L5. Altruism and Social Solidarity</i>		
Link Between American Representations on Relations of Inequality and Intergroup Relations [15/24], [147/226]				
		Sociology of Culture		
		<i>M1. Art/Music</i>		
Sociology of Culture [13/20], [230/326]	Culture	<i>M2. Cultural Sociology</i>		<i>Cultural Sociology</i> [Published by Sage for the British Sociological Association]
		<i>M3. Leisure/Sports/ Recreation</i>		
Public Opinion (political science cluster) [8/11], [80/116]	Communication and Information Technologies	<i>M4. Mass Communication/Public Opinion</i>		<i>Public Opinion Quarterly.</i> Междисциплинарный журнал. [is an influential scholarly journal published by Oxford University Press for the American Association for Public Opinion Research]

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
Sociology of Religion [13/19], [116/227]	Religion	M5. Religion	The Association for the Sociology of Religion The Society for the Scientific Study of Religion. Междисциплинарная организация	1. <i>Sociology of Religion</i> [Published by Oxford University Press for the Association for the Sociology of Religion] <i>Journal for the Scientific Study of Religion</i> . Междисциплинарный журнал [Published by Wiley-Blackwell the Society for the Scientific Study of Religion]
		M6 Visual Sociology		
		Theory, Knowledge, Science		
	History of Sociology	N7. History of Sociology/Social Thought		<i>Journal of the History of the Behavioral Sciences</i> . Междисциплинарный журнал [Published by Wiley-Blackwell] Sociological Origins. The Journal Devoted to the History and Development of Sociology. [George Elliott Howard Institute for Advanced Sociological Research, a private educational and research entity based in Lincoln, Nebraska]

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
Sociology of Knowledge & Science [15/19], [166/233]	Science, Knowledge and Technology	N2. Knowledge		Rationality & Society. [Published by Sage]
Sociology of Knowledge & Science [15/19], [166/233]	Rationality and Society Science, Knowledge and Technology	N3. Rational Choice N4. Science and Technology	The Society for Social Studies of Science. Department of Sociology, Louisiana State University	1. <i>Science, Technology and Human Values</i> . Междисциплинарный журнал [Published by Sage for the Society for Social Studies of Science] 2. Social Studies of Science. Междисциплинарный журнал [Published by Sage for the Society for Social Studies of Science]
Sociological Theory [25/47], [450/817]	Theory	N5. Theory		<i>Sociological Theory</i> . [Published by Wiley-Blackwell for ASA].
Sociological Microapproaches [12/14], [224/244]			The Society for the Study of Symbolic Interaction	Symbolic Interaction [Published by University of California Press for the Society for the Study of Symbolic Interaction]
Social Construction of Reality [110/16], [136/199]				

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
Sociology of Sociology [7/13], [128/201]				
Sociological Methodology [12/24], [124/230]				
		Work, Economy and Organizations		
Sociology of Labor Markets [11/20], [149/245]	Labor and Labor Movement	<i>O1. Economic Sociology</i>		<i>Work and Occupations</i> [Sage]
Sociology of Labor Markets [11/20], [149/245]	Labor and Labor Movement	<i>O2. Labor and Labor Movements</i>		<i>Work and Occupations</i> [Sage]
Gender Segregation & Gender Inequality in Labor Markets [19/31], [278/424]	Labor and Labor Movement			
Gender Discrimination in Work Organizations [16/32], [216/426]	Labor and Labor Movement			
Work Studies (interdisciplinary cluster) [6/16 (11/16)], [59/183(106/183)]	Labor and Labor Movement			

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
		O3. Occupations/ Professions		<i>Work and Occupations</i> [Sage]
Sociology of Formal Organizations [20/35], [305/505]	Organizations, Occupations and Work	O4 Organizations, Formal and Complex		<i>Work and Occupations</i> [Sage]
Organization of Work [6/10], [56/97]	Organizations, Occupations and Work	O5. Social Organiza- tion		<i>Work and Occupations</i> [Sage]
Exchange Networks [9/13], [90/138]	Organizations, Occupations and Work	O6. Work and Labor Markets		<i>Work and Occupations</i> [Sage]
Embeddedness in Social Networks [15/24], [203/344]	Organizations, Occupations and Work	O6. Work and Labor Markets		<i>Work and Occupations</i> [Sage]
Institutional Organiza- tion of Economics [16/23], [174/234]	Organizations, Occupations and Work	O6. Work and Labor Markets		<i>Work and Occupations</i> [Sage]
Work Studies (меж- дисциплинарный кластер) [6/16 (11/16)], [59/183(106/183)]	Organizations, Occupations and Work			

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
World polity theory (world society theory) [12/21], [164/261]	Organizations, Occupations and Work			
Sociological neoinstitutionalism [20/39], [320/519]	Organizations, Occupations and Work			
		Qualitative Approaches		
		P1. Ethnography (Anthropology)		
	Ethnomethodology and Conversation Analysis (частичное совпадение)	P2. Ethnomethodology/ Conversation Analysis		<i>Human Studies</i> . Ethnomethodology is affiliated with no single professional society or academic journal, but Human Studies has been the most consistent outlet for ethnomethodological articles and special issues [Springer for the Society for Phenomenology and the Human Sciences]
		P3. Language/Social Linguistics		
		P4. Qualitative Methodology		

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
		Quantitative Approaches		
		Q1. Mathematical Sociology		
Quantitative Methods [15/30], [269/360]	Section on Methodology	Q2. Quantitative Methodology		<i>Sociological Methods and Research</i> [Sage] <i>Sociological Methodology</i> [Published by Wiley-Blackwell for ASA]
Quantitative Methods (non-sociological cluster) [11/17], [113/167]	Section on Methodology	Q2. Quantitative Methodology		<i>Sociological Methods and Research</i> [Sage] <i>Sociological Methodology</i> [Published by Wiley-Blackwell for ASA]
Sample [4/7], [69/117]	Section on Methodology	Q2. Quantitative Methodology Q3. Social Networks		
Social Networks & Network Analysis [16/30], [210/376]			International Network for Social Network Analysis. This is the professional association for researchers interested in social network analysis	The Journal of Social Structure (JoSS). An electronic journal. [Published by the International Network for Social Network Analysis] Social Networks. Междисциплинарный журнал [Published by Elsevier]

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
Sample [4/7], [69/117]		Q4. Statistics		
		Q5. Microcomputing		
		Кластеры, не вписывающиеся в перечень, предлагаемый формой ASA		
Personal Ties, Networks and Reciprocity [6/10], [60/94]				
Social Capital (interdisciplinary cluster) [6/13(8/13)], [146/236(175/236)]				
Non-identified sociological cluster				
Democracy, Political Participation, Social Capital (political science cluster) [13/26], [279/411]				

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
Racial Minorities & Politics (political science cluster) [6/10], [49/87]				

Примечание. В ячейке с названием кластера в первых квадратных скобках указано отношение содержащих ключевые слова источников, авторами которых являются социологи, к общему количеству источников в кластере, а во вторых квадратных скобках — отношение количества содержащих ключевые слова цитирований, авторами которых являются социологи, к общему количеству цитирований в кластере. В случае с тремя политологическими кластерами эта же идея применяется к авторам-политологам. Для междисциплинарных кластеров в круглых скобках внутри квадратных скобок указываются содержащие ключевые слова источники и цитирования, авторами которых являются не только социологи, но и представители смежных специальностей. Данные, полученные из Интернета, демонстрируют, что во всех случаях, кроме специально оговоренных, в руководстве представленных здесь ассоциаций и в редакциях журналов имеется заметная доля американских ученых.

^a Двадцать членов редакции представляют британские учреждения, один — нидерландский университет, один — китайский университет и один — американский университет.

^b Все десять членов редакции работают в британских учреждениях. В International Editorial Advisory Board входят шестнадцать ученых из небританских университетов.

В ячейке с названием кластера в первых квадратных скобках указано отношение содержащих ключевые слова источников, авторами которых являются социологи, к общему количеству источников в кластере, а во вторых квадратных скобках — отношение количество содержащих ключевые слова цитирований, авторами которых являются социологи, к общему количеству цитирований в кластере. В данной работе социологическими считаются кластеры, в которых половина источников написана социологами (даже если в авторском коллективе был только один социолог и несколько представителей других дисциплин) и половина цитирований приходится на источники, написанные социологами. В случае с тремя политологическими кластерами эта же идея применяется к авторам-политологам. Для междисциплинарных кластеров в круглых скобках внутри квадратных указываются содержащие ключевые слова источники и цитирования, авторами которых являются не только социологи, но и представители смежных специальностей.

Второй столбец таблицы содержит названия секций Американской социологической ассоциации (Current Sections). Всего в Ассоциации в настоящее время насчитывается 47 секций. В третьем столбце перечислена 81 область социологических интересов (areas of sociological interest), взятая из бланка, который заполняют вновь принимаемые члены АСА (2010 Membership Application). В бланке области интересов разбиты на группы, названия которых обозначены в нашей таблице жирным шрифтом. В случаях, когда одной и той же области интересов соответствовали несколько кластеров, мы повторяли название области в нескольких строках. В этом столбце мы сохранили имевшиеся в бланке индексы, состоящие из одной латинской буквы и одной цифры, которые соответствуют определенной области специализации.

Часто в США или за их пределами существуют научные общества и журналы, чья проблематика близка к проблематике секций АСА. Эти общества и журналы обозначены соответственно в четвертом и пятом столбцах таблицы. Помимо этого, в случаях, когда нам удалось выявить организацию или издательство, публикующие тот или иной журнал, мы их указывали в квадратных скобках в пятом столбце.

Порядок перечисления кластеров выстроен таким образом, чтобы не нарушать порядок перечисления областей интересов в Membership Application. В большинстве кластеров свыше половины источников и цитирований оказались социологическими, то есть их авторами

являются социологи. Всего нам удалось вычленить и идентифицировать 83 кластера. Один из вычлененных кластеров, включающий 20 источников и 202 цитирования, идентифицировать не удалось из-за крайней неоднородности представленных в нем источников. Три кластера (Public Opinion; Democracy, Political Participation, & Social Capital; Racial Minorities & Politics) можно назвать политологическими, потому что свыше половины источников и цитирований здесь принадлежат авторам-политологам. Семь кластеров являются междисциплинарными, поскольку к какой-либо конкретной научной дисциплине относятся менее половины образующих их источников и цитирований (Non-profit Sector; Income Inequality; Public Policy; Social Psychology; Work Studies; Social Capital; Environmental Justice). Наконец, два кластера имеют одинаковое название — Quantitative Methods. Но один из них по составу источников и цитирований — социологический, а второй — несоциологический. При этом сложно отнести оба этих кластера к какой-либо определенной области статистики, а объединить их в один кластер невозможно, поскольку они находятся в разных частях нашей рабочей дендрограммы (в данной статье эта дендрограмма не представлена).

Из Таблицы 2 видно, что лишь в десяти случаях названия выделенных нами кластеров полностью или частично совпадают с названиями секций АСА. В 16 случаях они полностью или частично совпадают с названиями областей социологических интересов (areas of sociological interests) из Membership Application. В девяти случаях мы затруднились однозначно отнести тот или иной кластер к одной из секций и областей специализации и записали такие кластеры в две секции или области специализации. Такие кластеры отмечены в таблице цветовым выделением. Кроме того, есть случаи, когда мы смогли отнести конкретный кластер к группе областей специализации, но не к какой-либо определенной области внутри такой группы.

Двадцати секциям АСА не соответствует ни один из выделенных нами кластеров. Наконец, названия восемнадцати кластеров не коррелируют с названиями ни одной из секций АСА. К этой же группе можно добавить три кластера в самых нижних строках таблицы: два из них являются политологическими, а один — это как раз тот кластер, состоящий из 20 источников, проблематику которого невозможно идентифицировать.

Не всегда наше отнесение кластера к какой-либо секции АСА совпадает с тем, куда составители Membership Application относят одно-

именную нашему кластеру область интересов. Например, мы относим кластер Political Economy в секцию экономической социологии, а в Membership Application область интересов Political Economy помещена в группу «политическое и социальное изменение» (Political and Social Change).

В одном случае название выделенного нами кластера Sociological Methodology по форме совпадает с названием секции ASA Methodology. Однако если в названии секции под методологией понимаются методы социологического исследования, то применительно к выбору названия кластера мы исходим из иного понимания термина «методология». В.А. Ядов приводит ряд значений для этого термина: 1) всеобщая научная методология, связанная с «универсальными принципами развития научного знания»; 2) общесоциологическая методология, дающая «указания относительно принципиальных основ разработки частных социологических теорий в соотношении с их фактуальным базисом»; 3) методологические функции частных социологических теорий, выступающие «в качестве прикладной логики исследования данной предметной области»; 4) система приемов исследования, при использовании которых ставится «вопрос о соотношении между теорией и эмпирическими данными, между различными уровнями научного обобщения»⁴¹.

В случае с нашим кластером под методологией мы понимаем совокупность знаний, связывающих общесоциологическую теоретическую проблематику с методами конкретных исследований, но не включаем сюда собственно социологические теории высокого уровня, а также специальные методические и технические приемы исследования. Такое понимание вытекает из содержания источников, попавших в этот кластер.

Сопоставление первого и второго столбцов Таблицы 2 показывает, что существуют значительные расхождения между когнитивной структурой (т. е. совокупностью кластеров) и социальной, или институциональной структурой (т. е. совокупностью секций ASA) в американской социологии. Однако здесь следует иметь в виду, что американские социологические институты существуют не только в виде социологических департаментов и секций ASA. Кроме ASA, имеются и другие общества или ассоциации социологов, а также междисциплинарные ассоциации. Помимо обществ, важными институтами,

⁴¹ Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 1998. С. 62.

оказывающими существенное влияние на американскую социологию, являются социологические и междисциплинарные журналы, публикуемые самой АСА, ее отдельными секциями, а также иными ассоциациями. С учетом их существования, если не учитывать последние четыре строки Таблицы 2, оказывается, что совсем «неперекрытыми» какой-либо ассоциацией или журналом оказываются только 11–12 кластеров⁴². В то же время необходимо относиться к данным, представленным в таблице, с известной долей осторожности: поскольку, по-видимому, нельзя избежать некоторой субъективности в сопоставлении полученных кластеров с секциями АСА, областями интересов из представленного выше бланка АСА, иными социологическими и междисциплинарными ассоциациями и научными журналами.

Заключение

В результате анализа структуры цитирования в десяти ведущих американских неспециализированных социологических журналах за 2002–2006 гг. выявлена когнитивная структура современной американской социологии. В отличие от подобного анализа, проделанного американскими исследователями в конце 1970-х гг., получен не один, а 75 «чисто социологических» кластеров и еще 10 междисциплинарных и политологических кластеров, характер одного кластера идентифицировать не удалось. Вероятно, результат американцев определяется их выборкой, включавшей большое число как отраслевых, так и междисциплинарных социологических журналов (в последних собственно социологические статьи составляли от 1/3 до 2/3 от общего числа статей). Кроме того, американцы исключали из анализа кластеры, включавшие менее 30 источников, так как их интересовал только уровень социологической специальности, и им были не очень интересны более низкие уровни⁴³.

⁴² Число 11–12 появляется из-за того, что кластер Sample может соответствовать либо области интересов Quantitative Methodology, и тогда он «пересекается» с секцией Quantitative Sociology, либо области интересов Statistics, а в этом случае не совсем понятно без консультаций со специалистами по структуре АСА, можно ли отнести его к секции Quantitative Sociology.

⁴³ Small H. G., Crane D. Specialties and disciplines in science and social science: an examination of their structure using citation indexes. P. 450.

В одиннадцати случаях названия выделенных нами кластеров полностью или частично совпадают с названиями секций Американской социологической ассоциации. В семнадцати случаях они полностью или частично совпадают с названиями областей социологических интересов (areas of sociological interests) из Membership Application, заполняемой при вступлении в АСА.

Таким образом, можно утверждать, что мы наблюдаем лишь частичное соответствие когнитивной структуры американской социологии (выделенных в ходе анализа цитирования кластеров) ее институциональной структуре (социологическим специальностям, или секциям АСА). В то же время можно обнаружить соответствие полученным кластерам среди других американских социологических и междисциплинарных ассоциаций и американских и международных журналов. Можно предположить, что существование подобных институтов является провозвестником того, что с течением времени в АСА могут возникнуть новые секции, включающие проблематику этих ассоциаций и журналов.

Апробирование инструментария в ходе работы по данному проекту и накопленный сравнительный материал по американской социологии позволяют нам перейти к использованию метода цитирования для анализа современной российской социологической литературы.

Благодарности

Автор выражает благодарность Виталию Григорьеву и Александру Тавровскому за обсуждение многих идей, представленных в данном тексте, Екатерине Полниковой и в ее лице — Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ, а также Национальному электронно-информационному консорциуму (НЭИКОН) за доступ к электронным ресурсам, использованным в ходе исследования.

ИЗУЧЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП: ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕТОДА И ПОЛУЧАЕМОГО РЕЗУЛЬТАТА

Аннотация. В статье рассматривается проблема поиска релевантного метода для изучения жизненных ценностей разных социальных групп. Приводится подробная классификация методик на измерение ценностей. Рассматриваются результаты наиболее масштабных исследований ценностей в контексте используемых в них методик. Систематически представлены особенности и достоинства рефлексивной методики, различающей изучение индивидуальных и групповых ценностей, выявляющей специфику ценностного пакета разных групп.

Ключевые слова: жизненные ценности, измерение ценностей, выявление ценностей, рефлексивные методы, метод, релевантный разным категориям респондентов, ценностный пакет индивида, ценностный пакет социальной группы/

Изучая ценностную проблематику, осознаешь ее масштабность. Некогда Т. Парсонс высказал мнение, что ценности лежат в основе социальных систем¹. Фокусируя внимание на изучении отдельных сторон жизни общества, социальных групп и индивидов, мы так или иначе попутно затрагиваем и данную проблематику.

При эмпирическом изучении любой значимой для человека социальной сферы важно начинать с выявления общей ситуации — каковы значимые подсистемы его жизни и их состояние. Для этого предлагается выяснять у респондента значимость разных сфер в сравнительном и нейтральном контексте: обеспечить респонденту возможность самому выявить свои ценностные представления и выразить их собственным языком. Способ несмещенной оценки ценностей будет предложен в этой статье.

Мы исходим из того, что у любого человека фактически нет систематической возможности разобраться со своим «ценностным пакетом», и ситуация рефлексивного опроса дает им такую возможность. Тем самым релевантные опросы, построенные на самостоятельной рефлексии людей, выполняют важную гуманистическую функцию: в определенной степени помогают человеку понять самого себя.

Каждый респондент в исследовании представляет самого себя и является одновременно представителем множества значимых социальных групп, в которые он входит. Каждый человек предъявляет

¹ Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. М., 1998. С. 18.

только частный набор социальных ценностей социальной группы, но совместная обработка свидетельств совокупности респондентов дает более устойчивые групповые характеристики. Поэтому проблема исследования состоит еще и в том, как люди отбираются в исследование, и как их индивидуальные ответы будут учитываться в выявлении общих ценностей социальных групп.

1. Многообразие подходов к изучению ценностей

Проблематика личностных ценностей всегда представляла сферу огромного интереса социальной психологии. Расширяется спектр кросс-культурных регулярных исследований. В постперестроечные годы появляется все больше отечественных социологических исследований. Из-за многообразия теоретических, методологических и методических подходов к изучению ценностей мы имеем дело с довольно разноречивыми результатами, которые лишь частично помогают нам продвинуться в понимании того, что собой представляет ценностная система современного человека и отдельных социальных групп, каковы возможности ее эмпирического познания. Чтобы уточнить исследовательскую ситуацию, мы рассмотрим ряд методик эмпирического изучения ценностных ориентаций и полученные с их помощью конкретные результаты. Затем представим особенности собственного подхода и полученные в его рамках конкретные содержательные результаты, сформулируем определенные выводы.

1.1. Классификация и анализ методик на измерение ценностей

Анализ публикаций показывает, что исследования ценностей можно разделить на три условных типа: (1) «исследователь без респондента»; (2) «исследователь—респондент»; (3) «респондент—исследователь».

К первому типу нашей классификации относятся исследования, в которых считается возможным давать описания ценностных структур групп и слоев общества, опираясь только на собственные представления исследователя, не прибегая при этом к систематическому эмпирическому изучению. По нашему мнению, такого типа исследовательские установки Т. Парсонса и его школы, их позиции продолжительное время преобладали в исследованиях. Этот построенный на рассудочных аргументах подход сегодня встречается довольно редко.

Рассмотрим особенности двух других подходов, на которых базируется множество эмпирических методик.

(а) *Подход «исследователь—респондент»*. В этой паре ведущей фигурой является «исследователь». Здесь используются стандартизированные, связанные с получением числовых данных, жестко выстроенные методики. Они широко используются огромной массой исследователей. К имеющим высокий статус в научной сфере стандартизированным методикам можно отнести методику многолетнего международного сравнительного исследования World Values Survey, методики М. Рокича, Г. Олпорта, Ш. Шварца, Н.И. Лапина и др.²

(б) *Подход «респондент—исследователь»*. Здесь отношения более или менее «паритетные»: между «исследователем» и «респондентом» на этапе получения первичных данных ведущей фигурой является «респондент», на этапе анализа материала — «исследователь». Мы рассматриваем «мягкие» методики, предоставляющие респонденту возможность высказаться самостоятельно, предъявить собственные формулировки ценностей, определить их значимость. В числе методик этого типа можно назвать методику М. Гудмана³, аксиобиографическую методику А.П. Вардомацкого⁴ и др. Предлагаемая нами методика (раздел II) также относится к этому типу.

(в) *Комплексные методики*. Представляют собой одновременное или последовательное использование количественного и качественного подходов. Примером могут служить методические решения в исследованиях В.А. Ядова (Саморегуляция 1979), Л.М. Смирнова (2005), А.В. Соколова и И.О. Щербаковой (2003) и др.

Заметим, что отечественные исследователи ценностных ориентаций в последнее время уделяют весьма скромное место методологическим рефлексиям. По нашему же убеждению, тип выбранного метода получения первичных данных определяет в значительной степени масштаб исследования, характер и значимость получаемых результатов. Поэтому представляется важным изучать и описывать познавательные и методические особенности используемых методов.

² Систематический обзор методик на измерение ценностей по публикациям в России (СССР) и США за последние 50 лет сделан Т.В. Емельяненко в 1997 г., в частности, в ее в обзоре представлены методики М. Рокича, Г. Олпорта, Ш. Шварца, М. Гудмана, Ф. Тромпенаарса. Методика Н.И. Лапина: см. Кризисный социум, 1994. С. 91–94.

³ Емельяненко Т.В. Методы межкультурных исследований ценностей // Социология 4М. — 1997. №9. С. 32–54.

⁴ Вардомацкий А.П. Аксиобиографическая методика // Социологические исследования. 1991. №7. С. 80–84.

Рассмотрим более основательно некоторые методики, которые часто используются в исследовательской практике.

1.2. Методика Рокича: вопросы к обоснованию

Методика американского психолога Милтона Рокича приобрела большую популярность среди исследователей социальных ценностей. В адаптированном виде в нашей стране она впервые использовалась в исследовании социального поведения инженеров ленинградских проектных бюро под руководством В.А. Ядова в 1972–1979 гг. Результаты исследования изложены в двух монографиях⁵ и ряде статей. Эта же методика была применена в сравнительном исследовании ценностей студентов США и Беларуси⁶ и ряде других исследований.

О формате методики Рокича. Используется два автономных списка ценностей — 18 ценностей-целей и 18 ценностей-средств (первые называются также терминальными, вторые инструментальными ценностями)⁷. В списке терминальных ценностей мы имеем такие формулировки, как «здоровье (физическое и психическое здоровье)», «наличие хороших и верных друзей», «счастливая семейная жизнь» и др. Список инструментальных ценностей содержит такие понятия/формулировки, как «честность (правдивость, искренность)», «эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)», «чуткость (заботливость)» и др. Индивидуальная значимость перечисленных ценностей для респондентов устанавливается путем полного ранжирования каждого списка — респондент должен наиболее значимой ценности присвоить 1-е место и далее, вплоть до 18-го места для наименее значимой ценности. Терминальные и инструментальные ценности ранжируются автономно. Значимость ценностей для социальной группы устанавливается усреднением индивидуальных рангов по каждой ценности.

Остановимся на познавательных особенностях методики. Отметим ряд принципиальных моментов: (а) не вполне ясны критерии отбора ценностей в каждый из списков (об этом же — Смирнов⁸); (б) перед

⁵ Социально-психологический портрет инженера / под ред. В.А. Ядова. М.: Мысль, 1977; Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В.А. Ядова. Л., 1979.

⁶ Вардомацкий А.П. Ценности социальной группы и личности. М., 1992.

⁷ Методика «Ценностные ориентации» М. Рокича.

http://www.psy-files.ru/2006/11/21/metodika_cennostnye_orientacii_m_rokicha.htm

⁸ Смирнов Л.М. Системы базовых ценностей и методы их эмпирического исследования / под ред. И.Г. Дубова // Ментальность россиян. М., 1997. С. 26–59.

респондентом ставится трудновыполнимая задача: ему предлагается дважды расставить 18 ценностей на 18 мест в порядке их важности (однако сомнительно, что в актуальных представлениях респондента имеется такое количество различных упорядоченных позиций); (в) как следствие отмеченного, очень низкая устойчивость данных ранжирования (в повторном опросе обнаружилось, что относительную устойчивость показывают только некоторые ценности, занимающие у респондентов крайние места — первые 3–4 места и последние 2 места, все серединные ценности меняют оценки на 5–8 баллов⁹); (г) отказ от ответа в методике не предусмотрен, и тем самым все 36 ценностей респондент должен признать как «свои» и выделить каждой место в «собственной» ценностной иерархии; (д) предлагаемые пояснения к ценностям в большинстве случаев скорее запутывают смысл, чем разъясняют его. Например, в формулировке «Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений)» первая часть описывает ситуацию, где налицо достаток и богатство, вторая — где люди только отодвинулись от нужды. Есть и ряд других комментариев.

1.3. Анализ результатов эмпирических исследований

Рассмотрим некоторые из опубликованных результатов исследований ценностей в контексте используемых в них методик.

К самым масштабным в современной социологии исследованиям ценностей можно отнести международные сравнительные исследования: World Values Survey (WVS)¹⁰ — ведется с 1981 г., в настоящее время в 53 странах, Евробарометр — регулярные опросы среди стран-участниц ЕС, в 2008 г. уже в 27 странах¹¹, Европейские социальные исследования (ESS, с 2002 г. 20 стран)¹² и др. Остановимся на методиках Международного исследования ценностей (World Values Survey — WVS), которое чаще всего связывается с именем американского политолога Р. Инглехарта.

Рассмотрим подробнее три блока вопросов, используемых в WVS для измерения наиболее общих, глобальных ценностных ориентаций¹³.

⁹ Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В.А. Ядова. Л., 1979. С. 208.

¹⁰ Подробнее см.: <http://margaux.grandvinum.se/SebTest/wvs/>

¹¹ Результаты последней волны 2008 г. см.: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb69/eb69_values_en.pdf

¹² Подробнее см.: <http://www.europeansocialsurvey.org/>

¹³ В целом исследование WVS проводится для проверки гипотезы о ценностном сдвиге, выдвинутой Р. Инглехартом в 1970 г. Согласно этой гипотезе в обществе с повышением

В первом блоке представлено лишь шесть терминальных ценностей: семья, друзья, работа, свободное время, политика, религия. Респонденту предлагается оценить значимость этих ценностей по 4-балльной шкале.

Второй блок составляет список из десяти инструментальных ценностей, таких как трудолюбие, чувство ответственности, решительность и др. Из этого списка респондент должен выбрать только пять наиболее важных для себя позиций (соответственно шкала оценки дихотомическая — 1 или 0).

Третий блок представляет собой методику Шварца (S. Schwartz). Предварительно Шварц провел крупное кросс-культурное исследование на изучение отношения к ценностям в 20 странах, в результате которого он пришел к выводу, что существует 10 базовых ценностных ориентаций, которые в принципе универсальны для любых культур. К базовым ориентациям Шварц отнес творчество, разнообразие, гедонизм, достижение, власть, защищенность, традиции, приятие, великодушные и универсализм¹⁴.

Один из используемых приемов — когда респонденту зачитывается десять высказываний, описывающих различные типы людей, и предлагается оценить степень своей схожести на каждый из приведенных типов по 6-балльной шкале. Пример используемых суждений: «Для этого человека важно следовать традициям и обычаям, принятым в его семье или религии». Затем оценивается степень важности каждой ценности как руководящего принципа жизни.

В рамках WVS рассмотрим пример России: 2005 год, опрошено 2033 человека. По обозначенным выше трем блокам вопросов были получены следующие результаты на всю выборку¹⁵. По первому блоку

благополучия происходит переход от материалистических ценностей к постматериалистическим (Inglehart 2008). Таким образом, конечный результат исследования представляет собой данные о соотношении материалистических и постматериалистических ценностей в конкретном обществе. В два итоговых ценностных списка включены различные блоки с формулировками и названиями ценностей, описывающие многие сферы жизни. Это как макроценности (терминальные, инструментальные), так и конкретные ориентации в сферах политики, работы, религии, экологии, науки и др., также встречаются формулировки, касающиеся проблем толерантности и гендерных отношений. В данной статье для получения сравнимого результата мы остановимся только на некоторых блоках ценностей и будем рассматривать их вне контекста гипотезы Р. Инглехарта. Подробнее о методике WVS см.: http://margaux.grandvinum.se/SebTest/wvs/articles/folder_published/survey_2005, Inglehart (2008)

¹⁴ Schwarts S.H., Sagiv L. Identifying Culture Specifics in the Content and Structure of Values // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1995. Vol. 26(1).

¹⁵ Результаты см. URL: http://margaux.grandvinum.se/SebTest/wvs/download_data_files

в качестве важных/популярных для россиян оказались такие ценности: семья — 99% (то есть 99% респондентов поместили позицию «семья» ответом «важная» или «очень важная»), друзья — 91%, работа — 84%, свободное время — 79%, религия — 48%, политика — 35%.

По списку из 10 инструментальных ценностей популярность ответов была следующей: трудолюбие — 88%, чувство ответственности — 81%, терпимость и уважение к другим людям — 68%.

Согласно результатам, полученным по третьему блоку, для россиян наиболее важными оказались такие универсальные ценности, как великодушные (71%), традиции (53%) и приятие (47%). Наименее популярными оказались такие формулировки: достижение — 28%, гедонизм — 23%, власть — 20%, разнообразие — 17%. (Заметим, что адекватность ряда формулировок и их популярность для российского человека вызывает сомнение — А. Г.)

Как обнаруживается по разным основаниям, результаты даже такого широкомасштабного и фундированного исследования, как WVS, дают достаточно смещенную информацию о ценностной сфере людей. Так, не вполне ясны критерии отбора ценностей для первых двух списков. При всех формальных обоснованиях универсальности методики Шварца, не убеждает реальность полноценного описания этим набором ценностей каждой отдельной культуры, не говоря уже об отдельно взятых группах внутри каждой культуры.

Необходимо также отметить значительное влияние на конечный результат и метода отбора респондентов, и метода опрашивания. Так, в WVS в 2005 г. использовался метод интервьюирования на дому у респондентов. Вызывает вопросы представленная по странам статистика о доступности и участии респондентов в опросе. Так, согласно отчету по качеству и структуре выборки, в Испании были доступны буквально все до единого запланированные 1300 респондентов. В России же из запланированной выборки удалось опросить только 10,2%, при этом 89,8 % «выпавших» респондентов оказались недоступными по трем причинам: 22,0% отказались контактировать, 31,5% не открыли дверь, в 36,3% случаев интервьюеры не попали в дом.

Нам остается только догадываться, насколько сильное смещение происходило в такой выборке. Вызывает сомнение, что при таких масштабных «выпадениях» из опроса пропорции выборки по большинству принципиальных показателей (размер домохозяйств, возраст, регион, размер населенного пункта) оказались почти совпадающими с пропорциями генеральной совокупности. Существенным только оказался не-

добор по людям старше 65 лет (на 87 чел) и по представителям больших семей (на 170 чел).

В апреле 1997 г. социологами НИИКСИ СПбГУ был проведен опрос молодежи в 14 городах России, выборка составила 1557 человек. Об используемом методе в статье не говорится ни слова, но с учетом масштаба проекта можно предположить, что использовалась стандартизированная анкета. На вопрос «Какие жизненные ценности являются для Вас приоритетными?» получены были такие ответы: любовь — 62,6%, семья — 54,8%, здоровье — 38,5%, материальный достаток — 35,9%, любимая работа — 23,9%, образование — 22,6%, чистая совесть — 13,8%, полезность людям — 9%, творчество — 5,3%, служение России — 2,6% (Карпухин 1998: 90). В представленной структуре отметим высокую значимость ценности «любовь» и оказавшиеся аутсайдерами такие ценности, как «чистая совесть» и «полезность людям». Отметим также, что по сравнению с опросом WVS «семья» здесь получила почти вдвое меньше ответов — всего 54%, «работа» — в 3,5 раза меньше, правда, в этом исследовании мы имеем дело с молодежью.

В масштабном всероссийском исследовании молодежи под руководством В.Т. Лисовского в 2001 г. участвовало 2646 человек из 14 больших и 28 малых городов России¹⁶. Иерархия ценностных ориентаций опрошенных выявлялась путем анализа ответов на закрытый вопрос «Что для Вас в жизни самое главное?». Были получены следующие данные: семья была названа 53,4% респондентов, здоровье — 38,8%, любовь — 31,9% (*потеряла половину своей популярности* — см. выше.), работа — 28,4%, образование — 26,4%, дети — 21,2% (*новая для данного исследования ценность* — см. выше), уважение окружающих — 18,6%, творчество — 14,8%, другое — 8,4%. В представленном списке отсутствуют такие немаловажные для молодежи ценности, как материальное положение, дружба, свобода, досуг и др.

Заключение. Как следует из представленных материалов разных исследований, формулировки, которые называются ценностями, списки этих ценностей, методы их оценивания, а также способы презентации результатов весьма разнообразны. Мы попытались с помощью единой таблицы выделить и сопоставить однотипные аспекты исследований — получилась весьма разноречивая картина, ставящая под вопрос саму возможность надежного изучения ценностей.

¹⁶ Лисовский В.Т. Молодежь: любовь брак, семья (Социологическое исследование). СПб., Наука, 2003. С. 332.

Мы уверены, что специфика ответов в сильной степени определяется характером используемой методики, реализованным методом опроса и общим контекстом его реализации. Поэтому одно требование нам представляется несомненным — публикация результатов по исследованию ценностей должна сопровождаться систематическим описанием методик, условий опроса, организации выборки, способов подсчета результатов.

2. Новая технология выявления индивидуальных и групповых ценностей

При изучении разноречивых результатов эмпирических исследований последних лет выявилась определенность относительно отдельных деталей — пакет значимых ценностей социальных групп напрямую зависит от предложенного для оценивания списка. В многообразных опросах «семья» и «здоровье» выходят в лидеры почти во всех группах респондентов. И в связи с этим возникает ряд вопросов — как соотносить данные таких (еще и репрезентативных) опросов о неизменно высокой значимости семьи для россиян с обескураживающей статистикой разводов или с проблемами внутрисемейного насилия? Так, по разводам в 2002 г. Россия занимала первое место в Европе и второе в мире¹⁷. В социологическом опросе 2005 г. 50% опрошенных женщин сообщили, что хотя бы однажды подвергались физическому насилию со стороны нынешнего мужа¹⁸. По данным 2003 г. МВД РФ треть всех убийств в стране была совершена на семейно-бытовой почве и т. д. Или как понимать высокую значимость здоровья в российских выборках при галопирующей алкоголизации и наркотизации населения¹⁹, при самой низкой продолжительности жизни среди стран Европы? Как объяснить это рассогласование? Может, имеет смысл в исследованиях сместить фокус внимания с анализа иерархии ценностей на проблемы с их реализацией, удовлетворенностью, смысловым содержанием?

С целью хотя бы частичного ответа на возникающие вопросы нами проведено эмпирическое исследование, посвященное возможностям

¹⁷ Алексеев А. Вымирание по семейным обстоятельствам // URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=348231>

¹⁸ Лысова А.В. Насилие в добрачных отношениях: модель факторов риска и способы профилактики: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. СПб., 2008. С. 3–4.

¹⁹ Девиантность и социальный контроль в России (IX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / под ред. Я.И. Гилинского. СПб., 2000. С. 214, 239.

более адекватного изучения структуры и содержания ценностей на примере современной учащейся молодежи. Выявив определенные узкие места разнообразных методик изучения значимости ценностей, была разработана опросная методика, построенная на иных принципах актуализации и оценки ценностей.

Прежде всего, это рефлексивная методика, в которой респондент сам формулирует значимые ценности, разъясняет их смысл, оценивает их значимость для себя и удовлетворенность их реализацией. В итоге опроса получается значительный объем текстовых суждений и количественных оценок. Работать с такими сложными, интегральными массивами первичных данных позволяет специализированная компьютерная программа ВЕГА²⁰, обеспечивающая возможность в удобном виде хранить такого рода эмпирические массивы, иметь удобный доступ к любым разрезам информации, классифицировать суждения, получать статистику, сравнивать разные группы респондентов²¹.

Основное в предлагаемой методике состоит в том, что она построена на технологии открытых вопросов. Учитывая значимость этой технологии, представим ее более систематическим образом.

2.1. Исследовательская технология, базирующаяся на открытых вопросах

Технология открытых вопросов построена на совокупности текстовых массивов и количественных оценках. В настоящее время она оснащена основными «строительными блоками», среди которых: обоснованная исследовательская концепция; типология открытых вопросов (описан познавательный потенциал свыше 15 типов открытых вопросов); разработана масса построенных на системном использовании открытых вопросов анкет (для изучения ситуаций в сферах образования, семьи, здоровья, ценностных ориентаций и др.); проведено свыше 50 исследований; разработаны для поддержки такого рода исследований компьютерные системы ДИСКАНТ и ВЕГА.

И один из главных моментов — опубликовано две монографии: одна описывает данную исследовательскую технологию и программу

²⁰ Система ВЕГА является современной версией программы ДИСКАНТ, обе были разработаны в СПб ЭМИ РАН, рук. Е.А. Каневский, Г.И. Саганенко (См. Г. И. Саганенко и др. 2008; Саганенко 2005).

²¹ Саганенко Г.И., Каневский Е.А., Боярский К.К. Контексты эмпирического познания в социологии и возможности программы ВЕГА // Телескоп. 2008. №6. С. 43–55.

ДИСКАНТ²², во второй содержится полномасштабная публикация 15 методик (приводится их обоснование, показывается характер получаемого в них материала, в некоторых отражены результаты, полученные в системе ДИСКАНТ²³).

Показано, что это в целом самостоятельный тип качественного исследования. Открытые вопросы «самонастраиваются» к респондентам разных групп, одни и те же вопросники можно использовать в разных странах. Реальные различия достаточно явно обнаруживаются в совокупностях респондентских суждений.

2.2. Рефлексивная методика для выявления индивидуальных ценностей

Предлагаемая методика, направленная на изучение ценностных ориентаций, опробована несколько раз в разных исследованиях. Поскольку ценностный блок представляется важнейшим при изучении и других лично-значимых социальных сфер, он включался в опросные методики при изучении сферы образования, здоровья и др. Полная методика данного исследования состоит из основного блока, вопросов на самооценку и «паспортички».

Представим основной блок методики, направленный на выявление значимых для респондента ценностей и их количественную оценку:

Напишите, пожалуйста, 10 жизненных ценностей, наиболее важных для Вас.

Оцените каждую ценность по 100-балльной шкале исходя из ее значимости для Вас.

Попытайтесь охарактеризовать несколькими словами, фразами каждую названную Вами позицию (например, что для вас означают деньги, семья и т. д.).

Таблица 1

Формат вопроса на выявление и оценку ценностей

Балл	1–10. Жизненная ценность	11–21. Характеристика ценности, пояснение ее смысла
(всего 10 пустых строк для ответов)		

²² Саганенко Г.И. Многообразие возможностей социологического изучения сферы образования. Часть 1. Обоснование и технологии социологических исследований, базированных на текстах СПб.: ГНУ ИОВ РАО, 2004.

²³ Многообразие возможностей социологического изучения сферы образования. Часть 2 / под ред. Г.И. Саганенко. — СПб.: ГНУ ИОВ РАО, 2005.

Использование в методике двойного задания (самостоятельно назвать ценность и пояснить ее личностный смысл и значимость) мы называем «двойным открытым вопросом». Такой формат представляет новый тип открытого вопроса, имеющий самостоятельный исследовательский потенциал (15 типов открытых вопросов описаны в монографии Г.И. Саганенко²⁴). В методике также используется двойное задание (сформулировать содержательный ответ на открытый вопрос и затем оценить баллами сформулированные позиции) — это *предметно-оценочный тип открытого вопроса*²⁵.

Чтобы получить представление о характере материала, приведем пример.

Таблица 2

Пример ответа респондента (Аня, ученица 9-го класса)

№	Балл	Жизненная ценность	Характеристика ценности, пояснение ее смысла
1	60	Деньги	Сейчас все решают деньги, на деньги можно купить почти все
2	90	Семья	Родным можно сказать все, доверить все и они поймут
3	65	Карьера	Хочется достичь в жизни большего
4	70	Спорт	Если человек спортивный, то он и выглядит хорошо, и чувствует себя хорошо
5	80	Лучшие друзья	Можно довериться ему и повеселиться
6	100	Общение	Больше общения и не остается времени на плохие мысли
7	65	Образование	Много знаешь, большего добьешься
8	60	Стиль, имидж	Красиво выглядишь — хорошо себя чувствуешь
9	100	Здоровье	Если здоров, то все хорошо
10	100	Жизнь	Жизнь дана, чтобы жить и успеть все

Данный формат следовало бы дополнить графой об *удовлетворенности* респондента реальным состоянием каждой обозначенной им

²⁴ Саганенко Г.И. Многообразие возможностей социологического изучения сферы образования. Часть 1. Обоснование и технологии социологических исследований, базированных на текстах. СПб.: ГНУ ИОВ РАО, 2004. С. 53–72.

²⁵ Там же: С. 63.

ценностной сферы (это было понято, к сожалению, уже после проведения опроса), что дало бы массу новых уточнений (удовлетворенность ценностью часто оценивается существенно ниже ее значимости).

Описание собранного эмпирического массива

В настоящее время нас интересовали представления о ценностях нескольких социально-статусных групп, возможность разобраться с их «ценностными пакетами». В выборку отобрали респондентов по нескольким критериям: школьная и вузовская молодежь (111 и 117 чел), две разные школы, три вуза. Охвачены и девушки, и юноши (130 и 88 чел). Метод взаимодействия с респондентами — групповой опрос, соответственно опрос проводился классами и группами. В итоге опрос проведен на 27 площадках, и общая выборка составила 218 человек.

Проведя опрос и собрав эмпирический материал, мы можем выявлять сквозные (для всех групп) и специфические (для отдельных социальных групп) ценности, определять дифференцирующие возможности данной методики опроса.

Приведем доказательство адекватности данной методики, показав активность респондентов в опросе — по числу названными ими ценностей.

Таблица 3

Активность респондентов (количество названных ценностей)

Число ценностей в ответе	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1	0	Всего
Число человек с 10, 9, 8... ответами	100	10	21	26	26	12	16	4	1	1	1	218
Доля респондентов, назвавших данный минимум ценностей %	45,9	50,5	60,1	72,0	83,9	89,4	96,8	98,6	99,1	99,5	100	

Как видно из таблицы, 100 человек (или 46% выборки) «добросовестно» выполнили задание полностью и назвали по 10 ценностей, почти 90% выборки (195 человек) назвали от 5 до 10 ценностей, и в среднем мы получили по 8 ценностей от одного респондента. Как видим, такая форма задания значительно повышает активность респондентов в актуализации своих ценностных представлений и формулировании ответов.

2.4. Результаты исследования на базе рефлексивной методики

Мы уже говорили о взаимосвязи метода и получаемого результата и пытались показать эту взаимосвязь на примере некоторых исследований. Представим результаты нашего эмпирического исследования. Благодаря многомерности разработанной методики нам удалось получить множественный результат, и в качестве основных его составляющих можно назвать следующие три: определена структура ценностей, выявлены варианты их смыслового содержания, проведена оценка значимости индивидуальных и групповых ценностей несколькими способами.

2.4.1. Групповые ценности — диагностика на массиве респондентов

При таком подходе мы изучаем содержательно-методическую ситуацию не на индивидуальном уровне, а на совокупности опрошенных (чем обычно и занимается социология в исследованиях). В нашем случае самая широкая совокупность — это учащаяся молодежь в количестве 218 человек. Соответственно, выявлялось, вокруг каких социальных идей фокусируется множество ответов молодежи. Сначала на базе анализа первичных ответов, а затем путем последовательного объединения формулировок и «промежуточных» фокусных точек, составим оптимальный список «конечных» групповых ценностей. В принципе изучалась специфика «ценностных пакетов» у разных групп учащихся, выделенных по полу, учебному заведению и другим факторам (в данной статье этот материал не будет представлен).

Проанализируем первую часть открытого вопроса — о разнообразии индивидуальных ценностей у всей совокупности респондентов.

Примеры ответов респондентов (<> — *ответ одного респондента*):

<Любовь, семья, школа, мой класс, деньги, веселуха, Россия, дружба, жизнь, мир во всем мире, а еще сама планета земля>; <Здоровье, счастье, деньги, парни, друзья, семья, образование>; <Материальный доход, лицей, полноценная семья>.

На эту первую часть задания от 218 респондентов было получено 1745 ответов с названиями ценностей. В принципе фигурировало свыше 150 разных единичных названий, среди которых «традиционные» ценностные ориентиры (такие как семья, дружба, любовь, учеба, деньги) и единичные (включая потребности физического самовыражения, такие как азарт, экстрим), упоминания отдельных нравственных качеств (честность, совесть, правдивость и др.), притягательность секса и представителей другого пола, вплоть до упоминания привлекатель-

ности вредных привычек (наркотики, «веселуха», курение, алкоголь). Последние вряд ли когда-либо в стандартизированных исследованиях попадут в опросные списки и будут выявлены как значимые для отдельных людей или части молодежи.

В результате последующего сопоставления выделено 56 субгрупп, дальнейший анализ содержательной релевантности привел к 18 интегральным ценностным единицам. Вот эти классы ценностей в порядке частоты их упоминания во всей выборке:

Семья — 207, Деньги — 182, Друзья — 176, Любовь — 136, Образование — 120, Здоровье — 110, Досуг — 82, Работа — 79, Самопознание — 49, Свобода — 45, Жизнь — 41, Духовные ценности — 40, Уважение — 34, Гармония — 31, Родина — 30, Социальное положение — 25, Счастье — 19, Вера — 9.

Можно сравнивать этот список со списками методики М. Рокича или WVS-2005. Очевидно, что данный перечень родился в напряженном поиске определенной оптимальности и в условиях компромисса. Далее обратимся к презентации внутренней структуры обнаруженных макро-ценностей.

2.4.2. Внутренняя структура ценностей

Большое значение для интерпретации данных о ценностных предпочтениях людей имеет выявление содержательного наполнения ценностей у разных людей. Так, наиболее популярная, часто вписываемая в ответы категория «семья» для одних молодых людей представляет родительскую семью, для других — перспективу собственной семьи, для одних крышу над головой, для других — взаимопонимание и поддержку. Для одних «учеба» — это каждодневная обязанность, для других — сфера общения, для третьих — система получения знаний. Не изучая эту ситуацию, мы бы получили слабо дифференцированную картину и однородность групп, не соответствующую действительности.

Для конкретизации содержательного наполнения ценностной сферы нами использовались формулировки второй части задания, направленной на уточнение респондентом смысла и значимости названных им ценностей. Обнаружилось, что почти все наши респонденты считают семью значимой ценностью своей жизни, но отводят ей разные места и по-разному определяют ее смысл, роль, значимость (табл. 4).

Данная таблица выполняет две роли. С одной стороны, она показывает логику нахождения/формирования «конечных» (для данного массива) ценностей, с другой — убеждает, что ценности носят не «точечный»,

«элементарный» монохарактер, а сложены из некоторого количества разных компонент, имеют определенную внутреннюю структуру.

Таблица 4

Результаты классификации ценностей у 218 респондентов

№	Частоты	Классы и подклассы ценностей
1	252	Семья
	203	Семейные отношения, Понимание близких, Благополучие, Семейное счастье, Уют домашнего очага, Благополучие близких, Стабильность и уют, Любовь и гармония внутри семьи
	22	Род Родители, Брат, Мои сестры, Бабушка и дедушка, Папа, Мама, Близкие и дальние родственники
	13	Дом, Крыша над головой
	14	Дети, Мои будущие дети, Продолжение рода, Создание своей семьи
2	142	Любовь
	115	Любовь, Чувства, Любимый человек, Вторая половина
	27	Личная жизнь, Девушки, Парни, Общение с женским полом, Секс
3	217	Дружба, общение
	123	Друзья
	39	Дружба
	26	Общение, Человеческое общение, Общение с людьми
	29	Доверие, Взаимопонимание, Преданность, Братство, Взаимовыручка
...	...	(Приведена только часть результатов классификации ответов)

Мы видим, что первое место в выборке получила ценность **«семья»** — она собрала 252 высказывания (или 14% от общей их суммы). В итоге тема семьи фигурировала у 207 из 218 респондентов, некоторыми отмечалось по несколько аспектов «семейной темы». Оценка ее значимости у 207 человек составила в среднем 90,3 балла.

В текстовых разъяснениях часть респондентов ограничилась подтверждением значимости семьи: *«семья — главная ценность в жизни», «самое главное в жизни любого человека — это семья»*. Другие подчеркивали функцию семьи выступать поддержкой и опорой: *«У человека всегда должны быть близкие, которые помогли бы в трудные минуты»*. Часть респондентов, вписывая ценность «семья», имела в виду свою будущую семью, своих детей.

Взаимоотношения с родными были представлены в разных вариантах. Для одних важно понимание среди своих родных: *«Прежде всего — это самые лучшие друзья, с любой проблемой я обращаюсь к ним»*. Кто-то отметил полную дисгармонию в семье: *«Пугливая кошка, дед-маразматик, папа, которого нет дома, мама, которая много работает, и я»* (Катя, 9-й класс).

В принципе полученная структура акцентов может выступать своего рода справочником при выборе молодежной проблематики для исследований, показывающем также «выпавшие» темы, заслуживающие специального внимания. Например, тут определенно видно, что в сфере личностной значимости у молодежи отсутствует проблематика экологии, совершенно не представлены коллективистские ценности, идеи служения обществу, попадают только отдельные упоминания религиозных и нравственных ценностей.

2.4.3. Показатели значимости групповых ценностей

Прояснив для себя смысл ценностей на индивидуальном уровне и их смысловое пространство, перейдем к анализу групповых ценностей в сопоставлении с их оценками (табл. 5).

Таблица 5

Структура ценностей в группе и их иерархии

1	2	3	4	5	6	7
Ранг по популярности (по п. 3)	Ценность	% от числа респондентов назвавших ценность	Средний балл	Ранг по баллам (по 4)	Среднее место написания в ответе	Ранг (по 6)
1	Семья	95,0%	90,3	3	2,2	1
2	Деньги	83,5%	72,9	16	4,1	4
3	Друзья	80,7%	85,3	7	3,8	2
4	Любовь	62,4%	84	8	4,0	3
5	Образование	55,0%	77,6	14	4,8	6
6	Здоровье	50,5%	89,9	4	4,6	5
7	Досуг	37,6%	71,8	18	6,5	16
8	Работа	36,2%	78,4	13	5,2	7

Таблица 5 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
9	Самопознание	22,5%	80,1	12	7,0	18
10	Свобода	20,6%	89,3	5	5,8	9
11	Жизнь	18,8%	88,7	6	6,2	13
12	Духовные ценности	18,3%	81,9	11	5,8	10
13	Уважение	15,6%	83,4	9	6,5	15
14	Гармония	14,2%	83	10	6,6	17
15	Родина	13,8%	71,9	17	6,2	14
16	Социальное положение	11,5%	75	15	5,7	8
17	Счастье	8,7%	92	2	6,1	12
18	Вера	4,1%	96,6	1	6,0	11
18 мест	Максимум	100%	100 балл	18 мест	10 мест	18 мест

Для выявления значимости ценностей использовалось несколько способов.

(1) Обычный прием — определялась значимость ценности, исходя из частоты называния этой ценности респондентами (столбец 3). Здесь полученные данные о количестве (проценте) людей, назвавших ту или иную ценность, не содержат сведений об иерархии ценностей в привычном понимании этого слова — в этом случае предпочтительнее говорить о степени распространенности конкретных ценностей у изучаемой группы. В дальнейшем эту коллизию мы будем рассматривать в терминах *популярные/непопулярные* ценности.

(2) Прямые оценки значимости ценностей по 100-балльной шкале. В используемой методике респондентам предлагалось дать абсолютную оценку каждой названной ценности. Таким образом, представленная иерархия была получена, исходя из ранжирования массива автономных оценок ценностей респондентами (столбец 4). При рассмотрении в дальнейшем этой иерархии будем говорить о *более значимых/менее значимых* ценностях.

Надо отметить еще одну существенную особенность нашей методики. Она показывает, что *каждому респонденту* требуется разная шкала значимостей: одному — 90 баллов (респондент расположил свои

ценности на интервале от 10 до 100 баллов), другому — 20 баллов (от 80 до 100), третьему — 15 баллов (от 65 до 80).

Каждая ценность оценивалась тоже на разных интервалах: так, «семья» имеет оценки от 56 до 100, «деньги» — от 20 до 100, «вера» — от 80 до 100 баллов.

(3) Еще одна оценка значимости определялась из косвенных данных, исходя из порядка/строки ее написания в ответе (столбец 6). Этот анализ опирался на следующие посылки. Представляется, что респондент начинает чаще всего с сильно *актуализованных идей* и заканчивает слабо *актуализованными*. Однако это не исключает того, что на первых строчках респондент может написать как наиболее значимые лично для себя ценности, так и просто наиболее распространенные, популярные в его окружении стереотипы, элементы публичного дискурса, массовых представлений, вбитых в сознание идей, клише и пр.

Все эти три подхода к оценке значимости ценностей в определенной степени автономны, но принципиально то, что они органично дополняют друг друга, расширяя познавательные рамки о сути ценностных представлений и возможностях их выявления и измерения.

Данные в табл. 5 дают представление об определенных рассогласованиях в оценках значимости, полученной с помощью различных подходов. Более обобщенные показатели согласованности обеспечивают нам коэффициенты ранговой корреляции — для трех пар рангов по результатам трех способов оценки групповых ценностей.

Изучение взаимосвязи трех типов оценок дало следующие результаты. Как выявилось, *популярные* ценности не оказались одновременно и весьма *значимыми ценностями*, скорее наоборот — коэффициент ранговой корреляции по 18 ценностям близок к нулю и составил $r = 0,11$, т. е. имеет даже отрицательное значение.

Значительная позитивная связь прослеживается между *популярностью* ценности и *строкой* ее написания, тем, насколько быстро ценность актуализируется в голове респондента: $r = 0,65$ — показатель высокий, это означает, что на первые строки чаще попадают популярные ценности.

Значительно меньше связь между «*очередностью*» актуализации ценности (строкой, на которую записывается ценность) и ее *значимостью* — рангом по балльным оценкам: $r = 0,23$. Респондентам проще в первую очередь предъявлять *популярные*, социально одобряемые ценности, но на индивидуальном уровне они могут и не быть высокозначимыми.

В целом выявленное рассогласование может быть вызвано двумя причинами. Во-первых, часть *популярных* ценностей представляет собой не что иное, как умозрительные конструкты, то есть мы можем столкнуться не только с индивидуальными ценностями в привычном их понимании, но и со стереотипами и шаблонами массового сознания. Во-вторых, низкая значимость при высокой распространенности ценностей может говорить о неудовлетворительном их состоянии у части респондентов.

Так, например, ценность «деньги» по популярности занимает второе после «семьи» место, по порядку написания находится в среднем на четвертом месте, а по приписанным ей баллам — на 16-м месте. Рассогласование по двум типам ранжирования значимости «денег» может быть также связано с особенностями российского менталитета — в нашем обществе часто считается «неприличным» ценить деньги. Возможно, популярность в ответах денег — методический эффект формулировки задания.

Рассогласование оценок *популярности* и *значимости* у ценности «работа», как и в случае с «деньгами», можно объяснить слабой вовлеченностью респондентов в эту жизненную сферу. Напомним, что обследуемая группа наполовину состоит из школьников, для студентов ценность значима, но суммарная ее популярность для выборки получается низкой.

Рассогласование в оценках «образования» может быть обусловлено тем, что, как ни странно, самоценность образования слабо актуализирована в сознании учащихся — образование ими часто рассматривается как ресурс или обязанность, но не как самодостаточная ценность, привлекательная деятельность.

Заключение

Изучение системы ценностей социальных групп имеет высокую познавательную значимость. Изучение ценностей в трансформирующуюся эпоху тем более важно, ибо дает возможность получить ориентирующие значимые характеристики, предпочтения и ожидания индивидов и разных социальных групп в новых условиях.

В отечественной и мировой социологии проводится огромное количество разнообразных исследований, базирующихся на разной методической базе, однако в большинстве своем это стандартизированные вопросники и смешанные выборки. Методическая база таких

исследований в целом двух типов: либо весьма произвольная опросная методика и простейший анализ, либо использование «мировых брендов» типа методики М. Рокича, методик World Values Survey, как бы на «репрезентативных» выборках и серьезном статистическом анализе. Релевантность единых стандартизированных вопросников для изучения ценностей разных социально-демографических и социально-статусных групп, еще и в разных странах, вызывает большие сомнения, несмотря на «непререкаемый статус» используемых методик, исследований, их руководителей.

Нами предложен и описан в данной статье принципиально новый метод, построенный на рефлексивном опросе и специальном формате получения первичной информации от респондентов. Открытые вопросы позволяют исследовать две принципиальные «качественные» вещи — а) выявлять более релевантные индивидуальные ценности и б) получать статистику и более устойчивые «ценностные пакеты», релевантные социальным группам.

Рассмотрев результаты нескольких исследований, включая и наше собственное, мы резюмируем, что действительно существует сильнейшая взаимосвязь метода и получаемого результата в исследованиях ценностных ориентаций. От исследования к исследованию результаты могут носить весьма разноречивый характер. Эти различия кроются в природе самих индивидуальных ценностей, значительной дифференцируемости их в разных социальных контекстах. Различия зависят и от способов изучения ценностей — от критериев построения «ценностного списка», от способа получения первичного ответа/оценки респондентов. А поскольку социология в конечном итоге имеет дело с совокупными данными и описывает ценности социальных групп или категорий людей, то, соответственно, эмпирические результаты будут зависеть и от условий отбора и попадания респондентов в опрос. Частичный выход в том, чтобы в публикациях результатов были систематически представлены используемые методические решения.

СЕМЬЯ И ЛИЧНОСТЬ

С.И. Голод

СОВРЕМЕННЫЕ НЕМОНОГАМНЫЕ МОДЕЛИ СЕМЬИ

Аннотация. В статье проводятся различия между неполной семьей и «материнской», отмечается новая разновидность такого рода семей и их особенности: в городских условиях образованность обоих полов и экономическая самостоятельность супругов, необязательность легитимных оснований отношений, как сексуальное, так и интимное многообразие. Это многообразие дополняется нередкой сменой партнерства, т. е. полигамностью.

Ключевые слова: полигамность, эгалитарность, интимность, автономность, психологическое созвучие, патриархальность, супружество, эротика, личностная самореализация

Расширение свободы выбора брачного партнера и форм совместной жизни супругов повышает индивидуальную ответственность за последствия сексуальных практик и эффективность планирования сроков появления потомства. Вследствие чего среди молодого поколения получили распространение альтернативные модели организации приватной жизни. Другими словами, практики молодежи не ассоциируются с одной-единственной жестко закрепленной моделью брака — патриархальной, за которой была четко закреплена известная последовательность: *брачность—сексуальность—деторождение*. Сегодня в индивидуальной биографии человека фиксируется значительная вариабельность жизненных исходов.

Фактически низкая рождаемость означает почти полную обособленность *сексуального поведения от прокреативного и тем самым — повышение его самооценности*, другими словами, гедонистической составляющей.

Союз мужчины и женщины, требующий глубинного психологического взаимопонимания, открывает возможность для брачных уз без их официального закрепления (т. е. их легитимного подтверждения). Прежний малоподвижный брак, в который раз и навсегда втиснута личная жизнь каждого, перестает удовлетворять человека, с детства привыкающего к разнообразию и динамизму городского образа жизни. И порой еще недавно осуждавшиеся поведенческие модели превратились в образцы для каждодневного проявления.

Отсюда возникающий для многих вопрос, какие из моделей лучше или хуже: традиционные или модернистские? Кризис «патриархальной» семьи был порожден не тем, что она была «плохой», а тем, что она перестала соответствовать изменившимся социальным и экономическим условиям. Но это вовсе не означает, что современные формы организации личной жизни, брака и семьи, вписывающиеся в настоящие образцы поведения, не принесли с собой новых напряжений и проблем. Просто, если для «традиционного» брака были характерны высокая степень кооперации и низкая потребность в автономии, то в современном супружеском (эгалитарном) браке основной «скрепкой» психологической солидарности супругов как партнеров служит *автономия* (самостоятельность) и *интимность*.

Для нас сегодня важно установить переходные модели, которые, с одной стороны, как будто бы близки к традиционным формам, а с другой — на первый взгляд выглядят экстравагантными.

Остановимся сначала на так называемых «внебрачных» моделях, в первую очередь на «неполной» (incomplete) и «материнской» (maternal) семьях.

«Неполную» форму нельзя приравнять к «материнской» уже потому, что у них разный генезис. Действительно, материнская семья, условно говоря, изначально безбрачна, тогда как неполная — не что иное как «осколок» моногамии.

Источник формирования неполных семей легко понять — овдовение и разводы. По подсчетам московского демографа А.Г. Волкова, к 75 годам в России распадаются все браки. При этом в конечном счете 23% браков прекращается из-за смерти жены, 53% — из-за смерти мужа и остальные 24% — из-за разводов¹. Не секрет, что в течение репродуктивного периода развод сегодня — по-прежнему основная причина прекращения брака. Лишь в дальнейшем, примерно к 40-му году

¹ Волков А.Г. Семья — объект демографии. М.: Мысль. 1986. С.193.

супружеской жизни когорты, он уступает место овдовению; причем вдовство — чаще удел женщин. Так, вдов среди них к 40 годам больше, чем тех, кто никогда не состоял в браке, а после 50 лет больше, чем разведенных².

Согласимся с мнением демографов: здоровье населения России, в настоящее время в большой мере определяется биографией поколений. Жители страны пережили в XX в. первую и вторую мировые войны, гражданскую войну, голод 20-х, 30-х и 1947 гг., войну в Афганистане, Челябинскую и Чернобыльскую экологически значимые катастрофы. Помимо того, уровень здоровья населения, несомненно, ухудшался в результате испытания ядерного оружия, загрязнения окружающей среды, низкого качества продуктов питания, нерационального гигиенического поведения³. Вопреки всему сказанному, тем не менее, нет оснований трактовать овдовение в фаталистическом духе, напротив, это явление отчасти регулируемое. Имеются реальные предпосылки к снижению уровня смертности (и в первую очередь мужской) в трудозрелых возрастах. Создание условий, способствующих самосохранительному поведению, — преимущественно прерогатива общества, его активной социальной политики.

Статистические показатели свидетельствуют, что вплоть до Второй мировой войны ожидаемая продолжительность жизни при рождении оставалась в России значительно ниже, чем в западных странах. Но, благодаря явным успехам послевоенной медицины, Советскому Союзу удалось практически ликвидировать свое отставание к середине 60-х гг. В 1965 г. средняя ожидаемая продолжительность жизни мужчин составляла в СССР 64,3 года против 67,5 во Франции и 66,2 в США, а для женщин соответственно 73,4 года против 74,7 и 73,7. Во второй половине 1960-х гг. рост ожидаемой продолжительности жизни во всех трех странах приостановился. Успехи в борьбе с инфекционными заболеваниями, связанными с широким применением антибиотиков, достигли предела. С этого момента, и надолго, первое место среди причин смертности заняли сердечно-сосудистые заболевания и рак, а экономические и социальные изменения привели к усилению влияния таких неблагоприятных факторов, как алкоголизм,

² Тольц М.С. Сокращение овдовения как фактор укрепления семьи // Механизм совершенствования управления социальной сферы социалистического общества. М., 1987.

³ Демографические перспективы России. М.: Респуб. информационно-издательский центр. 1993. С. 20–27.

курение, дорожно-транспортные происшествия и насильственные причины смертности. В сложившихся условиях возобновление роста ожидаемой продолжительности жизни было возможно только в результате установления контроля над новыми факторами риска и эффективной борьбы с сердечно-сосудистыми заболеваниями и раком. Именно этого удалось достигнуть в большинстве западных стран и не удалось в России⁴.

Индивидуальное здоровье приобретает в современном мире нарушенного экологического баланса особую роль для раскрытия способностей и потребностей личности. Осознание каждым человеком ответственности за состояние своего здоровья трудно переоценить. Как свидетельствует исследование «Демографические перспективы России», опубликованное в 1993 г., чем выше культурный и образовательный уровень отдельных групп населения, тем выше уровень охраны собственного здоровья и, соответственно, ниже уровень смертности.

Теперь столь же коротко остановимся на проблеме разводов. В течение второй половины XX столетия в нашей стране наблюдается неизменно высокое абсолютное и относительное число разводов. Вот лишь несколько цифр. В Российской Федерации на 1000 населения приходилось: в 1980 г. — 4,2 разводов, в 1985 г. — 4,0, в 1990 г. — 3,8 и в 1991 г. — 4,0. По этому показателю Россия в целом превосходила все бывшие республики СССР, кроме Латвийской; опережала практически все европейские страны, уступая лишь США, где в 1980-е гг. указанный индекс колебался вокруг 5⁵. С 1991 г. кривая разводимости пошла вверх, и к 1994 г. впервые уровень разводимости превысил половину от общего числа браков (точнее, 51 развод на 100 браков)⁶. Эта тенденция, безусловно, подтвердила зарождение новой волны *семейной модернизации* — наличие детей все в меньшей степени служит препятствием для развода.

Практическая неизбежность овдовения и развода указывает на закономерность воспроизводства «неполных» семей и в будущем. При этом, если в первой половине XX в. неполные семьи были главным образом результатом овдовения, то начиная со второй половины —

⁴ Население и общество // Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека. М.: ИНИ РАН. 1996. № 13.

⁵ Население России. Ежегодный демографический доклад // Евразия, 4 / Отв. ред. А.Г. Вишневыский. М. 1993: С. 26.

⁶ Население России 1996 // Ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневыский. М., 1997. С. 64.

развода. Такой расклад характерен для всех индустриальных стран. К примеру, во Франции до начала 1960-х гг. больше половины так называемых «монородительских» семей были вдовцами или вдовами. В 1970-х гг., напротив, большинство глав таких семей официально считались разведенными или фактически развелись, и только четверть из них составляли вдовцы⁷.

Наиболее острая проблема неполной семьи, возникающей вследствие развода, — с кем из родителей проживать ребенку. Не будем лукавить: после расторжения брака ребенок, как правило, остается с матерью. Отец при этом, по традиции, должен оказывать материальную помощь ребенку. В нашей стране дети передаются на воспитание отцам лишь в исключительных случаях — когда мать страдает алкоголизмом или психически нездорова. Доля отцов, остающихся с детьми, по некоторым оценкам составляет менее 1%⁸. Обнаруженная асимметрия в пользу матери носит почти повсеместное распространение, однако разброс удельного веса семей «отец—ребенок» значителен: в России, как уже отмечалось, около 1%, тогда как в США — 10%. Причины этой половой дискриминации многообразны, но главная, по крайней мере, у нас, — в стереотипном восприятии понимания «образа матери» и ее бессознательной поддержки судьями, которые в большинстве своем женщины. В результате, по мнению Т. Гурко, «разлад» в супружеских отношениях дополняется кризисом родительства.

У «одиноких» матерей трудные проблемы возникают в эротико-сексуальной сфере. Сошлюсь вновь на результаты эмпирических исследований Т. Гурко. По ее данным, почти половина опрошенных ею женщин были не прочь выйти замуж, остальные «пока не хотят» и лишь 12% — «не хотят вообще». При этом каждая пятая переживала за судьбу своего ребенка в потенциальном повторном браке. Другими словами, у них возникали противоречия между родительским долгом и желанием личного счастья, что и создает, разумеется, стрессовое состояние.

Перманентность овдовения (обусловленного меньшей частотой женской смертности) и потенциальная возможность повторного брака (под влиянием стремления мужчин к сексуальному разнообразию),

⁷ Ивер-Жалю Э. Монородительская семья во Франции // Социологические исследования. 1991: № 5. С. 118.

⁸ Гурко Т.А. Программа социальной работы с неполными семьями. М.: Центр общечеловеч. ценностей. 1992. С. 8.

полагаю, и в будущем не только смягчит проблемы обсуждаемых моделей семьи, но и обострит их вариабельность.

Столь же лаконично остановлюсь на «материнской» семье. О представительности такой модели семьи свидетельствует статистика «внебрачной» рождаемости. Доля детей, родившихся в России вне юридически оформленного брака, увеличилась с 1980-го по 1995 г. с 10,8 до 21,1%, в том числе в городе — с 9,6 до 21%, в сельской местности — с 13,4 до 21,3%⁹. Разумеется, в разных регионах страны эти цифры несколько разнятся. К примеру, доля родившихся вне юридически закрепленного брака в 1975 г. в Ленинграде составляла 5%, в области — 8%, а в 1990 г., соответственно, в Ленинграде — 15%, в области — 12%¹⁰. Тогда как по данным Республики Коми с 1991 по 2001 г. удельный вес «внебрачных» рождений среди городского населения вырос на 99,4%, в то время как среди сельского — на 123,4%. В целом по Республике Коми на протяжении 14 лет (с 1991-го по 2005 г.) прирост уровня «внебрачной» рождаемости составил 116,7% в городе и 145,4% на селе¹¹. По мнению Л.А. Поповой, «во второй половине 1980-х гг. в стране произошел некий информационный прорыв в массовом сознании, касающийся сексуальной сферы жизни населения <...>. Развернувшись на фоне низкой общей и контрацептивной культуры населения, она непосредственно отразилась на стандартах сексуального, матримониального и репродуктивного поведения <...> Росло число браков, стимулированных добрачной беременностью невесты»¹².

Полностью с этими утверждениями трудно согласиться. Несмотря на рост числа молодых людей, вовлеченных в сексуальную практику, не произошло умножения абортированных. Происходит снижение интенсивности искусственного прерывания беременности во всех возрастных группах женщин (с 15 до 30 лет), что, вопреки мнению Л.А. Поповой, свидетельствует, наоборот, о росте контрацептивной культуры. Суммарный коэффициент абортов — показатель, не зависящий от возраста женщин — опустился с 3,4 абортов в среднем на одну женщину репродуктивного возраста в 1991 г. до 1,8 аборта в 2002 г. То есть при сохранении нынешней ситуации одна российская

⁹ Население России 1996. С. 87.

¹⁰ Основные показатели демографических процессов в Ленинграде и Ленинградской области: Статистический сб. М.: Госкомстат России, 1991. С. 76–78.

¹¹ Попова Л.А. Внебрачная рождаемость: тенденции, причины, модели развития внебрачной семьи. Сыктывкар, 2007. С. 10.

¹² Попова Л.А. Указ. соч. С. 11.

женщина к концу репродуктивного периода сделает в среднем около 2 аборт.

Половина учтенных аборт приходится на возрастной интервал 20–30-летних. Как показал опрос в рамках проекта «Мать и дитя» (Республика Коми), средний возраст женщин, делающих аборт, равен 27–29 годам. Число зарегистрированных аборт на 1000 женщин репродуктивного возраста колеблется от 41 в Южном федеральном округе и 44 в Центральном до 65 в Дальневосточном федеральном округе. Самые высокие показатели аборт (более 70 на 1000 женщин) зафиксированы в Республике Удмуртии, Амурской области, Хабаровском крае и Еврейской АО.

Опыт многих стран показывает, что реальной альтернативой прерывания беременности служит ее предупреждение. За последние десятилетия в мире произошла настоящая «контрацептивная революция», правда, Россию она затронула в меньшей степени. С некоей долей оптимизма можно заявить, что по сравнению с 1980-ми гг. структура контрацепции в нашей стране изменилась в лучшую сторону (см. табл.7).

Таблица 7

Доля женщин в РФ, использующих методы контрацепции, в возрасте 15–19 лет, в процентах (по данным Минздрава РФ на конец года)

Виды контрацепций	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2000 г.
Внутри-маточные спирали	18,2	19,1	19,4	19,4	18,9	18,5	17,8	17,1	16,5	16,2	15,6
Гормональная контрацепция	2,1	3,0	3,0	3,6	4,6	5,9	6,8	7,1	7,2	7,2	7,8
Введено ВМ (на 100 женщин)	4,2	4,1	3,5	3,2	2,6	2,0	2,2	2,0	1,9	1,8	1,6

Источники: 1) Stérilet; 2) Contraception hormonale; 3) Stérilet nouvellement adopté pour 100 femmes (нами приводится по бюллетеню «Население и общество» Центра демографии и экологии человека ИНХИП РАН, № 75, сентябрь 2003, ред. А. Вишнеvский).

Вернемся к проблеме внебрачной рождаемости.

Согласно замечанию отечественных демографов Г.А. Бондарской и Л.Е. Дарского, в промежутке между серединой 40-х и 60-х гг. XX столетия число внебрачных рождений резко снижалось, а затем стало вновь постепенно расти — при этом в последнем десятилетии более быстрыми темпами, чем число брачных рождений. В частности, с 1980 по 1987 гг. при росте всех рождений в России на 13,5% число рождений у состоящих в зарегистрированном браке выросло на 11%, а у состоявших в нелегитимном браке — 33,6%¹³. Рост доли внебрачных рождений, само собой разумеется, не чисто российское явление. Он свидетельствует о *более общих переменах, происходящих с современной семьей*. На самом деле подобная кривая отмечена во многих индустриально развитых европейских странах. Так, с 1965 по 1985 гг. доля внебрачных рождений увеличилась в ФРГ с 4,7% до 9,1%, в Австрии — с 11,4 до 22,3%¹⁴; с 1970 г. до середины 90-х гг. в Великобритании — с 8 до 32%, во Франции — с 7 до 35%, Венгрии — с 5 до 19% и Швеции — с 18 до 50%¹⁵.

Наибольшее распространение «материнская» семья получила среди 15–19-летних подростков и после 35 лет — у «зрелых» женщин. У первых такая «скупенность» объяснима, скорее всего, неопытностью, т. е. случайностью зачатия; у вторых «внебрачная рождаемость» — результат не всегда осознаваемой потребности в детях. Относительно второй категории женщин, не боясь ошибиться, можно утверждать — рождение ребенка вне брака и его социализация не что иное, как актуализация их устремленности к гендерному равенству. Насколько безобидна эта тенденция? К сожалению, в данном контексте я вынужден ограничиться лишь констатацией фактов.

Постоянство, с которым в относительно большей мере воспроизводится «материнская» модель, несомненно, указывает на *либерализацию общественного мнения* по отношению к родительнице, имеющей ребенка от юридически неоформленного отца. По одному из свидетельств, в России незамужних матерей осуждают только 8% респондентов¹⁶. И все же не уйти от вопроса: достаточно ли

¹³ Демографические перспективы России. С. 18.

¹⁴ Recent demographic developments in the Member States of Council of Europe. 1986. P. 66.

¹⁵ Цит. по: Население России 1996. С. 39.

¹⁶ Заикина Г.А. Либерализация половой морали и семья // Становление брачно-семейных отношений. М.: ИСЛИ, 1989. С. 59.

оснований считать эту форму альтернативой моногамии? Ни в коем случае. Ведь особый статус «зрелой части» указанного контингента женщин проистекает из нереальных (завышенных) требований к качеству партнера, зачавшего ребенка. Одним из подтверждений высказанной гипотезы могут служить данные опроса, проведенного д.с.н. Т.А. Гурко, согласно которым не менее половины матерей, родивших ребенка вне правового поля, не возражали бы против узаконения своих отношений¹⁷.

Названные здесь две модели отражают по сути статистические (точнее, демографические) параметры семьи; что же касается их качественных характеристик, то мы впоследствии воспроизведем их. Это так называемое «сожительство» (cohabit), в отечественном разговорном варианте оно обозначается как «гражданский» брак. Попросту говоря, имеются в виду нелегитимные браки.

Такие отношения были широко распространены в западном мире с начала с 70-х гг. Молодые люди в этих странах полагали, что ни любовные клятвы, ни заверения в вечной верности не делают брак устойчивым, отношения могут быть стабильными в большой мере благодаря рождению желанного ребенка. Исходя из этого, юноши и девушки предпочитают интенсивное общение, которое подразумевает и сексуальную близость, но юридически оформляют свои отношения, как правило, лишь в том случае, когда по обоюдному согласию зачинают ребенка. Так, по утверждению нашей дипломницы, большинство из опрошенных ею молодых пар (21–28 лет) считали, что рожать детей они намерены для себя через 4–5 лет. Эти сексуальные контакты, даже существующие достаточно долго, могут и не завершиться правовым закреплением.

По свидетельству французского исследователя Л. Русселя, проанализировавшего статистический материал по пяти странам (Дании, Франции, Голландии, Швеции и США), широкое распространение нелегитимных браков началось с середины 1970-х гг. В этом смысле наиболее показательны данные по Швеции и Франции. В первой стране среди мужчин 25–29 лет в 1975 г. «сожительство» составляло 21%, к 1985 г. доля подобных отношений возросла до 31%; среди женщин — соответственно 17 и 31%; во второй для той же возрастной когорты у мужчин (за 10 лет) — от 3 до 17%, у женщин — от 2 до 11%¹⁸.

¹⁷ Гурко Т.А. Программа социальной работы с неполными семьями. С. 28.

¹⁸ Roussel L. Le Famille incertaine. Paris. Editions odile Jacon. 1989. P. 1–8.

В Швеции (1981 г.) был осуществлен национальный репрезентативный почтовый опрос мужчин (выборка из 5733 человека), родившихся с 1922 по 1961 гг. Их опрашивали по поводу реального брачного статуса¹⁹. В результате удалось установить: из общего числа респондентов 59% состоят в браке, 15% — в брачноподобном сожительстве, а остальные 26% — ни в том, ни в другом. Среди сожительствующих 85% никогда не состояли в официальном браке, 14% были разведены и 1% — вдовы. Но, пожалуй, *самое главное* — то, что *сожитительство — преимущественно удел молодых* (выделено мною — С. Г.). В самом деле, его пик приходится на вторую половину третьего десятилетия жизни индивида, в последующем наблюдается резкое снижение удельного веса этих связей, а уже после 50 они составляют скорее исключение, чем правило. Точнее, из общего числа молодых мужчин, имевших сексуальные контакты, 12% состоят в браке, 88% — сожительствовали; в старших возрастных группах положение диаметрально противоположное — 98 к 2%. В связи с тем, что для многих молодых людей сожитительство предшествует заключению официального брака, то его вполне можно охарактеризовать как временную, но в большинстве случаев непременную ступень к правовому закреплению эмоционально и психологически оправдавших себя отношений.

В России не проводилось в буквальном смысле такого рода опросов. Но судить о распространенности таких сексуальных отношений вполне правомочно, по крайней мере, с 80-х гг.

Так, уже в начале 1980-х гг. мною во Дворце торжественной регистрации новорожденных в Ленинграде опрашивались супружеские пары (всего 500 человек). Среди прочих вопросов им задавался и такой: «Сколько времени вы состоите в браке?» Примерно каждая пятая пара приходила в замешательство, начинался долгий подсчет. Приходилось им помогать: «Вашему ребенку сейчас два-три месяца, прибавьте срок беременности. Таким образом, вы, по-видимому, реально состоите в браке около года. Не так ли?» — «Ничего подобного, — возражали родители, — всего несколько месяцев». Нетрудно догадаться: ребенок был зачат как минимум за несколько месяцев до юридического оформления брака. Понятно, передо мною были сожители, которые в конечном счете завершили свои сексуальные контакты правовым актом. Сколько молодых людей в то время не пришли к такому соглашению, точно сказать не берусь.

¹⁹ Frost Y. Mans Civilstand och Samboendestatus. Uppsala, 1983. S.13, 14.

Аналогичные процессы стали наблюдаться и в сельской местности, например, А. Михеева, основываясь на динамике рождений внебрачных первенцев в Сибири (Новосибирская область), регистрируемых по заявлению обоих родителей, зафиксировала существование фактических браков в самых молодых возрастах матерей (от 15 до 19 лет). По мнению большинства сожителей, они надеются когда-нибудь вступить в официальный брак, и рождение ребенка стимулирует это событие. Гипотеза была основана на том, что в данной местности матери внебрачных детей не остаются практически одинокими²⁰. В другом, более позднем исследовании А. Михеева, опираясь на «качественные» методы анализа, пришла к выводу о том, что рождение ребенка без «законного» мужа — это вовсе не результат «демонстрации женской независимости как таковой», а по большей части следствие счастливых отношений, сложившихся с партнером²¹.

Согласно Л. Поповой из Сыктывкара, омоложение внебрачной рождаемости во многом было связано с наблюдавшимся общим омоложением рождаемости, в котором немалую роль сыграло снижение среднего возраста сексуального дебюта или, проще говоря, широкая распространенность относительно ранних сексуальных практик. В связи с этим ею констатируется безусловный факт: «В последние 15–20 лет сексуальные отношения стали настолько *обыденным явлением*, что в случае, когда они происходят с будущим супругом, то [они — эти отношения] могут даже не расцениваться как сексуальный опыт до брака». Проведенный Л. Поповой в 1994 г. опрос «Семья глазами замужних женщин» показал, что 14,1% респонденток, не имевших, по их словам, добрачного опыта, тем не менее, главным мотивом создания семьи отметили «необходимость вступления в официальный брак в связи с беременностью» или «рождением ребенка». Иными словами, созданию легитимной семьи в последнее время в массовом масштабе предшествует заключение юридического брачного союза, которое будущими супругами зачастую не воспринимается как период добрачной сексуальной практики»²².

²⁰ Михеева А.Р. Феномен сожительства в сибирской деревне: новая форма семьи или продолжение традиций. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1994. С. 142.

²¹ Иванова Е.И., Михеева А.Р. Внебрачное материнство // Социологические исследования. 1999. № 6. С. 72–76.

²² Попова Л.А. Внебрачная рождаемость: тенденции, причины, модели развития внебрачной семьи. С. 23.

К началу XXI в. рождение внебрачного ребенка приходилось на женщин моложе 20 лет. Конкретнее говоря, приблизительно до 60% внебрачных рождений приходилось на молодых женщин до 24 лет. И только после 35 лет уже нет заметной разницы в возрастной структуре брачной и внебрачной рождаемости. Показательно, что по совместному заявлению отца и матери в Республике Коми зарегистрировано около 50% всех рождений, при котором отец ребенка считает необходимым поддерживать его не только экономически, но и участвовать в процессе его социализации. Стало быть, формально количество адюльтерных связей не просто возросло, но приобрело новый *правственный смысл*²³.

Итак, по моему мнению, среди молодого поколения в нашей стране в дальнейшем «сожителство», или нелегитимность, будет приобретать широкое распространение. Так, согласно одному из обследований, 22,5% опрошенных респондентов не приемлет «сожителство» как таковое, но, по мере перехода от «старших» возрастов к более молодым, доля негативных суждений резко снижается. Среди лиц в возрасте 60 лет и старше их насчитывалось 47,3%, тогда как в возрасте до 20 лет — 13,8%. Тот же опрос показал, что толерантно относятся к нелегитимным отношениям молодые люди с высоким образовательным уровнем²⁴.

Моя убежденность опирается на процесс дальнейшей *либерализации общественного мнения* по поводу автономности сексуальных практик относительно прокреации (то есть ее гедонистической направленностью). Именно среди образованного и молодого поколения будут вырабатываться более разнообразные модели сексуального поведения. Какова будет эта вариабельность, мы не станем гадать — это покажет дальнейшая реальная практика.

Другая разновидность проявления немоногамной семьи — «последовательная полигамность» (*remarriage*)²⁵. Повторные браки вовсе не современное открытие. Они и в прошлом проявлялись как реакция на половозрастную асимметрию. По меньшей мере, с XVI

²³ Попова Л.А. Внебрачная рождаемость: тенденции, причины, модели развития внебрачной семьи. С. 26–88.

²⁴ Мацковский М., Бодрова В. Ценность семьи в сознании различных слоев населения // Семья в представлении современного человека. М.: ИС РАН, 1990. С. 157–163.

²⁵ В 1950 г. американский социолог Пол Лэндис, учитывая высокий процент повторных браков, ввел термин “*sequential marriage*”, имея в виду последовательную полигамию мужчин и женщин.

столетия в Англии повторные браки, по преимуществу вдовцов, составляли от 25 до 30% от общего числа заключаемых союзов. Промежуток между овдовением и вступлением в новый брак был обычно невелик. В течение одного года после смерти супруга/супруги повторный брак заключали почти половина мужчин (48%) и более трети женщин (37%). Аналогичная тенденция в XVI и XVIII вв. наблюдалась и во Франции. Здесь на протяжении нескольких веков от 20 до 33% всех браков заключались вдовцами. Безбрачие женщин, как правило, продолжалось несколько дольше, чем мужчин: до двух и более лет.

Существенные демографические перемены, происшедшие в Западной Европе в XIX веке («демографический переход»²⁶ — изменения в смертности, а затем в рождаемости) повлияли на количественные и качественные параметры повторных союзов. К примеру, если в XVI в. число повторных браков составляли примерно 30% вдов/вдовцов из числа всех заключенных союзов, то ко второй половине XIX столетия их доля снизилась до 10%. И общественное мнение теперь относится более сдержанно к «скоропалительным» бракам разведенных²⁷.

С точки зрения американского социолога Б. Адамса, повторные браки в США встречались всегда, но до истекшего столетия почти все они были следствием овдовения. Сейчас же иное положение дел: в 1900 г. 3% всех новобрачных приходилось на разведенных; в 1930 г. — 9%; в 1975 г. — 25%. В пределах пяти лет после развода $\frac{3}{4}$ бывших супругов вступают в повторный брак. При этом, по наблюдениям Б. Адамса, более склонны к последовательной полигамии черные, менее образованные и женщины с низкими экономическими доходами²⁸.

В России, хотя и с некоторым запаздыванием, эволюция модели последовательной полигамии по сути проделала европейский путь (см. табл.8).

Из представленных статистических рядов следует: а) рост за последние полтора десятилетия удельного веса повторных браков как среди мужчин, так и среди женщин; б) заключение повторных сою-

²⁶ См. об этом: *Вишневский А.Г.* Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. С. 189–199.

²⁷ *Ihinger-Tallman M., Pasley K.* Remarriage. Newbery Park: Sage Publications, 1987. P. 24–27.

²⁸ *Adams B.* The Family. A sociological interpretation. Orlando, 1986. P. 347.

зов к началу 90-х гг. стало событием, равновероятным для обоих полов; в) среди вступивших в последовательно полигамные отношения устойчива и незначительна доля вдовых. Нельзя не отметить и определенного своеобразия протекания этого процесса в зависимости от местности. Так, в Западной Сибири в конце 1950-х гг. у мужчин доля повторных браков составляла 8,2% против 7,7% у женщин, тогда как в конце 1980-х гг., соответственно, 19,6% и 22,9%²⁹. Однако к середине 1990-х в целом по стране они сравнялись.

Таблица 8

Доля повторных браков среди всех браков в России в 1980–1995 гг. (в %)

Годы/ пол	мужской		женский	
	Все повторные браки	В том числе брак разведенных	Все повторные браки	В том числе брак разведенных
1980	18,9	16,1	17,9	14,3
1985	23,8	20,7	24,6	20,1
1986	26,2	23,0	27,0	22,2
1987	27,8	24,6	27,8	22,9
1988	27,0	24,5	27,7	22,9
1989	26,6	23,5	26,3	21,7
1990	25,3	22,3	24,6	20,4
1991	25,7	22,7	25,2	20,9
1992	26,8	23,7	25,6	21,4
1993	26,0	23,2	25,3	21,3
1994	26,9	24,1	26,5	22,5
1995	27,5	25,0	27,4	23,3

Источник: Население России 1996: 68.

Подведем промежуточный итог. Мы обнаружили вариабельность в брачных отношениях. Установлены остаточные формы проявления патриархальности в сельской семье и, напротив, отмечены прогрессивные элементы в городской семье. В первой недвусмысленно зафик-

²⁹ Михеева А.Р. Сельская семья в Сибири: жизненный цикл и благосостояние. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1993. С. 50.

сирована «двойная» мораль, другими словами, здесь проявляется неравенство в поведении, ориентациях и ценностях мужчин и женщин. Во втором случае в большой степени обнаруживается равенство полов. Так, скажем, понятие отцовской власти чаще заменяется понятием родительского авторитета, а справедливое распределение «домашних» обязанностей становится одним из важнейших признаков семейного благополучия³⁰. Классический вопрос социологов «Кто в вашей семье чаще считается главой семьи?» заменяется вопросом «Кто принимает основные решения в семейных делах?» Конечно, проблема главенства решается по-разному даже в городских условиях.

Городская экономически независимая женщина отвечает на него как в известном анекдоте. Встречаются две подруги: новобрачная и прожившая в браке более десяти лет. Первая спрашивает вторую: «Вы так долго прожили с супругом, и у вас, тем не менее, не возникает с ним конфликтов?» «Для этого, — отвечает старшая, — надо заранее распределить обязанности! Мы с мужем поступили так: он решает все глобальные проблемы, а мелкие, повседневные — я!» — «И что же решает муж?» — спрашивает новобрачная. «Он приходит после работы и читает газету, а потом обсуждаем: будет ли война, или надолго ли затянется экономический кризис?» — «А что же делаешь ты?» — продолжает уточнять подруга. «Я решаю повседневные дела: готовлю обед, отношу белье в стирку, отвожу ребенка в садик и выполняю другие обыденные дела!»

Для современного брака характерны психологизация и интимизация супружеских отношений и их взаимопонимания, несводимость к жесткой дихотомии мужского и женского. Образованная и экономически самостоятельная женщина не может жить по домостроевским правилам. В то же время понятно, что и бытовые, как и прочие сферы жизни затрагивают женщин сильнее, чем мужчин. При этом нормативные представления и психология последних, особенно более молодых, образованных и городских мужчин, также перестраивается. Социокультурные сдвиги распространяются и на сексуальные отношения. Так, на мой вопрос, заданный в 2009 г. 180 мужчинам и женщинам с высшим образованием, состоящим в браке, проходившим переподготовку в Санкт-петербургских вузах и НИИ, по поводу: «Кто должен быть активным в сексуальном акте?» — 68,3% ответили «в равной мере мужчина и женщина», 21,3% сделали акцент на мужской активности,

³⁰ *Кон И.* Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. С. 100–101.

1,7% отдали предпочтение женщинам и 8,3% затруднились ответить однозначно.

Сравнительный анализ динамики сексуального поведения мужчин и женщин за последние полстолетия показывает повсеместное резкое уменьшение мотивационных различий сексуального дебюта, числа сексуальных партнеров, проявление сексуальных инициатив, отношений к эротике вообще (см. наши данные о студенчестве за 1969, 1972 и 1995 гг.).

По словам И. Кона, сегодня социально эмансипированные образованные женщины предъявляют к мужчинам повышенные требования психологического характера, что, в свою очередь, способствует развитию у последних более сложных и тонких форм саморефлексии³¹. В то же время И. Кон в книге «Мужчина в меняющемся мире» утверждает, что мужчины заинтересованы в случайном сексе и менее обязательны в своих сексуальных установках и поведении. Женщины, напротив, более избирательны в выборе партнеров, менее заинтересованы в сексе ради секса и избирают преимущественно таких партнеров, которые могут обеспечить выживание их детям, гарантируя долгосрочную безопасность и жизнеобеспечение³².

Нечто похожее мы ощущаем сегодня и в России, некий конфликт между поколениями — старшими, которым за 60, и молодыми, 20—30-летними. Ранее адюльтер воспринимался как моральная аномалия, ортодоксальная религия считала его неприемлемым и чуждым «приличному» обществу. Человеку, вступившему на этот путь, была одна дорога, как толстовской героине — броситься под поезд. Теперь же такого рода отношения воспринимаются как норма.

³¹ Кстати, такое движение к сближению полов предвидел еще русский социолог начала XX столетия В.М. Хвостов.

³² Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время: 2009. С.226.

И.И. ЕЛИСЕЕВА, А.А. КЛЁЦИН

ГОРОДСКАЯ СЕМЬЯ В РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. В статье раскрываются тенденции изменения современной городской семьи в России, показывается роль основных факторов, стимулирующих этот процесс. Объясняется проявление как общих (глобальных), так и специфических для России закономерностей изменения семьи, ее размера, состава, семейно-брачных отношений. Подчеркивается, что трансформация российской семьи произошла в период слома в политической и экономической жизни России. Обращается внимание на необходимость дальнейшего исследования тех огромных перемен в характере формирования российских семей, которые все еще недооцениваются и воспринимаются скорее как временные аномалии.

Ключевые слова: городская семья, тенденции изменения, основные факторы, семейно-брачные отношения.

Феномен семьи привлекал внимание ученых во все времена. Ф. Энгельс писал, что общественные формации отличаются прежде всего производством людей¹. А «производство людей» предполагает отношения между мужчиной и женщиной, которые могут перерасти в устойчивый союз, в создание семьи. Ф. Энгельс отмечал значение семьи в наследовании. Эта проблема не потеряла своей актуальности. Хотя при применении генной инженерии (экстракорпоральном оплодотворении, да еще и с использованием донорства) формально могут возникнуть вопросы, касающиеся отцовства, материнства, кровного родства. Все меняется в мире, и такой, казалось бы, очевидный, всем понятный институт, как семья, тоже не остается неизменным.

В современной России, где 73% населения живет в городах, тенденции трансформирующейся семьи легче уловить именно на примере городской семьи. особенно на примере Санкт-Петербурга – города, в котором новые демографические процессы дают о себе знать в первую очередь. Можно смело сказать, что Санкт-Петербург представляет своего рода модель городского населения России. Но это вовсе не означает, что все то, что зарождается в Санкт-Петербурге, распространится в неизменном виде на другие города. При активной

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф.; Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат, 1986.

демографической политике одни тенденции могут быть поддержаны, а другие — скорректированы и направлены в иное русло.

В России в силу централизации власти, мобилизационной экономики и социальных потрясений развитие семьи происходило, можно сказать, «в предложенных обстоятельствах». Это не могло не сказаться на способах формирования семьи, отношениях между мужчиной и женщиной, родителями и детьми, межпоколенных связях.

Последнее потрясение российской семьи было спровоцировано переходом к рыночной экономике. Как отмечает Сергей Захаров: «Едва ли кто-либо сомневается в революционной сущности перемен, произошедших за последние 15 лет в политической и экономической жизни России. А вот огромные перемены в характере формирования российских семей все еще недооцениваются: если их вообще замечают, то воспринимаются они, скорее, как временные аномалии или нежелательные мутации, требующие корректировки методами социальной инженерии»².

Слому стереотипа поведения «знакомство—заключение брака—рождение детей» существенно способствовало возникновение в России рынка жилья. Возникли и получили распространение новые формы отношений — добрачные союзы, и появилась возможность их реализации на базе аренды жилья. То, о чем писали как о чуждых нам процессах, которые относятся к «буржуазной» семье³, начало проявляться в первые же постперестроечные годы и заставило задуматься над тем, так ли уж случайны для нас эти тенденции: рост доли неполных семей, незарегистрированных союзов, нарастание малодетности, сознательный отказ от регистрации брака (т.н. материнские семьи), нуклеаризация семьи.

Демографический портрет брачности

С начала 1990-х годов демографический портрет российской брачности претерпел значительные изменения. Средний возраст жениха увеличился более чем на два года (с 23,9 в 1992 г. до 26,1 в 2005 г.), а невесты — почти на два года (с 21,7 до 23,3). Это существенные сдвиги, которые нельзя недооценивать: изменение возраста вступления в брак приводит к постепенному сдвигу всего календаря демографических событий.

² Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России / Мир России, 2007, № 4, с.73.

³ Фатеева Е.В. Семья в современном буржуазном мире. М.: Мысль.1988.

Семейно-брачное состояние

Общая интенсивность заключения браков в возрастах до 25 лет и у мужчин, и у женщин снизилась в 2 раза.

Никогда не состояли в браке к 25 годам (на 1000 чел.)		
Категории	1989	2002
мужчины	595	736
женщины	335	526

Увеличение возраста вступления в брак, так же как и снижение интенсивности заключения браков имеют в основе распространение партнерских отношений.

Новая категория для характеристики семейного состояния — брачное партнерство — включает в себя два основных состояния: зарегистрированный брак (формальный союз) и незарегистрированный брак (неформальный союз). Партнеров связывают устойчивые отношения, предполагающие наличие сексуальной близости. В последнее двадцатилетие партнерские отношения распространились и в России.

К 20 годам имеют партнера 32% мужчин и 48% женщин;
к 25 годам — 61% мужчин и 71% женщин;
к 30 годам — 76% мужчин и 88% женщин.

При дальнейшем повышении возраста доля женщин, имеющих партнера, снижается, доля мужчин — повышается, вплоть до 50 лет, когда она достигает 94%.

К 50 годам каждая четвертая женщина не имеет спутника жизни, а к 60 годам доля одиноких женщин достигает 50 %.

В возрасте 20–24 года сегодня почти каждый третий мужчина и почти каждая четвертая женщина проживают со своим партнером раздельно.

Среди 25–35-летних доля таких союзов составляет примерно 10% (причем это могут быть и зарегистрированные браки)⁴. Это свидетельствует о возникновении совершенно новых отношений между полами. По данным американских социологов незарегистрированные браки распределяются в основном между молодежью до 30 лет (т.н. пробные браки) и пожилыми (60 лет и старше).

Традиционная («нормальная») семья не исчезла, но наряду с ней появилось много других форм. Возрастает вариативность российских

⁴ Социальное и демографическое развитие России. Доклад ЮНФПА. М. 2010. С. 67.

семей. Это не означает «неправильного» поведения людей, изменяются сами нормы поведения⁵.

Новые тенденции в семейной аранжировке пытаются отразить статистики в таких традиционных массовых обследованиях, как перепись населения. В программе Всероссийской переписи населения 2010 г. брачное состояние отражается следующим образом:

Ваше состояние в браке:

- Состою в браке
 - Брак зарегистрирован: - да
 - нет
- Разведен официально (развод зарегистрирован)
- Разошелся(-лась)
- Вдовец (вдова)
- Никогда не состоял (а) в браке

Эти подсказки должны обеспечить выбор надлежащего варианта ответа и, в конце концов, дать возможность раскрыть вариативность российской семьи.

Согласно данным ВПН-2002, традиционная семья сохраняет доминирующее положение. Об этом свидетельствует распределение мужчин и женщин по состоянию в браке в Санкт-Петербурге:

Из состоящих в браке (в %)	мужчины	женщины
состоят в зарегистрированном браке	93,2	93,1
состоят в незарегистрированном браке	6,8	6,9

То, что происходило с семьей в России долгое время, мало кого интересовало. К тому же практически единственным источником данных для анализа размера, состава, структуры семей являются материалы переписей населения, которые, как известно, проводятся не чаще, чем один раз в 10 лет. Очевидно, что наблюдаемые тенденции снижения рождаемости, нуклеаризации семей, распространения неполной и материнской семей, роста доли одиночек не могут пролонгироваться на сколь угодно длительный период. Этим тенденциям противостоит популяционное самосохранение, которое отчасти находит выражение во влиянии миграции, которая очевидна в крупных городах. Особый

⁵ *Голод С.И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. Санкт-Петербург, ТОО ТК «Петрополис», 1998.

режим воспроизводства мигрантов, традиций межпоколенных связей, поддержание этнических связей и создание национальных анклавов в современных российских городах, а также занятие представителями какой-либо национальности определенных профессий являются реалиями сегодняшнего дня и, по-видимому, будущего.

Рыночной экономике феномен семьи малоинтересен: нужны здоровые, хорошо образованные работники с рациональным мышлением и поведением, а семья — это нечто эфемерное, иррациональное, создающее помехи. Семья не является в настоящее время главной темой социологических исследований. Подполе социологии семьи фрагментируется, и нет единой теоретической парадигмы, которая могла бы объединить проблемы семьи, брака, сексуальности и интимности.

Интеллектуальный парадокс состоит в том, что, в то время как воспроизводство является одной из (если не самой важной) социальной функцией человеческого общества, не ясно, что точно конституирует социологию семьи.

Чтобы дать адекватное определение семьи, поучительно рассмотреть диапазон мнений в классической социологии.

В целом оценка роли семьи развивалась от понимания ее как краеугольного камня собственности, власти и домохозяйства к представлению о семье как системе более или менее устойчивых отношений для сексуального удовлетворения и эмоционального товарищества.

Традиционная семья была, очевидно, занята организацией сексуальных отношений, удовлетворением сексуальных потребностей и воспроизводством общества через биологические процессы сочетания браком и прокреации. В дополнение к этим относящимся к воспроизводству функциям, семья была исторически контекстом для организации экономического производства, социального разделения труда, распределение собственности, передачи культуры и социализации детей. Экономика в традиционных обществах не была дифференцирована от домохозяйства, и, следовательно, экономика была просто управлением (*nomos*) домохозяйства (*oikos*). Семейная единица в пределах домохозяйства комбинировала экономическое производство и биологическое воспроизводство. Перед развитием модерного государства всеобщего благоденствия семья была также значима в условии обеспечения благоденствия его членам, особенно заботы о пожилых. Выполнение этих социальных функций установило семью как основной институт общества.

Несмотря на то, что некоторые авторы пытаются определить семью в терминах функции, оказалось, что эти функции варьируют между различными обществами, и нет никакой центральной функции, которую все общества делегируют семье.

Семья предварительно может быть определена как группа взаимодействующих личностей, которые признают социальные отношения, включающие общее происхождение, брак и/или принятие.

Это определение привлекает внимание к факту, что, в то время как биологические отношения важны в определении семейного членства, реальной проблемой является признание семейных отношений.

В социологии семьи и родства важно признать различие между значением «крови» и «брака».

Кровное родство производится актом половых сношений, приводящим к появлению потомства, которое может быть признано или нет, но легитимизируется самим сексуальным союзом. В отличие от этого, брак является юридическими отношениями, существующими между людьми, к которым присоединяются формальная брачная церемония или религиозный ритуал. В исторических терминах брак был институтом, который в конечном счете регулировал сексуальные отношения. В то время как брак может быть закончен через разделение и развод, отношения «крови» не могут быть так легко расторгнуты.

В большинстве современных обществ развестись относительно легко, но биологический статус родителя расценивается как более или менее постоянный. Это различие подкрепляет идею здравого смысла, что «кровь гуще воды», поэтому социальные обязанности биологических отношений не могут легко игнорироваться или отклоняться.

В классической социологии семья была ключевым институтом в легитимизации требований собственности происхождением, и, следовательно, устойчивые семейные отношения были признаны как основа общественного строя и политического авторитета.

Важная социологическая суть здесь — то, что брак как комбинация сексуального союза и социализации существует только в отношении других социальных групп вне брака. Законное рождение в пределах устойчивых брачных отношений было важно только относительно прав собственности в пределах системы родства. Сексуальная исключительность была обязана защищать политическую стабильность домохозяйства и мирного распределения выгод и труда в пределах домохозяйства.

Признав политические и экономические функции традиционного домохозяйства, мы можем дать более сложную оценку характеристик семьи⁶. В конвенциональных терминах семья включает:

1. Супружеские отношения.
2. Форму брака или другой институциональной аранжировки, в соответствии с которой супружеские отношения устанавливаются и утверждаются.
3. Систему терминологии, включая также способ счета происхождения.
4. Некоторые экономические потребности, связанные с рождением ребенка и воспитанием детей.
5. Общее жилье, дом или домохозяйство, которое, однако, может не соотноситься исключительно с членами семьи.

Подобный список квазипеременных обеспечивался в описании Goode множественных функций семьи. Это фертильность (которая может быть низкой или высокой); размещение членов семьи в системе стратификации в терминах приписанного и позициях приобретенного социального статуса; биологическое обслуживание семьи; социализация детей в терминах степени и эффективности обязательств родителей; эмоциональное обслуживание и психологическая безопасность для индивида; и наконец — осуществление социального контроля, особенно сексуальный контроль и над взрослыми и над детьми⁷.

Этим конвенциональным определениям семьи бросили вызов в современной социологии, ибо стало ясно, что семья не является исключительно важной для экономической, репродуктивной и эмоциональной жизни индивидов в современном обществе.

Модерное домохозяйство больше не выступает экономической единицей производства. Фактически, модерное домохозяйство является единицей потребления сервисов и выгод, которые производятся вне семьи. Поскольку воспроизводство больше не связано тесно с законным владением собственностью, нарастающее число детей рождаются вне брака, и их «незаконность» больше не клеймится строго. Брак часто обосновывается в терминах дружеского общения (компаньонства), а не воспроизводства, и многие люди находят эмоциональное и сексуальное удовлетворение вне семейной жизни.

⁶ MacIver R.M. Society: A Textbook in Sociology. 1937, p.197.

⁷ Goode W.J. World revolution and family patterns. Chi. 1963, p.188–189.

Ретроспективно дебаты о брачной и семейной жизни в двадцатом столетии вращались вокруг так называемого комплекса романтической любви, в котором любовь является основной мотивацией для брака, а интимность — основой брачного счастья.

Соотнесенность брака и любви является полностью современным явлением. В средневековой Европе существовала контрадикция между страстной любовью и институтом брака⁸. Брак был по существу контрактом между семьями, узаконивающим половые сношения, чтобы гарантировать непрерывное владение и распределение собственности через новые поколения.

В традиции Изысканной Любви страстные отношения вела иррациональная романтическая привязанность, которая была базисом противоиститута, а именно, романтическая традиция предполагала супружескую неверность⁹.

Модерные браки представляют революционную трансформацию этого традиционного паттерна, потому что они пытаются базировать брак на романтической привязанности и утверждать брак на основе взаимной интимности. Любовь, а не экономическое партнерство или семейный союз становится первичным оправданием брака, следующего за романтическим ухаживанием¹⁰.

Акцент на романтической любви перемещает главные эмоциональные трудности в брачную пару, потому что супруги посвящают себя выполнению высоких экспектаций интимности и сексуального вознаграждения. Искренность, доверительное и эмоциональное удовлетворение являются нормами идеального брака, но они заканчиваются (как это ни парадоксально) широко распространенным брачным несчастьем, потому что эти высокие нормы романтической интимности труднодостижаемы. Высокие экспектации обязательно производят больше разочарования в браке. Результатом является парадоксальная ситуация одновременно и высокой брачности, и высокой доли прелюбодейния, и высоких уровней повторного брака, и обширных внутрисемейных конфликтов между поколениями¹¹.

⁸ *Rougmont D. de. The Crisis of the Modern Couple // Family, Function, and Destiny / Ed. R.N.Anshen. N. Y., 1949.*

⁹ *Lewis C. The Allegory of Love: A Study in Medieval Tradition, 1936.*

¹⁰ *Luhmann N. Sozio-logische Aufklarung. Bde. 1—6. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1986.*

¹¹ *Davis K., Blake J. Social Structure and Fertility: An Analytic Framework // Economic Development and Cultural Changes. 1956. Vol. 4. P. 211.*

Разделение экономической активности и воспроизводства в пределах семьи — самое значимое социальное изменение в семейной жизни, которая является условием для появления компаньонатных отношений.

Случаи сохранения первородства как основного способа наследственного экономического накопления приводят к тенденции жесткого контроля женщин для гарантирования легитимации, безопасности и стабильности наследования.

В модерной семье связь между экономическим накоплением и законным воспроизводством была разрушена модернизацией экономики, разделением владения и контроля производства.

Выживание семьи в двадцать первом столетии будет зависеть от ее места в этом романтическом комплексе любви как социальной аранжировки удовлетворения сексуальных потребностей и эмоционального дружеского общения (компаньонства), а не как института, существующего для производства детей и организации домашней экономической активности.

Центральная проблема, стоящая сегодня перед социологией семьи, — факт, что в вышедшем из-под контроля мире сами основные категории становятся неясными и нефокусированными. Таким образом, социология, которая занимается «семьями», должна (как социология вообще) вновь искать основы семьи.

Метафора мира, «вышедшего из-под контроля»¹², указывает на радикальное социальное изменение или, скорее, на *метаизменения современности*, в которых основы и координаты самого изменения подвергаются изменению. Мы обращаемся к этой исторической самотрансформации модернизи в пределах теории рефлексивной модернизации¹³. Как в этой теоретической системе взглядов понять историческую трансформацию семейной жизни и социологических категорий семьи?

Индивидуализация: автоматическое уравнивание обществ с коллективами становится сомнительным при условиях «институционализированной индивидуализации». Этот термин обозначает двойную тенденцию¹⁴.

¹² См.: Giddens A. Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives. London: Profile. 1999; Гидденс, Э. Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В.А. Ядов; общ. ред. Л.С. Гурьевой, Л.Н.Посилевича. — М.: Эдиториал УРСС, 1999.

¹³ Beck U. & Giddens A. & Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Cambridge: Polity Press. 1994.

¹⁴ Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism And Its Social And Political Consequences by Sage Publications (ca), Hardcover - 02-2002.

С одной стороны, традиционные социальные связи, отношения и системы веры, которые имели обыкновение формировать жизни людей самым тщательным способом, сегодня все больше теряют свое значение. От семейной единицы и деревенского комьюнити через регион и религию к классу, профессии, и гендерной роли — то, что однажды задавало систему взглядов и правил повседневной жизни, начинает рушиться. Для индивида это приносит исторически новые свободные пространства и варианты: он может и должен, она может и должна теперь решать, как сформировать свою собственную жизнь (по крайней мере, в определенных пределах).

В то же самое время (и это другая сторона индивидуализационной динамики) люди зависят от институтов, которые возникли с модерным обществом, типа трудового рынка и гражданства, системы образования, юридической системы, социального обеспечения и так далее.

Эти институты производят свои собственные правила — требования, инструкции, которые теперь адресованы преимущественно индивиду, не семье в целом. И критическая особенность этих новых форм регулирования — то, что они призывают индивидов жить «собственной жизнью», вне связи с семьей или другим группам, и фактически убеждают их вырваться на свободу от таких связей и действовать, не принимая их во внимание. Новые институты требуют активного поведения и направленной на себя жизни. Но это предполагает вопрос: что случится, когда спираль индивидуализации продолжит раскручиваться? Что тогда случится с семьей?

Третья индустриальная революция приносит в экономику и трудовой рынок, ненадежность и в публичной, и в приватной сфере.

Явления, которые дополняли и укрепляли друг друга совсем недавно (полная занятость, гарантируемая пенсия, высокооблагаемый налогом доход, свобода политических действий в национальной правительственной политике), теперь изменились. Занятость становится гибкой и сомнительной; основные принципы государства всеобщего благоденствия перестают применяться; риски распределяются так, что ими больше не занимаются государство и экономика, сдвигая их на индивидов и семьи.

Если мы суммируем схематически обрисованное, то можем определить, что рефлексивная модернизация означает для семьи. Первое модернизировать устанавливало определенные основы, границы и модели семьи, которые были сразу культурными, социальными, политическими, связанными с классом, юридическими и биологическими. Се-

годня, однако, они частично распадаются и уступают необязательным выборам, так, что в игру вступают конкурирующие требования, и различным властям, институтам и индивидам нужно договариваться и согласовывать конфликтующие интересы.

Второе модернизируется, когда рефлексивность одерживает победу над рефлексией: то есть когда процесс модернизации становится рефлексивным и интерпретирует устаревшие самообразы и модели модернизировать (в нашем случае — модернизировать семейной жизни).

Мы должны различать самописание и описание другими¹⁵. Тезис мета-изменения семьи следует рассматривать на трех уровнях:

- первый относится к повседневным жизненным мирам, к моделям оценок и поведения или, другими словами, к *социальному самописанию*;
- второй относится к политике и праву, к их нормам и руководящим принципам или, другими словами, к *политическому описанию* другими;
- третий относится к социологии и ее объяснительным моделям, категориям и исследовательским теориям, то есть к перспективе *социологического наблюдателя* (описание другими).

Индивидуализация семьи

Индивидуализация в очень общем смысле — процесс, в ходе которого люди освобождаются от связей предзаданности социальных отношений и систем веры — несомненно существовала в предыдущих эпохах. Ранние исторические фазы индивидуализации обнаруживаются в Ренессансе, в изысканной культуре Средневековья, во внутреннем аскетизме протестантизма, в эмансипации крестьянства от феодальной неволи и в ослаблении межпоколенческих семейных связей в девятнадцатом веке и в начале двадцатого столетия.

Что тогда нового и отличительного в индивидуализационных процессах сейчас?

То, что они приобретают не только новую шкалу, но и новую форму — форму *институциональной индивидуализации*¹⁶. Ключевым моментом здесь выступает структурная трансформация социальных институтов, которая устанавливает новые отношения между индивидом

¹⁵ Luhmann N. Sozio-logische Aufklarung. Bde. 1–6. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1995. P.171–186.

¹⁶ Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism And Its Social And Political Consequences by Sage Publications (ca), Hardcover - 02-2002.

и обществом; теперь индивид впервые в истории становится основной единицей социального воспроизводства.

Индивидуализация в этом смысле означает не просто субъективный феномен, например изменение в идеях людей, пожеланиях или надеждах по отношению к признанным объективным социальным структурам, типа классов, семей или гендерных ролей. Нет, индивидуализация *является* парадоксальной социальной структурой современности. Центральные институты Западного мира теперь обращаются к индивиду, а не к коллективу или к группам. Система образования, тенденции трудового рынка, карьеры, работы, рынки вообще индивидуализируют структуры, индивидуализируя институты, выступая «двигателями» индивидуализации.

В таких условиях индивидуализация становится открытым, высоко амбивалентным процессом. «Нелинейная» индивидуализация — структура, которая не *воспроизводит*, но *преобразовывает* себя, предписывая биографии, полные риска и сомнительной свободы. Происходят не просто изменения семьи, но метаизменения — не изменения в пределах данных структур и моделей, но изменения самих структур и моделей.

До 1960-х существовала одна общепринятая модель семьи в Западных обществах, к которой жизни людей приближались более или менее близко согласно их материальным обстоятельствам, социальному классу, религии, региону и так далее. Эта *нормальная семья* состояла из взрослой пары и их собственных детей; взрослые были разнополы, состояли в браке и оставались в нем, пока смерть не разлучала их. Существовало своего рода разделение труда: муж-кормилец работал, а жена отвечала за дом и семью. Конечно, и в те дни были возможны другие образцы жизни, которые индивиды могли или выбирать сознательно (если они были достаточно смелы), или под давлением обстоятельств. Принципиально, однако, что они маркировались как *девиантные* формы; люди вступали в них весьма редко, обычно не предавая этот факт широкой огласке. То есть процессы изменения оставались в пределах относительно узких границ — или, скорее, они не выходили за рамки модели.

Хотя изменения в приватной сфере, конечно, происходили и раньше, но институционализированные структуры, экспектации и модели не ломались, оставались на месте. Вообще говоря, это было верно для всех трех уровней — в самоописании повседневной жизни членов семьи, в самоописании в праве и политике и в языке социологического наблюдателя. Поскольку образы семьи на разных уровнях были согласованы, то они фактически подтверждали и укрепляли друг друга.

Что же происходит сейчас? Очевидно, что «нормальная» семья не исчезла, но имеет рядом много других форм, да и сама «норма» потеряла большую часть своей силы. В последние годы обнаруживаются изменения и в семейном поведении, и в том, что понимается под семьей. Следовательно, релятивизируются понятия «норма» и «не норма». Важно, не только то, что «отклонения» встречаются с большей, чем когда-либо, частотой, но что прежде «ненормативные» формы совместного проживания теперь стали нормальными и приемлемыми. Этот модельный сдвиг делает отклонения нормальной вещью. Другими словами, теперь утверждается нечто намного большее, чем простое разнообразие; это — нормализация разнообразия и в семейном законодательстве, и в образах и самоописаниях членов семьи, и с точки зрения социологии.

Метаизменения в повседневной жизни

Разнообразие образов жизни очевидно в повседневном поведении. Ряд авторов отмечает, что сегодня наблюдается «намного большая степень разнообразия в семейных и домашних аранжировках, чем в течение большей части двадцатого столетия»¹⁷.

Это можно проиллюстрировать на примере событий, из которых обыкновенно составляли так называемый семейный цикл. Модель надлежащей семьи включала ясно определенную временную последовательность: «любовь—брак—коляска»; во-первых, встреча сердец, во-вторых — союз, заверенный бюро записи актов гражданского состояния и/или церковью, затем, как кульминация любви, — дети. Это было нормой жизни большинства людей.

Эта картина «правильной последовательности» все еще существует в умах многих, и многие живут так. Однако рядом все более открыто и часто появляются иные модели.

Другими словами, прежний, ясно предписанный порядок уступил разнообразию траекторий и моделей.

Понятия семьи и домохозяйства больше не могут быть использованы столь же просто, как раньше. Простой вопрос, кто является членом семьи, теперь поднимает существенные проблемы, которые были незначимы два поколения назад.

¹⁷ *Allan G., Hawker S., Crow G.* Family diversity and change in Britain and Western Europe // *Journal of Family Issues* / 2001. 33.22, 819–837, 824; *Beck-Gernsheim E.* Reinventing the Family. Cambridge: Polity, 2002; *Teachman J.D., Tedrow L.M., Crowder K.D.* The changing demography of America's families // *Journal of Marriage and the Family*. 2000. P. 62, 1234–1246.

С нарастающим количеством расставаний и разводов, усложненным далее повторным партнерством, очевидно, что многие родители и дети имеют различные семьи, способами, которые были необыкновенны два поколения назад.

Термин *домохозяйство* содержит диапазон элементов, который заставляет признать проходимость домохозяйственных границ, а не предполагать, что членство может быть категоризировано совершенно однозначно¹⁸.

Членство в семье, как и ее границы, становится неопределенным или неустойчивым в течение долгого времени; люди, вовлеченные в такие отношения, оказываются во власти надежд и разочарований, интересов и требований. Кто видит себя частью пары, домохозяйства или семьи? Как возникают релевантные другие — партнер, родители, дети, сестры, братья? Нет больше одного простого ответа на эти вопросы; каждый имеет свои собственные ответы, которые не всегда совпадают с ответами других.

Эта индивидуализация интерпретаций поднимает значительные методологические и концептуальные проблемы для социологического исследования. Становится неясно, что «объективно» конституирует референтную единицу семейного исследования и как она может быть определена; что должно быть установлено и исследовано, как и в пределах какой перспективы.

Если мужчины и женщины видят себя на вершине чувств, когда живут вместе, то в конце их любви друг к другу описывают свои отношения как краткосрочное сексуальное дело (Trost, 1992: 102); если на простой вопрос типа того, сколько братьев и сестер они имеют, те же самые респонденты дают различные ответы в разное время (кто фигурирует как брат или сестра, варьируется в зависимости от семейной костелляции и типа домохозяйства или организации проживания), то что же и как исследователь упорядочивает, считает и классифицирует?

Там, где семейные отношения являются столь амбивалентными, социологическое исследование сталкивается с двойным вызовом.

С одной стороны, становится важно, чтобы исследователь осознанно слушал респондентов, преднамеренно открывался их интерпретациям. Мы должны признать, что семейная структура имеет больший субъективный компонент, чем мы представляли. Другими словами,

¹⁸ Allan G., Hawker S., Crow G. Family diversity and change in Britain and Western Europe // Journal of Family Issues, 2001. P. 22, 824.

различие между семейными структурами и семейным сознанием больше не продуктивно безоговорочно. Индивидуализация семьи по существу означает, что воспринимаемая индивидом семья *является* семейной структурой, и что, следовательно, и восприятие и структура варьируют индивидуально между членами и в пределах и между «семьями».

С другой стороны, сказанное — еще один аргумент в пользу необходимости поиска социологией семьи новой системы взглядов; иначе ее поле будет потеряно в джунглях субъективных точек зрения.

Метаизменения в социологии

Новая рефлексивность процесса модернизации выражается в факте, что классические самообразы становятся устаревшими, с точки зрения и акторов и социологического наблюдателя. Таким образом, функционалистский язык наблюдения в социологии семьи (который отсылает к Т. Парсонсу — вместе с его предположениями о функциональных предпосылках мужских и женских ролей, родительско-детских отношений и так далее) смягчается множественной рефлексивностью социологии семьи.

Когда феминисты 1960-х и 1970-х начали анализировать семью, они обнаружили перспективу, радикально подвергающую сомнению тогдашнее доминирующее представление. Действительно ли семья является местом отдыха, эмоции и интимности? Нет — был ответ. Семья является также местом работы (женская работа) и местом повседневно насилия и притеснения. Так же как “**h**istory”, там была и “**her**story”. Там, где был только один брак, были обнаружены два брака: брак мужа и брак жены, частично совпадающие, но также и частично разнящиеся.

Поскольку семьи структурируются полом и возрастом, женщины, мужчины, девочки и мальчики не воспринимают свои семьи одинаково. Феминисты исследовали дифференцирование семейного опыта, мистифицированного прославлением материнства, любви и образа семьи как домашнего приюта. Феминисты обнаружили опыты, которые эта идеология отрицает: мужское господство и женское подчинение в пределах и вне семьи, и присутствие конфликта, насилия, и неравноценно распределенной работы в пределах «домашнего убежища»¹⁹.

¹⁹ *Stacey J., Thorne B.* The missing feminist revolution in sociology // *Social Problems*. 1982. Vol. 32. P. 301–316.

Следующая фаза рефлексии и самокритики началась с постепенного подъема мультикультурализма, особенно в США и Великобритании, поскольку представители групп меньшинства возвысили голоса. И тот же самый упрек, который женщины высказывали против мужских исследований женского опыта в обществе — что они были пристрастными, односторонними и искаженными — был теперь перевернут и выдвинут против женского движения.

Более того, это было сделано женщинами групп меньшинств. Белый! Средний класс! Гетеросексуальный! Таковы были обвинения. Самообраз «сестринства» начал ломаться, и обнаружилось разнообразие среди женщин. И представители «черного феминизма» объяснили, почему семья имела весьма различную ценность для них, чем для белых женщин.

Не только феминистские, но и относящиеся к разным культурам перспективы — это вторая линия саморефлексии, эффекты которой энергично встряхнули понимание того, чем является исследование семьи само по себе, и того, что, казалось, было его эмпирической очевидностью.

Два урока должны быть извлечены из этого.

1. Требование объективности часто используется, чтобы директивно установить определения того, что конституирует «надлежащую» семью. Другими словами, неререфлексивная социология семьи, которая настаивает на «объективности» ее определений и массовых данных, угрожает стать идеологией.

2. Чтобы понимать социологически изменяющиеся самообразы членов различных подобных семье совокупностей, и таким образом перейти к новым «постсемейным» семейным исследованиям, мы должны учитывать субъективные предпочтения и самовосприятие самих исследователей.

Перспективы

Социология первого модерниста была по существу классификационной социологией, которая концептуально сортировала и пыталась упорядочить условия в пределах системы взглядов методологического национализма. В этом дискурсе семья была категорически определена и эмпирически осознана как «ядро общества» и столп государственного порядка. Отклонения от нормы были ясно отмечены. Но и тогда ключевым вопросом постсемейной социологии семьи становится вопрос: что связывает людей, когда взаимосвязь и сплоченность больше не основываются на наследовании, экономике и формальном браке?

Что означает, когда, с одной стороны, политические деятели апеллируют к «семейным ценностям», материнству и отцовству, а с другой стороны — требуют и торжественно обещают, что каждый должен быть постоянно и целиком доступен на рынке труда?

Что может быть базисом стабильных отношений между двумя эго, если эго базируется *только* на себе? Есть ли предел индивидуализации там, где индивидуализация каждого становится проблемой для другого?

Каковы политические следствия индивидуализации и глобализации семейных констелляций? Изменения в семье осознаются государством и именно с этих позиций как влияющие на изменение численности населения. Последняя характеристика имеет политическую природу и связана с равновесием между численностью населения и мощностью государства. Традиционно сокращение численности приводило к падению уверенности страны в собственных силах и проблемам на международной арене. Современные тенденции пока что не слишком отличаются в этом смысле: численность населения РФ в 1991 г. составляла 148,3 млн чел, на 01.01.2009 — 141,1 млн чел, среднегодовой темп снижения численности населения РФ равен 0,3%. И это беспокоит руководство страны. Если эта тенденция сохранится, то в 2030 г. численность россиян составит 139,2 млн человек²⁰. В XX в. завершился период экспансии, начало которому положила промышленная революция. Заканчивается эпоха изобилия человеческих ресурсов и начинается другая, для которой будет характерна их скудость. Эта зарождающаяся тенденция не вполне осознана.

Политика, понятая как парламентская и правительственная, предполагает сосредоточение интересов, и это в свою очередь предполагает относительно ясную и устойчивую социальную структуру вместе с соответствующими элементами и ассоциациями. Концепт интересов (как это понимается в политической теории) предполагает разновидность консолидированного общества, которое становится неясным в условиях индивидуализации и глобализации.

Мы нуждаемся в социологии, которая позволяет нам приводить доводы *в пользу изменения* семейных ценностей перед лицом нападения на *нехватку* семейных ценностей в современном обществе.

Индивидуализированные констелляции комьюнити и семьи больше не могут быть определены и объединены через заданные нормы,

²⁰ Предположительная численность населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области до 2030 г. Статистический бюллетень. СПб.: Петростат, 2010, с. 9.

ценности и иерархии; скорее они должны быть определены через рискованные свободы, и, следовательно, через неинтеграцию. Но больше нет никакой универсальной нормативной модели, которая связывает людей, нет никакого эссенциалистского определения людей: мужчин, женщин, христиан, евреев, чернокожих, мусульман, американцев или китайцев. Культура становится экспериментом, цель которого состоит в том, чтобы обнаружить, «как мы можем жить вместе как равные, но различные».

Изменение рождаемости

Сегодня каждый третий ребенок в России рождается вне брака. В Санкт-Петербурге в 2009 г. вне зарегистрированного брака родилось 23,5% или 12248 чел.

Означает ли, что эти дети растут без отца?

Родились в Санкт-Петербурге в 2009 г.:

В браке	76,5%	Вне брака	23,5%
первыми	59,9%	первыми	66,2%
вторыми	32,6%	вторыми	25,8%
третьими	6,0%	третьими	6,0%

Как свидетельствуют приведенные данные, распространение незарегистрированных браков приводит к снижению рождаемости. На этот феномен обратил внимание В. Архангельский²¹.

Процесс нуклеаризации семей завершился. Но разве это означает, что люди перестали хотеть, чтобы за ними ухаживали их дети или чтобы они принимали участие в воспитании внуков?

Демографический фактор деформации семьи

Ожидаемая продолжительность жизни

Годы	2010		2030	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Россия	63,4	75,4	68,5	78,7
Москва	70,2	78,9	74,6	81,6
Санкт-Петербург	67,2	78,1	71,5	80,6

²¹ Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС. 2006.

Источник: Предположительная численность населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области до 2030 г. Статистический бюллетень. СПб.: Петро-стат, 2010. С. 46–47.

Колоссальным различием в продолжительности жизни мужчин и женщин Россия выделяется среди всех стран мира. И это положение не изменится. Весь груз социальных проблем, прежде всего алкоголизация мужчин, останется с нами и в будущем, что приводит к раннему овдовению.

Защита государства

В 2008 году повысился минимальный размер пособия по уходу за ребенком: пособие на первого ребенка достигает 40% величины прожиточного минимума, на второго — 77%. По достижении возраста 1,5 лет размер пособия составляет всего 4–7 % от величины прожиточного минимума. Российская бедность сохраняет «детское лицо»: риск попасть в группу бедных для семей с двумя и более несовершеннолетними детьми возрастает в два раза и составляет 27–30%.

Опережающая роль изменений в семье

«Семья, — писал Л. Морган, — активное начало; она никогда не остается неизменной, а переходит от низшей формы к высшей, по мере того как общество развивается от низшей ступени к высшей. Напротив, системы родства пассивны; лишь через долгие промежутки времени они регистрируют прогресс, сделанный за это время семьей, и претерпевают радикальные изменения лишь тогда, когда семья уже радикально изменилась»²².

Резюмируем тенденции изменения современной городской семьи:

- нуклеаризация полных семей,
- распространение неполных семей,
- появление материнских семей,
- принятие обществом фактических брачных союзов,
- нарастание малодетности,
- распространение бесплодия,

²² Цит. по: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат, 1986. С. 235.

- изменение границ семьи (семья приобретает черты сетевой структуры)²³. Нарастает вариативность семьи.

Исследование сексуальных отношений и формирования семьи — сфера весьма интимная, предполагающая особые методики. К этой проблематике в полной мере можно отнести высказывание Ильи Пригожина: «Я не перестаю восхищаться экономистами и социологами, которые сталкиваются с проблемами ужасающей сложности»²⁴.

²³ Бурмыкина О.Н. Социологические концептуализации семьи: анализ зарубежного и отечественного опыта. (См. настоящий сборник).

²⁴ Пригожин И. Дано ли нам будущее? // Вызов познанию. Стратегии развития науки в современном мире. М.: Наука, 2004. С. 453.

О.Н. БУРМЫКИНА

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СЕМЬИ: АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО И ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОПЫТА

Аннотация. Статья посвящена изучению социологических концептов семьи и их трансформаций, представленных в работах зарубежных и отечественных исследователей. К концу прошлого столетия в западной литературе семейное разнообразие стало считаться нормативным. Определение семьи перестало быть монолитным. Оно преобразовывалось в направлении признания вариативности и подчеркивания важности эмоциональных связей. Несмотря на большое количество работ в области социологии семьи в нашей стране, концептуализации семьи на всех уровнях знания и их изменения во времени не стали предметом содержательного анализа. При признании растущего разнообразия семей переосмысления самого понимания и определений семьи не происходило. Настоятельность подобного анализа начинает осознаваться и отечественными специалистами.

Ключевые слова: семья, разнообразие семей, определения семьи, трансформация теоретических концептуализаций семьи

Происходящие с современной семьей перемены, характеризующиеся как сохранением традиционных, так и растущим разнообразием и социальной приемлемостью нетрадиционных форм семейной жизни, требуют разработки адекватных методов изучения и критериев описания изменяющихся семей. Разнообразие семей является одной из ярких черт трансформации института семьи. Сегодня наряду с классической моногамной семьей существуют новые типы семьи — внебрачные семьи, альтернативные семейные стили и альтернативные браки. Внебрачные семьи разбиваются на неполные (вследствие развода, овдовения) и материнские (вследствие «внебрачной» рождаемости). К альтернативным стилям поведения относят фактические браки или сожительства, последовательную полигамию (повторные браки) и семьи с неродными родителями. Альтернативные браки представлены регулярно-раздельными браками и открытыми браками¹. Вариативность форм современной семьи, многообразие ее типов неоспоримы и активно обсуждаются отечественными и зарубежными исследователями. Хотя нет общепризнанных классификаций моделей семьи и нет

¹ *Голод С.И.* Семья и брак: Историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. С. 198, 212.

единого мнения относительно потенциальных последствий (позитивных или негативных) разнообразия семей, многие, если не большинство исследователей выступают «защитниками» разнообразия. Они, как минимум, не согласны с идеей, что только один вид семьи может считаться самым естественным, эффективным.

Первостепенный вопрос при исследовании разнообразия семей — «*Что такое семья?*» Концептуализация самого понятия «семья» важна как для исследователей, так и общества в целом. Первым необходимо глубокое понимание того, что есть семья. Они должны осознавать: то, что они пытаются измерить, может расходиться с общепринятыми представлениями. Взгляды на семью обычных людей не всегда соответствуют точке зрения ученых. Обыденные концепции семьи важны потому, что именно на них опираются люди в своей повседневной жизни, ведут себя и взаимодействуют с другими людьми в соответствии со своими представлениями о семье. Концептуализация семьи имеет политические и социальные последствия, поскольку в опоре на нее общество строит и проводит политику, затрагивающую широкий круг вопросов, связанных с семьей. Например, в соответствии с государственной семейной политикой современной России основная поддержка направлена на определенный тип семьи — «здоровую, законопослушную и традиционную» семью, основу которой составляет супружеская пара с детьми или без².

В центре внимания данной работы — изучение трансформаций социологических концептуализаций семьи. Задачами исследования явились описание и анализ теоретических концептов семьи и их трансформаций, представленных в работах зарубежных и отечественных исследователей.

В целом, эволюция социологических концептуализаций семьи оказалась в фокусе внимания в большей степени зарубежных исследователей. К концу прошлого столетия семейное разнообразие стало считаться нормативным, и идея, что существует единственно правильное определение семьи, почти исчезла из научной литературы, главным образом зарубежной³. В западной литературе термин

² Климантова Г.И. Государственная семейная политика — важнейшая политическая стратегия современной России // Семья: XXI век. Проблемы формирования региональной семейной политики // Аналитический вестник Совета Федерации РФ. 2002. № 11 (167). С. 121.

³ Peterson G.W., Steinmetz S.K.. Introduction: Perspectives on families as we approach the twenty-first century — challenges for future handbook authors / M.B. Sussman,

«семья» стал использоваться во множественном числе — «семьи», подчеркивая множественность способов организации частной жизни людей. Определение семьи перестало быть монолитным понятием, оно преобразовывалось в направлении признания вариативности и подчеркивания важности эмоциональных связей. Приведем примеры. Hanson & Lynch писали, что «семьей следует считать любое объединение людей, которое определяет себя в качестве семьи и включает в себя индивидов, связанных кровно-родственными связями или браком, а также тех, которые приняли решение разделить свои жизни друг с другом. Это определение включает в себя как “традиционную” нуклеарную семью, так и другие стили жизни, варьирующие от расширенной семьи и системы родственных связей до семей с одним родителем и живущих вместе партнеров одного пола. Ключевые элементы определения семьи состоят в том, что члены этого объединения рассматривают себя как семью, испытывают взаимное тяготение (аффилиацию) и посвящают себя заботе друг о друге»⁴. Другие известные американские специалисты — Olson & DeFrain — определяют семью так: «Двое или более людей, которые принимают на себя обязательства по отношению друг к другу и которые разделяют интимность, ресурсы, принятие решений и ценности»⁵.

Очевидно, что такие определения предполагают самые разные типы отношений и основаны в большей мере на семейной идентичности, а не на объективных показателях. То есть «семья» с субъективной точки зрения подразумевает тех людей, которых сам человек в нее включает, имея в виду, что это «моя семья». Она не обязательно основана на браке, не обязательно подразумевает детей или родственников, проживающих в одном домохозяйстве.

Исследуя множество формальных определений семьи, Koerner & Fitzpatrick⁶ сгруппировали их в три направления, или перспективы.

S.K. Steinmetz, G.W. Peterson (Eds.) // *Handbook of marriage and the family*. 2nd ed., 1–10. New York: Plenum, 1999; Walker A.J.. *Refracted knowledge: Viewing families through the prism of social science* // *Journal of Marriage and the Family*. 2000. 62. P. 595–608.

⁴ Hanson M., Lynch E. Family diversity: implications for policy and practice // *Topics in early childhood special education*. 1992. V. 12 (3). P. 285.

⁵ Olson D.H., DeFrain J.. *Marriage and the family: Diversity and strengths*. Mountain View, CA: Mayfield, 1997. P. 9.

⁶ Koerner J.N., Fitzpatrick F.D. *Communication in intact families* // A.L. Vangelisti (ed.). *Handbook of family communication*. P. 177–195. Mahwah, NJ Lawrence Erlbaum, 2004.

Первое направление включает *структурные определения*, которые основываются на наличии или отсутствии определенных членов семьи, таких как родители, дети, члены расширенной семьи, обычно живущих вместе. Определения в рамках этой перспективы делают акцент на связанности людей кровными узами или браком. В рамках этого направления Murdock впервые ввел термин «нуклеарная семья» и определил ее как «социальную группу, для которой характерно общее проживание, экономическая кооперация и воспроизводство. Она включает взрослых людей обоего пола, по меньшей мере двое из которых поддерживают социально допустимые сексуальные отношения, одного или более детей, собственных или приемных, сожительствующих взрослых людей»⁷. Касаясь вопроса совместного проживания, Rothausen⁸ указал, что государственные программы переписей населения традиционно определяли семью как домохозяйство.

Второе направление включает определения, подчеркивающие выполнение психосоциальных функций и задач. Определения в рамках этой **функциональной перспективы** фокусируются на институциональных аспектах семьи в выполнении необходимых социетальных функций. Эти функции включают: поддержание домохозяйства; социализацию детей; обеспечение эмоциональной и материальной поддержки; выполнение ролей. Например, Parsons⁹ представил функциональное определение, которое содержало две основные идеи: семья как стабилизатор личности взрослого человека и семья как место социализации детей. Winch¹⁰ описывал семью как базисную социальную структуру, первичной социальной функцией которой является воспроизводство.

Третье направление включает определения, подчеркивающие *транзакционные (процессные) перспективы*, в которых группы близких людей через их поведение генерируют *чувство семейной идентичности* с эмоциональными связями и опытом истории и будущего. Семьи существуют в соответствии с социоэмоциональными связями и устойчивыми обязанностями, особенно в зависимости от других, одного

⁷ Murdock G.P. Social Structure. New York: Macmillan, 1949. P. 1.

⁸ Rothausen T.J. "Family" in organizational research: A review and comparison of definition and measures // Journal of Organizational Behavior. No 20. 1998. P. 817–836.

⁹ Parsons T. () The American family: Its relations to personality and the social structure // T. Parsons, R.F. Bales (eds.). Family, socializations and interaction process. 1955. P. 3–33.

¹⁰ Winch R.F. The modern family. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1963.

или более членов. Bogenschneider¹¹ рассматривал семью как институт, основанный в первую очередь на любви и заботе, связях и обязательствах. Allen, Fine & Demo¹² подчеркивали социоэмоциональные связи, постоянную ответственность, которые сопровождают семью. По их мнению, семью составляют две или больше личности, связанные рождением, браком, принятием или выбором. Семьи существуют в соответствии с социоэмоциональными связями и устойчивыми обязанностями, особенно в зависимости от других, одного или более членов.

Границы выделенных перспектив определения семьи не являются жесткими, поскольку ряд определений состоит из элементов более чем одного направления. Идентификация направлений лишь подчеркивала их *доминанты*.

Другая группа зарубежных исследователей отвергает попытки построения формальных концептуализаций семьи, поскольку подобные определения «закрывают» значительную долю тех ценностей, ради которых создаются и поддерживаются семейные отношения. Они настаивают на необходимости изучения *обыденных представлений* о семье. Например, Bernardes¹³ считает, что вместо того, чтобы формально определять семью, необходимо понять, как обычные люди конструируют свои концепции семьи, язык, который они используют, какую роль играют эти концепции в их повседневной жизни. Holstein J.A. & Gubrium¹⁴ рассматривают семью как подвижное (fluid) понятие, социально сконструированное и изменяющееся от человека к человеку. Л. Белла и ее коллеги придерживаются мнения о том, что каждый человек сам активно создает то социальное окружение, в котором живет, и предпочитают говорить не о том, что такое семья, а о том, что значит «быть семьей». Л. Белла употребляет термин *family making* — процесс, в котором мы создаем с другим человеком (людьми) длительные и устойчивые к невзгодам близкие отношения взаимной заботы. В этом процессе можно условно выделить

¹¹ Bogenschneider K. Family policy matters: How policymaking affects families and what professional can do. Mahwah, NJ Lawrence Erlbaum, 2002.

¹² Allen K.A., Fine M.A., Demo D.H. An overview of family diversity: Controversies, questions, and values // D. H. Demo [et al.]. Handbook of family diversity. New York: Oxford University Press, 2000. P. 1–14.

¹³ Bernardes J. () We must not define “the Family”. Marriage and Family Review. 1999. Vol. 28. P. 21–44.

¹⁴ Holstein J.A., Gubrium J. (1999) What is Family? Further thoughts on social constructionist approach // Marriage and Family Review. 1999. Vol. 28. P. 3–20.

три аспекта: устойчивость (во времени и по отношению к невзгодам), заботу и близость. Эти составляющие являются сутью любых хороших семейных отношений, как в семье традиционного типа, так и в альтернативных способах быть семьей¹⁵.

Разговор о концептуализациях семьи в отечественной социологии следует начинать с приведения наиболее популярного, можно сказать, классического (для советской социологии) определения семьи А.Г. Харчева. «Семью можно определить как исторически конкретную систему взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родительскими отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения»¹⁶. Такое определение было в какой-то мере идеологической конструкцией, о чем говорят акценты на «моральной ответственности», «социальной необходимости», «потребностях общества», а также его «откровенная перегруженность, расплывчатость, пожалуй, необязательность целых фрагментов»¹⁷. Оно сочетало в себе структурные и функциональные направления, задавало модель идеальной (нормативной) семьи.

Анализ работ современных отечественных исследователей на предмет выявления теоретических концептов семьи и их изменений показал следующее. В настоящее время единое, нормативное представление о семье вообще все более размывается, что является признаком вариативности форм современной семьи и многообразия ее типов. Обращение к трактовке понятия «семья» в научных публикациях встречается редко¹⁸. Возможно потому, что универсальный характер понятия семьи держится на том, что «все знают или полагают, что знают, чем является семья; эта последняя так прочно вписана в нашу повседневную практику, что неявным образом предстает для каждого природным или, говоря шире, универсальным фактом»¹⁹.

¹⁵ URL: http://www.ucs.mun.ca/~lbella2/family_making.html

¹⁶ Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979. С. 75.

¹⁷ Голод С. И. Семья и брак: Историко-социологический анализ. С. 91.

¹⁸ Бурова С.Н., Демидова А.В. Тенденции исследования семьи в советский и постсоветский периоды (по материалам журнала «Социологические исследования», 1975–2006 гг.) // Социологические исследования. 2008. №12. С. 97–103.

¹⁹ Heritier F. Famiglia // Enciclopedia Einaudi. Turin: Giulio Einaudi, 1979. P. 3–16.

Levi-Strauss C. Le regard eloigne. Paris: Plon, 1983. С. 65–92.

В тех работах, в которых приводятся определения семьи, дается либо достаточно широкое толкование семьи («семья — ячейка общества», «семья — группа лиц, проживающих вместе», «семья — общечеловеческая ценность»), либо указываются лишь некоторые ее характеристики.

Поскольку в современной отечественной научной литературе, касающейся трансформации института семьи, сложились два основных подхода: кризисный и эволюционный, можно полагать, что основные концепты семьи будут фокусироваться на структурных и функциональных аспектах. Приведем определения семьи А.И. Антонова и С.И. Голода, чьи имена ассоциируются с кризисным и эволюционным подходом.

По мнению А.И. Антонова, «семья — это основанная на единой семейной деятельности общность людей, связанных узами супружества—родительства—родства, и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи»²⁰. Подчеркивается, что лишь наличие триединого отношения супружества—родительства—родства позволяет говорить о конституировании семьи в ее строгой форме. Факт одного или двух из названных отношений характеризует фрагментарность семейных групп («осколочные» формы семьи). А.И. Антонов считает, что «в этой дефиниции раскрывается прежде всего социальная сущность семьи как посредника между устремлениями личности и общества, двойственная ее суть как института и малой группы, противоречивость семьи как социокультурного феномена и амортизатора межличностных напряжений, поскольку удовлетворение личных потребностей членов семьи не ведет автоматически к институциональному выполнению семьей ее основополагающих функций»²¹.

Данное определение делает акцент и на структурных, и на функциональных аспектах, обнаруживает однозначную, жесткую нормативность (лишь наличие триединого отношения супружества—родительства—родства позволяет говорить о семье; семья без детей не является семьей и т. д.), излишнюю идеологизированность.

²⁰ Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: изд-во МГУ, изд-во Международного бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996. С. 66.

²¹ Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М.: Грааль, 2000. С. 82–83.

С.И. Голод «склонен рассматривать семью как совокупность индивидов, состоящих по меньшей мере в одном из трех видов отношений: кровного родства, порождения, свойства»²². Доминирование одного из названных отношений и его характер могут служить критериями, определяющими исторический этап эволюции моногамии. Это определение подчеркивает только структурную направленность, обнаруживает скорее гибкость, ненавязчивость нормативной системы, что подчеркивается словами («семья — совокупность индивидов, состоящих по меньшей мере в одном из трех видов отношений»), лишено идеологической окраски.

Отметим, что транзакционные аспекты (самоидентификация с семьей, эмоциональные связи и устойчивые обязанности, взаимная привязанность, забота друг о друге), хотя и признаются представителями обоих подходов (кризисного и эволюционного), но в определениях не акцентируются.

Итак, несмотря на большое количество работ в области социологии семьи в нашей стране, концептуализации семьи на всех уровнях знания и их изменения во времени не стали предметом содержательного анализа. В работах отечественных ученых лишь указываются их собственные определения семьи²³ и приводятся определения других авторов²⁴. При признании растущего разнообразия семей, разговоров о «плюрализме их моделей», переосмысления самого понимания и определений семьи не происходило. Настоятельность подобного анализа и переосмысления начинает осознаваться и отечественными специалистами²⁵. «Сегодня, очевидно, более уместно говорить не о «семье», в определение которой уже трудно даже в рамках конкретной культуры вложить всевозможные вариации, а о семьях. Ответ на вопрос, что такое семья, может состоять либо в сужении объема понятия,

²² Голод С.И. Семья и брак: Историко-социологический анализ. С. 91.

²³ Голод С.И. Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. №3–4.

Медков В.М. Демография. М., 2004; Антонов А.И. Социология семьи: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005.

²⁴ Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. С. 82–83.

²⁵ Гурко Т.А. Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. 1995. №10. С. 95–99; Гурко Т.А. Родительство: социологические аспекты. М., Центр общечеловеческих ценностей, 2003; Клецин А.А. Изменяющаяся российская семья в глобализирующемся мире // Глобализация в российском обществе. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 350–398; Носкова А.В. Год семьи: некоторые итоги // Социологические исследования. 2008. №12. С. 80–81.

... либо необходимо выделять различные типы семей как особого рода малые группы»²⁶.

За рамками традиционных структурно-функциональных определений семьи остаются трансакционные аспекты. Семейная идентификация не рассматривается в качестве признака, конституирующего семью. Между тем, практики семейной жизнедеятельности демонстрируют значительную модификацию семейных ролей и жизненных стилей, рост числа разводов и повторных браков, а также возрастание значимости разнообразия квази-родственных связей, то есть взаимоотношений людей, не связанных брачными или кровными узами, но считающих себя членами семьи. Восприятие индивидуумами самих себя как членов семьи подразумевает констатацию не только кровно-родственных связей и официального брачного статуса, но включает и параметры взаимной поддержки, практикующейся людьми, считающими себя семьей. Для очерчивания границ собственной семьи все менее значимыми становятся такие формальные критерии выделения семьи, как совместное проживание, общее домохозяйство и общий бюджет, генеративные связи, экономическая или психологическая зависимость. Таким образом, в обыденных представлениях людей о семье семейная идентификация выступает одним из главных признаков, определяющих семью. И не принимать во внимание этот факт нельзя. Теоретические построения (концептуализации семьи) должны учитывать реальный, меняющийся контекст жизни людей, считающих себя семьей.

Попытки зарубежных ученых сохранить некое единообразие понятия семьи оказались безуспешны, так же как малопродуктивной оказалась и попытка отечественных исследователей сформулировать критерии для выделения структурных типов семей²⁷. Представляется, что необходимость изучения в едином ключе наблюдаемого разнообразия современных семей требует, с одной стороны, минимально нагруженного частностями и предельно общего определения, которое, тем не менее, основано не только на объективных, но и субъективных показателях. Поскольку современная нормативность в большей мере учитывает личностное своеобразие человека, чем нормативность традиционная, постольку и дефиниции, которые в определенной мере задают норму, должны опираться и на субъективные индикаторы.

²⁶ Гурко Т.А. Трансформация института современной семьи. С. 96.

²⁷ Гурко Т.А. Родительство: социологические аспекты. С. 20.

С другой стороны, определение семьи, по-видимому, в какой-то степени должно отражать те глобальные изменения, которые затронули современную семью. В частности то, что семья сегодня в западных странах (и все более и более в других странах во всем мире) больше не является прежде всего экономической единицей. Скорее это — отношения, базирующиеся в основном на коммуникации и, особенно — на эмоциональной коммуникации²⁸. Поэтому я бы продолжила определение С.И. Голода, который рассматривает «семью как совокупность индивидов, состоящих, по меньшей мере, в одном из трех видов отношений: кровного родства, порождения, свойства» и/или определяющих себя в качестве семьи, испытывающих взаимную привязанность и заботящихся друг о друге.

²⁸ Giddens A. Global Futures at a Time of Transition: 2001-02 Director's Lecturers: URL: <http://sosig.ac.uk/redirect?url=http%3A%2F%2Fwww.lse.ac.uk%2Fcollections%2Fmeetthedirector%2Flectures.htm> &rec=1020781735-15394

Н.Л. РУСИНОВА, Л.В. ПАНОВА

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МНОГОУРОВНЕВЫЙ АНАЛИЗ^{1*}

Аннотация: В статье делается попытка исследования индивидуальных и социальных факторов, влияющих на здоровье населения региона. На основании данных НОБУС (Национальное обследование благосостояния и вовлеченности в социальные программы), данных официальной статистики и ЦЭМИ РАН был проведен анализ с применением многоуровневой методологии, позволяющей выделить влияние на сохранение здоровья факторов, формирующихся на индивидуальном или региональном уровнях.

Ключевые слова: многоуровневый анализ, индивидуальные контекстуальные факторы здоровья, регионы России.

Постановка проблемы, цель и задачи исследования

Состояние здоровья российского населения, несмотря на наметившиеся в последнее время, некоторые позитивные сдвиги в своем изменении, и сегодня остается одной из острейших социальных проблем современной России. Снижение смертности практически по всем видам заболеваний и рост ожидаемой продолжительности жизни, фиксируемые статистикой в течение последних трех лет, и позволившие России выйти по значению этих ключевых показателей здоровья населения лишь на уровень конца 80-х — начала 90-х гг., по мнению А.Г. Вишневого, не вселяют особенного оптимизма в отношении долговременности и устойчивости этих трендов, поскольку они не выходят за рамки уже наблюдавшихся ранее колебаний, не превращавшихся затем в устойчивую тенденцию².

Неблагоприятное положение дел в сфере общественного здоровья в нашей стране становится особенно очевидным при оценке ситуации в международном контексте. Так, к концу первого десятилетия XXI в. в ранжированном списке 223 стран по индикатору средней продолжительности жизни, Россия занимает 161-е место, отставая не

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 08-06-00135.

² Вишневский А.Г. Сбережение народа или депопуляция России?: докл. к XI Междунар. науч. конф. Гос. ун-та — Высшей школы экономики по проблемам развития экономики и общества. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010.

только от развитых западных государств, но и от целого ряда бывших советских республик, и даже таких слаборазвитых стран, как Монголия или Боливия³. Весьма тревожным является и то обстоятельство, что по показателю продолжительности здоровой жизни мы более чем на 10 лет отстаем и от большинства восточноевропейских государств, испытавших столь же серьезные проблемы в период трансформации, как и наша страна⁴. Подобное положение дел актуализирует проблему поиска объяснения сложившейся ситуации и требует всестороннего изучения обстоятельств, препятствующих радикальному улучшению здоровья населения нашей страны.

В социальных науках здоровье рассматривается как результат множества взаимосвязанных социальных влияний, формирующихся и на индивидуальном уровне, и на различных уровнях социальной организации общества. В последние годы и в теоретических разработках, и в эмпирических исследованиях все больше внимания уделяется изучению этих взаимосвязанных влияний, которые, по мнению специалистов, и определяют популяционное и индивидуальное здоровье⁵. В теоретическом плане такое понимание механизма формирования здоровья наиболее детально разработано специалистами ВОЗ в рамках синтезированной модели многоуровневых детерминант здоровья, включающей как характеристики общего контекста страны или определенной территориальной общности людей (экономические, социальные, культурные), так и индивидуальные предикторы, связанные с принадлежностью человека к определенной социально-структурной группе⁶.

В самом общем виде социальный контекст, значимый для здоровья, определяется как преднамеренно широкий термин, включающий значительный набор общественных факторов, которые не могут быть прямо измерены на индивидуальном уровне. Он отражает множество

³ Рейтинг стран мира по средней продолжительности жизни. 2008. URL: <http://www.yestravel.ru/world/rating>

⁴ Доклад «Мировая статистика здравоохранения, 2009». Всемирная организация здравоохранения, 2009 г. URL: <http://www.who.int/>

⁵ Development the evidence base about the social determinants of health / M. Kelly [et. al.] URL: http://www.who.int/social_determinants/Status_syndrome/ / J. Bonnefoy [et al.] London: Bloomsbury, 2004.

⁶ Solar O., Irwin A. Towards a conceptual framework for analysis and action on the social determinants of health // Discussion paper for the Commission on the Social Determinants of Health, 2005. URL: http://www.who.int/social_determinants/; Solar O., Irwin A. A Conceptual Framework for Action on the Social Determinants of Health // Commission on Social Determinants of Health, 2007. URL: http://www.who.int/social_determinants/

структурных, культурных и функциональных аспектов социальной системы, непосредственное воздействие которых на индивидов с трудом поддается количественному измерению, однако они приводят в действие мощные системообразующие влияния на паттерны социальной стратификации, и таким образом — на обстоятельства, связанные со здоровьем людей. Именно в рамках такого широкого понимания контекста, проводится все большее число исследований, направленных на изучение макродетерминант здоровья, измеряемого как объективными показателями смертности и продолжительности жизни, так и субъективными его оценками. Эти исследования убедительно показывают, что значимыми социетальными предикторами статуса здоровья населения, выступают такие ключевые аспекты макроконтраста, как уровень экономического развития территорий и качество социальных отношений, проявляющееся в том числе и в политике распределения национального богатства⁷.

Развитию таких исследований в значительной степени способствовала разработка методологии многоуровневого статистического анализа данных, позволяющая не только проверить внутри- и межтерриториальную вариабельность исследуемых показателей здоровья, но и оценить, в какой мере различия между территориями объясняются индивидуальными и контекстуальными факторами⁸, выявив автономное влияние параметров каждого из уровней⁹.

⁷ *Gravelle H., Wildman J., Sutton M.* Income, income inequality and health: what can we learn from aggregate data? // *Social Science and Medicine*. 2001. Vol. 54. №4. P. 577–589; Income inequality, the psychosocial environment, and health: comparisons of wealthy nations / J. Lynch [et al.]. *Lancet*. 2001. Vol. 358, №9277. P. 194–200; *Subramanian S., Belli P., Kawachi I.* The Macroeconomic Determinants of Health // *Annual Review of Public Health*, 2002. Vol. 23. P. 287–302; *Navarro V., Shi L.* The political context of social inequalities and health // *Social Science and Medicine*. 2001. Vol. 52, №2. P. 481–491.

⁸ *Olsen K., Dahl S.* Health differences between European countries // *Social Science and Medicine*. 2007. Vol. 64. №8. P. 1665–1678; *Pearl M., Braveman P., Abrams B.* The relationship of neighborhood socioeconomic characteristics to birthweight among 5 ethnic groups in California // *American Journal of Public Health*. 2001. Vol. 91, №11. P. 1808–1814.

⁹ *Blakely T., Lochner K., Kawachi I.* Metropolitan Area Income Inequality and Self-Rated Health — A Multi-Level Study / *Social Science and Medicine*. 2002. Vol. 54. №1. P. 65–77; *Diez-Roux A., Link B., Northridge M.* A multilevel analysis of income inequality and cardiovascular disease risk factors / *Social Science and Medicine*. 2000. Vol. 50. P. 673–687; Income inequality, primary care, and health indicators / L. Shi [et al.] // *Journal Family Practice*. 1999. Vol. 48. P. 275–284; *Subramanian S., Kawachi I., Kennedy B.* Does the state you live in make a difference? Multilevel analysis of self-rated health in the US // *Social Science and Medicine*. 2001. Vol. 53, №4. P. 9–19.

Мы полагаем, что столь широкие возможности многоуровневого моделирования окажутся полезными и в изучении структуры индивидуальных и контекстуальных факторов, определяющих статус здоровья российского населения.

Отбор контекстуальных переменных, отражающих макроситуацию в современной России и способных выступить в качестве значимых предикторов здоровья россиян, оказался непростой задачей, учитывая особенности модернизационного процесса, развернувшегося в нашей стране в постсоветский период, когда далеко не все характеристики макро/мезоконтекста проявляют себя в соответствии с теоретическими представлениями об их воздействии на здоровье¹⁰. Тем не менее, мы исходили из синтезированной модели социальных детерминант здоровья, которая охватывает набор показателей, достаточно широко отражающих экономические условия жизнедеятельности населения, политику распределения доходов и ресурсов, направляемых на развитие социальной инфраструктуры, а также качество социальной среды на уровне крупных территориальных сообществ людей, а именно населения российских регионов.

Экономический блок контекстуальных переменных в нашем исследовании представлен показателями, характеризующими уровень богатства региона, степень его урбанизированности и выраженность доходных неравенств.

Как свидетельствует множество исследований, уровень социально-экономического развития страны или ее отдельных территорий является важным предиктором здоровья населения¹¹. Общая тенденция такова — рост экономического преуспевания общества сопровождается увеличением вложений в человека, развитием социальной инфраструктуры, а следовательно, и улучшением условий, способствующих поддержанию здоровья¹².

¹⁰ Societal characteristics and health in the former communist countries of Central and Eastern Europe and the former Soviet Union: a multilevel analysis / M. Bobak [et al.] // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2007. Vol. 61, №11. P. 990–997.

¹¹ *Beckfield J.* Does Income Inequality Harm Health? New Cross-National Evidence // *Journal of Health and Social Behavior*. 2004. Vol. 45, №43. P. 231–248; *Castilla E.* Organizing Health Care: A Comparative Analysis of National Institutions and Inequality over Time // *International Sociology*. 2004. Vol. 19, №4. P. 403–435.

¹² *Bloom D., Canning D.* Public Health: The Health and Wealth of Nations // *Science*. 2000. Vol. 287. №5456. P. 1207–1209; *Fritzell J., Lundberg O.* Fighting inequalities in health and income: One important road to welfare and social development / O. Kangas, & J. Palme (Eds.) // *Social Policy and Economic Development in the Nordic Countries*. P. 164–185. New

В качестве еще одной значимой для здоровья характеристики экономического контекста рассматривается и характер распределения национального богатства между отдельными группами населения¹³. Согласно теории неравенств в доходах, выраженность доходных неравенств в обществе способна отразиться на здоровье индивида независимо от размера его индивидуального дохода. Однако далеко не все эмпирические исследования, в том числе и использующие метод многоуровневого анализа, подтверждают правомерность этой теории, показывая, что связи между показателями доходных неравенств и различными индикаторами здоровья, наблюдаемые на экологическом уровне анализа, исчезают при контроле индивидуального дохода¹⁴.

Одним из принципиальных условий для поддержания здоровья населения признается также и степень ориентированности государственной политики на достижение социальных целей¹⁵. Так, были найдены эмпирические подтверждения тому, что институциональные меры, направляемые на развитие социальных услуг, являются своего рода буфером, смягчающим негативные эффекты на здоровье структурных неравенств¹⁶.

Помимо уровня экономического развития и выраженности доходных неравенств, в качестве потенциально значимых предикторов здоровья рассматриваются и разнообразные характеристики качества социальной среды. Так, по данным целого ряда исследований, в обществах, характеризующихся низким качеством социальных отношений, формируются повышенные уровни хронических стрессов, оказывающих на здоровье как непосредственное воздействие, так и опосредованное — через деструктивные в отношении здоровья поведенческие

York, NY: Palgrave Macmillan, 2005; Income inequality, the psychosocial environment, and health: comparisons of wealthy nations / J. Lynch [et al.] / *Lancet*. 2001. Vol. 358, №9277. P. 194–200.

¹³ *Wilkinson R., Pickett K.* The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better. London: Penguin, 2009.

¹⁴ Income Inequality and Health: A critical review of the literature / J. Macinko [et al.] // *Medical Care Research and Review*. 2003. Vol. 60, №4. P. 407–452; *Wilkinson R., Pickett K.* Income inequality and population health: A review and explanation of the evidence // *Social Science and Medicine*. 2006. Vol. 62, №7. P. 1768–1784.

¹⁵ *Прохоров Б.Б.* Динамика социально-экономического реформирования России в медико-демографических показателях // *Проблемы прогнозирования*. 2006. №5. С. 124–137; *Castilla*, *Op. cit.*; *Navarro, Shi*, *Op. cit.*

¹⁶ Analysing changes of health inequalities in the Nordic welfare states / E. Lahelma [et al.] // *Social Science and Medicine*. 2002. Vol. 55, №4. P. 609–625.

практики¹⁷. В нашем исследовании качество социальной среды измеряется с использованием ряда показателей, свидетельствующих о выраженности социального дискомфорта. Учитываются данные о состоянии брачных отношений, об употреблении алкоголя, уровнях преступности, самоубийств и миграции за пределы территории проживания.

Следует отметить, что в современной России исследования, посвященные изучению влияния социетальных характеристик на здоровье, только начинают развиваться. Можно обнаружить лишь отдельные попытки рассмотрения здоровья российского населения в зависимости от параметров экономической и социальной среды макро- и мезоуровней¹⁸. Однако работ, посвященных анализу воздействия на здоровье и контекстуальных, и индивидуальных характеристик с использованием многоуровневой методологии, встретить не удалось. Мы полагаем, что наше исследование в какой-то мере послужит восполнению этого пробела.

Цель данной статьи — изучить влияние на воспринимаемое здоровье населения российских регионов ключевых индивидуальных предикторов и проверить предположение об автономном, независимом воздействии основных контекстуальных факторов на самооценку здоровья. Предполагается, в частности, ответить на следующие вопросы. Как индивидуальные характеристики влияют на самооценку здоровья? Наблюдаются ли существенные вариации в самооценке здоровья между регионами, принимая во внимание композиционный состав населения? Оказывают ли параметры контекста автономное влияние на индивидуальное здоровье (независимо от предикторов первого уровня)?

Источники сведений, основные показатели, используемый метод и стратегия статического анализа

Массив индивидуальных характеристик, необходимых для проведения многоуровневого анализа, был сформирован по материалам

¹⁷ *Kennedy B., Kawachi I., Brainerd E.* The Role of Social Capital in the Russian Mortality Crisis // *World Development*. 1998. Vol. 26, №11. P. 2029–2043; *Wilkinson R.* Income Inequality, Social Cohesion and Health: Clarifying the Theory — A Reply to Muntaner and Lynch // *International Journal of Health Services*. 1999. Vol. 29, №3. P. 525–543.

¹⁸ *Economic Change, Crime, and Mortality Crisis in Russia: Regional Analysis / P. Walberg [et al.] // British Medical Journal*. 1998. Vol. 317, №7154. P. 312–318; *Танулина В.С.* Социально-экономическая дифференциация и здоровье населения России // *ЭКО*. 2002. № 2. С.114–125; *Прохоров*. *Op. cit.*; *Kennedy, Kawachi, Brainerd*. *Op. cit.*

Национального обследования благосостояния и участия населения в социальных программах (НОБУС), проведенного Госкомстатом при содействии Всемирного Банка в 2003 г. Изучаемая нами выборочная совокупность регионов ограничивается 47 субъектами РФ, репрезентативно представленными в НОБУСе, и охватывающими 72% населения страны. В дальнейшем, в ходе анализа эмпирических данных, из числа изучаемых регионов были исключены три субъекта РФ (Москва, Тюменская область, Республика Саха), оказывающих очень сильное влияние на результаты регрессий, способное исказить закономерности, обнаруживаемые в большинстве субъектов Российской Федерации.

Зависимая переменная — *самооценка здоровья*. Измерялась стандартным вопросом: «Как Вы сами оцениваете состояние Вашего здоровья?» На этой основе создана дихотомическая переменная (1 — плохое и очень плохое; 0 — удовлетворительное, хорошее и очень хорошее). Такие измерения признаются предиктором смертности, независимо от других медицинских, поведенческих или психосоциальных факторов¹⁹.

Индивидуальные предикторы здоровья представлены в нашем исследовании набором показателей, доказавших по результатам многочисленных исследований свою значимость в качестве социальных детерминант здоровья, действующих на уровне индивида. Переменные возраста, образования, дохода и частоты потребления крепких алкогольных напитков измеряются нами с помощью порядковых (ранговых) шкал; две же другие индивидуальные характеристики — семейный статус и статус занятости — представлены набором «дихотомических переменных», сопоставляемых с базовой категорией, константой. В частности, тип занятости описывается двумя переменными — «незанятый» и «занятый», сопоставляющимися с «безработным». Семейное положение представлено тремя дихотомическими переменными — «вдовый», «разведенный», «в браке не состоял», попарно сопоставляемыми с категорией «в браке».

В качестве базовой категории независимых переменных выступает женщина из самой молодой подгруппы с минимальным уровнем образования и материальной обеспеченности, безработная, замужняя, практически непьющая. Оценки, получаемые для индивидуальных предикторов, отражают различия в вероятности плохого здоровья по

¹⁹ *Idler E., Benyamini Y.* Self-rated health and mortality: A review of twenty-seven community studies // *Journal of Health and Social Behavior*. 1997. Vol. 38, №1. P. 21–37.

сравнению с соответствующими характеристиками базовой категории. Наконец, в целях удобства интерпретации результатов регрессионного анализа, значения всех индивидуальных переменных были перерасчитаны таким образом, чтобы они начинались не с «1», а со значения «0», что и будет интерпретироваться в последующих разделах как базовый (иначе, нулевой) уровень значения индивидуальных переменных.

Подробное описание индивидуальных независимых переменных, а также их простые распределения содержатся в таблице 1.

Таблица 1

Описание переменных индивидуального уровня (N=76858)

Плохое/очень плохое здоровье	да (22%)	нет (78%)
Пол	База: Женщины (57,4%)	Контраст: Мужчины (42, 6%)
Возраст	База: 18–24 (13,3%)	Контраст: 25–34 (15,8%); 35–44 (18,1%); 45–54 (20,5%); 55–64 (12,3%); 65 + (20,0%)
Образование	База: Начальное (9,9%)	Контраст: Непол. среднее (16,2%); Среднее (27,9%); Сред. спец. (30,7%); Высшее (15,3%)
Доход	База: < 1 прож. мин. (ПМ) Контраст: (31.1%)	[1 ПМ, 1.5 ПМ] (24, 3%) [1.5 ПМ, 2 ПМ] (16, 5%) [2 ПМ, 3 ПМ] (16, 9%) [3 ПМ, ++] (11, 3%)
Семейный статус	База: В браке (60,2%)	Контраст: Вдовы (13,8%); Разведенные (8,8%); Не были в браке (17,1%)
Статус занятости	База: Безработные (4,5%)	Контраст: Незанятые (43,1%); Занятые (52,4%)
Частота потребления крепких алкогольных напитков	База: Практически не употребляет (50,7%)	Контраст: По праздникам (34,4%); 1–2 раза в месяц (7,7%); Раз в неделю (4,2%); Несколько раз в неделю (2,2%); Практич. кажд. день (0,9%)

Сведения о контекстуальных переменных, характеризующих макроэкономические и социальные особенности регионов России, были отобраны нами по материалам Госкомстата²⁰; Баз данных ЦЭМИ РАН²¹; Доклада Всемирного Банка по оценке бедности в Российской Федерации²²; Данным Независимого Института социальной политики²³. В числе показателей экономического развития регионов, выраженности доходных неравенств и степени их модернизации рассматриваются: *валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения 2002 г.*; *коэффициент Джини, 2002 г.*; *доля населения, проживающая в крупных городах (с численностью более 250 тыс. чел), 2002 г.* К разряду индикаторов, свидетельствующих о качестве социальных отношений на региональном уровне, были отнесены: *число убийств и покушений на убийство на 100 тыс. человек, 2002 г.*; *Уровень социального комфорта* — интегральный показатель из базы данных ЦЭМИ, рассчитанный по двум исходным индикаторам: *число умерших от самоубийств на 100 тыс. человек* и *коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. человек, 1999 г.*; *объем розничной продажи водки и ликеро-водочных изделий на душу населения (литров в год), 2000 г.*; *качество брачного поведения* — интегральный показатель, разработанный ЦЭМИ: рассчитывается по трем характеристикам — зарегистрированные браки на 1 тыс. человек, зарегистрированные разводы на 1 тыс. человек и число разводов на 1 тыс. браков, 1999 г. В качестве индикаторов политического контекста избраны: *Расходы на здравоохранение на душу населения, 2002 г.* и *расходы на образование на душу населения, 2002 г.*

Все региональные показатели относятся к типу континуальных переменных. Для удобства интерпретации результатов анализа с ними была произведена процедура нормирования²⁴ и центрирования²⁵, с тем, чтобы каждая из линейно преобразованных переменных имела среднее значение, равное нулю, и диапазон изменения от

²⁰ Регионы России: Статистический сборник. М.: Госкомстат России. 2001. Т. 1, 2.

²¹ Информационно-аналитическая система Социально-Экономических Показателей (ИАССЭП). Сайт ЦЭМИ РАН. URL: <http://server1.data.cemi.rssi.ru>

²² Доклад Всемирного Банка по оценке бедности в Российской Федерации (2004). Отчет №28923-RU. URL: <http://194.84.38.65/mdb/upload/PAR062304 Rus.pdf>

²³ Социальный атлас российских регионов. Интегральные индексы. 2002. URL: http://atlas.socpol.ru/indexes/index_innov.shtml

²⁴ Нормирование осуществлялось одним из стандартных способов: $X_{new} = (X_{old} - \min_{old}) / (\max_{old} - \min_{old})$.

²⁵ Центрирование осуществлялось стандартным способом: $X_{new} = X_{old} - \text{mean}_{old}$.

-1 до +1. Подробное описание региональных предикторов индивидуального здоровья, а также их простые распределения представлены в таблице 2.

Таким образом, изучаемая многоуровневая структура данных включает информацию о 76858 индивидах (на уровне-1), помещенных в 44 региона (на уровне-2).

Таблица 2

Описание переменных регионального уровня (N=44)

ВРП на душу насел. (руб.) 2002	Средняя = 48785	Вариация = 97065–18876
Коэффициент Джини 2002	Средняя = 0,35	Вариация = 0,42–0,31
Доля населения в крупных городах (более 250 тыс.)	Средняя = 0,33	Вариация = 1,0–0,0
Расходы на здравоохранение на душу насел. (руб.) 2002	Средняя = 1340	Вариация = 2885–8
Расходы на образование на душу нас. (руб.) 2002	Средняя = 2143	Вариация = 4599–1313
Число убийств и покушений на 100 тыс. нас. 2002	Средняя = 22,5	Вариация = 53,0–7,0
Социальная комфортность (шкала: низкая 0, высокая 1)	Средняя = 0,84	Вариация = 1,0–0,5
Качество брачных отношений (шкала: низкое 0, высокое 1)	Средняя = 0,8	Вариация = 0,9–0,7
Розн. продажа водки и лик-вод. изд. на душу нас. (л) 2000	Средняя = 13,8	Вариация = 28,4–1,0

В таблице представлены исходные значения (до процедуры центрирования и нормирования)

В качестве основного метода анализа информации в нашем исследовании используются многоуровневые (иерархические) регрессионные процедуры (multilevel analysis, hierarchical modeling), применение которых в общественных науках и медицинской географии детально обосновывается в литературе²⁶. Этот метод стал активно развиваться

²⁶ *Bullen N., Jones K., Duncan C.* Modelling complexity: analyzing between individual and between-place variation — a multilevel tutorial // *Environment and Planning A*, 1997. Vol. 29, P. 585–609; *Duncan C., Jones K., Moon G.* (). Health-related behavior in context: A multilevel modelling approach // *Social Science and Medicine*. 1996. Vol. 42, №6. P. 817–830.

со второй половины 80-х годов прошлого века в различных научных дисциплинах, в том числе и в социологии здоровья²⁷. Многоуровневый регрессионный анализ позволяет одновременно оценивать влияние на зависимую переменную (в частности, самооценку здоровья) как индивидуальных факторов, так и групповых (кластерных), общих для целых групп респондентов (например, характеристик региона, общих для респондентов, проживающих на его территории). Преимуществом данного метода является возможность исследования набора взаимозависимых переменных, действующих совместно внутри одних и тех же кластеров, и оценивать меру их связанности (для чего используется мера внутригрупповой корреляции — *Intra class correlation, ICC*)²⁸. Методы многоуровневого анализа или моделирования позволяют также оценивать величину и вклад переменных индивидуального и группового уровней в объяснение вариабельности зависимой переменной на каждом из них²⁹. Начав свое развитие с разработки математико-статистического аппарата для моделей, использующих в качестве зависимых непрерывные переменные³⁰, данный метод за последние два десятилетия оказался в состоянии адаптировать и другие, нелинейные модели, такие как биномиальные, позволяющие исследовать многоуровневые логистические регрессии для дихотомических зависимых переменных³¹.

Многоуровневые регрессионные процедуры осуществляются в нашем исследовании с помощью статистического пакета HLM6³². В статистическом анализе применялась последовательная трехступенчатая стратегия моделирования с нарастанием сложности в каждой последующей модели.

²⁷ Koepsell T., Curry S., Diehr P. Multi-level research in epidemiologic research on health behaviors and outcomes / M.Von Korff [et al.] // American Journal of Epidemiology. 1992. Vol. 135, №10. P. 1077–1082; Diez-Roux A. Multilevel Analysis in Public Health Research // Annual Review of Public Health, 2000. Vol. 21. P. 171–192.

²⁸ Longford N.T. Random Coefficient Models. Oxford, UK: Clarendon, 1993; Ridout M.S., Demetrio C.G., Firth D. Estimating intraclass correlation for binary data // Biometrics. 1999. Vol. 55, №1. P. 137–148.

²⁹ Snijders T.A., Bosker R.J. Modeled variance in two-level models // Sociological Methods and Research. 1994. Vol. 22, №3. P. 342–363.

³⁰ Bryk A.S., Raudenbush S.W. Hierarchical Linear Models: Applications and Data Analysis Methods. Newbury Park. CA: Sage, 1992.

³¹ Raudenbush S.W., Bryk A.S. Hierarchical Linear Models: Applications and Data Analysis Methods. London: Sage publications, Inc., 2002.

³² Статистический анализ данных с применением метода многоуровневого моделирования выполнялся к.п.с.н. В. Нечаевым.

Модель 1: Двухуровневая модель, включающая только фиксированную часть (интерцепт/константу — среднероссийский уровень плохого здоровья) и случайную составляющую, отражающую вариативность плохого здоровья между регионами (τ_0). Оцениваемые в этой модели параметры плохого здоровья являются базовыми для последующих сравнений самооценок здоровья, полученных в моделях, в которых уже будет учитываться влияние как индивидуальных, так и региональных факторов.

Модель 2: Такая же, как и модель 1, но в фиксированную часть добавляются все индивидуальные предикторы. Константа в данной модели представляет собой оценку плохого здоровья для базовой категории (лиц, имеющих нулевые значения для всех рассматриваемых индивидуальных переменных). Таким образом, данная модель оценивает влияние индивидуальных предикторов на здоровье по всей выборочной совокупности (без учета региональной специфики). Случайная составляющая допускается как для константы (как мера межрегиональной вариативности базовой доли плохого здоровья, сохраняющейся после учета влияния индивидуальных характеристик), так и для индивидуальных переменных (как мера межрегиональной вариативности величин данных переменных). Таким образом, в рамках данной модели проверяется влияние (статистическая достоверность) предикторов индивидуального уровня и оценивается уровень объясненной вариативности как на индивидуальном (σ^2), так и на региональном (τ) уровнях.

Модель 3: В фиксированную часть к константе и индивидуальным предикторам добавляются переменные регионального уровня. Все остальное сохраняется, как в Модели 2.

Результаты

В таблице 3 представлены результаты многоуровневого анализа, выполненного в рамках Моделей 1 и 2. Конвертируя полученную в Модели 1 оценку для интерцепта в долю в процентах, получаем, что в целом по стране 22% людей оценивают свое здоровье как плохое или очень плохое³³. Следует отметить, что полученная нами оценка выра-

³³ Средняя по всей выборке доля респондентов, сообщивших о своем здоровье как плохом, вычисляется следующим образом: $Y=1/(1+\exp(-I_0))=1/(1+\exp(1.264))=0.220$, (т.е 22% от всех опрошенных). Доверительный интервал (95%) для этой доли рассчитывается по формуле: $1/(1+\exp(-(I_0 \pm 1.96*\sqrt{\tau_0})))=(0.155, 0.303)$.

женности нездоровья в составе российского населения в полной мере подтверждается результатами исследования, включающего 13 стран Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза, в том числе, и Россию (2004г.)³⁴. Эта оценка существенно превышает соответствующие показатели по большинству изучаемых стран, и в два раза выше, чем в среднем по странам Евросоюза (по данным на 2001 г.).

Таблица 3

Параметры Моделей 1 и 2

Параметры	Нулевая Модель, Модель 1	Модель 2 (после контроля композиционных факторов)
<i>Фиксированная часть</i>		
Constant	-1.264	-2.47
Возраст		- 1.916
Доход		- 2.597
Образование		-2.641
Семейное положение		
- вдовый		- 2.371
- разведенный		-2.286
- в браке не был		-2.461
Статус занятости		
- незанятый		- 1.972
- занятый		-3.021
Потребление алкоголя		-2.662
<i>Случайная часть</i>		
Уровень-2	0.0484	0.0417
Различия между регионами		

Где: $I_0 = -1.264$ ($SE = 0.0338$; $t_{(43)} = -37.4$; $p < 0.0001$);
 $\tau_0 = 0.0484$ ($SD = 0.2201$; $\chi^2_{(43)} = 673.4$, $p < 0.0001$);
 $\tau = 0.0417$ ($\chi^2(d.f. = 43) = 430.9$; $p < 0.0001$)

³⁴ Boback et al. Op. cit.

Вариация уровня-2 в Модели 1 значима, свидетельствуя о различиях в субъективном здоровье между регионами. Тем не менее, результаты многоуровневого анализа, полученные в рамках базовой модели, еще не дают основания для утверждения, что выявленная межрегиональная дисперсия зависимой переменной объясняется характеристиками контекста, а не особенностями композиционного состава населения проживающего на территории тех или иных регионов.

Возможность для прояснения этой проблемы предоставляет Модель 2, оценивающая вариацию второго уровня при контроле за индивидуальными, композиционными характеристиками, которые можно увидеть в фиксированной части Модели 2 в Таблице 3. Как очевидно из представленных здесь данных, после учета индивидуальных характеристик межрегиональная дисперсия показателей плохого здоровья по-прежнему остается высокодостоверной [$\tau=0.0417$; $\chi^2(d.f.=43)=430.9$; $p<0.0001$], хотя и снижается с 0.0484 (Модель 1) до 0.0417 (Модель 2). Это означает, что вариации в самооценках здоровья не могут объясняться исключительно индивидуальными факторами. Значимое влияние на самочувствие людей оказывают и параметры регионального контекста.

Для того чтобы это проиллюстрировать, в Таблице 4 показаны изменения в ранжировании регионов до и после учета композиционных факторов. В этой таблице представлены 10 наиболее «здоровых» и 10 наиболее «нездоровых» субъектов РФ по отношению к средней доле «плохого здоровья» по стране в целом.

На основе приведенных данных очевидно, что контроль за индивидуальными переменными приводит к заметным изменениям позиции ряда регионов. Более детальный анализ показывает, что статус «здорового региона» таких субъектов РФ, как Мурманская область, Хабаровский край, Архангельская и Читинская области, республика Коми — скорее всего, артефакт, объясняемый более высокой долей молодого населения, обладающей большими доходами, и другими индивидуальными характеристиками, делающими менее вероятным плохое здоровье. Такой вывод мы делаем на основании того факта, что при учете композиционного состава населения они выбывают из числа регионов, представленных в верхней части ранжированного списка. В то время как Псковская, Липецкая, Ивановская, Волгоградская области и Краснодарский край незаслуженно попадают в число самых «нездоровых» субъектов РФ. Несмотря на неблагоприятный композиционный состав населения, средний уровень «нездоровья» в этих регионах не столь

высок, как это можно было бы ожидать исходя из индивидуальных параметров жителей этих субъектов РФ. Скорее это может объясняться какими-то характеристиками региона в целом, благотворно сказывающимися на самочувствии людей. Особенно примечателен в этом смысле случай Самарской области, которая, не входя первоначально в десятку «здоровых» регионов, после контроля за индивидуальными параметрами вышла на второе место, уступив лидерство только Дагестану. Повысился также статус и Астраханской области.

Таблица 4

Порядок регионов на основе данных,
отражающих восприятие здоровья как плохого

До контроля индивидуальных параметров населения	После контроля индивидуальных параметров населения
Десять здоровых регионов: Дагестан <i>Мурманская обл.</i> <i>Хабаровский край</i> Татарстан Камчатская обл. Бурятия Сахалинская обл. <i>Архангельская обл.</i> <i>Читинская обл.</i> <i>Коми</i>	Дагестан <i>Самарская обл.</i> Кабардино-Балкария Татарстан Башкортостан Бурятия <i>Астраханская обл.</i> Адыгея Костромская обл. Свердловская обл.
Десять нездоровых регионов: Брянская обл. Воронежская обл. Тамбовская обл. <i>Псковская обл.</i> Кемеровская обл. Ростовская обл. <i>Липецкая обл.</i> <i>Краснодарский край</i> <i>Ивановская обл.</i> <i>Волгоградская обл.</i>	Брянская обл. <i>Кемеровская обл.</i> <i>Приморский край</i> Ростовская обл. <i>Новосибирская обл.</i> <i>Удмуртия</i> Тамбовская обл. Воронежская обл. Камчатская обл. Сахалинская обл.

Курсивом выделены те регионы, для которых наблюдаются существенные изменения в их статусе (как «здоровых» или «нездоровых» субъектов РФ) после контроля индивидуальных, композиционных факторов

Особенно же тревожной выглядит ситуация в таких субъектах РФ, как Приморский край, Новосибирская область, Удмуртия. При контро-

ле за композиционным составом населения эти регионы оказываются в числе наименее «здоровых» территорий, что говорит о явном неблагополучии сложившегося там социально-экономического контекста проживания. Неблагоприятное воздействие на самочувствие людей контекстуальных характеристик проявляется также и в Кемеровской области, передвигающейся с пятого на второе место в рейтинге самых «нездоровых» регионов страны. Таким образом, приведенные данные демонстрируют, что более точная оценка состояния здоровья жителей субъектов Российской Федерации возможна лишь при исследовании влияния на него и композиционного состава населения, проживающего на их территории, и общих контекстуальных условий жизни. Используемая нами многоуровневая методология обеспечивает нас такой возможностью, позволяя оценить самостоятельный автономный вклад в самочувствие людей как индивидуальных факторов, так и параметров, характеризующих общие условия жизни в том или ином регионе.

Опираясь на результаты, полученные в рамках Модели 2, рассмотрим, какие именно характеристики индивида определяют статус его субъективного здоровья. Интересующие нас параметры модели представлены в Таблице 5. В правой части таблицы приведены вычисленные на основе бета-коэффициентов доля респондентов с плохим здоровьем для базовой категории (INTRCPT1) и доли респондентов, характеризующиеся единичным значением соответствующего индивидуального предиктора. Опущена оказавшаяся незначимой переменная пола ($\text{Beta} = -0.037 (0.026)$; $t(d.f. = 76847) = -1.4$; $p = 0.156$). Остальные шесть индивидуальных предикторов, как и константа, оказались несозначимыми.

На основании полученных статистически достоверных параметров модели можно сделать следующие выводы.

Очевидно, что существует выраженный паттерн в восприятии своего здоровья по всем индивидуальным характеристикам. Вероятность восприятия своего здоровья как плохого и очень плохого для базовой категории (константы) — безработной, замужней, практически непьющей женщины из самой молодой подгруппы с минимальным уровнем образования и материальной обеспеченности — 7,8%. Наиболее сильное влияние на самооценку здоровья, как и следовало ожидать, оказывает переменная возраста — в каждой последующей возрастной группе происходит увеличение доли нездоровых на 5%. Несомненно, этот паттерн в определенной мере объясняется биологическими причинами. Однако, по данным исследований, приращение

плохого самочувствия с возрастом в России, так же, как и в некоторых других странах Центральной и Восточной Европы, значительно более выражено, нежели на Западе, что связывается с социальными факторами (условиями жизни, труда, доступностью услуг здравоохранения и т. д.) и вполне соотносится с национальными трендами по показателям продолжительности и качества жизни³⁵.

Таблица 5

Распределение долей плохого здоровья среди респондентов с учетом их индивидуальных параметров

Fix Effect	Beta	SE	P-value	Logit	Доля респонд. (%)*	Разница в долях респонд. (%)**
INTRCPT1	-2.47	0.076	0.000	-2.474	7.8%	0.0%
Возраст	0.56	0.010	0.000	-1.916	12.8%	5.1%
Доход	-0.12	0.012	0.000	-2.597	6.9%	-0.8%
Образование	-0.17	0.011	0.000	-2.641	6.7%	-1.1%
Вдовый	0.10	0.030	0.001	-2.371	8.5%	0.8%
Разведенный	0.19	0.038	0.000	-2.286	9.2%	1.5%
В браке не был	0.01	0.039	0.740	-2.461	7.9%	0.1%
Незанятый	0.50	0.063	0.000	-1.972	12.2%	4.5%
Занятый	-0.55	0.065	0.000	-3.021	4.7%	-3.1%
Потребление алкоголя	-0.19	0.013	0.000	-2.662	6.5%	-1.2%

* Доля респондентов с плохим здоровьем. Включает базовую часть (7,8%), а также плюс или минус долю респондентов с величиной индивидуальной переменной, на единицу отличающейся от базовой (см. Табл. 1).

** Доля респондентов с плохим здоровьем, приходящаяся на единицу изменения индивидуальной переменной.

Несмотря на существенную недостоверность, дамми-переменная «в браке не был» не может быть удалена из анализа, поскольку она является частью общей переменной «семейное положение» — высокозначимой для двух оставшихся субкомпонентов.

³⁵ *Szaflarski M., Cubbins L.* Self-reported Health in Poland and the United States: a Comparative Analysis of Demographic, Family and Socioeconomic Influences // *Health: An Interdisciplinary Journal for the Social Study of Health, Illness and Medicine*. 2004. Vol. 8. №1. P. 5–31.

Следующий по силе индивидуальный предиктор самочувствия — это статус занятости. Вероятность плохого здоровья среди лиц, нашедших свое место на рынке труда, значимо ниже по сравнению с теми, кто ищет работу (на 3,1%); еще выше доля людей, оценивающих свое здоровье как плохое и очень плохое в числе тех, кто по разным причинам не включен в трудовую деятельность (разница с безработными составляет 4,5%). Следует отметить, что столь выраженная связь между повышением вероятности плохого здоровья у незанятых в значительной степени объясняется все тем же возрастным фактором — в целом, с увеличением возраста существенно повышается удельный вес как людей с низкой самооценкой здоровья, так и незанятых. Однако проведенный нами дополнительный анализ показывает, что вероятность плохого здоровья среди незанятых существенно (значимо) выше по сравнению и с занятыми и с безработными в любой возрастной подгруппе, в том числе и среди молодых.

Проявляется также хотя и не яркая, но статистически достоверная связь самочувствия человека с той позицией, которую он занимает в социальной структуре. Так, в соответствии с нашими данными, с переходом на каждую более высокую ступень образовательной и доходной иерархий доля «нездоровья» сокращается — на 1,1 % и 0,85% соответственно. Относительно слабая выраженность социального градиента в субъективном здоровье в посткоммунистических странах (по сравнению с развитыми западными обществами) отмечалась и другими исследователями³⁶. Выдвигаются различные предположения относительно причин этого феномена; в том числе это связывается с высочайшими уровнями социального стресса в обществах транзитивного типа, осознанием людьми на разных уровнях социальной иерархии ограниченности своих возможностей контролировать обстоятельства своей жизни и реализовывать долговременные жизненные стратегии. В этом анализе мы не располагали измерениями персонального контроля или стресса, однако другие исследования³⁷ могут служить моделью для изучения этих вопросов в будущем.

³⁶ Socioeconomic factors, material inequalities, and perceived control in self-rated health: Cross-sectional data from seven post-communist countries / M. Bobak [et al.] // *Social Science and Medicine*. 2000. Vol. 51, №9. P. 1343–1350; *Cockerham W.C.* Health and social change in Russia and Eastern Europe. New York: Routledge, 1999; Gender differences in Health: Evidence from the Czech Republic / J. Hrabá [et al.] // *Social Science and Medicine*. 1996. Vol. 43, №10, P. 1443–1451; Education and Health in the Czech Republic / J. Hrabá [et al.] // *Journal of Health and Social Behavior*. 1998. Vol. 39, №4. P. 295–316; *McKeehan I.V.* A multilevel city health profile of Moscow / *Social Science and Medicine*. 2000. Vol. 51, №9. P. 1295–1312; *Szaflarski and Cubbins*. Op. cit.

³⁷ *Kohn M., Slomeczynski K.* Social Structure and Self-Direction. Oxford: Basic Blackwell, 1990.

По нашим данным, очевидна также и позитивная роль семьи в формировании субъективного здоровья индивида. Лица, находящиеся в браке (официальном или гражданском) меньше страдают от плохого самочувствия, нежели те, кто пережил утрату супруга (разница составляет 0,68%) и/или развод (1,4%). Различия же в уровнях «нездоровья» людей, состоящих в браке и не бывших в нем, статистически недостоверны.

Следует отметить, что проявляющаяся при корреляционном и регрессионном анализе (только при контроле возраста и семейного положения) дифференциация в вероятности плохого здоровья у мужчин и женщин (последние демонстрируют пониженные самооценки здоровья) теряет свою значимость в общей регрессии, учитывающей влияния на здоровье ключевых социально-структурных характеристик индивидов и статуса занятости. Полученный результат подтверждает выявляющуюся и в предшествующих исследованиях закономерность — гендерные различия в общей самооценке здоровья в значительной мере объясняются неравным положением женщин в социальной структуре и шансах трудоустроиться по сравнению с мужчинами³⁸.

Обращает на себя внимание и парадоксальная, на первый взгляд, связь показателя частоты потребления водки и других крепких алкогольных напитков с вероятностью плохого здоровья индивида — с ростом потребления алкоголя происходит улучшение показателей здоровья (в данном случае — понижается доля лиц, оценивающих свое здоровье как плохое и очень плохое). Этот результат вполне согласуется с данными предшествующих исследований, показывающих, что в одномоментных исследованиях невозможно «уловить» долговременные последствия злоупотребления алкоголем для статуса здоровья. Напротив, проявляется обратная зависимость — люди, оценивающие свое самочувствие как хорошее, употребляют алкогольные напитки в больших количествах, и только с ухудшением своего состояния стараются себя ограничивать в этой вредной привычке. Кроме того, здесь возможно вмешательство и возрастного фактора — установлено, что чаще потребляют крепкие алкогольные напитки люди молодых и средних возрастов, — т. е. те категории лиц, для которых вероятность плохого самочувствия ниже.

В целом, следует отметить, что регрессионная модель, в которой в качестве независимых переменных участвуют все обсужденные выше предикторы индивидуального здоровья, характеризуется достаточно

³⁸ Браун Дж.В., Панова Л.В., Русинова Н.Л. Гендерные неравенства в здоровье // Социологические исследования. 2007. №6. С. 114–122.

высоким потенциалом объяснения вариабельности плохого здоровья среди российского населения (на уровне 27%). Однако, как мы уже выяснили по результатам Модели 2, самочувствие россиян не объясняется исключительно эффектами индивидуальных характеристик. Существенную роль в формировании субъективного статуса здоровья людей играют и параметры контекста, складывающегося на уровне регионов, жителями которых они являются.

На следующем шаге нашего анализа попытаемся выяснить, какие именно характеристики контекста могут оказаться значимыми предикторами уровня субъективного «нездоровья» в регионах. Эта задача решается с помощью усложненной двухуровневой модели, в которой к факторам индивидуального уровня подключаются и переменные регионального уровня.

Анализ результатов обработки данных с учетом введения региональных переменных позволил выделить наиболее полную модель со статистически значимыми коэффициентами, включающую лишь три из девяти региональных переменных, отобранных для анализа: уровень социального комфорта; объем продаж крепких алкогольных напитков; и выраженность неравенств, измеренных с помощью коэффициента Джини. Влияние остальных 6-ти переменных оказалось несущественным. Регрессионное решение, обеспечиваемое Моделью 3, представлено в Таблице 6.

Итак, как очевидно из таблицы, уровень экономического развития региона сам по себе не проявляет значимой связи с субъективным здоровьем людей при контроле их индивидуальных параметров — как мы были вправе ожидать, имея в виду подтверждаемую многочисленными эмпирическими исследованиями закономерность, согласно которой с повышением экономического богатства крупных территориальных сообществ людей уровень благополучия индивидов и, в частности, показатели их здоровья повышаются. Наш анализ продемонстрировал, что значимое (на экологическом уровне) позитивное влияние ключевой характеристики уровня социально-экономического развития регионов (ВРП) на самооценку здоровья «снимается» уже только при учете демографического состава населения. Это означает, что роль экономического богатства территории в формировании индивидуального самочувствия, проявляющаяся на экологическом уровне анализа, объясняется исключительно своеобразием возрастного состава населения субъектов РФ — более развитые в экономическом отношении регионы отличаются большим представительством молодых групп населения.

Таблица 6

Распределение долей плохого здоровья среди респондентов с учетом, как их индивидуальных параметров, так и региональных характеристик

Уровень переменной	Fix Effect	Beta	SE	P-value	Доля респонд. (%)*	Разница в долях респонд.** (%)
Инд.	INTRCPT	-2.48	0.075	0.000	7.7%	0.0%
Инд.	Возраст	0.56	0.010	0.000	12.8%	5.1%
Инд.	Доход	-0.12	0.012	0.000	6.9%	-0.8%
Инд.	Образование	-0.17	0.011	0.000	6.6%	-1.1%
Инд.	Вдовый	0.10	0.029	0.001	8.5%	0.8%
Инд.	Разведенный	0.19	0.037	0.000	9.2%	1.4%
Инд.	В браке не был	0.01	0.040	0.749	7.8%	0.1%
Инд.	Незаятый	0.51	0.064	0.000	12.2%	4.5%
Инд.	Заятый	-0.54	0.066	0.000	4.6%	-3.1%
Инд.	Потребление алкоголя	-0.19	0.013	0.000	6.5%	-1.2%
РЕГИОН.	Джини	-0.27	0.122	0.033	6.0%	-1.7%
РЕГИОН.	Соц. комфорт	0.23	0.096	0.022	9.5%	1.8%
РЕГИОН.	Объем продаж крепких алкогольных напитков	0.41	0.142	0.007	11.2%	3.5%

* Доля респондентов с плохим здоровьем. Включает базовую часть (7.7%), а также плюс/минус долю респондентов с величиной индивидуальной переменной, на единицу отличающейся от 0 (базовой; см. Табл. 1).

** Доля респондентов с плохим здоровьем, приходящаяся на единицу изменения индивидуальной или региональной переменной.

Степень ориентированности региональной политики властей на социальные цели, оцениваемая нами с помощью показателей, фиксирующих расходы на здравоохранение и образование на душу населения, будучи тесно связанными с уровнем экономического богатства территорий, также, вопреки ожиданиям, не является значимым самостоятельным фактором в формировании субъективного статуса здоровья индивидов.

Не подтверждается и другой факт, обнаруженный в ряде предшествующих исследований, — меньшая выраженность социального неравенства имеет позитивные последствия для здоровья населения. Согласно нашим данным, с ростом показателя, фиксирующего неравенство в распределении региональных доходов (коэффициент Джини),

вероятность плохого самочувствия снижается. Думается, это связано с особенностями модернизационного процесса, развернувшегося в постсоветский период, когда большая выраженность доходных неравенств оказывается характерной для экономически более развитых субъектов РФ, с более высоким уровнем жизни населения, и более развитой социальной инфраструктурой, значимой для поддержания здоровья граждан. Высказанное соображение опирается на следующие факты. Наличие тесной связи между показателями ВРП и среднедушевых денежных доходов населения ($r = 0.83$); заметные корреляции с этими показателями индикатора «затраты на здравоохранение» ($r = 0.67$ и $r = 0.65$, соответственно) и «затраты на образование» ($r = 0.67$ и $r = 0.74$, соответственно); статистически значимые, положительные коэффициенты корреляции между показателем Джини и переменными, характеризующими богатство региона и уровень жизни населения ($r = 0.32$ и $r = 0.49$ соответственно). Неравенство выше в развитых регионах — с высокими значениями ВРП, среднедушевых денежных доходов и большими вложениями в социальную сферу, что, при контроле индивидуальных предикторов здоровья, благоприятно отражается на самочувствии людей.

Наш анализ подтвердил также, что статистически значимые связи с самооценкой здоровья как плохого и очень плохого, с учетом индивидуальных предикторов самочувствия, проявляют также и параметры социальной среды, формирующейся в российских регионах — а именно, уровни потребления крепких алкогольных напитков и социальной комфортности жизни. Следует заметить, что полученный результат в полной мере соответствует выводам предшествующего этапа нашего исследования, выполненного на экологическом уровне анализа по большей выборке регионов (77 субъектов РФ). Это исследование показало, что именно качество социальных отношений, уровень социальной интеграции/дезинтеграции является важнейшей социетальной характеристикой, обладающей значительным потенциалом в объяснении межрегиональных различий в ожидаемой продолжительности жизни. В соответствии с полученными тогда результатами, в тех субъектах РФ, где отношения между людьми характеризуются повышенной конфликтностью, напряженностью, где высоки уровни преступности и наблюдаются явные признаки неблагополучия в семейной сфере, человеку, родившемуся сегодня, с большей долей вероятности предстоит прожить более короткую жизнь³⁹.

³⁹ Русина Н.Л., Панова Л.В., Сафронов В.В. Продолжительность жизни в регионах России: значение экономических факторов и социальной среды // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. №1. С. 140–161.

Как показывают результаты многоуровневого анализа, позволяющего оценить роль контекста в формировании самочувствия людей с учетом их индивидуальных характеристик, сформулированный ранее вывод остается актуальным. В частности, в качестве значимого контекстуального фактора, определяющего «нездоровье» российских граждан независимо от их индивидуальных социально-демографических параметров, а также места, занимаемого в социальной структуре, выступает алкоголь — в регионах, характеризующихся большими объемами розничной продажи водки и других крепких алкогольных напитков, и, соответственно, как мы выяснили на предшествующем этапе исследования, большей долей населения, часто потребляющих алкоголь⁴⁰, вероятность плохого самочувствия оказывается заметно выше. Учитывая значение алкоголя как одной из ведущих непосредственных причин преждевременной смертности населения в современной России, эта ситуация нам представляется вполне закономерной.

Другая же переменная, с помощью которой измерялось качество социальной среды в регионе — а именно, уровень социального комфорта — при контроле индивидуальных параметров населения проявляет неожиданные связи со статусом субъективного нездоровья индивидов. С повышением социальной комфортности жизни повышается и вероятность плохого здоровья. Мы предполагаем, что столь парадоксальный, на первый взгляд, результат может быть вызван целым рядом причин, среди которых: особенность измерения социальной комфортности жизни, т. е., рассмотрение самоубийств — этого общепризнанного индикатора уровня социальной сплоченности, не в чистом виде, а как составляющей интегрального показателя, учитывающего также и миграционный поток за пределы региона; «чувствительность» этого показателя к специфике возрастного состава населения регионов, подтверждаемая данными корреляционного анализа (коэффициент корреляции показателя социального комфорта со средним возрастом в регионе = 0.36); возможное неучтенное межуровневое взаимодействие этой контекстуальной переменной с параметрами индивидов; или ограниченность выборочной совокупности рассматриваемых регионов.

⁴⁰ Русинова Н.Л., Панова Л.В., Сафронов В.В. (2008). Здоровье российского населения: глобальный контекст и локальные особенности / отв. ред. И.И. Елисеева // Глобализация в российском обществе: Сб. науч. работ. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 266–350.

В любом случае очевидно, что для объяснений полученных парадоксальных результатов по воздействию как социетальных неравенств, так и интегрального показателя социального комфорта требуются дополнительные теоретические и эмпирические изыскания. Вместе с тем следует заметить, что, по мнению специалистов, предпринимающих попытки выявления независимого воздействия на индивидуальное здоровье контекстуальных характеристик, и индикаторов, характеризующих композиционный состав населения, отбор индикаторов макроуровня, консистентных интерпретации, является чрезвычайно сложной задачей⁴¹.

В целом оценивая результаты, представленные в таблице 6, можно сказать, что добавление контекстуальных переменных приводит к существенному перераспределению долей респондентов с плохим здоровьем. Сравнение регионов с полярными характеристиками по неравенствам доходов, социальному комфорту и количеству продаж крепких алкогольных напитков на душу населения, показывает, что разница в доле лиц с низкой самооценкой здоровья только по этим контекстуальным показателям может достигать 7 процентов.

Важно отметить, что в этой модели не учитываются возможные комбинированные влияния контекстуальных и индивидуальных переменных на здоровье. Другими словами, остается пока невыясненным, опосредуются ли влияния на здоровье контекста (и каких именно его параметров) индивидуальными предикторами, или эти влияния действуют независимо (или поверх) них. Это задача будущих исследований. Пока же ясно одно — субъективное здоровье человека определяется не только его индивидуальными характеристиками (социально-демографическими или поведенческими), но и особенностями той среды, в которой он проживает. Этот вывод убедительно подкрепляется результатами многоуровневого анализа. Обобщающие данные нескольких построенных нами моделей разной сложности свидетельствуют о нарастающей, в целом, доле объяснения межрегиональной варибельности нашей зависимой переменной с введением второго (контекстуального/регионального) уровня анализа.

Итак, рассмотрим сведенные в Табл. 7 обобщающие характеристики моделей с наборами переменных обоих уровней.

⁴¹ Macro-to-micro links in the relation / D. Mary [et al.] // The Milbank Quarterly. 1998. Vol. 76, №3. P. 315–339; *Olsen and Dahl*. Op. cit.

Таблица 7

Влияние переменных индивидуального и регионального уровней на объясненную дисперсию и полноту регрессионной модели

Вид моделей	Уровень 1				Уровень 2			
	σ^2	Expl σ^2	Dev1	$p(\chi^2)$	τ	Expl τ	Dev2	$p(\chi^2)$
Нулевая модель, Модель 1	0.17155	0	80975	-	0.04844	0	221718	-
Модель 2 (с добавлением предикторов индивидуального уровня)	0.12453	27.4%	59514	0.0000	0.04170	13.5%	200420	0.0000
Модель 3 (с добавлением предикторов индивидуального и регионального уровней)	0.12435	27.5%	59435	0.0000	0.03537	27.0%	200411	0.05

σ^2 — оценка индивидуальной вариабельности

Expl σ^2 — оценка индивидуальной вариабельности в %

Dev1 — мера полноты моделей первого уровня

Dev2 — мера полноты моделей второго уровня

τ — оценка межрегиональной вариативности

Expl τ — оценка межрегиональной вариативности в %

Анализ изменений на первом уровне показывает, что уровень объясненной дисперсии, увеличившись на 27,4% при введении в базовую модель переменных индивидуального уровня, практически не меняется при допущении участия в модели региональных переменных.

Однако улучшение полноты модели даже после сверхзначимого изменения, связанного с влиянием индивидуальных переменных ($\chi^2=21461$, $p<0.000001$), с добавлением набора региональных переменных сохраняет свою высокую значимость: так, полнота модели улучшается на величину 79 единиц критерия — $2\text{Log}(\chi^2=9, p<0.05)$. Таким образом, метод многомерного моделирования демонстрирует тот факт, что введение региональных переменных оказывает существенное влияние на нижний уровень модели, основывающийся на индивидуальных характеристиках респондентов.

Рассмотрим теперь влияние введения переменных обоих уровней на критические объяснительные характеристики моделей, относящихся к региональному уровню.

Уровень объясненной дисперсии регионального уровня практически в равных долях зависит от введения переменных каждого из уровней: введение в базовую модель семи переменных индивидуального уровня снизило уровень региональной дисперсии на 13.5%, и ровно на столько же она сократилась при введении региональных переменных, что дало в целом 27%-ное сокращение остаточной вариативности. Динамика изменения полноты (предсказательных способностей) модели (Dev2), в целом, оказалась очень сходной для обоих уровней: очень резкое улучшение при добавлении к нулевой модели группы индивидуальных переменных и не столь сильное, но, тем не менее, статистически достоверное при добавлении новых свойств, обусловленных введением региональных переменных. Таким образом, анализ основных объясняющих показателей метода иерархического регрессионного анализа показывает, что введение в модель набора переменных каждого из уровней приводит к существенному улучшению свойств модели как на своем, так и на другом уровне, что демонстрирует высокую чувствительность метода к многоуровневой структуре экспериментальных данных.

Заключение

Исследование влияния на воспринимаемое здоровье населения российских регионов индивидуальных предикторов и основных контекстуальных факторов, формирующихся в рассматриваемых субъектах РФ, позволило прийти к следующим выводам. Наблюдается выраженный паттерн в оценке собственного самочувствия практически по всем изучаемым индивидуальным характеристикам. Наиболее сильными предикторами самооценки здоровья, помимо возраста, являются статус занятости и такие показатели социально-экономического положения человека, как образование и доход. Очевидна также и позитивная роль семьи в формировании субъективного здоровья индивида. Как показывают полученные результаты, вариации в самооценке здоровья между российскими регионами обусловлены, в основном, композиционным составом проживающего там населения. Вместе с тем, применение многоуровневого анализа в оценке комплексного влияния индивидуальных и контекстуальных факторов на здоровье подтверждает тот факт, что уровни субъективного здоровья россиян не объясняются исключительно эффектами индивидуальных характеристик. Существенную роль в формировании самочувствия людей играют и особенности той среды, в которой они живут.

БИОГРАФИЯ И ОБЩЕСТВО

К.С. ДИВИСЕНКО

КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА В ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ: ГОРИЗОНТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Наибольший интерес для социологии в трансцендентальной феноменологии представляют интерсубъективность и теория жизненного мира. В статье рассматриваются основные положения поздних работ Э. Гуссерля, посвященные исследованию жизненного мира как универсума изначальных очевидностей; намечаются основные позиции для социологического исследования жизненного мира.

Ключевые слова: интерсубъективность, жизненный мир, Э. Гуссерль, феноменологическое направление социологии.

Феноменология Э. Гуссерля оказала огромное влияние на развитие социологии в XX в. Идеи феноменологии в их приложении для социальных наук были развиты А. Шюцем, Т. Лукманом, П. Бергером, Э. Гоффманом, в этнометодологии, социальной теории Ю. Хабермаса.

Наибольший интерес для социолога в трансцендентальной феноменологии представляет проблематика жизненного мира. Жизненный мир — область интерсубъективного, надындивидуальная сфера, сфера взаимодействия отдельных людей и социальных общностей. Интерсубъективный мир формируется в процессе социального взаимодействия, коммуникации.

В настоящей статье с точки зрения социологии рассматривается жизненный мир как одна из основных категорий трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля.

Понятие «жизненный мир» стало одной из центральных категорий поздней трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля. Впервые эта категория, только под другим именем («мир в естественной установке») встречается в работе «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» (1913)¹ и в «Картезианских размышлениях» (1931)². Но большее развитие данная категория получила в «Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии» (1936)³. «Кризис» и другие работы Гуссерля, посвященные исследованию жизненного мира, вышли уже после его смерти, при жизни философа они были известны некоторым его ученикам/коллегам, а также слушателям его публичных лекций.

В «Кризисе» Э. Гуссерль обращается к проблеме жизненного мира по трем основным причинам: 1) как области, противоположенной объективистской науке; 2) как к новому пути в феноменологическую трансцендентальную редукцию; 3) как способу более глубокого изучения интересубъективности в терминах историчности, генеративности, традиции и нормальности⁴.

Итак, в чем, по мнению Э. Гуссерля, состоит кризис новоевропейской науки и каково его значение для жизненного мира?

* * *

Если выразить кратко, то основная причина кризиса новоевропейской науки, которая берет свое начало от Г. Галилея, — онтологизация методических принципов. Для науки стало существовать только то, что возможно исследовать разработанными ею самой научными методами — математикой, геометрией и т. д. Как следствие развития и успеха науки — повседневное сознание, обыденная, перетекающая изо дня в день жизнь просто исчезли из поля зрения и интереса науки; и особый мир самой науки стал постепенно заслонять собой жизненный мир. Повседневность, обыденное знание, преднаучный мир стали той областью, до которой не снисходит объективистская наука. В развитии новоевропейской науки находит свою кульминацию и логическое

¹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

² Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 2006.

³ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004.

⁴ Zahavi D. Husserl's Phenomenology. Stanford: Stanford University Press, 2003. P. 125.

завершение, традиционное со времен классической античности, разделенность двух видов знания — знания (ἐπιστήμη) и мнения (δόξα). Сама наука является знанием и работает только со знанием и всем тем, что можно к нему привести; мнение же остается уделом только здравого смысла, обыденного сознания.

Применение методологического аппарата объективистских наук на чуждом ему поле, особенно в психологии и других гуманитарных науках, привело к еще одному следствию кризиса — усугубляющемуся скептицизму и релятивизму. Победить эти две нездоровые тенденции в науке может только поиск области непреложных истин, путь к которым может быть найден трансцендентальной феноменологией, в которой становится возможным преодоление натуралистического объективизма⁵.

Целью Э. Гуссерля в «Кризисе» была постановка диагноза современной ему науке и обоснование новой теории познания, позволяющей преодолеть то состояние, в котором оказались философия и гуманитарные науки в конце XIX — начале XX вв. В связи с этой задачей проводится еще раз концептуализация «мира в естественной установке» как *жизненного мира*.

Мир объективистской науки вовсе не объективный мир — так как не существует независимо от сознания человека. Все идеальные конструкции (геометрические фигуры, идеальные газы, традиционное общество и т. д.) суть идеальные образы, никогда не встречающиеся в самой природе. Идеализированные объекты, с которыми работает позитивная наука, никогда не могут быть пережиты или прочувствованы в жизненном мире: «мы устанавливаем или конституируем их с помощью особого вида интенциональности, которая смешивает как восприятие, так и воображение»⁶.

Все многообразие мира, жизни стягивается к тому, что может быть измерено, математизировано, а те качества, которые невозможно непосредственно измерить, должны быть преобразованы в такую форму, которая может быть все-таки сведена к количественным показателям. Раз найденные формулы могут обеспечить объективацию всех отдельных случаев, находящихся в области их применения. Таким образом, мир науки становится «по-себе-истинным-миром», противоположно-

⁵ Гуссерль Э. Феноменология (статья в Британской энциклопедии) // Логос. 1991. № 1. С. 12–21.

⁶ Sokolowski R. Introduction to Phenomenology. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 149.

стью жизненному миру; созерцаемая природа уходит на второй план, подлинной сущностью становится идеализированная природа. Как следствие, происходит разделение очевидностей жизненного мира и объективно-логические очевидностей, логика жизни и формальная логика также образуют зазор.

Методический прием становится подлинной сущностью: природа оказывается не тем, чем она предстает в чувственном непосредственном опыте, а тем, что схватывается, описывается и прогнозируется в математических формулах. Помимо онтологизации методов, объективистские науки переносят собственный теоретико-методологический аппарат, пригодный только для физических явлений, на чуждую им область — область духа, духовной жизни. Науку также приводит к тупику подстановка эмпирических данных под разработанные идеальные понятия⁷.

«Феноменология признает ценность и внятность современной математической науки, но не переоценивает ее; она напоминает нам, что такая наука основана на предметах, данных нам донаучным способом, и также напоминает нам, что даже науки остаются “чьим-то наделом” или создаются кем-то»⁸.

Итак, путь к жизненному миру лежит через трансцендентальную феноменологию. Обращение к жизненному миру как теме феноменологического исследования предполагает два эпохэ: 1) в отношении всех объективных наук, 2) всех объективно теоретических интересов этих наук.

Пафос феноменологии не мог быть сразу же воспринят многими современниками Эдмунда Гуссерля в силу интеллектуальной привычки и предрассудков традиции объективистской науки и философии.

* * *

В «Кризисе» четкого и однозначного определения понятия «жизненный мир» Э. Гуссерль так и не дает. Он постоянно возвращается к его описанию, характеристике, каждый раз проговаривая определенный аспект его ускользающей в лингвистической сфере сущности.

Жизненный мир — «мир чувственного опыта, постоянно предданный как нечто бесспорное и само собой разумеющееся»⁹.

⁷ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. С. 97.

⁸ Sokolowski R. Op. cit., p. 148.

⁹ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. С. 110.

«Жизненный мир есть царство изначальных очевидностей. Данное с очевидностью, в зависимости от того, идет ли речь о восприятии или воспоминании, есть познанное в опыте как «оно само» в непосредственном присутствии [Prasenz] или припомненное как оно само»¹⁰.

Как видно из приведенных фрагментов, одной из основных характеристик жизненного мира оказывается его очевидность, интуитивная (в декартовском смысле) ясность. Жизненный мир в своем «нормальном состоянии» не проблематизируется, то есть остается незамечаемым. Его тематизация происходит вследствие интеллектуального усилия, либо при встрече с таким феноменом, которого не было в прошлом опыте. Жизненный мир — не только сфера наличного восприятия, но и сфера памяти о прошлом опыте. Жизненный мир формирует память о прошлом; аподиктичность знания о прошлом становится наряду с аподиктичным знанием актуального чувственного опыта.

«Он (предданный мир — *К. Д.*) естественным образом заранее дан всем нам как отдельным лицам в горизонте нашей сочеловечности, т. е. в каждом актуальном контакте с другими, как «этот» мир, общий нам всем. Поэтому он образует постоянную почву значимости, всегда готовый источник само собой разумеющегося, которым мы без лишних разговоров пользуемся и как практические деятели, и как ученые»¹¹.

В этом определении подчеркивается важная характеристика жизненного мира — его интересубъективность, социальный характер. Пространство жизненного мира становится необходимым и неременным условием любой социальной интеракции, оно формируется каждым отдельным человеком и влияет на каждого человека, также выступая как подоснова других особых миров.

Таким образом, жизненный мир — область очевидной данности, универсум всего, что дано как само собой разумеющееся. Он оказывается основанием всякой другой особенной области, области науки, искусства и т. д. Жизненный мир существует не в статическом состоянии, он находится в постоянном становлении: приобретает новый опыт, который согласуется с уже имеющимся.

В определении жизненного мира в «Кризисе» Э. Гуссерль вносит определенную двойственность, или, как он сам называет, «парадоксальность».

¹⁰ Там же. С. 175.

¹¹ Там же. С. 167.

«Конкретный жизненный мир в одно и то же время образует почву, в которой коренится “научно истинный” мир, и объемлет в себе этот мир в своей собственной универсальной конкретности»¹².

Таким образом, с одной стороны, жизненный мир — мир донаучного опыта, в котором устранены все теоретические установки, благодаря ему становятся возможными все науки, теоретическое знание, другие особые миры. С другой стороны, жизненный мир включает в себя все науки и практики, достояние особых миров, исторический, социокультурный мир, все то, что со временем становится неотъемлемой его частью и транслируется от поколения к поколению. В широком понимании жизненный мир включает в себя все, что привнесено в него особыми мирами (все знают, что вещество состоит из молекул, атомов, существуют радиоволны и т. д.), и это становится очевидным, интуитивно ясным, как и аподиктические истины чувственного опыта. То есть, одним из основных свойств жизненного мира выступает *одомашнивание* — чуждость особенных миров интегрируется в домашность жизненного мира и становится такой же очевидной, как и исконные объекты, данные в естественной установке.

Эта логическая «парадоксальность» определения — причина, охватывающая следствие — объясняется различным пониманием жизненного мира. В более узком (онтологическом) понимании данное понятие отсылает нас к донаучному миру повседневного опыта, в более широком (трансцендентальном) жизненный мир предстает включающим в себя все особые миры¹³.

Мы должны принимать два мира и их противоречия — мир, в котором мы живем, и мир, описываемый наукой. Например, видя ложку, опущенную в стакан с водой, мы удивляемся ее неизломанной изломанности, и объясняем это явление физическим законом преломления, сущность которого для большинства нормальных людей заключается в самом названии этого закона. На этом примере хорошо видна «парадоксальность» жизненного мира — жизненного мира как противостоящего особому миру науки и жизненного мира, включающего в себя мир науки. В последнем случае, как правило, глубина и высота научного познания сводятся на уровень повседневного мышления, а сами научные понятия, категории, законы становятся симулякрами — означаемое остается невостребованным в повседневном мышлении.

¹² Там же. С. 179.

¹³ *Zahavi D.* Op. cit. P. 129–130.

Повседневность все сводит до обыденности: изломанность неизломанной ложки можно объяснять и действием духов, живущих в воде, и законом преломления — для повседневности это абсолютно безразлично. Повседневность не терпит только вопрошания, сомнения, чуждости, неопределенности.

Повседневность является важным компонентом жизненного мира. Повседневный мир как категория имеет меньший уровень обобщенности, чем жизненный мир. Повседневность — срез, слой, возможно наиболее значимый и для социального взаимодействия, и как тема социологического интереса.

«Повседневность — диспозиционный предикат, феномен, актуализирующийся в определенных условиях и неразличимый в других. Повседневность скрепляет собой разные типы сознания, деятельности и общения, существуя лишь в промежутках между ними»¹⁴.

Повседневность включает в себя конкретное содержание ментального опыта культуры (стереотипы, социальные представления, паттерны, убеждения, образцы социального действия), а жизненный мир — «синтетическое единство жизни сознания, его обусловленность горизонтом жизненно-практических условий темпорального синтеза, временной связи человека и мира в непосредственной данности бытия»¹⁵.

* * *

Структура жизненного мира определяется трансцендентальными априорными формами чувственности, пространством и временем.

«Мир — это пространственно-временной мир, и к его собственному бытийному смыслу как смыслу жизненного мира принадлежит («живая», а не логико-математическая) пространство-временность»¹⁶.

Интенциональные объекты жизненного мира имеют свою пространственно-временную структуру, упорядочивающуюся совершенно иными законами, отличными от законов мира объективных наук. Основанием для нее служит не привычная для нас геометрическая упорядоченность физических тел, используемая со времен Эв-

¹⁴ Касавин И.Т., Шавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон +, 2004. С. 414.

¹⁵ Кожевников С.Б. Эвристические горизонты концепции жизненного мира // Вопросы философии. 2008. № 11. С. 133.

¹⁶ Слинин Я.А. Трансцендентальный субъект: феноменологическое исследование. СПб.: Наука, 2001. С. 226.

клида, а пространственно-временные связи строятся вокруг «Я» по принципу релевантности и степени очевидности¹⁷. То есть, содержание жизненного мира — не совокупность всего мыслимого, пережитого, а совокупность значимых, релевантных вещей. В области жизненного мира находятся те объекты, которые имеют место в повседневной жизни, и даны постоянно. То, что встречается редко, происходит не часто, не становится достоянием жизненного мира, оно выходит на его периферию.

Степень очевидности также является важной характеристикой структуры жизненного мира. В жизненном мире может быть выделено по отношению степени достоверности — *аподиктическое/проблематическое* — аподиктическое ядро и проблемная оболочка¹⁸. Вокруг аподиктического ядра группируются те объекты, которые не вызывают никакого сомнения; чем «дальше» от этого ядра, тем больше возрастает проблематичность данных объектов. Конечно, невозможно четко очертить демаркационную линию, определяющую границу между аподиктическим ядром и проблематической периферией.

Личный жизненный мир существует аподиктически. Наиболее достоверным является то, что дано созерцанию в настоящий момент. Это может быть даже экстраординарный объект, при восприятии которого мы можем сказать «не верю своим глазам», но сам объект в интенциональном акте предстает сознанию аподиктически.

Часть жизненного мира, где возможны всяческие aberrации, — мир вторичной памяти. Память о прошлом опыте — это область не непосредственного созерцания, а поле проблематического знания. Несмотря на то, что область воображения, вторичной памяти не является аподиктической, тем не менее, истины этой области имеют непреложный характер, хотя данное воспоминание может и не соответствовать тому опыту, который был в момент восприятия. Кстати заметить, что соотношение воспоминаний и того, «как было на самом деле», фено-

¹⁷ Обычные для нашего новоевропейского научного сознания геометрические построения не могут передать пространственную структуру жизненного мира, хотя мы и пользуемся такими признаками, как ближе/дальше, больше/меньше и т. д., которые уже при упоминании предполагают некоторое измерение и количественное выражение. Но пространство жизненного мира, как и квазиреальность сна, имеет другое строение, чем геометрическая реальность математизированной природы. Поэтому мы должны понимать условность этих «измерений» и либо заключать их в кавычки, либо помнить о собственных предрассудках.

¹⁸ См.: *Слинин Я.А.* Указ. соч. С. 372.

менология может рассматривать только как соотношение изменения между непосредственным опытом и воспоминанием об этом опыте, то есть действовать только в пространстве восприятия, опыта. Сам объект, «так как он был на самом деле» — трансцендентная реальность, которая не может быть схвачена сама по себе.

В жизненном мире все его элементы предстают в созерцаемой форме, в чувственном восприятии, то есть в первую очередь как *тело*. Даже по преимуществу идеальный предмет предстает как физическое тело (например, при воспоминании о школьных годах в воображении предстает само здание школы или интерьер класса, образы конкретных людей — друзей, учителей и т. д.)¹⁹.

Жизненный мир как целостное и особенное явление характеризуется тем, что Гуссерль назвал *эмпирическим стилем*²⁰. Вещи привычного для нас жизненного мира, данные созерцанию, имеют свои «привычки», они всегда являются определенным образом, с определенной стороны. Все привычные вещи образуют целостность и воспринимаются в этой целостности, она становится залогом непроблематичного восприятия объектов. Эмпирический стиль объединяет в целостность интенциональные объекты не только в синхроническом плане при непосредственном созерцании, но и в диахроническом измерении, когда никакой объект не вырывается из привычного способа данности. Восприятие происходит не только в настоящем, но предполагает и наличное прошлое, и ожидаемое будущее.

Все предметы жизненного мира соотносены с трансцендентальным субъектом (как с отдельным человеком, так и с общностью, кото-

¹⁹ Социолог имеет дело с категориями, которые преимущественно не имеют телесности. Поиск этой «социологической телесности» становится особенно актуальным, когда возникает потребность графически изобразить социальную/социологическую сферы (например, эмблема, логотип организации), в случае социологии едва ли удастся схватить сущность интересубъективного, социального — оно не телесно. У физиков такой телесной воплощенностью их области знания выступает модель атома, у химиков — молекула или пробирка, психологи ограничиваются изображением человека или буквой *Ψ*, которые непосредственно отсылают к человеку, но не к его душе, а к физическому телу (буква пси не всегда прочитывается как первая буква греческого слова, которое обозначает душу). Благодаря такой эмблематизации особые миры получают надежный знак для собственного обозначения, используя коды доступного всем жизненного мира. В социологии эмблематика затруднена: сложно схватить телесную эманацию духа, изобразить телесную сущность социологии. Изображение нескольких людей и даже некоего множества не всегда дает ощущение социального, так как интересубъективное как целое превосходит сумму составляющих его частей.

²⁰ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. С. 50.

рую феноменология рассматривает как личность более высокой ступени). Поэтому одним из наиболее важных измерений жизненного мира выступает его *масштаб*, напрямую зависящий от субъекта. Этим субъектом может выступать как отдельный человек, так и все человечество, даже человечество в историческом плане. Очевидным следствием здесь будет выступать то обстоятельство, что чем меньше масштаб данного субъекта, тем больше вариативность равномасштабных данному субъекту других жизненных миров.

Жизненный мир определенного субъекта при встрече с другим жизненным миром получает измерение, своего рода шкалу — «*домашнее/чуждое*».

Посредством феноменологической редукции личное сознание становится трансцендентальным субъектом. В этом состоянии абсолютно достоверным является только лишь собственное сознание; этот методический прием феноменологии приводит к солипсизму, который становится необходимой ступенью для дальнейшего открытия интерсубъективного мира. Через аналогизирующую апперцепцию²¹ становится очевидной данностью наличие других таких же трансцендентальных субъектов, аналогичных, но не тождественных «Я». Данные трансцендентальные субъекты остаются трансцендентными друг для друга, так как сознание каждого непосредственно недоступно для сознания другого. Каждому трансцендентальному субъекту доступен непосредственно только собственный внутренний, имманентный мир. Данные опыта трансцендентальных субъектов согласуются в силу сходной психофизической структуры и коммуникации, что делает возможным появление общего для всех интерсубъективного мира, а отдельные субъекты образуют сообщество. Как замечает Я.А. Слинин: «При этом надо отдавать себе отчет в том, что именно стандартные поступки и взаимопонятные переживания делают сообщество монад реальным (а не лишь номинальным) сообществом»²². Важным стано-

²¹ Сам механизм аналогизирующей апперцепции описан достаточно подробно в «Картезианских размышлениях» [Гуссерль Э. Картезианские размышления. С. 213–251]. Суть ее сводится к тому, что из всех интенциональных субъектов трансцендентального опыта выделяется особый объект — собственная психофизическая структура. В дальнейшем во всей совокупности воспринимаемых феноменов выделяются в большей или меньшей мере подобные психофизические структуры — тело *там*, как противоположность собственному телу *здесь*. По интуитивному заключению аналогизирующей апперцепции становится ясным, что за подобной психофизической структурой скрывается подобный собственному трансцендентальный субъект.

²² Слинин Я.А. Указ. соч. С. 454.

вится вклад каждого отдельного члена общества, который определяет иерархию общего для всех интересубъективного мира.

Человеческое бытие, таким образом, проходит в трех мирах, или измерениях. Мир единичного «Я»; мир интересубъективного, достигнутого между людьми посредством одинаковых вчувствований — язык, коммуникация; особые миры, конститулируемые интересубъективно — мир физики, мир искусства и т. д.²³

Как следствие аналогизирующей апперцепции трансцендентальный субъект обнаруживает других трансцендентальных субъектов, имеющих собственный жизненный мир. Это также относится и к совокупному интересубъективному опыту социальной общности, который может встретить опыт другой общности.

Жизненный мир некой социальной общности определяется способом их совместного проживания — «жизненной общностью», как называет это Э. Гуссерль, или, как мы может это назвать, историческими социокультурными условиями. Домашний мир социальной общности — определенный горизонт аподиктических данностей, общий для всех отдельных монад этого сообщества монад. Сфера очевидного, как для отдельного человека, так и для общности, является результатом сложного переплетения как индивидуальной истории, так и истории культуры. Непонятное в домашнем мире имеет случайный характер; то, что регулярно выходит за рамки нормальностей «домашнего мира», может нарушить незыблемость собственных истин, оно расценивается как чуждое, ненормальное, шокирующее и т. п. Формирование домашнего жизненного пространства происходит в том числе и под влиянием чужого мира: либо принятие иного возможного способа данности, либо утверждение в своем собственном. Невозможно провести четкую границу между миром домашним и миром чужим. Жизненный мир имеет свою собственную структуру, основой которой являются ядро и периферия: периферийные области занимают промежуточное значение — уже не совсем домашние, но еще и не чужие.

Жизненный мир отдельной личности формируется не только благодаря наличию собственного опыта, но в большей части он обязан влиянию на него интересубъективного мира. Мир чужого опыта не просто остается чуждым и противостоящим собственному опыту, но интенциональные объекты чужого опыта вводятся в личную область

²³ *Ингарден Р.* Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 220.

воображаемых объектов посредством коммуникации, которая выступает неперенным основанием интересубъективности. Естественно, что статус их достоверности иной, чем достоверность собственного опыта.

Каждый человек (если он взрослый, здоровый и бодрствующий) имеет свой единственный жизненный мир, который мыслится и проецируется как *мир для всех*, только этот мир наделен субъективно значащими смыслами. В соотнесенности с жизненными мирами других происходит корректировка собственного жизненного мира.

В собственном жизненном мире не так много того, что является достоянием личного опыта; подавляющая часть — опыт других, который формирует жизненный мир, поэтому человек обречен жить в мифе как одном из возможных способ объяснения мира. Миф носит функциональный характер.

Очевидно, что в обратной зависимости находятся размер сообщества и общий интересубъективный опыт: чем больше сообщество, тем меньше мир общих интенциональных объектов, и наоборот, чем меньше сообщество, тем больше то общее пространство, которое разделяет данное сообщество. Сообщество с общим интенциональным миром, обладающее собственным уникальным коллективным жизненным миром, может быть выделено на различном основании (пол, место проживания, возрастная группа, сфера деятельности и т. д.). Общее в этих коллективных жизненных мирах образуется благодаря наличию сходного жизненного опыта, собственного набора интенциональных объектов, горизонта, в котором они располагаются. Социальная коммуникация между представителями одного сообщества осуществляется легче, чем с представителями другого.

Основной формой вхождения в домашний мир является подражание, приобретение у другого «привычных ориентаций». «Поскольку в домашний мир входят разные типы трансцендентальных субъективностей, можно выделить степень их участия в формировании «трансцендентально личностного характера» и различать типы их воздействия на формирование моих конститутивных систем»²⁴.

Домашний мир формируется как интересубъективная реальность; ее субъектом выступает не конкретный человек и не группа людей, а «средний человек», «человек вообще», то, что М. Хайдеггер назвал *das*

²⁴ Савин А.Э. Генезис трансцендентальной монадологии в работах «позднего» Гуссерля // Вопросы философии. 2009. № 8. С. 122.

Man. К этому «безличному человеку вообще» наиболее близки нормальные люди: взрослые, а не дети и не старики; «нормальные», а не люди с акцентуациями. Домашний мир дает всем в нем живущим с одной стороны чувство нормы, но и не абстрактную норму вообще, а конкретную, характерную для данного жизненного мира. Норма формируется конкретными людьми, целыми поколениями, становится культурой, транслируется от поколения к поколению и получает в итоге автономный статус, становится надындивидуальной реальностью, формирующей людей. Как привычка, перерастающая в навык, (*habitus*) сперва зависит от человека, а затем человек начинает зависеть от нее. Это же относится и к норме.

Для жизненного мира различного масштаба (от личности до человечества) можно выделить три *исторических измерения*:

1. «Естественная историчность» — унаследование системы нормальностей собственного домашнего мира.

2. Политическая историчность — усвоение системы нормальностей чужого мира с формированием новой, собственной системы нормальностей.

3. «Историчность-связанная-с-разделением труда» — воздействие особых миров на жизненный мир посредством «втекания» и «вмешивания»²⁵.

Выделенные способы организации жизненного мира можно рассматривать как идеальные типы, так как возможны смешанные влияния.

Помимо альтернативных жизненных миров на конкретный жизненный мир может оказывать влияние особый мир. Э. Гуссерль выделяет два способа такого влияния:

1. «Вмешательство» — сознательная экспансия феноменов особых миров на жизненный мир (пропаганда, идеология, PR и т. д.)

2. «Втекание» — незаметное воздействие, плавная интеграция феноменов, способов мышления, норм, ценностей особых миров в жизненный мир (формирование закрытого сознания в авторитарном государстве).

Область жизненного мира впитывает в себя аподиктические области других особых миров (науки, искусства и т. д.), принцип отбора этих истин заключается в том, что наиболее востребованным оказыва-

²⁵ Савин А.Э. Концепция историчности жизненного мира в трансцендентальной феноменологии Эдмунда Гуссерля // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 127–139.

ется более всего пригодное для повседневной практики (по диагонали идти быстрее, чем обходить прямоугольное по периметру и т. д.).

* * *

Жизненный мир в трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля имеет большой эвристический потенциал — горизонт исследовательских практик, так как область научного поиска, которая раньше не принималась в расчет объективистской наукой, стала тематизирована.

В «Кризисе» обозначено важное положение, оказавшее сильное влияние на развитие философской герменевтики в XX в.:

«<...> жизненный мир — «мир для всех нас» — это то же самое, что и мир, о котором все могут говорить. Каждая новая апперцепция посредством апперцептивного переноса по существу ведет к новой типизации в рамках окружающего мира, а через общение — к новому названию, которое сразу же вливается во всеобщий язык. Поэтому мир всегда уже допускает эмпирически всеобщее (интерсубъективное) истолкование, и при этом может быть истолкован в языке»²⁶.

Поэтому язык и дискурс могут стать основным предметом гуманитарных наук — эту идею развивали М. Хайдеггер и Х.-Г. Гадамер.

В гуманитарных науках в XX в. отдельные исследователи использовали категорию «жизненный мир», заостряя в ней тот или иной аспект, который становился основным предметным полем в собственных теоретических построениях. А. Шюц в развитии собственного феноменологического направления социологии особое внимание уделял интерсубъективности жизненного мира. П. Бергер и Т. Лукман концентрировались на институционализации жизненного мира посредством экстернализации, интернализации и реификации²⁷. Ю. Хабермас развивал идею жизненного мира, и в онтологическом понимании — как мира невербализируемых пресуппозиций, благодаря которому становится возможной коммуникация; и в трансцендентальном понимании — как взаимодействие жизненного мира и системы, колонизацию первого второй.

²⁶ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. С. 279.

²⁷ См.: Шульга А. Типология понятийно-категориального аппарата феноменологической социологии // Социология: Теория, методы, маркетинг. 2009. № 4. С. 59–60.

«Жизненный мир» — слишком объемное понятие и, возможно, не сугубо социологическая категория, так как может стать предметом изучения и психологии, и культурологии, и других гуманитарных дисциплин. Из-за этого обстоятельства исследование жизненного мира иногда относят к протосоциологии. Конкретное социологическое исследование не может охватить весь жизненный мир в его разнообразии, здесь могут быть изучены только некоторые аспекты жизненного мира. Поэтому правомерными оказываются попытки уточнения понятийно-категориального аппарата и заужения «жизненного мира» до «малого социального жизненного мира» (small social life-world) в современной немецкой социологии²⁸. Под малым социальным жизненным миром понимается индивидуальный мир, фрагмент жизненного мира со своей собственной структурой, внутри которого опыт формируется в соответствии с особым интересубъективным запасом знаний, для определенных социальных целей.

* * *

Выход трансцендентальной феноменологии в область социологии обозначен Э. Гуссерлем уже в «Картезианских размышлениях»: он пишет, что важной областью исследования является изучение «социальных актов».

«Тщательно изучить эти акты в различных их формах и на основе полученных результатов прояснить в трансцендентальном смысле сущность всякой социальности»²⁹.

Программа феноменологии сводится к обращению «к самим вещам», вещам как телесным, так и духовным, в интерпретации и описании их смысла. Задачей исследования жизненного мира становится тематизация непроблематичного для достижения подлинного понимания. В пространство жизненного мира попадают те явления социокультурной реальности, которые воспринимаются как данность, непосредственно, в обыденном опыте, и поэтому достаточно сложно поддаются теоретической экспликации. С одной стороны, артикуляция жизненного мира затруднена ограниченностями языка (не каждый опыт и практика имеют адекватное им лингвистическое выражение, и не все

²⁸ Flick, U.; Kardorff E. von; Steinke I. (eds). A Companion to Qualitative Research. London: Sage, 2004. P. 70–71.

²⁹ Гуссерль Э. Картезианские размышления. С. 252.

ощущаемое предполагает вербализацию); с другой стороны, сам феноменолог должен совершить эпохэ, отстраниться от реалий жизненного мира, который, возможно, является для него общим с информантом.

Ж.-Ф. Лиотар так резюмирует задачу и смысл гуманитарных наук: «Мы никогда не подходим к человеческому проявлению, т. е. к поведению, не спросив относительно его следующее: что оно значит? Истинный метод гуманитарных наук не состоит в том, чтобы сводить поведение и смысл, который оно несет, к условиям и разлагать его на эти условия, а в том, чтобы ответить в конце концов на указанный выше вопрос, используя эксплицитно обусловленные данные, полученные с помощью объективных методов. Поистине объяснять в гуманитарных науках означает заставить понимать»³⁰.

Задача феноменологического изучения жизненного мира — осознание неосознаваемого в повседневной практике. Феноменология в социологии благодаря редукции должна реинтерпретировать имеющиеся знания и подорвать их очевидность. Для того чтобы жить и действовать в обществе, совершенно не обязательно отдавать себе отчет в том, как это общество устроено, почему я автоматически поступаю так, а не иначе, нужно просто поступать, а не рефлексировать над поступками. Кстати, все задумывающиеся над устоями общества потенциально несут угрозу для функционирования этого общества — случай задумавшейся сороконожки. Повседневность не терпит сомнения, так как последнее парализует повседневную практику; жизненный мир и его истины в своем повседневном измерении используются только функционально, то есть для решения конкретных задач. Область воспоминаний и относящиеся к ней истины востребуются постольку, поскольку она необходима в практике. Иногда благодаря практике обнаруживается ошибка: тогда пересматриваются непроблемные истины, до этого воспринимаемые аподиктически, и упорядочиваются заново для ликвидации проблематичности...

Феноменология, обозначенная Э. Гуссерлем как «истинный и подлинный» рационализм, целью которого выступает построение адекватного и надежного знания, остается актуальной и сегодня, после постмодернистского релятивизма.

³⁰ Лиотар Ж.-Ф. Феноменология. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ. СПб.: Алетейя, 2001. С. 90.

О.Б. Божков

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: О ПРИМЕНЕНИИ «ТЕОРИИ ПРАКТИК»¹

Аннотация. При рассмотрении извечной проблемы социологии «Человек и общество» можно выделить две радикальные позиции. Первая состоит в том, что доминантой в этой паре является общество, т. е. силы, внешние по отношению к человеку. В соответствии с альтернативной позицией в этой паре доминирует Человек, ибо только он обладает потребностями и интересами, которые требуют удовлетворения. В процессе удовлетворения своих потребностей люди порождают правила согласования различных интересов и совместного общежития, т. е. общество. Но ни одна из этих позиций не приводит к убедительному ответу на такой вопрос: «Как возможны социальные изменения?»

Поиск ответа на этот вопрос, а также на вопросы о том, что вызывает социальные изменения и каковы их механизмы — задача исследовательского проекта «Биография человека и история общества: взаимодействие в процессе общественных трансформаций», в рамках которого подготовлена настоящая статья. Статья посвящена уточнению определений и попытке операционализации ключевых понятий «теории практик», опыту построения типологии практик как рабочего инструмента для анализа биографических нарративов. Заключительная часть статьи представляет иллюстрацию применения этого инструмента к анализу реального биографического текста.

Ключевые слова: жизненные ситуации, практики, социально-культурные изменения, актуальные общественные условия, биография человека, жизненный мир

Введение

Способ понимания социальной реальности через анализ «жизненных историй» (“life stories”) имеет уже достаточно солидную традицию. За последние годы это понимание обогатилось и само обогатило такие направления современных социальных и гуманитарных наук, как феноменология, структурная лингвистика и др. Сегодня исследователи с полным основанием говорят о «ренессансе биографического метода» (И.В. Голубович. Язык «историй жизни» и ренессанс биографического метода, 2007).

Исследование биографических текстов, представляющих истории жизни обычных людей, позволяет отслеживать разные аспекты

¹ Статья представляет теоретико-методологический раздел подпрограммы «Биография человека и история общества: взаимодействие в процессе общественных трансформаций».

социально-культурных изменений на уровне повседневности в достаточно большой исторической ретроспективе². Явления фрагментарности, гибкости, «включения—исключения» и других относительно новых форм разнообразных социальных процессов (миграции, культурной и социальной адаптации и т. д.) обнаруживают определенную типичность. Тем самым они объективируют индивидуальные жизненные образцы, приобретающие социальное значение, и превращают субъективное в интересубъективное.

Общество — это специфическое образование, несводимое к механической совокупности людей. Утверждения же о том, что люди «творят» общество, правила общежития в своей повседневной жизни «здесь и сейчас», нельзя воспринимать буквально. Даже самое внимательное сиюминутное наблюдение не позволит выяснить, каковы механизмы социально-культурных трансформаций, и тем более построить теорию, объясняющую эти механизмы.

По этой причине мы предлагаем такую концептуальную схему исследования, которая указывает, какие основные понятия требуют и уточнения, и операционализации — с тем, чтобы эмпирическое изучение механизмов формирования практик стало возможным. Затем, очертив теоретический ландшафт настоящего проекта, обсудим возможный опыт/пример построения типологии практик (в нашем понимании). Эта эмпирическая типология может выполнять функции рабочего инструмента, предназначенного для выделения из контекста биографических нарративов и описания реальных практик.

Концептуальная схема исследования

В самом общем виде концептуальная схема исследования выглядит следующим образом (Рис. 1). Жизненный мир человека «вписан»

² Здесь вряд ли годятся традиционные методы (в частности, анкетных опросов). Использование интервью возможно, но этот метод часто не приводит к искомым результатам по той причине, что люди, во-первых, не очень внимательны к своей повседневной жизни (в силу ее обыденности, рутинности), а, во-вторых, человеческая память — не очень надежный и плохо изученный инструмент. Для решения данной исследовательской задачи необходимо отслеживать длинные временные периоды. Поэтому мы обратились к личным документам, таким как автобиографии, семейные хроники, дневники, письма и т. п., т. е. к таким, в которых индивиды самостоятельно описывают и оценивают реальные практикуемые ими формы поведения и свои представления о должном и/или запретном, полезном и/или бесполезном.

в историю общества³ и разворачивается в пространстве этой истории⁴. Биография — реальный жизненный путь человека во всей его (пути) конкретике обусловлен, с одной стороны, историей общества, а, с другой стороны, — его собственным, им самим (человеком) выстроенным, жизненным миром. Биография состоит из жизненных событий⁵ и рутины, обыденности-повседневности. И события, и повседневность в свою очередь включают в себя разнообразные практики. Характер и содержание поведенческих практик являются своеобразной реакцией на актуальные в каждый данный момент общественные условия.

Непосредственным предметом нашего исследования является связь практики и актуальных общественных условий (на рисунке это обоюдоориентированная стрелка). Именно эта связь скрывает за собой механизмы формирования практик.

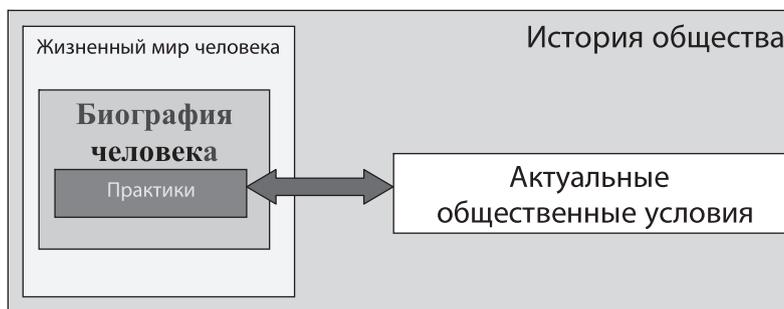

Рис. 1. Концептуальная схема проекта

³ Под «историей общества» мы понимаем естественное историческое течение жизни общества, а вовсе не то, что пишут историки. Реальная жизнь людей (здесь и сейчас) определяется отнюдь не античностью или средневековьем (хотя и это также существенно), но относительно близкой, актуальной «историей», которая охватывает жизнь двух-трех (максимум — четырех) поколений, которые прочно удерживаются в памяти ныне живущих людей.

⁴ Конечно, на формирование жизненного мира личности оказывает существенное влияние его социальное окружение, его референтные группы, господствующие в данном обществе идеологии и локальные групповые идеологические установки, и многое другое. Однако в принципиальной схеме невозможно (да и не нужно) учесть все детали.

⁵ События в данном контексте — это изменения условий и обстоятельств жизни человека. Это как раз те случаи, когда эффективные действия требуют адаптации и либо формирования новых (индивидуальных) практик, либо обучения, т.е. освоения существующих, но до сих пор неизвестных данному индивиду практик.

Теоретический ландшафт исследования

Ключевые понятия, лежащие в основе представленной концептуальной схемы, фигурируют в целом ряде современных теоретических конструкций, таких как:

- Теория социального действия (*М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Мертон*)
- Теория жизненного мира (*Э. Гуссерль, А. Шюц и др.*)
- Теории повседневности (*Ф. Бродель, А. Шюц, П. Бурдьё и др.*)
- Теория фреймов (*И. Гофман*)
- Теория конструирования социального (*Т. Лукман, П. Бергер и др.*)
- Теория практик (*восходящая к Аристотелю, Платону, см. также П. Бурдьё, Э. Гидденс и др.*)

Было бы неверно думать, что все перечисленные теории будут прямо использованы в нашем проекте. Скорее, они образуют теоретическое и ментальное поле, в рамках которого активно используются важные для нас понятия. Все названные теории, — что существенно — акцентируют внимание на проблеме взаимодействия человека и общества, на месте и роли человека в обществе, на степенях свободы, которыми человек располагает.

Едва ли стоит повторять, что наиболее популярными сегодня являются теории повседневности. В исторической науке разрабатывается своя концепция повседневности (*Ф. Бродель, М. Блок и др.*), в социологии — своя (*А. Шюц, П. Бурдьё*). Отечественные авторы также уделяют этим концепциям много внимания. Причем это не только пересказы и интерпретации работ западных авторов, но вполне оригинальные разработки⁶.

Различия и взаимодополняющий характер двух теорий, «практики» и «фреймов», детально проанализированы в объемной статье В. Вахштайна⁷. Повседневности противопоставляется не-повседневность (т. е. в нашей лексике — рутине, обиходу противопоставляются события).

⁶ См., например, *Сыров В.Н.* О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) // *Личность. Культура. Общество.* 2000. Т. 2. Спец. выпуск. С. 147–159; *Вамбольдт Н.В., Шубина М.П.* Повседневность в истории // Электронный научный журнал «Вестник Омского государственного педагогического университета». Вып. 2006. URL www.omsk.edu; *Пушкарева Н.* История повседневности. URL http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/ISTORIYA_POVSEDNEVNOSTI.html; *Звоновский В.Б.* Социология пространства повседневности: монография. Самара: Изд-во Самарский университет, 2009.; *Касавин И.Т., Щавелев С.П.* Анализ повседневности // Современная философия. М.: Канон+, 2004.

⁷ *Вахштайн В.* «Практика» vs «фрейм»: альтернативные проекты исследования повседневного мира // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 65–95.

Замечательно, что перечисленные выше теории «перекликаются» друг с другом. Они используют одни и те же понятия. В теории жизненного мира непременно присутствуют «социальные ситуации», «социальные действия», «ценности» и «ценностные ориентации». Т. е. те понятия, без которых никак не обойтись и теории социального действия, и теории конструирования социального. Это, действительно, единое теоретическое пространство, в котором каждая теоретическая конструкция находит свой специфический ракурс. Однако представляется, что важнее обнаружить общее, взаимодополняющее в этих теориях, нежели специфические различия и противоречия.

Для нас наиболее интересен собственно следующий вопрос: зачем понадобилось вводить само понятие «практики»? В значительной степени это вызвано «размытостью», неудовлетворительной эмпирической (не)верифицируемостью понятий «действие», «социальное действие», «деятельность». Хотя бы потому, что эти понятия обозначают «атомарные» поведенческие акты (слово, активно используемое Т. Парсонсом в его теории социального действия). В то время как в реальной жизни, в том числе в повседневности, для достижения определенного эффекта (неважно, сохранения ли status quo или какого-либо достижения) мы совершаем неразрывные цепочки действий (вряд ли здесь уместно использовать словосочетание «система действий»). Эти цепочки могут быть «короткими» и «длинными», но в любом случае это не отдельные (не атомарные) поведенческие акты. Понятие «практики», на наш взгляд, позволяет преодолеть это неудобство.

В книге «Методологический анализ в социальном исследовании»⁸ Валерий Голофаст провел детальный анализ доминирующих в то время (80-е гг.) социологических теорий деятельности (он назвал их Ц-теории и Ф-теории⁹) и убедительно показал, что и та, и другая работают лишь в ограниченном диапазоне. Дело в том, что далеко не все действия людей определяются целеполаганием: многие действия вообще не рефлексированы, но совершаются «автоматически», стереотипно.

⁸ Голофаст В. Б. Методологический анализ в социальном исследовании / под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1981. С. 101–164.

⁹ В рамках Ц-теорий всякое действие рассматривается как имеющее определенную цель, тогда как в рамках Ф-теорий всякое действие воспринимается как функциональное, вне зависимости от того, осознается ли цель этого действия актором.

К теории практик: уточнение понятий

В самом общем виде механизм формирования практик можно схематически отобразить следующим образом:

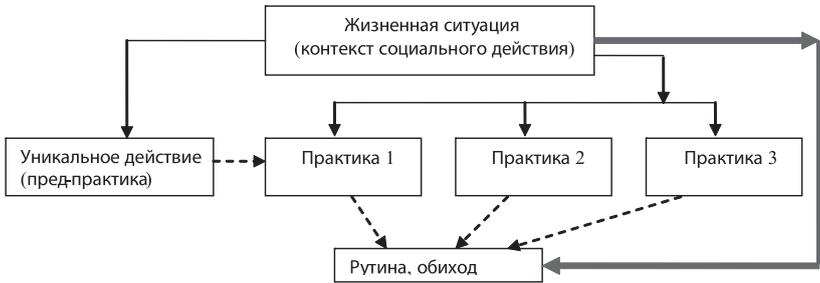

Рис. 2. Схема формирования практик

Что такое жизненная ситуация? Понятие ситуации применительно к деятельности человека введено в научный оборот довольно давно. «Ситуация — категория, вводимая для исследования контекстуализации человеческого взаимодействия. Предложенная в философии прагматизма, она переходит в социологию Чикагской школы, где детально разрабатывается Уильямом Томасом, а затем становится одним из центральных понятий символического интеракционизма»¹⁰. Оно активно используется Т. Парсонсом в его теории социального действия как один из важных элементов акта действия: «акт» предпринимается в «ситуации», направление развития которой в одном или нескольких отношениях кардинально отличается от того положения вещей, на которое ориентировано действие, т. е. от цели. Эта ситуация в свою очередь может анализироваться с помощью двух типов элементов: тех, которые актер не может контролировать, т. е. тех, которые он не может изменить или тех, изменения которых, противоречащие его целям, он не может предотвратить, — с одной стороны, и тех, которые он может контролировать, — с другой. Для первых можно использовать термин «условия» действий, для вторых же — «средства»¹¹. Жизненная ситуация — в контексте наших рассуждений — это целостный комплекс рутинных социальных взаимо-

¹⁰ Вахштайн В. Указ. соч. С. 80.

¹¹ Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. С. 95.

действий в конкретных условиях повседневной реальности. В качестве примера можно привести такие ситуации: «продовольственные покупки», «покупки промтоваров», «знакомство», «коммунальные платежи». Существенно и то, что сами по себе жизненные ситуации надындивидуальны и образуют как бы общую рамку (фрейм), в которой осуществляются поведенческие акты или практики. Подавляющее большинство метаконтекстуальных ситуаций так или иначе «прописаны», артикулированы в культуре, культурно маркированы и описывают наличные (реально существующие) и заданные обществом конкретные условия жизни.

Естественно, для нас ключевым моментом при рассмотрении ситуаций является их второй (по Т. Парсонсу) элемент, т. е. *средства*, с помощью которых индивиды по-разному разрешают эти общие для всех ситуации. Именно в этом элементе жизненной ситуации у индивида имеется возможность выбора и проявления отношения к общим для них условиям: от полного принятия (и подчинения этим условиям) до полного их отвержения и попытки их (условия) изменить в свою пользу. Это и есть либо уникальное действие (случай), либо практика. Любая практика также культурно маркирована, т. е. «освящается» культурой.

Жизненные ситуации для конкретного индивида в подавляющем большинстве случаев выступают в качестве тех, «которые он не может изменить или тех, изменения которых, противоречащие его целям, он не может предотвратить» (т. е., по Т. Парсонсу, в качестве «условий действия»). Целесообразно разделять метаконтекстуальные и конкретные ситуации, т. е. учитывать масштаб этих ситуаций. Одни распространяются на всех членов общества (жителей страны), например, войны, революции, федеральные законы и т. п.; другие имеют принципиально локальный характер разных уровней, например, законодательные акты субъектов федерации (если они не противоречат федеральным), стихийные бедствия, характер и уровень миграционных процессов и т. п.

В то же время общесоциальные условия по-разному предстают для людей. Одно дело, когда та или иная территория оказывается оккупированной врагом; другое — когда она является полем прямых военных действий; третье — когда территория квалифицируется как «глубокий тыл». В общесоциальном (для данного общества глобальном) смысле это одна и та же ситуация — война. На локальном уровне это три разные ситуации, каждая из которых порождает существенно различные

поведенческие практики. Но и на «глобальном», и на «локальном» уровнях это можно назвать актуальными общественными условиями (и эти условия оказываются внешними по отношению к любому конкретному человеку).

Ряд примеров ситуаций можно продолжать практически бесконечно, ибо набор возможных жизненных ситуаций чрезвычайно велик. В своей жизни каждый человек сталкивается лишь с ограниченным кругом таких ситуаций. Но те, с которыми он имеет дело, органично вплетены в структуру повседневности и, как правило, хорошо ему знакомы. Действие в метаконтекстуальных ситуациях вполне обыденно и рутинно (см. жирную стрелку на рис. 2). Картина меняется, когда человек сталкивается с новой для него конкретной ситуацией. А это случается, прежде всего, когда изменяется первый элемент «ситуации», т. е. условия, когда происходят изменения окружающей обстановки; в периоды значительных общественных изменений, или когда он попадает в иную культурную среду. В таких условиях человеку приходится искать (часто наугад, вслепую или актуализируя весь свой жизненный опыт) новые формы и способы поведения (действия) — опять-таки, иные «средства» или ресурсы. На схеме эта ситуация обозначена как «уникальное действие» (case).

Если это (уникальное) действие (поведение) оказывается эффективным (адекватным новой ситуации), при следующих столкновениях с аналогичной ситуацией именно оно, вероятнее всего, будет воспроизводиться. Таким образом, «практика» воспроизводима, ею можно «поделиться» с другими, «передать свой опыт».

Заметим также, что уникальные действия (с разной степенью глубины) всегда оказываются осмысленными, «практики» также осмысленны, а вот рутинные, обыденные действия «свободны» от рефлексии, они совершаются как бы автоматически на уровне стереотипов.

В отличие от рутинных, за уникальными действиями и «практиками» стоит осознаваемая актором определенная целевая функция. Многократно «оправдавшие себя» практики обычно «отрываются» от осознанных целевых функций, реализуются как бы автоматически, т. е. переходят в разряд рутинных действий. Иными словами, «практики» — явление переходное или временное, но именно они (практики) обеспечивают трансформации самой повседневности и порождают новые жизненные ситуации. Можно также сказать, что «практики» — это инструмент адаптации к изменяющимся условиям жизни или механизм поведенческих инноваций.

Уточним теперь (конкретизируем) определение этого понятия. **Практика — способ освоения (приспособления, адаптации) актуальных условий жизни или же способ «обхода» (уклонения) от них, или же способ изменения этих условий.**

Практики складываются (формируются) преимущественно методом проб и ошибок и являются генерализацией «удачных случаев» освоения, приспособления или преобразования (или переопределения) актуальных жизненных условий (*Уильям Томас*¹²).

Рассмотрим вариативность практик в наиболее простых и распространенных жизненных ситуациях. Жизненная ситуация «**продовольственные покупки**» — типичная, можно сказать, рутинная операция. Однако разные люди используют различные практики (тактики или стратегии) для разрешения этой ситуации.

Практика № 1. Когда я обнаруживаю, что в холодильнике нет сливочного масла, например. Я смотрю, чего еще в доме нет, и иду в ближайший продовольственный магазин, где покупаю все, что в данный момент необходимо. И эта картина повторяется каждый раз, если жена с утра не вручила мне список того, что надо купить по дороге с работы.

Практика № 2. Каждую субботу (или пятницу) мы с женой едем в «Ленту» или в какой-либо другой супермаркет и делаем закупку продуктов на всю неделю. Так что после возвращения домой наш огромный холодильник оказывается забит до отказа¹³.

Жизненная ситуация «**покупка промтоваров**» также весьма распространенная, хотя, может быть, и не столь регулярная, как покупка продовольствия.

Практика № 1. Выбираю (или специально «выкраиваю») более или менее свободное время и еду по магазинам искать необходимый товар. Начинаю с хорошо знакомых мне магазинов, потом в сферу поисков включаю другие адреса.

Практика № 2. Беру соответствующий справочник или телефонную книгу, начинаю обзванивать магазины и выяснять, есть ли у них в наличии интересующий меня товар. Если в магазине практикуют такую услугу, как предварительный заказ, то прибегаю к этой услуге,

¹² Стоит вспомнить его известный афоризм, который Р. Мертон назвал теоремой Томаса: «Если ситуация определяется как реальная, она реальна по своим последствиям».

¹³ Понятно, что для реализации практики № 2 в городе должны быть супермаркеты, а у нас с женой — машина. Хотя на такой случай можно воспользоваться и такси.

а затем в удобное для меня время еду в этот конкретный магазин и получаю искомое.

Практика № 3. Включаю компьютер, захожу в Интернет, обращаюсь на сайт той фирмы, продукт которой для меня более предпочтителен, выясняю, имеется ли в наличии этот продукт. Оправляю ссылку на него в «корзину» и оформляю заказ, в том числе выбираю удобную для меня форму доставки. Через какое-то (весьма короткое) время получаю сообщение, что мой заказ принят, и номер своего заказа. Еще через какое-то время мне звонит менеджер по продажам интернет-магазина и сообщает, когда и во сколько мне доставят мой товар (естественно, доставка что-то стоит), или когда и куда мне надо придти за моим товаром¹⁴.

Жизненная ситуация «знакомство»

Практика № 1. Если я робок и не очень общителен, прошу лучшего друга познакомить меня с достойной девушкой. Или доверяюсь маме.

Практика № 2. Хожу на танцы, в клубы, дискотеки (возможны и другие публичные места), где больше шансов познакомиться с девушкой.

Практика № 3. Обращаюсь в брачное агентство или в клуб знакомств. Соответственно, предоставляю необходимые сведения о себе, составляю «словесный портрет» идеальной или близкой к идеалу партнерши (внешние данные, черты характера, желательные или нежелательные навыки и умения) и т. п. Жду, когда мне предложат какие-либо варианты.

Практика № 4. Включаю компьютер. Захожу в Интернет на соответствующий сайт, нахожу более или менее подходящего партнера и пытаюсь завязать с ним (конечно, с ней) контакт.

Как видим, одну и ту же жизненную ситуацию (задачу) можно решить несколькими разными способами. Понятно, что выбор (или поиск методом проб и ошибок) той или иной из «теоретически» возможных практик — существенная характеристика актора, в том числе и свидетельство о его социальном статусе¹⁵.

¹⁴ Соответственно, для реализации этой практики необходимо иметь компьютер, доступ в Интернет и, конечно, уметь всем этим пользоваться.

¹⁵ Кстати, именно статус, занимаемый индивидом, во многом определяет конфигурацию актуальных практик и способствует их смене.

Жизненный мир человека — совокупность жизненных практик, образующих целостную систему. Это понятие корреспондирует с понятием образа жизни, но представляется более широким, ибо не ограничивается только «внешними» проявлениями. Жизненный мир включает в себя, как неотъемлемый элемент, систему отношений и к условиям жизни, и к собственной позиции в этом мире.

Напомним, что хорошо освоенные практики «переходят» со временем в рутину и обиход (в полном смысле слова приобретают статус нерerefлексивной повседневности).

Опыт построения типологии практик

Взяв, исходя из концепции Т. Парсонса, за основу всего две характеристики: 1) ориентацию практик на сохранение status quo или на изменение (восприятие условий) и 2) характер доминирующих средств: традиционные или инновационные¹⁶ (выбор средств), построим простую типологию (см. таблицы 1–3).

Таблица 1

Типология повседневных практик¹⁷

	Традиционные практики	Инновационные практики
Приспособительные практики (сохранение)	<i>Простое воспроизводство «выживание»</i>	<i>Трансформация</i>
Мобилизационные практики (достижение)	<i>Расширенное Воспроизводство</i>	«Прорыв»

Используя приведенные выше условные примеры практик, предпримем попытку заполнить эту типологическую таблицу «эмпирическими» данными.

¹⁶ Под «традиционными» в данном контексте будем понимать привычные для человека и общепринятые действия. «Инновационными» будем называть такие действия, которым человек учится от других или «изобретает» самостоятельно, т. е. необычные для него.

¹⁷ Здесь нет претензии на исключительную корректность названий типов. Над этим еще можно и нужно поработать.

Таблица 2

Типологизация практик в рамках жизненной ситуации
«покупка промтоваров»

	Традиционные практики	Инновационные практики
Приспособительные практики (сохранение)	<i>Практика № 1.</i> Выбираю более или менее свободное время и еду по магазинам искать необходимый товар	-
Мобилизационные практики (достижение)	<i>Практика № 2.</i> Беру соответствующий справочник или телефонную книгу, начинаю обзванивать магазины и выяснять, есть ли у них в наличии интересующий меня товар, еду в этот конкретный магазин	<i>Практика № 3.</i> Обращаюсь на сайт соответствующей фирмы, выясняю, имеется ли в наличии этот продукт. Оправляю ссылку на него в «корзину» и оформляю заказ, в том числе выбираю удобную для меня форму доставки

Таблица 3

Типологизация практик в рамках жизненной ситуации «знакомство»

	Традиционные практики	Инновационные практики
Приспособительные практики (сохранение)	<i>Практика № 1.</i> Если я робок и не очень общителен, прошу лучшего друга познакомить меня с достойной девушкой. Или доверяюсь маме	<i>Практика № 3.</i> Обращаюсь в брачное агентство или в клуб знакомств. Соответственно, предоставляю необходимые сведения о себе, составляю «словесный портрет» идеальной или близкой к идеалу партнерши (внешние данные, черты характера, желательные или нежелательные навыки и умения) и т. п. Жду, когда мне предложат какие-либо варианты
Мобилизационные практики (достижение)	<i>Практика № 2.</i> Хожу на танцы, в клубы, дискотеки (возможны и другие публичные места), где больше шансов познакомиться с девушкой	<i>Практика № 4.</i> Включаю компьютер. Вхожу в Интернет на соответствующий сайт, нахожу более или менее подходящего партнера и пытаюсь завязать с ним (конечно же, с ней) контакт

Кроме того, практики могут быть квалифицированы как социально неприемлемые (асоциальные), противоречащие нормам общезнания, нейтральные или социально поощряемые.

Заметим, что предложенная типология (классификация) не содержит ни оценочных суждений, ни морализаторства. Практики, ориентированные на сохранение (можно было бы их назвать консервативными), ничем не хуже и не лучше практик, ориентированных на достижение и на мобилизацию. Важны и необходимы и те, и другие.

Предлагаемые определения и подход к понятиям «жизненная ситуация» и «практики» могут оказаться полезным инструментом структурирования и анализа не только биографических текстов, но и законодательных актов. Последние часто выполняют в нашей жизни функцию метаконтекстуальных ситуаций, порождающих новые практики, т. е. ведут к существенным трансформациям в жизни как отдельных людей, так и всего общества.

Опыт применения типологии к биографическим нарративам

То, что просто и красиво «в теории», оказывается отнюдь не просто в эмпирии. Переход к анализу эмпирических данных требует дополнительной (в том числе и понятийной) работы. Во-первых, выясняется, что анализ может быть реализован в несколько «шагов», по меньшей мере, требуется разработка двух или трех процедур (или уровней методического решения).

1) *Процедура выделения фрагментов текста*, содержащих описание «жизненных ситуаций». Сами ситуации именовать и описывать относительно нетрудно. Проблема в том, что в это описание нераздельно вплетаются и описания «цепочек действий» акторов (практик). А это значительно осложняет 2) *описание и структурирование последних*. Если для описания элементарных действий существуют разработанные переменные и схемы, то пока не совсем ясно, по каким схемам следует описывать практики. 3) Необходимо найти *критерии квалификации практик* в качестве «сохранительных» или «достижительных». А также средств достижения цели: традиционных или инновационных (новаторских).

Наконец, даже в объемных биографических нарративах подчас удастся выделить не так уж много фрагментов, которые можно квалифицировать как практики.

В конкурсе биографий под девизом «Жить в эпоху перемен» победительницей была признана биография Инны Васильевны¹⁸. На фраг-

¹⁸ Биография, поступившая на биографический конкурс «Жить в эпоху перемен» под псевдонимом Инна Васильевна. Биографический фонд. Ед. хран. № 244.

ментах этой биографии проиллюстрируем методические проблемы, которые возникают при анализе эмпирических (качественных) данных, а также возможности описанной выше типологии практик.

Ситуация 1 — «Сохранение жилья»¹⁹

...Пока же решила съездить к родителям. Тут же появилась проблема — как оставить квартиру. В юридической консультации мне объяснили, что если я уезжаю из города на срок более 6 мес., то хоть я и прописана в квартире, а, если найдутся злобные соседи и докажут мое отсутствие, то я потеряю квартиру. Научили люди добрые, как надо действовать, чтобы этого не случилось. Каждый 6 месяцев я должна появиться в городе и «наследить», т. е. сходить в сберкасса и положить или взять деньги, чтобы были неоспоримые доказательства моего присутствия в городе. И прочее в том же духе. И начала я мигрировать каждые 6 месяцев между Мурманском и Новокузнецком с остановкой в Ленинграде, часто вместе с внучкой»²⁰.

Ситуация действительно стандартная. Нестандартно здесь лишь то обстоятельство, что информант оказалась «грамотной» и выяснила «детали» этой стандартной ситуации в юридической консультации, а также у «добрых людей». Таким образом, верифицируется наличие целевой установки в последующих действиях информанта. В этом фрагменте косвенно констатируется факт сознательного построения длинной цепочки действий, а также многократность воспроизведения этой цепочки. Таким образом, мы имеем основания утверждать, что имеем дело именно с практикой.

Эту практику можно квалифицировать как «сохранительную» с точки зрения целевой функции, о чем прямо заявляет информант, и «традиционную» с точки зрения используемых средств. Таким образом, эту практику можно отнести к классу легальных форм «выживания».

Ситуация 2 — «Жилищный обмен»

Приехав в очередной раз в Мурманск, я случайно на заборе увидела объявление о временном обмене на Ленинград. Существовала такая нелегальная форма обмена. Фактически это был не обмен, а сдача в аренду квартир без оформления каких-бы то ни было договоров, на доверии друг к другу. Они живут в моей квартире в Мурманске, а я живу в их квартире в Ленинграде.

¹⁹ Здесь и далее название ситуаций в определенном отношении произвольно и отражает общую проблематику данной (или данных) ситуации.

²⁰ При цитировании авторских текстов биографий принципиально сохраняется авторская орфография и пунктуация. Фрагменты биографии приводятся без кавычек, но выделены курсивом.

У них тоже была двухкомнатная квартира. Каждый платит за ту квартиру, в которой живет. В нашем случае мы отдавали друг другу квартиры без мебели. Уложила я вещи в контейнер и переехала в Ленинград во Фрунзенский район. Конечно, в квартире обосновались мои дети. Они были просто счастливы. На 5 лет их жилищные проблемы были решены.

Опять же имеем дело с вполне стандартной (надындивидуальной) ситуацией, хоть и «нелегальной». Впрочем, здесь можно усмотреть даже две «нелегальных» ситуации — ведь в ленинградской квартире фактически жила взрослая дочь информанта с мужем. И опять собственно действия информанта в этой ситуации описаны как бы «пунктиром» на фоне обстоятельного (с комментариями) описания самой ситуации.

В этом случае также имеются косвенные свидетельства воспроизводимости социальных действий (объявление на заборе), что дает основание назвать эти действия практикой. В отличие от первой ситуации, эта практика скорее «достижительная» (по цели) и «традиционная» (с точки зрения используемых средств). Эта практику можно квалифицировать как нелегальное «расширенное воспроизводство».

Ситуация 3 — «Уличная спекуляция», или «Приработок»

Денег нужно было немеряно, а взять их было негде. Накопений хоть и жила на Севере практически не было. Тут стали исчезать товары. Чтобы иметь хоть какую-то прибавку к пенсии, начала приторговывать. Куплю всякую ерунду в Ленинграде — духи, мыло, жеват. резинку, сигареты и, приехав в Новокузнецк, где полки уже были почти пусты, продавала все это, стоя на улице. Тогда около каждого магазина стояла длинная цепочка таких продавцов. Периодически появлялась какая-то шпана, которая могла что-то схватить или потребовать денег. Противно это было до невозможности. Были унижительно бегать от милиции. Новокузнецк город, где зимы холодные. И даже два-три часа выстоять непросто. Нарядишься в валенки накрушить одежды немеряно. В зеркало смотреть противно на себя. И идешь торговать. И противно и деваться некуда. Денег стало нехватать. Никому из своих мурманских знакомых я это не рассказывала, стыдно было. В Новокузнецке, правда, знакомых было немного. Соседи родителей не осуждали меня. Сами мыкались как придется.

Совершенно другая сфера жизни — занятость, доход. Понятие практики и здесь применимо и обоснованно («около каждого магазина стояла длинная цепочка таких продавцов»). Заметим, что в этом случае сама ситуация описана очень кратко, но гораздо более детально описывается собственно практика (цепочка действий) и обстоятельств, в ко-

торых осуществлялась эта практика (какая-то шпана, побеги от милиции). В этом фрагменте более отчетливо сформулировано моральное и нравственное состояние информанта в данной ситуации.

Данная практика квалифицируется как нелегальный («теневой») способ «выживания».

Ситуация 4 — «Левый приработок», или «Теневая экономика»

Надоело работать коробейником. А что можно было найти? Кроме работы проектировщика я ничего не знала. Идти мыть полы не хотелось. Хоть волком вой. Отец, уйдя на пенсию много лет работал на «водной» станции сторожем. «Ну иди, говорит, просись на лето в прокат лодок, может возьмут. Но работа эта блатная, берут только своих.» Ничего я тогда не понимала. Какая блатная? Это кассиром-то? Ну пошла попросилась. Взяли. Водная станция располагалась на тихой речушке Кондма в красивом огромной площади парке. <...> Каждое утро перед работой в парке нужно было заскочить в бухгалтерию сдать квитанции и деньги по ним. А бухгалтерия в городе. И каждый вечер с выручкой, как правило после 1- час вечера я, тарача от страха глаза, неслась по парку.

Проработав с неделю я призадумалась. А ну как деньги у меня отберут. Я и не заработаю столько, чтобы расплатиться. Чего-то страх стал забирать. Начальницей у меня была такая сочная молодая женщина, ну командир в юбке.

И вот однажды она к концу работы приезжает на «Волге» вроде подвезти меня. Потом мы поднялись ко мне домой, она вытащила бутылку водки для разговора. И за ужином мне все популярно объяснила, как надо работать, чтобы мне было хорошо и всем было хорошо. Не сказав ей ни да ни нет, я после ее ухода долго не могла успокоиться и курила на балконе одну сигарету за другой. Я поняла, что мне предстоит. Проработав всю жизнь на проектной работе, и получая деньги только по ведомости и в кассе, мне было сложно решиться на это. И деваться-то было некуда. Если бы я отказалась, замену бы нашли мне легко. Ну что было делать? Постоянные разъезды, дочь с внучкой все еще практически на мне. И начался сплошной криминал. Приходя домой, я начинала работу с квитанциями, в результате которой сдавала по квитанциям 50% выручки, а 50 % отдавала лично в руки своей начальнице, из которых мне выдавалось 70–100 р. в день. Конечно, если выручка была хорошая. Для меня это были огромные деньги. Моя пенсия была 120 р. Столько денег у меня не было никогда в жизни. <...> я думала в каком же дерьме мне приходится крутиться.

Ситуация настолько проста и обычна, что ее информант описывает чуть ли не одной фразой («Хоть волком вой»). А вот практика (цепоч-

ка, даже комплекс действий, или «технология») здесь описана весьма подробно. И характер этой практики квалифицирован жестко («И начался сплошной криминал»). Конечно же, это «чистое» «выживание» и по цели, и по средствам.

Характерны рефлексия по поводу этой практики и рационализация принятого решения («...получая деньги только по ведомости и в кассе, мне было сложно решиться на это. И деваться-то было некуда. Если бы я отказалась, замену бы нашли мне легко. Ну что было делать? Постоянные разбежды, дочь с внучкой все еще практически на мне»).

Ситуация 5 — «Рэкет»

И у нас на водной станции появился рэкет. Слово было совсем непонятное, и что стоит за этим мы тоже не знали. На «Волге» появился очень прилично одетый интеллигентного вида человек, внешне смахивающий на молодого ученого в очень красивых очках. Они походили с моей начальницей по берегу, о чем-то поговорили. А на следующий день появились они — наши защитники. На берегу стояло три теннисных стола. За одним из них всегда играли эти мальчики.

Были они плечисты, неторопливы, но всегда оказывались там где было нужно. Их было всего трое, хорошо держали в поле зрения весь берег. У меня у кассы часто возникали конфликты. Кто-то не хочет стоять в очереди на жару, у кого-то нет документов а лодку или катамаран желают получить. Как только возникал шум у кассы тут же появлялся один из мальчиков и вежливо спрашивал: «Есть проблемы?» И конфликт затихал. Они как-то так разговаривали, что с ними никто не решался задираться. Один раз я видела как они успокоили здорового мужика, который посчитал, что с ними справится. И катамараны у нас перестали угонять. Они были реальной нашей защитой. Вечером я еще стала ездить с ними до города, т.к. они были на машине. Я вообще никакого страха не испытывала глядя на них, смотрела как на частную охрану. Конечно, не им а их начальнику что-то платила моя командирша. Я же получала свои дежурные 70–100 р. в день и в их дела не лезла. <...> Закончилось лето, мы очень дружелюбно расстались с нашим рэкетом. И только приехав в Питер после лета, я узнала значение этого страшного слова. Горели киоски, избивали людей...

Еще один пример, отвечающий всем признакам практики. В отличие от предыдущих ситуаций информант, строго говоря, не является актором этой практики: это скорее описание практики «со стороны». Конечно же, по цели это сохранительная практика, а вот с точки зрения целей ее можно квалифицировать как инновационную. Ведь по

сути дела в то время (1991 г.) это был совершенно новый вид занятости и вид бизнеса. Таким образом, здесь зафиксирована, можно сказать, «трансформация» в чистом виде.

Ситуация 6 — «Теневая экономика»

Гуляя весной с внучкой в парке победы, пригляделась к площадке аттракционов. Зашла, поговорила и меня как-то легко взяли на работу.

Начальник был военный в отставке, порядок на площадке полный. Началась работа. Утром получаешь билеты, вечером по количеству проданных билетов сдаешь выручку. День работаешь, день отдыхаешь. Оклад малюсенький. Но я и этому была рада. Спокойная работа, никакого криминала, только не запутаться в сдаче. <...>

Да видно уж у нас на Руси без криминала не бывает, там где работа с деньгами идет. Около кассы постоянно вертелся мальчик, очень доброжелательный, постоянно со мной разговаривал, обо всех кто работает на площадке рассказал. Сказал, что если я захочу мороженого, он мне за ним сбегает. Я уже забыла когда ела мороженое. Внучке то постоянно отказываю. Вот однажды он мне говорит: «Инна Васильевна, хотите мороженого?» «Да, говорю, зайчик, хочу, но денег у меня нет». «И я хочу, говорит зайчик, а давайте заработаем». У меня глаза круглые, а как это?

«Да просто! Я принесу вам билеты от контролера, которые вы продали. Но они не оторвут корешки. Билетики будут чистенькие, не помятые. Вы их снова продадите и будет вам и мне на мороженое». «Нет уж, говорю, зайчик, тебе на мороженое я так и быть продам несколько билетов а я уж потерплю!»

Ну ведь надо же как все просто! Ну короче поплыла я. Он скоренько притащил билеты, я их продала, отдала мальчику и улыбающийся зайчик уже лопают мороженое. И начал этот зайчик учить меня жить. Рассказал, что все кассиры работают по такой схеме. У них это называется «крутить билеты». Половина денег контролеру, половина кассиру и все довольны. Рассказал, что только что оттащил в соседнюю кассу 50 билетов. Призадумалась я. Перемножила 50 на цену билета, поняла, что на продукты каждый день можно иметь. Потерзалась немного, да ведь деваться некуда. Был апрель, появились импортные фрукты, овощи. Стоили конечно дорого. Да ведь все равно хочется. А потом наступило 1 мая, стояли солнечные дни, перед кассами стояли огромные толпы народа и за несколько дней в кармане была такая приличная сумма, что и дочке что-то купила и внучке на лето одежду.

И этот сюжет связан со сферой занятости, и также отвечает всем признакам практики — воспроизводимость («все кассиры работают по

такой схеме»), осознанность, рационализация. Кстати, именно артикулированная в тексте рационализация дает основание по характеру цели квалифицировать эту практику как «достижительную» — явная ориентация на прибыль («Стоили конечно дорого. Да ведь все равно хочется»). А с точки зрения средств достижения цели эта практика, конечно же, «традиционная».

* * *

Объем всего текста, приведенной в статье конкурсной биографии, — 25 страниц (формат А4, одинарный межстрочный интервал, 12 кегль), т. е. более одного печатного листа. В общем — вполне солидный текст. Из этого текста удалось выделить 8 жизненных ситуаций, которые имели, на наш взгляд, отношение к практикам, в принятом нами смысле. Здесь приведено 6 ситуаций: 2 относятся к сфере жилища, 4 — к сфере занятости. И это, в общем-то небольшое, количество фрагментов репрезентировало три из четырех типов практик. Причем практики, относящиеся к одной сфере жизни — работе — распределились по разным типам нашей типологии.

Думается, это нормально. Вполне можно себе представить актора, который в сфере быта проявляет традиционализм, а, скажем, в сфере труда может быть отчаянным новатором, в других же сферах своей жизнедеятельности занимать «промежуточную» (чтобы не сказать — маргинальную) или неопределенную, неустойчивую позицию.

В использованных примерах описанные практики и изменения повседневной жизни информанта, по сути дела, вызваны одной причиной — перестройкой и ее (перестройки) последствиями. Материалы того же самого конкурса биографий содержат и иные примеры. В частности, когда стимулом к существенным переменам собственной жизни оказываются вовсе не внешние обстоятельства, но мощная «внутренняя» мотивация, желание вырваться из рутины будней и своего социального слоя²¹.

Конечно, это отнюдь не окончательный результат. Предстоит более тщательно отработать процедуры анализа нарративов под углом зрения заявленных во введении исследовательской проблемы и задач. Впрочем, и понятийный ряд также еще требует более детальной

²¹ Типичный пример — автобиография Ирины Кепеть из Пскова (единица хранения № 249), также одной из призеров конкурса «Жить в эпоху перемен».

разработки по уточнению и определению понятий. Однако нам представляется, что использование такого рода социологического инструментария открывает перспективу описания и объяснения механизмов социально-культурных изменений.

Подпрограмма «Биография человека и история общества: взаимодействие в процессе общественных трансформаций» представляет собой попытку эмпирического изучения становления социальных практик в ходе изменяющихся условий жизни.

В биографии человека преимущественно описываются актуальные практики, складывающиеся (и сложившиеся) в определенных условиях, тогда как история общества представляет собой описание актуальных (на каждый данный момент времени) условий жизни, как материальных, так и духовных, и идеологических, — инвариантных для всех членов данного общества.

Здесь нет противопоставления индивида и общества. Общество во всем его многообразии и сложности рассматривается как заданная совокупность условий индивидуальной жизни, в рамках которой и протекает собственно жизнь людей. В определенном смысле жизнедеятельность людей (совокупности определенным образом организованных индивидов) оказывается стабильным образованием, обладающим мощным приспособительным потенциалом, способным модифицировать (модернизировать) любую социальную систему.

В заключение стоит обозначить наиболее актуальные, с нашей точки зрения, сферы применения теории практик. Это, конечно же, проблемы трансформации семьи. На слуху здесь немало «инноваций» и пророчеств относительно утраты семьей своих традиционных функций, а также относительно изменения ценности семьи. Тщательный анализ может показать, что действительно является фактами, а что — мифом или «алармистскими страшилками».

Это также проблемы управления. Здесь предстоит детальный анализ большого массива — почти 180 глубоких (в том числе содержащих и биографическую часть) интервью с руководителями сельских администраций и сельскохозяйственных предприятий семи районов четырех субъектов РФ Северо-Западного территориального округа²².

²² Исследование, которое было поддержано РГНФ (гранты № 04-03-0367-а и № 07-03 0571-а, руководитель проектов ст.н.с. СИ РАН О.Б. Божков) охватило 7 районов в четырех субъектах РФ (Тверская, Новгородская, Вологодская и Ленинградская области). В этих районах было проведено безвыборочное (т.е. сплошное) интервьюирование всех

По результатам предварительного анализа этого массива, он содержит описание разнообразных практик, как возникших заново под влиянием кардинальных социально-экономических перемен, так и актуализированных этими переменами (и частично легализованных) «теневых» практик советского периода.

И, наконец, за последние 20 лет заметные подвижки произошли в сфере как материального, так и духовного (в том числе интеллектуального) потребления. Здесь также важно понять, какие из наблюдаемых изменений лишь кажущиеся, а какие могут стать и становятся реальными фактами жизни российского общества. Это приобретает особенную значимость в свете разработки цивилизационных подходов в современной социологии и определения перспектив эволюции нашей цивилизации.

Н.Н. ЦВЕТАЕВА

БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: РЕЗИСТЕНТНОСТЬ К ИДЕОЛОГИЧЕСКИМ НОРМАМ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты качественного исследования материалов Биографического фонда СИ РАН. Анализируется, как в биографических нарративах людей, большая часть жизни которых прошла в советском обществе, описывается резистентность к идеологическим нормам советского времени.

Ключевые слова: биографические нарративы, социально-культурные изменения, советская идеология.

Для современной социологии биографические нарративы, результаты качественного исследования которых здесь представлены, являются признанным источником социального знания. В отличие от привычных социологических опросов, задающих матрицу ответов населения на сформулированные исследователями вопросы, автобиографические нарративы предоставляют возможность посмотреть на оценки и суждения людей «изнутри», в контексте реалий их собственной жизни, и увидеть структуру осознаваемого человеком жизненного опыта и тех социальных представлений и ценностных ориентиров, в которых этот опыт осмысливается. Тем самым нарративы дают возможность следить за динамикой и особенностями происходящих в обществе социально-культурных изменений, которые, как известно, не происходят моментально, а накапливаются в результате множества невидимых микроисторий в повседневной жизни людей, и только спустя какое-то время (казалось бы, вдруг) проявляются как статистический факт (как привычное для социологии статистическое обобщение).

Как свидетельствуют материалы Биографического фонда института¹, люди, принадлежащие к старшим поколениям советского общества, описывая в нарративах историю своей жизни, демонстрируют сильную зависимость мировосприятия от нормативных формул советской идеологии. Причем эта зависимость оказывается столь силь-

¹ Биографический фонд был создан в институте в 1989 г. В число материалов Фонда входят автобиографии, биографические интервью, генеалогии, дневники, семейные хроники, а также материалы нескольких тематических биографических конкурсов. Сегодня Фонд насчитывает более 700 единиц хранения; собрание Фонда постоянно пополняется.

ной, что в ряде случаев образует своего рода смысловые противоречия, противоречия между описываемыми в нарративе реалиями жизни человека и его оценкой этих реалий. Особенно ярко такие противоречия выглядят в нарративах людей, которые в той или иной степени оказались жертвами советской власти и лично пострадали от реализации ее идеологических установок. Так, например, человек, рассказывающий о жестокости разорения в процессе коллективизации крестьянского хозяйства своей семьи, не только не обвиняет эти действия советской власти, а, напротив, в каком-то смысле их оправдывает, используя для оправдания оценочную риторику советской идеологии².

Разумеется, сама по себе зависимость людей старших поколений советского общества от риторического языка, который господствовал в обществе на протяжении многих десятилетий и понимался «всеми», представляется вполне объяснимым явлением. Этот язык не мог быстро измениться, несмотря даже на то, что нарративы, о которых идет речь, были созданы в годы перестройки и присланы в Фонд в начале 1990-х гг., когда в общественном дискурсе присутствовала острая критика советской идеологии и общество освобождалось от установок и страхов прошлого. Заметим также, что эти противоречия нельзя было объяснить инфантильностью оценочного сознания, которая свойственна малообразованным людям, так как они читались и в нарративах людей с высшим образованием, которые в силу этого обязаны додумывать и обосновывать свои оценки (тем более, когда они размышляют о собственной жизни). Отметим и то, что речь шла не об убеждениях человека, который вполне мог оказаться приверженцем советской идеологии и отстаивать свои убеждения даже вопреки собственному опыту жизни. Но никакой рациональной логики в объяснении этих противоречий авторы нарративов не обнаруживали, что позволяло говорить о произведенных советской идеологией деформациях в мировосприятии человека, его беззащитности перед властью ее формул³.

² Эти противоречия в логике в изложении биографических нарративов до некоторой степени определили методику исследования. Первым ее шагом был анализ смысловых структур, «фигур логики», которые образуются между описываемыми в рассказе событиями и используемым его автором оценочным дискурсом. Следующим шагом — анализ и упорядочение диапазона и вариативности этих смысловых структур, следов оценивающих и классифицирующих дискурсов, наличествующих в обществе.

³ Подробнее об интерпретации этих противоречий см.: *Цветаева Н.Н.* Логика жизни и логика идеологии через призму советской эпохи // Петербургская социология

Однако зависимость мировосприятия человека от формул советской идеологии не могла быть тотальной, о чем свидетельствовали и перемены, начатые перестройкой. И целью представленного в этой статье исследования были поиски ответа на вопрос, как в биографических нарративах людей, большая часть жизни которых прошла в советском обществе, описываются возможности освобождения от этой зависимости и дистанцирования от давления нормативных формул советской идеологии.

Основным материалом этого исследования стали нарративы участников биографического конкурса «Гляжу в себя как в зеркало эпохи», который был проведен Фондом осенью 1994 г. Темой этого конкурса были воспоминания о 1960-х гг., о времени, которое вошло в историографию советского общества как «оттепель», как эпоха некоторой либерализации жизни страны после смерти Сталина. Принято считать, что это время позволило человеку критично взглянуть на советскую идеологию и освободиться от некоторых ее мифов и идеологем. И свидетельств такого освобождения можно было ожидать от участников конкурса, которые своим участием в конкурсе признавали влияние этой эпохи на свою жизнь⁴.

Структуру исследования нарративов участников этого конкурса определили некоторые положения известной работы Питера Бергера «Приглашение в социологию», в которой он анализирует границы свободы человека, его возможности сопротивляться господствующему в обществе порядку и влиять на происходящие в нем изменения⁵. Как пишет Бергер, процесс социальных изменений начинается с формирования новых представлений о социальной реальности, новых ее определений, а непосредственным действиям против старого порядка непременно предшествует внутренний распад идеологии, которая поддерживает этот порядок. В этой связи он рассматривает три способа, которые, по его мнению, способствуют внутреннему распаду го-

сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 131–142.

⁴ Участниками конкурса оказались 93 человека, 44 женщины и 49 мужчин, чаще всего 1930-х гг. рождения, т. е. те, кто встретил свое взросление в 50-х — начале 60-х, и для кого время «оттепели» было временем их активного становления. В конкурсе приняли участие люди самых разных профессий и разного уровня образования — от медсестры и шофера до инженера, врача и начальника стройки, что давало возможность увидеть широкий диапазон памяти об этом времени.

⁵ Бергер П.Л. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М., Аспект Пресс, 1996.

сподствующей идеологии, и с помощью которых человек может, как он образно говорит, «избежать тирании общества», тирании господствующих в нем норм, стереотипов и ценностных установок. Первый способ — мысленное отстранение от общества. Вторым — участие в антиобществах, основанных на «отстраненных дефинициях». И третий — манипулирование — умение человека «прорубать тропинки сквозь социальные джунгли, исходя из своих личных целей»⁶. Вот эти три способа «избежать тирании общества», которые могли способствовать внутреннему распаду советской идеологии и определить последующие социально-культурные изменения в советском обществе, анализировались на материале биографических нарративов участников конкурса, посвященного воспоминаниям о времени «оттепели».

Первый способ — мысленное отстранение

Кажется очевидным, что самым распространенным способом «избежать тирании общества», тирании господствующих идеологических норм, должно быть мысленное отстранение. И кажется очевидным также, что этот способ дистанцирования должен быть свойственен прежде всего людям образованным, которые по определению способны если не к критике, то, по крайней мере, к какой-то рефлексии по поводу происходящих в обществе изменений.

Однако воспоминания участников конкурса об «оттепели» образуют два совершенно разных символических пространства, два разных дискурса, в каждом из которых свои описания этого времени. Один дискурс — литературный язык образованных людей (так названы участники конкурса с высшим образованием). В своих нарративах они пишут об «оттепели», используя многие известные по публицистике метафоры и характеристики этого времени, и определяют это время как эпоху надежд на освобождение страны и личности, когда *«все вздохнули свободно»* и *«кожей чувствовали духовный рост общества»*. Другой дискурс — язык малообразованных людей (так условно названы участники конкурса без высшего образования). Эти участники конкурса фактически не выделяют «оттепель» как особую эпоху и не объясняют с этой точки зрения свое участие в конкурсе. И неудивительно, что рассматриваемый здесь способ «избежать тирании обще-

⁶ Там же. С.120–125.

ства» — мысленное отстранение — выглядит в биографических нарративах участников конкурса по-разному.

Вот, например, как выглядит этот способ избежать тирании общества в биографическом нарративе полковника в отставке, кандидата технических наук. Этот человек, проживший вполне благополучную по советским меркам жизнь, так говорит о своем отстранении от пропагандистских формул советской идеологии (подчеркивая, что его отстранение началось еще в старших классах школы):

«Я уже тогда не верил нашей пропаганде, не верил ни в братство, ни в равенство, ни в свободу, что мне преподносили на блюдечке. Понятие порядочности и совести у меня были свои и они остались у меня до сих пор».

Тем не менее, в целом биографические нарративы образованных участников конкурса свидетельствуют, что этот вполне доступный способ дистанцирования от советских идеологических норм был свойственен очень немногим. Несмотря на то, что в своих нарративах они используют известные публицистические метафоры по поводу «оттепели», за этими метафорами не следуют серьезные размышления об этом времени, и их рефлексия, в том числе направленная на критику сталинского режима, выглядит весьма поверхностной. Почти никто из них не говорит о таком важном политическом событии начала «оттепели», как разоблачение культа личности в докладе Хрущева. Почти не упоминаются и значительные политические события постсталинского периода (такие, как Венгрия 1956 г., Чехословакия 1968 г. и т. п.). Репрессии и жестокость сталинского режима также почти не упоминаются, а если и упоминаются, то, как правило, осторожными фразами. Например: *«среди окружающих никто не пострадал при Сталине», «ужасный 1937 год не коснулся нашего семейства».* Интересно, однако, оценить эту риторику на фоне социологических данных о том, что почти треть семей была впрямую затронута сталинскими репрессиями⁷.

Конечно, в советском обществе в условиях тотального государственного контроля над информацией о многих значимых событиях времени люди узнавали в основном только из официальных источников. И биографические нарративы участников конкурса подтверждают, что узнавал человек об этих событиях, как правило, на партийных производственных собраниях и митингах и вместе со всеми принимал те оценки, которые предлагала официальная идеология. Сожаление

⁷ Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан, 1993. С. 258.

же о своей наивности («Я стоял как болван среди всех и верил, верил, верил...») или какую-то критику своей слепоты в отношении этой идеологии образованные участники конкурса высказывают тоже довольно редко. Надо отметить также, что своеобразным рефреном в их нарративах оказывается фраза: «мы работали честно». Этот фразой человек как бы снимает с себя ответственность за все прегрешения советской эпохи и освобождает себя от анализа каких-либо сложных общественных проблем того времени.

Одним из объяснений такого уклонения образованных людей от серьезного анализа советской эпохи принято считать изначальную ангажированность советской интеллигенции в идеологию, ее близость к власти⁸. Как известно, получение диплома о высшем образовании открывало дорогу к привилегированному положению в советском обществе и обретению этой близости. Тем более, когда это подкреплялось успешной служебной карьерой и сопутствующим ей вступлением в партию (другой вопрос, что поступление в вузы тоже было идеологически «квотировано»). В биографических нарративах участников конкурса эта ангажированность образованных людей хорошо видна, когда человек, даже критикуя советское прошлое, сохраняет «принципиальную верность идее» или считает, что «гнусности зависели не от системы, а от негодяев, действовавших от ее имени» или что «война оправдывает все негативное, что было сделано до 1953 года». Из нарративов образованных участников конкурса выясняются и другие характеристики этой ангажированности. Например, в некоторых семьях «все знали об ужасах сталинизма еще до XX съезда» и это не мешало относиться к Сталину как «к вождю, без которого страна может пропасть». А общим пафосом лояльности к советской системе в целом оказываются суждения такого типа: «жизнь прожита не напрасно», «нужно взять из разрушенного мировоззрения лучшее», «исправить недостатки социализма».

В свою очередь малообразованные респонденты (напомню, так условно названы участники конкурса без высшего образования) в своих нарративах в принципе, как уже говорилось, не используют каких-либо известных по публицистике метафор и описаний «оттепели». И это несмотря на то, что они участвуют в биографическом конкурсе,

⁸ Левада Ю.А. Проблема интеллигенции в современной России // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития (Международный симпозиум 17–19 декабря 1993 г.). М.: Интерпракс, 1994. С. 211.

посвященном воспоминаниям об этом времени. В тех же случаях, когда в их нарративах все же появляются какие-то характеристики этого периода времени, то такие характеристики конкретны и материальны, а время «оттепели» предстает как цепь коллизий повседневной жизни, обусловленных реформами Н.С. Хрущева. Так, например, они вспоминают о «*перебоях с хлебом*», «*о посевах кукурузы*» и других реформах Хрущева, которые как-то сказались на их жизни. Но об «оттепели», о смягчении режима и возможностях некоторого освобождения страны и личности после смерти Сталина эта часть участников конкурса вообще не говорит.

Это нежелание или неумение малообразованных людей обсуждать идеологические проблемы жизни страны и их практическое отношение к реалиям собственной жизни принято интерпретировать как результат их низкого положения в обществе, в котором они вынуждены приспосабливаться к своим обстоятельствам, «выбирая необходимость», и считают себя исключенными из идеологической борьбы. В то же время оборотными сторонами их молчаливого приспособления к навязанным им обстоятельствам оказываются «скрытая ненависть и скрытое оскорбление хозяев»⁹. Эти оборотные стороны тоже читаются в биографических нарративах малообразованных участников конкурса. Это проявляется в презрительном (иногда даже циничном) отношении ко всему, что связано с идеологическими вопросами и, прежде всего, в презрительном отношении к власти. Например, к тому же Н.С. Хрущеву, которого эти люди часто называют уничижительно *Хрущем* и осуждают его действия: «*Хрущ что-то там опять натворил...*» Возможно, что такое презрительное отношение низших социальных слоев к власти тоже является способом мысленного отстранения, способом «избежать тирании общества».

Второй способ — антиобщества

Следующий способ «избежать тирании общества», который рассматривает Бергер, — это участие в антиобществах, основанных «на отстраненных дефинициях»¹⁰. Бергер причисляет к такого рода

⁹ Такого рода интерпретацию поведения низших слоев общества предлагает финский исследователь Пекка Руус. См. Руус П. От фермы к офису: уверенность в себе и новый средний класс // Вопросы социологии. М.: Socio-Logos, 1993. №1/2. С. 141.

¹⁰ Бергер П. Указ. соч. С. 122–123.

антиобществам различные секты, культы, «свой круг» и другие группы, которые люди создают, находя в них опору и некоторую автономию. При этом он добавляет, что такие формы объединения людей могут создаваться не только как оппозиция ко всему общественному укладу, но и как просто автономные интеллектуальные сообщества.

Вполне очевидно, что для советской эпохи, когда все формы поведения людей жестко контролировались, такие антиобщества — самый редкий способ «избежать тирании общества». В условиях жесткого контроля над поведением человека, существовавшего в советском обществе, появление любых форм объединения людей, которые возникали вне намерений самой власти, вызывало подозрения в нелояльности, даже если это были не оппозиционные, а чисто интеллектуальные сообщества.

Но, казалось бы, в биографических нарративах участников конкурса должны упоминаться хотя бы такие естественные субкультуры, как формы молодежного общения. Ведь молодежь, как известно, уже по своей природе стремится отгородиться от «взрослого» нормативного контроля. Однако упоминания о таких формах общения молодежи, которые можно было бы отнести к антиобществам, основанным «на отстраненных дефинициях», в нарративах участников этого конкурса не встречаются. Нет в нарративах и упоминания о друзьях или людях, оказавших на респондентов какое-то заметное влияние такого рода. В редких случаях можно встретить упоминания о *дружеской компании* с песнями «бардов» под гитару или о *литературных кружках*, которые респонденты посещали в молодости. Но чаще всего в нарративах встречаются упоминания о студенческих поездках с сокурсниками на летнюю практику, целину и (даже) на похороны Сталина, т. е. упоминания об официально признанных и пропагандируемых формах общения молодежи того времени.

Если же говорить о диссидентском движении и его разновидностях как субкультурах, то, как показало знаменитое исследование истории инакомыслия в СССР Людмилы Алексеевой¹¹, этот полюс оппозиционности к советской идеологии является настолько редким явлением, что его трудно использовать для характеристики даже образованной части советского общества. Во всяком случае, среди участников био-

¹¹ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Весть. Вильнюс—Москва, 1992.

графического конкурса, посвященного «оттепели», не оказалось ни одного человека, участвовавшего в правозащитном движении или как-то активно обнаружившего свое инакомыслие.

Третий способ — манипулирование

И, наконец, о том, как в автобиографических нарративах участников конкурса выглядит третий способ «избежать тирании общества», который Бергер называет манипулированием. Манипулирование означает, что индивид не отстраняется от общества, а намеренно использует общественные структуры «неожиданным для блюстителей законности образом и прорубает тропинки сквозь социальные джунгли, исходя из своих личных целей»¹².

Используя язык современной социальной теории, манипулированием можно назвать практики повседневной жизни, которые позволяют человеку приспосабливаться даже к очень жестким «правилам игры», которые установлены властью. Причем не только приспосабливаться, но и в своем роде обходить, обманывать эти правила. Важно также, что в результате вырабатываемых в повседневной жизни тактик (по М. де Серто) или стратегий (по П. Бурдьё), даже те люди, которые находятся «внизу» социальной лестницы, не только влияют на результаты социального изменения, но, в конечном счете, участвуют в производстве социальной нормы¹³.

В советском обществе тактики и стратегии приспособления человека к официально провозглашаемым нормам были не только массовыми, но и виртуозными. Их использовали очень многие, пытаясь выжить в жестком идеологическом режиме. Об опыте такого рода тактик и стратегий говорили и размеры «неформальной» экономики, которые обнаружились после крушения советского общества. Так что можно сказать, что этот способ «избежать тирании общества» являлся не только основным, но и самым распространенным в советском обществе. В биографических нарративах участников конкурса этот способ описывается как умение использовать «лазейки», которые, так или иначе, обнаруживаются в любой (даже жестко организованной) обществен-

¹² Бергер П. Указ. соч. С. 124.

¹³ Это положение современной социальной теории в нашей литературе наиболее полно проанализировано в ряде работ Н.Н. Козловой См., например: Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.: ИФ РАН, 1996. С. 85–86.

ной системе. А проиллюстрировать это умение можно ироническими словами одного из участников конкурса:

«Народ давно привык к различным кампаниям и умел быстро и грамотно откликаться» или *«В игре с государством кое-какие очки я отыграл»*.

Еще один способ — выбор, риск, ответственность

Все рассмотренные способы избежать «тирании общества», которые расшатывают господствующие в обществе идеологические стандарты и основанную на них систему власти, имеют, как считает Бергер, и другую сторону. Своеобразная оппозиция между властью и людьми, которые используют эти способы, эти «лазейки» (причем, используют в массовом масштабе), в то же время укрепляет существующий порядок, скрывая истинные отношения в обществе. Таким образом, заключает Бергер, все эти способы оказываются способами «вписывания» в господствующий символический порядок и позволяют человеку «скрывать от себя свою собственную свободу». Но, как он добавляет, общество может как стать прибежищем от свободы, так и дать шанс для ее достижения. И люди обманывают себя, когда говорят, что у них нет выбора: у каждого человека есть выбор, «каждую социальную роль можно играть сознательно или слепо»¹⁴. Это рассуждение Бергера хорошо иллюстрируют и слова известного советского писателя Константина Симонова, анализировавшего свое отношение к Сталину: «Было и такое, о чем можно было и следовало думать до XX съезда, и оснований для этого было достаточно. Решимости не хватало куда больше, чем оснований»¹⁵.

Только несколько участников конкурса, как свидетельствовали их нарративы, практиковали такой способ «избежать тирании общества», как способность к выбору и решимость проявить на протяжении жизненного пути собственное (независимое от идеологических норм) понимание ценностей и смысла жизни. Все они — образованные и профессиональные люди: главный врач поликлиники, инженер-конструктор и изобретатель. Их способность к выбору и решимость проявились в таких поступках, как усыновление приемного ребенка вопреки обстоятельствам, осложнившим личную жизнь, как поиски

¹⁴ Бергер П. Указ. соч. С. 133.

¹⁵ Симонов К. Глазами человека моего поколения // Знамя. 1988. №3. С. 32.

творческой работы без боязни потерять хорошо оплачиваемое место, как ориентация на *«свободную жизнь странствующего ремесленника»*. Тем не менее, этих людей нельзя назвать оппозиционерами в отношении жизненных стандартов советского общества. И в целом их жизнь выглядит как вполне успешная с точки зрения этих стандартов. Говоря словами одного из них: *«Все пробежки и передышки соответствуют шагу и поворотам всей страны»*.

Среди участников конкурса их жизненный путь определяется еще и тем, что можно назвать культурной интенсивностью жизни (в отличие от известного в советской социологии термина «культурная активность», которая измерялась количеством прочитываемых книг, посещением театров, музеев и т. п.). Культурная интенсивность их жизни проявляется прежде всего в профессионализме. Как уже говорилось, это люди с высшим образованием, которые достигли определенных высот в той профессии, которой занимались на протяжении жизни. Причем их профессионализм характеризует не столько сама успешность карьеры, сколько неординарное и творческое отношение к своей профессии. И даже членство в партии, которое в советское время было почти необходимым условием успешной карьеры образованного человека, выглядит в их нарративах не как результат приспособления к стандартам советской системы, а как искренняя попытка использовать собственные возможности быть честным и как-то *«исправить»* эту систему. И эта позиция тоже характеризует культурную интенсивность их жизненного пути, тем более, если согласиться с точкой зрения, что в советском обществе чувство сопричастности государству, его делам и идеям, было почти единственным способом самоутверждения личности, обретения ею субъектности¹⁶.

Важно также подчеркнуть, что речь идет не об умении этих образованных людей придать литературную форму описанию своего жизненного пути, о талантливом мифотворчестве¹⁷, и не об умении достаточно аргументированно мотивировать свои поступки, которое тоже присуще образованному человеку. Речь идет о прочитываемой в их нарративах последовательной линии поведения, осуществляемой на протяжении всего жизненного пути, о том, что принято называть

¹⁶ Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М.: Наука, 1991. С. 171–177.

¹⁷ Термином «мифотворчество» в данном случае подчеркивается литературоцентризм русской культуры. См.: Вайль П., Генис А. Страна слов // Новый мир. 1991. №4. С. 250.

культурой личного достижения. При этом в их нарративах отчетливо прочитываются два фокуса достижений — общественный и личный, но общественный никогда не заменяет и не подавляет личный, между ними существует дистанция, которая представлена умением критиковать не только идеологические мифы прошлого, но и свое участие в поддержании этих мифов.

Если теперь вспомнить слова П. Бергера, можно заключить, что эти люди не прятались от свободы и играли свои роли в обществе сознательно, а не слепо. Но, к сожалению, этот способ «избежать тирании общества», основанный на ценностно-ориентированных действиях, свидетельствующих о самостоятельном выборе, индивидуальном риске и ответственности негарантированного повседневного существования¹⁸, оказался в биографических нарративах участников конкурса весьма редким.

¹⁸ О том, что «простому советскому человеку» несвойственны ценностно-ориентированные действия, свидетельствующие о самостоятельном выборе, индивидуальном риске и ответственности негарантированного повседневного существования, было сделано заключение и в фундаментальном исследовании ВЦИОМа. См.: Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан, 1993. С. 241.

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Г.В. ЕРЕМИЧЕВА, Е.П. ЕВДОКИМОВА

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ: ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация: Избыточное социальное неравенство (СН) в России влияет на ее социально-экономическое развитие, тормозит ее интеграцию в единое европейское пространство. Исследование отношения населения к СН в странах посткоммунистического пространства осуществлялось в рамках межстранового сравнительного исследования, охватившего 13 европейских постсоциалистических стран, включавшего проведение в каждой стране фокус-групп с городским и сельским населением и репрезентативного массового опроса. Проведенный анализ имеющегося эмпирического материала позволил установить жесткую корреляцию неудовлетворенности многими сторонами жизни, обусловленную негативными, по мнению респондентов, формами социального неравенства и степенью противостояния населения и власти. При межстрановом сравнении мнений почти по всем вопросам Россия оказывается среди стран с наиболее негативным отношением к СН, его истокам и последствиям — и, соответственно, нуждается в пристальном внимании и действенных мерах по его смягчению.

Ключевые слова: социальное неравенство, его формы и аспекты, трансформации, противостояние населения и власти.

Социальное неравенство характеризует любое человеческое общество. Мы полагаем, что уровень развития страны и ее социальный статус зависят от глубины и динамики расслоения населения. В странах постсоциалистического пространства эта проблема проявилась особенно остро как следствие социально-экономической трансформации.

Несмотря на все усилия власти во всех странах бывшего социалистического лагеря снизить уровень социального неравенства, он остается относительно высоким, вызывающим напряжение в обществе. Социальное неравенство в России определяется современными экономистами как избыточное в сравнении с развитыми европейскими странами¹ и влияет на ее социально-экономическое развитие, тормозит ее интеграцию в единое европейское пространство.

Процесс трансформации и переход к рыночной экономике в каждой стране обусловлен социокультурными особенностями на фоне слома прежней системы социального равновесия и формирования новых общеевропейских взаимоотношений. Последствия краха коммунистической системы в отдельных государствах Центральной и Восточной Европы проявились с разной степенью интенсивности. Так, в одних странах социальное расслоение и социальное неравенство обозначились в весьма радикальных формах, в других проблемы неравенства оказались менее острыми, а социальные системы этих обществ — относительно более устойчивыми и готовыми к рынку.

Уровень социального неравенства обуславливает возможности людей и их домохозяйств в организации, обеспечении и поддержании привычного стиля и образа жизни. Особенно это очевидно для бедных стран, в которых возможности вертикальной социальной мобильности для представителей отдельных социальных групп крайне ограничены, что становится источником социального напряжения, возникновения внутренних и внешних конфликтов. Адекватная социальная политика государства, направленная на снижение уровня социального неравенства, нацелена на предотвращение социальных конфликтов, стабилизацию рынка и консолидацию общества.

¹ Для европейских стран граница между нормальным и избыточным неравенством пролегал между значениями коэффициента Джини от 0,2 до 0,3, а децильного коэффициента — от 7 до 10. Эти пределы могут служить ориентирами и для определения уровня СН в России как избыточного, где показатели неравенства сейчас значительно выше. Так, коэффициент Джини на протяжении последних трех лет в России остается достаточно высоким: 2006 г. — 0,416, 2007 г. — 0,423, 2008 г. — 0,422 // «Социальное неравенство и социальная политика». Заключительный доклад по проекту «Социальное неравенство и социальная политика». Раздел II. Неравенство доходов /Горбачев-Фонд. URL: http://www.gorby.ru/rubrs.asp?art_id=25554&rubr_id=632&page=1

Отношение к социальному неравенству в России.

Общие методологические подходы

Несмотря на усилия российских органов власти, направленные на сглаживание социальных проблем и повышение благосостояния населения, они не оказываются в необходимой степени эффективными и результативными. Проводимая социальная политика не обеспечивает представителям разных социальных групп возможности удовлетворять свои потребности в получении гарантированных Конституцией благ и услуг, сохранять достойный уровень и качество жизни, обуславливающие развитие социума в целом². Избыточный уровень и формы социального неравенства оказываются серьезным барьером для успешного действия системы мер и механизмов, используемых социальной политикой и поддержанных законодательным оформлением, в решении насущных проблем. Свидетельством этого являются не только реалии нашей повседневной жизни, но и объективные показатели статистики.

Социальное неравенство может исследоваться в различных аспектах. С одной стороны, это объективные социо-экономические показатели. С другой стороны, отношение населения к этому явлению в повседневной жизни. Настроение и психологические установки разных социальных групп населения и, прежде всего малообеспеченных, нельзя не учитывать, поскольку эта группа определяет градус социального напряжения в стране.

Дизайн исследовательского проекта и характеристики эмпирической базы

Исследование отношения населения к социальному неравенству, влияния его характера и глубины на повседневную жизнь людей, специфику его воспроизводства проводится в рамках проекта «Социальное неравенство и социо-структурная трансформация российского общества в контексте глобализирующегося посткоммунистического пространства» (Рег. № 01.2.00 951321). Эмпирической базой проекта стали данные международного исследования «Социальное неравенство и что оно означает для экономического и демократического развития

² Социальные неравенства и социальная политика в современной России. / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2008. С.167–169.

Европы и ее граждан. Посткоммунистическая Центральная и Восточная Европа в сравнительной перспективе»³.

Проект инициирован Комиссией ЕС и проводился в 2007–2008 гг., в качестве координатора выступал Департамент политики и международных отношений Университета Оксфорда. В проекте приняли участие 10 стран-партнеров, представляющих посткоммунистическое пространство — Польша, страны Балтии, Украина, Беларусь и др.

В России, как и в других странах — участницах проекта, были проведены фокус-группы с городским и сельским населением и репрезентативный массовый опрос. Это позволило исследовать проблемы социального неравенства и механизмы его изменений как на уровне системных преобразований (т. е. на уровне отдельных стран), так и на уровне индивидуума и домохозяйства. Кроме того, предполагалось исследовать факторы и последствия социального неравенства в разных типах поселений (крупный город, сельское поселение).

Следовательно, исследование социального неравенства в рамках проведенного проекта носит мультиуровневый характер, что позволяет изучать как макро-, так и микропроцессы.

В России было проведено 4 фокус-группы. Участниками фокус-групп стали жители со средним уровнем дохода — 10–15 тыс. рублей, низким — до 5 тысяч⁴. Каждая группа насчитывала по 12 человек в каждую сессию, мужчины и женщины в каждой возрастной категории — от 18–30; 31–45; и 46–65 лет. Информанты выбирались случайным способом с использованием метода скрининга (предпочтителен был метод случайных контактов, подобный тому, что используются при массовых репрезентативных опросах). Группы были сбалансированы по уровню образования и представляли в основном работающих информантов. Допускалось наличие не более одного студента и/или временно безработного в каждой группе. Таким образом, группы были скорректированы по таким показателям, как доход, пол, возраст и занятость.

³ Проект Комиссии европейских сообществ (EU) “*Social Inequality and Why it Matters for the Economic and Democratic Development of Europe and its Citizens: Post-Communist Central and Eastern Europe in Comparative Perspective*”. 2006–2008, Contract № 028920.

⁴ Постановление №894 от 24 июля 2006 г. «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и для основных социально-демографических групп населения в Петербурге». ПМ на душу населения составлял 3 тысячи 463 рубля; для трудоспособного населения — 3 тысячи 949 рублей 70 копеек; для пенсионеров — 2 тысячи 554 рубля 20 копеек; для детей — 3 тысячи 36 рублей 10 копеек.

В сценарий фокус-групп были включены вопросы не только о конкретных проявлениях и причинах социального неравенства в жизни людей, но и то, как люди ощущают неравенство, какую роль оно играет в их жизни и в обществе в целом, насколько оно, с их точки зрения, справедливо.

Массовый опрос проводился в каждой из исследуемых стран по общенациональной репрезентативной выборке, в России было опрошено 2000 человек, в Беларуси — 1000, в Болгарии — 1000, в Чехии — 994, в Эстонии — 1057, в Венгрии — 1030, в Латвии — 1001, в Литве — 1002, в Молдове — 1042, в Польше — 1498, в Румынии — 1492, в Словакии — 1032, в Украине — 1500. Всего в 13 странах было опрошено 15648 респондентов.

Опрос проводился по единой анкете, включавшей вопросы об отношении к различным аспектам социального неравенства, в том числе о его оценке в конкретной стране, его желательности/нежелательности, отношении к роли государства в его регулировании. Важным требованием к инструментарию было обеспечение сопоставимости данных разных стран, что создавало некоторые трудности перевода анкеты на языки изучаемых стран, в результате чего отдельные вопросы и формулировки предлагаемых ответов звучат не совсем привычно.

Результаты анализа фокус-групп

Анализ текстов четырех фокус-групп, проведенных с петербуржцами и жителями Ленинградской области с низким и средним доходом, показал, что все они согласны с тем, что социальное неравенство необходимо и играет позитивную роль, являясь стимулом для дальнейшего развития общества, а получение больших доходов оправдано качеством работы и честным трудом.

Л.: Очень важно, чем это неравенство подкреплено. Если не произволом, а какими-то объективными факторами, тогда это неравенство вполне оправданно и уместно, без него никак не обойтись. (М., 23 г., средний доход, город)⁵

М.: Может быть полезным. Это может быть дополнительным стимулом для тех людей, у которых, например, сейчас такой доход, но если он

⁵ Атрибуция отсылка к тексту фокус-групп дается в таком порядке — пол респондента, возраст, доход, по которому формировалась группа, поселение в конце дискуссии.

будет больше работать, у него будет выше. Это определенная лестница. Если она еще и связана с тем, что по твоим способностям и работоспособности тебе дается, то это вообще замечательно. (М., 23)

В.: Но у этой лестницы должен быть предел. (М., 59, низкий доход, город)

Модератор: Чем еще может быть обусловлено получение высоких доходов?

Е.: Качеством работы. (Ж., 18 л.)

Ал.: Работа, работа, работа. (М., 20 л., средний доход, город)

Модератор: Насколько вы согласны с тем, что если человек настолько предприимчив, что может зарабатывать большие деньги, то это справедливо?

Л.: Да. (Ж., 55 л.)

Т.: Если это без обмана, и он не идет по трупам. (Ж., 53 г.)

Д.: Как пример для других. Как стимул к действию. Сам механизм неравенства, что не равны люди — это живительный механизм для социума. Он оживляет, дает импульс к развитию науки и технологии. К чему-то стремиться. Все равно здесь в основании лежит какой-то эгоистический импульс. Вот что важно. И пример для других людей. Если я так сделал, значит, вы тоже так можете. (М., 24 г., средний доход, город)

Избыточный уровень социального неравенства в полной мере осознается самим населением и, в первую очередь, группами малоимущих. Резкая поляризация на очень бедных и очень богатых не может восприниматься как нормальное состояние общества. Особенно это угнетает в сравнении с тем, что в советское время все жили, если и бедно, то «одинаково бедно».

В.: Я тоже давно хотела сказать, что если и должно быть социальное неравенство, то не должно слишком бедных и слишком богатых. Вот этой большой разницы. Если она существуют, то должны быть какие-то институты, меценаты, какие-то общества, которые будут делать все, чтобы поднять уровень. (Ж., 53 г., средний доход, город)

А.: Все богатыми не могут быть люди в нашей стране. По районам. Или резко бедные, или резко богатые. По-честному деньги не дают зарабатывать в нашей стране. Система налогообложения и все остальное. Правительство сейчас не думает (об этом). Я был в одной компании, де-

дали все, чтобы она развивалась. А наше правительство сделало, чтобы она наоборот... (М., 41 г., низкий доход, город)

Л.: Раньше все ровненько так жили. Может, в этом тоже ничего хорошего, но сейчас эта разительная разница между богатыми и нищими — это ужасно! (Ж., 48 л.)

В.: Колоссальная разница! (М., 59 л.)

Т.: Публикуют же доходы высших лиц. И мы видим, что они увеличиваются. Миллионы превращаются в миллиарды. И есть другая статистика — сколько беспризорных детей и бомжей. Эта статистика тоже растет. (Ж., 61 г., низкий доход, город)

Наши респонденты высказали мнение о том, что многие формы и размеры социального неравенства в стране не являются естественными, а создаются специально, для того чтобы властным структурам было удобнее управлять бедным и полностью зависимым населением, использовать свои властные полномочия для реализации, прежде всего, своих собственных интересов и обогащения.

Т.: Другое дело, что вот это социальное неравенство иногда создается искусственно людьми для других людей. А иногда оно создается природой. Когда оно создается природой, тут будь хоть семи пядей во лбу, вы будете все равно на разных стартовых возможностях. Но если человек, облеченный властью, создает неравенство, то он четко знает, что он создает его. Вот это другое дело, это намного страшнее. (Ж., 53 г., средний доход, город)

Т.: Потому что во многом оно (социальное неравенство) дается только для того, чтобы нами управлять. Не в обиду будь сказано, они из нас делают стадо баранов. А чтобы мы стадом баранов не были, нам немножко надо включать свои мозги. Вот вся информация, которая нам дается, половина может быть и неправда. Но делается реклама. И надо сидеть и анализировать, почему это сказано. Может, это сказано для того, чтобы нас отвлечь от этого. Это мое личное мнение. (М., 41 г., низкий доход, город)

М.: В политике еще. Потому что бизнесмены, которые успели сколотить свое состояние, продвигают свои интересы. Либо через своих людей, либо сами. Насколько мне известно, у нас даже в правительстве есть бизнесмены. Левитин, насколько я помню. У них состояние по несколько

миллионов долларов за прошлый год. Это то, что он показал доход. Не знаю, это реально? А по идее — политика должна быть отделена от бизнеса. (М., 23 г., низкий доход, город)

Как главный механизм воспроизводства социального неравенства в обществе респонденты выделяют крайне низкую оплату труда как в государственном, так и в коммерческом секторах занятости. Они оценивают существующий уровень зарплаты как не соответствующий физическим и интеллектуальным затратам.

Н.: Если человек работает, то у него должна быть зарплата, чтобы он мог вести достойный образ жизни. А потом, если у него значительно выше зарплата, то должна срабатывать налоговая система. (Ж., 58 л., низкий доход, город)

И.: (...) у нас сейчас платят не за работу, а платят, чтобы ты не убежал. Так и смотрят: если народ разбегается, то доплачивают. А если ему убежать некуда, то работа только за три рубля. (М., 49 л., низкий доход, село)

Н.: Работающий человек должен получать такие деньги, чтобы он мог вести достойный образ жизни. А не за дотациями ходить. (Ж., 45 л., низкий доход, город)

Обесценивание труда большей части трудоспособного населения серьезно снижает мотивацию работать с полной отдачей. Низкая оплата труда и низкий материальный уровень в целом большинства домохозяйств серьезно влияют на трудовую мотивацию и активность работающего населения, особенно среди молодежи.

М.: И получится так, что я работаю больше положенного срока, не восемь, а десять часов, а кто-то сидит дома и получает все равно столько же. Это несправедливо. (М., 23 г.)

Л.: Да, это несправедливо. (Ж., 48 л.)

А.: Кто тогда будет работать? Тогда у многих желание работать пропадет. Не будет стимула. (Ж., 22 л.)

Л.: Да, стимул должен быть. (Ж., 48 л., средний доход, город)

Е.: Получится неправильно: человек работает, работает, а получает столько-то. А другой ничего не делает — и получает столько же. (Ж., 18, низкий доход, город)

В.: Да, это стремление и в учебе, и в работе. Вот я хочу за свое открытие, чтобы было обязательно вознаграждение. А зачем я буду стараться, если я знаю, что в конце месяца получу одинаково — что она, что и я? (Ж., 45 л., средний доход, город)

Тема нечестных заработков, использование своего служебного положения в корыстных целях является крайне злободневной, и ее обсуждение встречается почти во всех исследованиях, посвященных насущным социальным проблемам нашего общества⁶. Как правило, респонденты приводят много примеров, когда источником богатства становится «стрижка купонов» на всех уровнях, где можно использовать свое служебное положение⁷. Нечестно заработанное богатство вызывает неприязнь и раздражение.

Т.: У меня такое впечатление, что у нас самые богатые — это те, кто пользуется недрами. Это то, что господь бог дал для всех. Не то, что мы создаем, а то, что дано изначально. Они это эксплуатируют. И у нас такой перекос в стране. Я понимаю, если человек что-то создает, строит дом или лечит, что-то создает своими руками, своим умом. А этот трубу опустил в недра — и получил! (Ж., 53, средний доход, город)

Т.: У нас только на недрах зарабатывают. (Ж., 61, низкий доход, город)

А.: У нас люди стали богатыми за счет народной собственности. (М., 41, низкий доход, город)

⁶ Бойков В.Э. Ценностные ориентации россиян как фактор интеграции и дезинтеграции общества // Социология власти. 2009. №7. С. 29–41; Горшков М.К. Российская повседневность в условиях кризиса: социологическое измерение // Социологические исследования. 2009. №12. С. 36–47.

⁷ Беляева Л.А. Материальное неравенство в России. Реальность и тенденции // Социологические исследования. 2007. №11. С.35–37; Беляева Л.А. Уровень и качество жизни, проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. №1. С. 34; Тихонова Н.Е. Малообеспеченные в современной России: специфика уровня и образа жизни // Социологические исследования. 2009. №10. С. 29–40; Тихонова Н.Е. Малообеспеченные в современной России. Причины и перспективы // Социологические исследования. 2010. №1. С. 5–16.

Модератор: Большие заработки были обусловлены профессией?

Т.: Да, профессией. И никто даже не завидовал, что они были богаты. Даже никто не обсуждал это. А вот теперь мы все в шоке, не понимаем, с какого перепугу этот Челси купил. Понимаете? Мы все в шоке! (Ж., 56 л., средний доход, город)

Главным критерием справедливого дохода, по единогласному мнению респондентов, должны стать «качество работы и образование», уровень квалификации, «востребованность» профессии, необходимость введения коэффициента труда, почасовая оплата.

И.: Справедливый (доход) — это пропорциональный вложенному труду. (Ж., 37 л., средний доход)

Т.: Востребованность должна быть этой специальностью. (Ж., 56 л.):

Л.: Спецификой самой работы. (М., 23 г.)

Т.: Вот почему раньше космонавты у нас были самыми богатыми? Их было мало, они делали какую-то сверхъестественную работу. (Ж., 56)

Т.-2.: Вы говорите о рынке. Востребованность — это и есть рынок. Вот сейчас востребованы инженеры и рабочие. А вспомните несколько лет назад — у нас кто были? Юристы и финансисты. (Ж., 53 г., средний доход, город)

Нестабильность оплаты и грубые нарушения трудового законодательства, различные виды дискриминации (по возрасту, полу, стажу и опыту работы в профессии) способствуют воспроизводству бедности в стране, высокой степени подвижности границы между бедными и малообеспеченными группами населения. При определенных условиях лица, входящие в эту группу, быстро могут «сползти» как к беднякам, так и пополнить более благополучные слои⁸.

В.: (...) Вот коснулись торговли. Мало того, что работаем без оформления, без обеда, без выходных, но еще и без больничного, без отпуска! То есть совершенно социально не защищены. А в нашей стране сейчас практически 80 или 60 процентов населения работает в торговле. И никто на это не обращает внимания. Я работаю в Купчино в большом комплексе, там сейчас собираются ввести рабочий день до 10. То есть на час больше.

⁸ Горшков М.К. Российская повседневность в условиях кризиса: социологическое измерение // Социология власти. 2009. №5. С. 57–74.

В приказном порядке. При этом никто не собирается поднимать зарплату. Говорят, что это приказ Матвиенко. А на каком основании? А нам говорят: не согласны — не держим. Вот вам и социальное неравенство либо вы владеете властью и информацией, либо владеете деньгами. Вот вам, пожалуйста — социальное неравенство (...) Многие на самом деле работают без оформления. Лично я работаю 10 лет без оформления. На это все закрывают глаза. И в итоге пенсии не будет. (Ж., 45 л.)

М.: Денег мало вообще. (М., 32 г.)

В.: Говорится одно, а платится другое. (Ж., 53 г., средний доход, город)

Т.: Вот меня волнует работа, потому что я студентка. И я хотела работать, чтобы получать стаж сразу, но получила отказ. В 95 процентах случаев меня не возьмут, потому что я студентка. (Ж., 20, низкий доход, город)

Еще более незащищенную и социально напряженную группу представляют собой пенсионеры, оценивающие свое материальное и моральное состояние как «унизительное и недостойное».

Т.: Пенсии просто постыдные. (Ж., 61 г.)

Н.: Недостойные. (Ж., 58 л.)

Т.: Унизительные. Смешные. Смех сквозь слезы. Когда это было, чтобы по помойкам копались! Вот я живу на Гражданском — видели, наверное, по утрам, сколько там по помойкам копаются! Раньше разве было такое? (Ж., 61 г.)

Е. И по электричкам бутылки собирают. (...)(Ж., 45 л.)

Т.: Но если бы была большая пенсия, то не копались бы. (Ж., 61 л., низкий доход, город)

Современное состояние общества показывает, что изменить свое положение и образ жизни представители малоимущих групп самостоятельно без помощи государства не могут. У них нет на это достаточно ни финансового, ни материального, ни социального капитала⁹. Однако, респонденты считают, что у каждого гражданина должна сохраняться возможность выхода из трудной жизненной ситуации. Социальное неравенство «не должно закрепляться законом».

⁹ Фрэм М. Исследования ради прогрессивного изменения: Бурдые и социальная работа // РЖ СГН. Социология. 2006. Сер. 11. №1. С. 25.

М.: Неравенство должно быть. (М., 32 г.)

В.: Но в меру! (Ж., 53 г.)

М.: Оно не должно быть закреплено законом. Должна быть возможность повышать свой уровень. А не так, что опустился на дно — и уже никогда в жизни не вышел. Такого не должно быть. (М., 32, средний доход, город)

Следствием низких заработков и низкого совокупного дохода всех членов семьи является недоступность многих видов услуг, декларируемых как гарантированные Конституцией страны. Почти тотальная коммерциализация услуг в медицине и образовании также становится фактором воспроизводства бедности и социального неравенства.

На вопрос модератора «А в каких сферах жизни социальное неравенство в большей степени проявляется?» все отвечают единогласно.

В.: Да почти во всех! (Ж., 48 л.)

Т.: Куда ни кинь. (Ж., 47 л., средний доход, село)

Т.: ... в тех сферах, где мы потребляем: обслуживание, образование, медицина, строительство, жилье. Вот во всех сферах, которые наиболее близки каждому из нас, независимо от того, мужчины мы, женщины, какое у нас образование, больные мы или здоровые. Вот во всех этих сферах у нас есть социальное неравенство. (Ж., 53 г.)

А.: И зависит оно от толщины кошелька. (Ж., 56 л., средний доход, город)

В.: Мне кажется, что в любой сфере. Сначала я думала, что в одном, но открываешь глаза — и во всем! (Ж., 53 г, средний доход, город)

Среди факторов воспроизводства бедности на первом месте — крайне дорогостоящие и некачественные услуги ЖКХ, непомерно высокая квартплата, особенно для пенсионеров. Практически полное отсутствие возможности улучшить свои жилищные условия через покупку жилья воспринимается особенно остро. Респонденты помнят время, когда можно было получить жилье по очереди или построить кооперативную квартиру. И в советское время это требовало огромных усилий, но все-таки не казалось таким безнадежным, как сейчас.

Т.: Я хочу сказать относительно себя лично. Я пенсионер. Каждые полгода в нашей стране добавляется пенсия. В нашей семье моя пенсия

идет на оплату квартиры. И как только государство мне добавляет 100 рублей, я получаю следующий месяц квитанцию на квартиру на 300 рублей больше. И это регулярно уже второй-третий год. То есть выскочить куда-то, приподняться, пойти выпить на Невском чашку кофе с пирожным я так и не могу. (Ж., 56 л., средний доход, город)

А.: У меня первый — это жилищный вопрос. У меня многодетная семья. Но чтобы купить — государство не продумало такую вещь. Ипотека есть, но я ее не могу взять. Мне нужно улучшить, чтобы я не оставался в очереди. Но придется искать свои деньги, потому что ипотека этот вопрос не решает. (М., 41 г., низкий доход, город)

М.: Вот я поднял жилищную проблему. Это выражается в том, что я не могу купить квартиру. И подавляющее большинство моих родственников тоже не может этого сделать. Недостаточно средств даже на оформление кредита. (М., 23 г., низкий доход, город)

Завышенные цены на услуги здравоохранения и системы образования приводят к тому, что для большинства населения они становятся недоступными. Примеры некачественного обслуживания, грубого обращения с пациентами и невозможность получить необходимые услуги активно обсуждались во всех фокус-группах.

Все отмеченные городскими респондентами «болевы́е ситуации» еще резче проявляются в жизни жителей сельской местности, где «различия между столицей и провинцией» более очевидны, а несправедливость носит более выраженный характер. Сельские жители отмечали, прежде всего, действие таких факторов, провоцирующих социальное неравенство, как территориальная удаленность от учреждений здравоохранения и образования, некомпетентность персонала, в первую очередь, медицинского, обслуживающего сельских жителей. Неразвитость инфраструктуры создает транспортные проблемы, невозможность минимального удовлетворения бытовых и культурных потребностей. Как правило, в большинстве поселков Ленинградской области не функционируют Дома культуры, в плачевном состоянии библиотеки, отсутствуют спортивные сооружения. Но самыми злободневными остаются проблемы трудоустройства. Развал сельского хозяйства и промышленных предприятий, ранее действовавших на территории

области¹⁰, создают условия маятниковой миграции в удаленные районные центры или отъезд на работу в Санкт-Петербург. Однако работа в мегаполисе почти всегда оказывается маловыгодной, так как требует дополнительных расходов на жилье, транспорт, а также вызывает дополнительные издержки, связанные с отсутствием прописки. Все эти трудности воспринимаются сельскими жителями как крайне несправедливые.

С.: Мне кажется, что государство само придумало это социальное неравенство. Потому что город и деревню разделили. (Ж., 39 л., низкий доход, село)

Неудовлетворенность многими сторонами жизни, обусловленная негативными, по мнению респондентов, формами социального неравенства, вызывает резкое противостояние населения и власти, которое выражается в недоверии как к действиям конкретных ее представителей, так и тем реформам и социальной политике, которую эта власть проводит.

В.: ...как говорят, рыба гниет с головы. Это власть виновата. Она нас развращает во всех сферах. А потом призывает к порядку, когда уже поздно. Когда рушилась страна в 90 году, нам говорили, что будут меценаты, которые будут вкладывать деньги, благоустраивать. (Ж., 45 л.)

Т.: Это очень долго ждать. Третье или четвертое поколение. Пока эти товарищи все свои психологические комплексы не решат. (Ж., 53 г.)

А.: Потому что это должно идти от самой власти. (Ж., 46 л., средний доход, город)

Неэффективность усилий правительства сгладить социальные проблемы и повысить благосостояние населения нередко связывается с некомпетентностью власти, оторванностью ее от реальной жизни простых людей, потерей «обратной связи» с населением страны.

Недооценка глубины этих процессов при принятии управленческих решений государственными структурами, небрежение к пробле-

¹⁰ В селе Кикерино Ленинградской области, расположенного около 70 км от Санкт-Петербурга, где проводились фокус-группы, до перестройки действовали три промышленных предприятия — завод переработки щебенки, завод по изготовлению промышленной керамики и филиал петербургского завода «Электрик». В настоящее время действует только последний, и то работает не на полную мощность. Вывод из строя двух достаточно крупных предприятий существенно сказался на всех сторонах жизнедеятельности поселка и прилегающих деревень.

мам простого человека приводит к тому, что граждане не понимают значимости проводимых реформ. На таком фоне любые мероприятия правительства и местной власти, направленные как бы на смягчение этих неравенств, вызывают недоверие и скепсис.

Анализ текстов фокус-групп достаточно убедительно показал, что социальное неравенство в России становится одной из основных социальных проблем нашего общества. А негативное отношение к нему большей части населения серьезно сказывается на успешности дальнейшего его развития. Эти выводы были подтверждены и результатами массового опроса в России¹¹.

И другие страны бывшего социалистического лагеря не избежали радикальных последствий проходящих в них трансформаций. Как и в России, социально-экономическое реформирование и переход к рыночной экономике сопровождалось резким расслоением населения. Во всех странах — участницах проекта социальное неравенство характеризовалось скачкообразной поляризацией общества на бедных и богатых и сопровождалось негативным отношением к этому населения.

Результаты анализа массового опроса

Массовый опрос населения России проводился в рамках сравнительного межстранового исследования посткоммунистических стран. Проведенное исследование дало возможность выявить не только распространенность разных установок в отношении неравенства среди населения России, но также оценить место России по этим параметрам среди других посткоммунистических стран, переживающих сходные процессы, связанные с ростом социального неравенства.

Восприятие неравенства в постсоциалистических странах связано не только с его объективным уровнем, но также с резким его изменением по сравнению с социалистическим периодом (табл. 1). Для межстрановых сравнений социального неравенства обычно используется индекс Джини.

¹¹ Социальное неравенство в странах постсоветского пространства (сравнительный анализ ситуации в России и Беларуси) / Г.В. Еремичева, Е.П. Евдокимова (и др.) // Петербургская социология сегодня: сб. науч. тр. Социологического института РАН. СПб. 2009. С. 153–259.

Таблица 1

Показатели неравенства доходов (индекс Джини), 2007¹²

Страна	Индекс Джини	Коэффициент Джини
Россия	39,9000	0,399
Латвия	37,7000	0,377
Литва	36,0000	0,360
Эстония	35,8000	0,358
Польша	34,5000	0,345
Молдова	33,2000	0,332
Румыния	31,0000	0,310
Беларусь	29,7000	0,297
Болгария	29,2000	0,292
Украина	28,1000	0,281
Венгрия	26,9000	0,269
Словакия	25,8000	0,258
Чехия	25,4000	0,254

Из всех исследованных стран самое высокое неравенство в доходах отмечается в России. К сожалению, в полной мере проследить динамику этого показателя в России за длительный период не представляется возможным, поскольку в советский период он не рассчитывался. Первые значения этого индекса в России относятся к 1992 г., когда процесс расслоения уже активно шел, о чем свидетельствует другой показатель социального неравенства — децильный коэффициент, который именно за этот год вырос почти вдвое — с 4,5 в 1991 году до 8,0 в 1992-м. Тем не менее, даже по сравнению с 1992 г., когда коэффициент Джини в России составил 0,298, рост достаточно заметный, что сказывается на восприятии социального неравенства населением.

Как следует из анализа материалов фокус-групп, негативное отношение вызывает не социальное неравенство само по себе, а его избыточность, а также несправедливое распределение как его источник. Данные

¹² Данные представлены координаторами проекта в заключительном отчете, значение индекса Джини относятся к моменту проведения опроса в каждой стране, что призвано обеспечить сопоставимость результатов. Поскольку в российских исследованиях более привычно использование коэффициента Джини, представляем оба варианта.

массового опроса показали, что подавляющее большинство населения России считает уровень социального неравенства слишком высоким.

Таблица 2

Оценка социального неравенства в исследуемых странах, в процентах
n = 15627

	Социальное неравенство слишком велико	Социальное неравенство находится на правильном уровне	Социальное неравенство недостаточно	Социального неравенства почти нет	Затрудняюсь ответить
Украина	87,0	9,8	1,5	0,3	1,3
Венгрия	85,2	11,7	1,0	0,4	1,7
Россия	83,8	8,1	4,8	0,7	2,7
Болгария	83,4	13,2	0,9	0,5	2,0
Литва	71,9	18,6	2,5	1,1	6,0
Словакия	71,1	16,2	8,3	1,3	3,1
Латвия	69,5	23,9	4,3	0,5	1,8
Чехия	68,8	28,4	1,9	0,1	0,8
Польша	63,4	26,2	3,7	2,0	4,7
Эстония	61,8	30,0	1,8	1,3	5,1
Молдова	51,1	21,1	9,9	2,8	15,2
Беларусь	48,8	27,1	8,9	4,2	11,0
Румыния	44,6	44,9	5,7	1,3	3,5

Как видно из таблицы 2, в России более 4/5 считают, что социальное неравенство в стране слишком велико. Среди исследуемых стран по доле опрошенных, считающих социальное неравенство слишком высоким, Россия занимает третье место (при самом высоком уровне неравенства, измеряемом статистическими показателями). При этом в России самая низкая доля тех, кто считает, что социальное неравенство «находится на правильном уровне».

Аналогичную картину показывает отношение населения к конкретным проявлениям экономического неравенства — имущественному положению (табл. 3) и доходу (табл. 4).

Таблица 3

Распределение мнения, что «различия в имущественном положении населения не слишком велики» в исследуемых странах, в процентах
n = 15634

	Полностью согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Совершенно не согласен	Затрудняюсь ответить
Литва	1,0	7,4	17,8	68,8	5,1
Венгрия	6,8	7,8	15,8	68,0	1,7
Болгария	6,2	6,9	21,1	63,8	1,8
Словакия	5,3	9,7	20,0	62,0	3,0
Украина	9,0	7,1	22,8	59,5	1,6
Россия	6,7	9,6	23,9	56,2	3,8
Латвия	3,1	12,0	26,7	54,6	3,6
Чехия	5,8	12,1	30,7	49,9	1,5
Польша	12,8	15,3	23,9	46,1	2,0
Эстония	2,2	12,5	36,5	44,7	4,2
Беларусь	5,4	21,1	37,6	27,8	8,1
Румыния	6,5	15,0	48,5	27,5	2,5
Молдова	5,4	20,8	37,9	23,8	12,1

При оценке имущественного неравенства Россия оказалась на шестом месте среди исследованных стран по доле респондентов, совершенно не согласных с мнением, что «различия в имущественном положении населения не слишком велики», в России доля таких респондентов составила немногим более половины.

Таблица 4

Распределение мнения, что «различия доходов в нашей стране слишком велики» в исследуемых странах, в процентах
n = 15636

	Полностью согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Совершенно не согласен	Затрудняюсь ответить
Венгрия	76,1	18,5	2,5	1,4	1,5
Болгария	71,7	24,1	3,2	0,3	0,7

Таблица 4 (продолжение)

	Полностью согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Совершенно не согласен	Затрудняюсь ответить
Словакия	71,3	22,8	2,6	1,6	1,6
Украина	65,2	27,4	4,6	2,1	0,7
Латвия	64,4	28,8	3,7	1,5	1,6
Россия	63,7	28,3	5,8	1,2	1,1
Эстония	62,0	28,9	5,1	0,7	3,3
Польша	60,1	32,8	4,1	1,3	1,8
Чехия	58,8	30,2	7,5	2,0	1,4
Румыния	53,4	38,3	5,0	0,7	2,6
Литва	43,6	46,7	4,1	0,5	5,1
Молдова	32,1	44,4	13,5	4,0	5,9
Беларусь	23,0	40,2	23,1	8,7	5,0

При оценке неравенства доходов Россия также оказалась на шестом месте среди исследованных постсоциалистических стран по доле респондентов, полностью согласных с тем, что «различия доходов в нашей стране слишком велики», эту точку зрения поддержали более 60% опрошенных. Полностью или частично с этим мнением согласны более 90% опрошенных респондентов в России, как, впрочем, и в остальных странах, за исключением Молдовы и Республики Беларусь.

Позитивная роль социального неравенства в развитии общества обычно связывается с тем обстоятельством, что неравенство в оплате труда является основой принципа материального стимулирования, повышения трудовой мотивации. В то же время величина различий, способствующих такому повышению мотивации, остается дискуссионной. Как было указано выше, при анализе фокус-групп для трудовой мотивации особое значение имеет справедливость различий в оплате: если они воспринимаются как несправедливые, такие различия скорее лишают стимула к продуктивному труду. Анкетный опрос показал отношение населения к роли количественных различий в оплате труда и доходах (см. табл. 5).

Таблица 5

Распределение мнений о необходимости больших различий в оплате труда для его стимулирования в исследуемых странах, в процентах
n = 15633

	Как Вы думаете, нужны ли такие большие различия в оплате труда для того, чтобы заставить людей работать усердно?				
	Это абсолютно необходимо	Вероятно, это необходимо	Вероятно, необходимости в этом нет	Совершенно определенно необходимости в этом нет	Затрудняюсь ответить
Украина	7,0	21,9	26,9	36,8	7,4
Россия	6,1	25,2	25,1	31,6	12,1
Болгария	11,6	32,9	18,4	22,7	14,4
Эстония	9,1	32,5	23,6	22,2	12,7
Литва	5,6	28,0	28,8	17,9	19,7
Беларусь	8,5	32,4	26,8	16,6	15,7
Словакия	14,2	39,8	20,0	14,9	11,0
Венгрия	9,9	32,8	38,2	13,4	5,7
Румыния	14,0	39,7	22,7	12,9	10,7
Молдова	16,0	34,9	19,4	11,5	18,1
Латвия	18,3	41,7	19,1	10,4	10,6
Польша	13,8	43,1	20,8	9,7	12,7
Чехия	18,0	40,9	20,8	7,0	13,3

При ответе на вопрос «Как Вы думаете, нужны ли такие большие различия в оплате труда для того, чтобы заставить людей работать усердно?» более половины российских респондентов с той или иной долей уверенности склонились к мнению, что существующие различия не являются необходимыми, а более 30% считают, что «совершенно определенно такой необходимости нет». В этом вопросе российские респонденты оказались одними из наиболее уверенных противников слишком больших различий в оплате труда, уступив только респондентам из Украины.

Таблица 6

Распределение мнения о необходимости больших различий в доходах для процветания страны в исследуемых странах, в процентах
n = 15633

	Большие различия в доходах необходимы для процветания страны					
	Полностью согласен	Согласен	Как согласен, так и не согласен	Не согласен	Совершенно не согласен	Затрудняюсь ответить
Украина	2,6	6,4	12,8	36,2	37,7	4,3
Венгрия	0,9	6,7	15,5	39,5	32,5	4,9
Россия	1,6	6,0	18,4	36,8	28,3	9,1
Болгария	1,7	10,3	21,4	39,3	22,0	5,3
Словакия	1,8	4,9	24,3	41,2	21,8	5,9
Эстония	2,1	9,6	19,5	41,9	19,2	7,8
Латвия	1,6	12,1	19,2	38,6	18,6	10,0
Литва	0,9	9,1	20,1	45,8	16,8	7,4
Беларусь	4,1	11,3	22,0	29,7	15,7	17,2
Чехия	2,8	13,1	22,3	39,4	15,4	7,1
Румыния	1,1	17,7	25,1	41,9	13,1	1,1
Польша	2,4	20,3	25,1	37,8	9,5	4,9
Молдова	2,0	16,0	30,9	29,3	7,1	14,7

При переходе оценок с индивидуального уровня на уровень страны мнения респондентов принципиально не меняются. Более 60% опрошенных в России не согласны с мнением, что «большие различия в доходах необходимы для процветания страны», причем своих 28% опрошенных совершенно с этим не согласны. По доле таких респондентов Россия оказалась на третьем месте среди исследуемых стран. Разделяют такое мнение в России менее 10%.

Другой общепризнанный в рыночных экономиках источник развития — предпринимательская прибыль (см. табл. 7).

Таблица 7

Распределение мнений о положительном влиянии прибыли предпринимателей на уровень жизни населения в исследуемых странах, в процентах
n = 15630

	Лучший способ улучшить уровень жизни каждого — разрешить предпринимателям получать хорошую прибыль					
	Полностью согласен	Согласен	Как согласен, так и не согласен	Не согласен	Совершенно не согласен	Затрудняюсь ответить
Венгрия	4,1	14,2	28,2	25,1	20,6	7,9
Украина	7,0	17,3	30,8	21,2	16,2	7,4
Россия	3,4	14,6	29,2	23,8	13,0	16,1
Словакия	5,8	20,5	33,7	23,2	10,1	6,7
Польша	5,5	24,6	29,5	23,4	8,7	8,2
Эстония	3,6	20,0	29,8	25,5	8,0	13,1
Чехия	12,2	31,5	23,2	17,5	6,4	9,2
Латвия	8,2	33,6	23,2	17,2	6,4	11,5
Литва	2,8	23,8	33,7	18,4	6,2	15,2
Румыния	4,6	40,5	30,8	18,0	5,0	1,1
Беларусь	10,6	25,6	27,0	15,8	4,1	16,9
Болгария	12,5	37,4	30,2	9,2	2,4	8,3
Молдова	9,6	34,4	30,1	10,9	2,2	12,8

По поводу суждения «лучший способ улучшить уровень жизни каждого — разрешить предпринимателям получать хорошую прибыль» мнения респондентов России наиболее противоречивы. Тем не менее, противников этой точки зрения (более 1/3) среди опрошенных существенно больше, чем сторонников (менее 1/5). По доле категорических противников этой точки зрения (13%) Россия — на третьем месте среди изучаемых постсоциалистических стран.

Связь негативного отношения к уровню неравенства с восприятием несправедливости распределения также прослеживается по материалам опроса (табл. 8).

Таблица 8

Распределение мнений о справедливом распределении богатств страны
в исследуемых странах, в процентах
n = 15638

	Обычные работающие люди получают свою справедливую долю богатства страны					
	Полностью согласен	Согласен	Как согласен, так и не согласен	Не согласен	Совершенно не согласен	Затрудняюсь ответить
Болгария	1,0	3,0	9,3	37,1	45,4	4,1
Украина	2,5	5,1	10,5	35,7	44,3	1,9
Венгрия	2,6	4,0	11,0	43,7	36,6	2,1
Россия	2,7	7,8	13,1	36,4	36,6	3,6
Чехия	0,7	7,3	20,1	40,8	24,7	6,4
Словакия	1,4	5,8	23,4	43,1	22,4	4,0
Польша	1,5	9,8	16,8	43,1	20,4	8,5
Латвия	0,7	11,4	20,5	45,8	17,0	4,7
Беларусь	3,4	18,8	20,9	37,5	14,2	5,2
Румыния	1,3	20,9	21,6	42,2	13,1	0,9
Эстония	2,6	12,1	22,2	41,5	11,6	9,8
Молдова	3,5	17,0	27,0	30,3	8,5	13,7
Литва	30,9	52,1	12,5	2,1	0,2	2,2

Как видно из таблицы 8, $\frac{3}{4}$ опрошенных респондентов в России не согласны с мнением, что «обычные работающие люди получают свою справедливую долю богатства страны», причем более $\frac{1}{3}$ — совершенно не согласны. По доле таких респондентов Россия занимает четвертое место среди исследуемых стран. Разделяют это суждение всего около 10% опрошенных в России.

Такое распределение доходов — во многом результат экономической и социальной политики государства. Вариация суждений о необходимости государственного регулирования доходов населения представлена в табл. 9.

Таблица 9

Распределение мнений о необходимости государственного регулирования доходов населения в исследуемых странах, в процентах
n = 15642

	1. Правительство не должно беспокоиться о том, насколько равны доходы людей или 2. Правительство должно, насколько это возможно, уравнивать доходы людей					
	Определенно первое суждение	Скорее первое, чем второе	Ни первое, ни второе	Скорее второе, чем первое	Определенно второе суждение	Затрудняюсь ответить
Литва	4,2	8,5	5,9	31,8	41,5	8,1
Польша	12,4	12,8	9,3	22,4	37,7	5,5
Россия	5,1	11,1	16,4	27,0	34,4	6,1
Болгария	7,2	10,0	15,6	28,9	34,1	4,1
Венгрия	4,5	10,9	13,6	36,2	31,7	3,2
Латвия	5,9	10,8	14,4	36,9	30,7	1,4
Румыния	11,1	15,8	19,6	25,1	28,1	0,3
Украина	8,3	11,1	16,5	33,3	28,1	2,7
Словакия	9,0	15,3	21,4	27,4	23,8	3,0
Эстония	11,3	15,4	16,0	29,5	21,7	6,1
Чехия	15,4	21,0	21,2	19,8	18,9	3,7
Беларусь	7,5	16,8	21,9	29,2	16,9	7,7
Молдова	12,0	19,0	20,5	25,9	16,1	6,4

Учитывая, что подавляющее большинство респондентов в России считают уровень социального неравенства и различия в доходах слишком высоким, не удивительно, что совсем немногие (чуть более 16%) в какой-то степени готовы разделить мнение, что «правительство не должно беспокоиться о том, насколько равны доходы людей». Большинство российских респондентов (более 60%) с той или иной долей уверенности склонны полагать, что «правительство должно, насколько это возможно, уравнивать доходы людей», а более трети определен-

но отдают предпочтение этому суждению. Эта доля в России — также одна из самых высоких среди исследуемых стран.

Таблица 10

Распределение мнений о необходимости государственного регулирования зарплат, цен и прибылей частных компаний в исследуемых странах, в процентах
n = 15638

	1. Правительство должно предоставить возможность частным компаниям и предприятиям самим устанавливать размер зарплат, цен, прибыли или					
	2. Правительство должно контролировать зарплату, цены и прибыль					
	Определенно первое суждение	Скорее первое, чем второе	Ни первое, ни второе	Скорее второе, чем первое	Определенно второе суждение	Затрудняюсь ответить
Украина	6,9	10,2	9,4	31,4	37,3	4,8
Россия	4,8	11,5	14,0	25,7	37,2	7,1
Болгария	12,5	13,0	19,5	20,5	28,9	5,6
Польша	14,5	15,8	12,2	22,1	27,0	8,3
Венгрия	4,0	10,3	18,6	37,6	25,4	4,1
Румыния	15,1	19,8	19,8	22,1	23,0	0,2
Эстония	12,2	16,8	14,5	27,6	22,9	6,0
Молдова	7,9	16,2	20,0	26,0	21,8	8,2
Латвия	11,0	15,4	17,4	32,6	20,9	2,8
Литва	9,0	14,5	12,6	29,8	20,4	13,8
Беларусь	9,7	20,9	17,6	25,0	16,7	10,1
Словакия	10,4	17,9	29,4	23,6	14,5	4,2
Чехия	22,0	23,1	24,1	16,0	9,3	5,6

Более 60% опрошенных в России поддерживают мнение, что «правительство должно контролировать зарплату, цены и прибыль» (из них более 37% определенно отдают предпочтение этому суждению). Противоположное суждение, что «правительство должно предоставить возможность частным компаниям и предприятиям самим устанавливать размер зарплат, цен, прибыли» поддержали в России лишь около 15% респондентов.

При оценке реальной деятельности правительства выяснилось, что лишь немногим более 1/5 опрошенных в России считают, что правительство «вносит наибольший вклад в уменьшение социального неравенства»; почти столько же, напротив, считают, что правительство «вносит наибольший вклад в его увеличение». Деятельность правительства во многом способствует закреплению существующего неравенства и его углублению — в результате разные люди, являющиеся гражданами одной страны, оказываются живущими в разных мирах.

Таблица 11

Распределение мнения о разных законах для богатых и бедных
в исследуемых странах, в процентах
n = 15639

	Для бедных существуют одни законы, для богатых — другие					
	Полностью согласен	Согласен	Как согласен, так и не согласен	Не согласен	Совершенно не согласен	Затрудняюсь ответить
Болгария	47,6	37,6	8,7	2,7	1,3	2,1
Украина	47,1	32,3	9,5	6,9	1,9	2,3
Россия	37,8	36,8	14,7	6,9	1,2	2,7
Чехия	35,2	36,0	15,8	9,6	2,6	0,8
Литва	29,6	40,8	17,6	8,6	0,8	2,6
Польша	24,7	40,1	14,2	15,4	3,2	2,5
Эстония	24,1	36,5	20,2	12,5	4,1	2,6
Венгрия	23,1	28,5	20,7	16,6	8,8	2,2
Беларусь	19,6	40,3	22,2	11,3	2,5	4,1
Румыния	18,2	39,5	15,8	21,0	4,6	0,9
Словакия	14,1	19,0	14,5	32,9	17,2	2,1
Латвия	10,5	20,4	9,3	39,2	18,8	1,9
Молдова	8,0	31,2	19,7	27,5	7,6	6,0

Как видно из таблицы 11, около $\frac{3}{4}$ респондентов в России в той или иной степени согласны с тем, что «для бедных существуют одни законы, для богатых — другие» (полностью согласны с этим суждением более 1/3), не разделяющих эту точку зрения — менее 10%.

Выводы

Относительно высокий уровень неравенства в России, а также резкое его увеличение по сравнению с советским периодом привели к негативному отношению населения к этому явлению. В то же время, несмотря на то, что объективные показатели неравенства (в частности, коэффициент Джини) из всех исследуемых постсоциалистических стран наиболее высоки в России, мнение населения ни по одному вопросу не является наиболее (резко) радикальным. Следовательно, можно сделать вывод о том, что восприятие социального неравенства в российском обществе характеризуется как проблемное. Данные межстранового анализа показали, что в ряду обследуемых постсоциалистических стран есть такие, в которых эта проблема ощущается более остро, хотя объективные количественные показатели социального неравенства более низкие. В этой связи можно предполагать, что влияние неравенства как угрозы равновесию в обществе в России оказывается не самым сильным.

Тем не менее, при межстрановом сравнении мнений почти по всем вопросам Россия оказывается среди стран с наиболее негативным отношением к социальному неравенству, его истокам и последствиям — и, соответственно, нуждается в пристальном внимании и действенных мерах по его смягчению.

Отсутствие достаточного внимания к проблемам социального неравенства становится тормозом к успешной реализации различных мероприятий социальной политики, а возникающий негативный социальный фон препятствует благоприятному экономическому и социальному развитию страны.

С.Н. ИГНАТОВА, Е.М. ПОРЕЦКИНА

МОЖНО ЛИ РЕШИТЬ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА? (по результатам анализа фокус-групп России и Беларуси)¹

Аннотация. Статья основана на результатах фокус-групп, проведенных в рамках сравнительного международного проекта «Социальное неравенство и что оно означает для экономического и демократического развития Европы и ее граждан. Посткоммунистическая Центральная и Восточная Европа в сравнительной перспективе» (2006–2009) и посвящена анализу предлагаемых респондентами путей уменьшения социального неравенства в России и Беларуси. В ходе анализа выделяются экономические и политические пути смягчения социального неравенства для индивидов. Отдельно анализируется роль социальных и политических институтов в улучшении ситуации с социальным неравенством в обеих странах.

Ключевые слова. Социальное неравенство, социальные и политические институты, власть, экономическая политика, экономическое и политическое поведение

Процесс перехода от полностью общегосударственной социалистической экономики к рыночной модели хозяйствования при отсутствии исторического опыта обусловил появление во многих странах СНГ, Центральной и Восточной Европы собственных моделей развития транзитивных экономик. Модели эти различаются степенью государственного вмешательства в экономическую жизнь, уровнем либерализации и приватизации, динамикой экономических преобразований и благосостояния народа.

Российские реформы проводились под лозунгом максимальной либерализации экономики и минимального вмешательства государства в ход рыночных реформ. Общим для всех стран является то, что

¹ Статья подготовлена по материалам международного проекта Комиссии Европейских Сообществ EUREQUAL «Социальное неравенство и что оно означает для экономического и демократического развития Европы и ее граждан. Посткоммунистическая Центральная и Восточная Европа в сравнительной перспективе» (2006–2009). В рамках проекта были проведены массовый опрос по репрезентативной выборке (N=2000 в России и N=1000 в Беларуси) и восемь фокус-групп (четыре в России и четыре в Беларуси), по две в крупном городе и сельской местности. В каждой фокус-группе участвовало по 12 человек, четыре группы проведены с респондентами со средним доходом, четыре — с низким доходом. Уровень дохода рассчитывался исходя из данных Госкомстата Российской Федерации и Республики Беларусь на момент опроса. Выборка была выровнена по полу, возрасту, образованию и характеристикам занятости.

проблемы социального неравенства попали в фокус социальной политики и стали изучаться.

Российские экономисты и социологи отмечают, что неравенство в зависимости от условий, в которых оно реализуется, может оказывать противоположное влияние на состояние общества (А.Ю. Шевяков, А.Я. Кирута, В.В. Сопцов, Н.М. Римашевская и др.)². Согласно исследованиям А.Ю. Шевякова и А.Я. Кируты, различным видам экономического, социального и демографического поведения соответствуют определенные пороговые уровни доходов. Если уровень дохода ниже порогового, то экономически активное поведение не может быть полноценно осуществимым. Исследователи установили взаимосвязь между экономическим неравенством в обществе и социально-экономическими показателями по России в целом и отдельным российским регионам, а также предложили разложить показатель неравенства на «нормальное» и «избыточное». Общее неравенство доходов населения внутри регионов относительно слабо связано с макроэкономическими показателями, при этом нормальное и избыточное неравенство существенно влияют на уровень валового регионального продукта (ВРП), показатели рождаемости и смертности. Как считают исследователи, если большая часть общества видит в существующем уровне социального неравенства стимул для развития и население испытывает минимальный дискомфорт от неравенства оплаты труда, неравенства положения в обществе, то такое социальное неравенство можно считать позитивным, нормальным. Если же значительная часть общества не видит способов улучшения своего положения за счет собственных усилий, а уровень тревожности в обществе растет, то такое социальное неравенство можно считать избыточным: оно разрушительно действует на социально-экономическое поведение людей³. Кроме того, когда значительная часть населения

² Римашевская Н. О проблеме преодоления бедности и неравенства // Экономическая наука современной России. 2005. №3. С. 47–51; Шевяков А.Ю. Неравенство, экономический рост и демография. М.: РИГ: ИСЭПН РАН, 2008; Шевяков А.Ю., Жаромский В.С., Сопцов В.В. Современная социальная политика: анализ эффективности и направления реформирования. М.: ИСЭПН РАН, 2008; А.Ю. Шевяков, А.Я. Кирута. Влияние социально-экономических факторов на демографические процессы // Народонаселение. 2007. №4. С. 4–20.

³ Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Экономическое неравенство, уровень жизни и бедность населения России: методы измерения и анализ причинных зависимостей. М.: РПЭИ, 2000; Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Измерение экономического неравенства. М.: «Лето», 2002; Шевяков А. Снижение избыточного неравенства и бедности как фактор

получает низкую заработную плату, это значит, что трудовой потенциал этих людей используется неэффективно, а люди не имеют возможности осуществлять свои экономические и социальные функции. Именно такая ситуация сложилась в России. «Нормальное неравенство не только допустимо, но и желательно, социально оправдано... Избыточное же неравенство тормозит экономический рост и создает угрозу социально-политической стабильности»⁴.

Положение с уровнем социального неравенства в Республике Беларусь нельзя характеризовать в терминах избыточного. Модель «государственного капитализма», «социально-ориентированной рыночной экономики», реализуемая президентом и правительством этого государства, удерживает социальное неравенство в допустимых нормах. Но, подчинив экономику управленческим структурам, Беларусь получила другой тип неравенства — не неравенство между богатыми и бедными, а неравенство между теми, кто имеет доступ к власти и, соответственно, к ресурсам, и теми — то есть основной массой населения — кто такого доступа не имеет. Неслучайно «неравенство перед законом» становится основным проявлением социального неравенства, по мнению белорусских респондентов, а выравнивание размеров заработных плат (при их низком уровне), уплощение профиля экономической стратификации общества становится тормозом экономического развития, так как снижает трудовую мотивацию в обществе⁵. К тому же, как отмечают многие экономисты, ослабляя политический гнет и государственное регулирование экономики, страна неминуемо получит рост социального неравенства в обществе.

При этом одной из ведущих задач социально-экономической политики обоих государств должна стать поддержка оптимального уровня неравенства в обществе и противодействие росту избыточного неравенства. На материалах фокус-групп проекта EUREQUAL и с привлечением результатов массового опроса мы проанализировали,

экономической динамики и роста инновационного потенциала России // Общество и экономика. 2006. №11–12. С. 5–36; *Шевяков А.Ю., Кирута А.Я.* Экономическое неравенство, уровень жизни и бедность населения России: методы измерения и анализ причинных зависимостей. М.: РПЭИ, 2000.

⁴ Социальное неравенство и публичная политика / под ред. В.А. Медведева (и др.). М.: Культурная Революция, 2007. С. 34.

⁵ *Соколова Г.Н.* Социологическая экспертиза как инструмент анализа социальных последствий экономических реформ в Беларуси // Общество и экономика. 2004. № 7–8. С. 312–321.

как граждане представляют проблему социального неравенства, видят ли они пути ее смягчения и какие механизмы решения этой проблемы предлагают.

В соответствии со сценарием фокус-групп респондентам был задан вопрос: «можно ли что-то сделать с социальным неравенством?». Дискуссия была построена таким образом, что респонденты вначале обсуждали пути и способы уменьшения социального неравенства, зависящие от личных усилий индивида, затем — пути смягчения социального неравенства, зависящие от различных институтов общества (правительства, общественных, религиозных организаций и т. д.), а в конце обсуждения — возможные меры, которые, по их мнению, должны быть направлены на снижение социального неравенства. Следует отметить, что обсуждение вопросов смягчения остроты социального неравенства свелось к проблеме улучшения собственного благосостояния. При этом рассматривались различные стратегии такого улучшения — экономические, сетевые (использование социальных сетей и индивидуальных связей) и политические. Таким образом, наш анализ данной проблемы будет состоять из двух частей: в первой мы рассмотрим все те варианты смягчения проблем социального неравенства, которые зависят от непосредственных действий самого индивида, а во второй — те действия по уменьшению неравенства, которые население ждет от государственных и общественных структур. Дискуссия не показала существенных отличий в высказываниях респондентов в зависимости от пола, возраста, образования или характеристик занятости. Если такие отличия все же наблюдались, на них в тексте статьи обращалось особое внимание.

1. Можно ли что-то сделать с социальным неравенством?

Перед тем, как перейти непосредственно к анализу вышеназванной проблемы, хотелось бы обрисовать общий фон дискуссии. В целом, обсуждая проблемы социального неравенства в обществе, большинство респондентов во всех группах констатировали, что неравенство будет существовать всегда — как элемент, присущий любому обществу, создаваемый естественными или социальными условиями. Часть респондентов воспринимала неравенство как фактор, являющийся определенным стимулом для развития, для «личностных достижений», для «создания целей для устремлений», для «прогресса». Другая часть, признавая неизбежность неравенства, полагала, что в со-

временном обществе оно гипертрофировано, респонденты говорили о необходимости смягчения его проявлений, регулирования со стороны государства избыточного неравенства («не должно быть такого резкого расслоения на богатых и бедных в обществе», «пропасти не должно быть», неравенство «должно быть, но в меру»).

Такой вывод, на первый взгляд, в определенной степени противоречит исследованиям, проводящимся в последнее время и посвященным именно восприятию проблемы социального неравенства в современном российском обществе. Например, в публикациях Р. Рывкиной делается вывод о высокой степени эгалитарности массового сознания в российском обществе⁶. Однако в нашем случае сначала обсуждалась проблема социального неравенства как общественного явления. И при таком подходе респонденты обнаружили вполне разумный подход — социальное неравенство имманентно присуще любому обществу, проблема состоит в «мере» неравенства и способах его регулирования.

В целом респонденты обеих стран разделились на две группы исходя из своего отношения к возможностям смягчения социального неравенства в обществе. Первая группа придерживается той точки зрения, что с социальным неравенством **ничего нельзя сделать** ни на личностном, ни на институциональном уровнях. Причем если в белорусских группах это были единичные высказывания, то в российских группах участников, поддерживающих это мнение, значительно больше. В качестве подтверждения своей позиции респонденты выдвигали следующие тезисы:

- ничего делать не нужно, так как социальное неравенство — это естественный элемент существования любого общества («реалисты»):

К.: Можно решить, что оно нужно. И тогда ничего не делать. (М., 24)

Т.-2: Хорошо Константин сказал! (Ж., 53) А.: Ничего мы не можем поменять. Оно всегда будет. (М., 20, средний доход, город, Россия)

- любые усилия (личностные или со стороны государства), направленные на уменьшение социального неравенства, ни к чему не приводят («пессимисты»):

⁶ Рывкина Р. Социальные неравенства в постсоветской России // Свободная мысль—XXI. 2004. №5. С. 82–92 и др.

Т.-1: Мне кажется, даже если предпринимать какие-то шаги, все равно ничего не получится. (Ж., 20) В.: Да, не получится. (Ж., 48, низкий доход, село, Россия)

О.: Все ограничивается только обещаниями, и действительно, нет людей, которые бы хотели что-то сделать для народа, а не для себя лично. (Ж., 28, средний доход, село, Россия)

Вторая группа (назовем таких респондентов «оптимистами») полагала, что **уровень социального неравенства в обществе можно изменить**. Тех, кто придерживается этой точки зрения, и в России, и в Беларуси значительно больше. При этом ответственность за такие изменения, как правило, возлагалась респондентами на руководство своих стран, хотя результаты, по их мнению, будут видны не скоро, через десятилетия.

Т.-1: Это только от правительства зависит. От власти. Больше ни от кого. (Ж., 56, средний доход, город, Россия)

Но были единичные высказывания и о том, что изменение уровня социального неравенства зависит от самих людей.

Т.-2: Не все, но что-то от нас зависит... Кто-то из мальчиков сказал, что социальное неравенство — это своего рода толчок для каких-то действий. Что это стартовая площадка. Так если мы сами сознаем, что это стартовая площадка, то это логически и выходит, что мы можем в каких-то моментах изменить. (Ж., 53) Л.: Скорее откорректировать! Это очень важно. Не изменить, а откорректировать. (М., 23, средний доход, город, Россия)

Ю.: То есть нам с вами, людям, надо измениться. (М., 45, низкий доход, село, Беларусь)

Т.: ...То есть должно быть понимание с обеих сторон: и со стороны народа, и со стороны власти. Тогда может что-то измениться. (Ж., 37, средний доход, город, Беларусь)

С одной стороны, социальное неравенство — это толчок для индивидуума, повод для того, чтобы предпринять какие-то действия для улучшения своей позиции, с другой стороны, — для того чтобы социальное неравенство стало стимулом для изменений в обществе в

целом, необходимо осознание его как общественной проблемы и со стороны населения, и со стороны власти⁷.

2. Способы смягчения социального неравенства, зависящие от конкретного индивида

Проблемы смягчения социального неравенства в обществе для респондентов в ходе фокус-групп оказались прежде всего проблемами уменьшения *избыточного* социального неравенства. Это, в свою очередь, тесно связано с улучшением собственного материального благосостояния. Таким образом, дискуссия свелась к проблемам увеличения дохода, улучшения качества и условий жизни. Среди основных проявлений социального неравенства были выделены неравенства в доходах, неравенства в возможности доступа к конституционно гарантированным социальным благам и неравенство в доступе к власти (возможность участвовать во властных структурах и доступность институтов власти)⁸. Таким образом, для респондентов обеих стран повышение своего благосостояния автоматически смягчает два первых проявления социального неравенства и значительно уменьшает третье проявление.

2.1. Экономическая стратегия

Большинство респондентов в России и Беларуси выбрали изменение индивидуальной трудовой стратегии в качестве одного из основных способов улучшения своего материального положения, что в конечном итоге будет способствовать смягчению социального неравенства в обществе. Назовем такую стратегию «экономической». Эта стратегия включала в себя большую активность на рынке труда, интенсификацию своего труда, дополнительную занятость и т. п.

Преимущественный выбор «экономической» стратегии респондентами фокус-групп совпадает с результатами массового опроса, в соответствии с которыми подавляющее большинство респондентов

⁷ Именно такой подход является ключевым в коллективной монографии российских социологов и экономистов «Социальное неравенство и публичная политика» / под ред. В.А. Медведева, М.К. Горшкова, Ю.А. Красина. М.: Культурная Революция, 2007.

⁸ Социальное неравенство в странах постсоветского пространства (сравнительный анализ ситуации в России и Беларуси) / Г.В. Еремичева, Е.П. Евдокимова (и др.) // Петербургская социология сегодня (Сборник научных трудов Социологического института РАН). СПб.: Нестор-История, 2009. С. 153–259.

обеих стран считали, что «чтобы добиться успеха в жизни, важно усердно работать» (88,1% в России и 91,2% в Беларуси). Среди факторов, которые «могли бы повысить уровень жизни», и в России и в Беларуси на первом месте стоял вариант «найти новую работу», а на втором — «открыть свое дело». Однако выбор предпринимательской деятельности как варианта экономической стратегии в фокус-группах встречался в единичных случаях. Основной причиной такого осторожного отношения к предпринимательству являлась, по словам респондентов, нехватка стартового капитала и недостатки законодательства для ведения собственного бизнеса.

И: Буду работать больше — мне будут больше платить. Если я буду на два часа больше работать и еще по субботам, то мне будут больше платить. И если я вложу эти деньги в какие-то акции, ПИФы, это может вырасти. Ну, не очень, но примерно так. (М., 23) М: Если инвестировать? И.: Да. И подрабатывать, всеми способами — законными и незаконными. Можно, да. (М., 23, низкий доход, город, Россия)

Н.: Да, работать надо. Если человек не будет работать, а будет сидеть дома и ждать, что упадет манна небесная, то ничего не будет. (Ж., 30, низкий доход, село, Россия)

С.: Найти вторую работу себе... Да, если найду средства, то обязательно вложу. Я пока сменила уже третью работу. И ищу 26-й час в сутках. (Ж., 35, низкий доход, город, Беларусь)

Т.: Это то, чем я сейчас и занимаюсь. Сейчас у меня единственный выход из создавшегося моего положения. У меня есть основная работа и плюс сто подработок. Легальных и нелегальных. Таким образом я и выживаю. (Ж., 37, средний доход, город, Беларусь)

В целом по ответам на вопрос о том, может ли сам человек что-то сделать для уменьшения социального неравенства, всех респондентов можно разделить на две группы. **В первую входили люди, которые предпочитали полагаться только на свои силы** и верили, что улучшения условий своей жизни могут добиться собственными усилиями. Они не ожидают никакой поддержки от государства, и при этом их главное требование к властям — «не мешать».

К.: (...) Либо ты сам будешь на себя горбатиться и чего-то добьешься, либо государство тебе ничего не принесет. (М., 24, средний доход, город, Россия)

А.: Не дайте денег, а дайте заработать. (М., 47, средний доход, село, Россия)

Т.-1: Говорят, что мы сами творцы своей судьбы. Если человек хочет чего-то добиться, то он обязательно добьется. Если у него будет стимул это сделать. (Ж., 20, низкий доход, село, Россия)

А.: Надо, чтобы давали заработать больше. И все! Люди бы сами заработали. (Ж., 55) Т.: Дать возможность зарабатывать. Ты должен знать, что если ты можешь работать, то работай — и получай. А не хочешь — сиди в бомжах. (Ж., 26) С.: Да, я согласна. Надо дать возможность заработать. (Ж., 39) Т.: Но как дать эту возможность? У нас нет этой возможности абсолютно. (Ж., 26) С.: Поэтому ее нужно дать. Мы и хотим, чтобы ее дали. (Ж., 39) Ю.: Я тоже поддерживаю, что надо дать возможность. (Ж., 29, средний доход, село, Беларусь)

Выбор подобной активной позиции при минимальных патерналистских ожиданиях преобладал во всех российских и белорусских группах, как в городе, так и на селе. Однако интенсификация труда, по мнению респондентов, имеет и негативную сторону — для женщин дополнительная занятость идет в ущерб семье, воспитанию детей, и для всех, как правило, влечет за собой переутомление, болезни: недаром в связи с этим в белорусских группах в дискуссии упоминалась проблема ранней мужской смертности.

В.-2: Сейчас Екатерина говорила, что одна и вторая работа. Но если у вас будут дети, то какая из вас мама после двух работ? Это мы призывали по старинке: остаться сверхурочно, пойти на вторую работу, еще что-то. То есть загрузая себя же. (М., 44) А.: А жить-то когда, да! (М., 25) В.-2: Да, вы загубите свою молодость. И доживете не до 100 лет, а до 40. Вот год назад я был на кладбище. И смотрю, что мужчины умирают вообще в молодом возрасте! Кто спивается, кто еще что-то. (М., 44, средний доход, город, Беларусь)

Н.-1: Я пыталась. Я одно время так работала. Но надоело работать за эту мизерную зарплату, выкладывать все свои душевные силы и физические.

А нужно было жить лучше, хотелось жить лучше. И я работала на трех работах. Но я уходила в полседьмого и приходила в 11 вечера. Вот так я прожила два года. Но сколько можно? Это же издевательство над человеком! И почему я должна затрачивать море своих сил? Я уже забыла, что такое я. Надо быть самой собой. (Ж., 46, низкий доход, город, Беларусь)

В ходе дискуссии в обеих странах высказывались мнения о том, что если бы уровень зарплат соответствовал трудовым затратам, то никакой дополнительной занятости и изматывающих подработок не потребовалось. В связи с этим респонденты часто приводили в качестве примера уровень зарплаты в других странах — Швеции, США, Германии. При этом недовольство выражалось не столько абсолютным уровнем заработной платы, сколько ее относительным выражением, невозможностью удовлетворить базовые потребности (в образовании, медицинском обслуживании, жилищной обеспеченности, досуге и т. д.), соответствующие современному уровню развития общества.

Ю.: (...) Если только дополнительно какую-то работу искать, это реально вообще, но времени не будет вообще ни на что, но зато деньги будут. (М., 42) Н.: Лучше одну работу с зарплатой, чем десять. (М., 53, средний доход, село, Россия)

Во вторую группу вошли респонденты, которые считали такую «экономическую» стратегию неприемлемой именно для себя: «большая часть моей жизни уже пройдена», «поздно уже», «время упущено», «уже не хватит сил», «мы опоздали». Как правило, такие высказывания принадлежали людям старшего, пенсионного возраста, но иногда об этом говорили и люди среднего возраста.

М: Вы можете что-то экономически предпринять, чтобы изменить свое положение?

В.: Я думаю, что нет, я бессильна. 10 лет тому назад — может, да. У меня даже уверенность была. А сейчас я точно знаю, что у меня не хватит сил. Раньше у меня была энергия, а сейчас я даже по себе вижу, что я очень стала пассивна. Потому что бесполезно об стенку головой биться. Я знаю, что все равно они примут решение за меня — что им выгодно, что им удобно, то они и сделают. Это бесполезно. (Ж., 53, средний доход, город, Россия)

В данной связи неоднократно высказывалось мнение, что улучшение положения собственными усилиями возможно лишь для трудоспособных граждан и неприемлемо для социально уязвимых групп

населения (инвалидов, многодетных и т. д.). По мнению участников фокус-групп, для смягчения проблем социального неравенства для этих категорий населения требуются обязательное вмешательство и помощь государства.

Т.-2: (...) Но изначально есть базовые моменты социального неравенства, которые от нас не зависят. Мужчина—женщина, здоровый—инвалид. А есть те, которые сверху. И их можно решить при желании. (Ж., 53, средний доход, город, Россия)

В российских сельских группах общее настроение было чуть более оптимистичным, чем в белорусских: здесь высказывались идеи о возможности вести подсобное хозяйство, мелкий бизнес. Некоторые жители уже используют преимущества сельского образа жизни — работают на приусадебных участках, разводят скот и т. д.

Н.-1: Конечно, можем. Надо работать. Сейчас заработать можно запросто. Вот мои знакомые молодые ребята работают — по 30 000 спокойно в городе выбивают. (...) Да можно станочек в гараже поставить, корову завести. Тут есть чем заняться. Здесь мерседесов не меньше, чем в городе. Тут возможностей не меньше, чем в городе. Люди живут. (М., 49, низкий доход, село, Россия)

Белорусские сельские респонденты практически вообще не видят для себя возможностей изменения ситуации к лучшему. В деревне невозможно найти дополнительный заработок, зарплаты низкие и фиксированные. Поменять работу затруднительно, так как предложение мест работы очень ограничено: сельское хозяйство, школа, больница, магазин. Взять кредиты на развитие собственного дела невозможно из-за бюрократических препон. Некоторые респонденты высказывали желание уехать в город, однако ситуация с отсутствием жилья в городе не позволяет им это сделать.

Л.: Я из этой деревни выехать не могу, не то что работу сменить! У меня пока выхода никакого нет. (Ж., 35) А.: Равных возможностей пока нет. (М., 58) Л.: Пока нет, да. (Ж., 35) С.: Работу тут нельзя найти. Если есть какая-то оплачиваемая работа, то она занята. (Ж., 49, низкий доход, село, Беларусь)

С.: Тут никак нельзя пойти на вторую работу, потому что тут нет мест. Куда пойти? Нет свободных мест. Только школа и совхоз. (Ж., 39, средний доход, село, Беларусь)

Таким образом, для жителей белорусского села экономический путь улучшения своего положения гипотетически возможен, но в реальности почти невыполним, и в значительной степени зависит от экономической политики государства.

2.2. «Сетевая» стратегия (использование социальных связей для решения проблем социального неравенства)

Еще одним способом улучшения своего положения, который был предложен модератором для обсуждения, было использование личных связей. В большинстве фокус-групп такая «сетевая» стратегия была признана гипотетически вполне работоспособной: наличие знакомств во властных структурах вполне может помочь решить частные проблемы индивида. Правда, как оказалось, никто из респондентов этими связями не обладал, но несколько российских респондентов заявили, что собирались предпринимать действия по их поиску.

Е.: Конечно, если личные связи есть, то даже в моем возрасте можно. (Ж., 62) А.: Конечно, если есть связи, то очень много можно сделать. И трудоустройство, и поступление в вуз. (Ж., 22, низкий доход, город, Россия)

А.: Если, как у нас говорят, есть «волосатая лапа», то можно выбиться как-то, но если ее нет, то бесполезно дергаться. Смысла нет никакого, напрасно тратить нервы и здоровье свое. Сам крутись, но на другую помощь не рассчитывай. (М., 47, средний доход, село, Россия)

Однако для многих белорусских респондентов использование личных связей оказалось вообще неприемлемым. Как высказался один из сельских респондентов, это «неправедный путь».

Н.-1: ... Я верю только в себя... Если человек сам строит свою жизнь, то только от него зависит. (Ж., 46, низкий доход, город, Беларусь)

Ж.: Я со своими трудностями привыкла бороться сама. (Ж., 37, низкий доход, село, Беларусь)

Результаты массового опроса также подтверждают данные фокус-групп: и в России, и в Беларуси подавляющее число респондентов признали важными знакомства с нужными людьми (91,5% и 93,7%) или политические связи (67,2% и 60,5%). Вопрос о том, сколько респондентов обладают такими связями, задан, к сожалению, не был.

2.3. «Политическая» стратегия

«Политическая» стратегия предполагала активное участие в политической жизни страны, партийную деятельность, общественную

активность и т. д. с целью улучшения своего материального положения или продвижения по социальной лестнице. Эта стратегия привлекла очень мало участников в обеих странах. При этом в дискуссии акцент сдвинулся с решения личных проблем с помощью «политической» стратегии на общее недоверие респондентов к институту политической партии. И в России, и в Беларуси об участии в партийных структурах респонденты отзывались негативно, при этом использовались эмоционально окрашенные определения, такие, как «политика — грязное дело», «вера пропала», «боже упаси», «там одни болтуны», причём независимо от возраста участников.

И.: Вера пропала ко всем партиям. (М., 23, низкий доход, село, Россия)

Н.: Боже упаси, я был партийным, во наелся! (М., 53, средний доход, село, Россия)

О.: При помощи политики — нет. Только работа. (Ж., 31, низкий доход, город, Беларусь)

Л.: Мы хотим спокойно жить, работать, растить детей. А политика — это не такой путь. Это для того, кто к этому тяготеет. (Ж., 35, низкий доход, село, Беларусь)

Только двое российских респондентов, молодые люди 23 лет, заявили, что гипотетически готовы были бы пойти таким путем исключительно из карьерных соображений.

Т., Н.: Нет, нет. Ни в коем случае. (Ж., 50; Ж., 44) М.: А я готов. Но пока не могу сказать, в какую партию. (М., 23) Р.: Чья программа вам ближе. (Ж., 45) М.: Да-да, скорее всего, которая ближе ко мне по программе. (М., 23) И.: Из корыстных целей? Если из корыстных, то все равно. (М., 23) М.: Не обязательно корыстные цели, но чтобы у тебя была возможность влияния. Через партию легче влиять на власть. (...) (М., 23, низкий доход, город, Россия)

Интересно, что из всех четырех российских групп в партиях состояла только одна женщина в сельской группе (партия «Жизнь»), да и она признала бессмысленность своего членства.

В Беларуси ситуация с политическим участием в жизни страны несколько иная. Там молодежь, работающая на государственных предприятиях, а также студенты фактически принудительно загоняются в БРСМ (Белорусский республиканский Союз молодежи), участие в нем навязывается сверху (там нужно «только кивать головой»). В реальности этот союз (партия) слишком идеологизирована, и отталкивает

большинство граждан тем, что скорее напоминает бывший комсомол, чем реально действующую политическую силу.

А.: У нас хочешь или не хочешь, а если пришел на государственное предприятие, надо обязательно вступить в БРСМ. (М., 25) А.-1: Да, 300 000 человек в БРСМ, такая масса большая молодежи, такая мощная сила, ну а что они делают, я не вижу. Что делает этот БРСМ? Они говорят, что мы на субботники ездим, убираем там что-то. То есть обратно в лапти, в коммуну. Мне почему-то это больше напоминает модель — я не жил, когда были пионеры и комсомольцы, но это все очень сильно напоминает. И это негативно все. (...) А.-1: Понимаете, там слишком много идеологии. Идеология — это самое плохое. Слишком узкая направленность этой идеологической дорожки. Причем идеологическая дорожка полностью соответствует направленности политической в нашей стране. (М., 20, средний доход, город, Беларусь)

Кроме непосредственного членства в политических партиях, возможен еще **социально-политический путь**: борьба за свои права, участие в выборных органах и т. д. Об этом спонтанно упомянули респонденты в двух российских фокус-группах, однако развития эта тема не получила. Призывы бороться за свои права (например, устроить забастовку) прозвучали в России только в сельских фокус-группах, артикулированы они были представителями среднего поколения. Однако эти призывы не были поддержаны остальными участниками.

Н.-1: Да. Вот мы согласились на этот уровень зарплат — вот нас на них и держат. А отказались бы, весь завод «Электрик» развернулся бы и ушел или забастовку — то вот начальник бы попрыгал. Постоял бы завод недельку — аренда-то все равно пойдет! И из его кармана! Выходит у него нет! Надо бороться за свои права. (М., 49, низкий доход, село, Россия)

Н.: Борьба, борьба и еще раз борьба. (М., 53) Ю.: Это на Западе люди быстренько собираются, а у нас народ такой, терпит, терпит, терпит, а потом берет вилы и идет крушить. Так оно и есть. (М., 42, средний доход, село, Россия)

В белорусских фокус-группах обсуждение социально-политического пути вызвало более широкую дискуссию. Респонденты в этой связи констатировали, что депутаты, призванные защищать интересы простых граждан, либо устранены от реальной политики, либо вспоминают о своих обязанностях только в период выборов.

Ю.: А у нас депутатов просто нет, поэтому и нечего говорить. Они есть, но их устранили просто-напросто. (М., 41, низкий доход, город, Беларусь)

А.: Да никто не поможет. Будут всегда помогать, когда опять же выборы в областные депутаты. (М., 27, средний доход, село, Беларусь)

Страх, существующий в белорусском обществе, несмотря на нежелание респондентов его показывать, иногда прорывался в некоторых высказываниях. Так, социально-политический путь в одной из групп был назван «очень тернистым», а в другой отрицался из нежелания «быть закатанным под асфальт». Лишь отдельные респонденты высказывали свои демократические идеи: так, одна респондентка в минской группе полагала, что политика — это неиспользованная возможность:

Т.: Поскольку мы граждане своего государства, мы должны оберегать своих депутатов. (...) Я считаю, что это одна из неиспользуемых возможностей. Если на наши денежки сидит армия депутатов, а они не работают на нас? Мы не хотим использовать законодательство в наших интересах. И это наши проблемы. Это неиспользованные возможности. (Ж., 36, низкий доход, город, Беларусь)

А другой респондент в этой же группе высказал точку зрения, что демонстрации, открытое выражение своих идей и стремлений могут заставить президента провести демократические реформы в обществе.

Ю.: Я не хочу, чтобы мы вышли с автоматами, но я хочу, чтобы мы использовали инструменты какие-то. Вот наш Батька не такой уж тупой, что-то в нем должно быть. Вот чуть-чуть бы он пустил демократов, подумал бы, какие они могут дать хорошие шаги. И надо использовать не автоматы, а демонстрации. А то наши люди забыты и несчастны. Они в этих колхозах скоро загниют... А я считаю, что все должны добиваться, должны выходить вот и эти бабушки-пенсионерки. Надо выходить, надо наших людей чему-то учить. (М., 41, низкий доход, город, Беларусь)

Но остальные участники не поддержали его, так как не верили в действенность этого пути решения проблем и не видели возможности реализации такого способа общения с властью.

Т.: Они не пойдут. (Ж., 36) С.: Им некогда. (Ж., 35) О.: У нас менталитет другой. У нас боятся все. (Ж., 31)(...) Ю.: Но политика — это одна сторона. А если вы будете в оппозиции? (М., 41) И.: Да какая оппозиция!

(М., 22) О.: Она полностью под Президентом. (Ж., 31, низкий доход, город, Беларусь)

Таким образом, «экономическая» стратегия улучшения своего положения оказалась наиболее реальной для респондентов, хотя и она имеет существенные ограничения, связанные с недостаточностью нормативных, законодательных и институциональных условий в обществе.

3. Роль различных институтов в решении проблем социального неравенства

3.1. Роль конкретных институтов (правительство, президент, местные власти, политические партии, СМИ, профсоюзы, церковь, некоммерческие организации)

Для обсуждения респондентам был предложен список социальных институтов, деятельность которых в решении проблем социального неравенства они должны были оценить: правительство, президент, местные власти, политические партии, СМИ, профсоюзы, церковь, некоммерческие организации. В двух фокус-группах модератор предложил респондентам самим назвать институты, деятельность которых способствует сокращению уровня неравенства в обществе. И в российской и в белорусской группе в первую очередь был назван Президент, правда с оговоркой, что хотя он и принимает правильные решения, но чиновники более низкого уровня их не выполняют. В Беларуси также были названы благотворительные организации.

Следует отметить, что респонденты часто сбивались с оценки деятельности конкретных институтов на критику «властей» вообще. Вопрос о власти проходил через дискуссии всех фокус-групп и являлся одним из центральных. Обсуждение, как правило, было достаточно эмоционально окрашено и изобиловало в основном негативными оценками: «только лозунги», «только обещания», «нахлебники», «ни черта не делают», «вызывают неуважение». На «власть» в целом респонденты возлагают ответственность и за высокий уровень социального неравенства в обществе.

Л.: Ни черта они не делают! (М., 23) Т-1: Только на словах. (Ж., 56) Т-2: Да, по телевизору они говорят. Но ничего не делается. (Ж., 53) В.: Вообще ничего не ощущается. Но говорят очень хорошо. Вот слушаешь и думаешь: неужели правда они решат наши проблемы? Но получается, что ничего. (Ж., 53, средний доход, город, Россия)

В.: Пока только разговоры. Дальше этого не идет. (М., 65, средний доход, город, Беларусь)

О высокой степени социального неравенства, которая в конечном итоге приводит к разрыву между обществом и властью, когда власть выступает либо на стороне только высоко обеспеченных слоев населения, либо реализует собственные интересы, пишут некоторые российские исследователи⁹. Основная часть населения в этом случае перестает себя идентифицировать с государством и властью, выделяя «власть» как самостоятельную силу, ответственную как за личное, так и общее социальное неблагополучие в стране.

Рассмотрим оценку деятельности каждого из предложенных для обсуждения социальных институтов в области сокращения уровня социального неравенства.

Что касается роли **Президента**, то можно отметить, в первую очередь, различия в городском и сельском дискурсе наших респондентов. В основном участники российских фокус-групп отмечали, что деятельность Президента ощущается мало: с его стороны есть какие-то «обнадеживающие» высказывания, он издает вполне позитивные указы, но результатов нет. Если в российских *сельских* группах встречалось мнение, что из всех властных институтов только Президент что-то и делает для снижения уровня неравенства, то в *городских* таких высказываний не было вообще.

Т.: Обнадеживающие лозунги, по-моему, есть. Если верить. Со стороны Президента, да. Но только лозунги. (Ж., 61) А.: Только обещают. Я ничего такого не замечаю и не ощущаю. (Ж., 22, низкий доход, город, Россия)

В белорусских фокус-группах мнения, высказанные городскими и сельскими участниками, различались гораздо сильнее, а накал дискуссии был значительно выше. В *городском* дискурсе в значительной степени преобладали негативные оценки деятельности Президента: он что-то делает, но мало; у него нет никакой экономической программы; душит налогами народ и т. д.

⁹ См. например, научный доклад Ю.А. Красина «Социальное неравенство в политическом измерении»: URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/socialnoe_neravenstvo_v_politicheskom_izmerenii_2008-11-4-16-29.htm (доступно на 07.07.2010); а также *Красин Ю.А. Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты. М.: Институт социологии РАН, 2009.*

Ю.: Президент старается, но ничего не получается. (Ж., 29) С.: Да, президент делает хорошее, но он не знает о том, что творится в глубинке. Это мое мнение. (Ж., 39) Л.: Это общее. (Ж., 48, средний доход, село, Беларусь)

А.: Институт президента предпринимает. Но дальнейшая власть это не исполняет. Это самое опасное. (М., 58, низкий доход, село, Беларусь)

При анализе оценки деятельности **правительства** можно отметить сходство мнений российских и белорусских *городских* респондентов. Они отмечают, что правительство или вовсе ничего не делает, или делает очень мало для решения проблем социального неравенства, а результаты этой деятельности практически незаметны.

Л.: Ни черта они не делают! (М., 23) Т.-1: Только на словах. (Ж., 56) Т.-2: Да, по телевизору они говорят. Но ничего не делается. (Ж., 53) В.: Вообще ничего не ощущается. Но говорят очень хорошо. Вот слушаешь и думаешь: неужели правда они решат наши проблемы? Но получается, что ничего. (Ж., 53, средний доход, город, Россия)

Экономические меры, которые все-таки предпринимаются правительством, на самом деле не изменяют ситуацию с социальным неравенством, а только усугубляют ее. В частности, респонденты в обеих странах считают, что политика правительства направлена на подрыв частного предпринимательства, сворачивание мелкого и среднего бизнеса.

А.: Вот мы говорили о возможности заняться своим бизнесом. Правительство местное мелкому бизнесу не дает развиваться. Под предлогом терроризма. (М., 41) М.: Мелкий бизнес давят по-страшному. (М., 23) И.: Мелкий бизнес на государственной службе. Вот человек имеет возможности, естественно, он начинает с компаньонов. Грубо говоря: дайте мне денег, ребята — и я вам дам зеленый свет. (М., 23, низкий доход, город, Россия)

Респонденты в обеих странах считают, что в правительственных структурах слишком много воровства и коррупции, и это негативно влияет на экономическую составляющую жизни общества. В целом в ходе дискуссии о социальном неравенстве в фокус-группах респонденты отмечали высокий уровень коррумпированности чиновников различного уровня, что вполне соответствует результатам, полученным в массовом опросе. 85,1% россиян и 52,6% белорусов счита-

ют, что коррупция широко распространена среди политиков; 68,7% опрошенных в России и 39,6% в Беларуси считают, что коррумпированы большинство государственных служащих.

Е.: Вот поэтому и крадут, наверно. Вот в государственной сфере ведь каждый чиновник себе откладывает. Все коммерческие сделки состоят из того, что там есть процент, заложенный на откат для того, кто сверху пробивает эту сделку, беря эти бюджетные деньги. (Ж., 31, средний доход, город, Беларусь)

Наиболее критический характер носило обсуждение деятельности правительства в *городских* группах Беларуси. Участники этих фокус-групп полагали, что в правительстве никто не заинтересован в решении проблем социального неравенства, а те меры, которые предпринимаются (помощь многодетным семьям, льготное кредитование и т. п.), являются только показными и недоступны значительной части населения. Ограничения в размерах заработной платы, прогрессивная шкала налогообложения в том виде, в каком она существует в Беларуси, только увеличивает разрыв в благосостоянии между простыми работниками и власть имущими, так как свои возможности представители правящего класса ограничивают мало. Правительство же полностью подконтрольно Президенту.

В.: Думаю, что что-то делается, но не в том объеме, в каком должно делаться. Полной реализации этого момента не способствует. Хотя определенные шаги делаются. (М., 50) (...) Т.: Я считаю, что в настоящий момент никто из них в этом не заинтересован. (Ж., 37) А.: Может, я этого не замечаю, но мне кажется, что ничего не происходит. (М., 25, средний доход, город, Беларусь)

В отличие от *городских*, в белорусских *сельских* группах оценка правительства была достаточно позитивной. Участники дискуссии высказывали мнения, что правительство много делает для изменения уровня социального неравенства — выделяет средства на социальные нужды, здравоохранение, спорт и т. д., тормозит рост цен, даже ответственно за тот факт, что «нет войны». Однако в основном все эти блага достаются городским жителям. Чиновники же не претворяют решения правительства в жизнь, тормозя их на низовом уровне.

Такие суждения подтверждаются и результатами массового опроса. В России большинство (64,6%) не согласны с положительной оценкой деятельности правительства. В Беларуси 36,9% не согласны с тем, что

правительство действует на благо большинства, при 58,6% согласных, причем более 70% придерживающихся последней точки зрения, — именно сельские жители.

При оценке респондентами деятельности **местных властей** мнения респондентов опять же разделились на две группы по поселенческому принципу. *Городские* участники обеих стран мало высказывались на эту тему, основную долю критики направляя на вышестоящие властные органы. В то время как *сельские* жители в России и Беларуси в большей мере недовольны именно деятельностью местных органов власти — районного руководства, органов муниципального управления, чья деятельность лучше видна простым жителям, а результаты работы в наибольшей степени влияют на повседневную жизнь людей.

Участники сельских фокус-групп в двух странах отмечали, что не видят результатов деятельности местных органов власти, которые своей работой сводят на нет эффект от мероприятий, проводимых Президентом и правительством. Респонденты говорили о том, что на этом уровне власти очень много коррупции, а система эффективного контроля за работой местных администраций отсутствует.

О.: Конкретно я бы всех под одну гребенку не стригла. Но о главе нашего района — он не делает ничего, и делает все возможное, чтобы работа того же губернатора и президента были сведены на нет. (Ж., 28) (...) А.: ...Как сказали, что наши низшие чины как бы вставляют палки в колеса высшим. Но мне кажется, что просто нашему районному правительству это просто невыгодно, они все делают для себя, воруют себе в карман, а большие особо ничего другого не делается... (М., 18, средний доход, село, Россия)

Ю.: Правительство все предпринимает, но низшая власть душит все на корню. Вот эти чиновники. (М., 45) М.: А где они находятся? Ж.: Местная власть. (Ж., 37) А.: Начиная от районной исполнительной, поселковой, областной. То есть подчиненные Президента — они не выполняют. Цепочка обрывается — и все. (М., 58, низкий доход, село, Беларусь)

Оценивая роль **средств массовой информации**, участники и российских, и белорусских фокус-групп отмечали, что СМИ действуют в интересах тех, кто ими владеет (правительство и бизнес-структуры), а потому не могут давать объективной информации об уровне и проявлениях социального неравенства в обществе.

А.: Самое главное, что вся информация, которую нам дает пресса, телевидение и правительство — ее надо фильтровать. Потому что во многом она дается только для того, чтобы нами управлять. Не в обиду будь сказано, они из нас делают стадо баранов. А чтобы мы стадом баранов не были, нам немножко надо включать свои мозги. Вот вся информация, которая нам дается, половина может быть и неправда. Но делается реклама. И надо сидеть и анализировать, почему это сказано. Может, это сказано для того, чтобы нас отвлечь от этого. Это мое личное мнение. (М., 41, низкий доход, город, Россия)

По сравнению с *городскими* российскими в *городских* белорусских группах высказывания относительно роли СМИ были жестче. Респонденты отмечали, что в СМИ «нет критики», «одна ложь», все делается «по указке сверху», также респонденты говорили об отсутствии свободы слова. В *сельских* группах в Беларуси, наиболее лояльно настроенных по отношению к властям, присутствовала и другая точка зрения. Некоторые респонденты отметили, что СМИ дают правдивую информацию о мерах, предпринимаемых Президентом.

Т.: Все исходит только от Президента. Я включаю телевизор, смотрим — и я, например, верю каждому слову сказанному. И все, что показывают. Там реально показывают вещи, которые действительно происходят. (Ж., 26, средний доход, село, Беларусь)

В массовом опросе 50,9% белорусов отметили отсутствие свободы слова и организаций в республике, при 36,5% считающих, что такая свобода имеется и 12,6% затруднившихся ответить.

Последними обсуждались действия **некоммерческих организаций**. Здесь для оценки были предложены профсоюзы, церковь и иные некоммерческие организации.

Судя по высказываниям участников фокус-групп, и в России, и в Беларуси эти организации осуществляют свою деятельность лишь эпизодически. Роли профсоюзов, по мнению респондентов, не видно вообще — профсоюзы ничего не делают, но при этом ничего и не могут сделать, так как лишены практически всех прав и возможностей. Хотя по данным опроса потребность в сильных профсоюзах испытывают 55,0% россиян и 45,2% белорусов. Как считают наши респонденты, благотворительные организации занимаются помощью неимущим, однако это более характерно для Беларуси, куда продолжает поступать гуманитарная помощь с Запада. Деятельность церкви

упоминалась только в белорусских группах. По мнению участников дискуссии, она состоит опять же в помощи нуждающимся и духовной поддержке населения.

В массовом опросе также задавался вопрос о том, какой социальный институт играет наибольшую (наименьшую) роль в уменьшении (увеличении) уровня социального неравенства в обществе. В опросе Президент и правительство были объединены в одну категорию, чего — как показал анализ результатов фокус-групп — не следовало делать, так как люди оценивают их деятельность по-разному. Так, по данным массового опроса наибольшую роль в **сокращении** уровня социального неравенства и в России, и в Беларуси играют Президент/правительство (22,7% и 38,6% соответственно) и церковь (10,2% и 9,2% соответственно). При этом оказалось, что и за **увеличение** уровня социального неравенства в значительной степени ответственны также Президент/правительство. Эту ответственность с ними разделяют политические партии и средства массовой информации. Обращает на себя внимание еще один интересный факт: в опросе роль церкви в уменьшении социального неравенства определена как довольно значительная, в фокус-группах это не проявилось совсем, а дискуссия в большей мере была сконцентрирована на критике властных структур. Значительный процент опрошенных вообще не смогли оценить роль социальных институтов в увеличении/уменьшении неравенства в обществе.

Анализ данных фокус-групп показывает, что, по мнению респондентов, несмотря на различия в политических и экономических режимах между Беларусью и Россией, власти этих стран (на всех уровнях) прежде всего стремятся к реализации своих собственных интересов. В России и Беларуси президенты воспринимаются как практически единственные фигуры государственного аппарата, заинтересованные в сокращении социального неравенства и улучшении жизни простых граждан.

3.2. Меры, направленные на снижение социального неравенства (предпринимаемые различными институтами власти и необходимые, по мнению респондентов)

В конце дискуссии был задан вопрос о том, какая политика может что-то изменить в обществе в плане социального неравенства. Все меры, предложенные респондентами, можно разделить на две группы: экономические и политические.

	Россия	Беларусь
экономические меры	1. Изменение системы формирования заработной платы и социальных выплат	
	- минимальная заработная плата не ниже прожиточного минимума - соответствие уровня зарплат достойному образу жизни - увеличение пенсий и пособий	- снятие ограничений на размер заработной платы
	2. Формирование разумной налоговой политики	
	- введение прогрессивной шкалы налогов	- отказ от прогрессивной шкалы налогов
	3. Социальная защита малоимущих	
политические меры	4. Подотчетность чиновников и усиление их ответственности	
	5. Создание рычагов влияния граждан на власть	5. Равенство всех перед законом
		6. Либерализация экономики и политики

Одной из основных мер для российских и белорусских участников является **изменение системы формирования заработной платы**. При этом российские респонденты предлагали устанавливать минимальную заработную плату не ниже прожиточного минимума, а также высказывали мнение о необходимости соответствия уровня заработных плат «достойному образу жизни» («чтобы человек мог прожить на эту заработную плату»). Они отмечали, что заработная плата должна соответствовать затратам труда работника, а не формироваться исходя из желания «начальства» или владельца предприятия. Белорусские участники, наоборот, предлагали отменить ограничения на размер заработной платы, закрепленные в белорусском законодательстве. Такая разница в предлагаемых мерах определялась различиями экономической политики двух стран.

В сельских группах обеих стран высказывалось мнение, что государство должно создать рабочие места, чтобы граждане имели возможность больше зарабатывать. Это объясняется тем, что на селе высок уровень безработицы и ощущается острая нехватка рабочих мест, особенно с высоким уровнем заработной платы.

Также респонденты обеих стран как необходимую меру выделили **формирование разумной налоговой политики**. Но если в российских группах участники указывали на необходимость введения про-

грессивной шкалы налогов на доходы, то белорусские участники эту систему критиковали, поскольку ее белорусский вариант не стимулирует работника много зарабатывать и губит мелкое и среднее предпринимательство.

Ю.: Налоговая политика — это реально, думаю, что 13% не должны все платить. Если ты получил миллион долларов или миллион рублей, заплати налог, поделись хотя бы. (М., 42, средний доход, село, Россия)

Ю.: *Вот у нас такая политика, что она обязательно должна душить налогами как можно больше. Плачут предприниматели. А нам надо как раз наоборот — отпустить, может быть, бремя налогов. Но за счет того, что люди начнут спокойно дышать.* (М., 41, низкий доход, город, Беларусь)

Прогрессивный налог не находит поддержки среди белорусских респондентов даже тогда, когда его предлагают применять для тех, кто зарабатывает «непомерно слишком много», так как такой налог может повлиять на мотивацию остальных и им «не захочется зарабатывать». Следует отметить, что с января 2009 г. белорусское правительство отказалось от прогрессивной системы налогообложения. Мы можем отметить тот факт, что наше исследование сумело замерить критическое настроение в обществе, его готовность к определенным переменам и констатировать некоторую долю давления общественного мнения на экономическую политику государства.

Помимо этого, респондентами среди необходимых мер назывались увеличение пенсий и пособий, а также социальная защита малоимущих.

Как меру политического характера можно выделить отмеченную респондентами необходимость **подотчетности чиновников**, усиление их ответственности перед законом. В белорусских группах отмечались также необходимость ограничения чиновничьего аппарата и постоянная его ротация.

При этом респонденты считают, что, с одной стороны, власть должна сама инициировать подотчетность, это ее функция и даже обязанность — быть подотчетной. С другой стороны, было высказано мнение, что люди должны требовать отчета от власти или начальства, «бороться за свои права», «требовать, чтобы они выполняли то, что обещали». Эти высказывания встречались и в российских, и в белорусских группах.

Как специфику белорусской дискуссии, мы выделили часто высказываемое мнение о том, что «закон должен быть равным для всех» — и для представителей властных структур, и для простых работников. А простые граждане должны иметь возможность не только знать свои права, но и реализовывать их. Для белорусских участников важно, чтобы чиновники и простые граждане были равны, так как на практике те, кто близок к власти, имеет гораздо больше возможностей для улучшения своего положения. Это и банальная коррупция (например, откаты при заключении контрактов), и использование доступа к информации и другим ресурсам (взять кредит, быстро оформить бумаги и т. д.). По мнению респондентов, все ограничения касаются именно рядовых граждан, но соблюдать законы все должны одинаково: тогда тот, кто у власти, будет равен простому человеку.

Е.:...Вот в государственной сфере ведь каждый чиновник себе откладывает. Все коммерческие сделки состоят из того, что там есть процент, заложенный на откат для того, кто сверху пробивает эту сделку, беря эти бюджетные деньги. (Ж., 31) (...) В.-2: Вот сказали про закон. Но соблюдение закона у нас очень сильно хромает. Если бы с самого верха до самого низа именно соблюдали закон, то все было бы нормально. (М., 44, средний доход, город, Беларусь)

Также в городских белорусских группах прозвучало требование либерализовать экономику и политику и дать свободу для развития среднего класса, составляющего основу любого экономически развитого государства.

В российских фокус-группах говорили о необходимости создания рычагов влияния на власть.

М.: К сожалению, те рычаги влияния, которые у нас есть на власть, они слабоваты. Да, мы можем голосовать, у нас демократия, но нам, большинству, навязывают мнение через телевидение и СМИ. И второй момент. Существующая ныне вертикаль власти, с одной стороны, хороша тем, что ей легко управлять, но, с другой стороны, плоха, что на нее труднее влиять. Те же губернаторы — их мы сами не можем выбрать на данный момент. (М., 23, низкий доход, город, Россия)

По мнению участников дискуссии, реализация права голосовать и выбирать ограничена, с одной стороны, средствами массовой информации, которые навязывают большинству их выбор, а, с другой стороны, вертикалью власти, которая не позволяет выбирать наиболее влиятельных представителей власти, например, губернаторов.

4. Выводы

По мнению респондентов обеих стран, смягчение проявлений социального неравенства возможно прежде всего посредством улучшения собственного материального благосостояния.

При этом, как правило, респонденты в России и в Беларуси выбирают «экономическую» стратегию решения вопросов повышения собственного благосостояния, включающую смену работы, дополнительную занятость, интенсификацию труда и т. д. Но этот выбор обусловлен недостаточностью законодательной и институциональной базы, не позволяющей гражданам активно включаться в предпринимательскую деятельность.

«Политическая» стратегия улучшения своего положения респондентами обеих стран, как правило, отвергалась вследствие общего недоверия к институту политической партии. Социально-политический путь (борьба за свои права, участие в выборных органах и т. д.) упоминался респондентами и в российских, и в белорусских фокус-группах. Однако, если в российском обсуждении эта тема развития не получила, то в белорусских группах были высказаны осторожные идеи о необходимости демократических реформ в обществе. Можно сделать вывод, что если в российском дискурсе наблюдается явная социальная апатия населения, недоверие к политическим институтам, неверие в действенность такого пути и зачастую — неготовность населения к участию в политической деятельности, то в Беларуси это, скорее всего, связано с нежеланием поддерживать действующую власть и одновременно — с опасением участвовать в протестных акциях.

Ни один действующий социальный институт в российском и белорусском обществе, по мнению участников дискуссии, не реализует политику по сокращению уровня социального неравенства. Принимаемые меры носят эпизодический, а не системный характер. В обсуждении широко распространён дискурс о том, что реальная ситуация в обеих странах вряд ли изменится в ближайшее время, так как властные органы ничего не собираются предпринимать. Данные высказывания также свидетельствуют о высокой степени неверия граждан России и Беларуси в экономическую и социальную политику своих государств.

Российский и белорусский дискурсы сходны в оценке практически всех социальных институтов общества в плане решения проблем социального неравенства, кроме института Президента, отношение к которому у значительной части белорусов намного менее критичное.

Комплексы предлагаемых российскими и белорусскими респондентами мер по смягчению социального неравенства в значительной степени пересекаются. Однако, если предлагаемые российскими участниками меры направлены скорее на создание достойного уровня жизни занятого населения и социальную поддержку малоимущих, то требования участников белорусских групп более четко сформулированы, обширны и включают меры как экономического, так и политического характера (равенство всех перед законом, либерализация экономики и политики).

В целом респонденты ждут от своих государств таких институциональных преобразований, которые бы не сдерживали экономической свободы граждан и были направлены на развитие предпринимательской среды. При этом в обеих странах патерналистские ожидания социальной поддержки от властей оказались минимальными, поскольку в такой ситуации населению приходится перестраиваться и возлагать надежды лишь на собственные усилия, но с единственной оговоркой — этот путь не подходит социально уязвимым слоям: пенсионерам, инвалидам, многодетным.

Н.Р. КОРНЕВ

СОЦИАЛЬНО-ГРУППОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Аннотация. Анализируются данные анкетного исследования уровня жизни населения 13 посткоммунистических европейских стран, с дифференциацией социальных групп по характеру труда. Субъективные перекрестные групповые оценки уровня жизни, его динамики интерпретируются как мера относительной депривации и остроты ощущения неравенства в группах и в стране. Данные измерения использованы для ранжирования стран по уровню благосостояния, неравенства и характеристики сходства/различий групповых иерархий и социальных ситуаций в странах.

Ключевые слова: страны посткоммунистической Европы, социальные группы, уровень жизни, экономическое неравенство, усредненная субъективность, ранжирование, относительная депривация.

В статье анализируются данные анкетного опроса, выполненного СИ РАН по международному проекту EUREQUAL, который сфокусирован на различных измерениях и проявлениях социального неравенства в 13 европейских странах, объединенных общим коммунистическим прошлым в составе СССР или «социалистического лагеря»¹. При этом мы рассмотрим лишь один ракурс неравенства — *в уровне жизни* социальных групп, выделяемых по типу/характеру труда респондентов. Анализом охвачены данные, полученные с помощью лишь четырех вопросов обширной анкеты. Многовариантная и сложная картина различий/сходства в уровне жизни интерпретируется как проявление межстранового неравенства (13 стран), в каждой из которых выделены 7 социальных групп и 5 универсально определенных уровней жизни респондентов и домохозяйств. Целью статьи является поиск подходов к сравнительному социоструктурному анализу имеющихся данных и получение конкретных характеристик/показателей экономической дифференциации населения рассматриваемых стран. Таким образом, представленная ниже работа является отчасти методической, а отчасти — описательной.

Определение социальных групп. Респондент, заполняя анкету опроса EUREQUAL, относил себя к одной из шести следующих групп: 1) работники физического труда; 2) предприниматели; 3) управляющие/

¹ URL: <http://eurequal.politics.ox.ac.uk> (Доступно: 24.06.2010)

администраторы; 4) интеллигенция (врачи, юристы, специалисты); 5) служащие (работники офисов); 6) крестьяне (фермеры). Те, кто не идентифицировал себя ни в одной из этих групп, учтены в анкете как «другие». В эту сводную группу, как мы выяснили, попадали студенты, безработные/неработающие, домохозяйки, часть пенсионеров и военнослужащие.

Определение уровня жизни. Следуя анкете, респондент производил оценку уровня жизни своей семьи по 5-балльной шкале, соотносенной с пятью уровнями возможностей потребления: от «денег не хватает даже на продукты» до «можем позволить себе практически всё»². Этот подход широко применяется в сравнительных исследованиях, поскольку позволяет обходить проблему локальных различий в доходах населения и в стоимости жизни³. В EUREQUAL уровень жизни социальных групп с помощью указанной шкалы измерен на момент проведения опроса (июль 2007 г.) и служит мерой их сходства/различия (равенства/неравенства).

Помимо выяснения оценки уровня жизни респондента на момент опроса (измерения фактического состояния), его просили оценить *изменение уровня жизни* за последние пять лет в каждой из выделенных социальных групп. Для ответа предлагалось использовать шкалу оценок с пятью уровнями (от «существенно упал» до «значительно поднялся»). В итоге каждая из групп оценила и себя, и других — за исключением сводной группы, которая лишь оценивала других. Здесь межгрупповое неравенство по уровню жизни обрело новый смысл — *неравенства динамического*, неравенства результатов развития, когда, например, у одних жизнь улучшилась на фоне снижения уровня жизни других. Эти данные отражают и источник относительной депривации социальных групп, и выступают как ее проявитель-измерение.

Третий подход к анализу социально-группового уровня жизни, использованный в этом исследовании, основан на сравнении уровня жизни семьи респондента (с известной групповой самоидентификацией) *со средним уровнем жизни в стране* в целом. Результат такого

² Формулировки вариантов ответов на вопрос анкеты L7с «Какое из следующих утверждений лучше всего описывает финансовое положение Вашей семьи?» полностью приведены в примечании к табл. 1.

³ Такой же подход к оценке уровня жизни населения России используют в Мониторинге социальных и экономических перемен ВЦИОМ (Информация: результаты опросов // Мониторинг общественного мнения. 2003. №3. С. 72) и Левада-Центр (Информация: результаты опросов // Вестник общественного мнения. 2007. №1. С. 107).

соотнесения отражает общее самочувствие групп — с преобладанием позитивных или негативных оценок, исходя из представлений о справедливости/несправедливости позиций своей группы в обществе, а также о качестве жизни в целом. Это еще одно *измерение относительной депривации* социальных групп.

Ранжирование стран по уровню жизни. Изначально мы предположили, что уровень жизни населения страны в целом как-то связан с межгрупповым неравенством. Поэтому первым шагом нашего анализа (и проверки исходного предположения) стало измерение уровня жизни стран в целом и их ранжирование по этому показателю (табл. 1). Мы уже не раз представляли данные о распределении населения 13 стран, включенных в проект EUREQUAL по пяти уровням жизни⁴. Но, глядя на диаграмму с пятью составляющими состояниями населения страны, трудно оценить, где *в целом* живут лучше, а где — хуже, с расстановкой стран по рангам. В табл. 1 уровень жизни населения стран охарактеризован средним баллом оценок по 5-балльной шкале, и страны ранжированы в порядке его убывания⁵.

Самый высокий уровень жизни населения в целом — в Чехии, затем в Словакии, Эстонии, и далее вниз по упорядоченному так списку, который замыкают Украина, Болгария, Молдова. Вторая мера оценки уровня жизни стран, использованная нами, — индекс субъективного материального благосостояния I_s , рассчитанный по методике Е.В. Балацкого⁶, за описанием которого отошлем к указанной работе. Здесь важно, что оба подхода дали совпадающий ранговый порядок стран и что субъективная средняя оценка уровня жизни сильно связана с таким объективным статистическим показателем уровня благосостоя-

⁴ Социальное неравенство в странах постсоветского пространства (сравнительный анализ ситуации в России и Беларуси) / Г.В. Еремичева, Е.П. Евдокимова, Н.Р. Корнев (и др.) // Петербургская социология сегодня. СПб., 2009. С. 165.; Корнев Н.Р. Тенденции и механизмы социально-культурных изменений в сознании и поведении различных социальных групп населения в контексте повседневности. URL: http://si.ras.ru/doc/kornev_1712.doc

⁵ Средняя для страны оценка уровня жизни получена усреднением ответов респондентов в баллах, с использованием 5-позиционной шкалы (1 балл означает ситуацию дефицита средств для покупки продуктов питания и т. д. — см. пояснение к табл. 1). Отметим: в табл. 1 не приведены данные о доле респондентов, не давших определенного ответа — она нигде не превышает 3%, кроме Эстонии (5,0%) и Латвии (3,3%), а для нашего анализа существенно *соотношение* долей пяти значимых позиций-оценок, не искажаемое таким упрощением представления.

⁶ Балацкий Е.В., Саакянц К.М. Индексы социального неравенства // Мониторинг общественного мнения. 2006. №2. С. 122–128.

ния населения, как душевой ВВП в долларах США, рассчитанный по паритету покупательной способности ($R = 0,94$)⁷. В табл. 1 приведены значения этого показателя (PPP, Purchasing Power Parity) для стран в 2007 г. по данным Всемирного Банка⁸.

Таблица 1

Распределение населения 13 стран Европы
по пяти группам с разным уровнем жизни

Страна	Доля населения с определенным уровнем жизни (%)					Средний уровень жизни (в баллах)	Индекс уровня жизни, I_s	PPP усл.\$ (WB'07)
	1-й у/ж	2-й у/ж	3-й у/ж	4-й у/ж	5-й у/ж			
Чехия	1,4	9,9	39,1	44,0	4,7	3,41	60,3	22290
Словакия	3,7	12,9	39,3	37,8	4,2	3,26	56,6	19400
Эстония	2,5	19,3	32,6	36,6	4,0	3,21	55,3	19240
Польша	2,3	15,4	48,1	29,5	2,1	3,14	53,5	15690
Венгрия	1,4	18,9	53,7	20,4	2,7	3,04	51,1	17480
Латвия	4,6	25,3	36,8	29,0	3,0	3,01	50,2	15050
Литва	1,7	23,6	48,9	20,9	1,7	2,97	49,4	15760
Румыния	11,0	30,4	29,2	23,7	3,0	2,77	44,3	11500
Беларусь	3,3	32,6	45,9	14,8	0,6	2,76	44,0	10800
Россия	6,3	34,2	40,4	16,6	0,7	2,71	42,7	14390
Украина	7,9	35,5	42,8	12,7	0,7	2,63	40,7	6840
Болгария	18,0	37,6	28,2	14,6	0,9	2,42	35,7	10090
Молдова	21,8	43,4	25,8	8,0	0,6	2,22	30,5	2970

Определение уровней жизни в анкете: 1 — денег не хватает даже на продукты; 2 — на продукты денег хватает, но покупка одежды/обуви вызывает финансовые затруднения; 3 — денег хватает на продукты и одежду, есть некоторые сбережения, но покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника) является проблемой; 4 — можем без труда приобретать вещи длительного пользования, однако не можем позволить себе все, что хотим; 5 — можем позволить себе все или почти все.

⁷ Паритет покупательной способности. Википедия . URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Паритет_покупательной_способности (Доступно: 24.06.2010)

⁸ Countries & Regions // The World Bank, IBRD & IDA, Working for a World Free of Poverty.

URL: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/COUNTRIES/0,,pagePK:180619~theSitePK:136917,00.html> (Available: 24.06.2010)

Ранжирование социальных групп по уровню жизни. Следующим шагом к сравнению по уровню жизни уже социальных групп стало определение для них среднего уровня по всей суммарной выборке ($n = 15648$ респондентов). Это дало нам их начальную диспозицию в иерархии на обобщенном посткоммунистическом социальном пространстве, при том что между странами ожидаемы вариации групповых иерархий.

По всей совокупности респондентов из 13 стран были получены следующие значения среднего уровня жизни в группах: максимальное у предпринимателей — 3,52 балла, что можно интерпретировать как преобладание в этой группе 4-го и 3-го уровней; затем следуют управляющие/администраторы (3,44); интеллигенция (3,13) и служащие (3,06); работники физического труда (далее для краткости — рабочие, 2,79); сводная группа «другие» (2,68) и самое низкое среднее значение уровня жизни — у крестьян (2,35). Далее при рассмотрении распределений социальных групп по пяти уровням жизни (и в таблицах, и в виде диаграмм) будем располагать группы в определенном выше порядке, как и для стран — по убыванию.

В табл. 2 представлены показатели уровня жизни во всех 13 странах проекта, усредненные уже по социальным группам. Можно заметить, что лишь в двух странах (Чехии и Украине) иерархия социальных групп по среднему уровню жизни полностью совпала с установленной по объединенным данным обо всех странах. В прибалтийских странах — Эстонии, Латвии, Литве, в отличие от остальных, самый низкий показатель уровня жизни не у крестьян, а в сводной группе «другие». Возможно, за этим стоит экономия государства на социальной поддержке неработающих и других, не соотносимых с шестью основными трудовыми группами. Иная ситуация — в Польше, Румынии и Молдавии, где уровень жизни группы «другие» даже выше, чем у рабочих. Можно также видеть, что самый высокий уровень жизни в среднем в восьми странах — у предпринимателей, в пяти — в группе управляющих/администраторов. Отметим, что в числе пяти — Россия и Беларусь, и это, возможно, отражает доминирующую роль в них государства и бюрократии. Лишь в этих двух странах показатель уровня жизни служащих выше, чем у интеллигенции, обычно занимающей в социально-групповой иерархии третью позицию.

Данные табл. 2 позволяют произвести для стран первую оценку имеющегося в них уровня межгруппового неравенства. Его мерой может быть разность D (в баллах шкалы уровня жизни) между мак-

симальным и минимальным значением показателя уровня жизни социальных групп.

Таблица 2

Усредненные по социальным группам показатели уровня жизни
в 13 странах Европы

Страны	Средняя оценка уровня жизни семи социальных групп:							Максим. различие у/ж соц. групп D	Средний у/ж в стране
	П	У	И	С	Р	Д	К		
Чехия	3,85	3,81	3,71	3,67	3,18	3,16	2,81	1,04	3,41
Словакия	3,85	3,89	3,48	3,46	3,16	3,04	2,89	1,00	3,26
Эстония	3,90	3,62	3,40	3,34	3,14	2,89	3,23	1,01	3,22
Польша	3,73	3,79	3,50	3,24	2,99	3,10	2,92	0,87	3,14
Венгрия	3,58	3,25	3,47	3,18	2,92	2,84	2,75	0,83	3,04
Латвия	3,88	3,56	3,29	3,24	2,89	2,73	2,81	1,15	3,01
Литва	3,41	3,25	3,18	3,16	2,93	2,76	3,00	0,65	2,97
Румыния	3,41	3,61	3,25	3,23	2,63	2,74	2,02	1,59	2,77
Беларусь	3,34	3,48	2,92	2,94	2,68	2,57	2,51	0,97	2,76
Россия	3,20	3,25	2,88	2,90	2,59	2,51	2,34	0,89	2,71
Украина	3,23	3,08	2,83	2,73	2,56	2,48	2,26	0,97	2,63
Болгария	3,43	3,23	2,88	2,56	2,42	2,13	1,92	1,51	2,43
Молдова	2,68	2,55	2,40	2,26	2,23	2,27	1,83	0,85	2,22

Обозначения социальных групп: П — предприниматели; У — управляющие; И — интеллигенция; С — служащие; Р — рабочие (работники физического труда); К — крестьяне (фермеры, с/х рабочие); Д — другие.

Значение различия в уровне жизни социальных групп D минимально в Литве (0,65) и Венгрии (0,83), где по этой оценке уровень межгруппового неравенства невысок. Максимальное значение D — в Румынии (1,59) и Болгарии (1,51), где межгрупповое неравенство велико. При этом в Болгарии полярные по уровню жизни группы — предприниматели и крестьяне, а в Румынии — управляющие и крестьяне.

Однако намного больше информации о благосостоянии и неравенстве групп дает рассмотрение диаграмм (рис. 1), на которых — для

каждой из семи групп — представлено распределение по пяти определенным в анкете уровням жизни. По данным рис. 1 можно оценивать и сходство/различие потребительских ситуаций групп в каждой стране, и сравнивать группы в разных странах, и оценивать степень неоднородности групп. Неравенство становится более различимым и многомерным по объектам сравнения. Не ставя перед собой задачу максимально полного анализа рис. 1, покажем лишь некоторые его возможности.

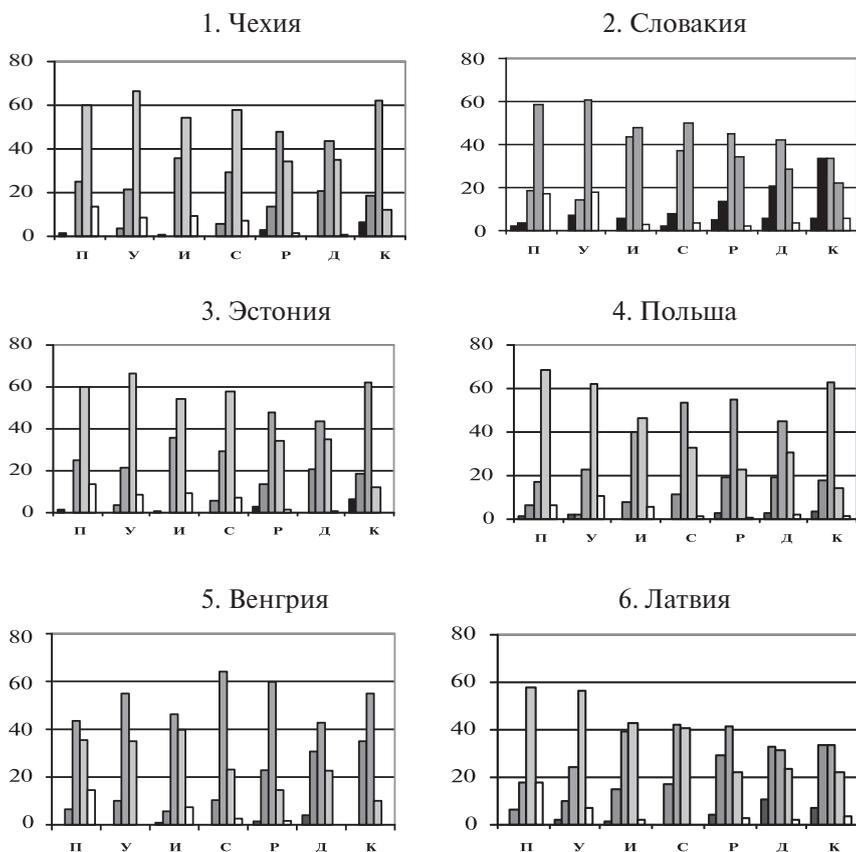

Рис. 1. Распределение социальных групп по оценке уровня жизни в 13 странах Европы, в процентах

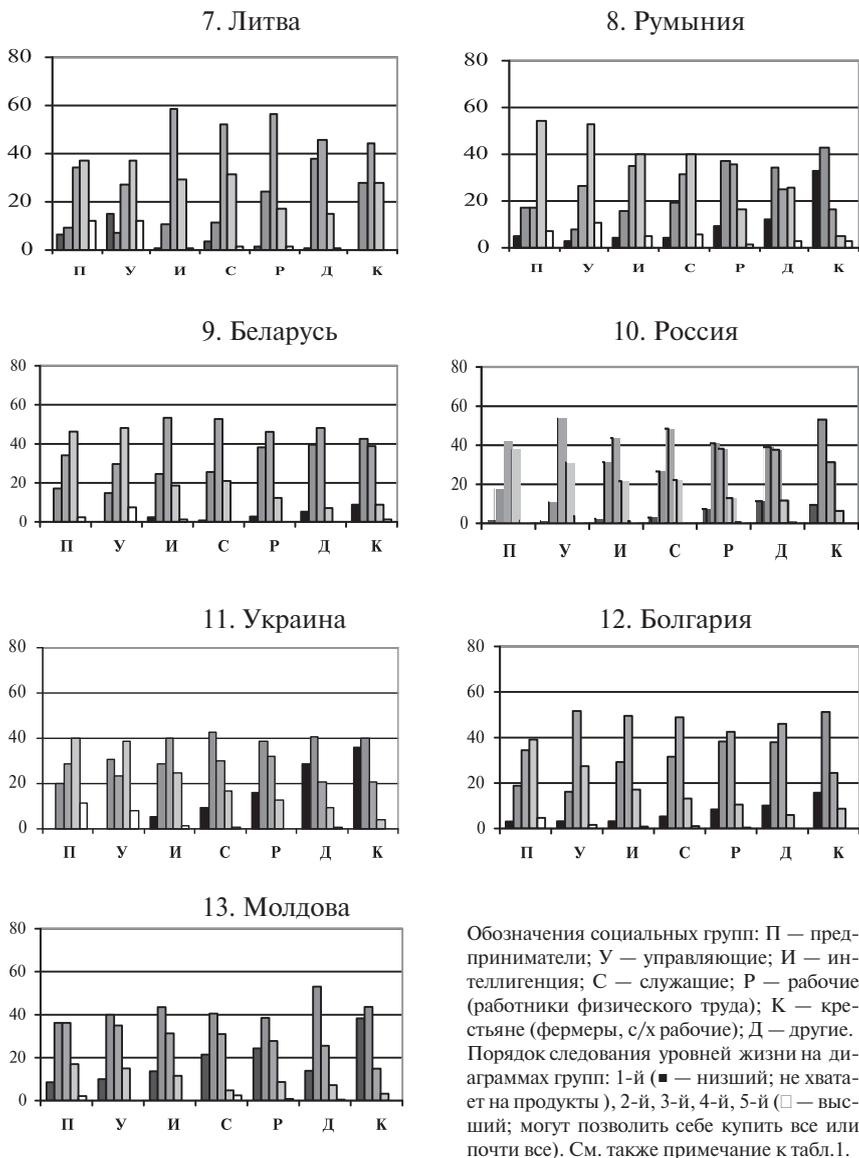

Рис. 1. Распределение социальных групп по оценке уровня жизни в 13 странах Европы, в процентах (продолжение)

Так, например, в Словакии видно сходство диаграмм (их внутренней структуры по возможностям потребительского поведения следующих пар социальных групп): предпринимателей и управляющих/администраторов; интеллигенции и служащих; рабочих и «других». Распределение крестьян близко к последним двум, образуя с ними нижний уровень трехступенчатой социальной иерархии. Те же три уровня хорошо видны и в диаграммах Чехии и Беларуси, Латвии и Румынии.

Диаграммы по данным респондентов Словакии, Эстонии, Латвии и Румынии ясно проявляют более высокую внутреннюю однородность групп «верхнего слоя» социальной иерархии в сравнении с «нижними». Эта закономерность в той или иной мере видна и на диаграммах для других стран. Максимальную внутригрупповую однородность по уровню жизни обнаруживают предприниматели Эстонии и Польши. Высоко неоднородны все социальные группы в Молдове и Болгарии — в странах с самым низким средним показателем уровня жизни. При этом в Болгарии в двух группах высокого статуса (предприниматели, управляющие) самый частый уровень потребления — четвертый, на фоне высокой доли в трех нижних группах иерархии тех, кому не хватает средств даже на питание. Очевидно, это проявление крайне высокого уровня неравенства в стране. Еще выше контраст между уровнями жизни на верхнем и нижнем уровнях групповой иерархии в Румынии. Противоположностью этим странам с высокой поляризацией является Венгрия, где во всех социальных группах преобладает один уровень потребления — третий (денег хватает на питание и одежду/обувь, но мало для покупки товаров длительного пользования), и самая низкая доля населения (наряду с Чехией), испытывающего нужду в питании.

Можно заметить, что в ряде стран (Эстония, Россия, Украина, Болгария), по мере продвижения по социальной пирамиде сверху вниз, закономерно снижается доля четвертой группы по уровню жизни (способных покупать вещи длительного пользования).

Наблюдается высокое сходство распределений по уровню жизни крестьян в Чехии и Польше; Словакии и Латвии; Румынии, Болгарии и Молдове. Это еще раз подтверждает возможность сравнительного анализа социальных групп и стран.

Анализ уровней благосостояния и неравенства, по-видимому, требует знания и учета доли каждой социальной группы в численности населения каждой страны. Эти данные, как и сведения о размере выборки анкетного опроса в каждой из 13 стран, представлены в табл. 3. Самая

многочисленная группа во всех странах (от ¼ до ½ выборки) — работники физического труда, рабочие (исключение — Беларусь). Второй по численности в большинстве стран оказалась сводная группа «другие», затем — интеллигенция и служащие. Управляющие (администраторы) и предприниматели даже суммарно почти везде составляют менее 10% выборки (в Чехии и Эстонии — чуть больше 10%). Это необходимо иметь в виду, составляя представление об уровне благосостояния/неравенства населения рассматриваемых стран на основе распределений социальных групп.

Таблица 3

Социально-групповой состав населения 13 стран

Страна	Объем выборки <i>n</i> (чел)	Социальные группы (%)						
		П	У	И	С	Р	Д	К
Чехия	994	8,8	5,9	13,3	14,3	42,6	13,4	1,6
Словакия	1032	5,1	2,8	12,4	15,4	33,4	29,1	1,7
Эстония	1057	6,3	4,2	16,0	9,8	39,0	22,2	2,5
Польша	1498	5,5	3,8	8,0	10,6	41,4	19,1	11,5
Венгрия	1030	6,3	2,0	11,3	11,9	51,0	15,5	2,0
Латвия	1001	3,4	4,2	14,6	7,1	47,8	17,5	5,5
Литва	1002	3,4	4,2	14,9	6,3	36,0	28,8	6,3
Румыния	1492	4,2	2,7	11,6	11,9	45,1	11,6	12,8
Беларусь	1000	4,3	3,0	17,0	13,3	26,5	27,7	8,2
Россия	2000	3,8	4,3	13,6	17,5	32,6	25,0	3,3
Украина	1500	4,3	4,2	14,5	12,9	35,8	16,7	11,7
Болгария	1000	3,5	1,3	13,4	18,2	29,0	23,6	11,0
Молдова	1042	4,5	1,9	12,7	4,0	34,5	24,2	18,2

Обозначения социальных групп: П — предприниматели; У — управляющие; И — интеллигенция; С — служащие; Р — рабочие (работники физического труда); К — крестьяне (фермеры, с/х рабочие); Д — другие.

Динамика уровня жизни социальных групп и их неравенства. Важной составляющей изучения социальной ситуации в посткоммунистических странах является оценка происходящих в них изменений в уровне жизни населения — (он растет или снижается?) — с определением результатов развития для всех составляющих общество социальных групп. Видят ли себя проигравшими какие-то из них, в сравнении

с другими, выигравшими? Происходит ли развитие с увеличением неравенства? Анкетное исследование по проекту EUREQUAL позволяет получить ответы на эти и другие вопросы, связанные с различиями динамики уровня жизни выделенных социальных групп.

Как уже сообщалось в начале статьи, участникам опроса предлагалось оценить изменение уровня жизни за пять лет у людей, относящихся к шести определенным социальным группам. После вопроса о самоидентификации респондента в предложенном ему групповом пространстве следующий вопрос анкеты требовал от него как представителя определенной социальной группы определить свое сходство/различие «во взглядах и образе жизни» со всеми другими социальными группами, по отдельности. Это задание приводило к мысленному наполнению респондентами сконструированных групп какими-то типами, образами, примерами, с помещением их в координаты «похожий—другой», «свой—чужой». Участники опроса психологически готовились к оценке изменения уровня жизни за пять лет не только в своей социальной группе, но и в других, что рядовому человеку сделать обоснованно невозможно в принципе. И, вероятно, эти оценки оказались основанными на отношении к каждой группе как похожей или непохожей на свою, на распространенных представлениях о доле каждой из групп в распределяемых в стране благах и ресурсах, с наслоением мнения о степени справедливости этого распределения. Можно предположить, что в оценках изменения уровня жизни социальных групп мы имеем дело с представлением сложной социально-психологической природы, отчасти фантомным, мифическим. Мысли такого рода возникают уже при первом знакомстве с полученными данными.

В табл. 4 представлены средние оценки изменений уровня жизни за пять лет, предшествовавших опросу, для социальных групп и стран. Они получены при обработке двух вопросов анкеты, по разному подходящих к получению этой информации, хотя и с использованием одной 5-балльной шкалы оценок (отрицательные значения соответствуют снижению уровня жизни, а положительные — повышению)⁹. Однако в одном случае респондент оценивает изменение уровня жизни *своей семьи*, безотносительно к социальным группам. В другом, отвечая на

⁹ Вопросы сравнения «с тем, что было 5 лет назад» уровня жизни в настоящее время — в семье респондента (L6f) и в 6 социальных группах, раздельно (G4a, b, c, d, e, f); везде шкала оценки с 5 позициями: снизился значительно (-2), немного (-1), не изменился (0) и симметрично — при повышении (+1, +2).

шесть однотипных вопросов, респондент оценивает изменения уровня жизни *социальных групп* после определения своей принадлежности к одной из них. В двух нижних строках таблицы даны результаты этих двух подходов, усредненные по всей совокупной выборке 13 стран. Результат интересен. Оценки, сделанные участниками опроса *для групп*, сильно отличаются *по абсолютной величине* от полученных группировкой оценок *для семей* — при полном совпадении соотношений результатов для групп в обоих подходах. Итог пяти лет оказался в среднем позитивным для четырех социальных групп (предприниматели, управляющие, интеллигенция, служащие) и негативным — для двух (рабочие, крестьяне). При этом уровень жизни максимально вырос у управляющих, хотя на момент опроса самым высоким он был у предпринимателей (табл. 2). Как видим, *динамика уровня жизни свидетельствует об усилении позиций управляющих/администраторов в 13 посткоммунистических странах как целом*. Этот вывод справедлив и для каждой из 13 стран при использовании оценок, сделанных для групп. Для показателей групп, полученных объединением оценок изменения уровня жизни семей, этот вывод также справедлив в большинстве стран, кроме Словакии и Украины, где за пять лет наиболее выиграли семьи предпринимателей.

Были получены средние оценки результата пяти лет для каждой страны в целом — эти данные приведены в последнем столбце табл. 4. Наиболее успешно развивались три прибалтийские республики: Эстония (со средней оценкой по стране 0,52 балла), Литва (0,41) и Латвия (0,27). В этих странах позитивные оценки преобладают во всех социальных группах. Самый негативный итог пяти лет — в Венгрии (-0,78) и в Болгарии (-0,58) — в табл. 4 эти показатели выделены цветом. При этом в Болгарии «в минусе» оказались пять из семи социальных групп по самооценкам семей («в плюсе» — управляющие и предприниматели), и лишь две группы из шести при оценивании итогов групп. В чем может быть причина такого сдвига, расхождения? Вероятно, это и есть эффект тех социально-психологических механизмов оценивания групп в ситуации неопределенности, существование которых мы предположили, и полагаем, что ближе к реальности оценки итогов развития, полученные для семей.

Разница, которая возникает при двух подходах к оценке изменения уровня жизни за пять лет, варьирует от страны к стране. В табл. 4 она приведена в третьей строке для каждой страны. Отметим, что различия двух подходов к оценкам наиболее велики в Чехии, Болгарии, Украине, России, а минимальны — в Словакии, Эстонии, Литве. В поисках

ответов на растущее число вопросов перейдем от анализа средних показателей социальных групп, к более детальному рассмотрению межгрупповых оценок изменения уровня жизни за пять лет.

Таблица 4

Изменение уровня жизни за пять лет (к 2007 году), в баллах

Страна	Оценка изменения уровня жизни	Социальные группы							Среднее изменение у/ж в стране
		П	У	И	С	Р	К	Д	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Чехия	Δ_{fam} в семьях	0,24	0,48	0,41	0,21	-0,17	-0,63	-0,21	0,02
	Δ_{gr} в соц.группах	1,13	1,52	1,18	0,84	-0,12	-0,59		
	$\Delta_{gr} - \Delta_{fam}$	0,89	1,04	0,77	0,63	0,05	0,04		
Словакия	Δ_{fam} в семьях	0,68	0,43	0,29	0,20	0,01	-0,11	-0,14	0,08
	Δ_{gr} в соц.группах	0,64	0,70	0,63	0,41	-0,16	-0,29		
	$\Delta_{gr} - \Delta_{fam}$	-0,04	0,27	0,34	0,21	-0,17	-0,18		
Эстония	Δ_{fam} в семьях	0,86	0,98	0,72	0,58	0,46	0,28	0,29	0,52
	Δ_{gr} в соц.группах	1,26	1,43	1,14	0,81	0,53	0,24		
	$\Delta_{gr} - \Delta_{fam}$	0,40	0,45	0,42	0,23	0,07	-0,04		
Польша	Δ_{fam} в семьях	0,26	0,49	0,17	-0,05	-0,06	-0,22	-0,16	-0,04
	Δ_{gr} в соц.группах	0,93	1,13	0,83	0,47	-0,19	0,05		
	$\Delta_{gr} - \Delta_{fam}$	0,67	0,64	0,66	0,52	-0,13	0,27		
Венгрия	Δ_{fam} в семьях	-0,67	-0,10	-0,31	-0,64	-0,95	-0,95	-0,79	-0,78
	Δ_{gr} в соц.группах	-0,40	0,50	0,19	-0,25	-1,30	-1,15		
	$\Delta_{gr} - \Delta_{fam}$	0,27	0,60	0,50	0,39	-0,35	-0,20		
Латвия	Δ_{fam} в семьях	0,73	0,90	0,46	0,39	0,20	0,06	0,09	0,27
	Δ_{gr} в соц.группах	1,02	1,06	0,90	0,84	0,42	-0,06		
	$\Delta_{gr} - \Delta_{fam}$	0,29	0,16	0,44	0,45	0,22	-0,12		
Литва	Δ_{fam} в семьях	0,56	0,71	0,60	0,59	0,43	0,41	0,18	0,41
	Δ_{gr} в соц.группах	1,06	1,17	0,95	0,82	0,48	0,41		
	$\Delta_{gr} - \Delta_{fam}$	0,50	0,46	0,35	0,23	0,05	0,00		
Румыния	Δ_{fam} в семьях	0,51	0,95	0,46	0,45	-0,05	-0,53	-0,09	0,05
	Δ_{gr} в соц.группах	0,69	1,12	0,44	0,49	-0,45	-0,87		
	$\Delta_{gr} - \Delta_{fam}$	0,18	0,17	-0,02	-0,04	-0,40	-0,34		
Беларусь	Δ_{fam} в семьях	0,20	0,33	0,08	0,37	0,01	-0,14	-0,24	0,01
	Δ_{gr} в соц.группах	0,52	0,88	0,58	0,59	0,06	-0,05		
	$\Delta_{gr} - \Delta_{fam}$	0,32	0,55	0,50	0,22	0,05	0,09		

Таблица 4 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Россия	Δ_{fam} в семьях	0,28	0,45	0,20	0,25	-0,17	-0,40	-0,25	-0,02
	Δ_{gr} в соц. группах	1,05	1,08	0,55	0,60	-0,19	-0,48		
	$\Delta_{gr} - \Delta_{fam}$	0,77	0,63	0,35	0,35	-0,02	-0,08		
Украина	Δ_{fam} в семьях	0,30	0,21	0,01	0,07	-0,12	-0,40	-0,28	-0,11
	Δ_{gr} в соц. группах	0,91	0,96	0,59	0,60	-0,32	-0,71		
	$\Delta_{gr} - \Delta_{fam}$	0,61	0,75	0,60	0,53	-0,20	-0,31		
Болгария	Δ_{fam} в семьях	0,26	0,38	-0,33	-0,47	-0,62	-0,69	-0,92	-0,58
	Δ_{gr} в соц. группах	0,95	1,12	0,50	0,19	-0,73	-1,03		
	$\Delta_{gr} - \Delta_{fam}$	0,69	0,74	0,88	0,66	-0,11	-0,54		
Молдова	Δ_{fam} в семьях	0,19	0,26	0,08	-0,38	-0,10	-0,30	-0,05	-0,09
	Δ_{gr} в соц. группах	0,48	0,79	0,42	0,62	-0,54	-0,76		
	$\Delta_{gr} - \Delta_{fam}$	0,29	0,53	0,34	1,00	-0,44	-0,46		
Вся выборка	Δ_{fam} в семьях	0,31	0,53	0,23	0,12	-0,10	-0,32	-0,19	
	Δ_{gr} в соц. группах	0,81	1,04	0,67	0,54	-0,21	-0,43		

Матрицы групповых оценок изменения уровня жизни. В табл. 5 данные о перекрестных оценках членами социальных групп изменений в уровне жизни своей и других групп представлены в виде матрицы (на примере России), при этом 5-балльная шкала для упрощения расчетов сведена к 3-балльной¹⁰. В строке показаны данные об ответах оценивающих, в столбце — данные об оцениваемых (оценки их уровня жизни разными оценивающими группами). В ячейке — сумма оценок уровня жизни, сведенных к трем вариантам: уровень жизни вырос (+1), не изменился (0), снизился (-1). Так, при оценке управляющими изменений у рабочих, тех, кто полагал, что уровень жизни рабочих за пять лет вырос, а не снизился, оказалось на 17,4% больше. Среди рабочих, наоборот, на 12,9% оказалось больше тех, кто считает, что уровень жизни в их группе снизился. По оценке изменения уровня жизни предпринимателей во всех группах заметно больше считающих, что он повысился. Среди рабочих таких оказалось 66,8%. Оценки своих группы предпринимателями тоже оказались «в плюсе» (34,2%), но на 26,3% меньше, чем при оценке представителями всех других групп.

¹⁰ Позиции шкалы ответов на вопрос G4 сведены с 5 до 3: уровень жизни повысился (+1), понизился (-1), не изменился (0).

Таблица 5

Матричная форма социально-групповой оценки изменений уровня жизни (у/ж) в России за 5 лет (до 2007 г).

Социальные группы (СГ)		Вес СГ, в %	Оцениваемые (баланс +/- оценок, в %)						Макс. дистанция $D_{сг}$ между СГ
			П	У	И	С	Р	К	
Оценивающие	П	3,8	34,2	42,1	26,3	43,4	2,6	-17,1	60,5
	У	4,3	57,0	47,7	48,8	41,9	17,4	3,5	53,5
	И	13,6	63,2	66,9	23,5	38,6	2,2	-20,9	87,8
	С	17,5	62,6	66,0	42,3	32,2	2,6	-18,9	78,9
	Р	32,6	66,8	71,4	50,8	52,4	-12,9	-30,1	101,5
	К	3,3	50,8	53,8	58,4	52,3	-7,7	-35,3	93,7
	Д	25,0	51,0	54,2	30,6	34,6	-8,6	-25,8	80,0
Внеш. (out) оценка у/ж			60,5	63,6	42,4	43,8	-1,2	-23,7	87,3
Дистанция между оценками у/ж (out-in)			26,3	15,9	18,9	11,6	11,7	11,6	

Обозначения социальных групп: П — предприниматели; У — управляющие; И — интеллигенция; С — служащие; Р — рабочие (работники физического труда); К — крестьяне (фермеры, с/х рабочие); Д — другие.

Диагональ матрицы — оценки группами самих себя (внутренние оценки или оценки-in). Они обычно ниже оценок другими (внешних, оценок-out). С учетом веса групп в выборке была рассчитана для каждой группы (кроме «других») суммарная/средняя внешняя оценка — она приведена в табл. 5. Можно ожидать, что разница между «внутренними» и «внешними» оценками групп способна служить характеристикой ситуации в стране. И этот показатель окажется относительно большим в странах с высоким уровнем социального неравенства. Связь с уровнем неравенства в стране видна также в значении максимальной дистанции между оценками в каждой строке $D_{сг}$. И при оценке итогов за пять лет рабочими неравенство между социальными группами выше ($D_{сг} = 101,5$), чем при оценке управляющих ($D_{сг} = 53,5$). Подчеркнем, что для анализа ситуации в стране важно рассматривать показатели всех групп, не сводя их к одному, интегральному. Нельзя исключить, что острый дисбаланс оценок, данных лишь одной группы, сглаженный и невидимый в интегральном показателе, может стать

источником общей социальной нестабильности. Поэтому последняя клетка в табл. 5 (нижняя угловая), где мог бы оказаться интегральный показатель, оставлена незаполненной вполне сознательно.

Анализ аналогичных матриц для каждой из 13 стран позволил увидеть общие закономерности. Как правило, самые высокие/оптимистичные оценки изменений уровня жизни рабочих, как и в России, даются группой управляющих (в 9 из 13 стран). Очевидно, это упрощает доминирующей группе извлечение из развития максимума выгоды для себя, поскольку рабочие — самая массовая группа низа социальной иерархии. Другое наблюдение: три группы низа социальной иерархии (рабочие, крестьяне и «другие») получили внешние оценки друг о друге, самые близкие к внутренним оценкам. Скорее всего, помимо отражения объективного положения, в этом проявляется еще и их солидарность.

Матрицу групповых оценок можно сжать до краткой, но информативной сводки, позволяющей увидеть главные динамические показатели всех 13 стран проекта (табл. 6). Если в табл. 4 были представлены лишь средние значения для групп, то в табл. 6 — данные о различии внутренних и внешних оценок динамики уровня жизни групп за пять лет, которые иначе и полнее отражают межгрупповое неравенство. Табл. 6 содержит 260 показателей, отражающих влияние на изменение уровня жизни трех факторов (страна, социальная группа, позиция оценивающих относительно групп), которые в цифровой/табличной форме и обозреть в целом, и сравнить данные по разным основаниям оказывается весьма непростой задачей.

Тем не менее, можно увидеть, что, во-первых, в четырех из 13 стран итогом пяти лет стало повышение уровня жизни всех шести определенных социальных групп (Эстония, Литва, Латвия и очень близкая к ним в этом отношении Беларусь). Причем это видно как по внутренним оценкам, так и по внешним. Наиболее высокий рост уровня жизни во всех группах показала Эстония, а в Литве, на фоне общего улучшения, минимальны различия между группами по результатам развития ($\Delta_{in} = 24,8; \Delta_{out} = 38,0$). В девяти других странах уровень жизни у части социальных групп понизился, у части — повысился. К четверке стран-лидеров развития без явных групп-аутсайдеров наиболее близки в этом отношении Словакия и Польша, но в Польше заметно выше дистанция между внешними и внутренними оценками групп. Вероятно, это свидетельствует о более остром восприятии группами своего неравенства в Польше. В Чехии довольно высокий рост уровня

жизни четырех социальных групп верха/середины социальной иерархии имел место на фоне его заметного снижения у крестьян, а также при сильном расхождении внутренних и внешних групповых оценок развития ($\Delta_{out} = 120,0$). Но лидерами роста неравенства и социально-групповой поляризации оказались по данным анкетного опроса EUREQUAL (табл. 6): Румыния ($\Delta_{in} = 164,7$; $\Delta_{out} = 112,6$), Болгария ($\Delta_{in} = 121,5$; $\Delta_{out} = 117,3$) и Венгрия ($\Delta_{in} = 115,0$; $\Delta_{out} = 104,7$) — в таблице эти значения выделены. Состояние Венгрии можно определить как острый кризис развития, которое для большинства рассматриваемых групп обернулось снижением уровня жизни (для пяти из шести, по оценкам-in). Россия же по оценкам развития и динамике неравенства ($\Delta_{in} = 83,0$; $\Delta_{out} = 87,3$), оказалась примерно на шестом-седьмом месте, рядом со Словакией, Польшей, Украиной.

Таблица 6

Социально-групповые оценки изменения уровня жизни за пять лет
(к 2007 году):самооценка групп (оценка-in)
и оценка представителями других групп (оценка-out)

Страна	Показатели изменения уровня жизни СГ (Δ)	Социальные группы (СГ)						Макс. дистанция между СГ по изменению у/ж, $D_{сг}$
		П	У	И	С	Р	К	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Чехия	оценка-in (Δ_{in})	58,3	60,8	45,2	46,4	-14,7	-34,0	94,8
	оценка-out (Δ_{out})	74,1	84,7	77,3	66,3	7,3	-35,3	120,0
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	15,8	23,9	32,1	19,9	22,0	-1,3	
Словакия	оценка-in (Δ_{in})	47,2	57,7	53,1	23,3	-9,6	-22,0	79,7
	оценка-out (Δ_{out})	60,4	63,7	59,6	41,2	0,6	-14,1	77,8
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	13,2	6,0	6,5	17,9	10,2	7,9	
Эстония	оценка-in (Δ_{in})	76,6	81,4	69,5	61,0	46,4	26,9	54,5
	оценка-out (Δ_{out})	70,2	76,2	76,3	58,4	47,6	20,0	56,3
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	-6,4	-5,2	6,8	-2,6	1,2	-6,9	
Польша	оценка-in (Δ_{in})	35,4	71,9	27,7	17,7	-16,4	-13,4	88,3
	оценка-out (Δ_{out})	65,6	71,3	56,7	40,3	0,6	14,1	70,7
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	30,2	-0,6	29,0	22,6	17,0	27,5	

Таблица 6 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Венгрия	оценка-in (Δ_{in})	-73,4	10,0	-11,4	-52,5	-82,9	-95,0	115,0
	оценка-out (Δ_{out})	-21,5	33,5	17,9	-11,9	-71,2	-63,2	104,7
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	51,9	23,5	29,3	40,6	11,7	-31,8	
Латвия	оценка-in (Δ_{in})	55,9	73,8	64,4	59,2	37,7	-1,8	75,6
	оценка-out (Δ_{out})	68,3	70,1	68,0	62,4	42,1	0,0	70,1
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	12,4	-3,7	3,6	3,2	4,4	1,8	
Литва	оценка-in (Δ_{in})	35,3	50,0	60,1	39,7	37,0	41,3	24,8
	оценка-out (Δ_{out})	33,3	71,3	66,5	58,4	46,3	33,4	38,0
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	-2,0	21,3	6,4	18,7	9,3	-7,9	
Румыния	оценка-in (Δ_{in})	33,3	81,6	27,7	25,9	-32,1	-83,1	164,7
	оценка-out (Δ_{out})	46,2	68,4	36,2	41,3	-25,0	-54,2	112,6
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	12,9	-13,2	8,5	15,4	7,1	28,9	
Беларусь	оценка-in (Δ_{in})	-2,3	36,7	28,2	38,3	7,9	-3,6	41,9
	оценка-out (Δ_{out})	31,4	48,3	33,7	39,0	9,4	2,8	51,1
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	33,7	11,6	5,5	0,7	1,5	6,4	
Россия	оценка-in (Δ_{in})	34,2	47,7	23,5	32,2	-12,9	-35,3	83,0
	оценка-out (Δ_{out})	60,5	63,6	42,4	43,8	-1,2	-23,7	87,3
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	26,3	15,9	18,9	11,6	11,7	11,6	
Украина	оценка-in (Δ_{in})	34,4	47,6	22,7	24,4	-9,9	-54,6	92,2
	оценка-out (Δ_{out})	58,3	60,8	45,2	46,4	-14,7	-34,0	94,8
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	23,9	13,2	22,5	22,0	-4,8	20,6	
Болгария	оценка-in (Δ_{in})	25,8	66,7	-3,8	-2,2	-54,8	-50,5	121,5
	оценка-out (Δ_{out})	52,4	62,1	37,7	17,8	-28,3	-56,2	117,3
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	26,6	-4,6	41,5	20,0	26,5	-5,7	
Молдова	оценка-in (Δ_{in})	-2,1	35,0	6,9	40,5	-34,8	-59,5	94,5
	оценка-out (Δ_{out})	38,0	51,8	36,8	42,7	-28,1	-35,9	87,7
	$\Delta_{out} - \Delta_{in}$	40,1	16,8	29,9	2,2	6,7	23,6	

Сравнение уровня жизни в социальных группах со средним в стране.

Еще один подход к социально-групповому измерению уровня жизни и неравенства открывает анализ данных о сравнении уровня жизни семьи респондента «со средним уровнем жизни людей в стране в целом». Сравнение производилось с чем-то воображаемым, реальное состояние чего респондент знать не мог в принципе. Тем не менее, каждый

участник опроса дал ответ на заданный вопрос дал, воспользовавшись шкалой сравнения с 7-ю позициями¹¹. Эти ответы мы сравнили с реальной позицией домохозяйств относительно среднего¹², найденной по данным опроса в каждой из 13 стран (табл. 7).

Таблица 7

Сравнение уровня жизни семьи со средним в стране (по мнению респондента) и оценка существующего в стране уровня неравенства по доходам

Страна	Средний у/ж (балл)	Оценка позиции у/ж семьи относительно среднего в стране			Оценка различий в доходах (балл)	Корреляция оценок различий в доходах и уровня жизни	
		(балл)	равен ср. (доля, %)	ниже ср. (доля, %)		реальном	относит. среднего в стране
Чехия	3,41	-0,33	51,6	13,4	3,48	0,206	0,266
Словакия	3,26	-0,17	55,2	24,2	3,67	0,126	0,162
Эстония	3,22	-0,52	38,5	39,5	3,57	0,107	0,188
Польша	3,14	-0,22	55,5	26,3	3,54	0,093	0,120
Венгрия	3,04	-0,39	59,2	30,5	3,72	0,072	0,158
Латвия	3,01	-0,61	43,8	43,7	3,59	n/s	0,111
Литва	2,97	-0,45	44,0	37,1	3,41	0,115	0,203
Румыния	2,77	-0,73	36,9	47,1	3,48	0,122	0,138
Беларусь	2,76	-0,43	51,3	34,2	2,82	0,129	0,187
Россия	2,71	-0,91	37,6	53,0	3,56	0,104	0,172
Украина	2,63	-1,04	33,1	60,6	3,57	0,069	0,136
Болгария	2,43	-1,22	28,6	64,1	3,68	0,214	0,235
Молдова	2,22	-0,80	43,3	46,5	3,11	n/s	0,097

В третьем столбце этой таблицы приведены средние показатели для стран, везде оказавшиеся меньше нуля (от -0,17 в Словакии до -1,22 в Болгарии) при диапазоне возможных значений от +3 до -3. Это свиде-

¹¹ Вопрос L7e анкеты («Сравните уровень жизни Вашей семьи со средним уровнем жизни людей в стране в целом. Как Вы считаете, уровень жизни Вашей семьи...») с 7-ю вариантами ответа: существенно ниже среднего (1), заметно ниже среднего (2), немного ниже среднего (3), средний (4) и симметрично — в сторону превышения. Позиция «средний» взята при анализе за 0.

¹² Реальное распределение домохозяйств по уровню жизни — ответы на вопрос L7c, о чем уже сообщалось в начале статьи.

тельствует о том, что респонденты во всех странах *в целом* дали заниженные оценки уровня жизни своей семьи, и уровень занижения различен в каждой стране. Посмотрим, где он больше, а где — меньше. Результат усреднения по стране определен соотношением числа оценок трех типов: выше, ниже и равных среднему. Последние две представлены в табл. 7. Видно, что доля тех, кто определил уровень жизни своей семьи примерно равным среднему в стране, наиболее велик в Венгрии (59,2%), Польше (55,5%), Словакии (55,2%). Выше 50% доля таких ответов также в Чехии и Беларуси. А минимальна доля семей, относящих свой уровень жизни к среднему, в Болгарии (28,6%) и Украине (33,1%) — странах определенно бедных и кризисных, как мы уже отмечали по разным показателям. Соответственно в этих же странах диаметрально различна и доля семей, посчитавших, что их уровень жизни ниже среднего. Таких менее всего в Чехии и Словакии, и много в Болгарии, Украине, России (свыше 50%). Доля тех, кто считает свой уровень жизни ниже среднего в стране, сильно связана на всем анализируемом множестве 13 стран с оценкой этого среднего: $R = -0,830$ ($p < 10^{-3}$). С другой стороны, во всех странах оценка уровня жизни в соотношении со средним обнаруживает более сильную связь с оценкой уровня неравенства в стране по доходам¹³, нежели непосредственные данные об уровне жизни (см. три последних столбца табл. 7). Это ясно свидетельствует о чувстве неравенства как имеющем природу относительной депривации.

Мера этого чувства неравенства в рассматриваемых нами в данной статье социальных группах (в каждой из 13 стран) представлена в диаграммах (рис. 2). В левой части каждой диаграммы — столбцы распределения средних оценок уровня жизни семи социальных групп относительно общего среднего уровня для страны, существующего в представлении респондентов, а семь столбцов справа — *реальное* распределение средних показателей групп (расчет по данным опроса). Диапазон значений шкалы диаграмм от -2 до +2 выбран с учетом реальных *средних* значений (хотя для индивидуальных оценок использовалась шкала от -3 до +3). В каждой стране величина расхождения между картиной, существующей в воображении населения, и реальностью может быть определена по разности значений в правой и левой части диаграмм с учетом весовой доли социальных групп в численности населения. Рассматривая эту разность как меру депривации населения (вызываемой

¹³ Вопрос-суждение В7 (с 5 позициями шкалы согласия/несогласия): «Согласны ли Вы со следующим утверждением: Различия доходов в нашей стране слишком велики?».

бедностью/неравенством), при подсчете ее показателя/уровня Δ_d для страны в целом мы учитывали лишь случаи занижения группой своего уровня (исключения были редкими¹⁴). Полученные значения Δ_d приведены на рис. 2 рядом с названием страны, диаграммы которых построим в порядке увеличения Δ_d (в отличие от рис. 1); как мы полагаем, — в порядке роста относительной депривации, вызванной комплексом ощущений бедности и неравенства у части населения каждой страны.

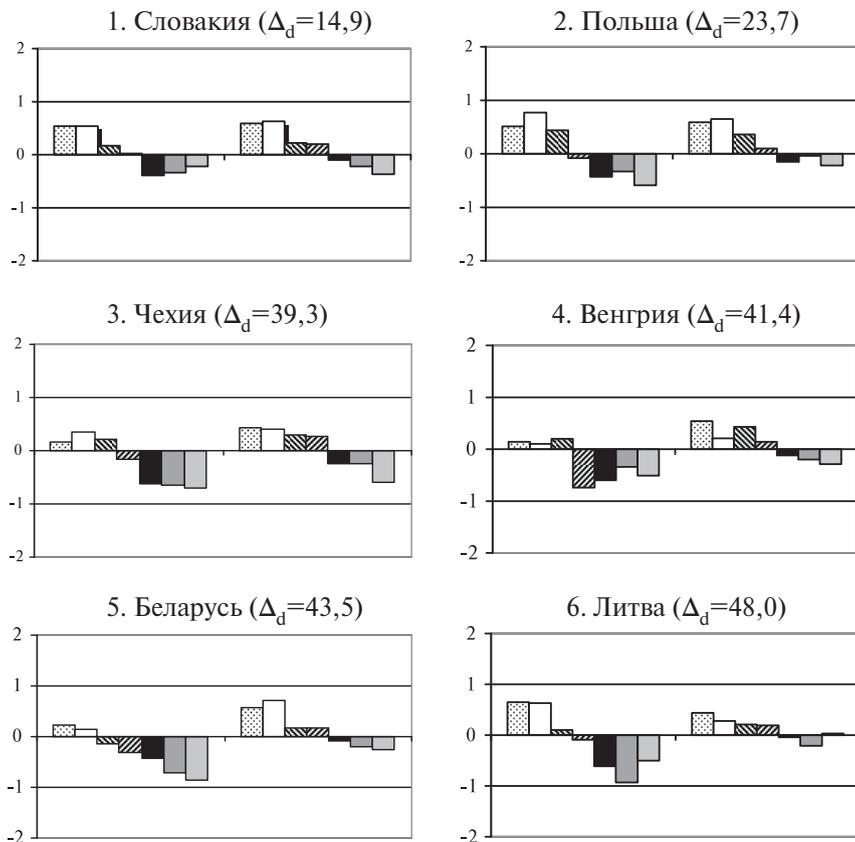

Рис. 2. Сравнение уровня жизни семьи респондента в семи социальных группах со средним в стране: представляемым (7 столбцов слева) и реальным (7 столбцов справа)

¹⁴Исключения: 1 социальная группа в Словакии и по 2 в Польше и Литве.

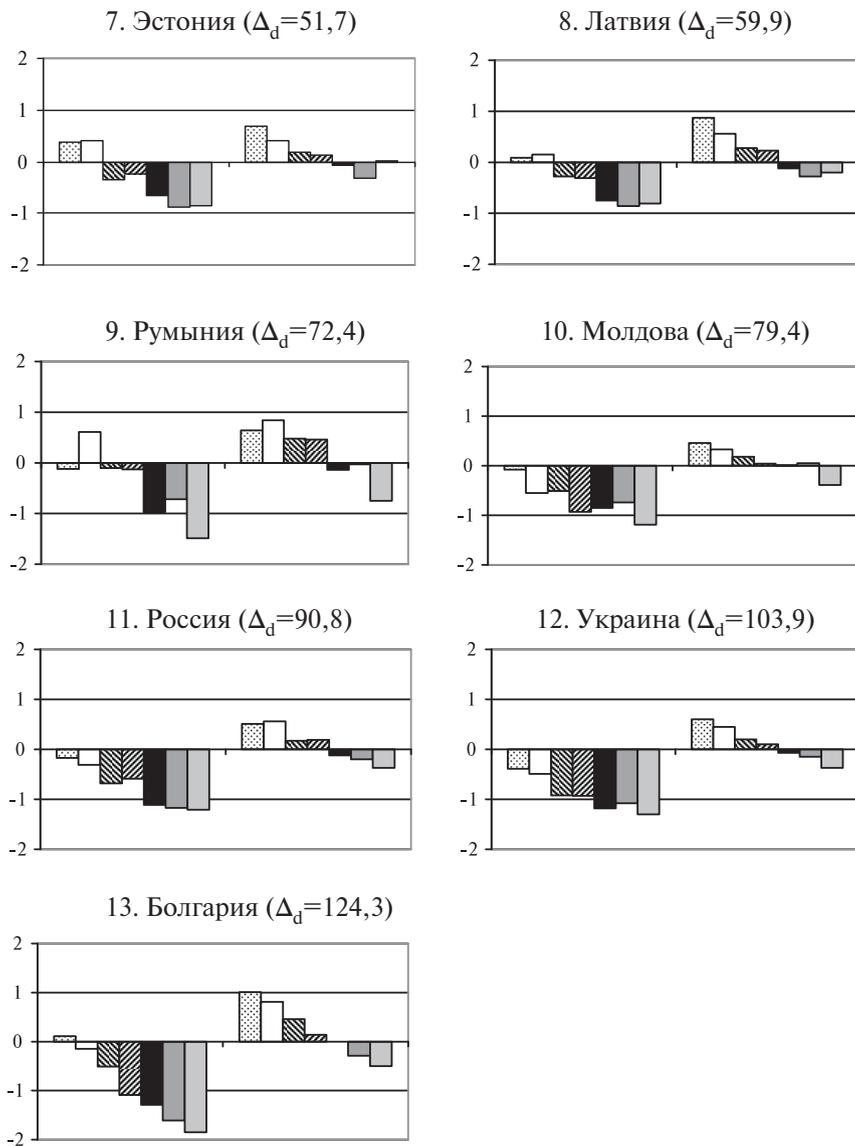

Рис. 2 (продолжение). Сравнение уровня жизни семьи респондента в семи социальных группах со средним в стране: представляемым (7 столбцов слева) и реальным (7 столбцов справа)

Порядок следования социальных групп на диаграммах:

слева направо (распределение относительно представляемого среднего) — П, У, И, С, Р, Д, К;

и далее снова (распределение относительно реального среднего) — П, У, И, С, Р, Д, К.

Обозначения групп: П — предприниматели; У — управляющие; И — интеллигенция; С — служащие; Р — рабочие (■, работники физического труда); К — крестьяне (фермеры, с/х рабочие); Д — другие.

При такой оценке наиболее благополучными оказываются Словакия ($\Delta_d=14,9$) и Польша ($\Delta_d=23,7$), у которых диаграммы социальных групп довольно сходны и по итогу сравнения уровня жизни семей со «средним в стране», и по расчету по данным опроса. Последними в ряду, ранжированном таким образом, оказались Болгария ($\Delta_d=124,3$), Украина ($\Delta_d=103,9$) и Россия ($\Delta_d=90,8$). Примечательна высокая пятая позиция Беларуси, оказавшейся из всех постсоветских стран самой близкой к четверке восточноевропейских стран-лидеров. Самая богатая по PPP (Purchasing Power Parity) Чехия потеряла первое место, поскольку выше среднего считают свой уровень жизни в большинстве семей предпринимателей, управляющих и интеллигенции, но в группах рабочих, служащих, крестьян и «других» больше тех, кто уровень жизни своей семьи оценил ниже среднего. В Румынии выше среднего оценили свой уровень жизни лишь управляющие, которых в выборке этой страны менее 3%. А в России, Украине, Молдавии ниже среднего по стране живет большинство во всех группах, по мнению их представителей. Очевидно, что все группы быть ниже среднего по стране реально не могут, так что это результат относительной депривации большинства населения. При сравнении со средним уровнем жизни в стране здесь, по-видимому, особенно заметен вклад нормативной составляющей, отражающей степень притяжения среднего, согласия с ним. Когда реальный средний уровень жизни вызывает у многих протест, это может выражаться в завышении среднего в массовых оценках, с результатом, прочитываемым как «мы все живем ниже среднего». Этот эффект может снижать привычка к глубокой бедности, что, вероятно, проявилось в показателе Δ_d для Молдовы (10-е место на рис. 2 вместо последнего 13-го в табл. 1 и на рис. 1).

Обратим внимание, что ранжирование по показателю Δ_d сделало соседями на рис. 3 как раз те страны, которые близки территориально и культурно. Возможно, сложный комплекс качеств/характеристик

населения стран в целом и выделенных в опросе шести социальных групп отражает меняющееся соотношение социокультурных вкладов Запада и Востока, которое существует в географическом макропространстве.

Подведем итог. Анализ данных об уровне жизни профессионально-статусных социальных групп населения стран посткоммунистической Европы показал богатые возможности спектрального и матричного подходов для выявления и измерения их сходства/различия. Полученная социоструктурная картина многоаспектна и отражает как локальные специфические черты отношений между социальными группами, так и общие тенденции продолжающихся на посткоммунистическом пространстве изменений — усиление позиций управляющих/администраторов во всех рассмотренных странах.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

Б.Г. ТУКУМЦЕВ

АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: КУЛЬТУРАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-методологические основания и некоторые результаты социологического анализа культуры инновационной деятельности в научно-исследовательских академических институтах. Раскрывается концепция культуральной социологии, позволяющая обосновать влияние содержания культурных правил на инновационное поведение сотрудников.

Ключевые слова: культура инновационной деятельности; культуральная социология; ценностно-ориентационная система, институционализация, культурные нормы; ценности-цели; академический научно-исследовательский институт.

На протяжении ряда последних лет в Социологическом институте РАН ведутся разработки методологии сравнительно нового, культурального подхода применительно к исследованию инновационной деятельности в научных учреждениях. При этом в качестве предмета социологического анализа рассматривается состояние культуры деятельности научных сотрудников академических учреждений в инновационной сфере. Результаты выполненных теоретических разработок и предварительного анализа проблемы, опубликованы в ряде изданий¹.

¹ См. напр. *Тукумцев Б.Г.* Методологические предпосылки исследования инновационной культуры в научных организациях // Наука и высшая школа в инновационной деятельности. СПб.: Нестор-История, 2006. С.10–31; *Тукумцев Б.Г.* Культура инновационной деятельности в научных учреждениях и возможность ее социологической оценки // Глобализация в Российском обществе. Сборник научных работ / отв. ред. И.И. Ели-

В течение 2008–2009 гг. на подготовленной методологической основе осуществлен экспериментальный этап исследования. Он выполнялся силами сотрудников сектора «Социология науки и инноваций» СИ РАН под научным руководством автора этой статьи. Полученные материалы — результаты «полевого» этапа, позволяющие сделать первые выводы о состоянии культуры инновационной деятельности в академических научных учреждениях в современных условиях. Они позволяют также судить о значении совершенствования культуры этой деятельности для повышения ее успешности.

Преимущества культурального подхода связаны с возможностью выделить и определить в процессе исследования направленность социальных механизмов формирования и регулирования социального поведения членов изучаемого сообщества. А это, в свою очередь, дает ключ к прогнозированию их поведения и возможность его изменения. Применение такого подхода не умаляет преимуществ других методологических подходов, используемых в социологии для анализа деятельности и не исключает возможности их совместного использования в прикладных исследованиях.

Сегодня в мире никто не сомневается в том, что только научный поиск способен дать людям ключ к использованию новых, неизвестных ранее средств ускорения технического, социального и экономического прогресса, развития благосостояния людей. Пришло понимание того, что только новые научные идеи и знания могут помочь сохранить жизнь на Земле, предупреждая социальные, космогенные и техногенные катастрофы. Лидирующая роль науки в осуществлении прогрессивных экономических и социальных преобразований, как известно, начала проявляться и была осознана человечеством сравнительно недавно. Исследователи самих нововведений и инновационных процессов долгое время не воспринимали науку как основной начальный этап инновационного цикла. Ее стартовая роль в осуществлении крупнейших инноваций была осознана и постулирована лишь на грани XX–XXI вв. И это стало поводом для повышения интереса к анализу инновационной деятельности в научных учреждениях.

Наше внимание привлекла проблема недостаточного знания о состоянии и функционировании культурных механизмов, оказывающих

сеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 47–98; *Тукумцев Б.Г.* Социологический анализ культуры инновационной деятельности в научных учреждениях // *Инновации*. №10. Октябрь 2008. С. 85–91.

влияние на инновационную деятельность ученых, а также о средствах получения такого знания. Речь при этом идет, прежде всего, именно о феномене культуры как о способе инновационной деятельности, причем в данном конкретном случае — в условиях отечественной академической науки. Подобный анализ инновационной деятельности в сфере науки с использованием культурального подхода в рамках социологического исследования, насколько нам известно, осуществлялся впервые. Тем не менее, исследователи не считали свою работу лишь научным экспериментом. Предполагалось (и это подтвердили результаты исследования), что новое знание о состоянии культуры инновационной деятельности может иметь и практическое значение. Суть его заключается в том, что оно обращает внимание на возможности более полного раскрытия интеллектуального потенциала научных организаций, связанных с внедрением нововведений, за счет изменения ряда культурных правил их деятельности.

Основная цель такого исследования заключается, на наш взгляд, в том, чтобы выяснить, насколько существующие культурные нормы и культурные ценности, функционирующие в академических научных учреждениях и формирующие способы инновационной деятельности, содействуют успешной работе ученых. И если нет, то чем это вызвано. Сопутствующей темой стало выяснение того, в какой степени действующие культурные правила соответствуют тем генеральным задачам, которые выдвигают перед российской наукой потребности общественного развития. Наконец, новый методологически подход позволил получить ответ на вопрос, как научные сотрудники воспринимают ныне функционирующую культуру инновационной деятельности, какие культурные нормы и правила, по их мнению, нуждаются в замене либо в модернизации.

Подробная интерпретация в нашем прочтении основных положений методологии культурального подхода, использованного в настоящем исследовании, основана в том числе и на некоторых основных положениях «сильной программы» Дж. Александера, изложенной в его «Культуральной социологии»². Концепция исследования и некоторые результаты были представлены на методологических семинарах в Москве в ИС РАН (декабрь 2009 г.) и в Санкт-Петербурге в СИ РАН (в март 2010 г.).

² Alexander J.C. The Meanings of social Life. A Cultural Sociology. Oxford: University press, 2003.

Экспериментальное исследование осуществлялось в течение двух лет. Объектами исследования стали ученые четырех петербургских институтов РАН. Были использованы качественные методы. Интервью и данные специальных процедур были получены более чем от 40 научных сотрудников и руководителей. В настоящее время работа над этим проектом продолжается. Некоторая часть полученных материалов исследования использована при написании этой статьи.

Инновации и инновационная деятельность

Прежде чем говорить о состоянии инновационной деятельности, о ее культуре, следует, на наш взгляд, сделать некоторые терминологические уточнения, относящиеся к объекту исследования. Первое уточнение касается обозначения продукта инновационной деятельности ученых. Насколько правильно новшества, созданные в процессе теоретических либо прикладных разработок в научно-исследовательских институтах, называть инновациями? Такое обозначение можно встретить в некоторых публикациях последнего времени. Опираясь на сложившийся к настоящему времени в сфере инновационной деятельности понятийный аппарат, следует признать, что этого делать нельзя. Термин «Инновация» в настоящее время рассматривается в российском научном сообществе как обозначение некоторого итога процесса, который называют инновационным. Именно так выглядит определение понятия «инновация», которое дается словарем ЦИСИ:

«Инновация — конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности либо в новом подходе к социальным услугам. Инновация рассматривается сегодня в российском научном сообществе как некоторый итог процесса, который называют инновационным»³.

Так что говорить о том, что предметом труда ученого является инновация — некорректно. Сами ученые, судя по их высказываниям в процессе общения с исследователями, также не считали, что пред-

³ Статистика науки и инноваций: краткий терминологический словарь / под ред. Л.М. Гольберга. М., 1998. С. 87.

мет их труда — инновации. Более того, они весьма скептически относятся к попыткам таким образом обозначить их деятельность. Сами они предпочитают говорить, что они занимаются теоретическими исследованиями, прикладными разработками, участвуют во внедренческих проектах. Все это является элементами инновационной деятельности, ее составными частями. И не исключено, что в перспективе, при соответствующей заинтересованности промышленных или социальных организаций, разработанные новшества могут стать успешными инновациями.

Берущая свое начало на столе ученого инновационная деятельность не ограничена рамками научно-исследовательского учреждения. Свое продолжение она находит на последующих этапах так называемого «жизненного цикла инновации». Жизненный цикл инновации охватывает весь инновационный процесс — от зарождения идеи новшества до ее реализации в практических интересах. Получив «путевку в жизнь», эта идея находит свое продолжение в проектной или технической разработке, в поиске источника финансирования этой работы, в сертификации и патентовании. Но это еще не все. Инновационная разработка, для того чтобы попасть к потребителю, должна пройти этап диффузии. Только после этого, при наличии благоприятной рыночной перспективы она станет новшеством, внедренным в практику. И лишь тогда, убедившись в наличии экономического или социального эффекта от внедрения этого новшества, мы сможем констатировать факт состоявшейся инновации.

На каждом последующем этапе инновационного процесса, уже за рамками этапа научных разработок, также осуществляется инновационная деятельность. И исследователи при наличии интереса к продолжению инновационного процесса также имеют возможность анализировать деятельность действующих там акторов, используя те или иные методики анализа.

Само понятие «инновационная деятельность» трактуется нами следующим образом: *«Инновационная деятельность — это практики участников инновационного процесса, отвечающие целям этого процесса и обусловленные местом каждого участника в его жизненном цикле».*

Завершая обсуждение термина «инновационная деятельность», необходимо заметить, что в зарубежных публикациях, наряду с приведенным выше толкованием, существует и иная трактовка понятия «инновация». Некоторые авторы определяют ее как «сложную и

диверсифицированную деятельность по созданию новшеств»⁴. Так что при использовании зарубежных источников это необходимо учитывать.

Следующее уточнение связано с тем, какого рода деятельность в научно-исследовательском институте следует относить к инновационной. Традиционно мы представляем себе наличие в академических институтах естественного профиля двух видов занятий. Это, с одной стороны, фундаментальные исследования, с другой — прикладные исследования и разработки. В общепринятом толковании представляется логичным такое описание функций этих двух видов научной работы. Теоретическая деятельность направлена на получение нового знания. Соответственно, прикладная деятельность — это применение полученных новых знаний на практике. Теоретики открывают новое знание, а прикладники занимаются практическим применением этих знаний. Отсюда напрашивается вывод: инновационная деятельность — это тесно связанные с практическим выходом прикладные исследования и разработки. А фундаментальные теоретические исследования к инновационной деятельности отношения не имеют. Однако, по мнению самих ученых, все не так просто.

На практике, говорят они, новые (фундаментальные) знания нередко появляются неожиданно, в результате не только теоретических, но и прикладных исследований. Например, когда в процессе материального воплощения какой-либо новой идеи открываются существенные дополнения нового знания. Или наоборот выясняется, что теоретическая концепция новшества требует дополнительных обоснований и что это не было учтено в теоретическом исследовании. Возможен и другой вариант: новый метод или технология, обоснованные теоретически, в результате фундаментальной работы могут непосредственно использоваться практиками. В некоторых странах научные центры системно подходят к вероятности такого использования. В Голландии, например, по сведениям, почерпнутым нами в ходе интервью, даже действует правило обязательного обсуждения возможности практического использования каждого результата фундаментальных исследований. Ему не дают «залезать на полку». Можно, наконец, вспомнить и о том, что в основе самых грандиозных инноваций нередко лежат открытия, сделанные именно

⁴ *Винокуров В.И.* Основные термины и определения в сфере инноваций // *Инновации.* 2004. №4(81). С. 6.

фундаментальной наукой. Все это говорит не в пользу отнесения к инновационной деятельности только прикладной науки.

Наконец, мы не можем не учитывать и тесного переплетения этих двух видов научной деятельности в повседневной жизни. Вот что по этому поводу замечает М. Бабуров: «В реальности ни фундаментальная, ни прикладная наука никогда не встречаются в чистом виде. На практике в любой проблеме присутствуют обе науки в различных пропорциях. И фундаментальной мы называем проблему, в которой велика доля нового, неизвестного знания, а прикладной — ту, в которой как нам представляется, неизвестного значительно меньше»⁵.

Все это побуждает нас к тому, чтобы в качестве причастных к инновационной деятельности рассматривать как работу в области прикладных исследований, так и в области фундаментальной науки. В то же время, анализируя содержание инновационной деятельности в каждой из научных сфер, исследователь не может не учитывать существенного различия конечных целей этих двух видов научной деятельности. Прикладная наука «по своим целям, принципам и организации значительно больше походит на обычный бизнес, чем на свою однофамилицу — науку фундаментальную»⁶, пишет М. Бабуров. Ее результат не только предсказуем, но может планироваться, то есть поддается управлению. В то же время результат теоретических исследований, как правило, несет в себе нечто новое и непредсказуемое. Именно в этой непредсказуемости многие видят особое значение фундаментальных исследований. Все это обуславливает различия в содержании этих двух видов деятельности, которое в свою очередь требует разных типов мотивации и организации научного труда, а также различия в ценностных ориентациях, жизненных целях людей, взявшихся за выполнение этих двух неодинаковых видов инновационной деятельности.

Участие академических институтов в инновационном процессе

С начала 90-х гг. XX в. до настоящего времени Российская академия наук испытывает на себе разрушительное влияние финансово-экономического и социально-политического кризиса, который был порожден эпохой перестройки и реформ. Современные аналитики сходятся на том, что к настоящему времени источники этого всероссийского

⁵ Бабуров М. Две науки: «настоящая» и «прикладная» // ТВ. 2009. №16. С. 2.

⁶ Бабуров М. Там же.

кризиса в основном преодолены. Между тем о его последствиях для Академии наук этого сказать пока еще нельзя. Они по-прежнему удерживают подавляющую часть Академических научных учреждений на грани выживания.

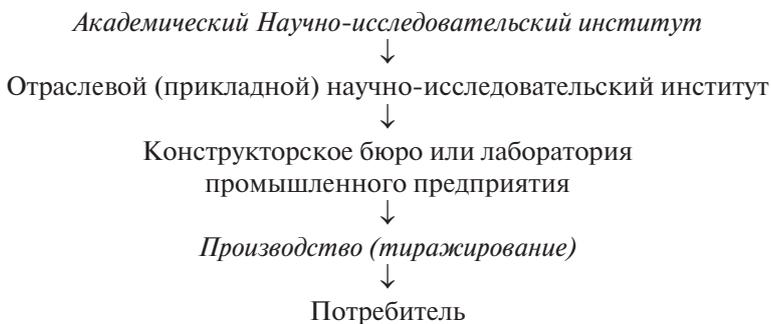
Одним из первых таких последствий стало катастрофическое сокращение финансирования ее научно-исследовательской деятельности. Существенно снизились объемы и прикладных разработок. Замедлилась, а в отдельных случаях остановилась значительная часть исследований, которые выполнялись в институтах. В первую очередь это коснулось экспериментальной деятельности. Обезлюдели производственные мастерские. Была прекращена закупка оборудования, были отменены заказы (за рубежом и внутри страны) на создание установок и приборов. В результате этого началось ускоряющееся отставание существующей материальной базы научных исследований от требований современной науки. Напомним, что речь идет, прежде всего, об институтах естественнонаучного профиля, деятельность которых наиболее тесно связана со сферой материального производства.

Отсутствие нормальных условий работы стало причиной того, что значительная часть ученых покинула страну и уехала работать за рубеж. Несмотря на это, некоторая (правда, незначительная) часть академических научных школ сохранила пока еще свой авторитет в мировом научном сообществе. Но резко сократились объемы работ по созданию современных наукоемких технологий и других инновационных продуктов. Судя по данным статистики, в последние годы Россия оказалась способной конкурировать на международном рынке наукоемкой продукции и технологий только с развивающимися странами⁷. Разумеется, не одна Академия наук за это в ответе. В стране немало других крупных научно-исследовательских организаций. Но академическая наука всегда рассматривалась как головной научный центр государства, определяющий направления, темпы и объемы развития науки в стране. Сформировалась реальная угроза для воспроизводства научных кадров. Выпускники высших учебных заведений перестали ориентироваться на работу в РАН. Оплата труда молодых ученых, даже после ее повышения, перестала создавать условия для их нормальной жизни. В институтах сформировалась кризисная демографическая

⁷ См. Кузык Б.И. Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития. М.: Институт экономических стратегий. 2008. С. 414–416.

ситуация. Средний возраст сотрудников приблизился к пенсионному возрасту. Выполненное, в качестве условия повышения оплаты труда, сокращение штата научных сотрудников в академической науке не только не улучшило, но еще более усугубило кадровую ситуацию. Теперь в институтах РАН не стало вакантных мест, куда можно было бы пригласить молодых исследователей, даже если они захотят там работать.

Вторым последствием кризиса 90-х гг. следует назвать разрушение того связующего звена между академической наукой и реальной экономикой, на которое в советский период было возложено внедрение в практику результатов научных открытий и исследовательских новшеств фундаментальной науки. Сама Академия наук на протяжении всего послевоенного (1945–1989) периода были ориентирована главным образом на выполнение фундаментальных исследований. Внедрение же прикладных научных результатов осуществлялось с помощью технологической внедренческой цепочки, в которую входили прикладные научно-исследовательские институты и производственные организации, находящиеся за пределами Академии. Все они относились к ведению соответствующих отраслевых министерств. Ниже приведен примерный перечень участников инновационного процесса того времени, отражающий этапы движения результатов научных исследований от академического института до внедрения в практику.

Отраслевые научно-исследовательские институты осуществляли прикладные разработки, используя результаты фундаментальных исследований, полученных академическими организациями. Конструкторские подразделения предприятий и лаборатории, куда попадали эти разработки, проектировали соответствующий технологический

процесс тиражирования новшества. Далее новшество попадало к потребителю и проходило этапы адаптации, рационального использования и устаревания.

Конечно, не следует сбрасывать со счетов, что эта система была, и об этом говорят многие ученые, в значительной степени «забюрократчена» и действовала далеко не всегда эффективно. Отраслевые интересы далеко не всегда совпадали с интересами академическими. И те, и другие не всегда соответствовали реальным потребностям государства. Хорошо выглядевшая на бумаге система продвижения инноваций не полностью использовала возможности ускорения научно-технического прогресса на основе использования достижений научной мысли⁸. Впрочем, такой упрек может быть высказан в адрес всей плановой системы отечественной экономики.

И, тем не менее, ликвидация, а точнее — развал этой системы, этого формального моста, соединяющего науку и экономику, без замещения его чем-то адекватным рыночной экономике, лишил академические институты основного канала реализации своих научных результатов. И это оказалось, по мнению респондентов нашего исследования, не менее тяжелым фактором кризисной ситуации в деятельности академических научных учреждений, чем ограничение ее финансирования. Академические институты лишились легитимного «выхода» для превращения результатов теоретических исследований в инновационный продукт. Справедливости ради нельзя не сказать о том, что отдельные научные подразделения даже в условиях этой ситуации получали (и получают) заказы и заключали солидные договоры с государственными структурами. Как правило, это касается работ, связанных с космосом, с оборонными заказами, с международными обязательствами. Но это относится лишь к малой части академических учреждений. И, что особенно важно подчеркнуть, при этом использовалась незначительная часть того научного потенциала, которым пока что располагает Академия наук. Остальные сотрудники научных подразделений и учреждений проходили курс выживания в условиях, близких к эпохе российского НЭПа.

Оценивая современное положение академической науки, нельзя не упомянуть еще одно существенное для нее последствие глобально-экономического и политического кризиса советской системы. Речь

⁸ См. например, *Пригожин А.И.* Нововведения: стимулы и препятствия. М., 1989. С. 75–76.

идет о той ситуации неопределенности, в которой оказалось само существование государственной научной деятельности в форме академических научных учреждений. Выше уже говорилось об объективных причинах кризиса в отечественной науке. Но они усугублялись субъективными соображениями управленческих элит. Новая команда руководителей государства еще в 90-е гг. посчитала избыточным, не соответствующим канонам новых экономических отношений содержание на бюджетной основе такого затратного учреждения, как Академия наук, занимающегося преимущественно фундаментальными исследованиями. Причем самым безответственным, но вполне традиционным для систем государственного управления в нашей стране фактом в этой истории является то, что к моменту принятия решения о сокращении финансирования науки у властных структур не было продуманной концепции реорганизации ее дальнейшей деятельности.

Строились планы перевода финансирования теоретических исследований на самоокупаемость. Авторов такого предложения не смутило то, что подобного нововведения еще не пытались осуществить ни одно правительство в мире. Принятие таких планов означало бы реальное свертывание фундаментальных исследований в России. Шли (да, судя по публикациям, и сейчас идут) дебаты о перенесении центра тяжести в развитии науки на университетские научные центры⁹. Основным аргументом в пользу такого перемещения выдвигается опыт зарубежных университетов, где наряду с прикладными исследованиями, развиваются и фундаментальные. Но при этом не учитываются некоторые немаловажные детали, в частности, то, что в зарубежных университетах исследования поддерживаются мощной системой государственных и частных грантов, которые в России в таком объеме отсутствуют. Не учитывается, что в подавляющем числе отечественных университетов серьезную исследовательскую базу надо создавать на пустом месте. Что в отечественных университетах в настоящее время отсутствуют условия для формирования высокой культуры осуществления фундаментальной исследовательской деятельности. А такого рода культура создается на протяжении поколений. Тот факт, что в настоящее время ряд университетов получил от государства поддержку с целью созданию там мощной научно-исследовательской базы, может только радовать. Но нельзя не понимать, что это еще эксперимент,

⁹ См. *Попова Е.В.* Роль Российской Академии наук в национальной инновационной системе // *Инновации*. 2008. №1. Январь. С.3–10.

причем с длительным сроком ожидания эффекта. А развитие фундаментальной науки нуждается в поддержке уже в настоящее время, в действующих научных школах, если еще не поздно.

В условиях сложившейся неопределенности и в печати, и на различных форумах можно сегодня услышать критику по поводу качества и отдачи работы Академии наук в современных условиях. Появились глашатаи отказа от академической науки в силу ее нерентабельности, неэффективности. При этом никто не упоминает, что Академия наук в течение почти двадцати лет не получала средств на обновление научно-исследовательского оборудования. Судя по этим безосновательным обвинениям, складывается впечатление, что в стране сформировалось и действует некое лобби, пытающееся всячески принизить значение академической формы организации научных учреждений, занятых фундаментальными исследованиями. При этом наиболее часто акцент делается на нецелесообразность бюджетного финансирования науки, на недопустимость выделения на ее переоснащение значительных средств. Правительственные чиновники и некоторые «думцы» не стесняются оскорбительных выражений в адрес Академии наук, чего не было за всю историю Государства Российского. Складывается ситуация, когда ученые вынуждены постоянно доказывать свою значимость для общества. Но доказывать в современных условиях нелегко, так как для этого у ученых отсутствуют элементарные условия, позволяющие продемонстрировать свои возможности в полной мере. И нет ничего удивительного в том, что отдельные ученые, взвесив все за и против, уезжают работать за рубеж. Трудно не согласиться с тем, что такая обстановка не способствует развитию творческого настроения в академических научных коллективах. Из советского прошлого невольно вспоминается персонаж великого сатирика Аркадия Райкина, который, стоя на трибуне, критиковал некую смету финансирования зоопарка: «Товарищи! Ну скажите, зачем советскому человеку слон? Какая от него польза? А вы видели, брюхо-то у него какое?»

И, тем не менее, на вопрос, прекратилась ли инновационная деятельность академических научно-исследовательских институтов, можно дать отрицательный ответ. Как это ни парадоксально, она не прекратилась и даже увеличилась в эти постперестроечные годы. Помимо упомянутых выше государственных заказов на исследования в области космических, ядерных и оборонных программ, сотрудники институтов развернули с начала 90-х гг. в индивидуальный поиск возможностей внедрения в практику результатов своих разработок. Начал

складываться «дикий рынок» новшеств, которые могли быть использованы народившимися мелкими предпринимателями. Стали проявлять внимание к результатам российских инновационных разработок и зарубежные заказчики, чему не препятствовало новое законодательство. Разумеется, этот полуофициальный рынок по объему продаж совершенно не соответствовал, по мнению респондентов, научному потенциалу их институтов, их исследовательских подразделений, да и их самих. Тем не менее, практика «инновационной самодеятельности» в работе академических институтов, начатая в 90-е гг. как реакция на бедственное положение ученых, получающих мизерную зарплату, сохранилась и действует и в настоящее время.

«Внедренческие разработки по традиции всегда были своего рода средством, к которому прибегали научные сотрудники, чтобы повысить свой достаток. А дирекция на это смотрела сквозь пальцы» (зав. лаб., д.ф.-м.н., 51, м.) — заметил в интервью один из респондентов исследования.

Как хорошо известно, в советское время, а точнее, с 1923 г. до начала 1990-х гг., Академия наук рассматривалась как научное учреждение, занятое преимущественно фундаментальными исследованиями. Исключение составлял лишь некоторый узкий круг институтов, которые изначально были созданы для выполнения высокотехнологических заказов оборонных, космических, атомных и некоторых других государственных ведомств. Здесь осуществлялась плановая инновационная деятельность, для которой были созданы необходимые условия. Остальные институты, когда возникала потребность и возможность внедрения в практику очередного новшества, основу которого составляли открытие или изобретение, выполненное академическими научными сотрудниками, прибегали к помощи отраслевых институтов. В экстренных случаях, когда какой-то экспонат следовало представить на выставке или удовлетворить чей-то высокий интерес, избегая отраслевой волокиты, в дело включались институтские мастерские с их умельцами.

Однако, начиная с кризисных 90-х гг., в деятельности институтов произошли серьезные изменения. Прежде всего, оказалась разрушенной структура отраслевых институтов, которые по большей части были приватизированы и перестали служить связующим звеном между Академией наук и промышленностью. Большая часть академических институтов лишилась своей технологической инфраструктуры — мастерских, ремонтных служб. В условиях, когда финансирование академических учреждений резко сократилось, работники этих

подразделений, не выдержав низкого уровня оплаты труда, ушли в другие организации.

«Низкооплачиваемыми» стали и сами творцы научных идей, научные сотрудники институтов. Их зарплата, ничем не компенсируемая в условиях суперинфляции, сократилась до неприличия. И тогда они для того, чтобы выжить, приступили к самостоятельному поиску источников дополнительного дохода. Наиболее логичным вариантом в этих условиях был поиск возможностей самостоятельной реализации своих собственных разработок и открытий. Альтернативным вариантом был отъезд на работу в зарубежные научные учреждения, чем и воспользовалась большая группа ученых. Но уехали далеко не все. Не все сумели найти возможность проявить и рыночную активность, но она, тем не менее, нарастала. В числе исполнителей внедренческих разработок, на которые нашлись покупатели, оказались различные категории научных сотрудников, которые до этого работали как творцы фундаментальных разработок, а также экспериментаторы, прикладники. Заказными инновационными разработками они стали заниматься по совместительству. Разумеется, что-то ими делалось и по плану НИР своего института. Но главные усилия уходили на выполнение заказов. С этой целью велись постоянные поиски заказчиков или внедренческих грантов. Велись самостийно, кто как сумел. Руководство прекрасно понимало ситуацию с материальным положением сотрудников и поэтому не препятствовало этим инициативам. Оно даже в какой-то степени было заинтересовано в такой «самодеятельности». От заключенных договоров в институт поступали деньги, а сотрудники не спешили увольняться и вести поиски другого места работы. Данные об объемах этих инновационных операций в академической статистике не отражают всю полноту сложившейся в этот период картины инновационного творчества. Как следует из интервью с научными сотрудниками, некоторые договоры на инициативные инновационные разработки заключались в обход системы учета.

В целом же складывалась многообразная схема финансирования инновационных проектов и разработок. В настоящее время она имеет такой вид:

Государственные заказы и заказы государственных корпораций.

Инициативные внедренческие проекты:

а) осуществляемые на средства грантов отечественных и зарубежных фондов;

б) осуществляемые на средства отечественных и зарубежных заказчиков.

Государственные заказы, хоть они в настоящее время и увеличиваются в объеме, предназначены для весьма небольшой части научных подразделений. Внедренческие гранты (типа «Фонда Бортника») также составляют незначительную часть средств в общем объеме финансирования внедренческих разработок. Поэтому большая часть надежд возлагается, главным образом, на поиск заказчиков на «вольном рынке». В этом качестве выступают предприятия малого и среднего бизнеса, использующие «полезные новинки», некоторые большие предприятия, которые созрели для освоения высокотехнологичных изделий. Сюда же относятся и зарубежные фирмы, которые с удовольствием покупают российские наукоемкие продукты и для которых бренд «Российская академия наук» весьма значим.

Наряду с этим наши респонденты постоянно подчеркивали, что приобретаемые случайными заказчиками внедренческие разработки составляли и составляют очень незначительную часть потенциальных возможностей институтов. Хотя в то же время именно эти объемы составляют, по мнению респондентов, большую часть всех внедренческих работ в их институтах.

В 2009 г. руководство Академии получило разрешение Правительства создавать внебюджетные малые инновационные предприятия (МИПы). То есть вынести официально инновационные разработки за пределы бюджетной деятельности институтов. Тем не менее, в тех институтах, которые обследовались в процессе осуществления нашего проекта, это пока что не стало толчком к созданию инфраструктурных подразделений, которые бы оказывали поддержку сотрудникам в создании таких хозрасчетных подразделений, в организации их деятельности. Поиск внедренческих и сбытовых каналов до настоящего времени выполняется самими учеными, которые не имеют ни необходимых знаний, ни средств, ни опыта для налаживания финансовой, правовой и маркетинговой деятельности. Вот мнение респондента, научного сотрудника одного из институтов:

«У нас есть хорошие идеи, есть патенты, изобретения, но нет успешного опыта перевода этих вещей в практическую плоскость. У нас никогда не было толковой технологии внедрения идей. Был некоторый снобизм. Коль скоро можно было заниматься только фундаментальной наукой, то ученые старательно ограждали себя от прикладных вещей и занимались только фундаментальными исследованиями» (гл.н.с., д.ф.-м.н., 56 лет, м.).

В последние два года появились признаки кардинального изменения ситуации в академической науке в целом. В правительственных кругах принято решение возложить на академические научно-исследовательские институты все функции по доведению инновационных разработок до конечного результата, включая их реализацию на рынке наукоемкой продукции¹⁰. Важнейшей составной частью научной работы Академии наук должна стать, помимо фундаментальных исследований, инновационная (внедренческая) деятельность. Таким образом, академическим институтам практически предложено воссоздать в рамках своей деятельности ту систему внедрения инновационных разработок, которая существовала в советский период вне их рамок. Причем воссоздать на новой рыночной основе.

Нельзя сказать, что это решение необоснованно. Оно учитывает зарубежный опыт и опыт работы Академии наук СССР в 20–30-е гг. Учитывает и новые экономические реалии. Но в то же время это неожиданное решение. Поэтому нет ничего удивительного, что у значительной части сотрудников и руководителей академических институтов возник культурный диссонанс.

Исследователи не ставят перед собой задачи включаться в дискуссию по поводу целесообразности шага, сделанного руководством страны. Они не располагают для этого достаточной информацией. Конечно, есть основания думать, что это естественный и логичный выход из сложившейся ситуации в современных условиях. В то же время было бы существенной ошибкой ограничиться лишь такой мерой. Инновационную цепочку следовало бы опережающими темпами формировать не только со стороны Академии наук, но и идя от сферы тиражирования и потребления новшеств, от внутреннего и внешнего рынка наукоемкой продукции, от производства и сферы обслуживания, которые сегодня, как показывает практика, не заинтересованы по ряду причин ни в каких новшествах. В том числе и из-за своей неспособности работать на рынке высокотехнологичной продукции. Многие респонденты исследования обращали внимание именно на это препятствие на пути внедрения новшеств и новых технологий.

«Наша промышленность нами не интересуется вовсе. Потому что нет у нас такой промышленности, которая могла бы интересоваться нашими разработками. Разработанные нами технологии находятся на

¹⁰ Постановление Президиума РАН от 24 марта 2009 г. «Об утверждении Принципов инновационной деятельности Российской Академии наук». С. 3.

мировом уровне. Наша же промышленность очень отстала от мирового уровня и на уровне оборудования, и на уровне технологий. Поэтому она просто не может воспользоваться нашими разработками» (с.н.с., к.ф.-м.н., 38 лет, м.).

Из этого следует, что необходимо осуществить реформирование экономической государственной системы в части развития интереса к нововведениям у производителя и потребителя. То, что сейчас начало делаться в этой области, свидетельствует о том, что необходимость решения проблемы находит понимание у руководства страны.

Опыт отечественных реформ не оставляет места для сомнений в том, что Академия наук обеспечит самостоятельный выход в новых условиях на рынок высоконаучной продукции. Но необходимо отдавать себе отчет в том, что это будет означать для самой Академии. Это будет революционная перестройка всей ее деятельности. Она должна будет превратиться в иной социальный институт. Не рассуждая о том, хорошо это или плохо, нельзя не заметить, что к такому повороту Академия, судя по тому, что нам удалось увидеть, пока что не готова. При этом речь идет не только о наличии необходимой инфраструктуры или о производственных хозрасчетных подразделениях, МИПах и финансировании инновационных разработок. Речь идет и о формировании культуры инновационной деятельности. Такой культуры, которая бы обеспечивала высокую отдачу научного сотрудника. В прежние годы такая проблема просто не рассматривалась.

Культура инновационной деятельности

Современная социология подразумевает под культурой инновационной деятельности такой комплекс норм, правил, ценностей и целей деятельности, сформированный в организации, который предъявляет рациональные, продуманные требования к сотрудникам научных организаций и вспомогательных служб на всех уровнях работы института, включая его руководство, и способствует успеху по внедрению новшеств. Десятилетиями в академических институтах существовала совершенно иная управленческая доктрина, основанная на убеждении, что теоретические поиски, которыми занимались сотрудники, не нуждаются в особой организационной культуре и «не терпят суеты».

Однако изменения характера научной деятельности, происшедшие в XX столетии, требуют пересмотра многих сложившихся стереотипов. Работа научных сотрудников все в большей степени нуждается в спе-

циальном техническом оснащении, в новых комфортных условиях, в средствах обмена информацией, в производстве специального экспериментального оборудования и приборов. Она становится все более материалоемкой. Она способствует созданию новых социальных сетей, все чаще приобретает на ряде этапов исследования коллективный характер. Именно поэтому научная деятельность в новых условиях требует тщательно обоснованных «единых правил игры». Она требует уделять больше внимания и заботы «человеческому фактору науки».

Культура научной и инновационной деятельности как раз и является сводом таких правил, от соблюдения которых зависит общий успех. Причем требования этих культурных правил обращены не только к научным сотрудникам. В такой же степени они обращены и к деятельности руководителей институтов, и к руководству Академии, и Министерства образования и науки. Материалы настоящего исследования говорят о совершенно недостаточной культуре научной и инновационной деятельности сегодня.

Осуществляя социологический анализ, мы считали весьма актуальным уточнить состояние культуры научной деятельности в отечественных институтах и, особенно, культуры инновационной деятельности. Для решения именно этой конкретной задачи был выбран современный методологический подход к исследованию, опирающийся на концепцию «культуральной социологии». Были выполнены методические и процедурные разработки, позволяющие осуществлять социологический анализ культуры инновационной деятельности в академических институтах.

В публикациях последних лет, описывающих результаты выполненных исследований, обращает на себя внимание чрезмерное многообразие методологических подходов. Создается впечатление, что каждый исследователь считает необходимым создать свой подход, обосновав его преимущества и оригинальность. Между тем, оглядываясь на путь, пройденный социологией за годы ее становления и развития, нетрудно убедиться в том, что исследовательские подходы не создаются произвольно. Каждая новая ориентация исследовательского поиска, как правило, соответствует очередному этапу развития социологического знания. И, как бы ни изошрялись авторы в поиске названия для своих «новорожденных» исследовательских ориентаций, они чаще всего неизбежно остаются в рамках уже сложившиеся ранее методологических концепций. В социологическом мире получило всеобщее признание не так уж много концепций, соответствующих известным

теоретическим направлениям. В процессе развития социологического знания новые концепции пополняют его методологический капитал, но не исчезают. Они продолжают применяться в исследованиях, независимо от времени своего появления. Среди этих подходов чаще всего называют демографический, системный, структурный, активистский, культуральный, событийный¹¹. Нельзя сказать какой из них лучше, какой хуже. Каждый из них хорош для решения своих исследовательских задач. Исследователь выбирает себе тот подход или те несколько подходов, которые в наибольшей степени соответствуют его рабочей концепции и цели.

Поскольку объектом нашего исследования была определена инновационная деятельность, то нам, на первый взгляд, следовало бы обратить внимание на активистский подход. Но нас интересовали не столько поступки, поведение работников науки, сколько социальная среда, социальная сфера, которая обуславливает, детерминирует их социальную деятельность в исследовательской практике. Мы стремились найти концепцию, которая бы помогла описать те «социальные факты», которые формируют культуру инновационной деятельности. То есть, те социальные механизмы, которые либо благоприятствуют, либо, наоборот, не способствуют успешности этой деятельности. Располагая данными о состоянии этих социальных механизмов, исследователь получает возможность не только оценить состояние культуры инновационной деятельности, но и предметно определить содержание необходимых изменений.

Все сказанное выше говорило о том, что исследователям надо воспользоваться научным багажом социологии культуры. Между тем социология культуры никак не соответствовала решению задачи анализа культуры инновационной деятельности, так как она не рассматривает возможность непосредственного влияния культуры на социальную деятельность. Она не рассматривает культуру как активный социальный механизм общественного развития. Она отводит ей роль эпифомена, некоего результата деятельности социального сообщества.

Термин «культура» является одним из старейших терминов социологии. На протяжении всей истории этой дисциплины отношение к его использованию в исследованиях социального поведения существенно изменялось: от признания его исключительности в форми-

¹¹ *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. С. 29.

ровании поведения до отведения ему роли зависимой переменной. Дюркгейм рассматривал культуру как некий комплекс социальных фактов, образующих социальную среду, которая формирует социальное поведение человека. Он считал, что культура должна рассматриваться как основной предмет социологической науки. О большом вкладе М. Вебера в обоснование роли культуры говорит А.И. Шендрик в своей работе «Социология культуры»: «У М. Вебера культура превращается в основной фактор, детерминирующий всю общественную жизнь, обуславливающий специфичность проявления экономических, политических, нравственных отношений. Эта идея красной нитью проходит через все его работы, но наиболее полно и обстоятельно она изложена в его трудах, посвященных исследованию проблем религии, которая, с точки зрения Вебера, является одной из важнейших культурных форм»¹². Практически в такой же интерпретации термин «культура» использовался и некоторыми другими исследователями на протяжении времени, отделяющего нас от Э. Дюркгейма и М. Вебера. Здесь может быть названо немало имен: Ф. Знанецкий, Р. Мертон, Б. Малиновский и др.

Однако и за рубежом, и в нашей стране культурный подход практически не использовался социологическими дисциплинами, изучающими деятельность. Лишь в последние годы, судя по информации с социологических конгрессов, интерес к культурному (в новом звучании — культуральному) подходу в социологическом анализе начал возрождаться. В то же время в других социологических и гуманитарных дисциплинах в минувшем столетии термин «культура» получил весьма широкое распространение. Как в России, так и за рубежом он обрел почетное место в социологии культуры, в истории, в антропологии и этнографии, в культурологии и т. п. Термин «культура» стал одним из наиболее распространенных понятий. Каждая из дисциплин, использующая этот термин, наполнила его своим толкованием. Это породило определенный терминологический хаос. Л.Г. Ионин приводит данные о том, что в настоящее время понятие «культура» насчитывает более 150 толкований. Использование термина «культура» стало требовать разъяснений: что под ним конкретно имеет в виду исследователь. Максимально обобщив известные интерпретации, Л.Г. Ионин свел возникшее многообразие к минимуму, образовав несколько групп толкований.

¹² Шендрик А.И. Социология культуры. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 52.

Во-первых, понятие «культура» используется учеными для обозначения общества, основанного на праве, порядке, мягкости нравов, толерантности и т. д. В таком случае применяется словосочетание «культурное общество». По смыслу оно совпадает со значением слова «цивилизация». Такому обществу противопоставляется общество некультурное, нецивилизованное. Используют такое словосочетание обычно историки, журналисты, политики.

Во-вторых, понятие «культура» используется как абстрактное указание на особенность способа существования или образа жизни, свойственных какой-то группе или периоду — «греческая культура», «культура народов севера» и проч. Такой подход используется в работах социальных антропологов, этнографов, филологов и историков.

В-третьих, распространено использование термина «культура» как абстрактного обозначения форм и продуктов интеллектуальной и, прежде всего, художественной деятельности. Такое применение термина «культура» свойственно практически всем профессиональным группам.

В-четвертых, термин «культура» используется для абстрактного обозначения общего процесса интеллектуального, духовного, эстетического развития¹³.

Наряду с этим (что было очень важно для нашего поиска) Л.Г. Ионин отмечает, что в настоящее время происходит изменение роли культуры в обществе, меняется само понимание культуры. Культура опережает то, что происходит в реальности. «Все эти явления свидетельствуют о том, что культура прогрессирующим образом перенимает функции мотора, движителя общественного изменения и развития»¹⁴. Такое признание было воспринято нами как первый шаг к осознанию возможности и целесообразности анализа любых видов социальной деятельности посредством изучения культуры этой деятельности, которая сложилась в данном конкретном сообществе и оказывает непосредственное влияние на ее характер и результаты. Однако Л.Г. Ионин в дальнейшем тексте не акцентирует внимание на этом утверждении и не дает ему дальнейшего развития. В его работе все это выглядит как частный случай взаимодействия культуры и общества, который он констатирует.

¹³ См. Ионин Л.Г. Там же. С. 11.

¹⁴ Ионин Л.Г. Там же. С. 5–6.

Между тем такое утверждение об изменении положения культуры среди механизмов, формирующих социальную деятельность, и признание за ней роли «движителя» общественных изменений давало основание полагать, что назревает очередной существенный пересмотр функций, роли и содержания культуры как социологического феномена, а также очередное размежевание исследователей в толковании этого понятия. Именно на такой революционный шаг и пошла группа «культуральных социологов» в США во главе с Джеффри Александером. Они обосновали новую концепцию, обозначив ее как «сильную программу», которая предлагает совершенно иной взгляд на роль культуры в развитии и изменении общества.

Противопоставляя культуру в ее новом предназначении тому пониманию культуры, которым оперирует традиционная социология культуры, они считают необходимым подчеркнуть ее принципиальное отличие, именно с этой целью присвоив своему подходу название «культуральная социология». «Социология культуры, — пишут Дж. Александер и Ф. Смит, — если посмотреть на нее с расстояния, представляет собой ландшафт того же рода, что и культуральная социология. Мы видим общий понятийный репертуар терминов — таких как ценности, коды и дискурсы. Обе традиции утверждают, что культура играет важную роль в обществе и является благодарным объектом социологического изучения. Обе традиции говорят о недавнем “повороте к культуре” как о центральном моменте для социальной теории. Но эти сходства исключительно поверхностны. На уровне структуры мы находим глубокие противоречия»¹⁵.

Далее они поясняют, в чем состоит суть этих противоречий. «Говорить о социологии культуры — значит предполагать, что культура является чем-то, что нужно объяснить посредством чего-то совершенно отделенного от сферы значения как такового. Говорить о социологии культуры — значит предполагать, что объяснительная сила лежит в изучении “прочных” переменных социальной структуры, так что структурированные наборы значений становятся суперструктурами и идеологиями, управляемыми более “реальными” и осязаемыми социальными силами. При таком подходе культура определяется как “слабая”, отнюдь не независимая, на деле, переменная: в большей или меньшей степени ее роль ограничивается участием в воспроиз-

¹⁵ Alexander J.C. The Meanings of social Life. A Cultural Sociology. Oxford: University press, 2003. P.13.

водстве социальных отношений»¹⁶. И действительно, культура, в понимании социальных культурологов — это совокупность результатов деятельности людей, т. е. социальное наследие.

В культуральной же социологии культуре отводится совершенно иное место в деятельности людей. Она рассматривается как генератор, формирующий и регулирующий социальную деятельность.

Формирование культуры является результатом культурных и языковых договоренностей в той же степени, как и результатом других, более «объективных» действий и процедур. Но авторы концепции обращают внимание на то, что действующие в культуральной социологии культурные нормы и правила имеют идеальное основание. В то же время, по их мнению, это не означает уступки идеализму. По сути, это в какой то мере возврат к Дюркгейму. К его идеям по поводу социальных фактов, определяющих поведение людей в общности.

После всего сказанного становится понятным, почему нами использовался культуральный подход, предметом анализа в котором была культура инновационной деятельности. Ее определение выглядит в нашем исследовательском проекте так: *«Культура инновационной деятельности — это система культурных норм, целей-ценностей, а также традиций в сфере инновационной деятельности, которая сложилась в научных организациях и в значительной степени определяет поведение акторов этой деятельности»*. Это определение основано на понимании культуры как способа жизни, свойственного общности, группе, сообществу, обществу в целом. Это тот признанный в данном сообществе «свод культурных правил», который формирует образы действия, сознания, многочисленные нормы и правила, обязательные для всех. Входя в это сообщество, человек застает его уже сформированным. Но на протяжении всего своего пребывания здесь, вместе с остальными членами сообщества он может его изменять. Ценности, нормы и образцы поведения, получившие наименование «культурные правила», традиции, мифы, ритуалы на всем протяжении жизни человека сопровождают его, передаются из поколения в поколение, постепенно изменяя свои формы и содержание. Они составляют ту социальную реальность, объективную социальную среду, с которой он не может не считаться, будучи членом данного сообщества, данной группы¹⁷.

¹⁶ Alexander J.C. Указ.соч. Р. 13.

¹⁷ См. *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М.: Логос, 1998; *Шендрик А.И.* Социология культуры. М.: Юнити-Дана, 2005. С. 264; *Ядов В.А.* Современная теоретическая со-

Все остальные факторы — экономические, организационные, физиологические — вторичны относительно культурных норм. Высокую степень их влияния на поведение человека отрицать невозможно. Но при этом нельзя не учитывать, что их влияние и следование им постоянно находятся под контролем культурных норм.

Возможность воспользоваться концепцией культуральной социологии в исследовании инновационной деятельности стало существенной находкой для нашего исследовательского проекта. Разумеется, реально удалось опереться лишь на общую трактовку положения нормативной культуры и ее функций, действующих в культуральной социологии. Дело в том, что большая часть теоретико-методологических разработок Джеффри Александера касается проблем влияния на поведение людей таких элементов культуры, как мифы, нарративы, убеждения. В сфере его интересов, прежде всего, находятся факторы духовной жизни, разгадка научных основ религиозных социологий Вебера и Дюркгейма. Не исключено, что мы еще обратимся к этой части его работ. Но сегодня мы благодарны ему за четкие аргументы в пользу нового видения термина «культура» в русле сильной программы и за открытые новые возможности в исследовании социальной деятельности.

Утверждение нового подхода и использование культуры при анализе деятельности связано не только с логическим развитием накопленных ранее знаний, но, не в последнюю очередь, с глобальными изменениями в развитии самого общества. Общество все больше утрачивает свою зависимость от природной среды и все в большей степени изменяется под влиянием развития нового знания, иных, формируемых людьми, культурных норм и ценностей. То есть факторов, имеющих идеальное основание. «Если социальная история трансформировалась из естественно исторического в социально-исторический процесс, — пишет В.А. Ядов, — то и функции культуры в социокультурной системе также трансформировались»¹⁸.

Необходимо признать, что становление культуральной социологии сопровождается в социологическом сообществе большими разногласиями по поводу ее места в социологической теории. С одной стороны, ее возникновение рассматривается как естественный процесс дифференциации социологического знания. С другой стороны,

циология. СПб.: Интерсоцис, 2006. С. 29–32.

¹⁸ Ядов В.А. Там же. С. 61.

высказывается опасение относительно наделения нового направления в социологии конкурентными преимуществами по отношению к системной социологии. Более того, предпринимаются попытки отказать ей вообще в каких-либо преимуществах¹⁹. Надо полагать, что подобные дискуссии, учитывая, что по обе стороны «барьера» находятся весьма заметные фигуры социологического сообщества, ничего, кроме пользы развитию социологической теории, не принесут. И эти дискуссии не являются препятствием для использования новой концепции в экспериментальном исследовании.

Наш интерес к состоянию культуры инновационной деятельности в научных учреждениях неслучаен. Культура рассматривается нами как важнейший социальный комплексный механизм, влияние которого определяет и успех, и интенсивность научно-исследовательской деятельности. Несоответствие культуры современным требованиям исследовательской деятельности представляет собой, по нашему мнению, одну из серьезных причин ослабления позиций отечественной науки. Социальные аспекты организации труда ученых перестали беспокоить государственные структуры. В духе худших российских традиций забота о них ушла на второй план или вообще исчезла из поля зрения руководителей государственного сектора науки. Внимание к социальным проблемам ограничилось лишь мерами по повышению уровня оплаты научных сотрудников до определенного Правительством уровня, который оно считает на сегодняшний день достаточным.

Повышение оплаты труда, безусловно, важный шаг для улучшения условий работы академических ученых. Но это только шаг. Всех проблем он, к сожалению, пока решить не смог. Как шутят некоторые ученые, их зарплата лишь «приблизилась к оплате труда водителя автобуса». Они, как и раньше, вынуждены «заниматься совместительством». Как и раньше, низкая оплата труда является тормозом для появления молодежи в академических институтах.

Но дело не только в этом. Сведение всех проблем активизации исследовательской и инновационной деятельности лишь к повышению материального вознаграждения было бы большим упрощением сложившейся ситуации. Не менее важным социальным фактором, регулирующим поведение и настроение людей, является состояние

¹⁹ См. Давыдов А.А. Культуральная социология Дж. Александера и системная социология: сравнительный анализ // Социологические исследования. 2007. №7. С. 11–21.

культуры исследовательской деятельности в научном учреждении. И с этим научные сотрудники сталкиваются постоянно. Если рабочее время ученого, предназначенное для творчества, перестает быть ценностью и используется для выполнения вспомогательных операций (для ремонта приборов, для переговоров об аренде исследовательского оборудования, для покупки в торговой сети необходимых для исследования реагентов), то совершенно очевидно, что в этом случае о высокой культуре научно-исследовательской деятельности говорить не приходится. Другой пример. Можно обвинять отечественных биологов в том, что они отстают в области генетики и не радуют отечество успехами в этой области. Но при этом не надо забывать, что эти ученые не располагают современными электронными микроскопами и компьютерными системами. Можно ли при такой культуре научной деятельности ожидать больших успехов?

Обращает на себя внимание и такой факт. Интерпретируя термин «культура исследовательской или инновационной деятельности», ряд отечественных специалистов сферы управления наукой сужает содержание этого понятия и сводят его к требованиям определенного уровня профессионализма, образования, эрудиции, включая степень осведомленности об особенностях инновационной деятельности научных учреждений и т.п.²⁰ Столь ограниченное толкование понятия «культура» применительно к исследовательской и инновационной деятельности научных учреждений свидетельствует, очевидно, лишь о том, что время глубоких исследований и совершенствования культуры в этой сфере еще только начинается.

Методологическая основа социологического анализа

Если в предыдущем разделе речь шла о теоретических аспектах современного культурального подхода к анализу инновационной деятельности, то здесь предполагается рассмотреть методологические основания процедурной и методической оснащенности такого исследования. Причем начать с анализа содержания культуры инновационной деятельности, представляющей собой предмет осуществляемого исследования, с рассмотрения ее структуры.

²⁰ См. *Николаев А.* Инновационное развитие и инновационная культура // Теория и практика управления (международный журнал). 2001. №5; *Зинов В.Г.* Основная проблема развития инновационной деятельности // Инновации. 2004. №2. С. 25–26.

Структура культуры инновационной деятельности

В удачном определении Бирстедта говорится о том, что к культуре относится все то, что люди делают, думают, чем они владеют²¹. Культура как социологический феномен имеет структуру, которая отражает именно эту триединую целостность.

Первая ее составляющая — это *нормативная культура*. Она тесно связана с понятиями долженствования или запрета и базируется на нормативных образцах. Нормативная культура в наибольшей степени связана с формированием поведения людей или целого отдельного сообщества, которое признало данные нормы в качестве обязательных. Поскольку нормативная культура на уровне организаций, ведомств (организационная культура), государства (законодательство) создается управленческими структурами, ее соблюдение может достаточно жестко контролироваться. Как правило, нормы, относящиеся к оргкультуре и законодательству, институционализированы и контролируются представителями руководства организации, ведомства, группы. Нормативная культура формируется и на межличностном уровне, в виде принятых на уровне взаимодействия между отдельными сотрудниками сложившихся правил взаимоотношений и взаимодействий. Несмотря на свой неформальный характер, они могут достигать высокой степени институционализации с применением санкций общественного неодобрения к нарушителям этих культурных норм.

Второй сегмент культуры — это *идейная (духовная) культура*. Она определяет стандартные способы мышления, устанавливает смыслы событий и явлений, разделение которых становится обязательным. В сфере духовной культуры также проявляется тенденция долженствования и запрета. Следует признавать то, что составляет своего рода общую мудрость общности, общепризнанные этические нормы. Значительную роль в формировании духовной культуры научного сообщества играет содержание ценностных ориентаций сотрудников.

Третий сегмент культуры, относящийся ко всему тому, чем люди владеют, носит название *материальной культуры*. Сюда относятся предметы и инструменты самого различного назначения, постройки и иные сооружения, которыми пользуются члены данного сообщества, а также навыки и опыт использования этих предметов и сооружений.

²¹ Bierstedt R. The Social Order. New York: McGraw Hill, 1963. P. 129.

Иногда эту часть культуры называют «материальной или технической цивилизацией»²².

Нельзя не увидеть, что структура культуры, призванной формировать определенную социальную деятельность, достаточно сложна. Осуществить в исследовании анализ столь многостороннего феномена — весьма трудоемкая задача. Но исследовательский опыт подсказывает, что для анализа культуры деятельности на первом этапе анализа можно ограничиться оценкой только одного сегмента культуры — нормативного. На этапе экспериментальной части исследования мы пошли именно по этому пути. Но на втором этапе намечен подробный анализ состояния духовной культуры, связанной с инновационной деятельностью научных сотрудников.

Ценностно-нормативная система

Следующим шагом на пути подготовки методической оснащенности исследования стало определение показателей, на основе которых появлялась бы возможность давать оценку состояния самой нормативной культуры.

В качестве показателей инновационной культуры в исследовании рассматривались «культурные правила» — своеобразные социальные механизмы, формирующие и регулирующие деятельность. Они формируются и закрепляются самими людьми в процессе совместной деятельности или руководителями различных управленческих структур, организующими данную деятельность. По мере накопления опыта и знаний в области регулирования инновационной деятельности культурные правила могут меняться, одновременно изменяя и культуру деятельности.

При анализе культуры деятельности могут быть выделены два вида правил: *культурные цели-ценности и культурные нормы*. К *культурным целям-ценностям* относятся правила, предметом которых являются цели, которые преследует или должен преследовать актер, осуществляющий это действие. *Культурные нормы* — это правила, предметом которых являются способы или средства, используемые для достижения поставленных целей. Они указывают, как должны достигаться поставленные цели. В целом оба вида этих правил представляют собой *ценностно-нормативную систему* той или иной сферы деятельности.

²² *Штомпка П.* Указ. соч. С. 156–158.

Культурные правила вырабатываются, создаются людьми, членами сообщества или их управляющими органами. Они длительное время могут существовать в виде идей, проектов, пожеланий. Но для того чтобы оказывать влияние на деятельность, эти правила должны быть закреплены с помощью социальных институтов. Потому что только с их помощью эти правила приобретают обязательность на неформальной или формальной основе и начинают контролироваться людьми. Способность социального института влиять на соблюдение всеми членами сообщества того или иного правила, нормы объясняется его возможностью применять санкции в отношении нарушителей. Появление новых социальных институтов означает утверждение в качестве обязательных для сообщества новых культурных правил и культурных изменений. Другими словами, для того чтобы придать общепризнанной культурной норме обязательный характер, характер императива, сообщество принимает меры для введения санкций за ее несоблюдение. Утрата социальным институтом возможности применения установленных санкций ведет к его исчезновению или замене другим институтом. А охранявшиеся ранее им нормы становятся достоянием истории.

Здесь хотелось бы подчеркнуть одно обстоятельство, которое недостаточно четко учитывают сторонники институционального подхода, противопоставляя этот подход культуральному. Социальные институты сами по себе не создают культурные правила поведения. Они лишь делают их в той или иной степени обязательными за счет того, что общность признает необходимым сопровождать эти культурные правила и нормы санкциями большей или меньшей степени жесткости. Культурные нормы формируются в сознании людей, в служебных кабинетах и на совещаниях задолго до того, как они будут институционализированы. И уже после того как институт перестал существовать, охраняемая им до этого норма еще длительное время оказывает влияние на поведение сообщества, действует в качестве традиции, представляет собой духовное наследство. Поэтому, на наш взгляд, культура как комплекс ценностных ориентаций, культурных норм, традиций и мифов представляет собой несравненно более широкое социальное пространство, чем свод норм, контролируемых институтами. Может быть, даже логичнее считать, что культурная норма, обретая санкции, на какое-то время приобретает статус института.

Институты — это наиболее актуальные культурные правила, которые действуют в данный момент. Но вокруг них существует огромное

пространство идей, содержащих альтернативные культурные правила, которые либо уже когда-то были институционализированы и утратили защищавшие их санкции, либо готовят изменения в социальной среде и социальной деятельности, то есть могут быть институционализированы. Существует значительное число социальных механизмов культуры, которые далеко не всегда нуждаются в институционализации. Это традиции, мифы, ценности. Это также важнейшие составляющие культуры. Границы всех этих культурных элементов выходят далеко за пределы функционирования институтов. И их влияние достаточно значимо при прогнозировании будущих событий развития общества, в том числе для прогнозирования смены институтов.

Чрезвычайно значимым является то, что «концепция неоинституционализма выдвигает на передний план не сами институты-структуры, а субъектов, их поддерживающих или изменяющих. Это переносит фокус внимания исследователей с институтов, как структур, на процессы их формирования»²³. И позволяет рассматривать институционализацию нормативной структуры (ценностно-нормативной системы) с позиций оценки деятельности тех управленческих команд организации или инициаторов изменений, которые причастны к ее созданию.

Институционализированные культурные правила несут в себе больший или меньший груз обязательности. Они оказывают далеко не одинаковое влияние на состояние инновационной деятельности. Это тесно связано со степенью их институционализации. Будучи *культурными императивами*, например, «они могут быть сформулированы двояко: в позитивном плане как *приказы* и в негативном плане как *запреты*. Первые отвечают тем общественным ожиданиям, которые можно выразить словом «надо» (или «должен»). Вторым отвечают те ожидания, которые можно выразить словом «нельзя» или «невозможно» («недопустимо»)»²⁴.

С другой стороны, мы имеем дело с разрешениями, с указаниями на допуск какого-то рода поведения в определенных рамках. Здесь также возможна институционализация подобного правила и применение санкций при нарушении этих рамок. Но это скорее регулирующая, а не запрещающая норма.

При слабой или недостаточной степени институционализации культурные правила приобретают характер советов, рекомендаций, тради-

²³ См. Ядов В.А. Указ. соч. С. 40.

²⁴ См. Штомпка П. Указ. соч. С. 273.

ций. Например, рекомендацию систематически посещать определенные семинары, конференции, использовать интернет-журналы, публиковаться в зарубежных журналах и т. п.

Многоуровневость ценностно-нормативной системы

Для анализа сформированных в данной общности культурных правил, которые в той или иной степени оказывают влияние на инновационную деятельность, существенное значение имеет тот уровень социальных или ведомственных структур, на котором эта норма была сформулирована и институционализирована. Знание этого источника позволяет более конкретно представить себе характер происхождения тех или иных социальных ограничений или требований по отношению к акторам инновационной деятельности. Позволяет лучше понять, чьими инициативами порождены культурные диссонансы в научно-исследовательской организации и от кого следует ожидать изменений в тех действующих нормах, которые не способствуют успешной работе.

Представляется, что может быть выделено по крайней мере четыре уровня источников, на которых реально иницируются и институционализируются культурные правила инновационной деятельности в НИИ.

Во-первых, это низовой, межличностный уровень. Здесь люди непосредственно общаются между собой в процессе инновационной деятельности. Здесь могут формироваться и поддерживаться культурные правила и ценности, которые создают наиболее устраивающий всех порядок выполнения работ, а также правила взаимодействия. Эти культурные правила формируются и признаются обязательными самими членами группы в процессе взаимодействия. Здесь также происходит институционализация культурных правил, но она носит неформальный характер.

Второй уровень — организационный, уровень НИИ. Здесь формируется культура организации, или «организационная культура», как ее называют в социологии организаций и управления. Культурные правила здесь носят преимущественно формальный характер. Они создаются управленческим аппаратом и официально институционализируются. К выработке и обсуждению этих культурных правил может привлекаться и коллектив сотрудников. В комплексе правил организационной культуры может фигурировать и некоторое число неформальных культурных норм, которые либо преследуют цель облегчить

процесс управления исследовательской деятельностью в неблагоприятных экономических условиях, либо позволяют обходить формальные запреты со стороны вышестоящих организаций.

Третий уровень — территориальный или ведомственный. Это уровень территорий, на которых размещаются и функционируют организации, либо уровень ведомств, в подчинении которых они находятся. В нашем случае речь может идти о культурных правилах, традиционных и формируемых вновь в рамках Академии наук. Этот набор официальных правил и норм деятельности, обязательный для сотрудников научных организаций, входящих в академическую структуру, является еще одним источником происхождения действующих в институтах культурных правил. Их содержание не подлежит обсуждению в организации, а становится жестким императивом.

И, наконец, четвертый, общенациональный или государственный уровень культурных правил. Он формируется, прежде всего, в виде правовых норм, определяющих меру свобод и ограничений различных видов деятельности в масштабах государства. Наряду с этим существуют неформальные культурные правила, отражающие уровень цивилизационного развития государства, и поддерживаемая в той или иной форме государственная идеология. Применительно к инновационной деятельности в рамках академической науки на государственном уровне издаются постановления о порядке реализации этой деятельности и ее масштабах, а также законодательные акты, определяющие правовые рамки такой деятельности.

Совершенно очевидно, что культурные нормы, институционализованные на высшем, государственном уровне, должны учитываться и соблюдаться на всех нижних уровнях иерархии. Для этого они должны быть интерпретированы на каждом нижележащем уровне применительно к уровню ответственности функционирующих здесь акторов инновационной деятельности.

Оценка восприятия и соблюдения культурных правил на каждом из рассмотренных выше четырех уровней представляет собой как научный, так и практический интерес. Совершенно очевидно, что успешность инновационной деятельности академических научных учреждений в значительной мере зависит от того, в какой степени культурные правила, порожденные на всех четырех уровнях управленческой структуры науки, согласованы между собой и отвечают потребностям успешной инновационной деятельности. Тем не менее, исследователи не располагали достаточными ресурсами для осуществления

в одном исследовании анализа всех этих уровней. Поэтому на первом этапе эмпирического исследования мы сосредоточили свои усилия на организационном и межличностном уровне, то есть на уровне культуры инновационной деятельности научно-исследовательских институтов и их научного персонала.

Культурные правила, формирующие продуктивное поведение научных сотрудников институтов в инновационной сфере, представляют собой комплекс требований, которые адресуются не только работающим в академических институтах научным сотрудникам. Их требования относятся и к управленческому аппарату этих институтов, и к персоналу инфраструктурных подразделений. Формирование современной культуры инновационной деятельности носит всеобщий характер и является задачей всех уровней структуры НИИ. Без ее успешного решения нельзя рассчитывать на создание необходимых условий для высокой результативности инновационной деятельности.

Исследовательские процедуры и методическое обеспечение

Для выявления культурных норм, действующих в академических институтах, и оценки степени их адекватности выполняемой научной работе исследователями использовались процедуры, традиционно применяемые в эмпирических исследованиях. Это, прежде всего, работа с документами — изучение положений и должностных инструкций, действующих в научной организации, отчетов разных уровней, Постановлений Президиума РАН, Государственных законодательных документов. Исследователям удалось привлечь к работе над проектом экспертов — компетентных ученых, сотрудников Санкт-Петербургского научного центра Российской академии наук. Существенным источником информации оказались выступления научных сотрудников, как в научных, так и в публицистических изданиях. Но наиболее содержательной базой данных стали, разумеется, материалы полуформализованных и неформальных интервью, выполненных в некоторых научно-исследовательских институтах, неформальное общение с учеными.

Используя всю эту совокупность источников, исследователям удалось выявить значительное число комплексов культурных норм, определяющих характер и содержание различных видов инновационной деятельности. Наряду с этим с респондентами обсуждались нормы, введение которых было бы желательно, но которые не рассматриваются

в академических институтах как актуальные. Поскольку значительная часть респондентов исследования работала в командировках, за рубежом, в зарубежных научных центрах, у них была возможность сравнения отечественной и зарубежной культуры инновационной деятельности. Это придавало аргументам в пользу замены некоторых традиционных, устаревших норм определенную обоснованность.

К большому удовлетворению, в процессе работы нам удалось установить творческое сотрудничество с некоторыми учеными обследуемых академических институтов, привлечь их к корректировке исследовательского инструмента, к обсуждению наиболее острых проблем инновационной деятельности. Благодаря этому используемые в исследовании методики и другие программные документы прошли достаточно серьезный пилотаж. В последующем наши добровольные коллеги с большой пользой для исследования приняли участие в обсуждении полученных результатов, в интерпретации полученных данных.

Начальной задачей полевой части исследования было выявление тех культурных норм, которые в настоящее время действуют в обследуемых НИИ и дают представление о функционирующей там культуре инновационной деятельности. Полученные комплексы таких норм с достаточно высокой степенью полноты, были описаны и составили перечень, дающий представление о культуре инновационной деятельности.

Комплексы культурных норм инновационной деятельности, которые подвергались анализу в процессе опроса

- Нормы поиска заказчиков и ведения переговоров
- Нормы деятельности инновационной инфраструктуры
- Нормы обслуживания рабочих мест исследователей
- Нормы финансирования инновационных разработок
- Нормы защиты интеллектуальной собственности
- Нормы оценки труда сотрудников института
- Нормы информационного обеспечения ученых
- Нормы работы с аспирантами и их закрепления в институтах, а также некоторые другие.

Последующая направленность исследовательской работы сводилась к тому, чтобы выяснить у респондентов насколько действующие нормы способствуют эффективному выполнению научно-исследовательских, прикладных и внедренческих работ. В ходе интервью эта задача решалась по каждому комплексу культурных норм. Одновре-

менно с этим была предпринята попытка выяснить содержание норм, которые должны были бы, по мнению респондентов, действовать в институте, но они отсутствуют, либо не соответствуют потребностям выполняемой работы.

О преимуществах культурального подхода

В завершение методологического раздела статьи имеет смысл сказать о том, в чем же исследователи, избравшие в качестве своего направления исследования культуральный подход к социологическому анализу инновационной деятельности, видят его преимущество в сравнении с другими подходами, широко используемыми в исследовательской практике.

а) Культуральный подход позволяет раскрыть содержание социальных механизмов (культурных правил), оказывающих влияние на формирование инновационной деятельности и выяснить отношение к ним акторов этой деятельности.

б) Он дает возможность определить наличие действующих в обществе субкультур и оценить масштабы девиантного поведения.

в) Позволяет выявить культурные правила, которые признаются акторами, как более адекватные требованиям инновационной деятельности, чем действующие.

г) Дает возможность предлагать культурные инновации, изменяющие характер и содержание инновационной деятельности в сторону повышения ее продуктивности.

Оценка состояния некоторых фрагментов культуры инновационной деятельности в академических учреждениях

Приведенные в этом разделе мнения, суждения респондентов и комментарии к ним дают представление о современном состоянии инновационной деятельности в обследованных академических институтах. Они позволяют перейти к ответу на основной вопрос исследования: как выглядят культурные нормы, которые формировали и формируют в настоящее время инновационную деятельность научных сотрудников институтов. В этой статье мы коснемся лишь двух комплексов культурных норм: 1) норм, относящихся к работе с заказчиком инновационного продукта, включая ведение переговоров;

2) норм, относящихся к обслуживанию акторов инновационной деятельности в академических институтах.

Культурные правила работы с заказчиком инновационной разработки

Выполнение любого инновационного проекта имеет смысл лишь в том случае, если у него есть конкретный заказчик, потребитель ожидаемого результата. Заказчик уточняет потребительские требования к создаваемому инновационному продукту, гарантирующие ему место на рынке, решает вопросы его промышленного освоения, тиражирования и внедрения (продаж). Словом, осуществляет все те функции инновационного цикла, которые относятся к сегменту, носящему наименование «диффузия». После перехода страны к рыночной экономике наличие заказчиков стало основным и главным условием инновационной активности научных учреждений. А ситуация в отечественной экономике сложилась в силу ряда причин так, что число заказов в сфере производства оказалось существенно ниже потенциальных возможностей академической науки. Ученым приходится искать заказчиков. Причем, по словам респондентов, далеко не все новшества имеют шанс вообще найти заказчика в России. Отечественная промышленность за годы застоя и кризиса 90-х гг. катастрофически отстала от мирового уровня. И она не в состоянии на имеющейся технологической базе тиражировать изделия, требующие оборудования, относящегося к постиндустриальному укладу производства.

Поэтому неслучайно авторам наукоемких разработок приходится надеяться лишь на зарубежных заказчиков. Но тут начинаются упреки в антипатриотизме. Обвинения в продаже за рубеж разработок, созданных на бюджетные деньги.

Если говорить о внутриведомственных проблемах, то серьезным препятствием на пути развития инновационных инициатив до последнего времени было нежелание руководства Академии наук и ее институтов признавать это направление в качестве составной части своей научной деятельности. Правда, это не мешало им рассматривать заключаемые учеными договоры на инновационные разработки как источник дополнительного дохода. С каждого такого инициативного договора или гранта институт, по положению, отчисляет в свой бюджет установленный процент. И, тем не менее, эти разработки, по

мнению респондентов, не рассматривались до последнего времени руководством РАН как деятельность, заслуживающая поддержки и внимания. Вот мнение одного из руководителей институтов.

«Руководство АН с самого начала разделило эти два вида научной деятельности (бюджетную и договорную). Определило нашу базовую, программную, уставную деятельность, за которую мы имеем базовое финансирование. И сказали, что мы можем заниматься сверх этой деятельности различными проектами, на которые найдем финансирование. Для этого есть специальные фонды, в том числе и для занятий прикладными вещами. Но это сугубо факультативно. Никто нас сверху этим заниматься не заставляет» (в.н.с., д.ф.-м.н., 56 лет, м.).

В соответствии с такой установкой повели себя и руководители большей части академических институтов. Они как бы «умыли руки», предоставив своим сотрудникам самим решать вопрос о развитии «самостоятельной» инновационной деятельности в институте. В результате в академических институтах до последнего времени не была сформирована организационная культура инновационной деятельности. Неформальные культурные нормы, которыми она направляется в настоящее время, являются плодом самостоятельности самих научных сотрудников, которые создают «инновационные правила игры» по своему опыту и разумению.

Вот типичные для такой ситуации высказывания респондентов:

«В той сфере, где я занимаюсь прикладными работами, руководство института ничем нам не помогает. Все делаем сами, изучаем спрос на эти работы, ищем заказчиков. Ведем с ними переговоры» (с.н.с., к.ф.-м.н., 38 лет, м.).

В результате такой «политики невмешательства» со стороны администрации заказчики обращаются непосредственно к создателям инновационных продуктов, а те, минуя администрацию, — напрямую к заказчикам, лишь формально уведомляя руководство о заключении договоров. Вот еще два высказывания на эту тему.

«Руководство института поиску заказчиков и получению финансирования инновационных работ практически никак не способствует. Заказчики находят нас сами по той информации, которую мы публикуем в статьях и размещаем на сайте лаборатории. В нашем подразделении этим занимаемся мы сами. Кто занимается этим в институте и занимается ли ктонибудь этим вообще, мне неизвестно» (зав. лаб., к.б.н., 37 лет, ж.).

«Мне кажется, но я не утверждаю это категорично, что каждый спасается сам. Каждое подразделение ищет само заказчиков на свои исследования и прикладные разработки» (с.н.с., к.ф.-м.н., 48 лет, м.).

Эти и многие другие высказывания позволяют сделать вывод, что в институтах, где проводилось исследование, практически действует неформальная культурная норма «хочешь заниматься инновационной деятельностью — помоги себе сам. Найди заказчика или получи грант, организуй выполнение проекта, но не забывай отчитываться по основной теме». В соответствии с такой нормой ученые этих институтов независимо от возраста, ученой степени и должности становятся коммивояжерами, менеджерами по продажам, юристами, вспоминают старые связи с промышленными предприятиями и другими организациями и ищут инвесторов для своих инновационных разработок. Вся ответственность за поиск заказов и заказчиков, за организацию работ и своевременность их выполнения возложена на тех, кто проявляет в этой области инициативу.

Справедливости ради отметим, что в некоторых институтах в действии нормы «инновационной самостоятельности» есть небольшие исключения. В соответствии с высказываниями респондентов там руководители проявляли хоть какую-то заботу о поиске заказчиков внедренческих разработок. Правда, пока без особых результатов. Вот пример такого мнения:

«Руководство института в последнее время активно включилось в такую деятельность. Специальной структуры, осуществляющей поиск потребителей прикладных разработок института, нет. Но в то же время такая работа ведется дирекцией института, Пока особых результатов нет, но в этом направлении ведется работа» (д.ф.-м.н., зав. лаб., 55 лет).

Итоги исследования говорят о том, что соотношение тех, кто ощущает поддержку института в своей инновационной деятельности и тех, кто ее не ощущает, выглядит как один к четырем. В то же время между респондентами не было полного согласия по поводу помощи со стороны администрации института в поиске заказчиков на инновационную продукцию, по поводу характера этой помощи. Некоторые респонденты считают, что при том хаосе на рынке инновационного продукта, который неизбежен на начальной стадии его становления, участие самих исследователей в поиске инвестора-заказчика оправдано и может играть не меньшую, а может быть, и большую роль, чем усилия администрации. Свою мысль они формулируют так:

«В поиске инвесторов институтские структуры вряд ли помогут. Здесь нужен очень большой личный интерес, а они там будут “перекладывать бумажки”. Необходим личный и научный интерес в доведении разработок до реализации. Кроме того, для инвесторов очень важны “регалии” разработчика, личный контакт с ним» (с.н.с., к.ф.-м.н., 62 г.).

«Я слышал, что в институте есть какой-то центр сопровождения инноваций, но по опыту общения с коллегами из других подразделений института я понял, что конкретные группы разработчиков ищут потребителей сами. У нас столько тематик, что никакой центр не сможет обеспечить поиск заказчиков для всех разработок» (с.н.с., к.ф.-м.н., 51 год, м.)

Основную роль администрации в обеспечении инновационных заказов эти сотрудники видят в постоянном участии института в организации выставок и конференций, усиленного рекламирования достижений ученых института на всех уровнях. Необходимо рассматривать, считают они, посещение конференций сотрудниками различных форумов, включая зарубежные, как часть этого поиска, и предусматривать на эти цели соответствующие финансовые средства. В ходе проводимых интервью респондентами обращалось внимание на плохую организацию этих выставок. Экономя на презентации научных результатов и их инновационных воплощений, по их мнению, институты не получают необходимого эффекта. В материалах исследования это звучит так:

«Прежде всего, должны быть выставки. Причем в выставках должны быть заинтересованы люди, которые нормально занимаются бизнесом. Нормальный ответственный бизнес, который заинтересован в развитии инноваций, а не чиновники, которые для проформы будут делать вид. Нужны также информационные центры» (с.н.с., к.ф.-м.н., 68 лет, м.).

«Я знаю, что институт участвует в выставках. Это скорее ритуальная процедура, когда надо столичным чиновникам показать, что наш институт работает, находится на мировом уровне. Сам я в выставках пока не участвовал» (с.н.с., к.ф.-м.н., 35 лет).

Исследователи обратили внимание на то, что из сорока двух респондентов, с которыми они побеседовали в процессе исследования, в выставках, проводимых институтами, никто из респондентов со своей тематикой ни разу не участвовал, в том числе в составе своего подразделения. Трудно объяснить это только случайностью.

В поисках заказов на разработки и на готовые инновационные продукты, которые могут найти покупателя на рынке, сотрудниками институтов используются самые различные пути и средства, начиная

от Интернета и заканчивая поиском старых знакомых, перешедших в бизнес. Поэтому неслучайно, что масштабы многих таких разработок и продаж оказываются нередко чрезвычайно скромными — вплоть до продажи нескольких килограммов реагента, приготовленного в академической лаборатории. Заказчики представлены очень широким диапазоном партнеров от известной зарубежной фирмы до малого предприятия строительной индустрии, делающего разовую покупку. Все это оказывается весьма далеким от цивилизованного рынка наукоемкой продукции. Тем более что оформление этих сделок и соблюдение охраны интеллектуальной собственности нередко не контролируется никем и выполняется без участия специалистов — маркетологов и экономистов.

Не вникает администрация институтов и в содержание договора на выполнение и передачу соответствующего продукта. Договор составляется сотрудниками, которые берутся выполнить работу. Институт ставит лишь свою подпись и печать на текст договора. Но где гарантии, что в договоре чего-то не предусмотрели? Ведь покупатели приезжают даже и из-за рубежа. А где гарантии того, что исследователи определили правильно стоимость своего продукта? Где гарантии, что разработка запатентована и не переключается в чужую интеллектуальную собственность? Специалистам в области физики, биологии, нанотехнологий не так легко разобраться со всеми тонкостями, которые должны учитываться при составлении такого сложного юридического документа, как договор. Но в реальности помочь им в этом некому.

«Отечественная наука на международных рынках наукоемких технологий выглядит на уровне Африканских стран. И не только потому, что мало чего можем предложить. Но еще и потому, что сделки нередко оформляются безграмотно, и выглядят на уровне контрабанды, без достаточной защиты права на интеллектуальную собственность» (с.н.с., к.ф.-м.н., 41 год, ж.).

На момент проведения исследования в обследованных институтах отсутствовали специалисты или подразделения, которые бы представляли собой инновационную инфраструктуру института. Этому не приходится удивляться. Институты по своей традиционной направленности не рассчитаны на ведение инновационных разработок и их реализацию. Судя по печати, в некоторых академических институтах такая инфраструктура сегодня создана. Но это не стало правилом для всей системы Академии наук. Между тем потребность в такой структуре остро ощущается.

«Хорошо бы, если в институте существовала некая структура, которая бы помогала инновационной деятельности, защищала наши права, в том числе на инновационную собственность. В принципе, мы могли бы расширять такую нашу деятельность. Нам пока в лаборатории доходов от нее хватает, но мог бы получать выгоду и институт в целом. Работа перспективная, зарубежный рынок есть» (к.б.н., зав. лаб., 37 лет).

«Ученому, который занимался всю жизнь фундаментальными разработками, очень трудно представить ситуацию заказчика, что ему нужно. Нужен какой-то маркетинг этих услуг, что ли. Это должна быть какая-то дополнительная структура» (с.н.с., к.ф.-м.н., 38 лет).

До последнего времени, пока еще Академия наук жила надеждой сохранить свой статус «храма фундаментальной науки», создание такого рода «инновационных пристроек» воспринималось как неизбежная уступка интересам сотрудникам и покушение на не вполне обоснованную диверсификацию деятельности институтов. Но после выхода в свет Постановления Президиума РАН (от 24 марта 2009 г.) о возложении на академические институты деятельности по продвижению инновационных разработок на внешний и внутренний рынок высокотехнологичной продукции, вопрос о пересмотре структуры академических научно-исследовательских институтов стал более актуальным.

К сожалению, исследователи не располагают информацией о том, как институты определились с тем, как они будут решать новую задачу. В то же время у научных сотрудников оказались по этому поводу свои соображения, которыми они и поделились с исследователями. Одно из них приводится ниже.

«Между наукой и потребителем ее разработок должно быть некое промежуточное звено, своя институтская экспертиза. Хорошо бы на каждом направлении работы института иметь менеджера, который бы занимался такой экспертизой. Я хорошо знаком с такими менеджерами по опыту работы за рубежом. Это должны быть выходцы из науки. Просто менеджер с экономическим образованием здесь ничего не сделает. Их можно, на мой взгляд, вырастить из аспирантов, склонных к менеджерской работе. Они должны получить степень по научной специальности, а потом дополнительное образование в сфере научного менеджмента». Кстати, в МГУ уже есть такая специализация по переподготовке» (с.н.с., к.ф.-м.н., 41 год).

Еще один важный аспект комплекса культурных правил работы с заказчиком касается порядка финансирования разработок. Некоторая часть сотрудников, выполняющих инновационные разработки, полу-

часть средства из внедренческих фондов РАН. Но это незначительная часть исследователей. Остальные должны находить эти средства сами. Возможны два источника: венчурное финансирование и аванс заказчика. Практика показывает, что ни тот, ни другой источник для научного подразделения или самодеятельной группы ученых недоступен. Венчурные фонды имеют дело с официальными организациями, а заказчики склонны платить только за готовый продукт.

Руководство института, даже тогда, когда оно зарегистрировало у себя заключенный договор с заказчиком, в силу ряда формальных причин, включая отсутствие средств на расчетном счете института, не осуществляет финансирование работ, связанных с заказом.

Авторы инициативных инновационных разработок в этом «заколдованном круге» отказов используют все мыслимые и немыслимые способы, чтобы найти деньги на осуществление своего проекта, но об их источниках предпочитают не распространяться.

«Предварительного финансирования на разработку наших продуктов мы не получаем. Заказчики (в том числе иностранные) покупают у нас уже готовый продукт» (к.б.н., зав. лаб., 37 лет).

«Многие разработки мы осуществляем по своей инициативе, а потом ищем на них заказчиков. Заказчики дают деньги только после того, как могут что-то “пощупать”, нужен работающий образец» (с.н.с., к.ф.-м.н., 70 лет).

В связи с этим появление в процессе работы над инновационным заказом материалов, оплаченной энергии, эксплуатации оборудования и тому подобного становится загадкой. Какие культурные нормы регулируют эту сторону деятельности научных сотрудников? Если эти работы выполняются не официально, то какова практика учета затрат и финансирования этих работ? Наши респонденты говорили в интервью, что тратят на это собственные средства. В это, честно говоря, трудно поверить. Или получается, что они ведут какие-то беззатратные работы.

Становится очевидным, что внедренческие работы выполняются за счет финансирования все тех же фундаментальных разработок. Вот откровенные признания нелегального пути финансирования разработки новшества:

«Использовали мы гранты РФФИ на разработку якобы фундаментальных исследований, но деньги тратили на прикладные, заказные разработки» (с.н.с., к.ф.-м.н., 62 года).

Поэтому неслучайно некоторые наши респонденты откровенно критиковали использование таких правил, а точнее — сплошного бескультурья при финансировании инновационных разработок и говорили о необходимости введения четких правил в этой области.

«Необходимо легализовать такую нашу деятельность. Нам не мешают заниматься такими работами, но это делается как бы «полуподпольно» (к.ф.-м.н., зав. лаб., 37 лет).

Все это свидетельствует о том, что в академических институтах действует не вполне цивилизованный способ финансирования инициативной инновационной деятельности. Это еще раз подтверждает суждения сотрудников о том, что «инициативная» инновационная деятельность в институтах в значительной своей части имеет для руководства «побочный характер». Академический сотрудник уподобляется по характеру этой деятельности «кустарю», который сам изготавливает продукт, сам его финансирует, сам выходит с ним на рынок продавать и сам находит покупателей. При такой инновационной культуре трудно рассчитывать и на большой успех, и на большие масштабы деятельности. Создается впечатление, что как за формирование культуры работы с заказчиком, так и за успешность собственно инициативной деятельности в обследованных институтах никто в настоящее время никакой ответственности не несет.

Исследователи считают важным обратить внимание то, что экспертами по оценке функционирования и состояния культурных норм работы с заказчиками инновационной продукции в исследовании выступали респонденты исследования — научные сотрудники обследованных институтов. Обращало на себя внимание их единодушие в оценках. Они считают, что такое состояние культуры внедренческой деятельности является следствием нежелания рассматривать инициативную деятельность по созданию инновационных разработок в качестве целевого направления, призванного способствовать развитию потенциала науки. Как и в 90-х гг., в некоторых институтах его продолжают рассматривать как способ повышения материального уровня ученых. Не менее важно и то, что до настоящего времени культура инновационной деятельности, относящаяся к инициативной работе с заказчиками, не имеет формальной основы. Она не институционализируется в академических учреждениях и не стала их официальной организационной культурой.

Культура обслуживания инновационной деятельности научных сотрудников

Каждый академический институт должен иметь какое-то число структурных подразделений, составляющих инфраструктуру исследовательской, экспериментальной и инновационной деятельности. В их задачи должно входить обслуживание, ремонт и подготовка исследовательского оборудования к работе, приобретение и изготовление необходимых приборов, материалов, реактивов, словом всего того, что необходимо для выполнения исследователями и разработчиками инновационных продуктов своих плановых работ. Своевременное и качественное выполнение заказанных сотрудниками услуг является важнейшей культурной нормой деятельности любого научного учреждения. Четко организованное обслуживание научно-исследовательской деятельности является организационной основой продуктивности работы. От содержания установленных для этих вспомогательных подразделений культурных норм деятельности и степени их институционализации в значительной степени зависит успешность исследований и соблюдение установленных сроков их выполнения. Поэтому вполне логичным является требование, чтобы исследователи и разработчики не отвлекались для выполнения работ, которые не относятся к их обязанностям. Они должны иметь возможность все свое рабочее время заниматься исследованиями, инновационными разработками.

Высказанные научными сотрудниками в ходе интервью оценки состояния культуры обслуживания рабочих мест и деятельности исследователей свидетельствуют о том, что ситуация в этой сфере деятельности инфраструктурных подразделений институтов далека от совершенства. Более того, она все более ухудшается. Респонденты без особого восторга вспоминали культуру обслуживания рабочих мест исследователей в советский период. Но, тем не менее, они обращали внимание на то, что в те времена им не приходилось самим ремонтировать аппаратуру и приборы, закупать оборудование. В настоящее время положение ухудшается на глазах. Все более актуальным становится слоган, превратившийся в культурную норму, — «помоги себе сам». Разумеется, это происходит не просто потому, что руководители институтов не понимают значения этой проблемы. Хотя это, по мнению респондентов, тоже имеет место. Основную негативную роль здесь, разумеется, сыграл кризис, который переживает академическая наука. Низкий уровень оплаты труда вспомогательного персонала,

его бегство из подразделений инфраструктуры привели к резкому сокращению возможностей хоть какого-то обслуживания исследовательского процесса. А это в свою очередь привело к использованию не по назначению рабочего времени высококвалифицированных научных сотрудников. Теперь им самим все чаще приходится покупать, налаживать и готовить аппаратуру для экспериментов, самим решать проблемы аренды времени работы на аппаратуре коллективного пользования. Все это они делают за счет своего рабочего времени, ломая все свои графики и планы работы. Об этом исследователям говорили сотрудники институтов в ходе интервью.

«Должен быть обслуживающий и технический персонал. У нас же сейчас мы сами выполняем все работы по обслуживанию оборудования и подготовке исследований» (с.н.с., к.ф.-м.н., 41 год, м.).

«У нас нет обслуживающего персонала — механиков, лаборантов. Мы сейчас сами чиним наше старое оборудование и сами выполняем все вспомогательные работы. Руководство института знает о наших проблемах и старается помогать, но у него нет механизмов решения этих проблем» (н.с., к.б.н., 42 года, ж.).

Существенно ухудшилась в последние годы, по мнению научных сотрудников, работа по снабжению исследователей всем необходимым для осуществления плановых работ. Сроки выполнения заказов не контролируются и вынуждают ученых самих заниматься закупочной деятельностью.

«Раньше я писал заявку на покупку оборудования, и отдел снабжения занимался его доставкой. А сейчас, пока сам не купишь, никто тебе не купит. В существовавшей раньше системе снабжения исследований были свои трудности. На зарплату с договоров отводилось очень мало, зато статьи на оборудование и материалы выполнялись неукоснительно» (д.н., зав. лаб., 70 лет).

К существенным потерям времени исследователей приводит введенная сравнительно недавно система контроля над нецелевым использованием средств, выделяемых для исследовательских нужд. По мнению ученых, она достаточно формальна и мало чем помогает выявить нарушения, зато требует значительных затрат времени на составление многочисленных форм. Невольно возникает вопрос: почему именно ученый должен составлять эти контрольные отчеты? Разве недостаточно, если он подпишет уже подготовленный сотрудником инфраструктуры финансовый или материальный отчет?

«Мы часто подходим к этим документам формально. Пишем, лишь бы отвязались. Тем более что настоящая отчетность идет по результатам исследования или разработки. Ведь эта писанина отнимает время от основной работы» (с.н.с., к.ф.-м.н., 38 лет, м.).

Наиболее значительны потери времени при приобретении каких либо приборов, оборудования. Они вызывают недоумение у сотрудников институтов.

«Необходимо прекратить кавардак с закупками. Создали такую систему, что ничего нельзя нормально купить, нужно оформлять кучу бумаг. Я не могу никак купить для своих исследований новый компьютер. Кроме того, нужно прекратить этот вал отчетов, которые мы пишем по каждому поводу. Раньше этого не было, и нормально работали. Я нигде в мире этого не встречал» (д.ф.-м.н., в.н.с., 64 года).

Совершенно очевидно, что при создании новых форм контроля «главную скрипку» играли финансовые органы, которым безразлична степень вносимых ими неудобств. Но почему Академией наук при этом не рассматривается возможность смягчения ущерба для работы ученых? Ведь решение любой бюрократической задачи всегда позволяет рассмотреть несколько вариантов и выбрать наиболее оптимальный. Разумеется, легче всего возложить всю такую отчетность на того, кто осуществляет исследование. Но насколько это рационально, особенно с позиций бережного отношения к рабочему времени ученого?

Справедливо выдвигая перед учеными академических институтов требование добиться создания конкурентоспособных высоконаучных технологий и других наукоемких продуктов и открытий, руководство как правительственных структур, так и самой Академии наук не может не понимать, что одних призывов для этого недостаточно. Да, действительно, в настоящее время научный потенциал академических институтов еще высок. Несмотря на многие пессимистические высказывания, он еще в определенной своей части может работать на мировом уровне. Но можно ли реализовать эту возможность, если будет продолжаться столь пренебрежительное отношение к проблемам культуры научно-исследовательской, внедренческой, инновационной деятельности? При том уровне неуважения к труду ученых, которое проявляется, начиная от речей депутатов Госдумы, обвиняющих отечественную науку во всех смертных грехах, до принуждения ученого в своем институте заниматься малоквалифицированным трудом по самообслуживанию?

В советские времена были годы, когда ученых посылали на уборку картошки. На эту тему сочинялись памфлеты с критикой политики власти в сфере науки. Но зададимся вопросом — чем отличается практика использования ученых на вспомогательных и технических видах труда от времен картофельных батальи? Только тем, что все это происходит в здании института. И эта практика институализирована управленческим аппаратом как сложившаяся культурная норма организации работы сотрудников научного учреждения. Хотя, по сути, это один из примеров совершенно нерационального использования научно-исследовательского потенциала академической науки.

Значительным толчком к появлению идей по поводу необходимости и возможности повышения эффективности труда возникли у ученых после поездок за границу, на стажировку, на временную работу в зарубежные научные центры. Они обратили внимание на то, как бережно там относятся к рабочему времени ученого. Насколько продуманно планирование рабочего времени. Как строго выполняются культурные нормы обслуживания труда научного сотрудника.

Оказалось, что среди респондентов исследования почти каждый второй имел опыт работы в зарубежных научных центрах. Их рассказы о своих впечатлениях были наполнены восхищением от увиденного там и одновременно глубокой завистью, поскольку о такой культуре научного труда они пока не могут даже мечтать. Прежде всего, респонденты обращали внимание на организацию труда обслуживающего персонала. По их мнению, в зарубежных центрах она подумана до мелочей, и ученые освобождены от побочных работ.

«Что у них там хорошо — это организация обслуживания труда ученых. Все необходимое для работы можно заказать, и оно тут же поступит исследователю» (с.н.с., к.т.н., 68 лет, м.).

«Что нам нужно взять у них — это организацию научного труда. Ученый должен быть освобожден от несвойственных для него функций. Должен быть обслуживающий и технический персонал. У нас же сейчас мы сами выполняем все работы по обслуживанию оборудования и подготовке исследований» (с.н.с., к.ф.-м.н., 41 год, м.).

«Там много инженерного и обслуживающего персонала. У нас всего этого сейчас нет. Например, у нас в лаборатории нет вообще ни одного инженера и лаборанта» (н.с., к.ф.-м.н., 35 лет, м.).

Но дело не только в обеспечении всем необходимым выполняемых исследований и разработок. Научных сотрудников не устраивает и общая организация выполняемых исследований, которая нередко

порождает неразбериху с их материальным обеспечением и большие потери времени на получение всяческих согласований. Рассказывая о зарубежном опыте организации исследовательской работы, они высказывают недоумение по поводу отсутствия желания у академического руководства и руководителей институтов даже попытаться позаимствовать такой опыт. Если на возрождающихся отечественных промышленных предприятиях с приходом новых технологий и оборудования происходит смена организации труда, в рамках ее традиционного российского бескультурья, то про научные учреждения это можно сказать далеко не всегда.

Переход к работе по реализации инновационных проектов требует от Академии наук, по мнению ученых-респондентов, инновационной перестройки всей организационной культуры, культурных правил научно-исследовательской, инновационной деятельности. Респонденты, с которыми имели дело исследователи, считают, что для начала надо просто использовать тот опыт работы, который накоплен за рубежом.

«Что можно было бы у них перенять — это организацию процесса исследования, от момента появления идеи и до ее технического воплощения. У них понятно, что нужно делать и как нужно делать, чтобы реализовать научную идею. Понятно, где искать деньги, понятно, где покупать соответствующее оборудование или где оно может быть произведено. Понятно, где это оборудование можно установить и понятно, как на нем нужно работать. У нас этого ничего нет. Вернее, это все потеряно за последние 20 лет» (с.н.с, к.ф.-м.н., 41 год, м.).

Об отсутствии четкой организации научно-исследовательской и инновационной деятельности исследователям говорили не только сотрудники, но и многие руководители подразделений институтов. Они также неудовлетворенны действующей организационной культурой научной деятельности и имеют свои претензии к необоснованным потерям времени и сил.

«Мне приходится совмещать должность научного руководителя, организатора работ и завхоза. Это отнимает крайне много времени непосредственно от научной работы. А за рубежом этими вопросами занимаются специальные люди, которым ученый просто заказывает все, что ему нужно. А мы ждем уже заказанные реактивы по 3 месяца. Там доступно любое оборудование, там нет проблем с ремонтом приборов» (зав. лаб., к.б.н., 37 лет, ж.).

Высокая культура организации научного труда в зарубежных научных центрах, о которой говорят побывавшие там отечественные

ученые, это не только средство комфортного самочувствия работающих («Там намного комфортнее организация науки», — говорят наши респонденты (с.н.с., к.ф.-м.н., 35 лет, ж.). Не допуская потерь рабочего времени, за счет улучшения обслуживания исследовательского труда, в зарубежных центрах повышается его отдача, сокращаются сроки исследований, обеспечивается рост производительности научной деятельности. Надо полагать, что для отечественной науки, перед которой стоят весьма масштабные задачи в развитии инновационной деятельности, решение этих проблем не менее актуально. Научная деятельность, как всякая деятельность, стремящаяся к совершенству, требует научной организации. И соответствующая культурная норма, которую следовало бы институционализировать в академических институтах, по мнению респондентов, должна была бы выглядеть так.

«Научные сотрудники не должны тратить время на выполнение несвойственных им функций. Например, на обеспечение своей работы необходимыми приборами, материалами, на подготовку к работе экспериментальных установок. Они не должны они также вести переговоры о предоставлении оборудования в центрах коллективного пользования. Их должны своевременно обслуживать соответствующие подразделения инфраструктуры института».

Обсуждая культурные нормы, действующие в зарубежных научных центрах, респонденты обратили особое внимание на обязательность соблюдения сотрудниками этих учреждений продолжительности рабочего дня. Необычным для них показалось следующее.

«Там, в таких же, как у нас, институтах, которые занимаются фундаментальными исследованиями, работают «от звонка до звонка», то есть строго рабочий день. Рабочий день кончился, и все — по домам. Мы же работаем по мере потребностей работы. Можем работать и сутки подряд, если есть такая потребность» (к.ф.-м.н., зав. 68 лет, м.).

На такую жестко соблюдаемую культурную норму обратили внимание многие респонденты исследования. Им представляется странным, что ученые зарубежных центров ходят на работу ежедневно, к определенному времени, «как на завод». Они работают здесь весь свой рабочий день. Здесь находится их компьютер, записи, журналы и книги, взятые в библиотеке, словом, все, что необходимо для полномасштабной работы. В противоположность этому дома они ничего, связанного с работой, не имеют. Дома они отдыхают, общаются с семьей, смотрят телевизор, встречаются с друзьями. Четкое разграничение сферы труда и сферы отдыха создает благоприятные условия для пол-

нокровной жизни и успешной работы. Разговоры о том, что российские ученые могут противопоставить такому распорядку готовность работать 24 часа в сутки, воспринимаются их зарубежными коллегами не иначе, чем как практика авралов, как результат неорганизованности, бескультурия. И это близко к истине.

Почему возникает такая необходимость — работать сутками? Как правило, это объясняется отсутствием порядка, требующего оперативного, своевременного обслуживания разработчиков всем необходимым. Сначала создается простой в работе, потом наступает аврал. И выясняется, что академические институты в этом отношении мало чем отличаются от захудалой стройки. При социализме можно было сослаться на дефицит. Теперь это время ушло. Все можно купить. Но не действует требование, культурное правило, обязывающее дать ученому все необходимое, причем строго вовремя. Где-то это записано, но не институциализировано. Не стало культурной нормой. И никто не переживает и не несет ответственности за то, что начало работ из-за отсутствия, допустим, каких-то реагентов или невовремя перечисленных средств задержалось на длительное время.

Вернемся к проблеме рабочего времени. Справедливости ради следует признать, что необязательность появления на работе в течение рабочего дня представляет собой широко распространенную практику в отечественных академических институтах. В значительной части случаев научные сотрудники предпочитают помимо обязательных присутственных дней работать дома. И в институтах укоренилась неформальная культурная норма несоблюдения в какой-то части формальной, но слабо институциализированной нормы распорядка рабочего дня.

Однако было бы ошибочным с места в карьер осудить такую ситуацию и потребовать ее коренного изменения. Может быть, не так уж неправы руководители институтов, которые «сквозь пальцы» смотрят на соблюдение графика рабочего дня. Здесь есть все основания, чтобы посмотреть, в каких условиях работают научные сотрудники за рубежом, которые аккуратно каждый день проводят в научных центрах свое рабочее время «от звонка до звонка». Какие требования предъявляются там к рабочему месту ученого? Их хорошо иллюстрирует статья профессора Льва Клейна «Работа по-английски» в газете «Троицкий вариант» (№ 16–35 от 18 августа 2009 г.). Будучи приглашен в Даремский университет в Великобритании, он, как и все преподаватели этого университета, прежде всего получил свой кабинет («Я никогда не

имел его на родине, ни до того, ни после того», — пишет он. — В коридорах пусто: все сидят по своим кабинетам»). При чем считается неприличным в рабочее время заходить в кабинет к коллеге и отрывать его от дела. Люди действительно работают, используя созданные для этого условия.

Отечественная же практика обустройства рабочих мест научных сотрудников ориентируется на практику коллективного труда. В одной комнате размещаются три и более сотрудников. Каждый старается отгородиться от остальных шкафом, книжной полкой, создавая своеобразную планировку помещения, которую профессор Клейн очень точно назвал «офисной коммуналкой». Каждый имеет право включить «Скайп», мобильный телефон, попить чаю, откашляться, порыться в шкафу. В такой обстановке сосредоточиться чрезвычайно трудно. Требовать от своих коллег соблюдения правил публичной библиотеки — дело малоперспективное. Но и ожидать от них полноценной продуктивной мыслительной деятельности становится делом сомнительным. Прежде всего, именно поэтому отечественные ученые предпочитают свое рабочее место в институте библиотеке или домашнему кабинету. Возникает вопрос — в состоянии ли отечественные академические институты предоставить своим сотрудникам изолированные кабинеты? Способны ли они создать для них такие же условия работы, как это делается в зарубежных научных учреждениях? К сожалению, пока что такая культура организации рабочего места для всех наших институтов непосильна. Но было бы ошибкой не думать о такой перспективе. Ибо это еще один аспект высокой культуры научной деятельности, который создает предпосылки для успехов в творчестве.

Краткие выводы

Анализ содержания и применения формальных и неформальных культурных правил, которые институционализированы в сфере инновационной деятельности обследованных социологами академических научно-исследовательских институтов и в соответствии с которыми эта деятельность осуществляется, позволяет нам сделать следующие выводы.

Инновационная культура академических научно-исследовательских институтов, как важнейшая часть их организационной культуры, находится в стадии трансформации. В современном виде она совершенно не отвечает потребностям интенсивного развития исследова-

тельской и внедренческой деятельности. Здесь преобладают культурные нормы, традиции и ценности, сформированные в период кризиса и реформ 90-х гг., когда на первое место выдвинулись проблемы выживания и сохранения самой академической науки. Здесь не соблюдаются элементарные условия цивилизованного порядка создания и продаж инновационного продукта. В большей части научных подразделений не созданы оптимальные условия для плодотворной научной работы. Негативное впечатление усиливается, если сопоставить сформированную здесь культуру с культурой научной деятельности в зарубежных центрах.

В современных условиях кардинальная трансформация культуры научно-исследовательской и внедренческой (инновационной) деятельности в академических учреждениях должна рассматриваться как важнейшая часть программы инновационного развития страны. При этом должен учитываться опережающий опыт формирования культуры в зарубежных научных центрах.

Е.А. ИВАНОВА

МАСШТАБЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ГРАНТОВОЙ СИСТЕМЫ РФФИ В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ ПЕТЕРБУРГА¹

Аннотация. На основе собранных автором данных исследовательских грантов РФФИ, полученных петербургскими учеными в 1993–2007 гг., выполнен анализ, который позволил установить уровень освоения учеными нового механизма в получении финансирования научных исследований на конкурсной основе. Анализ выполнен дифференцированно, по научным специализациям с выделением личной активности, активности организаций и институциональных секторов (сектор управления, высшего образования, бизнеса, предприятий). Анализ показал, что уже в первые годы Санкт-Петербургские исследователи быстро включились в новый механизм поддержки научных исследований в России.

Ключевые слова: институты, конкурсно-грантовое финансирование науки, грант на исследование

После вступления России в трансформационный процесс проблемы формирования новых для нашего общества институтов или перенос институтов, созданных в других обществах, стали чрезвычайно актуальными.

Новым институтом для научного сообщества России явилась конкурсно-грантовая система финансирования научных исследований. Активным субъектом в этой системе являются небольшие группы исследователей или отдельный ученый: они должны проявить инициативу в написании заявки на получение гранта. В пределах полученного гранта они сами определяют и смету расходов на свои исследования. Новый механизм финансирования принципиально отличается от советского, когда основной формой организации в науке были институты. Все возможности для получения финансирования для отдельных ученых и научных групп в то время зависели от того, включены ли темы их исследований в план института. Нужно отметить, что такой порядок получения финансирования в первую очередь касался фундаментальных исследований. Для выполнения прикладных исследований существовали более гибкие формы. Основная из них — это хозяйственные договоры с промышленными предприятиями, которые имели возмож-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 08-06-00415а «Социальная стратификация в научном сообществе: социально-экономические факторы, модели, статистические методы оценки».

ность из средств предприятия оплатить конкретные прикладные научно-исследовательские разработки.

Решение о создании первого российского фонда поддержки научных исследований было принято в 1992 г. Основные задачи и принципы работы Российского фонда фундаментальных исследований были определены в законе о создании фонда. Уже к концу этого года были сформированы экспертные советы фонда и рабочий аппарат. Первый конкурс прошел в конце 1992 — начале 1993 г. и в 1993 г. ученые, выигравшие конкурс, получили гранты.

Цель данного исследования — оценить масштабы и скорость освоения нового порядка финансирования научных исследований учеными, представляющими разные отрасли науки. Для решения этой задачи определялась степень участия в получении грантов РФФИ ученых из различных научных организаций, принадлежащих к разным институциональным секторам науки.

В центре исследования находились ученые Санкт-Петербурга, получившие гранты РФФИ в 1993—2007 гг. Как уже отмечалось, Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) — это первый в России фонд финансирования фундаментальных научных исследований, причем РФФИ — единственный в России фонд, который финансирует исследования по всем отраслям фундаментальных наук. Ежегодно через РФФИ распределяется 11% от суммы государственного финансирования фундаментальных исследований².

Изучение процесса становления нового механизма финансирования на примере петербургского научного сообщества позволяет выявить и некоторые общие для всего научного сообщества России процессы, так как десятая часть ученых России работает в Санкт-Петербурге. В городе расположены 44 института Российской академии наук, 47 государственных высших учебных заведений, 260 организаций предпринимательского сектора, которые ведут научные исследования по всем отраслям науки.

Для решения поставленной задачи использовалась база данных по исследовательским грантам РФФИ, полученным петербургскими учеными в 1993—2007 гг., собранная автором на основе открытых публикаций РФФИ³. По 2008 и 2009 гг. данных в открытой печати пока нет.

² Индикаторы науки 2008 (Стат. сб.). М., 2008. С. 67.

³ Информационный бюллетень РФФИ. №1–9. М., 1993–2001. URL: http://www.rfbr.ru/default.asp?section_id=1565

В представленном исследовании применялись несколько методических принципов. РФФИ проводит разные виды конкурсов, в том числе по поддержке конференций, научных изданий, по созданию баз данных и другие. Для данного исследования создавалась база данных о грантах, полученных учеными Санкт-Петербурга по инициативным исследовательским проектам. Проект может финансироваться РФФИ от 1 года до 3 лет. Чтобы избежать повторного счета, по каждому году в базу отбирались те проекты, которые впервые получили финансирование в данном году, и не учитывались продолжающиеся проекты. В исследовательском проекте могут принимать участие от 1 до 10 человек. Но этих данных в открытой печати нет, поэтому точный подсчет возможен только по отношению к руководителям проектов.

Отрасли науки названы в соответствии с классификатором РФФИ:

1. Математика, информатика, механика
2. Физика, астрономия
3. Химия
4. Биология, медицинская наука
5. Науки о Земле
6. Науки о человеке и обществе

За 1993–2007 гг. ученые Санкт-Петербурга получили 5457 исследовательских грантов РФФИ (см. табл. 1).

Таблица 1

Число грантов РФФИ для России и Санкт-Петербурга (1993–2007 гг.)

Отрасли науки	Россия	Санкт-Петербург	Доля грантов Санкт-Петербурга, %
Математика, механика, информатика	6 731	667	9,9
Физика, астрономия	10 049	1 545	15,4
Химия	6 328	589	9,3
Биология, медицинские науки	9 139	1 649	18,0
Науки о Земле	7 100	666	9,4
Науки о человеке и обществе	2 682	341	12,7
Всего	42 029	5 457	13,0

Источник: расчеты выполнены автором.

Первый вывод, который можно сделать, анализируя данные таблицы, касается степени участия ученых города в получении грантов в сравнении с долей Петербурга в численности исследователей. По научной отрасли «Математика, информатика, механика» доля ученых Санкт-Петербурга составила 9,9%; по отрасли «Физика, астрономия» — 15,4%; по отрасли «Химия» — 9,3%; по отрасли «Биология, медицинская наука» — 18,0%; по отрасли «Науки о Земле» — 9,4%; по отрасли «Науки о человеке и обществе» — 12,7%. Видно, что доля грантов ученых Санкт-Петербурга больше, чем доля Санкт-Петербурга в численности исследователей. Это свидетельствует об активности ученых Санкт-Петербурга и конкурентоспособности их заявок на получение грантов.

Можно ли сказать, что 5457 ученых города вовлечены в сферу действия РФФИ? Нет. Нужно учесть два обстоятельства. Во-первых, некоторые ученые неоднократно были руководителями грантов. В таблице 2 представлены данные о том, сколько ученых получали по одному гранту, по два гранта и так далее. Один ученый-биолог даже был руководителем семи грантов РФФИ. Таким образом, если учесть повторные получения грантов, можно определить, сколько ученых Санкт-Петербурга были руководителями грантов в 1993–2007 гг. Это 2695 ученых.

Таблица 2

Распределение петербургских руководителей грантов РФФИ по числу полученных грантов

Отрасли науки	Руководители грантов, получившие							Всего руководителей
	1 грант	2 гранта	3 гранта	4 гранта	5 грантов	6 грантов	7 грантов	
Математика, механика, информатика	142	52	39	33	27	6		299
Физика, астрономия	367	162	99	74	46	5		753
Химия	170	57	53	19	14			313
Биология, медицинские науки	316	164	105	84	64	5	1	739
Науки о Земле	194	68	29	30	21	4		346
Науки о человеке и обществе	179	41	19	5	1			245
Всего	1 368	544	344	245	173	20	1	2 695

Источник: расчеты выполнены автором.

Таблица 3

Численность петербургских руководителей грантов РФФИ (1993–2007 гг.)

Отрасли науки	Общее число полученных грантов	Численность руководителей грантов, чел
Математика, механика, информатика	667	299
Физика, астрономия	1 545	753
Химия	590	313
Биология, медицинские науки	1 650	739
Науки о Земле	666	346
Науки о человеке и обществе	343	245
Всего	5 461	2 695

Источник: расчеты выполнены автором.

Если учесть, что в выполнении проекта, с учетом руководителя, в среднем участвовали 3–4 уже сложившихся, взрослых ученых, то общее количество ученых, вовлеченных в сферу действия РФФИ, можно увеличить до 8085–10780 человек. Много это или мало? В таблице 4 показана численность исследователей в Санкт-Петербурге. Доля руководителей грантов по отношению к численности исследователей (если взять средний показатель за 1993–2007 гг.) составляет примерно 5,0%. Если учесть всех исследователей — участников выполнения грантов, получим около 20%. На наш взгляд, это высокий показатель вовлеченности исследователей в новый механизм финансирования фундаментальной науки, так как не все исследователи занимаются фундаментальными работами.

Таблица 4

Численность исследователей в Санкт-Петербурге (человек)

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Государственный сектор	9 744	9 827	9 771	9885	9 309	9 061	9 967
Предпринимательский сектор	37 692	36 482	36 219	34 828	33 815	32 986	32 568
Сектор высшего образования	3 569	3 451	3 462	3 881	3 682	2 613	4 082
Частный некоммерческий сектор	179	66	91	92	119	115	178
Всего:	51 184	49 826	49 543	48 686	46 925	45 775	46 789

Источник: Наука и инновации Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2007 г. Стат. бюллетень. СПб., 2008, с. 33–34.

Таблица 5

Распределение грантов РФФИ, полученных петербургскими учеными, по отраслям науки и институциональным секторам (%)

	Математика, информатика, механика		Физика, астрономия		Химия		Биология, медицина		Науки о Земле		Науки о человеке и обществе		Всего грантов	
	1993—2003	2004—2007	1993—2003	2004—2007	1993—2003	2004—2007	1993—2003	2004—2007	1993—2003	2004—2007	1993—2003	2004—2007	1993—2003	2004—2007
Институты РАН	35,5	35,7	66,8	70,0	33,2	37,4	68,5	64,7	28,2	33,9	64,2	50,8	54,8	55,7
Вузы	56,8	58,4	23,1	25,6	59,7	57,0	16,3	15,6	36,0	36,7	26,9	39,7	31,2	31,4
НИИ	7,7	5,9	10,1	4,4	7,1	5,6	15,2	19,7	35,8	29,4	8,9	9,5	14,0	12,9
Всего:	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: расчеты выполнены автором.

В таблице 5 приведено распределение грантов петербургских ученых по институциональным секторам. Видно, что значительная часть грантов по отраслям «Математика, информатика, механика» и «Химия» выполнялась исследователями из сектора высшей школы. По отраслям «Физика, астрономия» и «Биология, медицинская наука» основную часть грантов получали исследователи, работающие в Российской академии наук. В отрасли «Науки о Земле» гранты распределены по институциональным секторам почти равномерно. В отрасли «Науки о человеке и обществе» подавляющее большинство грантов выполняется либо в институтах Российской академии наук, либо в высших учебных заведениях. Сравнение двух периодов, представленных в таблице, показывает динамику изменений в участии ученых различных институциональных секторов в выполнении исследований по грантам РФФИ. Видно, что в отрасли «Математика, информатика, механика» в последние годы начала увеличиваться доля сектора высшей школы. В области «Химия», наоборот, растет доля институтов РАН и уменьшается доля вузов. Можно отметить еще несколько подобных изменений. Но эти

изменения не меняют основные пропорции распределения грантов петербургских ученых между институциональными секторами. В целом можно сделать вывод, что около 70% исследователей по грантам РФФИ по отраслям «Физика, астрономия» и «Биология, медицинская наука» проводятся институтами Российской академии наук.

Среди 2 695 петербургских руководителей грантов больше половины (1 419) ученых работают в академических институтах, хотя в общей численности исследователей города ученые институтов РАН составляют всего около 20% (см. табл. 4).

На диаграмме (рис. 1) видно соотношение между численностью руководителей грантов — сотрудников петербургских институтов РАН и общей численностью исследователей, работающих в этих институтах. Общая численность исследователей определена как средняя за период 1993–2007 гг. Практически каждый пятый исследователь, работающий в петербургских институтах РАН в 1993–1995 гг., был руководителем исследовательского гранта РФФИ, что свидетельствует о высокой степени вовлеченности академических ученых в конкурсно-грантовый механизм РФФИ.

Рис. 1. Доля руководителей грантов РФФИ в общем числе исследователей в петербургских институтах РАН

Источник: расчеты выполнены автором.

Среди исследователей вузовского сектора науки в конкурсно-грантовый механизм вовлечены в основном ученые из нескольких петербургских университетов. В Санкт-Петербургском государственном университете выполняются 75% всех грантов РФФИ, полученных петербургскими организациями сектора высшей школы по всем от-

раслям науки. Еще 15% грантов выполняются учеными Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. На все остальные вузы города остается лишь 10% всех грантов, полученных исследователями высшей школы Петербурга.

Высокую вовлеченность ученых РАН в грантовый механизм РФФИ подтверждает и сравнение численности руководителей грантов РФФИ с общей численностью петербургских исследователей по направлению «Физика, астрономия». На диаграмме (рис. 2) видно, что руководители грантов составляют всего около 25% от общего числа ученых, работающих в этой области научных исследований. Причем, как следует из приведенных ранее данных анализа, большинство из них (481 чел) работает в институтах РАН.

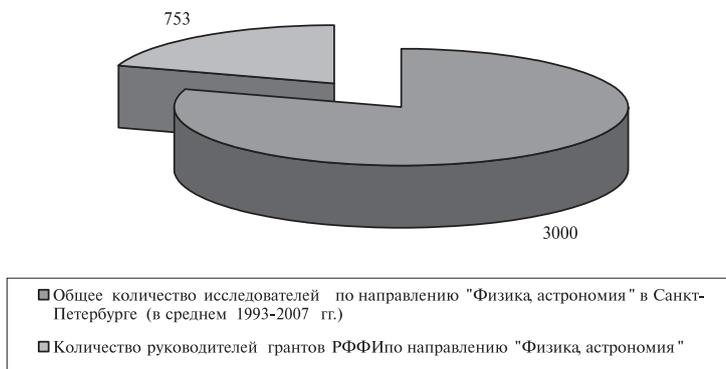

Рис. 2. Доля руководителей грантов РФФИ в общем числе исследователей по направлению «Физика, астрономия» в Петербурге

Источник: расчеты выполнены автором.

Наконец, можно ли по динамике грантов определить, насколько быстро был освоен учеными новый механизм финансирования науки? В таблице 6 представлена доля руководителей грантов, повторно получивших гранты РФФИ в числе новых грантов данного года. Видно, что уже в первые годы по всем отраслям науки доля руководителей грантов, уже получавших ранее грант РФФИ, достигла высоких значений. Мы можем сравнить ее с долей получивших более одного гранта за весь период 1993–2007 гг. Видно, что уже в первые годы сложилась определенная пропорция между теми, кто получил всего один грант, и теми, кто регулярно получал гранты РФФИ. Эта пропорция затем сохранялась на протяжении всего исследуемого периода. Об этом же

свидетельствует и график (рис. 3). На графике видно, что в Физико-техническом институте им. А.Ф. Иоффе РАН число руководителей, впервые получивших грант РФФИ, постоянно снижается, а с 1999 г. устанавливается на уровне около 10 чел в год.

Таблица 6

Доля руководителей грантов РФФИ,
уже получавших гранты (Санкт-Петербург)

	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Математика, механика, информатика	13,4	41,5	39,5	57,9	82,0	60,6
Физика, астрономия	11,9	40,5	36,9	56,5	66,4	69,5
Химия	10,6	41,4	35,6	51,4	59,5	57,5
Биология, медицинские науки	12,2	39,1	39,4	49,6	63,4	69,4
Науки о человеке и обществе	16,1	34,5	30,9	33,3	64,9	60,5

Источник: расчеты выполнены автором.

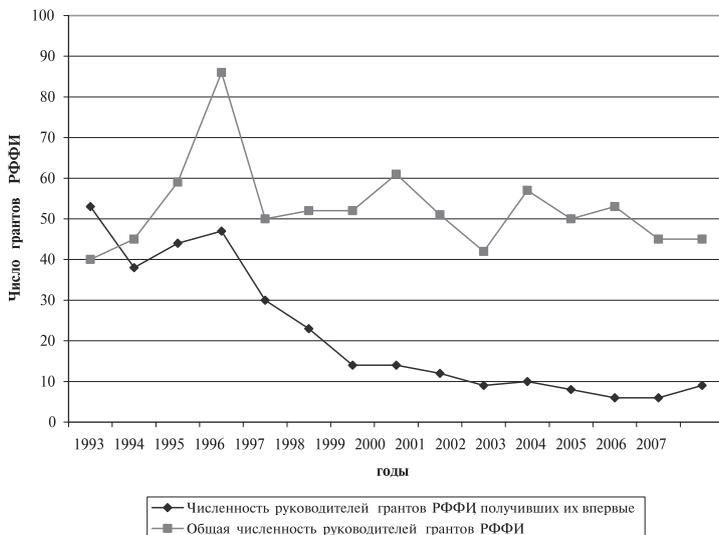

Рис. 3. Численность руководителей грантов РФФИ, получивших их впервые, и общая численность руководителей грантов РФФИ (ФТИ им. А.Ф. Иоффе РАН)

Источник: расчеты выполнены автором.

Выводы:

Анализ грантов РФФИ позволяет сделать вывод о численности петербургских ученых, занятых фундаментальными исследованиями. Если считать, что такими учеными являются руководители грантов, то их среди всех исследователей города около 5,5%. Их численность за период 1993–2007 гг. составила 2695 человек.

Наибольшую поддержку РФФИ по отраслям «Математика, информатика, механика» и «Химия» получают исследования в секторе науки высшей школы. По отраслям «Физика, астрономия» и «Биология, медицинская наука» — в государственном секторе, а точнее в институтах Российской академии наук, а по отрасли «Науки о Земле» — во всех трех институциональных секторах. Из этого распределения можно также сделать вывод о том, в каких организациях и в каких институциональных секторах в Петербурге проводятся фундаментальные исследования по разным отраслям науки.

Те исследователи, которые на протяжении 1993–2007 гг. являлись основными получателями грантов РФФИ, освоили этот новый механизм финансирования науки за первые четыре-пять лет работы Фонда.

Б.И. МАКСИМОВ

**СОСТОЯНИЕ, ДИНАМИКА И ФАКТОРЫ
ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В СФЕРЕ РОССИЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В НАЧАЛЕ 2000-Х ГГ.**

Аннотация. Статья посвящена исследованию состояния, динамики, факторов, специфики, перспектив инновационной деятельности в сфере российского производства в начале 2000-х гг. Применен анализ социальных механизмов инновационной деятельности, с использованием в т. ч. статистических данных. Показано наличие отдельных успехов инновационного развития производства и на фоне общего низкого уровня инновационной активности; один из главных выводов — пристального внимания в исследованиях и самой практической деятельности заслуживают факторы социальной природы и позитивного характера.

Ключевые слова. Инновационная деятельность, акторы, состояние, динамика, факторы, сфера производства, предпосылки, атмосфера, социальный механизм, отрицательные, положительные факторы.

**Предпосылки инновационного развития производства
и его социологического исследования**

В последнее время уделяется усиленное внимание инновационной деятельности в области науки, созданию инфраструктурных инновационных организаций и разработке программ инновационного развития в широком масштабе (региональном, общероссийском). Исходным является представление, что наука займет должное место основного источника инновационных идей (изобретений, открытий), инфраструктурные организации возьмут на себя функции доведения научных идей до практических разработок, проектов, промышленных образцов или частичного выполнения недостающих научных исследований, а также налаживания и развития почти отсутствующих связей между наукой и производством. Прилагаются усилия по привлечению к инновационной деятельности и академической науки, форсированному развитию инфраструктурных организаций вплоть до создания таких гигантских, как корпорация РОСНАНО и инновационный российский комплекс, аналогичный американской «Силиконовой долине». Решающим звеном в реальном инновационном цикле остается производство, материализующее идеи, реализующее проекты, пре-

вращающее их в инновационные продукты, товары, работы, услуги; при этом, что весьма существенно, во многом живущее по принципу самообеспечения, компенсирующее своими силами недостающие звенья и обладающее для этого определенным потенциалом.

Производство выступает не только завершающим, но и самым проблемным звеном инновационного цикла. Правда, наука только еще усваивает свою роль в инновационном развитии, а инфраструктурные организации находятся в стадии становления (нередко — прямого строительства). Однако производство слабо потребляет, и то, что имеется, не демонстрирует спрос на инновации, который мог бы служить стимулом для научных учреждений и посредников в виде технопарков, инновационных инкубаторов, сохранившихся НИИ, ОКБ. Оно самодостаточно в плане инновационного развития; по выражению вице-губернатора Санкт-Петербурга на Международном инновационном форуме, «российское производство глухо к инновациям»¹.

Положение выглядит парадоксальным, ибо существует довольно много предпосылок инновационного развития производства, предпосылок различного уровня и характера. Это сохранившийся достаточно высокий уровень развития производства, в отдельных отраслях демонстрирующего мировые образцы продукции, высокий же уровень технической грамотности, квалификации работников, как инженерно-технических, так и рабочих кадров. Как отмечалось, предприятия располагают и собственным потенциалом рождения инноваций. Вследствие процессов глобализации в нашу страну приходит много новинок из-за рубежа, которые могут быть усвоены тем или иным способом. В числе общих предпосылок немаловажное значение имеет инновационная атмосфера, создаваемая в обществе, буквально «инновационный шум» в виде призывов руководства страны к инновационному развитию (в т. ч. Президента и премьер-министра), потока публикаций, проведения множества семинаров, конференций, инновационных форумов, включая международные, на которых выступают и представители зарубежной науки, бизнеса, даже политические деятели. Массовый характер приняла упомянутая разработка программ, систем инновационного развития различного уровня и характера, включая городские, региональные, государственные, в составе которых прорабатываются вопросы финансирования инновационных проек-

¹ *Осеевский М.Э.* Выступление на Петербургском международном инновационном форуме—2009, июнь.

тов, информационного обеспечения, создания рынка инновационных продуктов, инновационной подготовки кадров и т. п. Уже упоминалось о разработке программы инновационного развития Петербурга, который должен стать не только культурной, но и инновационной столицей России. Система инновационного развития страны неоднократно рассматривалась на Государственном Совете под руководством Президента РФ². К главным предпосылкам надо отнести рыночные условия, создающие свободу предпринимательства и конкуренции, в сочетании с кризисным состоянием производства обуславливающие, в принципе, поиск, использование инновационных выходов из тяжелого положения, когда речь идет о выживании, буквально жизни или смерти (банкротстве) предприятий.

Следует подчеркнуть, что предпосылки выражают не только создающиеся благоприятные условия, но и необходимость (императивность) инновационного развития, его безальтернативность. Невозможно рассматривать нововведения всего лишь как один из аспектов производственной деятельности; без инноваций производство обречено на отставание, деградацию, инновационное же развитие имеет многообразные перспективы. Б.Н. Кузык, пишущий о стратегии инновационного развития России, отмечает, что ориентация на освоение сегментов рынка высоких технологий, на экономику знаний, является сегодня ключевой в стратегическом развитии: «для нашей страны это вызов времени»³.

И предпосылки в определенной мере «работают», о чем имеются многие свидетельства. Однако при всем том в целом инновационная ситуация неблагоприятная.

Существуют представления, что развитие традиционного производства, по крайней мере, в Петербурге, не нужно. Санкт-Петербург должен делать инновационные разработки и продавать их в форме проектов, патентов, лицензий, промышленных образцов и т. п., в т. ч. в страны с дешевой рабочей силой. Это сложный вопрос, заслуживающий отдельного рассмотрения. Здесь отметим только, что в России в настоящее время такая деятельность не настолько развита, чтобы стать основной частью ВВП; без собственного производства

² Заседание президиума Государственного совета РФ // Инновации. 2008. № 05(115). С. 5–22.

³ Кузык Б.Н. Как успешно реализовать стратегию инновационного развития России // Мир России. 2009. № 4. С. 7.

проблемной становится занятость населения; при сложном выходе на внешний рынок отечественный является первоочередным полем применения нововведений, непосредственным стимулом инновационной деятельности.

Насущны вопросы о причинах «инновационной глухоты» производства. Дело в недостатке предпосылок (например, финансового обеспечения), несрабатывании отдельных из них? В устарелости производственно-технологической базы, структуры производства? В характере производственных отношений, российского рынка, месте промышленности в жизни общества? Или в недостатке внимания к социальной стороне инновационной деятельности?

Актуальность социологического анализа показана многими авторами, использующими различные исследовательские подходы. Это и рассмотрение инновационной деятельности в ракурсе концепции инновационной культуры⁴, модели формирования социально-трудовых отношений, адекватных инновационному этапу развития производства⁵, в плане субъективного, человеческого фактора, человеческого потенциала инновационной деятельности^{6 7 8}, согласования интересов власти, бизнеса, групп участников инновационного проекта^{9 10}, в составе комплексного анализа социальных факторов¹¹. Мы применяем в качестве концептуально-методологического деятельностно-активист-

⁴ *Тукумцев Б.Г.* Культура инновационной деятельности в научных учреждениях и возможность ее социологической оценки // Глобализация в российском обществе: сб. научн. ст. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 47–98.

⁵ *Санкова А.В.* Социально-трудовые отношения в России в условиях перехода к инновационному этапу развития: проблемы и перспективы // Социальные проблемы труда в условиях перехода к инновационному развитию общества: сб. научн. ст. СПб., 2008. С. 319–325.

⁶ *Куприянов В.А.* Человеческий фактор как стратегический ресурс инноваций // Инновации. 2007. № 8 (106). С. 94–96.

⁷ *Чадова Т.* Влияние человеческого фактора на процесс инициирования и принятия решений об инновациях // Инновации в постсоветской промышленности: сб. научн. ст. / под ред. В.И. Кабалиной. Ч. 2. М.: ИСИТО, 2001. С. 260–269.

⁸ *Гурков И.Б.* Инновации в российской промышленности: создание, диффузия и реализация новых технологий и социальных практик // Мир России. 2004. № 3.

⁹ *Садков В.Г., Кузнецова О.Б.* Социальные инновации в управлении процессами согласования интересов власти, бизнеса и общества // Инновации. 2007. № 8 (106). С. 45–47.

¹⁰ *Зинов В.Г.* Основная проблема развития инновационной деятельности // Инновации. 2004. № 2. С. 25–27.

¹¹ *Инновации в постсоветской промышленности* / под ред. В.И. Кабалиной. Ч. 1, 2. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского унт-та, 2000; М.: ИСИТО, 2001.

ский подход, при котором предполагается сосредоточение исследовательского внимания на деятельных субъектах, акторах, их действиях, взаимодействиях в составе инновационной деятельности, образующих социальный конструкт, называемый социальным механизмом¹².

Состояние, динамика инновационной деятельности в сфере производства

Рассмотрим состояние и динамику инновационной деятельности с начала 2000-х гг., с момента усиления общественного внимания к инновационному развитию.

Отметим вначале некоторые имеющиеся достижения или хотя бы сохранение потенциала для инновационной деятельности. Очевидно, что, несмотря на трансформационные процессы, имеются очаги инновационной активности. Б.Н. Кузык замечает: «Более или менее современный уровень технологий в основном сохраняется на высокотехнологичных направлениях: в ядерной энергетике, ракетно-космической отрасли, авиастроении»; «Сегодня... мы обсуждаем проблемы научно-технического развития России до 2020 г. В силу объективных обстоятельств происходит смена технологических укладов»¹³. Начальник управления Аналитического центра при Правительстве РФ отмечает (по состоянию на 2008 г.) увеличение доли инновационно активных предприятий, среди которых лидерами являются организации металлургического производства, по добыче полезных ископаемых, производящие транспортные средства и оборудование и др. Значительное число таких предприятий обладает необходимым инновационным потенциалом (52% — финансовым, 84% — кадровым, 57% — исследовательско-экспериментальным, до 85% — информационным). Респонденты опроса руководителей более 800 промышленных организаций назвали в качестве результатов инновационной деятельности освоение новых видов продукции (76%); снижение издержек производства (60%); рост объема продаж инновационной продукции (56%), в т. ч. на внешнем рынке (33%); увеличение прибыли (60%); улучшение условий труда (до 46%); улучшение экологической составляющей произ-

¹² Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2003. С. 185–200.

¹³ Кузык Б.Н. Как успешно реализовать стратегию инновационного развития России. С. 4, 6.

водства (54%)¹⁴. И.Б. Гурков, В.С. Тубалов сообщают о позитивных тенденциях в соотношении между заимствованием инновационных идей и собственными разработками¹⁵.

Широкий спектр инновационных изменений отмечается в результатах международного исследования (руководители С. Кларк и В.И. Кабалина). Это совершенствование взаимодействия с внешней средой инноваций, в т. ч. по вопросам финансирования инновационной деятельности, разработка предприятиями инновационных стратегий и практик, изменение структуры персонала, форм сотрудничества предприятий с НИИ, НПО, рост государственной поддержки инноваций на уровне предприятий (и не только финансовой). Особое внимание уделено использованию инновационных изменений в технологиях, управлении, организации, финансах, продукции для преодоления кризисной ситуации на предприятиях в условиях депрессивного региона (Ивановской области)¹⁶.

Частные позитивные явления пока что не способны сформировать общую картину. По статистическим данным ситуация вырисовывается несколько иная, скорее неблагоприятная, чем улучшающаяся. По разделу «Инновации» государственная статистика учитывает технологические, организационные и маркетинговые инновации. Под технологическими инновациями понимается «конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта или услуги, внедренных на рынке, нового или усовершенствованного процесса или способа производства (передачи) услуг, используемых в практической деятельности». В статучете отсутствует выделение социальных инноваций. Часть из них, очевидно, входит в «организационные» изменения (например, «реализация мер по развитию персонала»). Росстат приводит следующие показатели инновационной деятельности (табл. 1).

Как можно видеть, удельный вес организаций, осуществляющих «технологические инновации», достаточно низок, составляет всего лишь 9,4% и практически не растет, показывает даже несколько отрицательную динамику, несмотря на наличие названных предпосылок (9,4% в 2007 г. при 10,6% в 2000 г.).

¹⁴ Глисин Ф.Ф. Инновационная активность промышленных предприятий // Инновации. 2008. № 11(121). С. 50–53.

¹⁵ Гурков И.Б., Тубалов В.С. Инновационное развитие и конкурентоспособность. Очерки развития российских предприятий. М.: ТЕИС, 2003.

¹⁶ Инновации в постсоветской промышленности.

Таблица 1

Основные показатели инновационной деятельности
в Российской Федерации

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации в общем числе организаций, %	10,8	9,6	9,8	10,3	10,5	9,3	9,4	9,4
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, %	4,4	4,2	4,3	4,7	5,4	5,0	5,5	5,5
Затраты на технологические инновации, млн руб.	49428	61312	83394	105444	122850	125678	188492	207499
Удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг (%)	1,4	1,4	1,8	1,6	1,5	1,2	1,4	1,2

Источник: Российский статистический ежегодник. 2008. Росстат. М., 2008. С. 625.

Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме продукции имеет положительную динамику. Но она весьма незначительна, как и весь объем (5,5% в 2007 г.). Таким образом, инновационную результативность и включенных в инновационную деятельность предприятий можно оценить как низкую.

Затраты на инновации имеют иную динамику, возросли с начала 2000-х гг. почти в 1,5 раза. Если эти затраты надо отнести на инновационные продукты, то значит, «прогресс» выражается в удорожании инновационной продукции, если это вложения в производственную базу, можно ожидать ее повышенную отдачу в последующее время. Следующая таблица дает представление о динамике и соотношении затрат именно на подготовку производства по их видам (табл. 2).

Таблица 2

Затраты на технологические инновации по их видам (млн руб.)

	Исследования и разработки	Приобретение машин и оборудования	Приобретение новых технологий	Из них приобретение прав на патенты, лицензии	Приобретение программных средств	Производственное проектирование	Другие виды подготовки производства	Обучение и подготовка персонала	Маркетинговые исследования
2005	19700	75772	1796	1012	2586	13409	-	533	736
2006	35014	102991	3364	1198	3885	17540	9079	850	649
2007	35917	119367	4656	1660	5489	14563	11187	1065	719

Источник: Российский статистический ежегодник. 2008. С. 627.

Затраты растут как в целом (за 3 года в 1,4 раза), так и по отдельным видам (по некоторым с динамикой выше средней). Из них преобладают затраты «на приобретение машин и оборудования» (вероятно, это пассивная инновационная деятельность); существенны все же затраты на исследования и разработки. Трудно судить, насколько адекватно такое распределение затрат; можно только, очевидно, заметить относительно малый объем на обучение и подготовку персонала. Дело, вероятно, не в дешевизне обучения, а недостаточной его распространенности.

Львиную долю затрат по технологическим инновациям (79,6% в 2007 г.) составляют собственные средства организаций; объем иностранных инвестиций ничтожен и уменьшается (от 1,8% в 2003 г. до 0,3% в 2007 г.)¹⁷. Это означает, что предприятиям приходится обходиться в основном собственными силами и, вероятно, не только в смысле понесенных затрат, но и самих разработок. В определенной степени это отражение слабой ориентации предприятий на получение готовых научных разработок.

Инновационная активность по отраслям (по объему, удельному весу инновационных товаров, работ, услуг) различается незначительно (табл. 3).

¹⁷ Российский статистический ежегодник. Стат. сб. 2007. М.: Росстат, 2007. С. 626.

Таблица 3

Объем отгруженных инновационных товаров, работ и услуг по отраслям
(в процентах от общего объема отгруженных товаров,
выполненных работ, услуг)

	2003	2004	2005	2006	2007
Всего	4,7	5,4	5,0	5,5	5,5
Добыча полезных ископаемых	5,2	4,3	2,7	2,8	3,0
Обрабатывающие производства в целом	5,2	6,5	7,0	7,5	7,1
Производства пищевых продуктов, включая напитки, и табака	3,9	5,3	4,5	4,7	5,3
Текстильное и швейное производство	2,2	1,8	2,0	2,1	2,5
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	3,6	3,2	2,8	2,9	2,9
Обработка древесины и производство изделий из дерева	2,1	1,9	2,5	2,8	2,2
Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	3,8	5,7	1,4	2,2	2,9
Производство кокса и нефтепродуктов	1,2	0,6	7,0	11,9	3,4
Химическое производство	5,2	7,7	7,1	8,4	12,0
Производство резиновых и пластмассовых изделий	6,8	8,9	10,5	5,7	9,1
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	2,8	4,3	3,4	2,2	3,4
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	4,2	3,1	3,8	4,2	5,0
Производство машин и оборудования	6,6	6,9	6,2	5,4	6,1
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	9,6	8,7	8,9	8,8	10,2
Производство транспортных средств и оборудования	11,9	18,6	20,1	22,1	18,4
Прочие производства, не включенные в другие группировки обрабатывающих производств	4,5	7,0	9,7	7,0	11,1
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,2	0,2	0,1	0,4	0,4

Источник: Российский статистический ежегодник. 2008. С. 628.

«Прорывные» отрасли, очевидно, имеются, частично совпадают с названными выше начальником управления Аналитического цен-

тра при Правительстве РФ, хотя их лидерство невысокое. В лидерах — производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (10,2 % в 2007 г.), производство транспортных средств и оборудования (вероятно, самолетостроение в первую очередь — 18,4% в 2007 г.), что вполне логично, химическое производство. Инновационная активность машиностроительных предприятий лишь чуть выше среднего уровня (6,1% в 2007 г.). Остальные отрасли либо около среднего уровня, либо ниже его — добыча полезных ископаемых, текстильное производство, производство кожи, обуви, обработка древесины, целлюлозно-бумажное производство (в которое включена и издательская и полиграфическая деятельность), производство и распределение электроэнергии, газа и воды. Можно сказать, что в них инновационная деятельность незначительна.

Статистика учитывает большой перечень видов организационных инноваций. Но уровень такой активности низок в целом и по отдельным видам (табл. 4, 5).

Можно видеть, что даже лидеры по технологическим инновациям здесь имеют низкие показатели (например, производство кокса и нефтепродуктов, химическое производство, производство машин и оборудования, производство транспортных средств). Наибольший удельный вес имеют такие виды как внедрение информационных средств, новых оргструктур, систем контроля качества, сертификации товаров, здесь также реализация мер по развитию персонала. Следует отметить, что лишь на незначительном числе предприятий (0,7%) создаются специализированные подразделения по проведению инновационных разработок и их практической реализации, свидетельствующие о серьезном (основательном) отношении к инновационной деятельности.

Таблица 4

Удельный вес организаций, осуществляющих организационные и маркетинговые инновации, в процентах

	2006	2007
Организационные инновации	3,2	3.5
Маркетинговые инновации	2.3	2.5

Источник: Российский статистический ежегодник. 2008. С. 625.

Таблица 5

Удельный вес организаций осуществлявших организационные инновации по их видам в РФ в 2006 г., в процентах

	Новые корпоративные стратегии	Современные информационные технологии	Новые Организтуры	Изменения в режимах времени	Современные системы контроля, сертификации	Современные системы логистики	Создание специализированных подразделений	Корпоративные системы знаний	Развитие персонала	Новые альянсы партнерства	Аутсорсинг	Прочие
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Всего	1,6	2,4	2,2	0,9	2,7	1,3	0,7	0,8	2,6	1,0	0,8	0,2
Добыча полезных ископаемых	1,7	2,1	2,1	0,7	1,8	0,8	0,3	0,6	2,5	0,5	1,2	0,5
Обрабатывающие производства в целом	1,9	2,8	2,7	1,2	3,4	1,5	0,9	1,0	3,0	1,2	0,9	0,2
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	0,9	1,6	1,4	0,9	2,1	1,1	0,3	0,5	1,8	0,6	0,5	0,0
Текстильное и швейное производство	0,8	1,0	1,0	0,5	1,5	0,7	-	0,3	1,2	0,3	0,2	0,1
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	1,2	1,8	0,6	-	3,0	-	-	-	1,2	-	-	-
Обработка древесины и производство изделий из дерева	0,5	1,0	0,4	0,3	1,1	0,6	-	0,1	1,3	0,4	0,1	0,1
Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	0,4	0,6	0,6	0,2	0,5	0,2	0,0	0,1	0,7	0,2	0,3	0,1
Производство кокса и нефтепродуктов	5,4	8,7	8,7	2,2	8,7	4,3	3,3	5,4	5,4	2,2	2,2	2,2

Таблица 5 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Химическое производство	5,2	7,0	5,6	1,8	7,5	4,6	2,5	3,3	6,9	2,9	2,3	0,5
Производство резиновых и пластмассовых изделий	3,1	4,0	3,8	2,6	4,8	1,5	0,7	0,9	4,6	1,5	0,7	0,2
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	1,2	2,2	2,0	1,1	2,3	1,1	0,5	0,7	2,5	0,7	0,5	-
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	3,1	4,5	3,8	1,7	4,8	2,4	1,0	2,0	4,2	2,3	2,1	0,5
Производство машин и оборудования	2,9	3,9	4,0	1,6	5,0	2,3	1,6	1,8	4,6	1,8	1,6	0,3
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	4,0	6,5	6,6	2,3	8,0	3,0	3,4	1,9	6,7	3,5	1,7	0,6
Производство транспортных средств и оборудования	5,0	6,8	8,2	2,9	9,2	3,7	2,6	2,8	7,9	3,4	2,3	0,5
Прочие производства, не включённые в другие группировки обрабатывающих производств	3,1	4,1	3,5	1,8	4,9	2,0	1,2	0,8	3,9	1,9	0,9	0,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,7	1,0	0,8	0,3	0,8	0,5	0,0	0,4	1,1	0,3	0,5	0,1

Источник: Российский статистический ежегодник. — М.: Росстат, 2008. С. 627.

Обратимся к данным о торговле технологиями (очевидно, инновационными) с зарубежными странами (табл. 6).

Таблица 6

Торговля технологиями с зарубежными странами по объектам сделок в 2007 г.

	Экспорт		Импорт	
	Число соглашений	Стоимость предмета соглашения, млн руб.	Число соглашений	Стоимость предмета Соглашения, млн руб.
Всего	1825	53749,0	1524	65116,5
В том числе по объектам сделок				
патент на изобретение	7	376,4	20	1437,7
патентная лицензия на изобретение	21	367,0	45	3141,6
полезная модель	1	0,0	7	20,8
ноу-хау	22	523,6	46	3647,4
товарный знак	15	256,4	62	8412,0
промышленный образец	7	89,4	2	14,2
инжиниринговые услуги	654	38118,5	870	35824,1
научные исследования	642	6104,7	117	2192,0
Прочие	456	7913,0	385	10428,7

Источник: Российский статистический ежегодник. 2008. С. 622.

Общее количество сделок выглядит значительным, при этом экспорт даже превышает импорт (за счет «научных исследований»). Однако, общая стоимость «предметов соглашений» составляет незначительную сумму в общем объеме международной торговли России (на импорт приходится около 1%).

В заключение анализа статистических данных резюмируем его результаты. При провозглашенной общей ориентации на инновационное развитие практическая инновационная деятельность предприятий остается почти неизменной, не реагирует на инновационную кампанию. Инновационный шум, с одной стороны, и практика — с другой остаются несвязанными друг с другом. Более того, в 2000 г. кампания еще не проводилась, а показатели были выше; к 2007 г. она была в разгаре, а некоторые показатели снизились. Лишь незначительное число организаций (предприятий) занимаются инновационной деятельностью

(осуществляют технологические, организационные, маркетинговые инновации). Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг составляет 1/20 в общем объеме продукции; при этом динамика по данным показателям, можно сказать, отсутствует. В то же время затраты на технологические инновации с 2003 г. по 2007 г. выросли вдвое. Можно предположить, что эти затраты представляют собой вложения, которые дадут отдачу впоследствии. Среди отраслей есть лидеры инновационной активности; возможно, они будут «тянуть» и другие производства.

Другие материалы, в т. ч. интервью на отдельных предприятиях подтверждают, уточняют, конкретизируют статистические данные. Так, в интервью, проведенных на «флагмане индустрии» (крупном петербургском машиностроительном предприятии), респонденты отмечали буквально взрыв инноваций в 1990-е гг. и практически полное прекращение инновационной деятельности в 2000-е. Обобщенно краткое содержание интервью работников разных должностных категорий и профессиональных групп таково:

«Инновациями мы стали заниматься давно, да можно сказать, что занимались этим всегда, хотя раньше это называлось по-другому. Были планы по внедрению новой техники, обновлению ассортимента продукции, по товарам народного потребления.

Особенно интенсивно завод стал заниматься модернизацией в 90-е годы, когда, с одной стороны, появилась экономическая свобода, а с другой — грянул кризис производства, какого, наверное, и в годы разрухи не было. Мы были в числе первых, получивших разрешение перейти на хозрасчет, лично от Б.Н. Ельцина (помните, как он подписывал указ на спине заводского работника?). Но не успели мы воспользоваться этой самостоятельностью, как наступила приватизация. И тоже мы в числе первых получили свидетельство о самостоятельности (в 1993 г.). Это, сказать вам, была инновация так инновация! Не ясно было даже, как ее удерживать, что с ней делать.

Впрочем, наш завод еще раньше начал структурные перестройки, работу по разделению огромного предприятия на отдельные производственно-экономические комплексы, которые должны были, используя самостоятельность, инициативу, обеспечивать лучшее выживание в условиях рынка, начавшегося кризиса. Идею привез генеральный директор из Японии. Она оправдала себя. Потом комплексы стали «дочками», дочерними предприятиями общего АО. При этом нам удалось сохранить единство предприятия, в отличие от некоторых других, развалившихся в результате центробежных сил (например, аккумуля-

торное объединение). Были и у нас подразделения-сепаратисты, им предоставили большую свободу, но удержали в составе АО.

Технические усовершенствования проведены в сталелитейном производстве (например, монтаж установки «печь—ковш»), энергомашиностроительном, тракторном; введена собственная система энергоснабжения, теплоснабжения. В экологическом плане создана заводская канализационная система очистки сточных, ливневых вод, очистки выбросов производственных газов.

По части новой продукции у нас был буквально взрыв инноваций. Дело, в частности, в том, что после вывода оборонного производства высвободились инженерно-исследовательские, интеллектуальные силы — у нас же были мощные КБ, например, танковое. Вот мы и бросили людей на разработку новых образцов мирной продукции. Тем более что открылся свободный рынок! На который мы тогда наивно рассчитывали и спешили использовать. По линии каждого производства сделали свои модели на уровне современной инженерной мысли.

Прежде всего, по линии тракторного производства. Создавались одна за другой улучшенные модели знаменитого «степного богатыря», с повышением энергонасыщенности, экономичности, надежности, в т. ч. улучшением дизайна и комфортности условий для водителя. Последняя модель К-744 получила много призов, дипломов на выставках в России и за рубежом. На базе основной модели был создан целый шлейф машин специализированного назначения. Это фронтальный погрузчик, бульдозер с гидростатической трансмиссией, тягач для спецтехники, трактор для лесоразработок, для дорожных работ. В сотрудничестве с Газпромом, выступившим крупным заказчиком, созданы модели для укладки труб, газоперекачивающие, монтажные, ремонтные установки, газонаполнительные, коммунальные станции.

По тракторной же линии сконструировали, изготовили чудо-трактор К-20, универсальный в полном смысле слова, способный выполнять практически все операции в сельскохозяйственном производстве за счет комплекса навесных орудий. При этом трактор в отличие от гиганта — основного трактора имел небольшие размеры, был экономичен, его можно было использовать и в коллективных хозяйствах, и в фермерских, и даже личных подворьях, купив на паях. Он и выглядел как трудолюбивый муравей. Компактнее, универсальнее и экономичнее «Беларуса».

По другим линиям сделали новые модели гидротурбин для малой энергетики, новой коммунальной машины на базе трактора К-20,

инкассаторский автомобиль, автомобиль общего назначения «Кронверк», автобус для городского сообщения. Совместно с зарубежными партнерами запустили производство кормоуборочного комбайна «Марал»; с американцами стали делать новую модель трактора с участием фирмы «Катерпиллар». Антарктическая экспедиция заказала заводу изготовление экспериментального транспортера-тягача для организации внутриконтинентальных походов. В последнее время заключили контракты с петербургским метрополитеном на поставку, монтаж эскалаторов. Дочернее общество «Универсалмаш» получило заказ на изготовление ворот судоходного канала для строительства дамбы.

Наглядно все это можно было увидеть по выставкам образцов новой продукции, устраиваемых каждый год на площади перед ДК Газа при проведении акционерных собраний.

В то же время предприятие столкнулось с трудностями реализации не только новой, но и традиционной продукции на рынке. Например, К-20 так и не вышел даже на серийное производство.

Что мы имеем сегодня? Было на предприятии специализированное инновационное подразделение, занимавшееся и собственными разработками, и вылавливанием опыта других, в т. ч. зарубежного, координацией работы внутри предприятия и, главное, изучением рынка. Но при очередной кампании по поиску резервов, функции службы передали в другое подразделение, в т. ч. и потому, что инновации на сегодняшний день не оправдывают себя. Некоторые имеющиеся новинки пылятся, новые модели создавать сейчас очень дорого, можно только при наличии твердого заказчика и в содружестве с ним. А сейчас все организации и сами экономят».

На предприятиях г. Пикалево кризисная ситуация не стала предпосылкой к поиску инновационных выходов, несмотря даже на то обстоятельство, что предприятия (существовавшие ранее как единый комбинат), были градообразующими, занятость населения зависела от их работы. Здесь можно было наблюдать скорее парадоксальную антиинновационную деятельность, говорить об инновациях со знаком минус, отрицательных новшествах. Была разрушена эффективная базовая технология — технологическая цепочка, созданная в свое время как прогрессивное нововведение, построенное на использовании побочных продуктов (фактически отходов) предыдущего производства и объединении трех разных производств в единое предприятие. В настоящее время произошел частично возврат к традиционной, устаревшей уже технологии. Даже остановка производства, невыплаты заработной

платы, массовые сокращения кадров, протестные действия наемных работников, воздействия властей не смогли хотя бы возратить статус-кво, не говоря уже об инновациях в производстве и социально-трудовых отношениях. Даже вмешательство главы правительства страны не изменило, по сути дела, ситуацию.

На заседании Госсовета констатировалось, что «большая часть российского бизнеса не имеет четкой инновационной стратегии и не привыкла к инвестированию в собственные ИР. Система государственных НИИ практически изолирована от рынка и потребителей»¹⁸. То же положение характерно и для Санкт-Петербурга: «Рынок не восприимчив к инновациям. Нет потребителей, нет людей, могущих объяснить, зачем нужны инновации. Механообр имеет системы переработки отходов, но никто не понимает, зачем и почему нужно перерабатывать отходы»¹⁹. Президент РФ на заседании Госсовета отмечает: «Что касается российской инновационной системы... мы прекрасно понимаем... инструменты поддержки инноваций сегодня слабо увязаны друг с другом... И мы просто вынуждены открыто констатировать, что сегодня, по сути, системой они не являются». «...Качественные изменения в науке и образовании, освоение новых технологий, уровней производительности и эффективности труда еще крайне незначительные и явно не соответствуют заявленным целям и потенциальным возможностям»²⁰.

Таким образом, наряду с определенными достижениями, отмечается отставание инновационного развития, что делает актуальным исследование его факторов, в т. ч. социальных, и как отрицательных, так и положительных, при этом преимущественно именно последних.

Факторы «инновационной глухоты» производства (преимущественно отрицательные)

Следует сразу отметить, что факторов — множество; невозможно говорить об обусловленности состояния инновационной деятельности какой-то одной причиной (к чему склонен «здравый смысл»).

¹⁸ Анализ инновационной политики и оценка ее результатов / Н.И. Иванова (и др.) // Инновации. 2008. № 05(115). С. 57.

¹⁹ *Осеевский М.Э.*, выступление на Петербургском международном инновационном форуме—2009.

²⁰ Заседание президиума Государственного совета РФ // Инновации. 2008. № 05(115). С. 5.

Существует совокупность, система факторов, которую можно назвать «инновационной культурой», именно в качестве совокупности условий различного уровня и характера (в отличие от «нормативной инновационной культуры»). Соответственно, необходим системный подход (и в исследовании, и в практике). Одним каким-то шагом проблему не решить (например, финансовыми вливаниями, созданием технопарков, корпорации РОСНАНО, Сколково — российского аналога американской «Силиконовой долины» и т. п.).

Можно выделить различные группы факторов. Это технико-экономические, социальные, социально-психологические, факторы положительные и отрицательные, потенциальные и реально действующие, локальные и масштабные и т. д. Так, очевидно, к числу потенциальных можно отнести названные ранее предпосылки инновационной деятельности, могущие перейти в реально действующие или остаться потенциальными возможностями. Среди позитивных локальных факторов можно указать, например, создание специализированного инновационного подразделения на отдельном предприятии; среди масштабных — разработку упомянутой общероссийской системы инновационного развития, учреждение венчурного финансирования; среди отрицательных — например, отсутствие собственных средств, трудности привлечения инвесторов, получение банковского кредита и т. д.

Специалисты технического, экономического, информационного профиля называют, соответственно, технико-технологические, экономические факторы. Приведем перечень таких факторов, названных начальником Аналитического центра при Правительстве РФ:

- недостаток собственных финансовых средств;
- неприемлемые условия, сложности кредитования;
- высокий уровень налогов;
- длительный период окупаемости инноваций;
- недостаток инвестиций;
- высокий экономический риск;
- отсутствие, устарелость необходимого оборудования;
- отсутствие собственной научно-технической и экспериментальной базы;
- дефицит квалифицированных кадров;
- недостаток информации о потребностях рынка в инновационной продукции;
- недостаточные структурные преобразования в экономике региона;

- несовершенство нормативно-правовой базы инновационной деятельности²¹.

Весь этот перечень охватывает технико-технологические и экономические факторы.

Наиболее часто в публикациях и выступлениях называются недостаток финансовых средств, устарелость технико-технологической базы, отсутствие потребителей (заказчиков) продукции, выхода на рынок, а также такие факторы, как разрыв связей между научными и производственными организациями, разрушение отраслевых НИИ, выполнявших роль связующего звена, отсутствие спроса на отечественные инновационные продукты со стороны потребителей, как следствие — отсутствие заказа на инновации к науке со стороны производственных предприятий и заинтересованности самой науки в разработках для производства, сужение вообще рынка отечественных товаров, не говоря уже об их экспорте и др.

Как иллюстрацию такого рода факторов приведем мотивировку практически полного отсутствия инноваций респондентами с упомянутого «флагмана индустрии».

Оказалось, что для рынка недостаточно изготовить новую модель, какой бы она ни была совершенной. Надо ее прорекламить, наладить сбыт, заниматься этим самым маркетингом, совершенно новым делом для производственного предприятия; раньше распределение делало министерство, о сбыте у нас голова не болела. А тут все централизованные службы развалились, хоть бери и сам объезжай все колхозы с транспарантом: «Эй, покупайте “Кировец”! Отличный трактор!» Даже наш испытанный «Кировец» плохо пошел. Раньше делали по 25 тысяч в год, стали с трудом сбывать 500–700 машин. Раньше государство дотировало приобретение тракторов, теперь это делать было некому. О лизинге только разговоры велись, а денег никто не давал. К тому же хозяйства обеднели, им стало не до новой техники. В довершение в один прекрасный день завод узнал, чуть ли не методом разведки, что российское правительство заключило с американской компанией сельскохозяйственного машиностроения «Джон Дир» контракт о поставке в Россию импортной техники в таких объемах и в таком ассортименте, что российские сельхоззаводы, и без того лежавшие на боку, можно было полностью закрывать, в т. ч. ростовский комбайновый завод, не говоря уже о более мелких предприятиях

²¹ Глисин Ф.Ф. Инновационная активность промышленных предприятий // Инновации. 2008. № 11(121). С. 57–58.

(например, Липецкий тракторный). Это было еще при Е.М. Примакове, а инициатором выступил «радетель» российского сельского хозяйства, зам премьер-министра Г. Кулик. Целая «тракторная война» разгорелась. Мы готовы были посадить наших рабочих на «Кировцы» и направить в Москву. Потом правительство Примакова отправили в отставку, которые тогда шли чередой, контракт повис. Но «Джон Дир» не отстал от России, пошел обходным путем.

В качестве комментария заметим, что отмечаются, как правило, факторы отрицательного характера, в т. ч. отсутствие того или иного условия (например, «отсутствие экспериментальной базы»). Положительные факторы считаются представляющими собой альтернативу отрицательным. Между тем известно, что отрицательные и положительные факторы вовсе не являются симметричными, взаимоустранимыми (например, создание отсутствовавшей ранее экспериментальной базы еще не означает развитие экспериментирования и вообще использование базы).

К числу преимущественно социальных факторов (с отрицательным знаком) можно отнести следующие (перечень, разумеется, неполон).

1. Недостаточность параллельных социальных изменений (социальных инноваций).
2. Отсутствие соответствующей подготовки кадров, нацеленных на инновационное развитие.
3. Отсутствие (или отрицательное действие) компонентов инновационной культуры Специфичность позиций, действий, взаимодействий акторов, особенно собственников, менеджмента.
4. Формальность «инновационного шума», элементы компаний.
5. Отсутствие реальной инновационной атмосферы.
6. Неразвитость участия наемных работников, трудовых коллективов в управлении.
7. Несовершенство или отсутствие адекватной системы стимулирования инновационной деятельности.
8. Недостаточный учет специфики инновационной деятельности.
9. Некоторые черты ментальности российских работников.

Среди социальных факторов можно обнаружить как хорошо рассматриваемые в деятельностно-активистской парадигме, так и вписывающиеся в другие подходы. Так, «работа» компонентов «инновационной культуры» видна на примере «флагмана индустрии» (напоминаем,

что в инновационную культуру по Б.Г. Тукумцеву входят «система ценностей, социальных норм, обычаев, правил и поведенческих практик в сфере инновационной деятельности, которая ... в значительной степени определяет инновационное поведение акторов инновационной деятельности»²².

«Призывы руководства страны к инновационному развитию — это хорошо, — отмечают респонденты. — Но предприятие руководствуется другими представлениями, живет сегодняшним днем, озабочено выживанием, думать о завтрашнем дне нет ни настроения, ни возможностей. На инновационное развитие, считается, нет средств. Вопрос о нем не стоит в повестке дня, в т. ч. на совещаниях, оперативках». Парадоксально, что возможность инновационного развития в качестве средства того же «выживания» просто «не стоит в повестке дня»; можно говорить о доминировании отдельных установок (норм), вытеснении других. «Разумеется, говорят, что на инновационное развитие нет средств. Но дело, конечно, не только в деньгах. В настроениях, установках. Люди не настроены на инновационное, перспективное развитие. Сейчас с этим дело обстоит хуже, чем даже при советской власти, при которой, как говорят, был застой. При установке на выживание для мыслей о будущем нет места. Никто не рассматривает внедрение инноваций в качестве выхода из сложившейся ситуации. Считается, что инновации — это дорого, долго, без гарантии на успех. Призывы не воспринимаются. Если будет более строгий спрос — отделаются формальными показателями.

И делается парадоксальное заключение: «Инновациями займемся, когда почувствуем, что мы твердо стоим на ногах». Доминирующие установки здесь еще и рационализируются.

«Работу» социальных механизмов, позиций, действий и взаимодействий субъектов, акторов (в деятельностно-активистском подходе) демонстрирует ситуация на пикалевских предприятиях. Здесь (как и в других случаях) выявляется большой круг субъектов (акторов). Это собственники, администрация (менеджмент) предприятий, работодатели, наемные работники, включающие группы рабочих, служащих, специалистов (инженерно-технических работников), объединения (профсоюзы) наемных работников, заказчики (потребители) продукции, поставщики сырья, органы власти — городские, районные (муниципальные), региональные, государственные, население моногорода,

²² Тукумцев Б.Г. Культура инновационной деятельности в научных учреждениях и возможность ее социологической оценки. С. 90–97.

СМИ, общественные организации. Субъекты имеют весьма разнородные позиции, статусы, ресурсы, проявляют весьма разноречивую активность (собственники озабочены извлечением прибыли, наемные работники — наличием рабочего места, «нормальной» заработной платы, приемлемых условий труда, администрация моногорода — обеспечением занятости населения, жилищно-бытовых, культурных условий и т. д.). Существует определенная иерархия субъектов, номинальная и реальная. В социально-трудовых отношениях на примере Пикалево проявляется доминирование отношений собственности, ресурсов собственников, подчиняющих себе все позиции, действия, взаимодействия акторов, определяющих ситуацию в целом. Можно отметить генерализованное влияние своеобразного компонента инновационной культуры — ориентации на рутинное существование (производства).

Ситуация оставалась стабильной до проведения приватизации предприятий. Проведенные ранее нововведения (внедрение безотходной технологии, создание и объединение отдельных производств в рамках единого комбината) практически не изменили систему отношений. Приватизация стала радикальной инновацией, существенно поменявшей позиции акторов, проявившей свою силу особенно при разделении единого предприятия на три отдельных, самостоятельных по собственности. Распродажа определялась волей владельцев; интересы других субъектов не учитывала (да и выглядела достаточно нейтральным шагом). В антиинновационные действия этот шаг трансформировался, когда отношения между собственниками приобрели конфликтный характер (возникновение конфликта связывают с финансовым кризисом, но последний лишь обострил противоречия между собственниками). С этого момента проявилось названное превалирующее значение права собственности (воли собственника), которое оказалось превышающим все — и состояние производства, и интересы работников, жителей целого города, и власти, включая федеральные. Прогрессивная технология, как отмечалось, была разрушена, что привело к известным последствиям.

Наемные работники и их представители — профсоюзы обладали, по сути, единственным ресурсом — протестными действиями. И они реализовали его в различных формах, но не сразу, а когда положение стало невыносимым. Важно отметить, что их многочисленные обращения, письма, пикеты, митинги не имели результата до радикальной акции выхода на автотрассу и были направлены на восстановление статуса кво; установка на инновационный выход отсутствовала

начисто. Сложилось представление, что корни кризиса (конфликта) находятся в наличии трех собственников, разъединении предприятий, хотя и один собственник мог остановить производство (обанкротить предприятие, не договориться с внешними контрагентами), да и при трех собственниках до возникновения конфликта производство функционировало нормально. Распродал предприятие единый до того собственник. Дело в превалировании отношений собственности, в характере позиций, ориентаций владельцев.

А их специфика в данном случае состояла в своеобразной незаинтересованности не только в инновациях, но и самом осуществлении производства, в пренебрежении, казалось бы, очевидной, главной функцией бизнеса. Премьер-министр при посещении Пикалево назвал «социальную безответственность бизнеса»; можно было бы обозначить и «производственную безответственность бизнеса», обусловившую и социальные последствия. Монопольная власть собственников позволила им пренебречь и экономической выгодой, и интересами жителей моногорода. В Пикалево собственность проявила и такую логику своего развития, как стремление к расширению, превращению в монополию, если возможно — в мировом масштабе. Один из собственников (О. Дерипаска) занят был скупкой профильных предприятий, и не только в России; положение, состояние, работа или закрытие пикалевского глинозема («БазэлЦемент-Пикалево»), равно как и положение работников, играли роль мелкого звена в трансформации собственности в сторону монополизации, в изменениях, которые можно назвать и инновированием промышленной монополии. Подобные явления проявлялись и в широком масштабе, особенно на первых этапах владения частной собственностью после массовой приватизации, когда господствовали конъюнктурные настроения приобретательства, быстрого обогащения, скупки-продажи предприятий, «прибирания их к рукам», выжимания из них имеющихся ресурсов и т. п.

Широкое поле для инноваций или отстаивания существующих технически обоснованных позиций открывалось перед работниками технических, технологических служб. Они могли громко заявить об исключительной эффективности существующей технологической цепочки или предложить ее модернизацию, перепрофилирование предприятий, построение нового их комплекса и т. п. Но технические специалисты никаких инновационных решений не предложили, они покорно стали подстраивать технологию под отношения собственности, в целом — рвать связующую технологию. Вначале, когда пред-

приятия остановились, проводилась работа по переоборудованию глиноземных печей под цементные (под клинкер), хотя, по мнению инженеров, это было нецелесообразно. При отделении цементного завода технологи стали безропотно прорабатывать переход на «классическую» технологию. В интервью технические специалисты аргументировали свою позицию высказываниями типа: «Никто не интересовался нашими предложениями», «С нашим мнением не считаются и не будут считаться; у хозяев своя политика».

Власти всех уровней, как важнейший (внешний) субъект сложившейся ситуации, занимали в основном позицию «невмешательства в бизнес» или просто невнимания к обращениям (работников). Председатель отраслевого профсоюза отмечает: «По большому счету, не было предпринято ни одного решительного действия власть предрежащими как в Москве, так и в Ленинградской области»²³. Губернатор области, соблюдая принцип невмешательства, предложил программу маятниковой занятости в других городах или переселения в них, высказывался даже (по материалам интервью) о расселении города, «раз он не нужен производству». Премьер-министром после одного из обращений объединенного профсоюза градообразующих предприятий было сделано поручение о создании правительственной комиссии по Пикалево, но ее деятельность не изменила ситуацию.

Радикальная протестная акция наемных работников (с участием и не работающих на предприятиях жителей города) как будто разрядила социальную напряженность; власть осуществила-таки вмешательство, были погашены задолженности по заработной плате, в основном восстановлены на работе сокращенные кадры, подписаны соглашения о возобновлении работы предприятий, отмене мер по урезанию социальной инфраструктуры города. Правда, в то же время инновационных решений не было предложено и на этом этапе (в качестве инновации, политическо-управленческой, можно считать лишь личный приезд в моногород и вмешательство премьера).

Но разрядка оказалась только временной. К назначенному сроку соглашения поручения председателя правительства не были выполнены, выполнялись лишь частично; ситуация в основных своих чертах оставалась неустойчивой, возвращалась к прежнему состоянию. Владельцы предприятий фактически игнорировали установки второго

²³ *Стрелков Ю.П.* Противостояние в Пикалево завершено? Победа народа, профсоюза, справедливости! // Площадь Труда. 11 июня 2009 г.

лица в государстве. Один из них предпринял «нововведение» по еще большему расхождению бывших единых заводов: владельцы «Пикалевского цемента» заявили об отделении, о выходе из общего технологического процесса, переходе на традиционные технологии (и материалы), зная, что выделение их бизнеса разрушает основную технологическую цепочку со всеми вытекающими из этого следствиями. Из государственных органов, призванных контролировать реализацию установок премьера, лишь ФАС наложила санкции в виде штрафа за «злоупотребление доминирующим положением на рынке» (штраф лег на кризисное и без того предприятие). Губернатор области делал утешительные публичные заявления, по сути дела дезинформирующие общественность: «О проблеме Пикалево можно забыть. Этот вопрос взят на контроль правительства РФ и лично премьер-министра России Владимира Путина. В дальнейшем ситуация будет стабильной и никаких потрясений ожидать не нужно» (август 2009); «На сегодняшний день все поручения премьер-министра Владимира Путина, связанные с пуском пикалевского комплекса, выполнены» (25 сентября 2009).

Наемные работники и их представители — профессиональные организации, сыгравшие свою активную роль во время протестной акции, в дальнейшем заняли выжидательную, по сути пассивную позицию, как и в течение длительного времени до акции с выходом на автотрассу. Они не применили ни новых, ни традиционных методов протеста (например, типа предупредительной забастовки), контроля за ходом реализации установок премьер-министра; никто не предложил им участие и в деле восстановления согласованной работы предприятий. Сами они тоже не имели инновационных идей, предложений; доминировала позиция выжидания, надежда на «добрую волю» собственников властей, как и прежде, в предположении, что «это их дело». При этом ожидали рабочие воссоединения предприятий, никаких других вариантов не существовало, требования именно об этом многократно повторялись при публичном выдвижении требований. Работники не становились со-субъектами конструктивной деятельности не только потому, что работодатели не приглашали их к этому, но и в силу определенного самоотчуждения, притом не по причине того, что рабочим «нечего сказать», а именно в силу существования социальной дистанции. В то же время невысказанное недовольство нарастало, в интервью рабочие высказывались за проведение радикальных акций «посильнее выхода на автотрассу».

Отсюда проблема инновационного развития на примере данных предприятий — это, прежде всего, проблема сочетания его с отношениями собственности, упирается (выливается) в известную проблему «эффективных собственников».

Наличие сопутствующих социальных инноваций прежде всего актуально применительно к социально-трудовой сфере, системе трудовых отношений, в частности, ввиду отмеченной ранее специфичности инновационной деятельности²⁴. В первую очередь это проявляется в потребности в специализированной системе стимулирования инновационной деятельности. Одними из компонентов такой системы являются вовлечение в участие в управлении, информирование работников о делах, проблемах предприятия, широкое применение моральных стимулов, низведенных почти до нулевого уровня в рыночном российском производстве.

Подготовка (развитие) персонала, как отмечалось, обычно упоминается среди факторов инновационной деятельности. Но при ближайшем ознакомлении выясняется, что имеется в виду не специфическая инновационная подготовка, а, как правило, обычное повышение квалификации. Между тем требуется именно специфическая подготовка: в форме тренингов, организационно-деятельностных процедур (игр), стажировок и т. п., направленных в т. ч. на выявление соответствующих личностных качеств работников-инноваторов, их развитие, комплектование инновационных команд, включение персонала в инновационные проекты. Подобные учебные программы демонстрировали, например, финские компании на занятиях в информационно-консультационном центре «Инновация» на Петербургских инновационных форумах.

Значение инновационной атмосферы подчеркивается Л.Я. Косалсом²⁵. Однако «инновационный шум» в нашем случае имеет черты компанейщины, что превращает его скорее в отрицательный фактор, в создание видимости инновационной деятельности, в ее формальность, таит в себе опасность вырождения инновационного развития, трансформации его в имитационную деятельность.

Отдельные ментальные черты российских работников «работают» в качестве отрицательных факторов инновационной деятельности

²⁴ Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы. М.: ЗАО Изд-во Экономика, 2002. С. 605.

²⁵ Косалс Л.Я. Социальный механизм инновационных процессов. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1989.

(по крайней мере, в настоящее время). Это ожидание команды сверху, «вынужденность инициативы», распространенность установок «не высовываться» (особенно среди рабочих), явление самоотчуждения в целом и от деятельности по совершенствованию труда, в частности, дистанцирование рабочих от «служащих», «управленцев», «начальников», их страх перед последствиями нововведений (в плане сохранения рабочего места и заработка) и др.

Факторы преимущественно положительные

В заключение обратимся к факторам преимущественно положительным, которые, как говорилось, не являются прямой противоположностью факторам негативным и не появляются автоматически при устранении последних. Поэтому-то и важен отдельный и приоритетный анализ способствующих, а не препятствующих инновациям условий, формирование, применение позитивного подхода (как в исследованиях, так и в практической деятельности). Отметим хотя бы некоторые факторы, позволяющие внести конкретизацию в такой позитивный подход.

В первую очередь в качестве положительных факторов можно считать упомянутые ранее в качестве предпосылок инновационного развития, отчасти потенциальные, частично реально работающие (развитие инновационного аспекта научной деятельности, появление технопарков, инновационных центров, примеры «прорывной» инновационной деятельности самих производственных организаций и т. д.). Особо важными представляются такие моменты, как формирование общественного спроса на инновации (в общественном мнении, сознании), появление «инновационно активных» предприятий и усиление усвоения зарубежного опыта.

Несмотря на отмеченную значительную формальность «инновационного шума», он все же постепенно формирует настрой на инновационное развитие как безальтернативное, «спасительное», перспективное. Распространяющиеся знания со временем перерастают в убеждения, в те самые нормы (ориентиры, ценности, образцы) инновационной культуры, которые далее и определяют реальные действия. Пропагандистская информация здесь не бесполезна, если она не является элементом кратковременной компании. Возможно, этот фактор — создание общественного настроения — является ключевым в «инновационном пробуждении» страны и массовом включении граждан в инновационные процессы.

Появление передовых инновационных предприятий является фактом; важно, чтобы их опыт распространялся, рекламировался. Такая практика заслуживает внимания, одобрения. Примером может служить проведение инновационных конкурсов правительством С.Петербурга, в т. ч. конкурса на лучший инновационный проект в 2009 г. На него поступило 293 заявки. По 28 номинациям были награждены 26 организаций, их разработки признаны наиболее оригинальными, эффективными. «Победители в отраслевых номинациях получили премии в размере 1 млн рублей, премия для обеспечения интересов молодежи — 2,5 млн рублей, а лучший инновационный проект для нужд городского хозяйства получил 3 млн рублей»²⁶. Это значит, что в городе имеются почти 300 организаций, разработавших или уже осуществивших свои инновационные проекты, при этом нередко масштабные. Так, например, это «Конструкторско-производственный комплекс инновационного типа» на базе ОАО «Климов», включающий строительство производственного, административного, гальванического корпусов, замену оборудования, внедрение инновационных технологий; «Создание 4-го поколения дизельных двигателей в ОАО «Звезда»; «Создание нового производства продукции на базе микротехнологий и технологий микроэлектромеханических систем» в ОАО «Ленполиграфмаш» в тесном сотрудничестве со СПбГПУ; «Освоение крупносерийного производства термоэлектрических генераторов для автомобильного транспорта» в ООО «Криотерм»; «Разработка электропоезда «НеВа» для метрополитена в ЗАО «Вагонмаш» и др.²⁷ Информация о лучших инновационных проектах представлена общественности (правда, не распространена широко через СМИ, как она того заслуживает). Опыт таких предприятий может служить образцом, как в технологическом ракурсе, так и в плане создания имиджа и, соответственно, положения на рынке.

Уже было отмечено, что в условиях глобализации, недостаточной развитости отечественной инновационной деятельности основной поток инноваций приходит из-за рубежа, в различных формах и неупорядоченным образом, и затем лишь частично усваивается российскими предприятиями²⁸. Одними из агентов привнесения западного

²⁶ Лучшие инновационные проекты: альбом. СПб.: КЭРППТ Правительства СПб. и др. организации. 2009.

²⁷ Лучшие инновационные проекты. С. 5–20.

²⁸ *Максимов Б.И.* Глобализация и инноватизация: параллели и пересечения // Социология вчера, сегодня, завтра. Социологические чтения памяти В.Б. Голофаства: сб. научн. ст. СПб., 2008.

инновационного опыта (в т. ч. в области трудовых отношений) являются совместные, с участием иностранного капитала или входящие в ТНК предприятия в России. Западные специалисты утверждают, что иногда они применяют в России ноу-хау, не использованные еще и на зарубежных предприятиях. Правда, в целом сведения о деятельности ТНК достаточно противоречивы²⁹. При упорядочении процесса поступления и усвоения зарубежного опыта последний может стать мощным источником новшеств и импульсом инновационной деятельности в России.

В частности, важно усвоение зарубежного опыта установления связей, контактов между научными, инфраструктурными, производственными организациями. В России этот процесс отяжелен различного рода условностями, бюрократическими процедурами, недоверием и т. п. Западные специалисты сообщают, что для преодоления подобных препятствий применяются обходные пути в виде неформальных контактов, связей, соглашений, обязательств.

Для усвоения зарубежного опыта эффективной, многократно опробованной формой являются стажировки в зарубежных компаниях, все еще недостаточно практикуемые.

Вместе с тем важно использование и собственного инновационного потенциала. У предприятий, как правило, есть свои аналитические, экспериментальные, конструкторские подразделения, способные выполнить разработку или, по крайней мере, усвоение, доработку новшеств. Существенным фактором реализации собственного потенциала является, несомненно, создание специализированных подразделений, иницилирующих, координирующих, стимулирующих, контролирующих инновационную деятельность, в т. ч. привязанного к конкретным условиям инновационного обучения персонала.

Невозможно переоценить значение ориентации на высокие технологии промышленников, органов власти, местной и государственной. Так, в Петербурге потребность ориентации на высокотехнологичное производство обостряется — ввиду напряженной ситуации с трудовыми ресурсами, высоким уровнем образования, квалификации населения, стремления сделать город «инновационной столицей» и т. п. В виду этого недостаточно создание объемного кластера автомобиле-

²⁹ *Максимов Б.И.* Совместные, с участием иностранного капитала, предприятия ТНК в России как агенты глобализации трудовых отношений // X Международные Лихачевские научные чтения: сб. научн. ст. СПб., 2010.

строительных предприятий, отличающихся, как известно, потребностью в низкоквалифицированной рабочей силе, да еще иностранных компаний, приносящих в Россию «отверточную» часть производства.

Союз промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга предпринял с привлечением ученых исследование в области инновационного развития. В задачи исследования входил анализ научно-производственного, инновационного потенциала города, оценка имеющихся ресурсов, выявление «прорывных» направлений возможного развития с тем, чтобы сосредоточить на этих направлениях усилия и научных учреждений, и производственных предприятий, и органов власти, поддержать перспективные организации, готовые к реализации проекты создания новых образцов продукции, техники, технологии. Существенное внимание было уделено выявлению потенциала научных институтов, проводимых ими исследований, имеющихся инновационных разработок, наработки опытно-конструкторских, инфраструктурных организаций и возможностей предприятий по использованию высоких технологий. Результатами проведенного исследования смогут воспользоваться как руководители предприятий и региональные власти, так и другие организации, в т. ч. научные. При этом положительным моментом является то обстоятельство, что изучаются не только технико-технологическая база, экономическая система, но и социальная сторона инновационной деятельности.

В целом повышается внимание к социальной стороне инноваций, что является прогрессивной тенденцией. Начинается это со сферы науки, где проводятся соответствующие социологические исследования, появляются публикации о человеческом факторе инновационной деятельности, проводятся научно-практические семинары, конференции. Промышленники тоже начинают интересоваться результатами социологического анализа инновационных процессов.

В качестве краткого заключительного резюме отметим следующее. Российское производство в отдельных направлениях, предприятиях показывает хорошие образцы, достижения в инновационной деятельности, однако в целом до сих пор остается недостаточно восприимчивым к инновациям, несмотря на наличие многих предпосылок, объективной необходимости инновационного развития. Выявляется совокупность (система) факторов инновационной деятельности различного уровня, направления и интенсивности воздействия. Наибольшего внимания заслуживают те из них, которые оказывают положительное воздействие на инновационные процессы.

Л.В. ЗЕМНУХОВА

РАБОТНИКИ СФЕРЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: Одной из возможностей применения ресурсного подхода к исследованию социальной структуры общества является изучение профессиональных групп. В условиях развития информационного общества особый интерес представляет сфера информационных технологий. В статье представлено обоснование анализа работников сферы информационных технологий как профессиональной общности. В частности, представлены актуальность исследования и критерии выделения данной общности.

Ключевые слова: информационное общество, профессиональная общность, информационные технологии, социальная структура, глобализация, ресурсный подход.

Введение

Сфера информационных технологий (ИТ, от *англ.* IT — information technology) во многом отражает особенности социальных процессов, происходящих в современном мире, в том числе — в российском обществе. Повсеместная компьютеризация, автоматизация социальной реальности во многих ее аспектах требует привлечения специалистов данной области. В связи с тем, что производство, распределение, обмен и потребление товаров и услуг приобретают новые качества, специалисты IT-профиля становятся обладателями уникального знания, позволяющего получить и предоставить доступ к ресурсам разного рода.

Современность и показательность этой сферы смещают фокус внимания анализа социальной структуры с традиционно-теоретического на новый — практически-ориентированный. В этом случае IT становятся необходимым условием развития общества в условиях глобализации.

Исследование сферы IT возможно через исследование ее представителей, т. е. занятых в разработке и обслуживании комплекса компьютерных систем разного рода. Совокупность работников этой сферы можно было бы традиционно назвать профессиональной группой, но она объединяет столь широкий круг специалистов и профессионалов, что не вполне отвечает требованиям определения в качестве группы (ниже речь об этом пойдет подробнее). Таким образом, предлагается

рассматривать данную совокупность в качестве профессиональной общности, объединенной по профессиональному признаку. Работа представляет собой обоснование выделения и необходимости исследования работников сферы информационных технологий в качестве самостоятельной профессиональной общности¹.

Цели и задачи планируемого исследования

Профессиональная общность работников сферы информационных технологий представляет особый интерес как с точки зрения места в общей социальной структуре российского общества, так и в качестве самостоятельной профессиональной системы. Раскрытие первого аспекта позволяет обратить внимание на структурные изменения в обществе в целом и на рынке труда — в частности, выявить специфику формирования и функционирования в российской реальности. Вторая сторона предполагает рассмотрение дифференциации внутри общности как отражение тенденций и новейших изменений, происходящих в современной информационной реальности. Целью исследования, таким образом, является определение особенностей и перспектив формирования профессиональной общности работников сферы ИТ России в условиях глобализации.

Достижение поставленной цели обеспечивается последовательным решением частных задач. Первым необходимым шагом является выявление и описание истории и специфики становления профессиональной общности работников сферы ИТ в России. Решение данной задачи становится основой для дальнейшего анализа и выявления общих тенденций развития данной сферы внутри и в целом.

Следующая задача, направленная на изучение внутренних особенностей общности, предполагает описание социальной дифференциации. Кроме того, необходимо обратить внимание на связи посредством социальных сетей в структуре сферы ИТ, так как предполагается, что сети могут приобретать новые качественные характеристики и функции.

Немаловажным аспектом исследования любой совокупности людей, объединенных по определенному признаку, является анализ идентичности. В данном случае мы обращаем внимание на формирование профессиональной идентичности работников ИТ различного уровня и особенности ее проявления в обществе.

¹ Диссертационный проект представлен в аспирантской программе в секторе исследования социальной структуры.

Сфера ИТ как одно из условия развития информационного общества становится инструментом интеграции российского общества в глобальный мир. Определение особенностей интеграции профессионалов ИТ России в мировое сообщество позволило бы выявить не только общие тенденции, но и частные случаи с собственными условиями и спецификой.

Наконец, анализ перспектив развития профессиональной общности в целом и в России, в частности, может оказаться итоговой задачей исследования. Анализ будет произведен на основе полученных в ходе исследования данных и раскроет лишь их некоторые аспекты и возможности.

В целом, основным предположением в исследовании является то, что можно выделить и анализировать работников сферы информационных технологий в качестве профессиональной общности. В данной статье приводится описание данной общности с точки зрения ресурсного подхода.

Общие методологические подходы

Глобализация стала причиной различных мировых тенденций, которые проявляются практически на всех уровнях общественной жизни. Одним их основных следствий подобных тенденций на макроуровне становится изменение способа производства, основанного на новейших достижениях науки и техники. Широкое распространение и значимость получает информация как продукт производства и потребления: «знания и информация становятся ключевыми источниками производительности и конкурентоспособности»². Формируется новый тип общества, называемый исследователями постиндустриальным (Д. Белл), сетевым (М. Кастельс), информационным (Ф. Фукуяма, Ф. Уэбстер).

В этих условиях происходит трансформация российского общества, вызывающая проблемы трансформации социальной структуры и социальной сферы³. В частности, изменения отражаются на развитии рын-

² Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Мир России. 2000. №1. С. 23–51.

³ Трансформации российского общества и социальное неравенство как следствие этого процесса — многолетняя тема изысканий коллектива сектора исследования социальной структуры. См. Социальное неравенство и социо-структурная трансформация российского общества в контексте глобализирующегося посткоммунистического пространства (СИ РАН). № 01.2.00.951321. Научный отчет. 2009. С. 30.

ка труда, что оказывает влияние на формирование нового типа неравенства, рассматриваемого применительно к российской действительности в двух аспектах:

1) Неравенство позиций, которое характеризуется различными вознаграждениями, разным доступом к основным ресурсам — доходу, престижу, власти, информации;

2) Неравенство возможностей, то есть неравенство доступа к самым социальным позициям и предоставляемым услугам.

С точки зрения этого подхода, называемого ресурсным⁴, социальное неравенство исследуется через выделение социальных групп, обладающих реальными ресурсами. Наличие, размеры и доступ к различным ресурсам определяются профессиональной занятостью, социальной позицией и местом индивида или группы на рынке труда, что в различных композициях обуславливает характер воспроизводства неравенств. Характер воспроизводства, в свою очередь, влияет на характер неравенства в доходах, распределении собственности и различиях в жизненных шансах. В рамках данного подхода целесообразным представляется анализ неравенства через исследование профессиональных групп, в частности, работников ИТ.

На сегодняшний день изучение работников ИТ как профессиональной общности находится на предварительном этапе, хотя обнаруживаются некоторые работы, близкие к данной тематике. Так, В.В. Печенкин исследует информационные технологии в социальной структуре общества на примере компьютерных сетей и коммуникативных технологий, рассматривая общие процессы информатизации без учета роли работников сферы информационных технологий⁵.

Н. Кнох, Д. О’Дохерти и их соавторы анализируют ИТ в рамках социологии знания как систему планирования бизнес-ресурсов, обозначая лишь инструментальную роль информационных технологий⁶.

⁴ Подробнее см.: *Тихонова Н.Е.* Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. №9. С. 28–40.

⁵ *Печенкин В.В.* Информационные технологии в социальной структуре общества. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001; *Печенкин В.В.* Социальная структура и информационное пространство // Актуальные проблемы социальной геронтологии. Саратов, 1998. С. 54–57.

⁶ Transformative capacity, information technology, and making of business ‘experts’/ Н. Кнох [et al.] // Sociological review. 2007. Vol. 55. №1. P. 22–41.

Частным случаем является анализ Н.А. Ипатовой сообщества программистов с точки зрения дискурсивной модели профессионального сообщества: ею представлена методика изучения профессиональных сообществ с использованием данной модели⁷.

Близким по замыслу представляется исследование работников информационно-коммуникативных технологий (или «информационных работников») О.И. Шкаратана и С.А. Иняевского⁸. Авторы предлагают такие факторы принадлежности к информационным производителям, как фактическое неравенство в качестве образования, специфические позиции в капиталистическом обществе, позиции в системе трудовых отношений и специфические черты содержательности труда. Категория «информационных производителей» заимствована у Кастельса и включает «работников, которые обладают ценным человеческим капиталом, постоянно стремятся обновлять свои знания, наиболее инновационно активны и представляют наибольшую ценность для экономики»⁹. Такое определение представляется очень широким, т. к. группа включает в себя не только представителей ИТ. Тем не менее, исследование может быть использовано в качестве примера.

Таким образом, по причине малой изученности предложенная тематика представляется актуальной по нескольким причинам.

Во-первых, сфера информационных технологий является одной из самых перспективных и стабильно развивающихся профессиональных областей в настоящее время. В большинстве организаций разной направленности инженеры-программисты прочно занимают свое место, разрабатывая и поддерживая техническое, компьютерное и программное обеспечение. Информационные технологии на данный момент оказывают влияние практически на все сферы человеческой жизни, начиная с библиотек, поликлиник и заканчивая Федеральными службами, автоматизацией производства и управления производством. В этих условиях представители ИТ разного уровня становятся наиболее востребованными специалистами.

⁷ Ипатова Н.А. Дискурсивная модель профессионального сообщества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. №3. С. 82–93.

⁸ Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России / Коллект. монограф. под ред. О.И. Шкаратана. М: ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2009. С. 248–257.

⁹ Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. С. 249–250.

Во-вторых, представители этой сферы контролируют не только выпуск программной продукции, но и многие внутри- и межсетевые процессы, а также процессы автоматизации многих систем (как механических, так и человеческих). Управляя одним из основных ресурсов — информацией, — работники ИТ расширяют область своих полномочий и зону влияния, закрывая (или, по крайней мере, затрудняя) доступ вхождения в это сферу «непрофессионалам».

В-третьих, в России становление сферы ИТ происходило в основном на базе американского/западного образца: несмотря на то, что существуют собственные разработки, большинство программных и других продуктов являются продуктами зарубежного происхождения. Более того, отечественные разработки зачастую не выходят за пределы российского рынка. Тем не менее, учитывая особые социально-экономические условия развития России и особенности процесса глобализации, можно предположить, что работники сферы информационных технологий являются одним из факторов интеграции России в мировое сообщество. В этот процесс включаются теперь уже не столько представители элиты (политической, экономической и др.), сколько специалисты и профессионалы разных уровней. Речь здесь может идти о формировании международного профессионального сообщества, когда происходит унификация профессиональной деятельности на глобальном уровне.

Наконец, формирование качественно нового типа услуг определяет как направление развития сферы ИТ на рынке труда в целом, так и изменения внутри этой профессиональной общности. Профессионалы и ИТ-специалисты становятся носителями идентичности, складывающейся в результате иных форм взаимодействия, особого языка общения, склада мышления, стиля жизни, обладания экспертным знанием. Такое объединение членов профессиональной общности, с одной стороны, позволяет отделять работников ИТ от других профессиональных групп. С другой стороны, внутренняя структура данной общности достаточно дифференцирована, что приводит к некоторым особенностям анализа самой общности, которые будут рассмотрены ниже. Факторы внутреннего осложнения структуры сферы информационных технологий, в свою очередь, могут быть использованы в анализе трансформаций рынка труда и нового социального неравенства. Прежде чем исследовать эти факторы, необходимо определить критерии выделения и характеристики работников сферы ИТ как профессиональной общности.

Критерии определения групп и общностей

В социальных науках, в частности, в социологии, исследуется большое количество типов объединения людей по разным признакам. Наиболее распространенными типами являются группа и общность. И.С. Кон предлагает следующие причины, по которым необходимо исследовать, из каких социальных общностей и социальных групп состоит общество¹⁰:

1. Социальные общности и группы — это необходимый способ существования людей, их взаимосвязи и взаимодействия между собой и с обществом в целом, т. к. благодаря социальным общностям и в них создаются необходимые условия и средства, которые способствуют развитию личности и удовлетворяют ее потребности и интересы.

2. Социальные общности и группы являются субъектами общественной жизни, т. к. их деятельность влияет и на устойчивость общества, на его интеграцию и функционирование, определяет характер и содержание процессов изменения и развития.

3. В зависимости от того, из каких групп состоит общество, в каком иерархическом положении они находятся друг к другу, от проводимой ими идеологии и практических действий во многом зависит тип государства, его общественно-политическое устройство.

Изучение таких групп возможно в рамках ресурсного подхода на примере IT-сферы. В таком случае встает вопрос о том, насколько правомерно называть совокупность работников сферы IT группой или общностью. При определении понятия «социальная группа» исследователи сталкиваются с теми же трудностями, что и при определении понятий «культура», «общество». В зависимости от целей исследований, теоретико-методологической базы предлагаются различные способы определения группы. Примером может служить опыт контент-анализа дефиниций «социальная группа» Г.Е. Зборовского, который исследовал более 40 отечественных и зарубежных источников¹¹.

Так, Д. Майерс считал справедливым для социальной психологии следующее определение: «Группа — два человека (или более), которые взаимодействуют друг с другом дольше, чем несколько мгновений,

¹⁰ Цит. по: Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО МОДЭК, 2000. С. 217.

¹¹ См. подробнее: Зборовский Г.Е. Социология. Изд. 3-е. М., 2004.

вливают друг на друга и воспринимают себя, как “мы”»¹². В одном из учебников по социологии группа понимается как «совокупность взаимодействующих людей, ощущающих свою взаимосвязь и воспринимаемая другими как некое сообщество»¹³.

Социальная группа, по Гидденсу, — это «некоторое число людей, взаимодействующих друг с другом на регулярной основе. Такая регулярность приводит к сплочению принимающих участие во взаимодействии в отдельное целое с некими общими социальными характеристиками. Члены группы ожидают друг от друга определенных форм поведения, не требующихся от не-членов»¹⁴.

По Мертону, социальная группа — «это совокупность людей, определенным образом взаимодействующих друг с другом, осознающих свою принадлежность к данной группе и признаваемых ее членами, с точки зрения других людей»¹⁵. Основными, свойственными большинству групп чертами являются взаимодействие, членство и идентичность.

Г.Е. Зборовский предлагает обобщающее определение социальной группы как «совокупности индивидов, характеризующейся общими интересами, установками и ориентациями, нормативной регламентацией совместной деятельности людей в рамках собственного пространственно-временного континуума»¹⁶.

М.Б. Глов, в свою очередь, считает, что социальные группы — это «социальные общности, принадлежность к которым определяется на основе каких-либо общих для людей социальных признаков»¹⁷. Он представляет подробный анализ таких понятий как «социальная группа», «социальная общность», «социальная структура» и др. По его мнению, исследуя социальную структуру, нужно учитывать основу объединения людей. Таким образом, социальная структура определяется как «сложившаяся на данный исторический период развития общества совокупность социальных общностей, внутри и между которыми устанавливаются социальные связи, определяемые социальным взаимодействием людей, посредством которых осуществляется

¹² Майерс Д. Социальная психология. 7-е изд. СПб.: Питер, 2005. С. 770.

¹³ Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. М., 1998. С. 213.

¹⁴ Гидденс Э. Социология. М: УРСС, 2005. С. 267.

¹⁵ Цит. по: Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. С. 276.

¹⁶ Цит. по: Глов М.Б. Структурный анализ общества. СПб., 2009. С. 14.

¹⁷ Глов М.Б. Структурный анализ общества. С. 14.

развитие социальной системы»¹⁸. Соответственно, единицей анализа становится социальная общность.

Изначально общность как форма социальной организации людей рассматривалась Ф. Теннисом. Он выделял две формы — общность (в некоторых переводах — община) и общество. Общность отличалась традиционной направленностью организации жизни — естественным разделением и специализацией труда, персонализацией межличностного общения, неформальным регулированием взаимодействий, связанностью членов отношениями родства¹⁹. Данные характеристики в большей степени характеризуют общинный тип устройства, а не профессиональную группу.

Социальная общность как ключевая, основополагающая категория социальной структуры рассматривалась В.А. Ядовым²⁰. Социальная общность — это «такая взаимосвязь человеческих индивидов, которая обусловлена общностью их интересов, благодаря сходству условий бытия и деятельности людей, составляющих данную общность, их материальной, производительной и иной деятельности, близости их взглядов, верований, их субъективных представлений о целях и средствах деятельности»²¹. Т. Парсонс за основу определения социальной общности взял территориальный признак²². М.Н. Руткевич отмечает, что в социальную структуру можно включать только те социальные общности, которые определяют функционирование социальной системы как целостной²³. Последнее положение вполне отражает тенденцию информатизации общества и очередной раз доказывает актуальность исследования ИТ.

Очень подробный анализ типов объединения людей приводит С.С. Новикова²⁴. В частности, она рассматривает социальные множества, условные и реальные общности (в широком смысле). Последние делятся на массовые (толпа, публика, аудитория, масса, социальное движение, общественность) и групповые (большие и малые)

¹⁸ Глотов М.Б. Указ. соч. С. 8.

¹⁹ См. подробнее: *Волков Ю.Г., Мостовая И.В.* Социология. С. 50–51.

²⁰ Ядов В.А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. 1990. №2. С. 3–16. С. 12.

²¹ Ядов В.А. Социологическое исследование: Методология. Программа. Методы. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 1995. С. 17–18.

²² Подробнее см.: *Глотов М.Б.* Структурный анализ общества. С. 7–9

²³ *Руткевич М.Н.* Социальная структура. М.: Альфа, 2004. С. 56.

²⁴ *Новикова С.С.* Социология: история, основы, институционализация в России. С. 217–290.

общности. Большие группы являются общностями в узком смысле, что и представляет наибольший интерес в данной работе. Новикова предлагает следующие критерии классификации общностей²⁵:

1) культурно-историческая самобытность, на основе которой выделяются такие этнические общности, как род, клан, племя, народность, нация;

2) отношение к собственности и общественному разделению труда для формирования социальных классов и слоев;

3) общности, отличающиеся по принадлежности к исторически сложившимся территориальным образованиям (e.g. город и деревня);

4) общности, для которых характерно единство целенаправленной деятельности — общественные объединения и социальные организации.

Ю.Г. Волков и И.В. Мостовая, исходя из анализа социальной общности, предлагают следующие критерии ее выделения²⁶:

1) сходство, близость условий жизнедеятельности людей;

2) общность потребностей людей, субъективное осознание ими сходства своих интересов;

3) наличие взаимодействия, совместной деятельности, взаимосвязанного обмена деятельностью;

4) формирование своей собственной культуры: системы внутренних норм взаимоотношений, представлений о целях общности, ответственности и др.;

5) укрепление организации сообщества, создание системы управления и самоуправления;

6) социальная идентификация членов общности, их самопричисление к этой общности.

Обобщая рассмотренные определения, можно отметить, что основными признаками группы являются взаимодействие в рамках ориентаций и установок, отождествление (идентификация) и сплочение в ходе совместной деятельности. Взаимодействие работников сферы ИТ сводится к коммуникации и техническим операциям, идентичность проявляется особым образом (ниже речь об этом пойдет подробнее), а сплочение кажется прозрачным или отсутствует вовсе в силу опосредованности взаимодействия. Профессиональная группа определяется принадлежностью «к определенному виду деятельности,

²⁵ Здесь и далее «общность» используется в узком смысле слова.

²⁶ Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. С. 51–52.

которая обусловлена общественным разделением труда»²⁷. Все это не является достаточным основанием выделения работников сферы ИТ в качестве группы.

В широком смысле общность рассматривается как совокупность людей, объединенная тем или иным признаком/признаками. Применительно к работникам ИТ эти признаки неоднородны и неоднозначны: например, предлагаемый Парсонсом территориальный признак не характеризует работников ИТ (хотя может быть выдвинуто другое измерение территории, например — компьютерные сети, Интернет). Этим общим *признаком* в данном случае представляется лишь принадлежность к профессиональной сфере информационных технологий (хотя вопрос о том, какие именно профессии входят в эту область, пока остается открытым). В соответствии с критериями выделения общности Волкова и Мостовой можно остановиться на понимании совокупности работников сферы ИТ как социальной общности, выделенной по профессиональному признаку. Тем не менее, необходимо специфицировать критерии, учитывающие особенности ИТ.

1. Территориальный критерий

Территория в традиционном ее понимании при определении работников сферы ИТ несколько модифицируется. Несмотря на то, что различные объединения и специализированные организации концентрируют большие массы работников ИТ, огромная доля представителей этой сферы «разбросана» по всей территории городов, стран, мира. «Территориальность» в данном случае определяется с точки зрения «сетевой географии», то есть концентрации работников вокруг компьютерных сетей. Такие сети могут быть, например, закрытыми и открытыми. Примером закрытой сети является локальный «интранет», свойственный большинству организаций, то есть внутреннее сетевое сообщение, доступ к которому имеют только пользователи компьютеров данной организации. Воплощением открытой сети представляется Интернет со свободным или ограниченным (защищенным паролем) доступом. В зависимости от сложности закрытых сетей количество работников ИТ в данной организации может варьироваться. Открытая сеть зачастую и вовсе не требует постоянного обслуживания.

Сети достаточно условно можно разделить по уровню сложности. Примером низкого уровня служит системное администрирование сети небольшого предприятия/офиса, где осуществляется обслужива-

²⁷ Глотов М.Б. Структурный анализ общества. С. 90.

ние одной программы (е.g. бухгалтерская). Средний уровень предполагает администрирование систем с ограниченным набором функций (е.g. гипермаркет с системой видеонаблюдения, кассовыми аппаратами и бухгалтерской программой). Высший уровень характеризуется комплексной автоматизацией (е.g. аэропорт). Здесь выявляется прямая зависимость количества работников ИТ от сложности сети — чем сложнее система, тем выше концентрация специалистов.

Территориальность также может зависеть от типа деятельности — разработка, внедрение и обслуживание программного обеспечения требуют разного набора специалистов. Кроме того, нужно учитывать область реализации — непосредственное пользование (е.g. база данных) или для дальнейшей модификации (шаблон базы данных), где специалисты требуются в разной степени. В разных комбинациях эти характеристики дают разные картины концентрации работников ИТ. В целом, структура систем и сетей в действительности сложнее требует эмпирического исследования.

2. Количественный критерий

Формальное определение членов данной профессиональной общности представляется также в новом измерении. Оно может анализироваться лишь с учетом особенностей групп внутри общности:

1) работники сфер компьютерного, программного и технического обеспечения, которые числятся в качестве таковых в соответствии с трудовым законодательством и классификатором занятости;

2) выпускники средних специальных и высших учебных заведений с соответствующей специальностью (инженеры и техники, отмеченные данными статистики), которые действительно работают в данной сфере;

3) так называемые «фрилансеры», выполняющие работу подобного характера на заказ (практически невозможно определить количество);

4) «совместители», занятые в сфере ИТ как дополнительной.

Если первую группу можно частично измерить данными официальной статистики, то во второй необходимо учитывать и ту долю выпускников, которые не продолжают профессиональную деятельность в соответствии с полученной специальностью. «Фрилансеры» могут быть частично выявлены благодаря учреждению и регистрации индивидуальных предпринимательств. Четвертая группа частично пересекается с третьей в тех случаях, когда выполнение управленческих и других функций происходит наряду с выполнением деятельности в ИТ, что может быть выявлено с помощью статистики, где предоставлены

данные о вторичной занятости. Нужно также отметить, что даже в соответствии с классификатором занятости зачастую сложно определить, кто из работников схожей сферы действительно принадлежит ИТ.

Подобная классификация не является универсальной и демонстрирует частную проблему рынка труда ИТ. Лишь сравнительно недавно стали создаваться службы по подбору ИТ-персонала, так как самостоятельный подбор и адаптация специалистов этого профиля требовали больших временных затрат. Причинами тому могут быть как несоответствие получаемой специальности реальной квалификации, так и сложности в определении конкретных задач, которые руководство должно ставить перед специалистами. Можно предположить, что формализация сферы ИТ по российским стандартам становится еще более проблемной и порой включает в себя гораздо более широкую область, чем просто информационные технологии. Например, ИТ часто путают с ИКТ — информационно-коммуникативными технологиями, включающими в себя еще более широкий спектр услуг, предоставляемых населению (телефония, телевидение).

3. Критерий контроля и влияния

Данный критерий не относится к традиционному пониманию административной власти и влияния, а также не учитывает человеческие отношения подчинения. Прямого контроля на всех уровнях реализации деятельности работники сферы ИТ не осуществляют. Исключением в этом смысле могло бы быть совмещение ИТ и управленческих функций, но речь идет здесь об изменении понимания «контроля».

Общие процессы информатизации и компьютеризации заставляют пользователей предоставлять определенный «кредит доверия» работникам данной сферы. Информационная безопасность зависит в первую очередь от добросовестности сотрудников ИТ. Формально и неформально они наделяются полномочиями контроля над обеспечением «жизнедеятельности» сетевых взаимодействий. Ответственность за информацию, возлагаемая на ИТ, заставляет работников этой сферы выполнять одну из основных ролей в современном обществе. В эпоху информационного общества, когда предметом всеобщего интереса становится именно информация, сфера ИТ получает статус важнейшей, как на микро-, так и на глобальном уровне, несмотря на то, что реально выполнение функций ИТ зачастую носит лишь обслуживающий характер.

4. Критерий универсальности языка

Продукты производства и потребления работников сферы ИТ чаще всего носят в большей степени универсальный характер. Основные

языки программирования, технического обеспечения довольно стандартизированы (в основном на основе английского языка), поэтому взаимопонимание внутри сферы (даже за пределами одной страны) сравнительно высокое. В то же время затруднено включение в общность ИТ-сферы профессионалов из других областей.

Практически все профессиональные группы имеют собственный язык («сленг»). Профессиональный язык ИТ отличается быстрой модернизацией — с появлением разработок той или иной области появляется набор новых терминов, который быстро входит в употребление среди работников ИТ. В связи с тем, что динамика развития ИТ значительно превышает динамику развития многих других областей, язык также постоянно обновляется.

5. Критерий профессиональной идентичности

Профессиональная общность ИТ-специалистов, как и многие другие профессиональные группы, характеризуется собственной идентичностью. Идентичность характеризуется одновременными процессами отождествления и отделения, которые осуществляются разными агентами — личностью, членами своей группы/общности и членами других групп. В связи с сильной дифференциацией внутри общности ИТ идентичность может приобретать разные координаты — от конкретной специальности до ИТ в целом. Тем не менее, «общая» профессиональная идентичность свойственна всем членам рассматриваемой общности. Отождествление с членами своей группы/общности и отделение (дистанцирование) от других выражаются достаточно отчетливо.

Сложнее обстоит дело с внешним определением. Непрофессионалы зачастую затрудняются определить «координаты» работников ИТ, что связано с незнанием, во-первых, границ профессиональной общности, во-вторых, внутренней дифференциации общности. Иными словами, представление об ИТ в массовом сознании носит ограниченный характер. В то же время сам факт отделения ИТ от других сфер не вызывает сложностей. Так, например, часто путают программистов и системных администраторов, но соглашаются, что они являются представителями сферы ИТ.

Возможности применения ресурсного подхода

Выделенные критерии не являются исчерпывающими и подлежат эмпирической проверке. Далее, необходимо рассмотреть факторы осложнения внутренней структуры сферы ИТ, которые могут быть

выявлены с помощью ресурсного подхода. Адаптация этого подхода к заданной тематике позволит не только проработать теоретическое описание ИТ, но и оценить возможность его применения к конкретной профессиональной общности.

Н.Е. Тихонова предлагает в качестве инструмента анализа стратификации российского общества использовать интегральный индекс ресурсной обеспеченности, содержащий ресурсы разных типов²⁸.

1. Экономический ресурс

Данный ресурс подразумевает все традиционные виды — деньги, бизнес, недвижимость. Применительно к профессиональной общности он может быть выражен в заработной плате, предлагаемой специалистам и профессионалам ИТ. Этот показатель сильно варьируется в зависимости от сферы занятости, статуса компании и других факторов.

Бизнес, индивидуальное предпринимательство, «фрилансерство» как экономические ресурсы также неоднородны и зависят от условий и особенностей, выявляемых эмпирическим путем.

2. Квалификационный ресурс

В эту категорию включаются образование, навыки, квалификация, карьерный путь. В большинстве случаев специалисты и профессионалы ИТ имеют техническое образование, специализацией может быть не только «программирование» или «информационные технологии», а практически любые технические направления. Обучение осуществляется как на предназначенных для этого факультетах (е.g. технические вузы готовят ИТ-специалистов узкого профиля — кораблестроение, машиностроение и др.), так и специализациях более общих (прикладная математика и процессы управления, физико-математический факультет). Кроме того, на многих гуманитарных факультетах существуют специализации и кафедры, воспитывающие специалистов по специальности «прикладная информатика» в конкретной сфере (е.g. экономика, социология).

Одним из условий успешного трудоустройства выпускников рассматриваемой профессии являются всевозможные курсы подготовки, переподготовки и повышения квалификации, что связано с быстрой модернизацией ИТ. Такие курсы заполняют пробелы в подготовке специалистов в средне-специальных и высших учебных заведениях, дают

²⁸ Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2007. С. 226–227.

возможность расширить знания в той или иной области, предполагают трудоустройство по узкой специализации.

3. Социальный ресурс

Характеризуется включенностью в сети социальных связей разного качества, поскольку их члены, в свою очередь, обладают различным капиталом.

Сети работников сферы информационных технологий включают в себя не только социальные сети общения и коммуникации, но и информационные, компьютерные, технические сети связей, выступающие в качестве основы соединения всех систем между собой. Сетевое общество, о котором говорил Кастельс, и где ИТ выступают в качестве инструмента, усложняет внутреннюю структуру сетей, добавляя им новые измерения, условия существования и значимость. Социальные сети благодаря ИТ приобретают элемент виртуальности, когда пространственно-временные границы уходят на задний план. Такой способ анализа общности позволяет с другой позиции посмотреть на прежние границы сетевого анализа.

Кроме того, сети работников ИТ часто не ограничиваются лишь этой сферой. Разрабатывая продукты и обслуживая системы разных профилей, специалисты ориентируются и в некоторых вопросах смежных областей, что может привести к расширению компетенции и, как следствие, границ социальных сетей.

4. Властный ресурс

Рассматривается исключительно в административной части. Здесь возможны руководство отделами или группами ИТ, проектный менеджмент, совместительство с управленческими должностями.

5. Символический ресурс

Этот вид ресурса связан с престижностью тех или иных характеристик положения и поведения индивидов в данном сообществе. К таким характеристикам применительно к профессиональной общности могут относиться удобные условия и стандарты работы, отличающиеся комфортностью, а также продукт производства, представляющий интерес как для разработчика, так и для пользователей.

Рабочие условия определяются характером труда. Например, системные администраторы могут обслуживать локальные сети всей организации и находиться в центральном «пульте управления» процессами, то есть иметь собственный компьютер в качестве рабочего места. Разработчики программного обеспечения и приложений разного рода имеют возможность выполнять работу в домашних условиях.

Иногда основным способом поддержки связи с сотрудниками организации является удаленный доступ. Таким образом, отличительным признаком представителей данной сферы может быть наличие персонального компьютера (возможно, более одного) с набором специфических программ и возможностей для реализации узкоспециализированных целей. Хотя управляющие ИТ-отделом, например, могут не иметь такого набора, а лишь контролировать процесс выполнения задач специалистами.

По стандартам работы ИТ в России соответствуют мировому уровню. Новейшие технологии и программное обеспечение довольно быстро адаптируются к потребностям российского рынка в данной сфере в связи с тем, что принципы разработки и обслуживания достаточно унифицированы. Иными словами, модернизация в данной области кажется наименее трудозатратной. На российском рынке в данной сфере свою нишу занимают и отечественные компании, и совместные с западными, а также представительства, ориентированные исключительно на российский рынок с учетом общемировых тенденций. Должностные инструкции, указы и положения разработаны в соответствии с трудовыми стандартами кодексов, но с учетом особенностей деятельности работников.

Продукт деятельности ИТ чаще всего разработан под определенные нужды, хотя программные обеспечения и принципы разработки носят универсальный характер. По сути, профессионалы данной области владеют стандартами, на базе которых далее создаются требуемые продукты. То есть конечный продукт специфицируется, но на основе предыдущих стандартных, унифицированных разработок. То же касается продуктов мирового уровня: основы логики создания технического, компьютерного и программного обеспечения сохраняются вне зависимости от страны производства. Легкость модифицирования и адаптации обеспечивает востребованность и интерес к продукции ИТ в целом.

6. Физиологический ресурс

Включает в себя пол, возраст, трудоспособность и иные демографические характеристики.

Существует мнение о том, что представители данной профессиональной общности, как большинство работников технической сферы, — преимущественно мужчины в возрасте от 18 лет до неопределенного возраста. Тем не менее, женщины также активно занимают позиции в этой сфере.

Семейное положение, несмотря на распространенный миф о замкнутости программистов (как одной из групп этой общности), практически не отличается от представителей других профессий. Этот вывод может частично подтверждаться данными официальной статистики по трудоустройству и занятости.

7. Культурный ресурс

Включает особенности социализации и характер культурных запросов, отражающий стилевые характеристики жизни.

В результате включенности работников сферы информационных технологий в глобальные сети и связи формируется собственная культура. Особые предпочтения, работа с новейшими продуктами, контакты с зарубежными странами, обладание экспертным знанием обуславливают формирование нового взгляда на социокультурную реальность. На данном этапе проявляется некий набор характеристик, свойственных лишь представителям данной общности, что требует эмпирического изучения.

В целом, стиль жизни работников ИТ отличается по некоторым параметрам, при этом необходимо учитывать положение работников в общей внутренней структуре сферы. Существуют различные подходы к выделению критериев, по которым исследуется стиль жизни. В случае с работниками сферы ИТ можно обратить внимание на следующие:

1) стиль одежды: предполагается, что специалисты и профессионалы предпочитают свободный стиль; то же касается «рабочей» одежды, если место работы не предполагает строгого соблюдения формальностей (так, специалист в банковской структуре обязуется следовать стандартам формы одежды);

2) досуг: среди предпочтений ИТ-специалистов высокое положение могут занимать активные виды спорта и компьютерные игры, наряду с другими способами времяпрепровождения;

3) потребление товаров и услуг: в связи с представлением об ИТ как одной из самых динамично развивающихся областей предполагается, что ими потребляются товары «нового происхождения», то есть новинки изобретений, цифровые услуги.

На первый взгляд, данные характеристики близки к стереотипам, связанным с ограниченным знанием о представителях данной общности.

8. Личностный ресурс

Примерами могут служить трудовые мотивации, инициативность, исполнительность и другие личностные качества, необходимые для выполнения работы в сфере ИТ. Возможно, характерными

чертами людей данной профессии являются аналитические способности, усидчивость, так как работа с техникой и компьютерами требует внимания и определенных временных затрат.

Выводы

Приведенные критерии не являются исчерпывающим набором характеристик выбранной профессиональной общности, но могут претендовать на статус необходимых для анализа. Сам ресурсный подход вполне отвечает требованиям исследования данной общности. Работники сферы информационных технологий как одна из наименее изученных и наиболее динамичных общностей представляет чрезвычайный интерес и как самостоятельная ячейка, и как часть структуры общества. Изучение особенностей внутренней дифференциации предоставляет возможность анализа сферы ИТ и ее роли в частных социальных процессах и взаимодействиях. Как элемент социальной структуры данная профессиональная общность представляется важным фактором развития общества, трансформации рынка труда, интеграции в мировое сообщество.

Исследование предлагаемой тематики предполагает смену традиционных основ анализа. Возможно, учитывая особенности развития, деятельность и перспективы именно в этой области, удастся обнаружить новые характеристики социальной структуры российского общества и в глобальной перспективе.

В.Б. ГОЛЬБРАЙХ

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В РОССИЙСКОЙ БЛОГОСФЕРЕ. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА В ЖИВОМ ЖУРНАЛЕ

Аннотация. Настоящая статья посвящена российской блогосфере, как публичному пространству, где люди, обеспокоенные проблемами окружающей среды, могут без ограничений обсуждать различные экологические проблемы. В статье говорится об экологических сообществах одного из крупнейших российских блогхостингов — «Живого Журнала». Автор рассматривает блоги как альтернативные средства массовой информации по отношению к традиционным СМИ (прессе, радио, ТВ). Блогосфера, по мнению автора, является серьезным ресурсом для экологического движения в России. В связи с этим, в статье особое внимание уделяется использованию блогосферы для мобилизации читателей в отношении острых экологических проблем. В статье дан портрет блоггера, участника анализируемых сообществ. В статье представлены результаты контент-анализа постов двух сообществ «Живого Журнала» за три года (экологические проблемы, обсуждаемые в сообществах, использование постов сообществ для мобилизации читателей и др.)

Ключевые слова: инвайронментальная социология, социология СМИ, российская блогосфера, альтернативные СМИ, экологические проблемы, экологические организации

Введение

В последнее время Интернет приобретает все большее значение как публичное пространство, в котором обсуждаются различные общественные и политические проблемы, конкурируя с традиционными средствами массовой информации (прессой, радио, телевидением). Именно Интернет становится для различных общественных организаций, движений тем ресурсом, благодаря которому они могут распространять информацию о своей деятельности, различных проблемах, использовать его для мобилизации своих потенциальных сторонников на различные акции. Наряду с уже устоявшимися формами (сайтами, форумами) мы видим в Интернете и новые явления (блоги, социальные сети). Блогосфера играет все большую роль как публичная арена для общественных дискуссий, в том числе и по экологическим проблемам.

В настоящей статье представлен анализ использования блогосферы для обсуждения экологических проблем экологическими сообществами одного из крупнейших российских блогхостингов — Живого Журнала.

При этом, опираясь на работы, посвященные альтернативным средствам массовой информации и рассматривая, как и какие проблемы обсуждаются в сообществах, блоги трактуются как альтернативные средства массовой информации в России. Рассматривая блогосферу как публичное пространство, мы исследовали, как используется это пространство российским экологическим движением, кто является участником экологических сообществ Живого Журнала и какова их активность.

В настоящей статье представлены некоторые результаты контент-анализа, постов экологических сообществ. Проанализировано, какие экологические проблемы обсуждались в рассматриваемых сообществах, как публичное пространство блогосферы информирует о конфликтах вокруг той или иной проблемы, кто является объектами обвинения со стороны блоггеров, как с помощью сообществ происходит мобилизация читателей в поддержку тех или иных требований, какие организации чаще обращаются к сообществам для информирования о своей деятельности. Рассматривается, какие источники использовали блоггеры при написании своих постов.

Теоретические основания исследования.

Блоги как альтернативные средства массовой информации

Последние годы мы можем наблюдать новое, быстро растущее явление в Интернете, которое некоторые авторы даже называют революцией — блогосферу¹. Блоги — уникальный формат, который создает равные возможности для самовыражения, любому, кто имеет доступ в Интернет. Блог (англ. blog, от “web log”, «сетевой журнал или дневник событий») — веб-сайт, основное содержимое которого — регулярно добавляемые записи (посты), содержащие текст, изображения или мультимедиа. Для блогов характерны записи, отсортированные в обратном хронологическом порядке (последняя запись сверху). Отличия блога от традиционного дневника обуславливаются средой: блоги обычно публичны и предполагают сторонних читателей, которые могут вступить в публичную полемику с автором (в комментарии к блогзаписи или своих блогах)². Ведение блога доступно даже новичку — пользователю Интернета. Если во время первой войны в Персидском заливе

¹ Wyld D.C. The Blogging Revolution: Government in the Age of Web 2.0. URL: <http://www.businessofgovernment.org/pdfs/WyldReportBlog.pdf>

² Википедия. Блог. URL: <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/>

главным источником новостей стало CNN, потеснив традиционные ВВС и NBC, то цунами в Азии в декабре 2004 г., стало сходной вехой для блогов³. Становясь широко популярными каналами коммуникации, блоги формируют новое публичное пространство — блогосферу (совокупность всех блогов Сети), которая дает людям возможность выражать свои мнения и дискутировать.

Блогосфера распространяется с огромной скоростью. Первые блоги в их современной форме появились в конце 1997 — начале 1998 гг. Если в 2000 г. блогов было тысячи, то в 2005 г. их число достигло 9,5 млн. человек⁴, а в январе 2008 г. их было уже около 112,8 млн⁵. Интернет (и блогосферу) можно определить как «виртуальную площадку для дискуссий и политического участия»⁶ или «публичное пространство»⁷. Благодаря некоторым признакам блоги можно отнести к альтернативным или гражданским СМИ. Профессор Сиракузского университета Д. Аткинсон определяет альтернативные СМИ как «СМИ, которые производятся некоммерческими источниками и пытаются изменить существующие социальные роли и рутины, критикуя и бросая вызов властным структурам»⁸. К. Аттон, профессор Эдинбургского университета, считает, что альтернативные медиа представляют независимую платформу для групп и отдельных людей, которые маргинализированы мейнстримовскими СМИ⁹. По мнению американского исследователя Д. Трэйси, альтернативные СМИ имеют возможность «превращать зрителей в активных участников»¹⁰. Д. Хамилтон, профессор университета Джорджии пишет, что альтернативные медиа часто видят свою роль в «образовании и мобилизации

³ Kulikova S.V., Perlmutter D.D. Blogging down the dictator? The Kyrgyz Revolution and Samizdat Websites // The International Communication Gazette. 2007. Vol. 69. № 1. P. 5.

⁴ Lee J.K. The Blogosphere and the Public Sphere: Exploring Possibility of the Blogosphere as a Public Sphere (2006). URL: http://www.allacademic.com/meta/p92983_index.html

⁵ Fossato F., Lloyd J., Verkhovsky A. The Web that Failed. How Opposition Politics and Independent Initiatives are Failing on the Internet in Russia. Oxford, 2008. P. 14

⁶ Polat R.K. The Internet and Political Participation. Exploring the Explanatory Links // European Journal of Communication. 2005. Vol. 20. №4. P. 450.

⁷ Cammaerts B. Blogs, Online Forums, Public Spaces and the Extreme Right in North Belgium / N. Carpentier (ed.) // Media Technologies and Democracy in an Enlarged Europe. Tartu: Tartu University Press, 2007. P. 138.

⁸ Atkinson J. Analyzing resistance narratives at the North American Anarchist Gathering // Journal of Communication Inquiry. 2006. Vol. 30. №3. P. 252.

⁹ Atton C. Alternative media. London: Sage, 2002.

¹⁰ Tracy J.F. A historical case study of alternative news media and labor activism: The Dubuque Leader 1935–1938 // Journalism @ Communication Monographs. 2007. Vol 8, №4. P. 272.

«масс» на службу дела или движения»¹¹. Другой американский исследователь К. Родригез предлагает иное понятие — «гражданских СМИ», которое включает в себя способы производства, характеризующиеся открытым доступом и волонтерством, цели, предусматривающие социальные изменения, и ориентацию не на получение прибыли. Такие СМИ могут быть, как альтернативными, так и активистскими¹². В то же время, по мнению профессора Бирмингемского университета М. Волса, «альтернативные СМИ» и «активистские СМИ» — не одно и то же. Активистские СМИ поощряют читателей активно вовлекаться в социальные изменения. Они могут исповедовать любую философию, от крайне левой до крайне правой¹³. Как пишет другой британский исследователь, блоги имеют возможность сообщать новости без давления цензуры или рекламы, не имеют gatekeeper (актора, отбирающего новости), по крайней мере в том значении, которое используется в мейнстримовском журнализме¹⁴ и, таким образом, имеют возможность становиться независимыми платформами для различных групп и движений, маргинализированных мейнстримовскими СМИ. Они дают читателем возможность быть активными участниками посредством участия в дискуссиях. Блоги не нацелены на получение прибыли. Конечно, далеко не большинство блогов выступает за радикальные социальные изменения. Можно только говорить, что выступать за такие изменения им, безусловно, легче, чем мейнстримовским СМИ.

СМИ являются серьезным ресурсом для общественных движений. Они представляют собой «арены, на которых происходят символические споры между конкурирующими организаторами смысла». Р. Кокс, профессор университета Северной Каролины, пишет, что центральные вопросы в этом символическом споре: кто получает представление в СМИ и какие темы появляются в СМИ, при рассмотрении вопроса¹⁵. Как отмечает один из ведущих специалистов в

¹¹ *Hamilton J.* Alternative media: Conceptual difficulties, critical possibilities // *Journal of Communication Inquiry*. 2000. Vol. 24, №4. P. 357–358.

¹² *Rodríguez C.* Fissures in the Mediascape: An International Study of Citizens Media. Cresskill, NJ: Hampton Press, 2001. P. 15.

¹³ *Waltz M.* *Alternative and Activist Media*. Edinburg: Edinburg University Press, 2005.

¹⁴ *O'Sullivan T.* *Alternative media / T. O' Sullivan [et.al.] // Fiske Key Concepts in Communication and Cultural Studies*. London: Routledge, 1994. P. 10.

¹⁵ *Cox R.* *Environmental Communication and the Public Sphere*. Thousand Oaks: Sage, 2006.

области социологии общественных движений Х. Кризи, «структура СМИ и способы, которыми они действуют, оказывают влияние на возможности и затруднения деятельности ОД». Активисты ОД пытаются привлечь внимание СМИ к проблемам, которые они считают важными, организуя протестные события¹⁶. Известные специалисты по социологии общественных движений писали, что «непрямой канал распространения информации об организациях, общественных движениях, акциях протеста, каковыми являются СМИ, становится все более важным в современном информационном обществе»¹⁷. При таких характеристиках блогосфера должна стать серьезным ресурсом для общественных движений. Американские исследователи А. Скотт и Дж. Стрит справедливо указывают, что Интернет облегчает мобилизацию, уменьшает значение географических расстояний; уменьшает затраты акторов гражданского общества руководством политическими акциями; дает активистам возможность самим объяснить мотивы их действий, делая их менее зависимыми от традиционных СМИ¹⁸.

Если говорить о России, то мы видим, что блогосфера здесь тоже развивается стремительно. Появившись около 10 лет назад, по состоянию на осень 2007 г. русскоязычная блогосфера составляла около 3% от мировой¹⁹. По данным Яндекса, в апреле 2008 г. существовало около 3,8 млн блогов на русском языке²⁰. В среднем по стране на 1 тысячу пользователей Интернета было 8 блогов, при этом в Москве на 1 тысячу пользователей было 90 блогов, а в Санкт-Петербурге — 84²¹.

По причинам состояния средств массовой информации в России, блогосфера рассматривается многими пользователями и наблюдателями как единственно настоящая публичная сфера. Государствен-

¹⁶ Kriesi H. Political context and opportunity / D. Snow, S.A. Soule, H. Kriesi (ed.) // *The Blackwell Companion to Social Movements*. Malden., MA: Blackwell Publishing, 2004. P. 86.

¹⁷ *New Social Movement in Western Europe. A Comparative Analysis* / H. Kriesi [et al.] London, 2002. P. 185.

¹⁸ Scott A., Street J. From media politics to e-protest? The use of popular culture and new media in parties and social movements/ F. Webster (ed.) // *Culture and politics in information age: a new politics?* London: Routledge, 2001. P. 46–47

¹⁹ Яндекс, Состояние блогосферы российского Интернета, Осень 2007. URL: http://www.download.yandex.ru/company/yandex_on_blogosphere_autumn_2007.pdf

²⁰ Яндекс, Состояние блогосферы российского Интернета, Весна 2008. URL: http://www.download.yandex.ru/company/yandex_on_blogosphere_spring_2008.pdf.

²¹ Развитие Интернета в регионах России.

URL: http://www.download.yandex.ru/company/yandex_on_region_internet_winter_2007.pdf

ный контроль над средствами массовой информации (особенно ТВ и крупнейших газет) привел к тому, что в них остается все меньше возможностей для изложения альтернативных точек зрения. Например, мониторинг первого канала за два месяца 2008 г. показал, что 93% политических новостей было посвящено освещению деятельности властей, 99% из них были выражены в позитивном или нейтральном тоне²². В этих условиях, когда Интернет становится особенно важным для общественных движений, блогосферу можно было бы определить как «альтернативное публичное пространство», в котором могут обсуждаться любые проблемы, излагаться различные точки зрения.

Хотя блоги — относительно новое явление, появляется все больше исследований этой новой формы коммуникации. Надо сказать, что на первых этапах почти все исследования были посвящены блогам в США. Позже появились исследования, посвященные блогосфере в других странах (Великобритании, Германии и т.д.). Русскоязычной блогосфере посвящено пока немного исследований^{23,24,25,26,27,28,29}.

Будучи альтернативными по форме, являются ли блоги альтернативными по содержанию? В данной работе нас особенно интересовало, насколько блоги предоставляют возможность экологическим организациям заявить о себе. Хотя они и не являются альтернативными в том смысле, что не бросают вызов властным структурам, они являются альтернативными по отношению к проводимой экологической политике. Еще один вопрос, ответ на который предполагалось получить в

²² Lonkila M. The Internet and Anti-military Activism in Russia // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. №7. P. 19.

²³ Gorny E. Russian LiveJournal: National specifics in the development of a virtual community. URL: http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ_cyb/library/texts/en/gorny_rljl.pdf

²⁴ Gorny E. A Creative History of the Russian Internet. URL: http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ_cyb/library/texts/en/gorny_creative_history_runet.pdf

²⁵ Gorny E. Russian LiveJournal. The Impact of Cultural Identity on the Development of a Virtual Community / Н. Schmidt, К. Teubener, N. Konradova (ed.) // *Control + Shift. Public and Private Usages of the Russian Internet*. Norderstedt: Books on Demand, 2006. P. 73–90.

²⁶ Блоги в системе массовых коммуникаций. Сборник Лаборатории медиакультуры, коммуникации, конвергенции и цифровых технологий / под ред. И. Засурского. М.: МГУ, 2007.

²⁷ Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet / под ред. В.Л. Волохонского, Ю.Е. Зайцевой, М.М. Соколова. СПб.: СПбГУ, 2007.

²⁸ Fossato F. L., Verkhovskiy A. The Web that Failed. How Opposition Politics and Independent Initiatives are Failing on the Internet in Russia. Oxford, 2008.

²⁹ Lonkila M. () The Internet and Anti-military Activism in Russia / *Europe-Asia Studies*. 2008ю Vol. 60., №7. P. 1125–1149.

результате анализа, — насколько анализируемые блоги можно отнести к «активистским» СМИ? Активистские СМИ поощряют читателей активно вовлекаться в социальные изменения. В конце 80-х гг. политика гласности вызвала поток информации об экологических проблемах, в средствах массовой информации развернулись дискуссии об их причинах и возможных средствах решения. Власть не видела в инврайментализме тему, угрожающую режиму, и санкционировало открытые дебаты по экологическим проблемам. Появилось массовое экологическое движение. Одной из причин ослабления в дальнейшем экологического движения была враждебная российская политическая среда, в которой действовали экологи. Серьезной проблемой для экологического движения стало ограничение на протяжении последних лет свободы средств массовой информации и, как результат, сворачивание обсуждения в них острых экологических проблем и усложнение доступа к ним активистов экологических организаций. Мы видим, что многие экологические организации понимают значение блогосферы, создавая в ней свои сообщества. Подобные сообщества в «Живом журнале» есть у таких экологических организаций, как «Гринпис», «Всемирный фонд защиты живой природы», «Беллона», «Экологическая вахта Сахалина» и других.

Для анализа российской блогосферы были выбраны сообщества «Живого Журнала», которые были созданы для обсуждения экологических проблем. LiveJournal (в России — «Живой Журнал») — один из 4 крупнейших российских блогхостингов, на которых размещено более 75% всех русскоязычных дневников (остальные три блогхостинга: LiveInternet.ru, Blogs@Mail.ru, Diary.ru). Live Journal был основан в 1999 г. К сегодняшнему дню число его пользователей достигло более 9 700 тысяч. Начиная с 2001 г. «Живой Журнал» стал одним из крупнейших дискуссионных центров российского Интернета. Российских пользователей привлекает легкость ведения блогов ЖЖ, его нероссийская юрисдикция. Русскоязычный сегмент Live Journal по численности находится на втором месте после англоязычного. Первый пост (или запись) появилась в «Живом Журнале» в начале 2000 г. Через четыре года русскоговорящее сообщество «Живого Журнала» достигло 40 тысяч пользователей, а в феврале 2006 г. — 235 тысяч³⁰. По данным отчета исследовательского отдела компании «Суп Фабрик», на 30 ноября

³⁰ Gorny E. Russian LiveJournal. The Impact of Cultural Identity on the Development of a Virtual Community. 2006. P. 73.

2007 г. в русскоязычном сегменте «Живого Журнала» насчитывалось 1245 тысяч индивидуальных блогов и 74 тысяч блогов сообществ³¹ (в сообществах ЖЖ участвуют 45% его пользователей³²). Довольно часто сообщества создаются в «Живом Журнале» с целью их использования для привлечения к той или иной острой проблеме, для мобилизации читателей для участия в акциях. Можно привести несколько примеров: сообщество `save_sp_burg`, образовавшееся после временного закрытия Европейского университета в Санкт-Петербурге, сообщество `svobodu_rezniku`, созданное в связи с арестом лидера петербургского отделения партии «Яблоко» М. Резника. Подобные сообщества связаны и с появлением острых экологических проблем: сообщество по `baikal_pire`, созданное в связи с опасностью строительства нефтяного трубопровода вблизи Байкала, сообщество `polympicgames`, возникшее в связи с экологическими проблемами, связанными с проведением в Сочи Олимпийских игр. Заметим, что пользователи «Живого журнала» имеют тенденцию к девиртуализации: встречи пользователей «Живого журнала» регулярно проходят в Москве и других местах, «Живой журнал» служит организационным инструментом для проведения флэшмобов, в том числе и серьезных³³. Появились общественные организации, которые родились в «Живом Журнале». Так, известная в Санкт-Петербурге организация «Живой город» зародилась в результате общения блоггеров в «Живом Журнале».

Проблемы экологии были далеко не самой популярной темой, обсуждаемой в русскоязычной блогосфере. Даже если мы обратимся к пользователям «Живого Журнала», которые, по мнению некоторых, чаще, чем пользователи других блогостингов, обращаются к общественным и политическим проблемам, мы увидим, что экологию среди своих интересов указало менее 1,5 тысяч пользователей ЖЖ (для сравнения: музыку среди своих интересов указало более 116 тысяч человек). Тем не менее, «Живой Журнал» по состоянию на май 2008 г. насчитывал более 200 сообществ, имеющих отношение к экологии. Из них большинство было посвящено либо определенным темам (защита животных, Байкала, Сочинского нацпарка, загрязнение мусором

³¹ Живой журнал в цифрах. Отчет отдела исследований компании «Суп» (2007). URL: http://www.sup.com/stat_autumn07.pdf

³² Яндекс. Состояние блогосферы российского Интернета (весна 2008). URL: http://www.download.yandex.ru/company/yandex_on_blogosphere_spring_2008.pdf

³³ Gorny E. Russian LiveJournal. The Impact of Cultural Identity on the Development of a Virtual Community. 2006. P. 76.

окружающей среды и т. д.), либо региональным вопросам (экология Москвы, Кемерово, Иркутска и т. д.). Чуть более двух десятков сообществ можно было бы назвать «общеэкологическими»: в каждом из них обсуждаются самые разнообразные экологические проблемы — от защиты животных до проблемы глобального потепления.

Методика исследования

Для анализа были выбраны два сообщества: *ru_greenpeace* и *ecology_ru*. С одной стороны, их можно назвать «общеэкологическими», с другой стороны, они не являются блогом какой-либо экологической организации. Для начала предполагалось проанализировать состав участников, их активность в «Живом Журнале» и в сообществах. Следующий шаг заключался в анализе текстов сообществ. При разработке схемы контент-анализа была использована и адаптирована схема контент-анализа, использованная для анализа политических дискуссий в виртуальном пространстве Австрии ³⁴.

Для проведения контент-анализа были сформированы следующие категории.

1. Тема послания;
2. Цель записи: сообщения о фактах, выражение мнения автора, объявление о предстоящем событии, мобилизация читателей, вопрос к другим читателям;
3. Стиль записи: научный, нейтральный, обвинительный, обеспокоенный, радостный;
4. Присутствие конфликта сторон в отношении экологической проблемы;
5. Упоминания деятельности экологических организаций;
6. Реакция пользователей «Живого Журнала» на посты;
7. Источники информации, которыми пользуются авторы постов.

Блогеры сообществ. Кто они?

На конец мая 2008 г. в сообществе *ru_greenpeace* было 172 члена, из них 165 индивидуальных, и 7 членов, которых можно было бы назвать коллективными блоггерами (другие сообщества «Живого Журнала»).

³⁴ Fuch Christian eParticipation Research: A Case Study on Political Online Debate in Austria. URL: <http://www.icts.sbg.ac.at/media/pdf/pdf1060.pdf>

Сообщество ecology.ru в конце 2008 г. насчитывало 606 членов, из них 566 индивидуальных. Трудности в анализе пользователей «Живого Журнала» (ЖЖ) состояли в том, что далеко не все они сообщали о себе сведения в своих блогах. Например, возраст указали только 63% участников сообщества ru_greenpeace и 55% — ecology_ru.

Таблица 1

Социально-демографический портрет участников сообществ (%)

Характеристики пользователей ЖЖ		Участники ru_greenpeace	Участники ecology_ru	Пользователи ЖЖ в целом
Пол*	м	48	49	53
	ж	52	51	47
Возраст*, лет	До 18	2	1	9
	18–25	55	45	57
	26–40	38	47	31
	Старше 40 лет	5	7	3
Место жительства*	Москва	55 (60)**	46 (48)**	41
	Санкт-Петербург	10	12 (13)**	11
	Др. города России	17	23	23
	Бывшие республики СССР	11	11	17
	Дальнее Зарубежье	7	8	8

* От блоггеров, указавших пол, возраст, место жительства.

** С указавшими Москву и Санкт-Петербург как второй город.

Большинство пользователей «Живого Журнала» — мужчины. Доля женщин среди пользователей анализируемых сообществ несколько больше, чем среди пользователей ЖЖ в среднем.

Как мы видим из таблицы 1, средний возраст блоггера сообществ несколько выше, чем в среднем по «Живому Журналу». Если доля блоггеров старше 25 лет в среднем в «Живом Журнале» составляла почти 34%, то доля таковых среди участников сообщества ru_greenpeace составила 43%, а ecology_ru и того больше — 54%. В среднем возраст члена сообщества ru_greenpeace составлял 26 лет, а ecology_ru — 27 лет. Возраст участников сообществ существенно отличается от среднего пользователя российской блогосферы, которому, в среднем, 22 года (Яндекс, 2008).

Среди участников сообществ больше, чем в среднем среди пользователей «Живого Журнала», жителей Москвы и меньше жителей бывших республик СССР. При этом жителей Москвы больше среди участников `ru_greenpeace` по сравнению с участниками `ecology_ru`. Среди жителей других городов России есть жители Саратова, Новосибирска, Твери, Самары, Челябинска и др. Среди жителей бывших республик СССР — жители Киева, Риги, Минска.

Активность в «Живом Журнале» измерялась временем, в течение которого блоггер являлся пользователем ЖЖ, частотой записей и комментариев блоггера в «Живом Журнале», количеством «друзей», которых он завел среди пользователей ЖЖ, и количеством сообществ, членом которых он стал. Также была проанализирована реакция блогсообщества на записи блоггера и его включенность в «экологическую» сеть «Живого Журнала».

Как показывает таблица 2, значительное количество блоггеров обоих сообществ довольно долго было пользователями ЖЖ. При этом доля блоггеров, которые более длительное время оставались пользователями «Живого Журнала», была выше в сообществе `ecology_ru`. От 3 и более лет были пользователями «Живого Журнала» 25% участников `ru_greenpeace` и 40% участников `ecology_ru`. Несмотря на то, что участники обоих сообществ довольно часто пишут посты в «Живом Журнале», участники сообщества `ru_greenpeace` в этом отношении активнее, чем участники второго сообщества. Несколько раз в неделю пишут 65% участников `ru_greenpeace` и лишь 47% `ecology_ru`. Частота комментариев в «Живом Журнале» блоггеров сообществ еще чаще. Как видно, и здесь участники `ru_greenpeace` активнее участвуют в дискуссиях, чем участники `ecology_ru`. Несколько раз в неделю пишут комментарии 91% участников `ru_greenpeace` и 77% участников `ecology_ru`. Судя по количеству друзей и сообществ, членами которых были участники `ru_greenpeace`, они более, чем участники второго анализируемого сообщества, вовлечены в сеть «Живого Журнала». Насколько посты блоггеров — участников сообществ вызывали интерес у пользователей «Живого Журнала»? В этом отношении мы не видим большой разницы между участниками двух сообществ. Посты блоггеров — участников `ru_greenpeace` вызывали чуть больший интерес у пользователей «Живого Журнала». В среднем на один пост блоггера — члена сообщества `ru_greenpeace` приходится 5 комментариев, на один пост члена сообщества `ecology_ru` приходится 4 комментария. В среднем на пост «Живого Журнала» приходится 4 комментария.

Таблица 2

Активность блоггеров (%)

Характеристики активности блоггеров		Участники ru_greenpeace	Участники ecology_ru
Время участия в ЖЖ	До года	18	15
	1–2 года	29	25
	2–3 года	28	20
	3–4 года	15	21
	4–5 лет	9	12
	Более 5 лет	1	7
Количество по- стов	Менее раза в неделю	30	47
	Раз в неделю	5	6
	Несколько раз в не- делю	57	40
	Несколько раз в день	8	7
Количество комментариев	Менее раза в неделю	7	21
	Раз в неделю	2	2
	Несколько раз в не- делю	35	31
	Несколько раз в день	56	46
Количество друзей	Нет друзей	2	6
	1–10	10	14
	11–50	26	27
	51–200	43	35
	Более 200	19	18
Участие в со- обществах ЖЖ	Менее 10	13	14
	От 10 до 50	43	51
	От 51 до 100	24	18
	Более 100	20	17

Участие блоггеров в других экологических сообществах может показать действительный интерес блоггеров сообществ к экологическим проблемам. Можно предположить, что большая вовлеченность

в экологическую сеть «Живого Журнала» свидетельствует, что блоггеры действительно заинтересованы этими проблемами, в то время как участие всего в одном сообществе может оказаться обычным любопытством блоггера или случайностью.

Таблица 3

Участие блоггеров в экологических сообществах «Живого Журнала» (%)

Участие блоггеров в экологических сообществах	Участники ru_greenpeace	Участники ecology_ru
В одном сообществе	36	52
В двух	30	19
В трех	11	12
В четырех	8	7
В пяти и более	15	10

Большая часть блоггеров состояла всего в одном, в лучшем случае в двух «экологических» сообществах. При этом очевидно, что участники ru_greenpeace чуть больше вовлечены в экологическую сеть «Живого Журнала», чем участники ecology_ru. Можно было бы предположить, что именно те участники сообществ, кто более был вовлечен в экологическую сеть ЖЖ, являлись членами экологических организаций или принимали участие в экологических акциях. К сожалению, доказать эту гипотезу на данном этапе исследования не получилось. Попытка провести опрос, в котором блоггерам были заданы вопросы о членстве в экологических организациях и участии в экологических акциях протеста среди членов сообщества, оказалась неудачной. Было получено крайне незначительное количество ответов.

Неудивительно, что довольно много блоггеров состояло в других экологических сообществах, таких как gp_russia и ecology_ru, одних из самых крупных экологических сообществ в «Живом Журнале». Обращает внимание, что довольно много блоггеров — членов сообщества ru_greenpeace были также членами сообществ, занимающихся защитой животных. В таких сообществах состоит около четверти членов сообщества ru_greenpeace. Как будет видно ниже, это отражается и на проблемах, обсуждаемых в самом сообществе ru_greenpeace. В то же

время участники ecology_ru намного меньше озабочены проблемами защиты животных, если судить об их участии в подобных сообществах «Живого Журнала». Это коррелирует и с интересами, которые указали участники сообществ. Так, защиту животных среди своих интересов указало 7% участников ru_greenpeace и 3% участников ecology_ru. А вегетарианство, которое часто связано с защитой животных, среди своих интересов указало 14% участников ru_greenpeace и только 2% участников ecology_ru.

Участников сообществ можно разделить на активных и пассивных. Первые участвуют в жизни сообществ, т.е. пишут посты, участвуют в дискуссиях. Вторые, в лучшем случае, время от времени читают его. Среди членов сообществ лишь меньшинство писало в них свои посты —: чуть больше трети участников ru_greenpeace и чуть меньше трети участников ecology_ru. Если говорить об участии членов сообщества в реакции на другие посты сообщества, в дискуссиях по поводу той или иной обсуждаемой темы, то активными были менее четверти участников ru_greenpeace и чуть больше трети участников ecology_ru. Большинство членов сообщества можно называть пассивными.

Однако, чтобы написать пост в какое-либо сообщество ЖЖ или участвовать в дискуссии, как правило, не обязательно быть участником этого сообщества. И в данном случае при анализе авторов сообществ было обнаружено, что среди них были не только участники сообществ. Почти треть авторов сообщества ru_greenpeace и чуть больше 20% авторов сообщества ecology_ru не были его участниками. Среди участников дискуссий в сообществах это видно еще более ярко: 59% авторов комментариев к постам ru_greenpeace не были участниками сообщества. Среди участников дискуссий второго сообщества их было несколько меньше: 49% авторов комментариев не были его участниками.

Экологическая проблематика в «Живом Журнале»

Как говорилось выше, при анализе текстов сообществ предполагалось выяснить, какие проблемы более всего волновали участников сообществ на протяжении трех лет с весны 2005 по весну 2008 гг. С этой целью проводился контент-анализ 147 постов сообщества ru_greenpeace и 554 постов ecology_ru.

Таблица 4

Основные темы, обсуждаемые в сообществах (%)

Тема	Всего постов	Посты ecology_ru	Посты ru_greenpeace
Защита животных	17	14	29
Общие проблемы	6	5	9
Строительство новых предприятий	6	5	8
Бытовые отходы	6	6	3
Проблемы лесов	6	6	3
Проблемы водоемов, воды	5	6	2
Глобальное потепление	5	5	5
Деятельность экологических организаций	3	3	6
Проблемы мусора	3	3	5
Проблемы заповедников, национальных парков	3	4	1
Проблемы экологии в быту	3	4	-
Посты, связанные с получением знаний	3	4	-
Атомная энергетика	3	3	3
Проблемы зеленых насаждений в городах	3	3	3
Вредные промышленные предприятия	2	3	1
Технологические аварии	2	1	3
Экологическое образование, воспитание	2	2	3
Олимпиада в Сочи	2	1	3

Прежде всего, нас интересовало, как часто в обоих сообществах обсуждались проблемы, вокруг которых возникали острые конфликты в российском обществе. Это проблемы, связанные с атомной энергетикой (прежде всего, конфликт вокруг ввоза в Россию отработанного ядерного топлива), а также конфликт вокруг опасности прокладки нефтяной трубы вблизи озера Байкал и экологических проблем, связанных с предстоящим проведением Олимпийских игр в Сочи. Однако совершенно неожиданно на первое место вышли проблемы, так или иначе связанные с защитой животных. В эту категорию были включены как посты, посвященные проблемам бездомных животных, так и проблемам диких животных, в том числе борьбе против использования их для изготовления меха, для медицинских опытов, защита китов и т. д. Причем мы видим, что в сообществе ru_greenpeace доля таких постов в два раза больше. Далеко отстают от них посты, посвященные

строительству новых предприятий, общим проблемам экологии, проблеме глобального потепления, деятельности экологических организаций, проблемы мусора. Если говорить о проблемах строительства нефтепровода Восточная Сибирь—Тихий океан (ВСТО), то им была посвящена большая часть постов о строительстве новых предприятий (около 70% постов сообщества `ru_greenpeace` и чуть более 40% сообщества `ecology_ru`). Постов, посвященных этой проблеме, оказалось не так много, как казалось, должно быть, так как именно вокруг этого строительства развернулись активные общественные протесты. Достаточно посмотреть количество постов, помещенных в сообществе, созданном специально для обсуждения этого проекта, — `no_baikal_pipe`. Трудно делать вывод из анализа текстов всего двух сообществ, но можно предположить, что обеспокоенные строительством трубы «замкнуты» в своем сообществе и не используют все возможности для привлечения внимания участников других сообществ к волнующей их проблеме. Остальным проблемам, связанным со строительством новых предприятий, было посвящено по одному-двум постам (строительство нефтяных терминалов в Калининграде, аэропорта в Геленджике, целлюлозного комбината в Вологодской области, ГЭС на Катунь, порта в Усть-Луге и т. д.). Так же редко, как строительство нефтепровода, обсуждались и проблемы, связанные с предстоящим проведением в Сочи Олимпийских игр. В отношении этого можно найти то же объяснение: этой проблематике посвящено специально созданное для этого сообщество `olympicgames`, и опять-таки участники этого сообщества не используют всех возможностей ЖЖ. Одна из самых острых для экологического сообщества проблем атомной энергетики (вспомним протесты экологических организаций в связи с ввозом в Россию отработанного ядерного топлива) обсуждалась в сообществе очень редко. В то же время относительно много постов посвящено тому, что было определено как «общие проблемы экологии». Это и ссылки на другие сообщества, сообщения о различных публикациях, телепередачах, конференциях, посвященных экологии, и посты, излагающие идеи авторов по поводу экологии. Если сравнивать тематику двух сообществ, то мы видим, что в сообществе `ecology_ru` больше доля постов, посвященных проблемам бытовых отходов, лесов, водоемов и воды. В тоже время в сообществе `ru_greenpeace` по сравнению с сообществом `ecology_ru` относительно чаще встречаются посты, посвященные строительству новых предприятий, глобальному потеплению, деятельности экологических организаций. Если говорить о проблемах

водоемов, то в ecology_ru чаще говорилось о проблеме озера «Ястребиное», опасности строительства Чебоксарского гидроузла и связанной с этим масштабной проблемой поднятия уровня воды в Волге.

Если говорить о реакции пользователей ЖЖ на посты анализируемых сообществ, то видна существенная разница между сообществами. Если в среднем на один пост сообщества ecology_ru было четыре комментария, что не отличается от комментирования постов ЖЖ в целом, то в среднем на один пост ru_greenpeace приходилось меньше одного комментария. Возможно, это сложилось в результате меньшей аудитории второго сообщества. При этом посты некоторых других экологических сообществ вызывают большую реакцию со стороны блоггеров «Живого Журнала». Так, например, в среднем на посты сообщества save_animals приходится 8 комментариев.

Насколько использовалось пространство анализируемых сообществ для мобилизации его читателей?

Таблица 5

Цель, стиль постов и присутствие конфликта в постах (%)

Характеристики постов		Всего постов	Посты ecology_ru	Посты ru_greenpeace
Цель	Сообщение о фактах	24	25	21
	Выражение мнения	37	38	30
	объявление	3	2	7
	Мобилизация	22	20	31
	Вопрос	14	15	10
Стиль	Научный	7	6	10
	Нейтральный	48	52	34
	Обвинительный	30	28	38
	Обеспокоенный	13	13	17
	Радостный	1	1	1
Конфликт	Конфликт отсутствует	81	83	72
	Конфликт присутствует	18	16	27
	Конфликт разрешен	1	1	1

Как мы видим, целью большинства постов было заявить о своем мнении (или чем-либо мнении, которое представляется важным),

либо сообщить информацию о некоем событии. Лишь для меньшинства постов основной целью была мобилизация читателей на какие-либо действия. В то же время сообщество *ru_greenpeace* гораздо чаще, чем *ecology_ru*, использовалось для мобилизации. Если говорить о формах мобилизации, то лишь 36% «мобилизационных» постов использовались для мобилизации читателей на участие в протестных акциях (37% постов сообщества *ecology_ru* и 35% постов сообщества *ru_greenpeace*). При этом призыв участвовать в более радикальных акциях протеста (участие в пикетах, митингах и т. д.) был всего лишь в 17% «мобилизационных» постов (15% *ecology_ru* и 22% *ru_greenpeace*). Призыв подписать обращение был в 19% от всех «мобилизационных» постов (22% *ecology_ru* и 13% *ru_greenpeace*). Как мы видим, сообщество «*ru_greenpeace*» несколько чаще используется для мобилизации своих читателей в более радикальных акциях протеста. При этом посты сообщества *ecology_ru* чаще используются для мобилизации читателей на участии в акциях, не связанных с протестом, как то помощь в тушении пожаров, посадке леса, уборке мусора (15% против 2% постов в сообществе *ru_greenpeace*).

Чаще всего посты сообществ использовались авторами для мобилизации в отношении таких проблем, как «проблемы мусора» (38% от всех постов по теме), строительство новых предприятий (34%), «защита животных» (32%), «проблема воды, водоемов», «проблема лесов» (по 30%). Анализ показал некоторую разницу между сообществами в отношении к проблемам, поднимаемым в постах для мобилизации читателей. Доля постов, ставящих целью мобилизовать читателей по поводу «Проблемы лесов» и «Защиты животных», гораздо выше в сообществе *ru_greenpeace*, чем в сообществе *ecology_ru*. В то же время мобилизацию вокруг «проблемы мусора», «атомной энергетики», «бытовых отходов» мы чаще видим в сообществе *ecology_ru*. В отличие от постов *ecology_ru* большинство постов *ru_greenpeace*, посвященных проблемам глобального потепления и проблемам зеленых насаждений, ставили целью мобилизовать читателей на какие-либо действия.

Как часто посты использовались для выдвижения обвинений? Примерно в трети постов выдвигались обвинения против каких-либо акторов, представляющих опасность для окружающей среды или наносящих ей вред. При этом в сообществе *ru_greenpeace* обвинения выдвигались гораздо чаще. Чаще всего объектами обвинения становились российская власть (48%) и бизнес (компании: промышленные, торговые и т. д.) — 46% от всех постов, в которых выдвигались обви-

нения. Обвинения против отдельных граждан выдвигались в 14%, а против общественных организаций — в 8% постов. По каким проблемам чаще всего выдвигались обвинения? В половине и более постов (от всех постов, посвященных теме) выдвигались обвинения по следующим проблемам: «строительство новых предприятий», «проблемы лесов», «проблемы заповедников, национальных парков», «атомная энергетика», «вредные промышленные предприятия», «проблемы зеленых насаждений в городах», «Олимпиада в Сочи».

О том или ином конфликте вокруг экологической проблемы говорилось в 18% постов. Опять мы видим, что посты сообщества ru_greenpeace чаще, чем посты сообщества ecology_ru, описывали конфликты, складывающиеся вокруг экологической проблемы. Какие экологические конфликты описывались на «страницах» двух сообществ? Анализ показал, что в половине и более постов, посвященных таким проблемам, как «строительство новых предприятий», «атомная энергетика», «Олимпиада в Сочи», «заповедники и национальные парки» говорилось о конфликте. Около трети постов, в которых рассказывалось о проблемах «воды и водоемов», «зеленых насаждений», «вредных промышленных предприятий», было посвящено конфликтам. При этом видна разница между двумя сообществами. О конфликтах вокруг таких проблем, как «вода и водоемы», «атомная энергетика», «вредные промышленные предприятия», гораздо чаще говорилось в сообществе ecology_ru, а о таких конфликтах, как конфликты вокруг «защиты животных», «заповедников и национальных парков», «лесов», «зеленых насаждений» в городах в сообществе ru_greenpeace.

Любопытно, что присутствие в постах сообщений о конфликтах и использование постов для мобилизации читателей не всегда коррелируют между собой. Так, доля постов, посвященных заповедникам, которые используются для мобилизации читателей, почти в 10 раз меньше, чем доля постов, в которых говорится о конфликтах вокруг этой проблемы; доля постов, посвященных вредным промышленным предприятиям, почти в 6 раз больше, доля постов, посвященных атомной энергетике, почти в 4 раз больше. То есть можно предположить, что авторы этих постов часто не видят необходимости или возможности мобилизовать читателей в поддержку одной из сторон конфликта.

Итак, судя по результатам анализа постов двух сообществ за три года, сообщество ru_greenpeace можно назвать более активистским, нежели сообщество ecology_ru. Посты сообщества ru_greenpeace чаще использовались для мобилизации читателей, чаще рассказы-

вали о конфликтах, авторы постов чаще выдвигали обвинения. Хотя посты использовали для мобилизации в более «радикальных» формах протеста довольно редко в обоих сообществах, 15% от всех постов сообщества ecology_ru и всего лишь в 3% от всех постов сообщества ecology_ru использовали для мобилизации для участия в таких формах протеста, как митинги, пикеты и т. п.

И в том, и в другом сообществах довольно редко сообщалось о деятельности экологических организаций (лишь 25% постов в каждом из сообществ).

Таблица 6

Экологические организации в постах сообществ (%)

Организации	Всего постов	Посты ecology_ru	Посты ru_greenpeace
Гринпис	10	10	10
Всемирный фонд дикой природы	2	3	2
Социально-экологический союз	1	1	1
Партия «Зеленые»	1	1	-
Дружина охраны природы	1	1	-
Экозащита	1	1	-
Байкальская экологическая волна	1	1	-
Фонд биологических исследований при МГУ	1	0,4	2
Альянс за права животных	1	0,2	4

Всего в постах, так или иначе, сообщалось о 91 организации. О 21 организации говорится в постах ru_greenpeace и о 80 — в постах ecology_ru. В таблице 6 представлены лишь организации, появляющиеся не менее чем в 1% от всех постов, анализируемых в статье. И, как видно, такие организации составляли абсолютное меньшинство. Чаще в постах писалось о деятельности Гринписа (10% постов). При этом частота появления Гринписа не отличается в двух сообществах. В то же время в сообществе ru_greenpeace гораздо чаще говорится о такой

организации, как «Альянс защиты животных» (4%), в то время как она присутствует всего в 0,2% постов ecology_ru. Надо сказать, что посты, в которых говорилось о деятельности экологической организации, чаще ставили целью мобилизовать читателей на какие-либо действия. Так, среди таких постов в сообществе ecology_ru, «мобилизационных» постов было 33%, а среди постов в сообществе ru_greenpeace — 41%.

Какими источниками пользовались авторы постов или рекомендовали пользоваться своим читателям? На этот вопрос могут ответить ссылки в их сообщениях. Источники можно условно разделить на «альтернативные» (сайты экологических организаций, других общественных организаций, сайты интернет-СМИ) и «мэйнстримовские» (сайты традиционных СМИ).

Таблица 7

Источники информации для блоггеров (%)

Источник информации	Всего постов	Посты ecology_ru	Посты ru_greenpeace
Сайт экологической организации/ экологический сайт	25	25	25
Блоги	30	26	34
Информационный сайт	14	13	14
Другие сайты	13	12	13
Сайт СМИ	11	13	8
Сайты других общественных организаций	3	3	3
Городские сайты, официальные сайты	2	2	2
Наука, учебные заведения	2	4	0,4
Сайты компаний	1	1	1
Всего ссылок	928	685	243

61% ссылок в постах сообщества ecology_ru приходится на «альтернативные» источники информации. Доля ссылок на «альтернативные» источники в сообществе ru_greenpeace несколько больше — 70%. Если доля ссылок на сайты экологических организаций одинакова в постах обоих сообществ, то доля ссылок на блоги выше в сообществе ru_greenpeace, соответственно несколько выше доля ссылок на традиционные СМИ в постах сообщества ecology_ru. Весьма внушительна разница между ссылками на конкретные блоги. Если

доля блогов, связанных с защитой животных, составляет 72% от ссылок на все блоги в сообществе `ru_greenpeace`, то в постах сообщества `ecology_ru` ссылки на эти блоги составляют всего 3%.

Заключение

В настоящей статье удалось структурировать экологическую проблематику, а также выделить инвайроментально-ориентированную аудиторию (как авторов, так и пользователей постов) двух крупнейших сообществ ЖЖ: `ecology_ru` и `ru_greenpeace`.

Выяснилось, что средний возраст участников сообществ — 26–27 лет, женщин среди них чуть больше, большая часть проживает в Москве. Участники сообществ в целом не очень отличаются от среднего блоггера ЖЖ. В то же время есть некоторые отличия. В сообществах доля женщин несколько больше, чем в среднем в ЖЖ, и участники сообществ в среднем несколько старше среднего блоггера ЖЖ и особенно — среднего блоггера российской блогосферы. Доля членов сообществ, живущих в Москве, несколько больше, чем в среднем в ЖЖ. Довольно большая часть участников сообществ были достаточно долго (от 3 лет и более) пользователями ЖЖ. При этом многие участники довольно часто писали посты и комментарии.

Оказалось, что большинство участников сообществ состояло в 1–2 экологических сообществах. Довольно много блоггеров состояло в таких крупных сообществах ЖЖ, как `gr_russia` и `ecology_ru`. Обращает на себя внимание тот факт, что довольно много участников `ru_greenpeace` были также членами сообществ, посвященных защите животных. Это отличает их от участников `ecology_ru`. Как видно из анализа постов `ru_greenpeace`, интересы блоггеров отразились и на проблемах, обсуждаемых в сообществе: самая большая доля постов была посвящена проблемам защиты животных.

Если говорить об участии блоггеров в «жизни» сообществ, то большинство из них можно назвать пассивными. В лучшем случае они читали посты, помещаемые в сообществе, но сами их не писали и никак на них не реагировали. При этом при анализе авторов сообществ было обнаружено, что круг авторов и читателей постов сообщества выходит за границы его членов. В написании постов, и особенно в дискуссиях сообществ принимают участие не только их участники.

При анализе текстов постов «`ru_greenpeace`» неожиданной оказалась очень большая доля постов, посвященных защите животных.

При этом низкой была доля постов, посвященных проблемам атомной энергетики, конфликту вокруг опасности прокладки нефтяной трубы вблизи озера Байкал и экологическим проблемам, связанным с предстоящим проведением Олимпийских игр в Сочи, хотя этими проблемами активно занимаются несколько известных экологических организаций. С содержательной точки зрения можно сделать обобщенный вывод, что сообщество `ecology_ru` носит скорее конкретно-прикладной характер, в то время как `ru_greenpeace` — эколого-гуманитарный.

Пространство блогосферы активно используется блоггерами для мобилизации читателей на участие в тех или иных акциях. Правда, открытый призыв к участию в различных акциях содержался менее чем в половине из них. Были призывы распространять информацию, участвовать в дискуссиях ЖЖ.

Экологические организации появляются в сообществе не так часто — всего лишь в четверти постов. Не вызывает удивления, что на первом месте по упоминанию находится Гринпис, одна из крупнейших экологических организаций России. Анализ показал, что сообщество `ru_greenpeace` относительно чаще других используют защитники животных. Мы видим это и по участию многих блоггеров `ru_greenpeace` в различных зоозащитных сообществах «Живого Журнала», высокой доле постов сообщества, посвященных тем или иным проблемам защиты животных. При этом другие экологические организации, прежде всего антиядерные, на сегодняшний день активно не используют альтернативное публичное пространство «Живого Журнала». Почему это происходит? Можно выдвинуть несколько гипотез, которые нуждаются в дальнейшей проверке — отсутствие ресурсов у организаций, активисты организаций могут не рассматривать блогосферу как серьезный ресурс для мобилизации своих потенциальных сторонников. Конечно, анализ текстов не может дать ответ на этот вопрос, как и на вопрос, почему те, а не иные темы чаще поднимаются на страницах постов в блогосфере. Ответ может дать только опрос блоггеров и активистов экологических организаций. В то же время представляется, что именно блогосфера, особенно с увеличением пользователей Интернета, является серьезным потенциальным ресурсом как для распространения информации об экологических проблемах, так и для мобилизации граждан в поддержку тех или иных требований экологических организаций.

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

К.Ю. БЕЛОУСОВ, В.В. ГОЛЬБЕРТ, Я.В. КОСТЮКОВСКИЙ

ДЕВИАНТОГЕННОСТЬ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Аннотация. Потребительскому обществу свойственны девиантогенные эффекты. Развитие потребительской культуры неразрывно связано с появлением эффектов социальной инклюзии/экслюзии криминогенности, суицидов и других форм девиантного поведения. Девиантогенные эффекты связаны с процессом возникновения потребительского конформизма и возможностей их удовлетворения. Девиантность в различных случаях проявляется как механизм продвижения товаров или услуг.

Ключевые слова: общество потребления, потребитель, девиантность, реклама, конформность, культура, социальный контроль.

Традиционным можно считать представление, согласно которому как индивидуальные, так и социальные проблемы качества и образа жизни проистекают из слишком низкого уровня потребления. Вместе с тем, уже довольно давно стало очевидным, что высокий уровень потребления порождает собственную проблематику, имеющую социально-структурные, культурные и психосоциальные аспекты. Вполне правомерно говорить о «болезнях нищеты» и «болезнях достатка»: трудно представить себе, чтобы отдельные лица либо сообщества с низким уровнем жизни были подвержены заболеваниям анорексически-булимийного характера. Болезни пищеварения могут быть следствием как недостаточного, так и излишнего питания; однако же, они могут возникнуть и вследствие одержимости идеями фитнеса и по-

худания. В последнем случае мы явно имеем дело с «цивилизационной патологией».

В отношении девиантности и девиаций уровень потребления также предстает в виде двуликого Януса. Ряд форм девиантного поведения (в частности, так называемая «уличная преступность») являются порождением низкого уровня жизни, нищеты и сопутствующих им проблем, тогда как предпосылкой преступности белых и золотых воротничков являются достаточно высокие стандарты потребления. Проблема побочных эффектов экономического роста и повышения уровня потребления издавна волнует представителей науки и искусства. Достаточно вспомнить «Новое индустриальное общество» Дж. Гэлбрейта (1967), «Теорию праздного класса» Т. Веблена (1934), «Иметь или быть?» Э. Фромма (1976), «Квоту, или Странники изобилия» Веркора и Коронеля (1966), «Хищные вещи века» А. и Б. Стругацких (1965); стоит упомянуть и совсем недавние произведения: «99 франков» Ф. Бегбедера, «Потреблятельство (Affluenza). Болезнь, угрожающая миру» Д. Ванна, Т.Х. Нэйлора, Дж. Де Графа (2001) и др.

На сегодняшний день есть некоторые основания судить о достижении потребительской культурой качественно новой ступени своего развития. Новое качество проявляется, в частности, в переходе от массового стандартизованно-нивелированного потребления к постмодернистским (индивидуализированным, диверсифицированным) образцам потребительского поведения; в возрастании доли информационных благ и услуг в общем объеме потребления; в автономизации потребительской сферы. Причем уровень участия в процессах потребления не определяется включенностью в процессы производства.

Прежде основные механизмы и факторы социального контроля были локализованы в производственной сфере. Доступ к этой сфере и шансам на рынке труда был мощным регулятором поведенческой активности, действия и бездействия индивидов. Таким образом стимулировалось конформное поведение; отклонения регламентировались и санкционировались ограничением перспектив на рынке труда либо же исключением из производственной сферы. Поскольку выполнение семьей своих социализационных и социально-контрольных функций во многом зависит от положения членов семьи в сфере производства материальных и нематериальных благ, семья является институтом, опосредующим социальный контроль со стороны рынка труда. То же самое относится к школе и иным институтам социального контроля. Рынок труда в этом свете выступает как фундамент

формирования и поддержания всей системы институтов социального контроля в обществе.

В настоящее время действующие в сфере производства механизмы социального контроля дают все более ощутимые сбои с появлением и расширением числа заведомо исключенных из этой сферы, безотносительно к их конформности/«девиантности». Попытки компенсировать эти дисфункции рынка труда, в частности, путем усиления полицейского контроля и расширением доли «поднадзорных» граждан, описаны в работе Джонатана Саймона, посвященной системе условного отбывания наказания в Соединенных Штатах. Общий вывод этой работы состоит в том, что уголовно-правовые и полицейские формы контроля не в состоянии компенсировать дисфункции, вызванные неспособностью рынка труда к выполнению своих консолидирующих, нормоориентирующих, социально-интегрирующих функций в прежнем объеме¹.

В этих условиях институциональная основа социального контроля (и государственности в целом) смещается из сферы производства в сферу потребления. Уровень и качество потребления все более выступают основным стимулом конформного поведения. Взаимосвязь между членством в группе (конформностью) и потреблением нельзя объяснить детерминирующим образом, поскольку индивидуумы ассоциируются с комплексной мозаикой статусных групп, например, религиозных групп, чат-групп в Интернете, социальных движений и т.д. Поэтому трудно понять, как они сочетаются и выборочно активизируются, чтобы появились (и отразились) индивидуальные вкусы и опыт². Регулирование доступа к потребительской сфере выступает (по совместительству) и основным поведенческим регулятором. Отклонением *par excellence* становится выпадение из сферы потребления; неспособность либо нежелание к приложению усилий для обеспечения достаточной интенсивной потребительской активности. В частности, невозможность потребления услуг фитнес-индустрии и коммерческой медицины автоматически влечет за собой нарушения гигиенических, эстетических и иных норм, относящихся к сфере обеспечения гигиенической безопасности и ведения здорового

¹ *Simon J.* (1993). *Poor Discipline. Parole and the Social Control of the Underclass, 1890–1990.* Chicago & London. P. 196–198.

² *Pakulski J., Waters M.* *The Reshaping and Dissolution of Social Class in Advanced Society // Theory of Society* 25. 1996. P. 667–691.

образа жизни³. В России зафиксирован резкий рост спроса на услуги фитнес-клубов и спортивных комплексов: за 2004 год рынок только в Москве увеличился в полтора раза⁴. Среди сфер экономики, наименее пострадавших от кризиса конца 2000-х, оказалась «индустрия красоты» — те отрасли, которые так или иначе связаны с улучшением внешности (косметика, пластическая хирургия, диетические продукты) и борьбой со старением. Так, в США число пластических и косметических операций в 2009 году по сравнению с 2008-м возросло на 8%. По данным *Global Industry Analysts*, мировой рынок антивозрастных товаров (фармацевтические средства, витамины, косметика по уходу за лицом и телом, средства для роста волос и т. п.) в 2010-м достигнет 115,5 млрд. долларов. Примерно таков же масштаб оценки некоторыми аналитиками в 2008 году объема мирового рынка диетических продуктов для похудения и здорового образа жизни (100 млрд. долларов)⁵. Забота о здоровье, гигиене, внешнем виде становится не только бизнесом и индустрией, но и мощным механизмом формирования социальной группы — потребителей этих товаров и услуг. Выпадение (исключение) из этой группы может расцениваться как явная девиация. Но и одержимость этими стандартами и нормами также девиантна.

Сфера потребления является весьма гибким регулятором конформности/девиантности. Это проявляется, в частности, в поглощении отклонений нормой: девиантные проявления ассимилируются комплексом потребления, обретая при этом функцию его добавочной дополнительной интенсификации. Это проявляется, в частности, в обращении разного рода экзотически-культовых предметов и услуг (татуирование, пирсинг), а также антипотребительской символики (футболки с портретами Че Гевары) в предмет купли-продажи. При этом возникает парадокс: невозможно быть достаточно конформным, не будучи «немножко» девиантным, а абсолютная конформность оборачивается девиантностью. Ярким примером того, как потребительские настроения ассимилируют формы девиантности, являются многочисленные примеры субкультурных движений. Хиппи и панки первоначально имели идеологическую платформу отказа от буржуазного мира

³ *Bauman Z. Work, Consumerism and the New Poor // Buckingham & Philadelphia: Open University-Press. 1999. P. 76.*

⁴ *Михальчук П. Self made тело // Эксперт. 2005. № 14. С. 48.*

⁵ *Корнеиш К. Молодость вместо нефти // Однако. 2010. № 20 (36). С. 12.*

потребления (панки — даже разрушения). Однако эти движения почти сразу после того, как стали массовыми, коммерциализировались и стали брендами, причем очень успешными. Особенно заметна тенденция поглощения девиантности на музыкальных движениях. *The Beatles*, *The Doors*, Joan Baez, Janis Joplin, Jimmi Hendrix и другие исполнители в среде хиппи, *Sex Pistols*, *The Damned*, *The Clash* и другие панк-исполнители в течение очень короткого времени превратились из представителей нетрадиционных музыкальных направлений в суперзвезд музыкальной индустрии с миллионными продажами своих записей и соответствующими доходами, обросли армиями поклонников, последователей и подражателей. При этом «девиантность» всячески подчеркивается и рекламируется, а продюсерами даже культивируется. Запрет на трансляцию по радио отдельных композиций, выступления на некоторых концертных площадках и другие «санкции» только подогревают интерес к продукту, увеличивая продажи.

С другой стороны процесса коммерциализации субкультуры стоят движения, которые создавались/появлялись изначально во многом благодаря потребительским устремлениям (т. е. по принципу потребления вещей, символики, атрибутики определенного стиля, даже несмотря на наличие идеологических принципов) — «моды», «рокеры», «готы», «эмо» и др. Процесс, а вместе с ним и возникающие идеологическое наполнение потребления не являются генераторами девиантного поведения сами по себе: те отклонения, которые в них зарождаются, требуют жесткого контроля (маркетинга), иначе будут плохо усваиваться потребителем, а значит, плохо продаваться. Потребителю подробно объясняют, почему именно он должен носить вещи определенного стиля (фирмы), слушать определенную музыку, читать определенную литературу, посещать определенные места — все для того, чтобы он чувствовал свою принадлежность к определенному сообществу. Сама по себе «девиантность» при этом может и вовсе уйти на второй план, потому что является только поводом для предложения определенных товаров, услуг и т. п. Девиантность становится частью рынка. Более того, в целом ряде случаев для лучшего продвижения товара или бренда девиантность изобретается. «Не будь как все», «Будь особенным», «Если я буду как все, то кто будет таким, как я?» — типичные рекламные слоганы последних лет. С одной стороны, девиантность становится предсказуемой, обретает своих «авторов», что, конечно, делает ее гораздо более подконтрольной, с другой — появляется квази-девиантность, т. е. «игра в девиантность», рекламный

ход. Девиантность становится инструментом коммодитизации. Определенная социальная группа превращается в потребительскую аудиторию, а какие-то качества, в нашем случае девиантные, присваиваются товарам (услугам) широкого пользования.

Смещение институциональной базы социального контроля из производственной в потребительскую сферу не решает проблем, связанных с эффектами исключения. Впрочем, статус безработного достаточно однозначен. А вообще говоря, в случае потребления очень трудно определить, какой его уровень позволяет судить о попадании либо непопадании в когорту «признанных» членов общества. Это означает, что потребления никогда не бывает достаточно, тем более слишком много. Подавляющая часть членов общества находится под перманентным и всепроникающим давлением к повышению уровня и качества потребления. Это давление может приводить к психосоциальным эффектам, обеспечивающим достижение результата с точностью до наоборот: к потере контроля над своим поведением и образом жизни. В этом можно предположить один из девиантогенных эффектов новой культуры потребления. Одним из аспектов данного эффекта является прояснение исключаящей роли, которую играют необозримость, сложность и быстрое развитие потребительских стандартов (в частности, в области потребления информационных услуг в целом, сетевых ресурсов Интернета, а также аппаратного и программного обеспечения). Можно предположить, что возрастающее количество людей выпадает из этой потребительской сферы в силу ментальной и/или технической неспособности идти в ногу с развитием предложения на рынке информационных услуг, а также сформировать достаточно ясное представление об этом рынке. Человек, отказывающийся от пользования мобильным телефоном, компьютером, Интернетом, выпадает из целого ряда потребительских функций, а вместе с ними он теряет и возможность включения в определенные общности, социальные группы. Если такой отказ осуществляется осознанно, то можно говорить о девиантности, если же это происходит по техническим причинам (в силу невозможности разобраться с новым продуктом, что часто происходит с программным обеспечением или даже использованием нового устройства — гаджета), то исключение, как ни парадоксально, обусловлено развитием потребительских услуг.

В рамках современной потребительской культуры формируется новый тип человека — «человек-потребитель». Обычно выделяются его следующие отличительные черты:

- акцент на реализацию «первичных витальных потребностей, связанных с удовлетворением материальных потребностей или стремлением к социальному престижу предметного воплощения»⁶;

- некритичность и несамостоятельность мышления; снижение интеллектуальных способностей, прагматизированный характер восприятия мира, вызывающий кризис рафинированных форм неутилитарного мышления;

- инфантильность психики, подавление волевого начала в пользу эмоционального, ослабление способности к самоограничению и самоконтролю; фрагментарный характер мировоззрения;

- обеднение социальных связей, тенденция к трансформации имеющихся «первичных связей» в связи обменного типа;

- восприятие потребления как основы образа жизни, выступающего в роли базовой поведенческой установки по отношению к любым взаимодействиям с социальным и материальным окружением⁷.

Все это приводит к тому, что современный человек лишается критериев для различения позитивного и негативного, нормы и отклонения, становясь приверженцем «девиантной толерантности» — расплывчатого в информационных обществах стереотипа, согласно которому нет и не может быть единственно «правильных» видов и форм поведения. Господствующей становится точка зрения, согласно которой каждый решает для себя сам, что нормально, а что — нет⁸. На человеке-потребителе сказывается определенная Э. Дюркгеймом аномия — резкое снижение социальной регуляции поведения, потеря обществом значительной части морального давления на индивида, размытость нормативных ограничений⁹.

Фактически такой тип человека можно определить как «человека-девианта», а потребительскую культуру — как культуру, несущую в себе большой девиантогенный потенциал, который во многом обеспечивается жадой обладания новой вещью. Жажда нового означает, что старое будет отброшено, после того как отслужит свой срок, или от-

⁶ Ерасов Б.С. Социальная культурология. М.: Аспект пресс, 2000. С. 413.

⁷ Хагуров Т.А. Массовая культура в обществе потребления. Человек потребляющий: проблемы девиантологического анализа // Вестник РУДН, сер. «Социология». 2007. № 1 (11). С. 85.

⁸ Хагуров Т.А. К вопросу о методологии девиантологических исследований в обществах Постмодерна. URL: <http://lib.socio.msu.ru>

⁹ Дюркгейм Э. Норма и патология. Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 40.

правится на помойку еще раньше, не дожидаясь износа. В этом случае количество потребительских товаров и услуг будет расти постоянно. Конечно, некоторые предметы продаются сегодня под маркой «качество значит долговременность», но гораздо больше вещей производится в предвкушении (а часто и с расчетом) неотвратимого устаревания.

Э. Тоффлер в работе «Футурошок» пишет: «распространение в обществе идеи одноразового использования включает в себе сокращение продолжительности отношений человека и вещи. Вместо того чтобы в течение относительно долгого времени быть привязанным к одному предмету, мы на короткие промежутки имеем в своем распоряжении предметы, непрерывно вытесняемые другими»¹⁰. В результате очередные покупки лишь недолго радуют среднего потребителя — скоро неудовлетворенность появляется вновь и вызывает стремление к новым приобретениям.

Эту особенность удачно выразил философ эпохи Просвещения Дидро в «Сожалении о расставании со старым платьем». Дидро подарили новый красный камзол. По сравнению с камзолом все другие вещи в его кабинете казались потрепанными. Дидро постепенно поменял письменный стол, занавески и прочие предметы прежней обстановки, чтобы они гармонировали с новым ярким малиновым облачением. В конце концов комната полностью преобразилась, но Дидро счел новую обстановку неудобной. Эффект «нового платья» имел радиальную, круговую форму, так как с появлением новой вещи все иные предметы вокруг нее стали неуместными, и одновременно форму «снежного кома», потому что каждая новая вещь в свою очередь требовала замен в своем окружении... «Эффект Дидро» проясняет «спусковой механизм» массового потребления. Он помогает продвинуть стандарт потребления вверх и не допускает движения вниз. Ясно, что «эффект Дидро» (согласно которому вещи должны соответствовать друг другу) создает механизм, который требует постоянной и нескончаемой замены вещей¹¹.

Результатом развития процесса потребления становится парадокс: комфортность существования и гедонистические ценности, лежащие в основе общества потребления, начинают причинять потребителю

¹⁰ Тоффлер Э. Шок будущего. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Toff_Shok/index.php

¹¹ Борзых С.В. Человек-потребитель в условиях глобализации / дисс. канд. философ. наук. Томск, 2005. С. 108.

массу неудобств, порождать все новые и новые проблемы, подчас совершенно неразрешимые.

Отечественный опыт свидетельствует о том, что переход от казарменного полуголодного социализма с постоянным дефицитом всего и вся к рыночной экономике принес не только переполненные товаром магазины, заполненные иномарками улицы, возможность путешествовать по всему миру и обучать детей в Оксфорде, бурное развитие IT-технологий, но и значительные негативные последствия: беспрецедентный разрыв между богатым меньшинством и бедным большинством населения, что отражается динамикой соответствующих экономических показателей: децильный коэффициент в России 1992 г. составлял 8,0, в 2001-м — 13,9, а в 2009-м — 16,7¹². Воцаряются господство масскульта, мораль «все на продажу» и «деньги не пахнут», сопровождаемые закономерным возрастанием девиантных проявлений: преступности, алкоголизации, наркотизации, торговли людьми, суицидом¹³. Как встречный процесс формированию и развитию общества потребления складывается и «культура бедности». Н.В. Чернина сделала вывод, что культура бедности, возможно, начинает формироваться, явно проявляя себя через, «во-первых, тенденцию бедных ограничивать потребление спектром товаров, продуктов и услуг низкого качества, во-вторых, их экономию на всех расходах, начиная с еды, в-третьих, через то, что они отказывают себе в определенных типах потребительского поведения (поддержании здоровья, повышении образования, туризме и т. д.), в-четвертых, ... их маргинализацию через одиночество или потерю индивидуальных социальных связей»¹⁴.

Гипотетически представить девиантогенный эффект потребительской культуры можно с помощью следующей схемы:

1. В среде потребителей складываются амбициозные тенденции: конформность — готовность потреблять как все, то же, что и все, столько же, сколько и все (как разновидность можно расценивать квази-

¹² URL: http://www.gazeta.ru/money/2007/05/03_a_1650997.shtml

URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=bc396924-b177-4728-879e-2b4edfca2aa1&docid=851841>

URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi?pl=2340004>

¹³ Гилинский Я.И. Девиантность в обществе потребления // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. 2009. №4. С. 5—12.

¹⁴ Цит. по Шкаратан О.И. и др. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в России., М.: ГУВШЭ, 2008. С. 172.

нонконформизм, т. е. готовность потреблять не то, что все, демонстративный отказ от потребления).

2. Для успешного потребления, т. е. потребления того уровня, который удовлетворял бы потребителя и одновременно одобрялся/принимался такими же окружающими, необходимы ресурсы (деньги или иные ликвиды).

3. Формируется девиантное поведение — криминальное, ретритистское, эскапистское и др.

Если амбиции и конформность развиваются обычным путем и при этом у потребителя хватает ресурсов, то девиантность будет низка.

Если же уровень амбиций и конформизма не соответствует наличию ресурсов, т. е. амбиции остаются неудовлетворенными, это ведет к проявлениям девиантного свойства (криминальному поведению — как активному добыванию средств, ретритизму и эскапизму — как пассивному уходу из реальности, отказу следовать общим настроениям, тенденциям, традициям).

В данной схеме предполагаются и другие варианты связей, например: достаточные ресурсы при полном отсутствии амбиций и конформности (условно назовем этот случай «сумасшедший миллионер»). Или же полная незаинтересованность в ресурсах при безразличии к амбициям (асоциальный тип поведения, т. е. девиантный априори). Однако как первый, так и второй тип поведения вряд ли можно назвать широко распространенными и уж тем более массовыми.

Взаимосвязь между амбициями и средствами, кроме всего прочего, имеет также ряд других сочетаний, ничуть не менее важных, чем просто влияние на формирование девиантности. Например, для потребительских настроений очень важна фигура лидера, т. е. кого-то первого, кто формирует стиль, бренд, моду. Видимо, лидер должен обладать определенной девиантностью, чтобы придумать что-то новое и необычное или использовать всем известное, но по-новому. Значит, процесс создания потребительских настроений ведет к появлению авторитетного мнения, авторитетной фигуры. При этом за скобками остаются морально-нравственные качества, добропорядочность, законопослушание и др. Есть и другой, не менее важный вопрос, насколько готов конформный потребитель толерантно относиться к девиантности, если речь идет о подобном лидере или просто личности, обладающей таким количеством средств, чтобы позволить себе практически неограниченное потребление. Иными словами, может ли человек богатый быть эталоном поведения, выступать в роли

учителя, если наличие ресурсов — единственное, что выделяет его? И насколько готов потребитель «прощать», к примеру, его неграмотность, плохие манеры, криминальное поведение и т. п.¹⁵?

Общество потребления (Европа и Северная Америка) гораздо более толерантно и спокойно относится к девиантным проявлениям — прежде всего потому, что научилось их «переваривать» («Билль о правах потребителя» в США введен в 1962 г. Президентом Кеннеди). Запад научился продавать революцию в красивой упаковке. В России гораздо серьезнее относятся к революционным лозунгам, а общественные настроения гораздо ригористичнее. Видимо, не в последнюю очередь это связано с тем, что Россия имеет опыт уникального социального эксперимента (общество социализма) и опыт этот слишком богат и специфичен по сравнению со многими другими странами. Изучение общества потребления ведется давно, многие исследователи ставят вопрос и о связи потребления с девиантностью в различных аспектах. Во многих работах социологического, философского, культурологического характера, даже если не употребляется термин «девиантность», то плоскость рассуждений очевидно подразумевает его. Нам же кажется важным исследование не самого процесса или даже культуры потребления как девиантной, но именно девиантогенные эффекты потребительства: прежде всего потому, что такая постановка вопроса позволяет избежать идеологических выпадов в сторону потребителей и отделяет сам процесс потребления от его последствий и результатов, в данном случае — девиантного поведения.

¹⁵ В 2009–2010 гг. Сектором социологии девиантности и социального контроля СИ РАН проводится ряд исследований, посвященных, в том числе, проверке этой рабочей гипотезы.

М.М. РУСАКОВА, А.А. ЯКОВЛЕВА

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОСТИТУЦИИ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ОРЕНБУРГА)

Аннотация: В статье представлены результаты исследования среди проституток в двух российских городах — Санкт-Петербурге и Оренбурге. Рассмотрена специфика социально-демографических характеристик представительниц этой группы, паттернов их сексуального и аддиктивного поведения, а также мнений об актуальных для них видах медико-социальных услуг. Проиллюстрировано положение о существенных региональных отличиях как характеристик женщин, вовлеченных в проституцию в двух изученных городах, так и особенностей организации сексуальной индустрии. Обоснована необходимость учитывать региональную специфику при планировании и реализации программ помощи и профилактики для этой целевой группы.

Ключевые слова: Проституция, девиантное поведение, аддиктивное поведение, наркотизм, социальный контроль

Проституция как социальное явление

Проституция на протяжении нескольких веков вызывает большой интерес исследователей. Большой вклад в попытку объяснения данного социального феномена внесли врачи, юристы, психологи, историки, криминологи, социологи.

Термин «проституция» происходит от латинского “prostatuere” (выставлять вперед, публично, на продажу; осквернение, обесчещение) и вошел в употребление во второй половине XVIII в. В более ранние времена для представительниц этой социальной группы использовались такие названия, как авлетрида, конкубина, куртизанка и прочие.

С точки зрения представителей современной российской социологии, проституция является одним из видов девиантного поведения и определяется как «вступление за плату в случайные внебрачные сексуальные отношения, не основанные на личной симпатии, влечении»¹ или как «оказание сексуальных услуг за вознаграждение»². Близкое

¹ Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / под ред. Я.И. Гилинского. СПб.: Алетейя, 2000. С. 59.

² Дьяченко А.П., Синельникова Н.А., Шлык С.В. Эксплуатация проституции в России. М., 1999. С. 5.

по содержанию определение дают А.В. Меренкова и М.Н. Никитина³: «Проституция выступает как особая форма отношений между субъектом сексуальных потребностей и тем, кто может ее удовлетворить за соответствующую плату». Согласно С.И. Голоду⁴, проституция — это «форма внебрачных сексуальных отношений, которые не основываются на личной склонности или чувстве влечения», при этом, хотя для одной из сторон важным стимулом является заработок, определяющим фактором является именно мера духовно-эмоциональной вовлеченности в сексуальные отношения.

Значительное число исследований проституции посвящено описанию характеристик этого явления в отдельных странах мира или регионах в различные исторические эпохи — начиная с древних времен и Античности и заканчивая современностью. В первую очередь, такие феноменологические исследования актуальны с научной точки зрения — для понимания особенностей формирования и функционирования данного социального явления в различных культурно-исторических условиях. Однако они имеют также и практическое значение — для понимания возможностей социального контроля проституции.

Для планирования и реализации программ профилактики вовлечения в проституцию, медико-социальной помощи тем, кто уже вовлечен, а также сопровождения при выходе из нее необходимы актуальные данные о специфике ситуации в сексуальной индустрии в том или ином регионе. Это позволит сделать предпринимаемые меры своевременными и эффективными. Важно знать не только специфический социально-демографический состав и особенности поведения проституток, но и состав их ближайшего социального окружения и характер взаимоотношений с этим окружением, уровень организованности и особенности организации сексуального бизнеса. Необходимым также является и оценка доступности для проституток различных медико-социальных услуг, существующих в регионе и актуальных для представительниц данной группы.

³ Меренков А.В., Никитина М.Н. Социальный портрет современной проститутки // Социологические исследования. №5. 2000. С. 47–51.

⁴ Голод С.И. Социально-психологические проблемы проституции (Выступление на Всесоюзном семинаре «Задачи и пути совершенствования антиалкогольной и антинаркотической пропаганды» 20 ноября 1987 года). №8(38). М.: Знание, 1989. С. 4.

Исследования проституции и социальный контроль

Актуальным аспектом борьбы с распространением проституции путем реализации соответствующих исследований и профилактических программ является система социального контроля проституции, существующая в обществе. Исторически сложились три базовые «идеальные» модели социального контроля проституции: аболиционизм или легализация, регламентация, криминализация или прогибиционизм.

Политика аболиционизма исходит из положения, что занятие проституцией есть индивидуальный, личный выбор человека, и государство не имеет права препятствовать ему или контролировать его через свои институты. Как и политика криминализации клиентов, аболиционизм сегодня является практическим достижением феминистского движения. Политика аболиционизма в сфере проституции реализуется в Великобритании, Нидерландах, Новой Зеландии.

Однако осуществление политики аболиционизма в сфере контроля проституции показывает, что она, по сути, не только не достигает декларируемых целей (снижение насилия и произвола в отношении лиц, вовлеченных в проституцию, повышение их социальной и правовой защищенности и т. д.), но и в значительной мере усугубляет ситуацию в сфере коммерческого сексуального поведения, ибо изначально «нормализует» как проституцию, так и потребление сексуальных услуг. В контексте же функционирования мирового сообщества реализация политики аболиционизма способствует обострению проблемы трэффика женщин и детей с целью сексуальной эксплуатации.

Политика регламентации содержит в качестве своего основного компонента правовое регулирование проституции. Основная идея, из которой исходит политика регламентации, состоит в том, что проституция является исконно данным и неистребимым явлением социальной жизни, однако она должна находиться в приемлемых для социума рамках. Для регламентационной политики главной целью является не ликвидация проституции, а скорее контроль сопровождающих ее «рисков», к которым можно отнести инфекции, передаваемые половым путем, употребление алкоголя и наркотиков, криминальное поведение, насилие и произвол со стороны сутенеров и организаторов проституции и т. д. Таким образом, государство признает существование проституции и морально санкционирует участие в ней членов общества в различных ролях (проститутка, клиент, организатор), однако в юридически установленных формах. Практическим

результатом проведения политики регламентации являются организация и государственное поддержание «легальных» форм проституции через специализированные социальные институты, что имеет следствием ее нормализацию. Классическим примером политики регламентации стала система врачебно-полицейского надзора проституции, существовавшая в XIX–XX вв. в ряде стран Европы, включая Россию.

Система регламентации дает широкую базу для массовых исследований проституции. Например, в России в период существования системы врачебно-полицейского надзора было проведено несколько массовых исследований среди проституток⁵. Существенный вклад в изучение проституции в то время был сделан врачами-дерматовенерологами в рамках решения задачи сдерживания эпидемии сифилиса⁶. В 1889 г. было проведено общероссийское исследование проституции⁷, а в 1891–1893 гг. — исследование проституции в Санкт-Петербурге⁸. До настоящего времени результаты этих исследований дают уникальный эмпирический материал для вторичного и сравнительного анализа.

При современном уровне развития общественного самосознания, на фоне практического осуществления концепции прав человека во многих странах реализация данной модели вызывает определенные трудности, поскольку лица, вовлеченные в продажу сексуальных услуг, официально «этикетированы» в обмен на признание обществом

⁵ *Бентовин Б.И.* Торгующие телом. Очерки современной проституции, 2-е изд., СПб., 1909; *Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление; Кузнецов М.* Проституция и сифилис в России: историко-статистическое исследование. СПб., 1871; *Обозненко П.Е.* Поднадзорная проституция Санкт-Петербурга, по данным врачебно-полицейского комитета и Калининской больницы. СПб., 1896; *Федоров А.И.* Очерк врачебно-полицейского надзора за проституцией в Петербурге. СПб., 1897.

⁶ *Кузнецов М.* Проституция и сифилис в России: историко-статистическое исследование; *Сабинин А.Х.* Проституция. Историко-профилактический этюд. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1906; *Сабинин А.Х.* Проституция. Сифилис и венерические болезни. Половое воздержание. Профилактика проституции. Историко-профилактический этюд. СПб., 1905; *Тарновский В.М.* Проституция и аболиционизм. СПб.: Изд. Риккера, 1988; *Шперк Э.* О мерах к прекращению сифилиса у проституток // Архив судебной медицины и общественной гигиены. СПб., 1869. Кн. 3. Сентябрь. Отд. III.

⁷ Статистика Российской империи. Том XIII. Проституция в Российской империи по обследованию на 1 августа 1889 года. СПб., 1890.

⁸ *Обозненко П.Е.* Поднадзорная проституция Санкт-Петербурга, по данным врачебно-полицейского комитета и Калининской больницы.

проституции допустимым социальным явлением как группа, имеющая ограниченные гражданские права. Кроме того, оценка успешности использования данной модели в историческом контексте наглядно показывает тенденцию государственных учреждений контроля к бюрократизации, коррупции и т. п., что значительно снижает возможности их влияния на ситуацию в сфере предоставления коммерческих сексуальных услуг.

Политика прогибиционизма имеет в своей основе криминализацию (или деликвизацию — в случае административного регулирования), причем как лиц, вовлеченных в продажу сексуальных услуг, так и их потребителей. Соответственно, основными механизмами контроля здесь выступает правовое (уголовное или административное) преследование лиц, занимающихся проституцией и/или потребителей сексуальных услуг. В любом случае, для реализации прогибиционистской политики контроля на практике требуется сильный достаточно эффективный правоохранительный аппарат.

Исторически первой моделью прогибиционистской политики является ее направленность на лиц, вовлеченных в продажу сексуальных услуг. Эта модель основывается на «общественном соглашении» о том, что проституция нравственно недопустима и нарушает «коллективную совесть» общества. Контроль столь аморального поведения может быть эффективнее всего, если он будет основан на юридических санкциях, пресекающих данное поведение. Практически все страны в своей истории прошли подобный этап контроля проституции.

Критика данной модели основана на ее моральной произвольности. В литературе отмечается недифференцированное понимание проблемы проституции и ее последствий, в том числе стигматизации. Прогибиционистская политика контроля, исходящая из описанной модели, приводит к преследованию женщин, вовлеченных в проституцию, что нарушает их гражданские права, а также к порождению «моральной паники» в обществе. И главное, подобная политика не приводит к искоренению негативного социального явления, а лишь повышает его латентность.

Классическим примером прогибиционистской модели является система контроля проституции в советский период. После масштабных политических сдвигов, произошедших в России в начале XX в., исследования, выполненные в 1920-х гг., носили уже ограниченный по охвату целевой группы характер. Это было вызвано прежде всего утратой широкой статистической базы поднадзорной проституции,

а также жесткими идеологическими ограничениями и узкоприкладной направленностью таких работ на борьбу с проституцией как «социальным злом»⁹.

Реализация репрессивной социальной политики, начавшаяся в России в 1930-х гг., «ликвидировав» социальные девиации, привела к почти сорокалетнему перерыву в исследованиях проституции. Возвращение к данной проблематике намечилось в отечественной науке только в конце 1960-х гг.¹⁰ Понятно, что исследования этого периода характеризовались определенной фрагментарностью («исследования поведения некоторого числа женщин, ведущих аморальный образ жизни»), и имели узко прикладную юридическую или медицинскую направленность.

По мере изменения отношения власти и общества к девиантному поведению с конца 1970-х гг., происходит очередное нарастание интереса исследователей к изучению феномена проституции. По сути, первое масштабное социологическое исследование среди проституток в советский период было проведено в 1980-х гг. в Грузии¹¹. В 1990-х гг. появляются публикации, посвященные социологическому осмыслению и вторичному анализу результатов эмпирических исследований проституции, выполненных на рубеже XIX–XX вв.¹²,

⁹ Броннер В.М., Елистратов Д.И. Проституция в России. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927; Левин Д.М. К вопросу о борьбе с социально-паразитическим элементом // Административный вестник. №12. 1925; Левин Д.М. Борьба с проституцией // Административный вестник. №1–3, 1926; Фридланд Л. С разных сторон: Проституция в СССР. Берлин, 1931.

¹⁰ Горяинов К.К., Коровин А.А., Побегайло Э.Ф. Борьба с антиобщественным поведением женщин, ведущих аморальный образ жизни. М.: ВНИИ МВД СССР, 1976.

¹¹ Габияни А.А., Мануильский М.А. Цена «любви» (обследование проституток в Грузии) // Социологические исследования. № 6. 1987. С. 61–68.

¹² Афанасьев В. Социальный контроль за проституцией в России (теория, история, современное состояние) // Социальный контроль над девиантностью / под ред. Я.И. Гилинского. СПб.: СПб филиал Института социологии РАН, Балтийский Институт экологии, политики и права, 1998. С. 144–166; Быкова А.Г. Проституция в городах Западной Сибири (1880-е — 1917 гг.) // Социологические исследования. №5. 2000. С. 59–65; Гилинский Я.И. Проституция как она есть // Проституция и преступность. М., 1991; Голод С.И. Проституция в контексте изменения половой морали // Социологические исследования. №2. 1988. С. 65–70; Голод С.И. Социально-психологические проблемы проституции (выступление на Всесоюзном семинаре «Задачи и пути совершенствования антиалкогольной и антинаркотической пропаганды» 20 ноября 1987 г.), №8(38). М.: Знание, 1989; Голосенко И.А. Российская социология проституции. 1861–1917. СПб.: Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН, 1997; Голосенко И.А., Голод С.И. Социологические исследования проституции в России (история и современ-

исследования социально-правовых аспектов отклоняющегося сексуального поведения¹³, а также немногочисленные исследования регионального уровня¹⁴.

Прогибиционистский подход в отношении потребителей сексуальных услуг в последние годы получил развитие в Швеции; широкая дискуссия по этому поводу ведется и в других скандинавских странах (Дания, Норвегия). По сути, он представляет собой попытку совместить в одной модели контроля проституции «плюсы» аболиционизма (соблюдение прав женщин на свободный выбор проявления собственной сексуальной активности) и правовую борьбу с проституцией через преследование ее потребителей. О долгосрочных результатах применения данной модели контроля говорить пока рано, однако уже сейчас понятно, что она способствует росту проституции в близлежащих странах и развитию глобализованных форм сексуальной индустрии, в частности, сексуального туризма.

В последние годы значительный объем исследований проституции в России проводится в рамках проблематики межгосударственного перемещения женщин с их последующим вовлечением в секс-индустрию (трэффик)¹⁵, а также в рамках предотвращения эпидемии ВИЧ-инфекции в стране¹⁶. Сугубо прикладной характер современных исследований проституции ограничивает возможности для глубокого

ное состояние вопроса). СПб: ТОО ТК Петрополис, СПб ИСРАН, 1998; *Лебина Н.Б., Шкаровский М.В.* Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в.). М.: Прогресс-Академия, 1994; *Меликсетян А.С.* Проституция в 20-е годы // Социологические исследования. №3. 1989. С. 71–74.

¹³ *Дьяченко А.П., Синельникова Н.А., Шлык С.В.* Эксплуатация проституции в России. М., 1999; *Игнатъев А.Н.* Проблемы правовой борьбы с проституцией // Проституция и преступность. М., 1991. С. 139–148; *Карпунин Ю.Г., Торбин Ю.Г.* Проституция: закон и реальность // Социологические исследования, №5, 1992. С. 111–117.

¹⁴ *Курманова Г.У., Башмакова Л.Н., Бутенко Е.Н.* Работники коммерческого секса // Социологические исследования. №5. 2000. С. 51–59; *Меренков А.В., Никитина М.Н.* Социальный портрет современной проститутки // Социологические исследования. №5. 2000. С. 47–51.

¹⁵ *Ерохина Л.Д., Буряк М.Ю.* Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе. М.: ООО Профобразование, 2003; *Гурвич И.Н., Русакова М.М., Яковлева А.А.* Глобализация индустрии сексуальных услуг // Глобализация и девиантность. СПб.: Издательство Р. Асланова Юридический центр Пресс. С. 204–256; *Яковлева А.А.* Глобализация сексуального насилия: от проституции к транснациональной сексуальной индустрии // Гендерные исследования. №7–8. Харьковский центр гендерных исследований. С. 226–245.

¹⁶ Дозорный надзор за ВИЧ-инфекцией в группах лиц с рискованным поведением в Республики Азербайджан, Республике Молдова и Российской Федерации /

анализа состояния проблемы, ощущается недостаток социокультурных феноменологических исследований в данной сфере. Специалисты отмечают, что отсутствие таких исследований ограничивает и возможности интерпретации данных прикладных работ.

Проституция в современной России

В современной России существуют разнообразные формы проституции. Несомненно, наиболее развита сексуальная индустрия в столичных городах и региональных центрах. Актуальными являются проституция «по вызову», уличная и салонная проституция. На большинстве крупных автомобильных трасс страны процветает дорожная проституция. Существенное развитие получил и так называемый околосексуальный бизнес — стриптиз, секс по телефону или в сети Интернет, порнография.

Исследования современной российской проституции показывают существенные отличия этого социального явления в разных российских городах. Например, особенной является ситуация с проституцией в Москве. Помимо многочисленных интим-салонов, существует обширная сеть уличной проституции, сформировавшаяся на фоне активных миграционных процессов из регионов России и стран СНГ (Украины, Молдовы, стран Центральной и Средней Азии). Уличная проституция является организованной, криминализованной и доходной частью сексуального бизнеса столицы. Высокая конкуренция и строгий контроль со стороны организаторов бизнеса («мамочек») способствуют низкой распространенности употребления наркотиков, особенно «тяжелых», среди уличных проституток. Однако уровень ежедневной алкоголизации достигает почти 80%¹⁷. Быстрая сменяемость контингента проституток на улицах Москвы и существенная доля мигрантов в этой группе (до 90%)¹⁸ определяет специфику работу с этой группой.

В то же время в центральных городах российских регионов спецификой проституции является высокая доля приезжих из близлежащих

Т.Т. Смольская (и др.) // Отчет по проекту ВОЗ. Копенгаген: Всемирная Организация здравоохранения, Европейское региональное бюро, 2004.

¹⁷ Смольская Т.Т. и др. Дозорный надзор за ВИЧ-инфекцией в группах лиц с рискованным поведением в Республике Азербайджан, Республике Молдова и Российской Федерации. С. 36.

¹⁸ Там же.

малых городов и сельской местности. Так, например, в Екатеринбурге доля приезжих среди проституток — более 75%¹⁹, а в Иркутске доля проституток, не имеющих постоянной регистрации в городе, достигает 26,8%²⁰. Как правило, распространение имеет как употребление алкоголя, так и наркотиков²¹. Относительно низкий уровень образования, отсутствие постоянных условий проживания в городе, а также частая необходимость содержать иждивенцев (родителей, детей) определяет особенности социального контроля проституции в таких регионах.

Базовая информация об исследовании

В 2007–2008 гг. под руководством одного из авторов²² было проведено репрезентативное исследование проституток в двух российских городах²³ — Санкт-Петербурге ($n=665$) и Оренбурге ($n=231$). Целью исследования являлось выявление причин и последствий современной женской проституции в России. Проверялись основные существующие в науке гипотезы о факторах, способствующих и препятствующих вовлечению в проституцию — биологическая предрасположенность, семейное воспитание, насилие в детстве, социально-экономические сложности, личностно-психологические особенности и т. д. Изучался образ жизни женщин, вовлеченных в проституцию, их «карьера» в этой сфере и попытки выхода из сексуальной индустрии. Исследование, в частности, позволило собрать и проанализировать существенный материал о характеристиках проституток и организации проституции.

Города, охваченные исследованием, существенно отличаются между собой по географическому и социально-экономическому положению.

Санкт-Петербург расположен в Северо-Западном регионе России, в дельте реки Невы на берегу Финского залива Балтийского моря

¹⁹ Там же. С. 41.

²⁰ Поведенческое мониторинговое исследование: Россия 2005 / В. Тун (и др.) // Арлингтон: Family Health International, 2007. С. 80.

²¹ Смольская Т.Т. и др. Дозорный надзор за ВИЧ-инфекцией в группах лиц с рискованным поведением в Республике Азербайджан, Республике Молдова и Российской Федерации; Поведенческое мониторинговое исследование: Россия 2005 / В. Тун (и др.).

²² Методология исследования была разработана к.с.н. М.М. Русаковой и д.пс.н., проф. И.Н. Гурвичем.

²³ Сбор данных проводится специалистами РОО «Стеллит» (в Санкт-Петербурге) и Центра социально-политических исследований «Индикатор» (в Оренбурге).

и занимает вместе с подчиненными административно-территориальными образованиями площадь в 1439 квадратных километров. Географическое положение Санкт-Петербурга определяет его стратегическое значение для России. Санкт-Петербург находится в центре пересечения морских и речных транспортных путей, наземных магистралей, являясь наиболее географически приближенным к странам Европейского Сообщества крупным российским городом. Расстояние от Санкт-Петербурга до главных европейских столиц составляет 1–2 тысячи километров, воздушный перелет до них занимает 2–3 часа.

Оренбург — административный центр Оренбургской области. Город расположен в регионе Южного Урала, примерно в 100 км от границы России с Казахстаном, и делится на две части рекой Урал, по которой проходит географическая граница Европы и Азии. Таким образом, одна часть города находится в Европе, а другая — в Азии. Город является точкой пересечения различных торговых и транспортных путей, соединяющих Центральную Россию и страны Средней Азии, а также Поволжский регион России с территориями Сибири. Площадь города составляет около 1300 кв. км.

Понятно, что как в Санкт-Петербурге, так и в Оренбурге существуют объективные факторы формирования спроса на услуги проституции. Однако сама проституция как социальное явление, а также проститутки как социальная группа в этих двух городах существенно различаются.

Социально-демографические характеристики проституток

В суммарную выборку попали женщины, занятые преимущественно в уличной проституции (64,7%)²⁴. Наибольшая доля проституток, работающих на улице, представлена в выборке Санкт-Петербурга (69,0%; $p \leq 0,001$) наряду с проституцией на выезде (30,5%; $p \leq 0,05$) и в массажном салоне (18,8%; $p \leq 0,001$). В Оренбурге наибольшую долю в выборке составили женщины, вовлеченные в гостиничную проституцию (45,0%; $p \leq 0,001$) и проституцию в банях или саунах (35,9%; $p \leq 0,001$), а также на выезде (23,4%; $p \leq 0,05$).

Для современной проституции характерна относительно стабильная занятость, и смена формы продажи сексуальных услуг распро-

²⁴ Если не указано иное, представлен процент для суммарной выборки и статистические отличия данных по регионам не выявлены.

странена незначительно. Однако здесь были выявлены существенные региональные отличия, показывающие более высокий уровень профессиональной мобильности оренбургских проституток по сравнению с петербургскими. ($p \leq 0,001$). Так, меняли место предоставления сексуальных услуг за период занятости в проституции каждая пятая женщина в оренбургской выборке (22,1%), и только каждая десятая — в петербургской выборке (10,5%). В целом, большая степень мобильности является общей характеристикой проституции в крупных российских областных центрах, где особое распространение имеют ее неуличные формы.

По базовым социально-демографическим характеристикам группы проституток в Санкт-Петербурге и Оренбурге несколько отличаются друг от друга. Типичные представители контингента проституток Оренбурга принадлежат к значительно более молодой возрастной подгруппе (25–29 лет) в сравнении с петербургской выборкой (в среднем 30–34 года, $p \leq 0,001$). Хотя основная доля проституток (более 70% суммарной выборки) являются уроженками Российской Федерации и с рождения проживают в городах, где проводилось исследование, в Оренбурге значительно больше доля мигрантов (37,7% против 22,0% в Санкт-Петербурге; $p \leq 0,001$), что соответствует данным по другим областным центрам России.

Каждая вторая проститутка в Санкт-Петербурге и каждая третья в Оренбурге (52,0% и 32,0% соответственно; $p \leq 0,001$) имеют законченное профессиональное образование. В большинстве случаев женщины окончили профессионально-техническое училище (46,4%) или техникум (в целом по обеим выборкам 43,1%; в Санкт-Петербурге 45,4%, в Оренбурге 32,4%; $p \leq 0,05$). Каждая десятая проститутка (13,1%) имела законченное высшее образование. Приведенные данные не подтверждают широко распространенное мнение о невозможности трудоустройства женщин вне сексуальной индустрии.

Значительная часть проституток, вне зависимости от места проведения исследования, не замужем — находятся в разводе (17,0%) или, что наиболее типично, никогда не состояли в зарегистрированном браке (69,5%). Об официально зарегистрированном замужестве сообщила каждая десятая женщина (9,6%), причем в большинстве случаев в петербургской выборке (11,1% против 5,2% в оренбургской выборке; $p \leq 0,01$). Лишь каждая третья обследованная проститутка в суммарной выборке (37,5%) сообщила о наличии в настоящее время актуального постоянного партнера, т. е. человека, с которым в течение последних

шести месяцев сохраняются устойчивые сексуальные отношения и, хотя бы частично, — общий бюджет. С точки зрения социального контроля эта информация имеет большое значение: наличие партнера и характер взаимоотношений с ним может способствовать или препятствовать вовлечению женщин в программы помощи и поддержки для проституток.

Уровень криминализации проституток существенно выше в Санкт-Петербурге, где опыт отбывания наказания в местах лишения свободы имели 14,4% (против 0,4% в Оренбурге; $p < 0,001$). Кроме того, в Санкт-Петербурге около 40% проституток с криминальным опытом имели более одной судимости (в отличие от Оренбурга, где таких не было вообще). В подавляющем большинстве случаев судимости в обследованной группе имелись по ст. 228 («Незаконные изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка либо сбыт наркотических средств и психотропных веществ»), реже — по ст. 158 («Кража»). Очевидно, что высокий уровень криминализации проституток в Санкт-Петербурге напрямую связан с уровнем инъекционного употребления наркотиков, который будет рассмотрен далее.

Характеристики организации проституции

Стаж в проституции для большинства опрошенных женщин почти равномерно распределяется в пределах от 1 года до 10 лет. Так, каждая третья проститутка имеет стаж от 1 до 3 лет (29,6%) или от 3 до 5 лет (31,7%), а каждая пятая — от 5 до 10 лет (22,2%). Это указывает на равномерность вовлечения женщин в проституцию (например, в отличие от середины 1990-х гг., когда на фоне социально-экономического кризиса наблюдался единовременный приток в проституцию значительного количества женщин). Примерно каждая десятая женщина в суммарной выборке является вновь привлеченной в проституцию, т. е. имела стаж менее полугода (5,5%) или от полугода до года (8,5%).

Большинство женщин организуют свою работу в проституции самостоятельно (59,6%), хотя доля тех, кто вовлечен в организованные формы секс-бизнеса, также велика (40,4%). Существенным региональным отличием является более распространенная занятость женщин в Оренбурге в организованных формах проституции (71,4% против 28,6% в Санкт-Петербурге, $p < 0,001$).

Еще одним отличием являются тип и степень организации проституции в изученных городах. Так, в Санкт-Петербурге чаще в орга-

низацию вовлечено несколько человек (63,5%). В Оренбурге же в равной степени распространены как устойчиво организованные формы проституции, так и сутенерство, когда организацией занимается один человек (49,1% и 50,9% соответственно, $p \leq 0,01$).

В случаях организации проституции одним человеком в Санкт-Петербурге это чаще мужчина-сутенер (52,8%), а в Оренбурге — женщина-«мамочка» (66,7%). Именно поэтому среди петербургских проституткок чаще, по сравнению с оренбургскими, организатор проституции является также и сексуальным партнером (18,1% против 7,1%, $p \leq 0,05$) или товарищем/другом (33,3% против 11,9%, $p \leq 0,001$). Однако чаще всего отношения между организатором и проституткой строятся по принципу «работодатель—наемный работник» (80,8% в суммарной выборке без существенных региональных отличий). Важно, что среди оренбургских организаторов проституции чаще отмечается взаимодействие с правоохранительными органами (65,7% против 31,3% в Санкт-Петербурге, $p \leq 0,001$).

В случае организации проституции несколькими людьми ими в большинстве случаев являются сутенер в Оренбурге (90,1% против 20,8%, $p \leq 0,001$) или диспетчер в Санкт-Петербурге (71,2% против 8,6%, $p \leq 0,001$), а также охрана (54,4%), владелец заведения (50,6%) и другие женщины-проститутки (58,3%). Перечень функциональных ролей, выполняемых организаторами проституции, достаточно широк: диспетчер, водитель, охранник, кассир, уборщица.

Что касается взаимодействия с клиентами, занималась их самостоятельным поиском значительная доля проституткок в Санкт-Петербурге (в силу более широкой распространенности самостоятельных форм секс-работы). Так, в течение предшествующего года самостоятельно искали клиентов 74,6% проституткок в Санкт-Петербурге против 34,6% в Оренбурге ($p \leq 0,001$). Наиболее часто используемыми способами являются: постоянное пребывание в известных клиентам местах возможного знакомства (84,7%), рекомендации других клиентов (47,4% в Санкт-Петербурге против 62,5% в Оренбурге, $p \leq 0,05$), прямые обращения на улице (48,2% в Санкт-Петербурге против 30,0% в Оренбурге). Кроме того, проститутки в Оренбурге используют рекомендации работников сферы обслуживания (21,3% против 2,0% в Санкт-Петербурге, $p \leq 0,001$). Объявления о секс-услугах в специализированных газетах и журналах, а также в сети Интернет используются незначительно (5,2% и 3,8% соответственно), причем несколько чаще в Санкт-Петербурге.

Аддиктивное поведение проституток

Употребление алкоголя и наркотиков среди проституток традиционно широко распространено, однако обладает существенной региональной спецификой.

Проституток в Санкт-Петербурге можно охарактеризовать как более подверженных систематической алкоголизации в течение жизни (98,5% против 89,6% в Оренбурге; $p \leq 0,001$). Средний возраст первой пробы алкоголя в половине случаев составляет 14–16 лет, но практически у всех он укладывается в границы подросткового периода (от 11–13 до 17–19 лет). Практически все проститутки, имеющие опыт употребления алкоголя в течение жизни, систематически употребляли алкоголь и в течение предшествовавшего года (96,8%).

Паттерны употребления алкоголя имеют ярко выраженную региональную специфику. Так, проститутки в Оренбурге чаще выбирают пиво (85,3% против 29,4% в Санкт-Петербурге; $p \leq 0,001$), крепкие алкогольные напитки (69,1% против 22,7% в Санкт-Петербурге; $p \leq 0,001$) и вино (66,7% против 33,5% в Санкт-Петербурге; $p \leq 0,001$). В Санкт-Петербурге проститутки чаще выбирают слабоалкогольные напитки (80,5% против 69,1% в Оренбурге; $p \leq 0,001$), а также склонны к более частому их употреблению (4–5 раз в неделю; $p \leq 0,001$). В целом, частота употребления алкоголя среди проституток за предшествующий год наиболее высока для слабоалкогольных напитков (до 4–5 раз в неделю) и пива (около 2-х раз в неделю); более низкая — для вина (около 2-х раз в месяц) и крепких алкогольных напитков (от одного раза в месяц в Санкт-Петербурге до одного раза в неделю в Оренбурге; $p \leq 0,01$).

Паттерны наркопотребления также имеют ярко выраженную региональную специфику. Проституток в Санкт-Петербурге отличает большая степень вовлеченности в практику употребления наркотических или других схожих с ними опьяняющих веществ в течение жизни (86,0% против 29,0% в Оренбурге; $p \leq 0,001$).

Среди проституток, имеющих опыт наркопотребления в течение жизни, наиболее частыми являются пробы препаратов конопли (89,5%). В отношении иных видов наркотических веществ проституток в Санкт-Петербурге характеризует склонность к употреблению более широкого круга препаратов — опиатов (80,9% против 29,9% в Оренбурге; $p \leq 0,001$), стимуляторов (74,8% против 37,3% в Оренбурге; $p \leq 0,001$), кокаина (54,9% против 13,4% в Оренбурге; $p \leq 0,001$), галлюциногенов (41,3% против 0,0% в Оренбурге; $p \leq 0,001$), снотворных

(49,5% против 32,8% в Оренбурге; $p \leq 0,01$) и атропиноподобных препаратов (28,5% против 13,4% в Оренбурге; $p \leq 0,01$).

В то же время проститутки в Оренбурге отличаются более ранним возрастом первой пробы наркотиков: почти у половины это произошло в 11–16 лет (47,8% против 20,6%), в то время как в Санкт-Петербурге — не ранее 17 лет (79,4% против 52,2%; $p \leq 0,001$).

Значительная часть проститутки в Санкт-Петербурге, которые имеют опыт наркопотребления, демонстрируют актуальное употребление наркотических веществ — в течение предшествующего года (94,4% против 59,7% в Оренбурге; $p \leq 0,001$), месяца (85,7% против 34,3% в Оренбурге; $p \leq 0,001$) и суток (78,0% против 23,9% в Оренбурге; $p \leq 0,001$). Эта же закономерность сохраняется в случае употребления наркотиков при помощи инъекций в течение последних суток (94,6% против 25,0% в Оренбурге; $p \leq 0,001$). По видам актуально употреблявшихся наркотиков оказалось, что среди проститутки в Санкт-Петербурге преобладают опиаты (93,9% против 18,8% в Оренбурге; $p \leq 0,001$), а в Оренбурге — целый ряд других видов наркотиков: препараты конопли (56,3% против 5,4% в Санкт-Петербурге; $p \leq 0,001$), стимуляторы (37,5% против 2,9% в Санкт-Петербурге; $p \leq 0,001$), снотворные препараты (31,3% против 0,4%; $p \leq 0,001$), анальгетики (18,8% против 1,1% в Санкт-Петербурге; $p \leq 0,001$), атропиноподобные препараты (18,8% против 0,2%; $p \leq 0,001$), бытовая химия (12,5% против 0,0% в Санкт-Петербурге; $p \leq 0,001$), кокаин (12,5% против 2,5% в Санкт-Петербурге; $p \leq 0,05$).

Потребность в помощи

Как и по многим другим характеристикам, проститутки Санкт-Петербурга и Оренбурга по-разному видят актуальные для них виды помощи. Это, несомненно, является следствием различий в социально-демографических характеристиках и паттернах аддиктивного поведения проститутки, а также особенностей организации проституции в изученных городах.

Особую актуальность для проститутки в обоих городах представляет помощь в лечении заболеваний (несколько чаще в Санкт-Петербурге; $p \leq 0,001$) и меры по обучению правилам поведения для снижения опасности насилия (несколько чаще в Оренбурге; $p \leq 0,01$). Наряду с этим, проститутки в Санкт-Петербурге особо нуждаются в психологической помощи ($p \leq 0,001$), лечении наркозависимости ($p \leq 0,001$)

и алкоголизма ($p \leq 0,001$), а также в юридической помощи ($p \leq 0,001$). Проститутки в Оренбурге указывают на необходимость обеспечения безопасности ($p \leq 0,001$), изменения общественного отношения к проституткам ($p \leq 0,01$) и помощи в решении бытовых проблем ($p \leq 0,05$).

Заключение

В заключение необходимо отметить следующее. Исследование, результаты которого были представлены выше, позволило получить разностороннюю информацию о современном состоянии проституции в двух российских городах — столичном и областном. Оно охватило широкий круг индикаторов, что дает широкие возможности для дополнительного анализа данных.

С точки зрения понимания современной российской проституции, важным результатом является выявленный равномерный приток женщин в проституцию в течение последних десяти лет. Это, очевидно, обусловлено внутренними особенностями феномена, а не внешними причинами, и особенно важно в связи с наличием у большинства проституток законченного профессионального образования.

Результаты исследования подтверждают гипотезу о существенных региональных различиях современной женской проституции в стране.

Фактором, определяющим региональную специфику проституции в Санкт-Петербурге, является широкое распространение тяжелого опийного наркопотребления. Именно это определяет формы проституции в городе — более открытые по сравнению с Оренбургом. В частности, широкое распространение имеет уличная проституция, в которой женщины организуют работу самостоятельно. Наркопотребление позволяет говорить о большей степени неблагополучия группы проститутки в Санкт-Петербурге по сравнению с Оренбургом. Оно также обуславливает большую степень криминализации и специфические потребности в помощи (наркологической, юридической).

В Оренбурге региональную специфику проституции определяют социально-экономические факторы, в т. ч. миграция с целью обучения или получения образования. Проституция существует в более латентных и организованных формах (гостиничная, по вызову), в т. ч. под неформальным контролем со стороны правоохранительных органов. Проститутки в Оренбурге более молодые, с более низким уровнем образования и более ранним возрастом начала употребления алкоголя и наркотиков (однако тяжелые формы зависимого поведения здесь не

распространены). Для проституток в Оренбурге также характерно более раннее начало работы в проституции.

С практической точки зрения, исследование дает обширный материал для планирования новых и корректировки существующих мер помощи женщинам, занятым в проституции. Речь идет не только о направлениях помощи (таких как повышение доступности медицинских услуг и наркологической помощи, или мер по снижению уровня виктимности), но и об особенностях организации программ. Так, при реализации программ социального регулирования проституции в Санкт-Петербурге необходимо учитывать высокий уровень аддиктивного поведения при предоставлении услуг и информации. При этом программы могут быть направлены на самих проституток (индивидуально) или сообщество в целом. В Оренбурге же возможным каналом или возможным препятствием распространения информации могут быть организаторы сексуального бизнеса. Соответственно, требуется специальная проработка данной проблемы при реализации программ.

Очевидно, что отличия в характеристиках и поведении проституток определяют отличия в специфических последствиях проституции как на индивидуальном, так и на общественном уровнях (распространенность инфекций, передаваемых половым путем, ВИЧ-инфекции, нежелательных беременностей и пр.). Также уровень социального неблагополучия этой девиантной социальной группы определяет степень доступности медицинских, социальных и иных услуг для ее представителей. Практически существенная информация, полученная в рамках проведения других исследований проблемы или при реализации услуг данной группе, может быть проинтерпретирована с учетом результатов проведенного исследования.

З.Д. БОДАНОВСКАЯ, И.Н. ГУРВИЧ, М.М. РУСАКОВА

**ПРОФИЛАКТИКА АЛКОГОЛИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ МЕР
СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ РАБОТНИКОВ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ В ТРЕХ ГОРОДАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ —
МОСКВЕ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ПЕТРОЗАВОДСКЕ**

Аннотация. Статья содержит результаты анализа системы профилактики алкоголизации на 21 промышленном предприятии Москвы, Санкт-Петербурга и Петрозаводска: контент-анализ данных интервью с «ключевыми» работниками системы профилактики предприятий, математико-статистическую обработку, направленную на оценку влияния социально-демографических характеристик на алкоголизацию работников. Значимыми коррелятами оказались пол, возраст, семейное положение, уровень образования, наличие дополнительного, связанного с производством образования, принадлежность к религиозной конфессии.

Ключевые слова: индустриальная алкоголизация, профилактика на рабочих местах.

«Постсоветский» период развития нашей страны характеризуется малым количеством исследований в отечественной социологии проблем индустриальной алкоголизации. Хотя прямые следствия алкоголизации работников для производственных патологий отследить достаточно сложно, тем не менее попытки оценить подобный эффект достаточно популярны¹ в различных странах, поскольку предполагается, что алкопотребление имеет серьезный понижающий эффект на уровень производительности труда и экономическую эффективность в целом. По результатам как отечественных, так и западных исследований, среди факторов, влияющих на алкоголизацию работников промышленных предприятий, выделяют факторы социального контроля, физической доступности спиртных напитков, особенности организа-

¹ *Frone M. R* Prevalence and distribution of alcohol use and impairment in the workplace: a U.S. national survey // *Journal of Studies on Alcohol*. 2006. 67.1 (Jan). P. 147(10); *French M. T., Roebuck M. Ch., Alexandre P.* Klllicit Drug Use, Employment, and Labor Force Participation // *Southern Economic Journal*. 2001. Vol. 68. No. 2. P. 349–368; Prevalence and patterns of alcohol use in the Australian workforce: findings from the 2001 National Drug Strategy Household Survey / *J. G. Berry* [et al.] // *Society for the Study of Addiction*. 2007. Vol. 102. No. 9 (September). P. 1399–1410.

ционной и социально-групповой субкультуры². В попытке построить модель способа адекватной идентификации уровня алкоголизации и методов ее снижения в ряде стран реализуются программы профилактики³. Начиная с 70-х гг. XX в. в США при участии правительственных институтов (на начальных этапах) была разработана и внедрена модель «Программ поддержки работников»⁴. На данный момент экономическая эффективность таких программ научно обоснована, и они достаточно широко распространены как на предприятиях США, так и в некоторых других странах. Финансируются они преимущественно за счет средств самих предприятий⁵.

В настоящей статье приведены данные, характеризующие алкоголизацию в трех российских регионах. Сбор данных осуществлялся на предприятиях, расположенных в трех крупных городах — центрах регионов в период с марта 2006 по апрель 2007 гг. при финансовой поддержке международной финансовой корпорации (*International Financial Corporation*). Исследование включало в себя опрос экспертов, опрос работников предприятий и описание системы охраны здоровья, действующей на этих предприятиях. Основной целью исследования было описание системы контроля здоровья работников предприятий, в том числе некоторых форм отклоняющегося поведения, связанного со здоровьем, таких как табакокурение, алкоголизация, наркотизация, пользование услугами проституток.

Выборка исследования включала в себя предприятия частного сектора Москвы, Санкт-Петербурга и Петрозаводска штатной численностью не менее 50 человек, руководство или собственники которых дали согласие на участие в исследовании. При отборе предприятий для

² Гурвич И.Н., Социальная психология здоровья. СПб: СПбГУ, 1999; Ames G. M., Janes C. A cultural approach to conceptualizing alcohol and the workplace / *Alcohol Health & Research World*. 1992. Vol. 16. Issue 2. P. 112–119; Work-site variation in managerial drinking / J. Howland [et al.] // *Addiction*. 1996. Vol. 91. No. 7. P. 1007.

³ Bamberger P., Biron M. The prevalence and distribution of employee substance-related problems and programs in the Israeli workplace // *Journal of Drug Issues*. 2006. Vol. 36. No. 4. P. 755; Worksite Barriers to the Effective Management of Alcohol Problems / N.S. Bell [et al.] // *Journal of occupational and environmental medicine*. 1996. Vol. 38. No. 12. P. 1213.

⁴ Sonnenstuhl W.J. The job-treatment balance in employee assistance programs // *Alcohol Health & Research World*. 1992. Vol. 16. Issue 2. P. 129; Roman P.M., Blum T.C. The Workplace and Alcohol Problem Prevention // *Alcohol Research & Health*. 2002. Vol. 26. No. 1.

⁵ Brief Physician Advice for Problem Drinkers: Long-Term Efficacy and Benefit-Cost Analysis / M.F. Fleming [et al.] // *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*. 2002 (January). Vol. 26. No. 1; Benefit-Cost Analysis of Brief Physician Advice with Problem Drinkers in Primary Care Settings / M.F. Fleming [et al.] // *Medical Care*. 2000 (January). Vol. 38. No. 1. P. 7–18.

участия в исследовании также учитывалась национальная принадлежность капитала (российский, западный, совместный). Планировалось опросить работников 5 российских и 3 западных предприятий в Москве, такое же количество и в таком же соотношении — в Санкт-Петербурге и 5 российских предприятий — в Петрозаводске. Предполагался *стандартизованный опрос* 25 работников производства с каждого предприятия в следующем соотношении: 18–20 работников исполнительского уровня к 5–7 управленческим работникам. Фактическая реализация плана выборки приведена в таблице 1. Также были проведены *полустандартизованные интервью «лицом к лицу»* с представителями топ-менеджмента организации, службы управления персоналом, медицинской службы/медицинского работника (если таковой имелся на предприятии). Фактическая реализация выборки выглядит следующим образом. На московских предприятиях было опрошено 5 представителей топ-менеджмента организаций, 10 представителей службы управления персоналом и 2 медицинских работника. На предприятиях Санкт-Петербурга — 6 представителей топ-менеджмента организаций, 12 представителей службы управления персоналом и 5 медицинских работников. На предприятиях Петрозаводска — 1 представитель топ-менеджмента организации, 11 представителей службы управления персоналом и 3 медицинских работника. В табл. 1 представлена структура опрошенных работников предприятий по социально-должностным позициям, присутствию зарубежного капитала, величине и отраслевой принадлежности их предприятия.

Таблица 1

Реализация плана выборки

Отрасль	Право собственности	Штатная численность	Руководители	Исполнители
Москва				
Рекламная деятельность	рос.	51	4	20
Производство спецодежды	рос.	12000	3	22
Производство пищевых продуктов	рос.	60	5	18
Производство пищевых продуктов	рос.	220	5	19

Таблица 1 (продолжение)

Реализация плана выборки

Отрасль	Право собственности	Штатная численность	Руководители	Исполнители
Москва				
Рекламная деятельность	рос.	59	4	16
Розничная торговля	зап.	5000	4	20
Транспортные услуги	зап.	180	9	14
Авиационные перевозки	зап.	46	0	13
Всего			34	142
Санкт-Петербург				
Рекламная деятельность	Рос.	110	5	18
Транспортные услуги	Рос.	320	10	15
Строительство	Рос.	120	5	15
Строительство	Рос.	187	2	19
Химическое производство	Рос.	280	8	14
Строительство	Зап.	800	10	12
Производство пищевых продуктов	Зап.	1200	10	38
Химическое производство	Зап.	130	5	16
Всего			55	147
Петрозаводск				
Строительство дорог	Рос.	200	8	12
Пищевое производство	Рос.	296	8	17
Производство алкогольных продуктов	Рос.	181	9	20
Транспортные услуги	Рос.	180	7	22
Машиностроение	Рос.	1700	5	17
Всего			37	88
Всего			126	377
Итого			503	

Математико-статистическая обработка данных стандартизованного опроса заключалась в получении простых распределений, оценке статистической достоверности различий по χ^2 -критерию, расчете множественной регрессии с помощью ППП SPSS 13,0. Данные, полученные в ходе интервью, анализировались с помощью контент-анализа.

Характеристики городов. Как видно из таблицы 2 (данные Росстата), в Москве на период окончания проведения опроса численность населения более чем в два раза превышала численность населения Санкт-Петербурга и примерно в пятнадцать раз — Республики Карелия. При этом численность населения Санкт-Петербурга и Республики Карелия убывает начиная с 2005 г., а Москвы — напротив, растет.

Таблица 2

Численность постоянного населения на 1 января, чел.
(источник: www.gks.ru)

	2005	2006	2007
Москва	10406578	10425075	10442663
Санкт-Петербург	4600000	4580620	4571184
Республика Карелия	703080	697521	693150

Численность больных, взятых под наблюдение с диагнозом «алкоголизм и алкогольные психозы», установленным впервые в жизни за три года, предшествующих опросу, снижалась во всех трех регионах (таблица 3).

Таблица 3

Численность больных, взятых под наблюдение с диагнозом «алкоголизм и алкогольные психозы», установленным впервые в жизни, значение показателя за год, чел
(источник: www.gks.ru)

	2005	2006	2007
Москва	7247	6978	6143
Санкт-Петербург	3549	3338	2442
Республика Карелия	1682	1663	1396

Этот же показатель в расчете на 100 тыс. населения демонстрирует, конечно, такую же динамику (таблица 4). Однако следует отметить, что в Республике Карелия его значения выше, чем в Москве и Санкт-Петербурге в 3–4 раза.

Таблица 4

Заболееваемость населения, взятого под наблюдение с впервые установленным диагнозом «алкоголизм и алкогольные психозы», значение показателя за год, чел. на 100 тыс. населения (источник: www.gks.ru)

	2005	2006	2007
Москва	69,6	66,9	58,7
Санкт-Петербург	77,3	72,9	53,4
Республика Карелия	240,2	239,2	201,8

Число умерших от случайного отравления алкоголем в Москве и Республике Карелия за три года, предшествующих опросу, снижалось, за исключением Санкт-Петербурга: в 2006 году – упало, затем незначительно выросло (таблица 5).

Таблица 5

Число умерших от случайного отравления алкоголем, за год, чел. (источник: www.gks.ru)

	2005	2006	2007
Москва	376	291	276
Санкт-Петербург	537	358	374
Республика Карелия	415	311	298

В перерасчете отравлений алкоголем на 100 тыс. населения (таблица 6) видно, что данная тенденция сохраняется. Однако в Санкт-Петербурге этот показатель отличается от Москвы в несколько раз, а в Карелии — на порядок их превосходит. Вероятно, это связано с географическим и экономическим положением Москвы: большей близостью к южным регионам, самыми благоприятными экономическими условиями, что в результате приводит к меньшим концентрациям

«северного стиля» потребления алкоголя. В расчет же значений по Республике Карелия, очевидно, включается и сельская местность, на территории которой обычно наблюдаются более тяжелые формы алкоголизации.

Таблица 6

Число умерших от случайного отравления алкоголем, за год, на 100 тыс. населения (в скобках показано соотношение данных по субъектам РФ к данным по Москве)
(источник: www.gks.ru)

	2005	2006	2007
Москва	3,6 (1,0)	2,8 (1,0)	2,6 (1,0)
Санкт-Петербург	11,7 (3,2)	7,8 (2,8)	8,2 (3,1)
Республика Карелия	59,0 (16,3)	44,6 (16,0)	43,0 (16,3)

Среднегодовая численность занятого населения устойчиво росла на всех трех территориях (таблица 7). Также росла и занятость в частном секторе, как в абсолютных (таблица 7), так и в относительных показателях (таблица 8). При этом те же показатели занятости на предприятиях смешанной (частно-государственной) российской собственности (без иностранного участия) неуклонно падали на всех трех территориях. Показатели же занятости в совместном (российско-иностранном) бизнесе неуклонно росли в Москве и Санкт-Петербурге и падали в Республике Карелия. Данных по предприятиям иностранной собственности в статистических источниках обнаружить не удалось.

Численность незанятых граждан, обратившихся за содействием в поиске подходящей работы в государственные учреждения службы занятости, неуклонно падало на всех трех территориях, как в абсолютных значениях, так и в отношении к занятому населению (таблицы 9 и 10).

В целом, экономическую ситуацию на всех трех территориях можно охарактеризовать как улучшающуюся.

Таблица 7

Среднегодовая численность занятого населения, значение показателя за год, чел.
(источник: www.gks.ru)

	Москва	Санкт-Петербург	Республика Карелия	2005		2006		2007		2005		2006		2007	
				2005	2006	2005	2006	2005	2006	2005	2006	2005	2006	2005	2006
Всего	6156837	6242947	6396841	2426994	2445220	2473354	349032	352452	353668	179246	23639	25191	27126	186777	159900
Частная собственность	3105521	3200326	3368799	1365813	1363952	1379679	160132	172584	179246	23639	25191	27126	186777	159900	633569
Смешанная российская собственность (без иностранного участия)	764343	718445	655575	123227	123161	120003	24244	23729	23639	25191	27126	186777	159900	633569	570053
Совместная российская и иностранная собственность	570053	633569	690623	132564	159900	186777	27126	25191	21799	21799					

Таблица 8

Среднегодовая численность занятого населения по секторам в отношении к общей численности занятого населения, доля (%) (источник: www.gks.ru)

	Москва	Санкт-Петербург	Республика Карелия	2005		2006		2007		2005		2006		2007	
				2005	2006	2005	2006	2005	2006	2005	2006	2005	2006	2007	
Частная собственность	50,4	51,3	52,7	56,3	55,8	55,8	45,9	49,0	50,7	6,7	6,7	6,7	6,7	6,7	6,2
Смешанная российская собственность (без иностранного участия)	12,4	11,5	10,2	5,1	5,0	4,9	6,9	6,7	6,7	6,7	6,7	6,7	6,7	6,7	6,2
Совместная российская и иностранная собственность	9,3	10,1	10,8	5,5	6,5	7,6	7,8	7,1	6,2	6,2	6,2	6,2	6,2	6,2	6,2

Таблица 9

Среднегодовая численность незанятых граждан, обратившихся за содействием в поиске работы в государственные учреждения службы занятости, тыс. чел.
(источник: www.gks.ru)

Москва	Санкт-Петербург	Республика Карелия						
2005	2006	2007	2005	2006	2007	2005	2006	2007
74,8	77,2	62,2	49,5	40,9	36,0	13,7	13,0	11,5

Таблица 10

Численность незанятых граждан, обратившихся за содействием в поиске подходящей работы в государственные учреждения службы занятости, среднее значение за год в соотношении к числу занятого населения, доля (%) (источник: www.gks.ru)

Москва	Санкт-Петербург	Республика Карелия						
2005	2006	2007	2005	2006	2007	2005	2006	2007
1,2	1,2	1,0	2,0	1,7	1,5	3,9	3,7	3,3

Результаты исследования. Как видно из таблицы 11, выборка по полу распределилась почти «пополам». Однако доля женщин среди опрошенных работников предприятий Москвы составила порядка 2/3, а в Санкт-Петербурге — около 1/3. Наибольшая доля респондентов (порядка 1/3) была в возрасте 26–35 лет (таблица 12), порядка 1/4 — в возрасте 36–45 лет (23,3%). Лица в возрасте 25 лет и старше составили около 1/5 выборки, в возрасте 46–55 лет — 1/6, 56–65 лет — менее 5%, 66 лет и старше — 1,0%. Несколько более половины респондентов замужем или женаты (таблица 13), большинство имеет детей (таблица 14). Уровень образования опрошенных распределяется следующим образом (таблица 15): высшее и среднее специальное образование имеют по 2/5 выборки, незаконченное высшее — чуть менее 1/5 и закончили аспирантуру или имеют ученую степень —

3,0%. Имеют дополнительное, связанное с производством, образование около 1/4 респондентов (таблица 16). Относят себя к какой-либо конфессии 1/3 респондентов (таблица 17), при этом в подавляющем большинстве случаев — это русская православная религия (таблица 18). Более детальная информация о структуре выборки приведена в таблицах 11–18.

По результатам стандартизованного опроса подавляющее большинство респондентов являются актуальными потребителями алкоголя — 92,4% ответили, что употребляли алкоголь в течение 12 месяцев, предшествующих опросу (таблица 19). Несколько более трети выборки (таблица 20) употребляют алкоголь раз в месяц или реже, около половины — еженедельно или почти еженедельно, порядка 1/10 — демонстрируют алкоголизацию от 2-х до 3-х раз в неделю и 5,8% — почти ежедневную. Наиболее частую алкоголизацию демонстрируют работники предприятий Петрозаводска: самые высокие показатели еженедельного (15,7%) и ежедневного (8,6%) потребления. Далее следует Москва: 10,5% потребляют от 2-х до 4-х раз в неделю и 5,6% — почти ежедневно. Санкт-Петербург демонстрирует самую высокую долю в ежемесячном потреблении алкоголя: 52,5% и наименьшие — в еженедельном (7,6%) и ежедневном (0,8%) потреблении.

Большинство работников демонстрируют достаточно низкий уровень алкоголизации за один типичный случай потребления: прием 40 мл «чистого» алкоголя или менее, что характерно для половины выборки, около 80 мл — для чуть менее 2/5 выборки (таблица 21). Тяжелую алкогольную интоксикацию демонстрируют порядка 15% опрошенных: около 160 мл потребляют за один типичный случай потребления алкоголя 13,1% работников, около 200 мл — 1,1% и 240 мл или более — 0,9%. Тяжелое бытовое пьянство эпизодически демонстрируют 2/5 опрошенных (таблица 22), ежемесячно такое количество алкоголя употребляет 10,7%, еженедельно — 5,0%, почти ежедневно — 1,0%.

Расчет показателей множественной регрессии, построенной с целью объяснить потребление алкоголя, показал следующие результаты. На сам факт потребления алкоголя влияет религия ($R=0,270$, $\beta=0,270$, $p\leq 0,001$), вероятность потребления алкоголя возрастает при введении в модель индикатора «пол» ($R=0,323$, $p\leq 0,001$). Как видно из таблицы 23, женщины незначительно чаще, чем мужчины, являются актуальными потребителями алкоголя ($\beta=-0,178$, $p\leq 0,05$). Также видно, что алкопотребление в большей степени характерно

для респондентов, придерживающихся христианского вероисповедования ($\beta=0,291$, $p \leq 0,001$).

На частоту потребления алкогольных напитков влияет семейное положение ($R=0,248$, $\beta=-0,248$, $p \leq 0,01$), сила связи увеличивается при учете образования ($R=0,335$, $\beta=-0,226$, $p \leq 0,01$), возраста ($R=0,373$, $\beta=-0,169$, $p \leq 0,05$) и достигает максимума при включении в модель пола ($R=0,418$, $\beta=-0,154$, $p \leq 0,05$). Из той же таблицы можно сделать вывод, что максимальную частоту алкопотребления демонстрируют женатые/замужние, далее идут вдовы/вдовцы, те, кто в разводе, одинокие; и наименьшую частоту (не чаще, чем раз в неделю) демонстрируют те, кто проживает в гражданском браке. Более частое потребление алкоголя можно наблюдать среди лиц с незаконченным высшим образованием, закончивших аспирантуру или имеющих ученую степень. Доля респондентов, демонстрирующих потребление алкоголя раз в месяц и реже, с возрастом увеличивается. Однако наибольшие суммарные доли потребителей алкоголя несколько с частотой один раз в неделю сосредоточены в возрастных категориях 26–35 лет и 55–65 лет. В последней возрастной группе, вероятно, такой показатель может быть объяснен особенностями течения алкогольной болезни («выгорание» эксцессивного пьянства). Среди мужчин можно увидеть и большие доли употребляющих алкогольные напитки несколько раз в неделю по сравнению с женщинами. Они употребляют алкоголь, как правило, не чаще, чем раз в неделю.

Высокие показатели связи с алкоголизацией (доза потребления алкоголя за один случай алкоголизации, таблица 24) были обнаружены для таких демографических и социальных характеристик респондентов, как пол ($R=0,516$, $\beta=-0,516$, $p \leq 0,001$), возраст ($R=0,572$, $\beta=-0,248$, $p \leq 0,001$) и дополнительное, связанное с производством, образование ($R=0,591$, $\beta=-0,151$, $p \leq 0,001$). Подавляющее число женщин демонстрирует низкий и умеренный уровень алкоголизации за один случай приема алкоголя, тогда как суммарно около 1/4 мужчин, употребляя алкоголь, достигают уровня тяжелой алкогольной интоксикации (доза — свыше 160 мл чистого алкоголя). С возрастом частота достижения тяжелого уровня алкоголизации неуклонно спадает (упомянутое «выгорание»). Максимальные значения этого показателя наблюдаются в группе 26–35 лет. Среди лиц, имеющих дополнительное образование, можно видеть большую долю тех, кто употребляет алкоголь в небольших количествах. Вероятно, мотива-

ция профессионального развития является «протективным» фактором по отношению к алкопотреблению, а сама алкоголизация носит инструментальный характер.

На частоту употребления алкоголя в количестве, достаточном для достижения тяжелой алкогольной интоксикации, влияют пол ($R=0,307$, $\beta=-0,307$, $p\leq 0,001$), возраст ($R=0,370$, $\beta=-0,209$, $p\leq 0,01$) и образование ($R=0,402$, $\beta=-0,165$, $p\leq 0,05$). Подавляющее число женщин не демонстрирует такого поведения, доля же тех, у кого такие случаи наблюдаются эпизодически, в несколько раз отличается от доли мужчин. Суммарно около половины мужчин демонстрируют такое поведение, по крайней мере, не реже, чем один раз в год. Несколько более половины от этой доли (чуть более четверти всех мужчин, охваченных исследованием) достигают уровня тяжелой алкогольной интоксикации раз в месяц и чаще. Частота возникновения таких случаев с возрастом неуклонно падает, «пик» же приходится на возрастную группу до 35 лет. Наименьшую частоту возникновения эпизодов тяжелой алкогольной интоксикации демонстрируют лица с высшим образованием. Наибольшую частоту — лица со средним специальным образованием либо закончившие аспирантуру или даже имеющие ученую степень.

На всех предприятиях, включенных в исследование, выполняется требование законодательства РФ⁶ об обязательном медицинском страховании работников. Данный вид страхования осуществляется за счет государственных средств.

В рамках базовой программы обязательного медицинского страхования граждан Российской Федерации⁷ (далее — базовая программа) предоставляется амбулаторно-поликлиническая и стационарная помощь в учреждениях здравоохранения независимо от их организационно-правовой формы при инфекционных и паразитарных заболеваниях (за исключением заболеваний, передаваемых половым пу-

⁶ «...6.3. При увольнении работающего гражданина с постоянного места работы администрация предприятия обязана получить у него выданный ему ранее страховой медицинский полис и вернуть его страховой медицинской организации. При трудоустройстве гражданин обязан получить страховой медицинский полис у работодателя или в страховой медицинской организации. Неработающие граждане при изменении постоянного места проживания должны возвратить полученный ими полис и получить другой по новому месту постоянного жительства...» // Правила обязательного медицинского страхования. URL http://medstrach.org/med_os.htm

⁷ Там же.

тем, туберкулеза и синдрома приобретенного иммунодефицита⁸), при новообразованиях, болезнях эндокринной системы, расстройств питания и нарушениях обмена веществ, болезнях нервной системы, болезнях крови, кроветворных органов и отдельных нарушениях, вовлекающих иммунный механизм, болезнях глаза и его придаточного аппарата, болезнях уха и сосцевидного отростка, болезнях системы кровообращения, болезнях органов дыхания, болезнях органов пищеварения, болезнях мочеполовой системы, болезнях кожи и подкожной клетчатки, болезнях костно-мышечной системы и соединительной ткани, заболеваниях зубов и полости рта, при беременности, родах и в послеродовом периоде, включая аборт, при травмах, отравлениях и некоторых других последствиях воздействия внешних причин, врожденных аномалиях (пороках развития), деформациях и хромосомных нарушениях у взрослых.

Базовая программа осуществляется за счет средств обязательного медицинского страхования.

Отношения субъектов (участников) обязательного медицинского страхования регулируются законодательством Российской Федерации.

Медицинская помощь в рамках базовой программы предоставляется гражданам на всей территории Российской Федерации в соответствии с договорами обязательного медицинского страхования. Такую медицинскую помощь работники могут получить либо по своему месту жительства, либо по месту регистрации.

На основе базовой программы органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации разрабатывают и утверждают территориальные программы обязательного медицинского страхования.

По результатам интервью можно заключить, что около половины обследованных предприятий (10 из 21 предприятия, принимавших участие в исследовании: в Москве — 3 из 8, в Санкт-Петербурге — 4 из 8, в Петрозаводске — 3 из 5) имеют в штате постоянного медицинского работника, в подавляющем большинстве случаев — одного.

В организационно-штатной структуре лишь одной организации, расположенной в Петрозаводске (с российским капиталом), имеется

⁸ Регулируется в рамках федеральной целевой программы «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями (2007–2011 годы)», распоряжение Правительства РФ №1706-р от 11.12.2006 г. URL http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_118742.html

3 медицинских работника: заведующий здравпунктом, врач-профпатолог и фельдшер. Предприятие в достаточной степени обеспечено помещениями для осуществления профилактической медицинской деятельности: кабинет врача, процедурный кабинет, физиотерапевтический кабинет, кабинет для профилактической работы, кабинет заведующего, автоклава. На этом же предприятии имеется развитая служба охраны труда. Ее структура такова: начальник отдела, инженер по охране труда, старший инженер по надзору, инженер по охране окружающей среды. В состав службы входит лаборатория для осуществления замеров физических характеристик среды. Предприятие относится к машиностроительной отрасли и имеет производства с вредными и опасными условиями труда. Поэтому службы охраны здоровья и охраны труда необходимы здесь для соблюдения требований раздела X Трудового кодекса РФ. Штатная численность организации приближается к 2000 человек. Наивысшего подъема предприятие достигло в годы советского периода. По результатам интервью, хорошо развитая (на фоне большинства других предприятий) структура подразделений, отвечающих за охрану труда и здоровье работников, является не следствием прогрессивного развития организации, а пока еще сохранившимся «остатком» системы, существовавшей в советский период.

На всех предприятиях, где согласно законодательству РФ отдельные группы работников должны проходить профилактические медицинские осмотры, такие медицинские осмотры осуществляются за счет средств предприятия на базе медицинских учреждений территориальной сети, с которыми заключены соответствующие договора. Это относится к предприятиям транспортной отрасли, общественного питания, пищевого производства и строительства.

На тех же предприятиях, где раннее выявление общих и профессиональных заболеваний (профилактические медицинские осмотры) не регламентируется и не контролируется со стороны государства, такая деятельность не осуществляется. Аналогичная картина наблюдается и в отношении групп работников, не подлежащих профилактическим медицинским осмотрам, на предприятиях названных отраслей. Таким образом, практически на всех обследованных предприятиях профилактические медицинские осмотры проводятся только в том случае, если это регламентируется законом. Единственным исключением является одно из предприятий Петрозаводска транспортной отрасли, самостоятельно расширившее перечень групп работников,

подлежащих ежедневному медицинскому осмотру, и связано это было с необходимостью ужесточения контроля над употреблением работниками алкоголя.

Все предприятия с западным учредительным капиталом декларируют заботу о здоровье работников в качестве важного элемента стратегии управления и составляющей имиджа компании. В пяти из шести обследованных западных организаций действительно существуют в различных сочетаниях условия для сохранения и укрепления здоровья работников.

Следует отметить, что на петрозаводских предприятиях, охваченных исследованием, на принятие решений в сфере здоровья работников, включая выделение дополнительных материальных средств на эти цели, существенное влияние оказывают профсоюзы. Однако респонденты отмечают, что все же, по сравнению с советским периодом, профсоюзы резко уменьшили свою численность и в значительной степени утратили влияние в сфере сохранения и укрепления здоровья работников («руководство могло бы не принимать профсоюз в расчет, однако прислушивается к его мнению»).

На предприятиях с российским капиталом Москвы и Санкт-Петербурга, включенных в исследование, охрана и укрепление здоровья работников отнюдь не декларируются как стратегическая цель управления, никакие профилактические программы не осуществляются, дополнительных материальных средств, направленных на сохранение и укрепление здоровья работников, не выделяется. Нет на них и профсоюзов, за исключением одного предприятия в Санкт-Петербурге.

При этом, с одной стороны, специалисты сферы управления персоналом признают значение охраны здоровья работников в формировании привлекательности рабочих мест и соглашаются с необходимостью снижения затрат, вызванных неудовлетворительным качеством рабочей силы. С другой стороны, они оказались не в состоянии назвать какие-то реальные необходимые меры по сохранению и укреплению здоровья работников на их предприятии.

Большинство включенных в исследование предприятий Петрозаводска (4 из 5 организаций) участвовали в программе профилактики алкоголизма. Программа была реализована при поддержке администрации города в партнерстве со шведскими специалистами. Ключевой задачей программы было выявление уровня и основных поведенческих паттернов алкоголизации. По признанию начальника службы управления персоналом одного из предприятий, опрос работников

по данной тематике «заставил задуматься о происходящем». Именно на этом предприятии, как уже упоминалось, существовала проблема злоупотребления алкоголем сотрудниками, однако за счет расширения групп работников, подлежащих медицинскому осмотру перед началом работы, и применения штрафных санкций уровень нарушений трудовой дисциплины, связанных с употреблением алкоголя, удалось снизить с 20–25 случаев в месяц до 1–2 случаев. Вообще, отчетливую необходимость в профилактических программах осознают преимущественно на предприятиях Петрозаводска. Здесь специалистами называются не только «полезность и эффективность» подобных программ, но и их конкретное содержание: «в том числе против табакокурения, алкоголизма».

На вопрос о возможных источниках финансирования подобных программ большинство респондентов ответа дать не смогло. Приводились соображения: «и государство, и предприятие» (4 упоминания, Петрозаводск), «общественная организация» (1 упоминание, Санкт-Петербург).

Можно предположить, что такой характер высказываний о профилактических программах представителей российского бизнеса (за исключением Петрозаводска), отражает довольно распространенные организационные нормы. Необходимость осуществления профилактических программ скорее декларируется, поскольку является социально одобряемым направлением приложения управленческих усилий. Однако ясности нет не только в отношении реализации подобных программ, но и даже в отношении соответствующих планов, не говоря уже о целевом выделении каких-либо финансовых резервов.

Резюмируя, можно заключить, что целостных механизмов и структур, реализующих медицинский контроль алкоголизации, как на территории страны в целом, так и на отдельно взятых предприятиях не сложилось, несмотря на тот факт, что медицинское обслуживание несет функцию снижения вклада алкогольной патологии в общем объеме производственных затрат.

Заключение

Проведенное исследование убедительно демонстрирует связь алкоголизации работников промышленных предприятий с социально-экономическим состоянием территорий, на которых расположены

предприятия. При этом чем более в целом благополучна территория, тем, соответственно, ниже уровень алкоголизации работников, занятых на расположенных здесь предприятиях. Затраты на сохранение и укрепление здоровья работающих во многом обусловлены уровнем индустриальной алкоголизации, однако меры профилактики на предприятиях носят преимущественно декларативный характер, а финансирование их практически не предусматривается. Выявленные в исследовании закономерности употребления алкоголя отдельными демографическими и социальными группами работающих не только позволяют планировать профилактические программы, нацеленные на достижение конкретного результата, но и прогнозировать потенциальную динамику алкоголизации, исходя из знания процессов естественного движения трудоспособного населения. Безусловно, с точки зрения влияния на алкоголизацию привлекают к себе внимание такие аспекты личностного функционирования, как религиозность и мотивация достижения.

Таблица 11

Социально-демографические характеристики выборки:
пол, по городам, доля (%)

	Москва	Санкт-Петербург	Петрозаводск	Всего
Мужской	34,1	50,4	62,9	49,7
Женский	64,2	49,6	36,1	49,3
Доля респондентов, не давших ответа	1,7	0,0	1,0	1,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
χ^2 — критерий Пирсона	32,856			
$p \leq$	0,001			

Таблица 12

Социально-демографические характеристики выборки:
возраст, по городам, доля (%)

	Москва	Санкт-Петербург	Петрозаводск	Всего
25 лет или младше	22,7	10,4	26,7	21,3
26 – 35 лет	38,6	28,8	38,1	36,0
36 – 45 лет	19,3	32,8	20,8	23,3
46 – 55 лет	15,9	20,8	10,4	14,9
56 – 65 лет	1,1	5,6	2,5	2,8
66 лет и старше	0,6	1,6	1,0	1,0
Доля респондентов, не давших ответа	1,7	0,0	0,5	0,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
Chi 2-критерий	33,910			
p≤	0,001			

Таблица 13

Социально-демографические характеристики выборки:
семейное положение, по городам, доля (%)

	Москва	Санкт-Петербург	Петрозаводск	Всего
Одинок	23,3	10,4	23,8	20,3
Замужем/женат	47,7	69,6	49,0	53,7
В разводе	6,8	8,0	7,4	7,4
Вдова/вдовец	0,6	4,8	2,0	2,2
Проживает в гражданском браке	20,5	7,2	17,3	15,9
Доля респондентов, не давших ответа	1,1	0,0	0,5	0,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
χ^2 – критерий Пирсона	32,235			
p≤	0,001			

Таблица 14

Социально-демографические характеристики выборки:
наличие детей, по городам, доля (%)

	Москва	Санкт-Петербург	Петрозаводск	Всего
Есть	53,4	81,6	59,4	62,8
Нет	44,3	18,4	40,1	36,2
Доля респондентов, не давших ответа	2,3	0,0	0,5	1,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
χ^2 – критерий	29,517			
$p \leq$	0,001			

Таблица 15

Социально-демографические характеристики выборки:
образование, по городам, доля (%)

	Москва	Санкт-Петербург	Петрозаводск	Всего
Среднее специальное	21,6	55,2	40,6	37,6
Незаконченное высшее	14,2	13,6	23,3	17,7
Высшее	58,5	30,4	33,2	41,4
Аспирантура, ученая степень	4,5	0,8	3,0	3,0
Доля респондентов, не давших ответа	1,1	0,0	0,0	0,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
χ^2 – критерий	55,333			
$p \leq$	0,001			

Таблица 16

Социально-демографические характеристики выборки: наличие дополнительного, связанного с производством, образования, по городам, доля (%)

	Москва	Санкт-Петербург	Петрозаводск	Всего
1	2	3	4	5
Есть	25,6	23,2	24,3	24,5
Нет	72,2	75,2	75,2	74,2

Таблица 16 (продолжение)

1	2	3	4	5
Доля респондентов, не давших ответа	2,3	1,6	0,5	1,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
χ^2 – критерий	2,506			
$p \leq$	н/з			

Таблица 17

Принадлежность к конфессиям, по городам, доля (%)

	Москва	Санкт-Петербург	Петрозаводск	Всего
Относит к какой-либо	40,3	25,6	34,7	34,4
Не относит	58,5	74,4	64,4	64,8
Доля респондентов, не давших ответа	1,1	0,0	1,0	0,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
χ^2 -критерий	8,826			
$p \leq$	н/з			

Таблица 18

Принадлежность к какой-либо конфессии, по городам, доля (%)

	Москва	Санкт-Петербург	Петрозаводск	Всего
Русская православная	84,5	100,0	95,7	91,9
Другая официальная христианская религия (католицизм, протестантизм)	0,0	0,0	0,0	0,0
Неофициальное религиозное направление внутри христианской религии («сектантство»)	0,0	0,0	1,4	0,6
Славянское или германское язычество	8,5	0,0	1,4	4,0
Иудаизм	1,4	0,0	0,0	0,6
Мусульманство	8,5	0,0	1,4	4,0
Буддизм	0,0	0,0	0,0	0,0

Таблица 18 (продолжение)

Шаманизм	0,0	0,0	0,0	0,0
Другая религия или религиозное течение	0,0	0,0	0,0	0,0
Доля респондентов, не давших ответа	2,8	0,0	1,4	1,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
χ^2 — критерий Пирсона	13,500			
$p \leq$	н/з			

Таблица 19

Потребление алкоголя в течение года, предшествующего опросу, по городам, доля (%)

	Москва	Санкт-Петербург	Петрозаводск	Всего
Да, употреблял(а)	92,0	94,4	91,6	92,4
Нет, не употреблял(а)	8,0	5,6	8,4	7,6
Доля респондентов, не давших ответа	0,0	0,0	0,0	0,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
χ^2 — критерий Пирсона	0,939			
$p \leq$	н/з			

Таблица 20

Частота потребления алкоголя в течение года, предшествующего опросу, по городам, доля (%)

	Москва	Санкт-Петербург	Петрозаводск	Всего
Раз в месяц или реже	40,7	37,3	33,0	36,8
От 2-х до 4-х раз в месяц	43,2	52,5	42,7	45,4
От 2-х до 3-х раз в неделю	10,5	7,6	15,7	11,8
4 раза в неделю или чаще	5,6	1,7	8,6	5,8
Доля респондентов, не давших ответа	0,0	0,8	0,0	0,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
χ^2 — критерий Пирсона	16,510			
$p \leq$	0,05			

Таблица 21

Норма потребления алкоголя за один случай приема в течение года, предшествующего опросу, по городам, доля (%)

	Москва	Санкт-Петербург	Петрозаводск	Всего
40 мл. или менее	53,1	46,6	42,7	47,3
около 80 мл.	36,4	34,7	39,5	37,2
около 160 мл.	9,9	16,1	14,1	13,1
около 200 мл.	0,0	1,7	1,6	1,1
240 мл или более	0,6	0,0	1,6	0,9
Доля респондентов, не давших ответа	0,0	0,8	0,5	0,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
χ^2 — критерий Пирсона	10,955			
$p \leq$	н/з			

Таблица 22

Частота случаев тяжелой алкоголизации в течение года, предшествующего опросу, доля по городам, (%)

	Москва	Санкт-Петербург	Петрозаводск	Всего
Никогда	69,9	60,8	60,4	63,8
Реже 1-го раза в месяц	18,8	20,0	19,8	19,5
Около 1-го раза в месяц	7,4	11,2	13,4	10,7
Около 1-го раза в неделю	2,8	8,0	5,0	5,0
Ежедневно или почти ежедневно	1,1	0,0	1,5	1,0
Доля респондентов, не давших ответа	0,0	0,0	0,0	0,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
χ^2 -критерий	10,490			
$p \leq$	н/з			

Таблица 23

Распределение факториальных переменных по индикаторам алкопотребления, доля (%)

	Потребление алкоголя			Частота потребления алкоголя					
	Да, употребляет(а)	Нет, не употребляет(а)	Всего	Раз в месяц или реже	От 2-х до 4-х раз в месяц	От 2-х до 3-х раз в неделю	4 раза в неделю или чаще	Доля респондентов, не давших ответа	Всего
Пол									
Мужской	90,0	10,0	100,0	27,6	48,4	13,3	10,2	0,4	100,0
Женский	94,8	5,2	100,0	46,0	43,0	9,4	1,7	0,0	100,0
Возраст									
25 лет или младше	90,7	9,3	100,0	27,8	55,7	11,3	5,2	0,0	100,0
26–35 лет	94,5	5,5	100,0	32,2	46,2	11,7	9,9	0,0	100,0
36–45 лет	91,5	8,5	100,0	40,2	44,9	14,0	0,9	0,0	100,0
46–55 лет	90,7	9,3	100,0	50,0	39,7	7,4	2,9	0,0	100,0
56–65 лет	100,0	0,0	100,0	64,3	7,1	7,1	14,3	7,1	100,0
66 лет и старше	80,0	20,0	100,0	50,0	50,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Семейное положение									
Одинок\а\	93,1	6,9	100,0	21,1	63,2	9,5	6,3	0,0	100,0
Замужем/женат	90,7	9,3	100,0	35,5	44,1	12,7	7,3	0,4	100,0
В разводе	100,0	0,0	100,0	45,9	37,8	10,8	5,4	0,0	100,0
Вдова/вдовец	100,0	0,0	100,0	63,6	18,2	18,2	0,0	0,0	100,0
Проживает в гражданском браке	92,5	7,5	100,0	52,7	35,1	10,8	1,4	0,0	100,0
Наличие детей									
Есть	91,8	8,2	100,0	39,0	41,7	12,8	6,2	0,3	100,0
Нет	93,4	6,6	100,0	33,5	51,2	10,0	5,3	0,0	100,0

Таблица 23 (продолжение)

Распределение факториальных переменных по индикаторам алкопотребления, доля (%)

	Потребление алкоголя			Частота потребления алкоголя					
	Да, употреблял(а)	Нет, не употреблял(а)	Всего	Раз в месяц или реже	От 2-х до 4-х раз в месяц	От 2-х до 3-х раз в неделю	4 раза в неделю или чаще	Доля респондентов, не давших ответа	Всего
Образование									
Среднее специальное	86,8	13,2	100,0	39,0	41,5	16,5	2,4	0,6	100,0
Незаконченное высшее	91,0	9,0	100,0	28,4	56,8	4,9	9,9	0,0	100,0
Высшее	97,6	2,4	100,0	38,9	45,3	10,3	5,4	0,0	100,0
Аспирантура, ученая степень	100,0	0,0	100,0	26,7	33,3	13,3	26,7	0,0	100,0
Наличие дополнительного образования, связанного с производством									
Есть	91,9	8,1	100,0	38,1	44,2	7,1	10,6	0,0	100,0
Нет	92,5	7,5	100,0	36,5	45,5	13,3	4,3	0,3	100,0
Принадлежность к каким-либо конфессиям									
Относит	90,8	9,2	100,0	30,6	51,0	11,5	7,0	0,0	100,0
Не относит	93,3	6,7	100,0	39,5	43,1	11,8	5,3	0,3	100,0
Русская православная	92,5	7,5	100,0	29,3	51,7	12,2	6,8	0,0	100,0
«Сектантство»	100,0	0,0	100,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Иудаизм	100,0	0,0	100,0	0,0	100,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Мусульманство	71,4	28,6	100,0	80,0	20,0	0,0	0,0	0,0	100,0

Таблица 24

Распределение факториальных переменных по индикаторам алкоголеобращения, доля (%)

	Доза потребления алкоголя за один случай алкоголеобращения	Частота случаев тяжелой алкоголеобращения	около 80 мл.	около 160 мл.	около 200 мл.	240 мл или более	Доля респондентов, не давших ответа,	Всего		Никогда	Реже 1-го раза в месяц	Около 1-го раза в месяц	Около 1-го раза в неделю	Ежедневно или почти ежедневно	Всего
								Всего	Ежедневно или почти ежедневно						
Пол															
Мужской	26,2	48,4	20,9	1,8	1,8	1,8	0,9	100,0	47,6	26,0	16,0	8,8	1,6	100,0	
Женский	66,8	26,8	6,0	0,4	0,0	0,0	0,0	100,0	80,6	12,5	5,2	1,2	0,4	100,0	
Возраст															
25 лет или младше	39,2	42,3	14,4	1,0	2,1	1,0	1,0	100,0	53,3	24,3	18,7	3,7	0,0	100,0	
26 – 35 лет	40,4	40,9	16,4	1,2	1,2	0,0	0,0	100,0	59,1	21,5	10,5	6,1	2,8	100,0	
36 – 45 лет	47,7	38,3	12,1	1,9	0,0	0,0	0,0	100,0	68,4	17,9	6,8	6,8	0,0	100,0	

Таблица 24 (продолжение)

Распределение факториальных переменных по индикаторам алкопогрешения, доля (%)

	Доза потребления алкоголя за один случай алкоголизации	Частота случаев тяжелой алкоголизации	около 80 мл.	около 160 мл.	около 200 мл.	240 мл или более	Доля респондентов, не давших ответа,	Всего	Никогда	Реже 1-го раза в месяц	Около 1-го раза в месяц	Около 1-го раза в неделю	Ежедневно или почти ежедневно	Всего
46–55 лет	63,2	29,4	7,4	7,4	0,0	0,0	0,0	100,0	80,0	9,3	9,3	1,3	0,0	100,0
56–65 лет	78,6	7,1	7,1	0,0	0,0	0,0	7,1	100,0	71,4	21,4	0,0	7,1	0,0	100,0
66 лет и старше	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Семейное положение														
Одинок \a\	42,1	37,9	14,7	3,2	2,1	0,0	0,0	100,0	48,0	29,4	17,6	3,9	1,0	100,0
Замужем/ женат	48,6	35,5	13,9	0,8	0,8	0,4	0,4	100,0	70,7	13,7	8,5	5,6	1,5	100,0
В разводе	43,2	43,2	13,5	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0	62,2	18,9	13,5	5,4	0,0	100,0

Таблица 24 (продолжение)
 Распределение факториальных переменных по индикаторам алкоголеобращения, доля (%)

	Доза потребления алкоголя за один случай алкоголизации	Частота случаев тяжелой алкоголизации	около 80 мл.	около 160 мл.	около 200 мл.	240 мл или более	Доля респондентов, не давших ответа	Всего	Никогда	Реже 1-го раза в месяц	Около 1-го раза в месяц	Около 1-го раза в неделю	Ежедневно или почти ежедневно	Всего
Вдова/вдовец	54,5	36,4	9,1	9,1	0,0	0,0	0,0	100,0	63,6	27,3	0,0	9,1	0,0	100,0
Проживает в гражданском браке	50,0	40,5	9,5	9,5	0,0	0,0	0,0	100,0	63,8	23,8	8,8	3,8	0,0	100,0
Наличие детей														
Есть	51,4	35,2	11,7	11,7	0,7	0,7	0,3	100,0	71,5	15,8	6,6	5,7	0,3	100,0
Нет	40,6	40,6	15,3	1,8	1,8	1,2	0,6	100,0	52,2	24,7	17,6	3,3	2,2	100,0
Образование														
Среднее специальное	44,5	37,8	15,2	1,8	1,8	0,0	0,6	100,0	61,4	16,9	13,8	7,4	0,5	100,0

Таблица 24 (продолжение)

Распределение факториальных переменных по индикаторам алкопребления, доля (%)

	Доза потребления алкоголя за один случай алкоголизации	Частота случаев тяжелой алкоголизации	около 80 мл.	около 160 мл.	около 200 мл.	240 мл или более	Доля респондентов, не давших ответа	Всего	Никогда	Реже 1-го раза в месяц	Около 1-го раза в месяц	Около 1-го раза в неделю	Ежедневно или почти ежедневно	Всего
Незаконченное высшее	42,0	37,0	14,8	0,0	4,9	1,2	100,0	59,6	23,6	13,5	3,4	0,0	100,0	
Высшее	51,7	38,4	9,4	0,5	0,0	0,0	100,0	68,3	20,2	7,7	1,9	1,9	100,0	
Аспирантура, ученая степень	40,0	20,0	33,3	6,7	0,0	0,0	100,0	66,7	6,7	0,0	26,7	0,0	100,0	
Наличие дополнительного образования, связанного с производством														
Есть	52,2	31,0	14,2	0,9	1,8	0,0	100,0	62,6	20,3	7,3	7,3	2,4	100,0	
Нет	45,2	40,0	12,5	1,2	0,6	0,6	100,0	64,6	18,5	12,1	4,3	0,5	100,0	

Таблица 24 (продолжение)
 Распределение факториальных переменных по индикаторам алкоголеобращения, доля (%)

	Доза потребления алкоголя за один случай алкоголизации	Частота случаев тяжелой алкоголизации	около 160 мл.	около 200 мл.	240 мл или более	Доля респондентов, не давших ответа	Всего	Никогда	Реже 1-го раза в месяц	Около 1-го раза в месяц	Около 1-го раза в неделю	Ежедневно или почти ежедневно	Всего
Относит	47,1	35,0	14,0	1,3	2,5	0,0	100,0	65,9	22,5	7,5	3,5	0,6	100,0
Не относит	46,7	38,8	12,8	1,0	0,0	0,7	100,0	62,9	17,5	12,6	5,8	1,2	100,0
Русская православная	47,6	34,7	13,6	1,4	2,7	0,0	100,0	64,8	23,3	8,2	3,1	0,6	100,0
«Сектанство»	0,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Иудаизм	0,0	0,0	100,0	0,0	0,0	0,0	100,0	0,0	100,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Мусульманство	60,0	40,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0	85,7	14,3	0,0	0,0	0,0	100,0

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белоусов Константин Юрьевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии девиантности и социального контроля. beloysov@mail.ru

Бодановская Зинаида Дамировна — младший научный сотрудник сектора социологии девиантности и социального контроля.

Божков Олег Борисович — старший научный сотрудник, руководитель группы социально-культурных изменений. olegbozh@newmail.ru

Браславский Руслан Геннадьевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора истории российской социологии. braslavru@yandex.ru

Винер Борис Ефимович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник группы социологи и психологии морали. wieneras@yandex.ru

Гегер Алексей Эдуардович — младший научный сотрудник сектора социологии науки и инноваций. ageger@gmail.com

Голод Сергей Исаевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений.

Гольберт Валентин Викторович — кандидат социологических наук, до марта 2010 г — заведующий сектором социологии девиантности и социального контроля. valja_golbert@mail.ru

Гурвич Иосиф Наумович — доктор психологических наук, главный научный сотрудник сектора девиантности и социального контроля. iosf@bk.ru

Дивисенко Константин Сергеевич — младший научный сотрудник группы социально-культурных изменений. divis@inbox.ru

Елисеева Ирина Ильинична — доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, директор Социологического института РАН. irinaeliseeva@mail.ru

Еремичева Галина Васильевна — кандидат философских наук, заведующая сектором исследования социальной структуры. eremag@mail.ru

Земнухова Лилия Владимировна — младший научный сотрудник сектора исследования социальной структуры.

Иванова Елена Александровна — кандидат исторических наук, заведующая сектором социологии науки и инноваций. eivanova@spbrc.nw.ru

Игнатова Светлана Николаевна — научный сотрудник сектора исследования социальной структуры. s_ignatova@hotmail.ru

Корнев Николай Ростиславович — кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник сектора исследования социальной структуры. nikorn33@mail.ru

Клёдин Александр Афанасьевич — кандидат социологических наук, заместитель директора СИ РАН по научной работе. klyotsin@list.ru

Костюковский Яков Викторович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии девиантности и социального контроля. spb-project@mail.ru

Максимов Борис Иванович — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник сектора социологии науки и инноваций. maximovbi@mail.ru

Панова Людмила Васильевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социологии здоровья. l_panova@list.ru

Порецкина Евгения Моисеевна — научный сотрудник сектора исследования социальной структуры. zhe1607@yandex.ru

Русакова Майя Михайловна — кандидат социологических наук, научный сотрудник сектора девиантности и социального контроля. rusakova.maia@yandex.ru

Русинова Нина Львовна — кандидат экономических наук, заведующая сектором социологии здоровья. nrusinova@gmail.com

Тукумцев Будимир Гвидонович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора социологии науки и инноваций. budimirt@yandex.ru

Цветаева Нина Николаевна — научный сотрудник группы социально-культурных изменений. tsvetni12@mail.ru

Щелкин Александр Георгиевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора истории российской социологии. presss@mail.ru

Яковлева Анна Александровна — кандидат социологических наук, научный сотрудник сектора социологии девиантности и социального контроля. anna@ngostellit.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
----------------	---

Методология и история социологии

<i>Браславский Р.Г.</i> Социологические модели современного российского общества: от глобальной модернизации к глобальной модерности	7
<i>Щелкин А. Г.</i> Теория цивилизации: от сингулярной модели в постмодернизме к поискам «нового синтеза»	30
<i>Винер Б.Е.</i> Когнитивная структура американской социологии как научной дисциплины по данным десяти американских социологических журналов за 2002–2006 гг.	38
<i>Гегер А.Э.</i> Изучение ценностных ориентаций социальных групп: взаимосвязь метода и получаемого результата	90

Семья и личность

<i>Голод С.И.</i> Современные немоногамные модели семьи	111
<i>Елисеева И.И., Клецин А.А.</i> Городская семья: современные тенденции	127
<i>Бурмыкина О.Н.</i> Социологические концептуализации семьи: анализ зарубежного и отечественного опыта	147
<i>Русинова Н.Л., Панова Л.В.</i> Социальные и экономические факторы индивидуального здоровья в современной России: многоуровневый анализ	157

Биография и общество

<i>Дивисенко К.С.</i> Концепция жизненного мира в трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля: горизонты социологического исследования	183
<i>Божков О.Б.</i> Возможности социальных изменений: о применении «теории практик»	199
<i>Цветаева Н.Н.</i> Биографический контекст социально-культурных изменений: резистентность к идеологическим нормам советского времени	220

Опыт изучения социального неравенства

<i>Еремичева Г.В., Евдокимова Е.П.</i> Социальное неравенство в постсоциалистических странах: отношение населения	232
--	-----

<i>Игнатова С.Н., Порецкина Е.М.</i> Можно ли решить проблемы социального неравенства? (По результатам анализа фокус-групп России и Беларуси)	259
<i>Корнев Н.Р.</i> Социально-групповое измерение уровня жизни в посткоммунистических странах Европы	286

Социологическое исследование модернизации

<i>Тукумцев Б.Г.</i> Анализ инновационной деятельности в научных учреждениях: культуральный подход	310
<i>Иванова Е.А.</i> Масштабы распространения грантовой системы РФФИ в научном сообществе Петербурга	362
<i>Максимов Б.И.</i> Состояние, динамика и факторы инновационной деятельности в сфере российского производства в начале 2000-х гг.	372
<i>Земнухова Л. В.</i> Работники сферы информационных технологий как профессиональная общность в современном обществе	402
<i>Гольбрайх В.Б.</i> Экологические проблемы в российской блогосфере. Экологические сообщества в Живом Журнале	421

Социология девиантности и социального контроля

<i>Белюсов К.Ю., Гольберт В.В., Костиюковский Я.В.</i> Девиантогенность потребления	444
<i>Русакова М.М., Яковлева А.А.</i> Региональная специфика современной российской проституции (на примере Санкт-Петербурга и Оренбурга)	455
<i>Бодановская З.Д., Гурвич И.Н., Русакова М.М.</i> Профилактика алкоголизации в системе мер сохранения и укрепления здоровья работников промышленных предприятий: результаты эмпирического исследования в трех городах Российской Федерации — Москве, Санкт-Петербурге и Петрозаводске	472
Сведения об авторах	501

SUMMARIES

R.G. Braslavsky. Theoretical frameworks of sociological analysis of contemporary Russian society: from global modernization to global modernity 7

Abstract: The article presents the logical reconstruction of the theoretical context of sociological debate about post-Soviet Russia. A starting point of this meta-theoretical analysis is modernization theory that is seen as a one part of a theoretical formation including also alternative theories of institutional divergence, local civilizations and capitalist world-system. A common trait of all these theories is adherence to building coherent, deterministic and reductionist models of social configurations. A new theoretical formation is represented by theories more sensitive to the contingency of global modernity and the variety of its institutional and cultural forms.

Keywords: post-soviet Russian society, modernization, globalization, modernity, coherency, contingency

A.G. Shchelkin. Theory of Civilization: from singular model in postmodernism to a “new synthesis” approach 30

Abstract: The notion of “civilization pluralism” seems to signify the simple fact: there is a huge diversity of civilization except the European one. However postmodern authors have reduced this observed phenomenon to the absurdness “All is civilization!”. This consequence means the ring of serious danger. The full relativism leads to such kind of a tolerance which can not be admit in many cases of human experience — in cases of decivilization especially.

The author suggests the model of the forming contemporary civilization. This model is based on the K. Jaspers’s notion of the “axis time” and D. Bell’s idea of the “axis principle” of a modern society.

Keywords: the principal of the “civilization plurality” in Postmodernism; the social danger of a “civilization opportunism/relativism”; the model of the forming contemporary civilization; K. Jasper’s notion of the “axis time” and D. Bell’s idea of the “axis principle” of a modern society.

B.E. Wiener. Cognitive Structure of American Sociology as a Scholastic Discipline According to Data of Ten American Sociological Journals 2002–2006 38

Abstract. Using references for 1783 articles from ten American non-specialized sociological journals, the study conducted divisive cluster analysis of these data in order to elucidate a cognitive structure of contemporary American sociology. 84 clusters were obtained and 83 of them were identified as corresponding to some area (or several areas) of sociology (75 clusters) or as interdisciplinary and belonging to an adjacent social discipline (10 clusters). Certain correlation was found between the identified clusters and sections of the American Sociological Association that form an institutional structure of American sociology as well as between the clusters and the other scholastic organizations and between the clusters and scholastic journals. At the same time, names of twenty sec-

tions of ASA out of 47 did not find correspondence among the obtained clusters, and names of eighteen clusters did not correlate with names of ASA's sections. Thus there is only partial association between cognitive and institutional structures of American sociology. At the same time, one can observe links between many of identified clusters with other American and international scholastic organizations and journals.

Keywords: sociology of sociology, sociology of social sciences, scientometrics

A.E. Geger. Studying human values of social groups: relationship between method and result 90

Abstract. The article describes the problem of searching of a relevant method for studying human values of social groups. Detailed classification of techniques on measurement of values is resulted. Results of the most popular researches of values in a context of techniques used in them are considered. Features and advantages of the reflective technique distinguishing studying of individual and group values, revealing specificity of a package of values of different groups are regularly presented.

Keywords: living values, measurement values, revealing values, reflective methods, relevant method to different categories of respondents, a package of values of the individual, a package of values of social group.

S.I. Golod. Modern non-monogamy models of family 111

Abstract. The paper deals with incomplete family. Unlike "maternal" family, a new sort of incomplete family originated in urban conditions. This kind of family is also specific due to high level of spouses' education and their economic independence. Besides, it does not based on illegitimate foundation. Moreover, incomplete family is sexually and intimately omnigenous. Such a diversion is often accompanied by a change of a partner, i.e. polygamy.

Keywords: polygamy, egalitarianism, intimacy, autonomy, psychological consonance

I.I. Eliseeva, A.A. Klyotsin. Urban family in Russia: modern tendencies 127

Abstract. The paper is devoted to the tendencies of changes the modern urban families in Russia. The main factors are described which could be stimulated such changes. It given the explanations as global as specific tendencies in the frame in the family changes which are underestimated nowadays.

Keywords. Urban family, modern tendencies, main factors, marriage

O.N. Burmykina. Sociological conceptualization family: analysis of foreign and domestic experience 147

Abstract. The article is devoted to studying the sociological concepts of the family and their transformations, presented in the works of foreign and domestic researchers. By the end of the last century in Western literature family diversity was considered normative. Definition of the family is no longer monolithic. It was converted in the direction of recognition diversity and awareness of the importance of emotional ties. Despite a large number of works in the field of sociology of the family in the country, the conceptualization of the family at all levels of knowledge and their changes over time do not

become the subject of substantial analysis. In recognition of the growing diversity of families rethinking of the understanding and definition of the family does not happen. The urgency of such an analysis becomes aware and domestic experts.

Keywords: family, family diversity, definitions of family, transformations of sociological conceptualizations of family

*N.L. Rusinova, L.V. Panova. Social and economic factors
of individual health in modern Russia: a multilevel analysis* 157

Abstract. In the present article an attempt of studying individual and societal factors influencing health of the regional population is undertaken, according to the frames of our research. Based on the NOBUS data (national survey of the well-being and participation in social programs), official statistics and CEMI RAS, we have implemented the analysis using the multilevel methodology, allowing to evaluate the independent impact on the perceived health, formed either on individual or regional level.

Resume: there is a pronounced pattern in evaluation of self state of health reflected in all the individual characteristics. Essential variations in self-evaluation of health between regions are basically determined by the composition of the population of the region. At the same time the application of multilevel analysis for the assessment of impact of individual and contextual factors on health permits to ratify that the subjective health status does not account fully for the effects of individual characteristics. Peculiarities of the social milieu are of a considerable importance in establishing the self- state of health.

Keywords: self evaluation of health, individual and societal characteristics, RF regions, multilevel analysis.

*K.S. Divisenko. The Lifeworld Concept
in Husserl's Transcendental Phenomenology:
Perspective of Sociological Inquiry* 183

Abstract. Intersubjectivity and theory of lifeworld arouse the greatest interest in transcendental phenomenology for sociology. This article considers basic ideas of Edmund Husserl's later works devoted to research the lifeworld as a universe of what is self-evident; and it also outlines the basic positions for the sociological study of lifeworld.

Keywords: lifeworld (Lebenswelt), Edmund Husserl, intersubjectivity, phenomenological sociology.

*O.B. Bozhkov. Opportunities of social changes:
about application "theory of practices"* 199

Abstract. There are two radical positions in the sociological problem "Human and Society". The first one is that the society has a dominant role. The second one that a human has a dominant role, as a human has a demands which should be satisfied. It is necessity to provide the orders of coordination between different interest of human and society. What arise a social changes and what are mechanisms — the aims of research project "Biography and the history of society in the process of social transformation"

Keywords: actual cases, practice, social-cultural changes, conditions, biography

N.N. Tsvetaeva. Biographical context of socio-cultural changes: ways of resistance to ideological patterns of soviet period 220

Abstract. The paper presents some qualitative analysis results of the Biographical collection obtained by Sociological Institute of RAS. The author examines how the ways of resistance to the ideological patterns of soviet period are described in the biographical narratives.

Keywords: biographical narratives, socio-cultural changes, soviet ideology.

G.V. Eremicheva, E.P. Evdokimova Social inequality at post-communist area: inhabitants' attitude 232

Abstract. Redundant social inequality in Russia influences socioeconomic development, stops integration into united European area. The research of inhabitants' attitude toward social inequality at post-communist area was a part of international comparative research, covered 13 European post-socialist countries, and included focus-groups with urban and rural population and mass survey in each country. The empirical analysis let us fix strong correlation between dissatisfaction by different aspects of life (caused by negative forms of social inequality, as respondents say) and the level of population and authority opposition. International comparison of opinions showed that Russia is one of the countries, where the attitude to social inequality, its beginnings and consequences are stronger, and, accordingly, needs to be in rapt attention and efficient actions of its weakening.

Keywords: social inequality, its forms and aspects, transformations, population and authority opposition.

S.N. Ignatova, E.M. Porezkina. Could be solved the problems of social inequality (results of analysis of focus-groups in Russia and Belarus) 259

Abstract. Paper is based on the results of focus-groups carried out within the framework of comparative international project «Social Inequality and Why it matters for the Economic and Democratic Development of Europe and Its Citizens: Post-Communist Central and Eastern Europe in Comparative Perspective» (2006-2009). Paper is devoted to the analysis of ways of alleviation of social inequality in Russia and Belarus suggested by respondents. The economic and political means of social inequality's softening are singled out and the role of social and political institutions in the lessening of social inequality in both countries is examined.

Keywords. Social inequality social and political institutions authorities economical policy economical and political behavior

N.R. Kornev. Social groups and measurements of their living standard at post-communist countries of Europe 286

Abstract. The article is devoted to analyses of estimations of living standard of households in 13 post-communist European countries received with questionnaire survey, the respondent's character of labor is used to determine his/her belonging to certain social group in each country. Subjective scaled estimates of each group actual living standard and its dynamics (self- and cross-group estimates) are interpreted as a measure of rela-

tive deprivation and feeling of inequality in the social groups and countries. The ranking of countries and social groups is fulfilled on the basis of their standard of living and level of inequality. These data used for characteristic of social situations in countries, to determine their specific/common features too.

Keywords: post-communist countries of Europe, social groups, living standard, aspects and measurements of economic inequality, averaged subjectivity, ranking, relative deprivation.

**B.G. Tukumtsev. Analysis of innovation activity in scientific organizations:
cultural approach 310**

Abstract. This paper provides some results of sociological analysis of innovative activity culture in the academic research institutes, executed in recent years. An attempt is made to estimate the normative cultural systems, developed there, from the point of view of cultural sociology. There are discussed the means of measuring some elements of these systems for the purpose of making the conditions of researchers' work (in the field of innovations) more respectable.

Keywords: innovative activity, cultural approach, academic research institutes

E.A. Ivanova. Scale of distribution grant system RFBR 362

Abstract. Competition-based funding of researches through the Russian Foundation for Basic Research became new institute of the national science and technological policy in 1993. Individual scientists or research teams were able to win additional funding for their researches through a competition.

The author collected data on all the RFBR's research grants received by scientists in St Petersburg from 1993 to 2007. The analysis of the data made possible to determine the level of the scientists' participation in the new competition mechanism, identify St Petersburg's research specialization and the research activity of individual scientists, organizations and institutional sectors (government, higher education, business, enterprise), as well as extent and tempo of emergence of the new scientist leaders who run the grants.

The analysis has suggested that since the first years St Petersburg researchers have learned quickly how to deal with the competition-based allocation method of funding, new in Russia.

The most active in getting grants are the government sector researchers and doing research in physics and biology.

Keywords: institute, competition-based funding of science, research grant

**B.I. Maksimov Position, dynamic and factors of innovation activities
in Russian production at the beginning 2000-th 372**

Abstract. The article examine status, dynamics, factors, specificity, perspectives of innovative activities into Russian production from the beginning 2000th. Author analyses of social mechanisms of innovative activities, applying statistical data. Basic conclusions are: there is a some progress of innovative development but a level of innovations remain in this process are very low; the factors of social nature and positive character requires a lot attention

Keywords. Innovative activity, actors, status, dynamics, factors, sphere of production, preconditions, atmosphere, social mechanism, negative, positive factors.

L.V. Zemnuhova. Employers of IT as a professional society 402

Abstract. One of the potentialities of resource approach to the social structure is examination of the professional groups. In terms of information society IT-sphere represents particular interest. The article contains basis of the professional community of IT-workers analysis. There are research urgency and community definition criteria, in particularly.

Keywords: information society, professional community, information technology, social structure, globalization, resource approach.

V.B. Golbraih. Environmental Problems in the Russian Environmental Communities in Live Journal 421

Abstract. The article is dedicated to the Russian blogosphere as a public space where people concerned about environmental problems, can without restriction to discuss various environmental issues. The article says about the ecological communities of one of the largest Russian blog hosting — “LiveJournal”. The author considers blogs as alternative media in relation to traditional media (press, radio, TV). Blogosphere in the opinion of the author is an important resource for the environmental movement in Russia. In this regard, the article focuses on the use of the blogosphere to mobilize readers on critical environmental problems. This paper presents a portrait of a blogger, a member of the analyzed communities. The article presents the results of the content-analysis of posts of two communities “LiveJournal” for three years are presented (environmental issues discussed in the communities, use of posts of communities for mobilization of readers, etc.).

Keywords: environmental sociology, media studies, Russian blogosphere, alternative mass media, environmental problems, environmental organizations

K.Y. Belousov, V.V. Golbert, Y.V. Kostukovsky.

Deviantogenic effects of consumption 444

Abstract. The consumer society possesses deviantogenic effects. The development of consumption culture inseparably linked with occurrence of social inclusion/exception effects, criminality, suicides and other forms of deviant behavior. Deviantogenic effects are connected with processes of occurrence consumer conformism and ability/inability of their satisfaction. Deviance in variety of cases becomes a mechanism, promoting an advancement of the goods or services.

Keywords: consumer society, consumer, deviance, advertising, conformism, culture, social control

M.M. Rusakova, A.A. Yakovleva Regional feature of prostitution in modern Russia (St. Petersburg and Orenburg as examples) 455

Abstract. This paper presents the results of the study among prostitutes in two Russian cities (Saint-Petersburg and Orenburg). The study includes social-demographical in-

formation, data about addictive and sexual behavior, and information about medical and social services which actual for this group. The main focus on this paper is on the regional feature of prostitutes' characteristics and sex-industry which must be taken into account in case of prevention planning.

Keywords: prostitution, deviance behavior, addictive behavior, drug abuse, social control

Z.D. Bodanovskaya, I.N. Gourvich, M.M. Rusakova.

**Prevention of alcohol consumption in the Health program
of manufacturing enterprises:**

results of observations in Moscow, St.Petersburg and Petrozavodsk 472

Abstract. The publication includes the results of analyses of employees' alcohol consumption prevention in 21 private organizations (Moscow, Saint-Petersburg, Petrozavodsk). Analyses were done by two ways: the content-analysis of interview with preventive programs' key employees and multiregression modeling including social-demographic characteristics and alcohol consumption indicators. The significant correlates were found such as gender, age, marital status, the level of education, having the additional professional education, the belonging to the religion.

Keywords: alcohol consumption, prevention, social-demographic characteristics, indicators

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Сборник научных трудов

Корректор *О.В. Афанасьева*
Оригинал-макет *С.В. Кассина*
Дизайн обложки *С.В. Кассина*

Подписано в печать 30.11.2010. Формат 60x84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 32
Тираж 300 экз. Заказ № 1882

Издательство «Нестор-История»
197110, СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел.: (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.rossica.su

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095, СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел.: (812)622-01-23